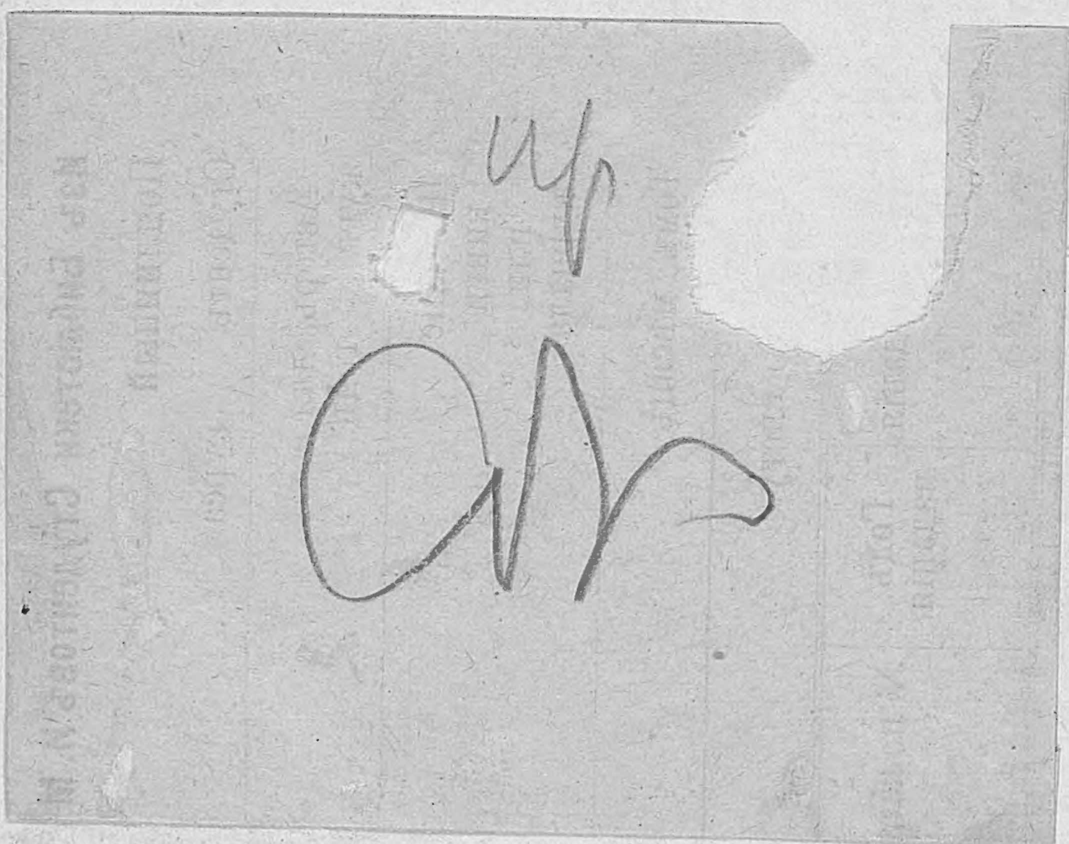
Кареев Н.
Западно-европейская абс. монархия.
Спб., 1908.

Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. IV.

Н. КАРѢЕВЪ.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХІЯ

XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЮРОКРАТИЧЕСКАГО ГОСУДАРСТВА И СОСЛОВНАГО ОБЩЕСТВА «СТАРАГО ПОРЯДКА».

Цѣна 2 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1908.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Это предисловіе — общее для двухъ книгъ, одновременно выходящихъ въ свѣтъ: для „Западно-европейской абсолютной монархіи XVI—XVIII вѣковъ" и для „Происхожденія современнаго народно-правового государства".

Обѣ эти книги стоятъ въ самой тѣсной связи между собою, прежде всего потому, что входятъ въ общую серію „Типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта". Въ 1902 году, принявъ на себя преподаваніе всеобщей исторіи на экономическомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Политехническаго Института, я задумалъ прочесть, написать и издать рядъ историческихъ курсовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы посвященъ отдѣльному типу государственнаго устройства. Приведеніемъ въ исполненіе этого моего плана было появленіе въ свѣтъ книгъ: „Государство-городъ античнаго міра" (1903), „Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра" (1904) и „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ" (1906). Теперь появляются въ печати сразу два новыхъ „типологическихъ курса" подъ указанными выше заглавіями. Что касается идеи типологическаго изученія исторіи, то она была мною разъяснена какъ въ самихъ этихъ курсахъ, такъ и въ особой статьѣ „Всемірно-историческая и типологическая точки зрѣнія въ изученіи исторіи" [1]).

---

[1]) Появилась въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института" и вышла въ свѣтъ отдѣльною брошюрою.

Первые два курса были посвящены древнему міру. Держась исторической послѣдовательности, я долженъ былъ бы посвятить третій курсъ „варварскимъ королевствамъ начала среднихъ вѣковъ“,—эта тема еще стоитъ у меня на очереди,—но я занялся въ немъ феодализмомъ („помѣстьемъ-государствомъ“) и сословною монархіею, къ которымъ теперь естественно примыкаютъ и абсолютизмъ новаго времени, и современное конституціонное государство, при чемъ исторія одного и другого въ теперь выходящихъ курсахъ поставлена въ особенно тѣсную связь и между собою: это — какъ бы лишь двѣ части общей исторіи политическихъ учрежденій и ученій новаго времени, въ то же время находящіяся одинаково въ связи съ курсомъ, вторая половина котораго имѣетъ предметомъ сословную монархію. Ближайшая связь „Абсолютной монархіи“ и „Народно-правового государства“ явствуетъ изъ разсмотрѣнія трехъ послѣднихъ главъ первой книги и III и XII главъ второй. Да и вообще, кромѣ того, нерѣдко въ одной книгѣ коротко говорится о томъ, что болѣе подробно разсматривается въ другой.

Во всѣхъ пяти курсахъ я держался одной основной идеи— разсматривать каждый политическій типъ, иллюстрируя общія положенія частными примѣрами изъ исторіи разныхъ государствъ, освѣщая исторію учрежденій исторіей идей и ставя все это въ необходимую связь съ исторіей экономическаго быта и классовыхъ отношеній. Это, однако, не вынуждало меня держаться въ построеніи отдѣльныхъ типологическихъ курсовъ какого-либо общаго для всѣхъ шаблона. И научныя, и педагогическія соображенія заставляли меня разнообразить самые планы моихъ типологическихъ курсовъ. Наприм., изъ двухъ первыхъ въ одномъ была особенно подчеркнута типологическая точка зрѣнія, тогда какъ въ другомъ я вынужденъ былъ особенно выдвинуть впередъ точку зрѣнія всемірно-историческую. Читатель увидитъ, что оба новые мои курсы составлены даже прямо по очень непохожимъ одинъ на другой планамъ.

Основная задача „Абсолютной монархіи“—дать общую ха-

рактеристику западно-европейскаго абсолютизма. Первыя четыре главы книги имѣютъ значенiе вступленiя, двѣ слѣдующiя — исторiи установленiя и утвержденiя абсолютизма, а съ седьмой главы начинается самая характеристика, распредѣленная по рубрикамъ династическихъ интересовъ, придворныхъ влiянiй, формъ законодательства и суда, военнаго и финансоваго дѣла, экономической и соцiальной политики, отношенiя власти къ религiи и къ другимъ сторонамъ духовной культуры и, наконецъ, политическихъ теорiй абсолютизма. Всему этому посвящено двѣнадцать главъ, занимающихъ 265 страницъ изъ 434. Къ нимъ можно причислить и главу XIX, дающую общую характеристику просвѣщеннаго абсолютизма, слѣдующiя же три главы разсматриваютъ уже эпоху постепеннаго паденiя абсолютизма, начиная съ французской революцiи.

„Народно-правовое государство" написано по другому плану. Во-первыхъ, въ этой книгѣ не дѣлается такихъ экскурсовъ изъ области политики въ области администрацiи и финансовъ, сельскаго хозяйства, промышленности и торговли или экономической политики, придворныхъ нравовъ и сословнаго быта, религiи и духовной культуры, какими полна книга объ абсолютной монархiи. Въ книгѣ о конституцiонномъ государствѣ все вниманiе сосредоточено на исторiи индивидуальной свободы, гражданскаго равноправiя и народнаго представительства безъ экскурсовъ, за немногими лишь исключенiями, въ другiя области. Задачею первой книги было дать изображенiе *результатовъ* разсматриваемой въ ней системы, задачею второй—представить *генезисъ* другой системы, смѣнившей или смѣняющей разсмотрѣнную въ первой. Если бы, далѣе, я сталъ во второй работѣ,— подобно тому, какъ это было сдѣлано въ первой,—располагать свой предметъ по такимъ, наприм., рубрикамъ, какъ гарантiи индивидуальной свободы, избирательныя системы, организацiя представительства, компетенцiя представительныхъ учрежденiй и пр., и пр., то въ результатѣ получился бы курсъ конституцiоннаго *права*, вродѣ „политико-морфологическаго обзора",

изданнаго въ 1907 г. С. А. Котляревскимъ [1]), а не *исторіи* конституціоннаго государства, какъ одного изъ общихъ типовъ государственнаго устройства.

Итакъ, вотъ въ чемъ разница между обѣими книгами съ этимъ общимъ для нихъ предисловіемъ. Въ первой преобладаетъ *характеристика* даннаго политическаго строя съ его результатами, по возможности, *во всѣхъ сторонахъ* исторической жизни, во второй на первомъ планѣ — *эволюція* только *основныхъ особенностей* другого политическаго строя. Употребляя термины контовской соціологіи, я бы сказалъ, что въ одной господствуетъ *статическая* точка зрѣнія, примѣненная къ *общему consensus*'у общественныхъ явленій, въ другой — *динамическая* и въ примѣненіи лишь къ *одному изолированно* взятому вопросу. Сдѣлано мною это вполнѣ сознательно и преднамѣренно по соображеніямъ отчасти научнаго, но болѣе педагогическаго характера.

По исторіи абсолютной монархіи и конституціоннаго государства написаны мною не эти только двѣ книги: ихъ исторія заключается и въ пяти томахъ моей „Исторіи Западной Европы въ новое время", доведенной до того же момента, какъ и „Народно-правовое государство". Въ этомъ большомъ трудѣ, возникшемъ изъ университетскихъ курсовъ въ Московскомъ (1878—79 гг.), Варшавскомъ (1879—84 гг.) и Петербургскомъ университетахъ (1885—1898 гг.), прошлое абсолютизма и конституціонализма было вдвинуто, такъ сказать, въ общія рамки всего историческаго движенія новаго времени въ такихъ его проявленіяхъ, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе XVIII вѣка и т. п., съ повѣствовательными и біографическими элементами [2]). Ни біографическихъ, ни повѣствовательныхъ эле-

---

[1]) *С. А. Котляревскій*. Конституціонное государство. Спб. 1907.

[2]) Общія рамки эти очерчены еще въ двухъ небольшихъ моихъ книжкахъ: „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени" и „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка"; съ первою изъ нихъ, въ смыслѣ изображенія одной и той же эпохи, стоитъ

ментовъ совсѣмъ нѣтъ въ обоихъ типологическихъ курсахъ изъ исторіи новаго времени, но за то въ нихъ дано немало такого, что или совсѣмъ отсутствуетъ въ „Исторіи Западной Европы“, или затронуто въ ней только вскользь [1]). Цѣлыя, въ высшей степени важныя стороны исторической жизни, съ другой стороны, обоими типологическими курсами совсѣмъ не разсматриваются. Особенно это приходится сказать о „Народно-правовомъ государствѣ“, сосредоточенномъ, по самой своей темѣ, исключительно на одной политикѣ и потому лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ касающемся исторіи экономическихъ отношеній, соціальныхъ движеній и соціалистическихъ ученій. Что авторъ придаётъ этой сторонѣ исторіи XIX в. очень важное значеніе, видно уже изъ того, что въ двухъ посвященныхъ XIX столѣтію томахъ „Исторіи Западной Европы“ всему этому отведено столько мѣста, какъ ни въ одномъ подобномъ общемъ трудѣ на какомъ бы то ни было языкѣ [2]), но въ „Народно-правовомъ государствѣ“ авторъ намѣренно ограничилъ себя тремя темами—индивидуальной свободы, гражданскаго равноправія и народнаго представительства—по мотивамъ, изложеннымъ въ первой же главѣ назван-

---

въ связи „Абсолютная монархія“, со второю — „Народно-правовое государство“. Общій характеръ обѣихъ—абстрактный, резюмирующій.

[1]) Въ „Абсолютной монархіи“ (стр. 7) на это указано. Вообще, въ этой книгѣ особенно пополненъ фактическій матеріалъ, касающійся разныхъ сторонъ государственнаго и общественнаго быта въ XVI—XVIII вв., а въ „Народно-правовомъ государствѣ“ фактическихъ дополненій сравнительно съ „Исторіей Западной Европы“ меньше, хотя они встрѣчаются и здѣсь. Главныя изъ нихъ—вся VII глава и послѣдніе отдѣлы въ XIX и XXIII главъ.

[2]) Въ четвертомъ томѣ главы XXII—XXVII, занимающія около четверти текста (163 страницы изъ 661) и главы V (торжество буржуазіи послѣ 1830 г.), IX—XI, XIII, XVI (по соціальной исторіи между 1830 и 1848 гг.), XXX (о крестьянскихъ реформахъ) и XXXI (о соціальномъ движеніи въ шестидесятыхъ годахъ), въ общей сложности составляющія тоже около четверти текста (болѣе 200 страницъ изъ 886).

ной книги. Отмѣчаю это во избѣжаніе могущихъ быть упрековъ въ томъ, будто я игнорирую одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторіи XIX в., хотя всякій внимательный читатель, конечно, самъ не пропуститъ сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ заявленій объ односторонности того направленія общественной мысли, которое ограничивалось однѣми политическими реформами безъ реформъ соціальныхъ.

Для того, чтобы не увеличивать еще болѣе объема обѣихъ книгъ, я не даю въ нихъ обзоровъ литературы предмета, тѣмъ болѣе, что пришлось бы выписывать всѣ библіографическія указанія изъ той же „Исторіи Западной Европы". Исключеніе я дѣлаю лишь для немногихъ общихъ трудовъ, имѣющихъ своимъ предметомъ абсолютную монархію. Равнымъ образомъ не прилагаю я къ этимъ книгамъ и историческихъ картъ, какія были помѣщены въ первыхъ трехъ типологическихъ курсахъ въ совершенно спеціальныхъ цѣляхъ.

Н. Карѣевъ.

1 января 1908 г.

ГЛАВА I.

Что такое „старый порядокъ"?

Предметъ настоящей книги.—Отношеніе ея къ другимъ типологическимъ книгамъ автора.—Двоякаго рода государства—съ участіемъ и безъ участія независимыхъ общественныхъ силъ въ дѣлахъ управленія.—Періоды исторіи западно-европейскаго государства. — Происхожденіе и значеніе термина „старый порядокъ". — Разновременность происхожденія отдѣльныхъ сторонъ „стараго порядка".—Базисъ и надстройка въ „старомъ порядкѣ".— Отношеніе настоящей книги къ соотвѣтственнымъ мѣстамъ „Исторіи Западной Европы въ новое время".

Предметъ настоящей книги—бюрократическое государство и сословное общество въ Западной Европѣ въ періодъ времени между концомъ средневѣковой сословной монархіи и началомъ новѣйшаго конституціоннаго государства. Въ хронологическомъ отношеніи, главнымъ образомъ, это—политическій и соціальный строй большей части западно-европейскихъ странъ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ [1]) съ ближайшими къ нимъ десятилѣтіями XV вѣка, съ одной стороны, и XIX вѣка, съ другой. Не указывая пока на предѣлъ взятой нами эпохи, отграничивающій ее отъ болѣе ранняго времени, отмѣтимъ только, что переходъ Западной Европы отъ абсолютизма къ конституціи затянулся на три четверти вѣка—отъ 1789 г., когда вспыхнула французская революція, до 1860 г., когда началась конституціонная жизнь Австріи.

Въ только-что обозначенныхъ хронологическихъ грани-

[1]) Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Спб. 1906. Стр. 193 и 345.

цахъ мы будемъ въ настоящей книгѣ изучать бюрократическое государство и сословное общество, какъ извѣстный историческій типъ, подобно тому, какъ это уже сдѣлано въ другихъ книгахъ: „Государство-городъ античнаго міра“, „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра“ и „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“, т.-е. къ разсмотрѣнію абсолютной монархіи XVI—XVIII столѣтій, здѣсь примѣняется та типологическая точка зрѣнія [1]), съ которой были разсмотрѣны въ названныхъ книгахъ греческія политіи съ Римомъ, пока онъ оставался городовымъ государствомъ, деспотіи древняго міра, начиная фараоновскимъ Египтомъ и кончая Римской имперіей, феодальныя сеньёріи, княжества и королевства и сословныя монархіи конца среднихъ вѣковъ. Если стать на точку зрѣнія хронологической послѣдовательности, эта книга является непосредственнымъ продолженіемъ „Помѣстья-государства и сословной монархіи“, но съ точки зрѣнія типологическихъ категорій „бюрократическое государство и сословное общество“ слѣдуетъ поставить въ ближайшую связь съ „Монархіями древняго Востока и греко-римскаго міра“, потому что и въ Европѣ XVI—XVIII вв., и въ древности мы въ сущности имѣемъ дѣло съ одною и тою же—при всѣхъ ея разновидностяхъ—политическою формою.

Я, именно, выдвигаю на первый планъ политическую форму, а не соціальный строй, который можетъ существовать при разныхъ политическихъ формахъ. Сословное общество мы находимъ не только при бюрократическомъ государствѣ абсолютной монархіи, но и при средневѣковыхъ представительныхъ („сословно-представительныхъ“) учрежденіяхъ, и при полномъ развитіи феодализма и т. д., все болѣе и болѣе подвигаясь въ глубь вѣковъ. Каковы бы ни были сословныя и классовыя отношенія въ обществѣ, послѣднее или принимаетъ участіе въ дѣлахъ государства, или, наоборотъ, въ этихъ дѣлахъ участія не принимаетъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народными вѣчами, племенными или городскими, со съѣздами знати, съ представительными собраніями сословнаго или безсословнаго состава, и если въ государствѣ существуетъ единый глава, т.-е. князь или король, то онъ такъ или иначе дѣлится властью съ общественными силами—съ народомъ, съ

---

[1]) См. мою брошюру „Всемірноисторическая и типологическая точки зрѣнія въ изученіи исторіи“.

знатью, съ сословіями, съ народнымъ представительствомъ, и эти общественныя силы принимаютъ то или другое участіе въ дѣлахъ правленія. Другое дѣло—государства, гдѣ общественныя силы исключены изъ участія въ политической жизни, гдѣ вся власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ и гдѣ единственными представителями и проводниками этой власти въ жизнь общества являются слуги верховнаго носителя власти, —чиновничество, бюрократія. Въ „Монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра" было указано, что государство такого типа сложилось еще въ фараоновскомъ Египтѣ [1]), что въ томъ же направленіи развивались и другія восточныя царства [2]), что форму восточной деспотіи приняли и эллинистическія монархіи, образовавшіяся изъ имперіи Александра Македонскаго [3]), и что римское государство, созданное завоевательной городовой республикой, равнымъ образомъ въ концѣ концовъ превратилось въ обширную бюрократическую деспотію, причемъ было отмѣчено въ процессѣ этого превращенія и общее вліяніе восточно-эллинистическихъ началъ и спеціальное вліяніе птолемеевскаго Египта [4]). Византія въ своемъ тысячелѣтнемъ существованіи (395—1453) была такою же бюрократическою деспотіею, ибо была лишь продолженіемъ Римской имперіи и притомъ какъ-разъ тамъ, на Востокѣ, откуда велъ свое историческое начало абсолютизмъ. Другимъ средневѣковымъ продолженіемъ восточной деспотіи былъ арабскій халифатъ, наслѣдникъ Новоперсидскаго царства Сассанидовъ [5]) и предшественникъ позднѣйшихъ Турціи и Персіи, которыя и въ новое время были для европейскихъ націй наиболѣе типическими представительницами „азіатскаго деспотизма".

Эпоха абсолютной монархіи на европейскомъ Западѣ была какъ бы возвращеніемъ къ политическимъ формамъ императорскаго Рима. Въ тысячелѣтній періодъ исторіи Запада, извѣстный подъ названіемъ среднихъ вѣковъ, тамъ господствовали иныя политическія формы, сначала такъ называемое вар-

---

[1]) Монархіи и пр., гл. V.
[2]) Тамъ же, гл. VI и IX.
[3]) Тамъ же, гл. XII.
[4]) Тамъ же, гл. XVI.
[5]) Тамъ же, стр. 351—352.

варское королевство [1]), потомъ феодализмъ, возникшій изъ разложенія варварскаго королевства и давшій начало своеобразной формѣ феодальной монархіи, и, наконецъ, монархія сословная, къ концу среднихъ вѣковъ начавшая уступать мѣсто абсолютизму, бывшему, какъ сказано возвращеніемъ къ той неограниченной монархіи, какую представляла собой Римская имперія.

Такимъ образомъ, деспотіи древняго Востока, эллинистическія царства и Римская имперія съ Византіей и съ параллельными образованіями царства Сассанидовъ, Халифата, Турецкой имперіи и новой Персіи (прибавлю и Китай), съ одной стороны, и абсолютныя монархіи европейскаго Запада (съ Россіей XVI—XIX вв.), съ другой, могутъ быть названы явленіями одного и того же политическаго порядка, и въ этомъ смыслѣ настоящая книга, хронологически, какъ мы видѣли, примыкающая къ книгѣ, гдѣ трактуется сословная монархія, въ типологическомъ отношеніи примыкаетъ къ другой книгѣ, къ той, гдѣ рѣчь идетъ о древнихъ монархіяхъ, начиная фараоновскимъ Египтомъ и кончая Римской (и параллельной съ нею Сассанидской) имперіей. Общее тутъ—большее или меньшее устраненіе общественныхъ силъ отъ дѣлъ правленія, сосредоточеніе неограниченной власти въ лицѣ главы государства, управленіе государствомъ исключительно при помощи государевыхъ слугъ.

Съ другой стороны, однако, западно-европейская абсолютная монархія такъ хронологически далека отъ древней Римской имперіи, что между ними наблюдаются и многія черты несходства.

Въ 1789 г., съ великой французской революціи, начинается періодъ крушенія абсолютизма на Западѣ и крушенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, сословнаго строя, образовавшагося на феодальной основѣ среднихъ вѣковъ, и на смѣну старой государственной и общественной формы приходитъ другая—форма народно-правового государства и безсословнаго общества [2]). Когда началась эта революція, то новому политическому и соціальному строю все, чему онъ приходилъ на смѣну, дано было во Франціи названіе „ancien régime“, старый порядокъ, и это названіе включено нами въ подзаголовокъ

[1]) Этой формѣ будетъ впослѣдствіи посвящена особая книга.

[2]) Этому тоже нами посвящается особая книга.

настоящей книги. „Старый порядокъ“, это—тѣ учрежденія и отношенія, которыя господствовали въ дореволюціонной Франціи, имъ аналогичныя или съ ними тожественныя, которыя одновременно существовали въ другихъ государствахъ и продолжали еще существовать въ первой половинѣ XIX в., наприм., въ „домартовское“ [1]) время въ Германіи, или тѣ учрежденія и отношенія, крушеніе которыхъ въ Россіи началось въ 1905 г.

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ первомъ отдѣлѣ третьяго тома своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“ я уже говорилъ о старомъ порядкѣ, опредѣляя этотъ терминъ въ смыслѣ „соединенія политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями“, что является только другимъ выраженіемъ мысли, заключающейся въ подзаголовкѣ настоящей книги. О томъ, въ какомъ отношеніи находится содержаніе послѣдней къ указанному отдѣлу моей „Исторіи Западной Европы“, я скажу нѣсколько дальше, а тутъ остановлюсь на самомъ употребленіи термина „старый порядокъ“.

Именно, въ подзаголовкѣ книги я предпочелъ его чисто хронологическому обозначенію, которое было мною дано въ началѣ настоящей главы. „Старый порядокъ“, это—историческій терминъ, пріобрѣтшій прочное право гражданства въ научной литературѣ, терминъ, конечно, какъ и многіе другіе, болѣе или менѣе случайнаго происхожденія и условный, но тѣмъ не менѣе, очень удобный, такъ какъ съ нимъ ассоціируется цѣлый рядъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ представленій объ извѣстномъ устройствѣ государства и состояніи общества. Когда мы произносимъ эти два слова, мы разумѣемъ подъ ними и старое абсолютное, бюрократическое, полицейское государство, и его систему всепроникающей опеки съ недовѣріемъ къ проявленіямъ общественной самодѣятельности и личной иниціативы подданныхъ, и его вѣроисповѣдную политику, исходившую изъ взгляда на религію, какъ на орудіе власти, и его преклоненіе передъ идеей государственности въ ущербъ правамъ и интересамъ гражданъ, и охрану имъ сословныхъ привилегій, разъ онѣ не мѣшали абсолютизму власти, съ особымъ покровительствомъ дворянству и принесеніемъ въ жертву какъ ему, такъ и государству крестьян-

---

[1]) Нѣмецкій терминъ „vormärzlich“, т.-е. бывшій до марта 1848 г., когда произошла въ Германіи большая революція.

ской массы, связанной путами крѣпостничества, и т. д., и т. д. „Старый порядокъ", это, однимъ словомъ, — особый строй жизни, между отдѣльными проявленіями котораго наблюдается извѣстный consensus — въ силу полнаго отрицанія за населеніемъ „правъ человѣка и гражданина", личной и общественной свободы, равно какъ гражданскаго равенства.

Многое въ этомъ комплексѣ учрежденій и отношеній, взглядовъ и привычекъ, обычаевъ и принциповъ, который мы вообще называемъ „старымъ порядкомъ", имѣетъ происхожденіе болѣе старое, чѣмъ разсматриваемая въ книгѣ эпоха. Въ общемъ соціальная сторона „стараго порядка", т.-е. дворянскія привилегіи, приниженное положеніе среднихъ классовъ, безправность и даже крѣпостное состояніе крестьянской массы, имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, нежели сторона политическая, т.-е. королевскій абсолютизмъ, бюрократическая централизація и полицейская опека или подчиненіе церкви государству, и потому со многими чертами стараго порядка читатель можетъ познакомиться и по „Помѣстью-государству и сословной монархіи" [1]). То, что есть вѣрнаго въ ученіи экономическаго матеріализма, такъ это — различіе въ исторической жизни народа базиса и надстроекъ: такимъ базисомъ „стараго порядка" было сословное общество, одною изъ надстроекъ — бюрократическое государство, которое, однако, въ лицѣ своего главы и его слугъ, обнаружило въ эту эпоху стремленіе къ тому, чтобы сдѣлаться самодовлѣющею силою, интересамъ и цѣлямъ которой должны были подчиниться всѣ общественные элементы. Абсолютизму эта задача удавалась, но только въ извѣстной мѣрѣ и до поры, до времени: рано или поздно общественный „базисъ" стремился выбиться изъ-подъ гнета государственной „надстройки", и тогда происходила политическая революція, во время которой совершалась и перестройка самого этого базиса. Въ „старомъ порядкѣ" болѣе древнее сословное общество, бывшее его базисомъ, сросталось въ одну довольно стройную, проникнутую общимъ духомъ систему съ бюрократическимъ государствомъ, игравшимъ роль надстройки, но когда между ними начался разрывъ, новыя общественныя силы, вы-

---

[1]) Ссылки на эту книгу въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ и дѣлаются, а здѣсь спеціально указываю въ ней на XXVI главу („Остатки соціальнаго феодализма и сословнаго строя при абсолютной монархіи").

росшія подъ старыми формами, стали искать для себя и новыхъ формъ, не только политическихъ, но и соціальныхъ.

Задача настоящей книги—изученіе стараго порядка, какъ особаго историческаго типа, родственнаго типу древнихъ монархій, но и отличнаго отъ нихъ типа, который въ новой исторіи Европы представленъ былъ главнымъ образомъ Франціей, Испаніей, Австріей, Пруссіей и другими менѣе важными государствами, каковы итальянскія и германскія княжества, Данія, отчасти Швеція и т. п. Матеріалъ, который положенъ въ основу этой книги, отчасти тотъ же, какой имѣется въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ „Исторіи Западной Европы въ новое время", отчасти новый, именно привлекаемый къ дѣлу потому, что здѣсь приходится подробнѣе останавливаться на нѣкоторыхъ сторонахъ предмета, въ „Исторіи Западной Европы" не разработанныхъ, или накопившійся въ исторической литературѣ уже послѣ написанія названнаго моего труда. Съ другой стороны, и обработка даннаго матеріала здѣсь иная, какъ сказано выше, типологическая, располагающая матеріалъ въ иномъ порядкѣ, дающая бо́льшее количество обобщеній и освѣщающая весь предметъ съ болѣе общей, соціологической точки зрѣнія [1]).

---

[1]) Въ виду этого иное въ настоящей книгѣ излагается полнѣе, иное, наоборотъ, много короче, чѣмъ въ „Исторіи Западной Европы". Въ послѣднемъ случаѣ за фактическими справками пришлось бы отсылать читателя постоянно къ этому труду, въ которомъ, кромѣ указаннаго отдѣла въ III томѣ о старомъ порядкѣ (главы 2—4 и 6—10), ближайшее отношеніе къ предмету настоящей книги имѣютъ: т. I, гл. 10 (Королевская власть во Франціи), 18 и 19 (Цехи и денежное хозяйство), 24 (Политическая оппозиція католицизму), 32 (Гуманистическая политика); т. II, гл. 12 и 13 (Нѣмецкіе князья, лютеранская реформація и императоръ), 17 (Монархическія реформаціи первой половины XVI в.), 21 (Общій взглядъ на католическую реакцію), 30 (Утвержденіе абсолютизма во Франціи), 31 (Организаціонная работа французской монархіи), 40—43 (Главы о Людовикѣ XIV) и дополнительная глава (объ экономической исторіи XVI в.); т. III, кромѣ отмѣченныхъ выше: гл. 19—28 (Отдѣлъ о просвѣщенномъ абсолютизмѣ) и 30—32 (Царствованія Людовика XV и Людовика XVI до 1789); т. IV, гл. 7 (Внутренняя политика консульства и импе-

ГЛАВА III.

Общій взглядъ на исторію абсолютизма.

Историческая распространенность неограниченной монархической власти.— Раннее появленіе ея въ исторіи.—Древне-восточный взглядъ на божественность царской власти. – Греческіе и римскіе взгляды на монархическую власть въ республиканскую эпоху.—Античная тираннія.—Начало идеализаціи монархіи въ IV в. до Р. Х.—Царская власть при Александрѣ Македонскомъ и въ эллинистическихъ монархіяхъ.—Римскій цезаризмъ и его теоретическія объясненія. — Теократическій характеръ имперіи Діоклетіана.—Царская власть въ ученіи церкви.—Императорская власть въ Византіи.—Вліяніе римскихъ и византійскихъ традицій на новые народы.— Живучесть традицій абсолютизма въ средневѣковой политической литературѣ. — Роль средневѣковыхъ легистовъ въ исторіи утвержденія абсолютизма въ Западной Европѣ.

Неограниченная монархическая власть является въ исторіи одною изъ наиболѣе распространенныхъ формъ и притомъ формою весьма древнею. Мы встрѣчаемъ ее какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, въ государствахъ какъ малыхъ, такъ и большихъ размѣровъ, на разныхъ ступеняхъ культуры, у разныхъ расъ, въ обществахъ разнаго устройства. И въ настоящее время почти вся Азія живетъ, а еще недавно и рѣшительно вся жила подъ властью неограниченныхъ государей, и не такъ давно почти вся Европа тоже состояла изъ абсолютныхъ монархій. Свободныя формы въ исторіи скорѣе являются исключеніями изъ общаго правила, и это были или только-что складывавшіяся государства, въ которыхъ едва только формировалась власть, какъ это было у евреевъ въ эпоху судей, у грековъ гомеровской эпохи, въ тацитовской Германіи и т. п.,

---

ріи), 9—10 (Разложеніе стараго порядка въ Германіи и особенно въ Пруссіи), 13 (Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи реставраціи), 16 (Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи); т. V, гл. 8 (Реакція тридцатыхъ годовъ въ Германіи), 18 (Состояніе Западной Европы наканунѣ 1848 г.) и 25 (Общая реакція пятидесятыхъ годовъ XIX в.).

или немногіе пункты въ родѣ государствъ-городовъ древней Греціи или Рима въ эпоху республики, гдѣ устанавливался общинный строй, или во времена разложенія государственности, когда верховная власть расходилась по рукамъ помѣщиковъ, или когда, наконецъ, особыя историческія обстоятельства и въ частности особыя условія общественности и культуры создавали такія формы государства, какъ сословная или конституціонная монархія.

Распространенности неограниченной монархіи соотвѣтствуетъ и ея древность. То, что мы знаемъ изъ Библіи и отъ Геродота о началѣ царской власти у евреевъ и у мидянъ, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ быстро единоличная власть, возникшая у того или другого народа древности, дѣлалась деспотическою [1]), каковою и оставалась до конца существованія каждаго государства. Египетъ, древнѣйшее большое государство міра, насколько лишь мы можемъ прослѣдить вглубь его исторію, является намъ характерной деспотіей, распоряжающейся всею народною жизнью при помощи многочисленныхъ чиновниковъ [2]). Большія монархіи Передней Азіи, оба Вавилонскія царства, т.-е. и старое временъ Гаммураби, и новое эпохи Навуходоносора, равно какъ Мидія и Лидія, а потомъ и Персія, всѣхъ ихъ поглотившая, были тоже деспотіями [3]).

Могущество восточнаго деспота опиралось не только на матеріальную его силу, на его богатства и на его воиновъ, но и на его моральный авторитетъ въ сознаніи подданныхъ: ему поистинѣ повиновались не только за страхъ, но и за совѣсть. Носители древнѣйшей царской власти были нетолько правителями-судьями и военачальниками народа, но и его высшими жрецами, посредниками между людьми и богами [4]), отъ которыхъ они получали свою власть надъ себѣ подобными: недаромъ же даже древніе греческіе цари, никогда не бывшіе неограниченными повелителями своихъ народцевъ, назывались διογενεες и διοτρεφεες, т.-е. рожденными и вскормленными верховнымъ богомъ, Зевсомъ [5]). Это царское званіе

---

1) См. Монархіи, стр. 33—34.

2) Тамъ же, стр. 62 и слѣд.

3) Тамъ же, гл. VI и IX.

4) Государство-городъ, стр. 37—38. Монархіи, стр. 35, 37—38.

5) Государство-городъ, стр. 58.

было не только священнымъ въ силу своего жречества, но и божественнымъ по самой своей природѣ. Египетскій фараонъ былъ самъ богомъ и верховнымъ жрецомъ собственной своей божественности [1]). Это было уже настоящее обоготвореніе царской власти, которое, начавшись въ фараоновскомъ Египтѣ, пережило его національную самостоятельность, нашло себѣ примѣненіе въ монархіи Александра Великаго и его преемниковъ, а затѣмъ утвердилось и въ Римской имперіи въ извѣстномъ культѣ цезарей [2]). Подчиненіе восточному взгляду на власть, какъ на нѣчто божественное, со стороны потомковъ тѣхъ самыхъ грековъ и римлянъ, которые гордились своею свободою въ смыслѣ отсутствія у нихъ царей, было явленіемъ, глубоко знаменательнымъ въ исторіи античнаго государства.

Въ эпоху наибольшаго расцвѣта республиканскихъ учрежденій Греціи и Рима единовластіе, дѣйствительно, считалось несовмѣстимымъ съ гражданскою свободою. Такъ, наприм., у Эврипида мы читаемъ слѣдующія заявленія: „ничто не можетъ быть гибельнѣе для государства, какъ господство одного человѣка; гдѣ нѣтъ общаго закона, тамъ есть господинъ, который въ себѣ заключаетъ весь законъ, такъ что одинаковаго права уже быть не можетъ“, и „наше государство не управляется однимъ человѣкомъ, но свободно, ибо граждане въ немъ ежегодно по очереди смѣняются у власти“. Въ томъ же смыслѣ и Цицеронъ писалъ, что, „свобода можетъ существовать только въ такомъ государствѣ, въ которомъ верховная власть находится въ рукахъ народа“ [3]).

Впрочемъ, и греческія государства-города не чужды были по временамъ формъ абсолютной монархіи. Я говорю здѣсь о тиранніи, которая была единоличнымъ захватомъ верховной власти, опиравшимся на военную силу, захватомъ притомъ въ личныхъ же интересахъ узурпатора. Здѣсь тѣмъ болѣе умѣстно объ этомъ упомянуть, что древне-греческая тираннія повторилась въ исходѣ среднихъ вѣковъ въ итальянскомъ принципатѣ, одной изъ раннихъ формъ западно-европейскаго абсолютизма новаго времени [4]). Извѣстно, какъ смотрѣлъ Аристотель на происхожденіе и значеніе тиранніи. По его мнѣнію,

---

[1]) Монархіи, стр. 60—61.

[2]) Тамъ же, стр. 152, 231 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 141.

[4]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ V.

древнѣйшей формой государственнаго устройства было царство (βασιλεία), за которымъ слѣдовала олигархія, въ свою очередь смѣненная тираннiей, причемъ царство онъ относитъ къ числу правильныхъ формъ, а тираннію—къ числу неправильныхъ, различая между ними въ зависимости отъ того, совершается ли властвованіе въ интересахъ общаго блага или въ своекорыстномъ интересѣ властвующихъ [1]). Извѣстна и та общая характеристика тиранніи, которую мы находимъ у Аристотеля и которою впослѣдствіи широко воспользовались противники абсолютизма въ новое время, извѣстные подъ названіемъ монархомаховъ. Именно, основными чертами политики тиранновъ великій философъ называетъ недовѣріе ко всякимъ собраніямъ и сообществамъ гражданъ, развитіе соглядатайства, отнятіе у народа оружія, образованіе наемной охраны, а также стремленіе къ тому, чтобы народъ постоянно чувствовалъ нужду въ самомъ правителѣ, какъ оберегателѣ гражданъ и отъ внѣшнихъ враговъ, и отъ внутреннихъ противниковъ [2]). Противополагая вообще правильныя формы неправильнымъ, „басилію“—тиранніи, аристократію—олигархіи, политію—демократіи, Аристотель находилъ, что изъ правильныхъ формъ первая могла бы быть вообще наилучшею, еслибы единоличною властью пользовался идеальный государь [3]).

Нужно, однако, замѣтить, что Аристотель жилъ уже въ ту эпоху греческой исторіи, когда прежній республиканскій идеалъ значительно потускнѣлъ, и когда среди такихъ людей, какъ Ксенофонтъ, Демосѳенъ или Исократъ, обнаруживались извѣстныя монархическія тенденціи [4]). Съ этой эпохи стала даже разрабатываться особая политическая теорія идеальной монархіи, правленія одного человѣка, имѣющаго право на власть не потому, чтобы онъ былъ божественнаго происхожденія или самъ былъ богомъ, а потому, что природа его надѣлила высшими качествами ума и воли. Власть такого „царственнаго мужа“, по этому воззрѣнію, могла быть абсолютною, лишь бы внутренній законъ разума и добродѣтели устранялъ при этомъ въ дѣятельности правителя всякій произволъ и всякую несправедливость: въ этомъ случаѣ государь былъ бы

[1]) Ср. Государство-городъ, стр. 93 и 96.

[2]) Ср. Тамъ же, стр. 109.

[3]) Тамъ же, стр. 96.

[4]) Монархіи, стр. 142.

самъ „живымъ закономъ“ и могъ бы безъ вреда для свободы и благополучія гражданъ стоять выше закона [1]). Въ эпоху Александра Македонскаго и эллинистическихъ царствъ вплоть до возникновенія въ Римѣ императорской власти, представители разныхъ греческихъ философскихъ школъ писали трактаты, каковы должны быть единоличные правители государства, обладающіе неограниченною, „безотвѣтственною властью“ (ἀνυπεύθυνος ἀρχή). Они попрежнему различали басилію и тираннію не по способу пріобрѣтенія власти законнымъ путемъ или узурпаціей, не по объему власти, такъ или иначе ограниченной или безграничной, а смотря потому, пользуется ли государь этою своею властью въ интересахъ государства или въ своихъ личныхъ интересахъ. Греческій писатель Діонъ Хрисостомъ, жившій уже во II в. по Р. Х., настаивавшій на томъ, что есть царская власть, и есть тираннія, за первою тѣмъ не менѣе признавалъ безотвѣтственность и неограниченность въ дѣлѣ изданія законовъ, ибо „царь выше законовъ“ (μείζων τῶν νόμων) и самъ законъ является не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ царской воли, догматомъ царя (ὁ δὲ νόμος βασιλέως δόγμα). Идеальный царь Діона долженъ былъ быть „отцомъ гражданъ и подвластныхъ“ и не желать называться господиномъ по отношенію не только къ свободнымъ, но и къ рабамъ. Въ этомъ своемъ представленіи Діонъ охотно возвращается къ древне-греческому взгляду на богодарованность царской власти, ибо качества, необходимыя для идеальнаго правителя, можетъ дать только великій Зевсъ, общій отецъ боговъ и людей [2]).

Все это были, конечно, только благія пожеланія, которымъ отнюдь не соотвѣтствовала дѣйствительность. Когда Александръ Македонскій покорялъ Персидскую монархію, его учитель Аристотель совѣтовалъ ему сдѣлать въ способѣ управленія государствомъ различіе между греками и варварами. Философъ, вообще думавшій, что одни люди по природѣ свободны, а другіе по природѣ же рабы, смотрѣлъ на эллиновъ, какъ на людей, которыми можно управлять только „гегемонически“, варвары же, по его мнѣнію, должны были управляться „деспотически“. „Варвары, — писалъ онъ, — по природѣ своей суть люди болѣе рабскаго характера“ и „деспо-

[1]) Тамъ же, стр. 143.

[2]) Тамъ же, стр. 260—262.

тическое правленіе переносятъ безъ непріязни", тогда какъ добровольное же подчиненіе власти есть одно изъ необходимыхъ условій существованія басиліи, какъ таковой, въ отличіе ея отъ тиранніи [1]). Александръ Македонскій не послушался наставленій своего учителя, и его монархія для грековъ была не греческой басиліей, а восточной деспотіей [2]). Власть Александра была не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ власти персидскаго царя со всѣми вавилоно-ассирійскими и египетскими элементами, которые она въ себя впитала, и въ частности провозглашеніе новаго владыки Египта сыномъ Аммона было возвращеніемъ къ традиціямъ фараонизма. Имперія македонскаго завоевателя распалась, но существо „деспотической" его власти сохранилось и въ эллинистическихъ царствахъ: общая ихъ черта—„та, что въ нихъ власть принадлежала неограниченному государю, который видѣлъ въ государствѣ свою наслѣдственную собственность, управляя ею при помощи исключительно отъ него зависѣвшихъ агентовъ и опираясь главнымъ образомъ на военную силу, и который въ глазахъ своихъ подданныхъ являлся своего рода земнымъ богомъ" [3]). Когда возникла единоличная власть въ Римской республикѣ, восточно-эллинистическіе порядки и воззрѣнія и на нее также потомъ оказали свое вліяніе.

Римская императорская власть, сдѣлавшаяся очень быстро абсолютною и въ концѣ концовъ принявшая сама формы восточной деспотіи, была происхожденія гораздо болѣе сложнаго, чѣмъ власть царей Египта, Ассиро-Вавилоніи, Персіи и даже Александра Македонскаго съ его преемниками [4]). Римскій цезаризмъ былъ, во-первыхъ, какъ бы повтореніемъ—только въ бо̀льшихъ размѣрахъ—греческой тиранніи, захвата власти однимъ лицомъ, опиравшимся на демократію въ ея борьбѣ съ аристократіей, и притомъ послѣ длиннаго періода гражданскихъ междоусобій, подрывавшихъ республиканскую конституцію государства. Во-вторыхъ, новая власть,—принципатъ, какъ мы ее называемъ,—образовалась путемъ сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ разныхъ республиканскихъ должностей, выдѣлившихся изъ первоначальной единой царской власти, съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 376—377.

[2]) Тамъ же, глава XI.

[3]) Тамъ же, стр. 159.

[4]) Ср. тамъ же главу XIV.

присоединеніемъ къ нимъ еще должности плебейскаго трибуна, принявшей къ концу республики демагогическій характеръ. Принципатъ былъ, такъ сказать, чрезвычайной республиканской магистратурой, чѣмъ-то въ родѣ постоянной диктатуры. Въ третьихъ, въ рукахъ того же лица сосредоточивался весь „имперій“ римскаго государства, т.-е. державная власть римскаго народа надъ завоеванными областями, провинціями. До того времени этотъ *imperium* былъ раздѣленъ между многими намѣстниками, которые въ провинціяхъ, бывшихъ раньше эллинистическими царствами, являлись наслѣдниками прежнихъ царей, такъ что когда одинъ изъ гражданъ Рима, сдѣлавшійся по отношенію къ своимъ согражданамъ принцепсомъ (Аристотель сказалъ бы „гегемономъ“), вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и державную власть Рима надъ провинціями, то произошло въ его пользу какъ бы возстановленіе старой царской власти, которою обладали преемники Александра, самъ Александръ, основатели персидскаго могущества Киръ, Камбизъ и Дарій со всѣми ихъ ассиро-вавилонскими и египетскими предшественниками. Наконецъ, не забудемъ еще, что основатель принципата, Октавіанъ Августъ, былъ предводителемъ частнаго наемнаго войска, т.-е. своего рода кондотьеромъ.

Сложившаяся изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, изъ демагогіи и кондотьерства, изъ республиканской магистратуры и намѣстническихъ полномочій въ провинціяхъ, изъ чисто-римскихъ и восточно-эллинистическихъ началъ, эта римская императорская власть въ своемъ развитіи, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе получала объемъ и пріобрѣтала характеръ эллинистической басиліи, т.-е. обожествленнаго абсолютизма, неограниченной и безотвѣтственной власти, дарованной ея носителю свыше.

Уже вѣкъ спустя послѣ образованія принципата упомянутый выше Діонъ Хрисостомъ видѣлъ въ этой власти отнюдь не республиканскій магистратъ (ἀρχή, по его терминологіи), но или басилію, или тираннію, смотря по тому, какъ, т.-е. хорошо или дурно, пользовался принцепсъ своею властью [1]). Какими бы политико-юридическими опредѣленіями ни была обставлена въ самомъ своемъ началѣ римская императорская власть, и какъ бы Августъ, въ противоположность Цезарю,

---

[1]) Тамъ же, стр. 262.

ни старался замаскировать ея царскій характеръ, фактически эта власть была абсолютной. Знаменитая „lex de imperio Vespasiani“ формально передавала императору „право и власть дѣлать и совершать все, что онъ сочтетъ нужнымъ въ интересахъ государства, божескихъ и человѣческихъ, общественныхъ и частныхъ дѣлъ“, съ прибавленіемъ къ этому указанія на законность и обязательность всего, что будетъ „сдѣлано, совершено, рѣшено или приказано императоромъ либо кѣмъ-либо инымъ по его повелѣнію или порученію“, какъ еслибы все это исходило изъ воли самого народа. Юристы II и III в. уже прямо ссылались на „царственный законъ о верховной власти“ (lex regia de imperio), которымъ римскій народъ переносилъ на принцепса „все свое право и державство“ (omne suum jus et omne imperium), и въ силу этого называли законъ волеизъявленіемъ государя: „что благоугодно государю, имѣетъ силу закона“ (quod principi placuit legis habet vigorem“), говорили юристы [1]), повторяя въ сущности ученіе Діона о законѣ, какъ „догматѣ“ царя, ибо греческое слово δόγμα значитъ между прочимъ: все найденное хорошимъ, то, что заблагоразсудилось (quod placuit), предписаніе, правило.

Римскіе политическіе писатели довольно долго и упорно старались проводить извѣстную границу между принципатомъ и восточно-эллинистической басилией, но фактически первый все болѣе и болѣе сливался со второю. Если Августъ, по словамъ греческаго историка Діона Кассія, протестовалъ, когда его называли господиномъ, т.-е. по-гречески деспотомъ, и слово „princeps“ переводилъ на греческій языкъ словомъ „гегемонъ“ (ἡγεμών), то уже ближайшіе преемники Августа отбросили всякую щепетильность относительно титуловъ и формъ, прямо подражая восточнымъ царямъ и громко заявляя, что имъ „позволено все и по отношенію ко всѣмъ“, что, другими словами цезарь „все можетъ“, и требуя себѣ божескаго поклоненія [2]). Воспитатель будущаго императора Нерона, Сенека, писалъ, что „въ рукѣ цезаря находится рѣшеніе, у кого какая будетъ судьба и положеніе“, что судьба черезъ цезаря распредѣляетъ между смертными свои опредѣленія, или что „къ нему никто не обратится съ запросомъ“ (объ основа-

[1]) Тамъ же, стр. 254—255.

[2]) Тамъ же, стр. 240—251 и 259.

ніяхъ рѣшенія) и т. п. Все различіе царской власти и тираніи для Сенеки заключалось въ томъ, что царь пользуется властью разумно и справедливо, тогда какъ тираннъ ею злоупотребляетъ, по характеру же положенія (specie fortunae) и по неограниченности правъ (licentia) оба вида власти — одно и то же [1]). Пусть послѣ убіенія Домиціана, объявившаго себя „владыкою и богомъ", произошла реакція, и въ такъ называемый счастливый періодъ имперіи (отъ Нервы до Марка Аврелія включительно) сами императоры смотрѣли на себя не какъ на господъ, а какъ на уполномоченныхъ государства, по отношенію къ которымъ у нихъ есть свои обязанности [2]), сущности дѣла это не измѣняло, и Римская имперія была то монархіей, то деспотіей, смотря по тому, управлялъ ли ею Траянъ или кто-либо, подобный Нерону, Домиціану, Коммоду. Правда, въ эту эпоху Плиній Младшій пытался доказать, что принципатъ не есть „доминація", т.-е. деспотія, и что въ этомъ смыслѣ онъ не тожественъ съ царскою властью (regnum), находящеюся вообще въ родствѣ со всѣмъ тѣмъ, что порождаетъ несвобода (captivitas), но и онъ, полагая, что государь (princeps) не есть господинъ (dominus), тѣмъ не менѣе находилъ, что въ принципатѣ „все находится подъ изволеніемъ (sub arbitrio) одного, который ради общей пользы взялъ на себя заботы и труды всѣхъ". Плиній хвалилъ Траяна за то, что онъ „занимаетъ положеніе принцепса, чтобы не было мѣста для господина", идеаломъ же его былъ такой порядокъ вещей, при которомъ управляемые, подчиняясь государю, въ сущности подчинялись бы законамъ, и въ его власти видѣли бы только человѣческое учрежденіе, созданное для сохраненія людей [3]).

Постепенное превращеніе полуреспубликанскаго, полумонархическаго (въ теоріи больше, чѣмъ на практикѣ) принципата въ откровенную деспотію по восточному образцу совершилось при Діоклетіанѣ, на рубежѣ III и IV вѣковъ нашей эры. Это было постепенное внѣдреніе оріентальныхъ началъ въ римскія формы, и не даромъ, наприм., современные историки въ римскомъ понятіи „величества" (majestas), перенесенномъ съ народа на принцепса, видятъ, съ другой сто-

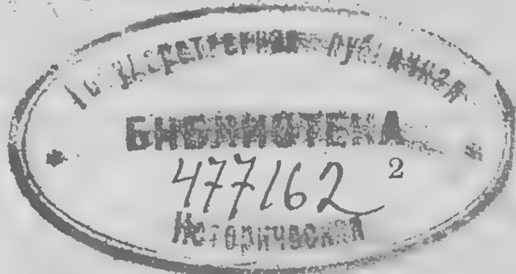
---

1) Тамъ же, стр. 259—260.
2) Тамъ же, стр. 251—252.
3) Тамъ же, стр. 264—265.

роны, отголосокъ восточнаго взгляда на государя, какъ на существо высшаго порядка [1]). Культъ императоровъ въ Римѣ имѣетъ свою исторію, и какихъ бы для него объясненій мы ни искали въ прошломъ самого Рима, въ концѣ концовъ мы обязаны признать, что онъ сложился въ Римской имперіи подъ эллинистическими вліяніями, которыя въ свою очередь были не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ древне-восточныхъ традицій, въ особенности египетскаго фараонизма. Мало того: по отношенію къ тому теократическому характеру, который при Діоклетіанѣ принялъ римскій абсолютизмъ, можно прямо сказать, что многія формы его проявленій были прямо заимствованы изъ придворной жизни въ столицѣ Сассанидовъ, преемниковъ великихъ царей Персіи. Начиная съ Діоклетіана къ особѣ монарха и всего, что его окружало, стали прилагаться предикаты божественности и святости: это былъ „божественный самодержецъ" (θεῖος αὐτοκράτωρ), „святой царь" (ἅγιος βασιλεύς) и т. п.; это было существо, которому подобаетъ оказывать „богоравное" (ἰσόθεος) поклоненіе въ формахъ славословій (εὐφημίαι) и паденія ницъ (προσκύνησις) предъ лицомъ его и т. п. [2]). Съ другой стороны, императорскій дворецъ, „палацій" (palatium), бывшій центромъ имперскаго управленія, тоже получаетъ названіе „священнаго" (sacrum), и этотъ же предикатъ давался высшимъ чинамъ государства, каковы были квесторъ „священнаго" дворца, нѣчто въ родѣ перваго министра, или управляющій „священными" щедротами (comes sacrarum largitionum), министръ финансовъ [3]). Прибавимъ, что съ самаго же начала римскій императоръ былъ не только глава государства, но и глава религіи въ качествѣ верховнаго жреца (pontifex maximus), титулъ котораго императоры сохраняли даже въ начальную эпоху христіанизаціи имперіи, такъ что въ римской императорской власти снова соединились съ гражданскимъ и военнымъ ея значеніемъ и древняя религіозная функція жречества [4]).

Христіанская церковь, съ своей стороны, тоже признала эту власть. Какіе бы взгляды ни возникали въ богословской литературѣ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и

[1]) Тамъ же, стр. 232.
[2]) Тамъ же, стр. 237—238.
[3]) Тамъ же, стр. 275—276.
[4]) Тамъ же, стр. 233—234 и 346.

государства, духовной и свѣтской власти, по отношенію къ послѣдней духовенство проповѣдовало безусловное повиновеніе, „нѣсть бо власти аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляйся власти, Божію противится установленію“, какъ сказано у ап. Павла въ Посланіи къ римлянамъ. Великій отецъ западной церкви, бл. Августинъ, правда, видѣлъ въ установленіи власти въ человѣческомъ обществѣ наказаніе за грѣхопаденіе, но это не только не мѣшало ему, но прямо заставляло и его требовать отъ вѣрующихъ смиреннаго подчиненія власти. Даже злымъ тираннамъ слѣдуетъ, по его словамъ, повиноваться, ибо и имъ дается власть господствовать лишь Божіимъ соизволеніемъ (nisi Dei providentia). Императоръ, какъ онъ говоритъ, не подчиненъ тѣмъ же законамъ, какъ и остальные люди, и можетъ издавать другіе законы. Амвросій Медіоланскій въ своемъ ученіи о власти ссылался на слова пророка Даніила: „всѣ царства отъ Бога, и онъ раздаетъ ихъ, кому хочетъ“ и на извѣстный текстъ о воздаяніи кесарева кесарю, и находилъ, что „царю, дѣйствующему властью, полученною отъ Бога, и повиноваться надлежитъ, какъ самому Богу“. Бл. Іеронимъ, равнымъ образомъ, упоминая предписаніе апостоловъ, требуетъ совершеннаго повиновенія царямъ и вообще всякимъ властямъ предержащимъ.

Въ настоящей книгѣ, посвященной болѣе близкимъ къ намъ XVI—XVIII вѣкамъ, я далъ этотъ бѣглый очеркъ абсолютной монархіи въ древности и въ частности римской императорской власти, какъ преемницы оріентальныхъ и эллинистическихъ царей, въ виду того, что съ паденіемъ Римской имперіи античный абсолютизмъ не кончилъ своего существованія: кое-что изъ него продолжало жить въ жизненныхъ традиціяхъ и порядкахъ варварскихъ королевствъ, а вся его сущность и пріобрѣтенныя имъ формы во всей неизмѣнности цѣлое тысячелѣтіе сохранялись въ Византіи, откуда оказывали вліяніе на новыя націи; многое изъ него, наконецъ, возродилось на Западѣ въ общественномъ сознаніи, когда жизнь постепенно привела средневѣковыя сословныя монархіи къ порогу новаго абсолютизма.

Исторія царской власти въ Византіи можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ живучести извѣстныхъ формъ при необычайно частыхъ переворотахъ, когда они направлены противъ лицъ, а не противъ порядковъ. Положеніе ви-

зантійскаго автократора на престолѣ было по временамъ крайне непрочно, но сама автократія зато стояла незыблемо, какъ это, впрочемъ, часто случалось и въ другихъ деспотіяхъ, европейскихъ и азіатскихъ, древнихъ и новыхъ. Въ теченіе всего существованія Византійской имперіи царствовавшій государь почитался лицомъ священнымъ, его власть — божественной, и вся его жизненная обстановка указывала на его связь съ религіозными святынями—и тронный залъ, гдѣ хранились священныя реликвіи, и рядомъ съ трономъ другой тронъ, на которомъ клалось иногда евангеліе или икона, и царское облаченіе, напоминавшее священническія ризы, и придворныя церемоніи, имѣвшія видъ богослужебныхъ обрядовъ и пр. и пр. Божескія почести воздавались даже царскимъ изображеніямъ, а такъ называемыя хрисовулы (царскія грамоты съ золотою печатью) могли прочитываться только послѣ исполненія передъ ними особыхъ обрядностей, которыя должны были выражать подобающее къ нимъ почтеніе.

Независимо отъ византійскихъ вліяній, въ средніе вѣка политическія традиціи римскаго абсолютизма продолжали жить въ тогдашней ученой литературѣ путемъ непосредственныхъ заимствованій изъ древнихъ книгъ. Въ однихъ случаяхъ было заимствованіе политическихъ теорій изъ богословской литературы, которая, какъ мы видѣли, проповѣдовала повиновеніе властямъ предержащимъ, въ другихъ—изъ того, что было еще доступно изъ римской литературы. Въ источникахъ обѣихъ категорій средневѣковые писатели находили обычныя указанія на то, что наиболѣе естественной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой совершенной формой нужно считать монархію и именно неограниченную, причемъ аргументы въ пользу этого мнѣнія, довольно разнообразные, неизмѣнно переходили отъ одного писателя къ другому [1]). Въ этомъ же направленіи высказывался и великій Данте въ своей книгѣ „De Monarchia", написанной въ началѣ XIV в., когда уже начинала, однако, развиваться теорія сословной, ограниченной представительными сеймами монархіи [2]).

Кромѣ этой литературной традиціи, которую можно назвать схоластическою, была еще и другая традиція, юридическая, тоже проводившая въ сознаніе средневѣкового об-

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 207—208.

[2]) Тамъ же, стр. 210—215.

щества принципы римскаго абсолютизма. Извѣстно, что въ Италіи въ XII в. началось изученіе римскаго права, и что оттуда оно стало распространяться въ другія страны, вслѣдъ за чѣмъ произошла такъ-называемая рецепція римскаго права, т.-е. введеніе его въ жизнь. Уже въ XII в., отстаивая права свѣтской власти противъ папскихъ притязаній, Гогенштауфены пользовались услугами юристовъ. Въ XIII в. французскіе „легисты“ тоже явились помощниками королевской власти въ ея борьбѣ съ феодализмомъ. Всѣ они были проникнуты монархическими тенденціями императорскаго Рима и стремились проводить въ жизнь основной принципъ абсолютизма: „quod principi placuit legis habet vigorem“.

ГЛАВА III.

Происхожденіе бюрократическихъ порядковъ.

Слабость центральной власти въ раннемъ государственномъ быту.—Замѣна родовыхъ или племенныхъ главарей и мѣстныхъ господъ ставленниками центральной власти.—Бюрократическій строй древняго Египта.—Организація Персидской монархіи.—Внѣдреніе бюрократическихъ порядковъ въ греко-римскій міръ.—Діоклетіано-константиновская реформа.—Неспособность варварскихъ королей справиться съ бюрократической централизаціей.—Феодальная децентрализація.—Судъ и управленіе въ феодальномъ обществѣ.—Управленіе въ сословной монархіи.

Ранній государственный бытъ всегда отличается слабостью центральной власти. Въ періодѣ своего образованія государство является результатомъ сростанія,—притомъ постепеннаго и часто съ перерывами,—болѣе мелкихъ группъ, сохраняющихъ на болѣе или менѣе продолжительное время свою самостоятельность подъ начальствомъ собственныхъ мѣстныхъ главарей съ вполнѣ независимыми отъ начинающей устанавливаться общей власти правами [1]). Эти болѣе мелкіе союзы, сростающіеся въ государство, могутъ быть обозначены, какъ родовыя и племенныя общины съ ихъ старѣйшинами и

---

[1]) Государство-городъ, гл. II и IV.—Монархіи, гл. III.—Помѣстье-государство, гл. II—IV.

князьями, достигающими иногда положенія своего рода мѣстныхъ господъ, прототипа феодальныхъ сеньёровъ, и усиленіе центральной власти обыкновенно состоитъ въ томъ, что эти второстепенные мѣстные главари уступаютъ мѣсто ставленникамъ общаго главы государства, короля, князя или какъ бы онъ еще ни назывался. Процессъ государственной интеграціи состоитъ въ томъ, что создается постепенно центральная власть сначала снизу путемъ выдѣленія изъ мѣстныхъ главарей кого-либо одного, который изъ перваго между равными и общаго вождя дѣлается мало-по-малу ихъ начальникомъ и, достигнувъ извѣстной высоты на пути усиленія своей власти, начинаетъ объединять полусамостоятельныя части государства въ одно болѣе сплоченное цѣлое, замѣняя прежнихъ, болѣе независимыхъ главарей своими ставленниками съ прямою задачею быть проводниками единой воли въ отдѣльныхъ частяхъ государства. Этотъ процессъ, лишь общая схема котораго, въ видѣ движенія сначала снизу вверхъ, а потомъ сверху внизъ, выражена въ послѣднихъ словахъ, крайне разнообразится въ дѣйствительности въ зависимости отъ массы побочныхъ условій. Можно было бы классифицировать разные случаи превращенія федерацій въ единыя и нераздѣльныя цѣлыя и, съ другой стороны, привести не мало разнородныхъ примѣровъ того, какъ цѣлое, въ свою очередь, сверху раздѣляется и подраздѣляется на части, управляемыя свыше поставленными мѣстными властями, вполнѣ подчиненными центральной власти.

Съ замѣной младшихъ товарищей или вассаловъ ставленниками и намѣстниками мы встрѣчаемся уже въ древнемъ Египтѣ [1]). Здѣсь монархія сложилась изъ болѣе мелкихъ политическихъ организмовъ, которые намъ извѣстны подъ греческимъ названіемъ „номовъ“ съ ихъ номархами во главѣ, причемъ въ устройствѣ страны происходили колебанія, позволяющія новымъ историкамъ Египта говорить то о существованіи въ немъ бюрократической централизаціи, то о существованіи политическаго феодализма. Египетская исторія такъ длинна и сложна, что мы можемъ въ ней предполагать множество остающихся намъ неизвѣстными процессовъ, когда центральная власть то усиливалась, то ослабѣвала, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ и мѣстныя власти получали тотъ или дру-

---

[1]) Монархіи, гл. V.

гой характеръ по категоріямъ бюрократической централизаціи или феодальной децентрализаціи. Въ той связи, въ какой мы здѣсь касаемся исторіи древняго Египта, насъ могутъ интересовать лишь результаты наблюдаемой въ немъ политической интеграціи, когда царство фараоновъ достигало наибольшихъ единства и цѣльности и могло бы служить для насъ прототипомъ позднѣйшей централизованной и бюрократической Византіи, въ которой и на самомъ дѣлѣ мы видимъ продолженіе многихъ явленій, зародившихся еще при древнихъ фараонахъ. Историки уже не разъ высказывали предположенія о томъ, что толкало населеніе долины Нила къ объединенію общественныхъ усилій и къ сосредоточенію власти въ особѣ царябога и приводило къ системѣ управленія изъ центра цѣлой арміей царскихъ писцовъ, этого прототипа чиновничества всѣхъ странъ и народовъ: именно это была необходимость общихъ и планомѣрныхъ работъ по регулированію разливовъ Нила, а вездѣ и всегда всякая планомѣрность дѣйствій создавала и соотвѣтственную организацію, въ которой единство направляющей воли съ подчиненными ей агентами и сосредоточеніе общественной силы съ зависящими отъ нея проводниками ея велѣній играютъ первенствующую роль. Абсолютная власть одного лица безъ централизаціи и бюрократіи возможна только на очень ограниченномъ пространствѣ отдѣльнаго помѣстья или города; чуть только государство разростается, центральная власть нуждается въ намѣстникахъ и чиновникахъ. Система мѣстнаго самоуправленія въ большомъ единомъ государствѣ можетъ устанавливаться на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія или при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ.

Другой крупный примѣръ государственнаго строительства сверху въ исторіи древняго Востока, это — организація Персидскаго царства при Даріи [1]). Сложившаяся при Кирѣ, Камбизѣ и самомъ Даріи изъ нѣсколькихъ царствъ и земель, монархія „великаго царя“, подверглась сверху планомѣрному дѣленію на большія намѣстничества, или сатрапіи съ подчиненными имъ номархами, суффетами, тираннами, причемъ въ каждой такой „сатрапіи“ военная власть была отдѣлена отъ гражданской, для сношеній центральнаго правительства съ его представителями на мѣстахъ были учреждены почтовыя

[1]) Тамъ же, стр. 119 и слѣд.

дороги и станціи и особая курьерская служба, а для контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ властей посылались ревизоры, бывшіе „глазами и ушами царя". Александръ Македонскій въ общемъ сохранилъ эту систему [1]), которая удержалась потомъ и въ сирійскомъ царствѣ Селевкидовъ [2]), въ то время, какъ птолемеевскій Египетъ продолжалъ пользоваться порядками еще болѣе древняго, фараоновскаго времени [3]).

Въ государствахъ-городахъ классическихъ народовъ развивалась иная система управленія, система выборныхъ и притомъ краткосрочныхъ должностей, но и здѣсь, когда отдѣльныя общины становились во главѣ болѣе обширныхъ территорій, онѣ вынуждались ставить надъ ними своихъ намѣстниковъ. Таковы были спартанскіе гармосты въ подчиненныхъ общинахъ, разные агенты державной власти аѳинскаго демоса въ союзныхъ городахъ въ родѣ эпимелетовъ и епископовъ и въ особенности римскіе проконсулы и пропреторы въ провинціяхъ державнаго города [4]). Эта намѣстническая власть въ римскомъ государствѣ послужила матеріаломъ, изъ котораго постепенно создалась бюрократическая централизація имперіи. Отправлявшійся въ провинцію намѣстникъ, получая ее въ сущности въ полное распоряженіе, увозилъ съ собою цѣлый штатъ служащихъ, при помощи которыхъ долженъ былъ проявлять свою власть [5]). Это была такъ называемая преторская когорта, въ составѣ которой были и высшія, и низшія должностныя лица, писцы, составлявшіе канцелярію правителя провинціи. Сначала между отдѣльными областными управленіями не было никакой связи, т.-е. имперій римскаго народа былъ децентрализованъ, но именно необходимость въ централизаціи имперіи и была одною изъ причинъ возникновенія императорской власти [6]), а послѣдняя внесла въ дѣло управленія провинціями извѣстную систему, мало-по-малу и завершившуюся бюрократической централизаціей діоклетіано-константиновской эпохи. Порядки, найденные новою властью въ восточныхъ провинціяхъ, особенно въ Египтѣ, послужили при этомъ импе-

[1]) Тамъ же, стр. 155.
[2]) Тамъ же, стр. 164.
[3]) Тамъ же, стр. 163—164.
[4]) Государство-городъ, стр. 255, 267 — 268 и 301.
[5]) Монархіи, стр. 188.
[6]) Тамъ же, стр. 197 и слѣд.

раторамъ образцами планомѣрной организацiи какъ центральнаго, такъ и областного управленiя [1]). Старыя формы, выработавшiяся въ древнихъ деспотiяхъ Востока, перешли постепенно въ греко-римскiй мiръ, т.-е. и въ эллинистическiя царства, и въ мiровую державу, созданную Римомъ.

Дiоклетiанъ и Константинъ Великiй превратили имперiю въ правильно расчлененное и iерархически построенное бюрократическое государство. Именно, имперiя была раздѣлена на четыре общiя намѣстничества, или префектуры, изъ которыхъ каждая раздѣлялась на болѣе мелкiя области, дiэцезы, подраздѣлявшiяся на еще болѣе дробныя части, провинцiи, числомъ болѣе ста во всей имперiи. Префектамъ въ iерархическомъ порядкѣ были подчинены ихъ замѣстители, викарiи, правившiе отдѣльными дiэцезами и имѣвшiе подъ собою ректоровъ (или корректоровъ) провинцiй, а въ болѣе позднее время и во главѣ отдѣльныхъ городовъ являются такъ называемые комиты (comites civitatum). При этомъ военное управленiе (съ магистрами милицiи и съ дуксами и комитами военнаго дѣла) было строго отдѣлено отъ гражданскаго [2]). Такова была централизацiя въ Римской имперiи. Уже Августъ началъ заводить въ ней (по египетскому образцу) бюрократическiе порядки, но сначала императорское чиновничество по старому должно было проходить военную карьеру; и только во II в. Адрiанъ (по египетскому же образцу) сталъ требовать на гражданской службѣ юридическаго образованiя. При Адрiанѣ же создался (напоминающiй собою птолемеевскiй синедрiонъ) императорскiй совѣтъ, какъ правильно организованное учрежденiе, а придворныя канцелярiи, въ которыхъ прежде несли службу вольноотпущенники императора, превратились въ государственныя учрежденiя съ персоналомъ изъ такъ называемаго всадническаго сословiя. Дiоклетiанъ и Константинъ окончательно систематизировали центральныя учрежденiя имперiи, т.-е. императорскiй совѣтъ, отдѣльныя вѣдомства съ министрами во главѣ и канцелярiи, или скринiи, получившiя это названiе отъ сундуковъ или шкафовъ, въ которыхъ хранились дѣла. Всѣ эти учрежденiя направляли общегосударственными дѣлами и надзирали черезъ особыхъ агентовъ за тѣмъ, что дѣлалось мѣстными властями, для сно-

[1]) Тамъ же, стр. 270, 273 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 269.

шеній съ которыми существовала и правильно устроенная почта [1]). Діоклетіано-константиновская реформа страшно увеличила чиновничій штатъ имперіи и усилила тѣмъ самымъ административное воздѣйствіе власти на населеніе, причемъ въ основѣ всего управленія лежало недовѣріе власти къ населенію и къ собственнымъ же ея агентамъ на мѣстахъ. Государство покрылось цѣлою сѣтью канцелярій, или оффиціевъ (т.-е. службъ), наполненныхъ легіонами мелкихъ чиновниковъ, сторожей, разсыльныхъ и т. п., которые получали жалованіе изъ государственной казны и исключительно зависѣли отъ своего начальства. Въ IV и V вв. крупное и мелкое чиновничество совершенно обособилось отъ гражданскаго общества и даже стало смотрѣть на него не только какъ на совокупность людей, управляемыхъ имъ отъ имени государства, но и какъ на безправную массу, существующую для доставленія средствъ къ жизни чиновничьему правящему классу [2]). Эта бюрократическая организація властвованія, совершенно обособившаяся отъ населенія, какъ нѣчто самодовлѣющее, въ себѣ самомъ носящее цѣль своего существованія, какъ могучій дубъ, глубоко пустила свои корни съ мельчайшими ихъ развѣтвленіями въ общественную почву, извлекая изъ нея всѣ соки для своего питанія. Въ общественномъ организмѣ, состоящемъ изъ отдѣльныхъ экономическихъ классовъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, обрабатывающею промышленностью, торговлею и т. д., это былъ какъ бы извнѣ внѣдрившійся въ него другой организмъ—отъ главы государства до послѣднихъ оффиціаловъ, — который поработилъ себѣ населеніе, устранивъ отъ общественныхъ дѣлъ всѣхъ нечиновниковъ. Бумажное многописаніе и бюрократическій формализмъ, существовавшіе еще въ фараоновскомъ Египтѣ [3]), заполонили собою въ IV и V вв. и Римскую имперію. Этою системою сильно было стѣснено развившееся-было, особенно во II в., городское самоуправленіе, а Византійская имперія и прямо отняла у городовъ завѣдованіе хозяйственными ихъ дѣлами и внѣшнимъ благоустройствомъ, чтобы и это подчинить опекѣ и благоусмотрѣнію ставленниковъ центральной власти. Недаромъ одинъ изъ византійскихъ императоровъ возвелъ въ государ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 274—276.
[2]) Тамъ же, стр. 362—363.
[3]) Тамъ же, стр. 67.

ственный законъ исключительную иниціативу и исключительное дѣйствіе императорской власти (и, конечно, органовъ послѣдней) во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ имперіи.

Съ занятіемъ въ V в. западныхъ провинцій Римской имперіи германскими племенами, основавшими здѣсь свои королевства, и съ паденіемъ самой имперіи на Западѣ въ 476 г. началось здѣсь и постепенное крушеніе бюрократической централизаціи, созданной политическимъ развитіемъ предыдущихъ эпохъ. При общемъ распадѣ прежнихъ формъ жизни, при начавшейся экономической и культурной варваризаціи общества въ прежнихъ западныхъ провинціяхъ имперіи и т. п. [1]) варварскіе короли, непосредственные преемники германскихъ конунговъ, стоявшихъ во главѣ только-что складывавшихся государствъ, оказывались не въ силахъ поддерживать имперскіе порядки бюрократической централизаціи, и она упрощалась, падала, замѣнялась иными порядками, ей противоположными.

Наибольшую противоположность бюрократической централизаціи представляла собою феодальная децентрализація [2]). Въ феодальной системѣ среднихъ вѣковъ поставленные государемъ правители областей превратились въ самостоятельныхъ и наслѣдственныхъ владѣтельныхъ князей, и дробленіе государственной власти пошло еще дальше, такъ какъ она разошлась по рукамъ всѣхъ вообще крупныхъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ, такъ называемыхъ сеньёровъ. Вмѣсто іерархіи чиновниковъ, изъ которыхъ одни были начальниками другихъ, образовалась лѣстница помѣщиковъ-государей, изъ коихъ одни были сеньёрами, другіе ихъ вассалами. Отправленіе той или другой должности утратило характеръ службы, такъ какъ вошло въ комплексъ правъ каждаго болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, владѣтельнаго князя или простого барона. Государство раскрошилось на сеньёріи, и для прежней бюрократической сѣти, его опутывавшей, уже не было болѣе мѣста, потому что отдѣльныя мѣстности зажили своею особою, самостоятельною жизнью. Если Римская имперія въ концѣ своего существованія совершенно закрѣпостила общество государству, отожествивъ послѣднее съ правящей бюрократіей, то въ феодализмѣ, наоборотъ, государство растворилось въ обществѣ, и каждое помѣстье сдѣлалось своего рода

1) Помѣстье-государство, стр. 12 и слѣд.

2) Тамъ же, гл. IV.

маленькимъ государствомъ, причемъ узы, которыя, какъ-никакъ, связывали все-таки эти помѣстья-государства въ одно болѣе крупное политическое цѣлое, основывались на обоюдномъ договорѣ сюзерена и вассала, на договорѣ, какой можетъ заключаться лишь между самостоятельными, хотя и не равными по силѣ властями. Однимъ словомъ, феодализація была особымъ видомъ дебюрократизаціи государства, какъ потомъ, наоборотъ, процессъ его дефеодализаціи сопровождался его бюрократизаціей — въ эпоху абсолютной монархіи, вернувшейся, въ сущности, какъ мы увидимъ, къ формамъ Римской имперіи.

Источникомъ, изъ котораго вышла бюрократія новаго времени, было внутреннее управленіе феодальнаго помѣстья-государства [1]). Феодальный сеньёръ, какъ землевладѣлецъ, ведшій свое сельское хозяйство, какъ носитель правъ верховной власти надъ населеніемъ, какъ господинъ, наконецъ, крѣпостныхъ, не могъ все дѣлать самъ, а нуждался въ дворецкихъ, старостахъ, приказчикахъ, а если у него было не одно помѣстье, не одинъ хозяйственный хуторъ, то ему нуженъ былъ и особый управляющій и т. п. Феодальный король, какъ извѣстно, самъ былъ тоже крупный помѣщикъ, имѣвшій въ своихъ помѣстьяхъ и надъ ними различнаго рода агентовъ своей сеньёрьяльной власти, старостъ (мэровъ) и управляющихъ (превотовъ), и по мѣрѣ того, какъ „первый между равными" помѣщикъ-государь выросталъ постепенно въ абсолютнаго монарха, воплощавшаго въ себѣ все государство (по формулѣ Людовика XIV: „l'état, c'est moi"), и помѣщичьи приказчики выростали въ государственныхъ чиновниковъ.

Этимъ агентамъ центральной власти, по мѣрѣ ея роста и усиленія, все болѣе приходилось подчинять своему надзору и руководству не только агентовъ сеньёрьяльной власти, но и тѣ органы самоуправляющихся союзовъ, которые возникали по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, изъ-подъ феодальной власти выбивались отдѣльныя общины (города), а съ другой — являлась потребность въ рѣшеніи нѣкоторыхъ общихъ дѣлъ отдѣльныхъ мѣстностей общими же силами самостоятельныхъ элементовъ ихъ населенія. Періодъ сословной монархіи вообще характеризуется развитіемъ сословнаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ въ формѣ ли городского, или въ формѣ областного

[1]) Тамъ же, стр. 119.

самоуправленія. Во Франціи, напримѣръ, въ эпоху генеральныхъ штатовъ мы встрѣчаемъ не только штаты въ отдѣльныхъ провинціяхъ, т.-е. болѣе крупныхъ дѣленіяхъ государства, но и въ дѣленіяхъ болѣе мелкихъ [1]). Подобное положеніе дѣлъ просуществовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ до очень поздняго времени, и въ Австріи, наприм., какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, сословное управленіе стало систематически замѣняться въ отдѣльныхъ областяхъ чиновничьимъ только въ серединѣ XVIII в., при Маріи Терезіи. Многія функціи государства въ эпоху сословной монархіи такимъ образомъ отправлялись не агентами центральной власти, а выборными должностными лицами мѣстныхъ союзныхъ организацій, городскихъ и областныхъ.

ГЛАВА IV.

Судьбы королевской власти на Западѣ въ средніе вѣка.

Переходъ власти западно-римскихъ императоровъ къ германскимъ королямъ.—Характеръ власти послѣднихъ на родинѣ.—Смѣшеніе римскихъ и германскихъ началъ въ варварскихъ королевствахъ.—Попытка возстановленія Римской Имперіи при Карлѣ Великомъ.—Политическая феодализація.—Что такое феодальная и сословная монархія?—Раннія проявленія абсолютизма на Западѣ: Англія при нормандскихъ короляхъ и первыхъ Плантагенетахъ и королевство Обѣихъ Сицилій въ эпоху нормандской династіи и Гогенштауфеновъ.

Ближайшею задачею нашею, въ этой и слѣдующей главахъ, будетъ прослѣдить судьбы королевской власти на Западѣ, отъ паденія Римской имперіи до возрожденія абсолютизма въ новое время.

Прежде всего, нужно указать на двоякій источникъ королевской власти въ государствахъ, основанныхъ германцами въ отдѣльныхъ провинціяхъ Римской имперіи [2]). Съ одной стороны, для стараго, туземнаго населенія короли пришель-

[1]) Помѣстье-государство, стр. 240.

[2]) Для послѣдующаго см. „Помѣстье-государство“, стр. гл. II, III и IV.

цевъ сдѣлались наслѣдниками неограниченной власти римскихъ императоровъ, тогда какъ, съ другой, по отношенію къ самимъ пришельцамъ они являлись лишь преемниками племенныхъ вождей, не обладавшихъ такою неограниченною властью. Этому двойственному происхожденію королевской власти соотвѣтствовала и двойственность въ организаціи всего королевскаго управленія.

Въ настоящее время историческою наукою твердо установлено, что территорія Западной Римской имперіи была занята германцами, лишь за нѣкоторыми исключеніями мирнымъ образомъ, съ согласія, хотя бы и вынужденнаго, со стороны имперской власти, такъ что первыя варварскія королевства были своего рода вассальными владѣніями подъ верховною властью императора. Первымъ такимъ королевствомъ было Вестготское, первоначально въ Аквитаніи и только позднѣе въ Испаніи. Въ началѣ V в. вестготскій король, оставаясь племеннымъ вождемъ пришельцевъ, получилъ отъ имперіи, въ качествѣ главнокомандующаго и гражданскаго правителя области, соотвѣтственные титулы magister militum и patricius, ставши такимъ образомъ намѣстникомъ императора занятой вестготами территоріи. Только во второй половинѣ V в., когда фактически императорская власть обнаружила полное свое безсиліе, одинъ изъ вестготскихъ королей (Эйрихъ) сталъ править своею областью по собственному праву, suo jure, какъ выражается готскій историкъ Іорнандъ. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ и въ государствѣ бургундовъ, король которыхъ тоже былъ по отношенію къ старому населенію занятой этимъ племенемъ области и воинскимъ магистромъ, и патриціемъ. Въ Италіи, когда находившіеся тамъ на службѣ имперіи варварскіе отряды провозгласили своимъ королемъ Одоакра, съ отстраненіемъ отъ власти западнаго императора Ромула-Августула, установился такой же порядокъ вещей, какъ и въ обоихъ только что названныхъ варварскихъ королевствахъ, т.-е. германскій вождь сдѣлался намѣстникомъ восточнаго, теперь общаго для обѣихъ половинъ имперіи, императора и все съ тѣмъ же титуломъ патриція. Когда въ очень скоромъ послѣ того времени остготскій король Теодорихъ съ согласія главы имперіи отнялъ у Одоакра Италію, то положеніе дѣлъ сохранилось прежнее, т.-е. одно и то же лицо, оставаясь народнымъ вождемъ пришельцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ туземному населенію вступило во всѣ права старой имперской власти. Наконецъ, и

франкскій король, подчинившій себѣ въ концѣ V и началѣ VI в. всю Галлію, тоже смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго носителя имперской власти и принималъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, римскіе титулы рядомъ со своимъ званіемъ короля франковъ. Таковъ былъ одинъ источникъ правъ варварскихъ королей; перейдемъ теперь къ другому.

У германцевъ временъ Цезаря и Тацита, оставившихъ первыя о нихъ свѣдѣнія, т.-е. въ I в. до Р. Х. и I в. по Р. Х. государственность только-что начинала складываться, что, какъ извѣстно, позволяетъ даже проводить аналогію между бытомъ германцевъ и тѣмъ раннимъ греческимъ бытомъ, который отразился въ поэмахъ Гомера [1]). При Цезарѣ то, что можно назвать германскимъ государствомъ (а ихъ было очень много), еще не вѣдало въ мирное время какого-либо общаго правителя: „in pace nullus est communis magistratus“, какъ выразительно замѣчаетъ самъ Цезарь, и только на время войны выбирался, по его же свидѣтельству, общій начальникъ, имѣвшій власть надъ жизнью и смертью (vitae necisque potestatem). То же самое мы видимъ у многихъ германскихъ племенъ и въ эпоху Тацита; историкъ называетъ такого временнаго воеводу латинскимъ терминомъ *dux*, но въ то же время указываетъ среди германскихъ племенъ и такія, которыя имѣютъ уже постоянную королевскую власть (nationes quae regnantur). Такъ какъ война сдѣлалась хроническимъ состояніемъ германскихъ племенъ, начавшихъ при этомъ соединяться въ болѣе обширные союзы, то власть временныхъ первоначально герцоговъ, какъ назывались по-германски тацитовскіе *duces*, стала превращаться во власть уже постоянныхъ королей, или конунговъ, какъ они назывались у самихъ германцевъ. Тацитъ, однако, подчеркиваетъ, что власть этихъ королей отнюдь не была безграничной или произвольной (nec regibus infinita aut libera potestas): главная сила принадлежала самому народу, собиравшемуся на вѣча для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ всей государственной общины. Основной характеръ ограниченности королевская власть у германскихъ народовъ сохраняла и долго спустя послѣ того, какъ Тацитъ описывалъ бытъ этихъ народовъ, хотя, конечно, по мѣрѣ того, какъ власть упрочивалась за однимъ родомъ и этотъ родъ становился все болѣе сильнымъ экономически, а

---

[1]) Государство-городъ, стр. 17 и слѣд.

главное—по мѣрѣ того, какъ государство увеличивалось въ своемъ объемѣ, власть королей постепенно усиливалась. Если, напр., существенныя черты прежняго народнаго устройства государства продолжали сохраняться въ быту англо-саксовъ, занявшихъ въ серединѣ V в. Британію, то у готовъ, наоборотъ, замѣчается значительное усиленіе королевской власти еще до занятія ими отдѣльныхъ провинцій имперіи.

Исторія этой власти послѣ укрѣпленія отдѣльныхъ германскихъ народностей въ бывшихъ римскихъ областяхъ характеризуется, такъ сказать, смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ римскихъ и варварскихъ началъ. Внутри стараго государства или вѣрнѣе говоря, извѣстнаго его обломка, возникало другое государство съ совершенно особенной организаціей власти, и эти два государства должны были начать одно къ другому приспособляться, одно съ другимъ сливаться, что не могло не сопровождаться какъ варваризаціей старой имперской власти, съ одной стороны, такъ и романизаціей власти германскаго короля, съ другой. Романизація послѣдней заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что неограниченность своихъ правъ, какъ наслѣдники римскихъ императоровъ, варварскіе короли распространяли и по отношенію къ германцамъ, что не мѣшало, однако, варваризаціи пріемовъ управленія и по отношенію къ коренному населенію бывшихъ провинцій имперіи. Теодорихъ Великій не принялъ только титула императора, ограничившись лишь званіемъ *romanus princeps*, но за то усвоилъ вмѣстѣ съ порфирой и другими знаками царственнаго сана, самую суть автократической идеи Рима: „только собственная воля наша насъ связываетъ, отнюдь не условія, ставимыя другими, ибо по милости Божіей, мы можемъ все, хотя и полагаемъ, что лишь одно похвальное намъ приличествуетъ“,—такова была приблизительно эта идея въ сознаніи и въ заявленіяхъ остготскаго короля. Не мудрено, что при такихъ отношеніяхъ права̀ народнаго собранія должны были перейти къ королю, который правилъ страной при посредствѣ служилыхъ людей, хотя бы уже и не чисто-бюрократическаго, а полудружиннаго типа. Что сказано здѣсь объ остготскомъ королевствѣ, можетъ быть одинаково сказано и о другихъ варварскихъ государствахъ на римской почвѣ: организація управленія варваризировалась, но сама королевская власть все болѣе и болѣе проникалась римскими традиціями абсолютизма

и даже стремилась сохранять внѣшнія формы старой неограниченной и священной власти.

Особенно интересны для исторіи королевской власти первой половины среднихъ вѣковъ ея судьбы въ королевствѣ франковъ, возстановившихъ при Карлѣ Великомъ Западную Римскую имперію. На исторіи этой монархіи мы можемъ лучше всего изучать взаимодѣйствіе и смѣшеніе римскихъ и германскихъ началъ, ихъ борьбу и, такъ сказать, совершавшіеся между ними компромиссы. Въ общемъ это была все бо̀льшая и бо̀льшая утрата королевскою властью того характера, который она имѣла у германцевъ, все бо̀льшее и бо̀льшее приближеніе ея къ абсолютизму, шедшее, однако, рука объ руку,— при Меровингахъ, по крайней мѣрѣ,—съ постепеннымъ отрѣшеніемъ отъ государственной идеи въ пользу взгляда на положеніе короля, какъ на положеніе главы большого частнаго хозяйства, заботящагося исключительно о своемъ личномъ или фамильномъ интересѣ.

Дѣло въ томъ, что варваризація обломковъ Римской имперіи, каковыми являются всѣ эти германскія королевства, выразилась и въ томъ, что королевская власть, бывшая въ нихъ носительницею государственности, уже вполнѣ окрѣпшей въ Римской имперіи и только что складывавшейся у самихъ германцевъ, но все-таки государственности, въ меровингскую эпоху все болѣе и болѣе принимала, такъ сказать, домохозяйственный характеръ — употребляя терминъ Аристотеля, различавшаго среди извѣстныхъ ему монархій такія, въ которыхъ власть царя соотвѣтствуетъ власти домохозяина [1]). Частный, домохозяйственный взглядъ на государство — явленіе вообще, довольно распространенное въ абсолютныхъ монархіяхъ, и въ древности мы встрѣчаемся съ нимъ и въ фараоновскомъ Египтѣ, гдѣ царь былъ собственникомъ всей земли [2]), и въ самой Римской имперіи, когда въ ней пало первоначально различеніе между государевою и государственною собственностью и, слѣдовательно, между частнымъ хозяйствомъ государя и государственнымъ хозяйствомъ [3]). При Меровингахъ эта черта получила особое развитіе, и имперія Карла Великаго была какъ-разъ возвраще-

---

[1]) Монархіи, стр. 377.

[2]) Тамъ же, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр. 321 и др.

ніемъ къ началамъ государственности и притомъ въ римскомъ ея пониманіи и съ возложеніемъ на государство еще религіозной миссіи, такъ какъ „боговѣнчанный великій и миротворный императоръ“, какъ титуловалъ себя Карлъ Великій, включалъ въ свой титулъ и званіе „защитника церкви“ (Augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator romanorum, defensor Ecclesiae). Но общественный строй и вся система управленія при Карлѣ Великомъ были уже не тѣ, съ которыми вмѣстѣ возникла и развилась прежняя императорская власть. Карлу Великому пришлось организовать одно великое государственное цѣлое изъ странъ, въ которыхъ уже давно совершался процессъ феодализаціи, потомъ и приведшій къ распаденію имперіи на массу княжествъ и сеньёрій съ совершенно особыми, необычайно своеобразными чертами политическаго существованія.

Здѣсь не мѣсто разсматривать, въ чемъ вообще заключался весьма сложный и многосторонній процессъ феодализаціи [1]). Отмѣтимъ только, что однимъ изъ результатовъ этого процесса было раздробленіе государственной власти, такъ сказать, разошедшейся по рукамъ мѣстныхъ правителей и помѣщиковъ, причемъ домохозяйственный интересъ у феодальныхъ сеньёровъ совершенно вытѣснилъ какую бы то ни было государственную идею. Каждая феодальная сеньерія была маленькимъ подобіемъ абсолютной монархіи, поскольку ея владѣлецъ былъ неограниченнымъ владыкою большей части ея населенія, и его помѣщичій интересъ былъ главнымъ руководящимъ принципомъ его внутренней „политики“ [2]). При такомъ порядкѣ вещей сама королевская власть должна была феодализироваться, если только еще сама сохранялась. Въ Италіи преемники Карла Великаго не пережили процесса феодализаціи, и если, наоборотъ, въ Германіи королевская власть удержалась въ наибольшей силѣ и даже сохранила за собою, съ середины X в., императорскій титулъ, то въ концѣ концовъ феодальные порядки одолѣли и ее. Во Франціи, съ новой династіей Капетинговъ, вступившей на престолъ въ концѣ X в., король сдѣлался только „первымъ между равными“ (primus inter pares), и большимъ прогрессомъ его власти было признаніе крупными феодальными князьями своей

[1]) См. Помѣстье-государство, гл. II, III и IV.

[2]) Тамъ же, гл. VIII.

отъ него зависимости, какъ отъ высшаго феодальнаго сеньера, главы всей лѣстницы вассалитета [1]). Самое характерное въ феодальной монархіи, это, во-первыхъ,—то, что король прежде всего такой же государь-помѣщикъ, или вотчинный князь, какъ и другіе сеньёры, и что, во-вторыхъ, отношенія государя и подданныхъ замѣняются здѣсь отношеніями сюзеренства и вассальства, основанными на частномъ договорѣ [2]). Даже то средневѣковое королевство, которое менѣе другихъ подверглось распаду и ранѣе другихъ развило у себя начала государственности, Англія, и оно не избѣжало подчиненія феодальнымъ формамъ, хотя въ этой странѣ, съ другой стороны, самъ феодализмъ долженъ былъ нести на себѣ государственную службу [3]). Какъ бы тамъ ни было, послѣ распаденія имперіи Карла Великаго до эпохи крестовыхъ походовъ на Западѣ происходилъ процессъ феодализаціи монархіи, который въ одномъ отношеніи былъ не чѣмъ инымъ, какъ переходомъ неограниченной и безусловной королевской власти въ ограниченную и условную. О феодальныхъ короляхъ можно сказать то же самое, что Тацитъ говоритъ о древне-германскихъ конунгахъ: „nec regibus infinita et libera potestas“ [4]). У феодальнаго короля могли быть подданные, надъ которыми у него была такая же неограниченная власть, какъ и у любого другого сеньёра, но это была власть скорѣе помѣщичья, доманіальная, чѣмъ государственная, политическая, въ государственномъ же быту господствовали отношенія вассалитета, создававшіяся обоюднымъ договоромъ, налагавшимъ на обѣ стороны извѣстныя обязанности и ограничивавшимъ права старшаго надъ младшимъ [5]). Въ извѣстныхъ случаяхъ вассалъ могъ дезавуировать своего сеньёра, т.-е. правомѣрно отказать ему въ повиновеніи и даже рѣшать споръ съ нимъ войною, что прямо признавалось нѣкоторыми феодальными грамотами, наприм., англійской „Великой хартіей свободы“ въ первой ея редакціи [6]). Сообразно со всѣмъ этимъ феодаль-

---

[1]) Тамъ же, гл. XIII (Феодальная монархія).

[2]) Тамъ же, стр. 111.

[3]) Тамъ же, гл. XIV (Особенности феодальной монархіи въ Англіи).

[4]) См. выше, стр. 26.

[5]) Помѣстье-государство, гл. XI (Сущность феодальныхъ отношеній въ тѣсномъ смыслѣ).

[6]) Тамъ же, стр. 162.

ный король нуждался въ согласіи своихъ вассаловъ при обложеніи ихъ денежными взносами или въ случаяхъ необходимости принять какія-либо общія мѣры, исполненіе которыхъ было бы немыслимо безъ согласія вассаловъ.

„Nec infinita et libera potestas“, эти слова Тацита можно было бы повторить, характеризуя королевскую власть на Западѣ и въ эпоху такъ-называемой сословной монархіи, когда король долженъ былъ въ извѣстной мѣрѣ дѣлиться властью съ выросшими на феодальной почвѣ сословными сеймами, на которыхъ тоже заключались договоры духовенства, дворянства и горожанъ между собою и всѣхъ этихъ трехъ сословій съ королемъ относительно налоговъ, законовъ и управленія государствомъ вообще [1]). Сословная монархія имѣла своихъ теоретиковъ, особенно отмѣчавшихъ ограниченность королевской власти въ дѣлѣ изданія законовъ. Принципу: „то, что благоугодно государю, имѣетъ силу закона“ они противополагали другой: „силу закона,—писалъ англійскій юристъ XIII в. Брактонъ,—имѣетъ то, что правильно постановляется королевскою властью (auctoritate regis) съ совѣта и согласія вельможъ и общаго соглашенія всей земли“. Другой англійскій юристъ, Фортескью, двумя столѣтіями позже, различавшій между королевскимъ правленіемъ (абсолютной монархіей) и правленіемъ политическимъ (республикой), находилъ, что его собственная родина управляется одновременно и по-королевски, и политически, и что въ этомъ заключается третій видъ—ограниченная монархія.

Таковы были судьбы королевской власти на Западѣ, и общая схема ея исторіи можетъ быть выражена такъ: приходъ германцевъ въ Римскую имперію не уничтожилъ въ ней абсолютной государственной власти, и, наоборотъ, германская королевская власть подъ вліяніемъ римскихъ порядковъ сдѣлалась неограниченной, хотя въ то же время пріобрѣтала еще болѣе и болѣе домохозяйственный характеръ; совершавшійся одновременно процессъ феодализаціи, наконецъ, разложилъ государство, и въ своей новой формѣ феодальной монархіи оно уже знаетъ только ограниченную власть сюзерена надъ своими вассалами, покоющуюся на обоюдномъ договорѣ, съ каковымъ характеромъ ограниченности она существуетъ и

[1]) Тамъ же, гл. XVII, XVIII и XXII и въ частности о французскихъ генеральныхъ штатахъ (гл. XIX) и англійскомъ парламентѣ (гл. XX—XXI).

въ эпоху возникновенія и процвѣтанія сословныхъ государственныхъ сеймовъ. Новый западно-европейскій абсолютизмъ въ большинствѣ случаевъ выростаетъ уже на развалинахъ сословно-государственныхъ учрежденій.

Самымъ важнымъ для насъ примѣромъ ранняго установленія абсолютнаго правленія въ средневѣковомъ государствѣ является примѣръ Англіи послѣ нормандскаго завоеванія. Объединеніе нѣсколькихъ англо-саксонскихъ государствъ въ единую Англію, совершившееся въ первой половинѣ IX столѣтія, было результатомъ борьбы какъ между ними, такъ и съ внѣшними врагами, датчанами, т.-е. вытекало не столько изъ внутреннихъ причинъ развивающейся общественной жизни, сколько изъ явленій болѣе внѣшняго порядка, а потому само было болѣе внѣшнимъ, что, однако, ставило передъ государственною властью все-таки довольно обширныя и трудныя задачи, которыя приходилось разрѣшать, наоборотъ, крайне недостаточными и самыми простыми средствами элементарной государственности. Результатомъ было, какъ и въ варварскихъ королевствахъ на материкѣ, то, что государство оказывалось не въ силахъ справиться со своимъ дѣломъ, и въ странѣ довольно быстрымъ темпомъ шелъ процессъ феодализаціи [1]). Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ бы привести къ тому же самому, что произошло на континентѣ, гдѣ феодализмъ раздробилъ цѣлыя большія страны на массу мелкихъ политическихъ организмовъ съ превращеніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ подобіе государей и съ установленіемъ между ними чисто договорной связи сеньёровъ и вассаловъ, но этотъ процессъ, былъ прерванъ въ 1066 г. нормандскимъ завоеваніемъ, превратившимъ Англію въ государство, наименѣе феодальное среди другихъ въ тѣ времена, потому что хотя Вильгельмъ Завоеватель и ввелъ въ страну феодальные порядки по континентальному образцу, но въ то же время заставилъ ихъ служить чисто государственнымъ цѣлямъ [2]). Извѣстно, что онъ потребовалъ вѣрноподданнической присяги отъ всѣхъ свободныхъ людей королевства, а не отъ однихъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ и принялъ мѣры къ тому, чтобы ни у одного изъ его васаловъ не скопилось въ одномъ мѣстѣ слишкомъ много земли, и чтобы не развилась ихъ су-

---

[1]) Тамъ же, стр. 150—151.

[2]) Тамъ же, стр. 153—156.

дебно-административная власть на счетъ власти государства. Въ серединѣ XI столѣтія въ Англіи были еще живы старинныя германскія учрежденія, на континентѣ давно уже исчезнувшія, и Завоеватель ихъ теперь оживилъ, укрѣпилъ, усилилъ въ интересахъ не только населенія, но и своей собственной власти, для которой онъ создалъ тѣмъ самымъ настоящую національную опору. Съ другой стороны, завоеваніе доставило Вильгельму громадныя матеріальныя средства въ видѣ массы перешедшихъ въ его распоряженіе помѣстій, не говоря уже о томъ, что онъ очутился и въ обладаніи тѣхъ доходовъ, какіе въ Англіи все-таки еще поступали отъ населенія въ королевскую казну; кромѣ того, онъ имѣлъ право на полученіе чисто феодальныхъ взносовъ отъ вассаловъ, державшихъ отъ него помѣстья. Вмѣстѣ съ этимъ воинскою повинностью въ Англіи были по отношенію къ королю обязаны не одни непосредственные его вассалы, но и всѣ держатели феодовъ, отъ кого бы они ихъ ни держали, равно, какъ всѣ вообще свободные и достаточные люди, издавна составлявшіе народное ополченіе. Благодаря этому, здѣсь военная служба сдѣлалась исключительно королевской службой, и феодальные землевладѣльцы лишены были возможности заводить свои военныя дружины.

И это еще не все. Вслѣдствіе конфискацій, распространившихся чуть не на всю поземельную собственность Англіи, Вильгельмъ, оставившій много земель за собою, сдѣлался de facto верховнымъ собственникомъ вообще всѣхъ земель, какія были въ завоеванномъ имъ королевствѣ: держателями земель отъ него считались не только непосредственные его вассалы, такъ называемые бароны, но въ послѣдней инстанціи всѣ вообще землевладѣльцы страны. Пожалуй, это было строгимъ проведеніемъ на практикѣ именно феодальнаго принципа, но въ наиболѣе феодализированныхъ странахъ какъ-разъ онъ и не былъ послѣдовательно проведенъ, тогда какъ въ Англіи послѣдовательное его проведеніе, обязывая всѣхъ землевладѣльцевъ службою королю, только шло на пользу государственной власти, объединявшей въ своихъ рукахъ королевство. Очень важно, что на основаніи того же общаго принципа существовала въ Англіи и вся поземельная собственность церкви, что ставило тамошнее духовенство въ бòльшую зависимость отъ свѣтской власти, чѣмъ то было въ другихъ мѣстахъ.

Прибавимъ ко всему сказанному, что значеніе королевской власти усиливалось и тѣмъ, что пришельцы, устроившіеся очень хорошо въ матеріальномъ отношеніи среди завоеваннаго населенія, естественно должны были видѣть въ королѣ своего главу, за котораго имъ слѣдовало держаться въ собственныхъ же интересахъ, тогда какъ и туземцы, по отношенію къ которымъ Вильгельмъ Завоеватель былъ лишь преемникомъ прежнихъ законныхъ королей, тоже нуждались въ его власти ради той защиты, какую она могла бы давать противъ обидъ и насилій со стороны завоевателей. Все это вмѣстѣ взятое и привело къ тому, что королевская власть сдѣлалась въ Англіи во второй половинѣ XI вѣка такою реальною силою, какою она въ это время нигдѣ не являлась на материкѣ, и поэтому англійская государственность той эпохи могла ставить и рѣшать многія задачи, бывшія совершенно не по плечу настоящей феодальной монархіи съ ея характеромъ простого сюзеренитета надъ массою мелкихъ политическихъ организмовъ.

Правда, при преемникахъ Завоевателя феодальные элементы англійскаго общества сдѣлали-было попытку установленія въ странѣ подобія континентальныхъ порядковъ [1]), но въ борьбѣ королевской власти съ мятежными баронами на сторонѣ первой были и народъ, и духовенство. Народная масса видѣла, что королевская власть борется съ тѣми же враждебными ей силами, которыя угнетали и самоё народную массу, а духовенство было на сторонѣ короля не только въ силу своей матеріальной отъ него зависимости, но и потому, что Вильгельмъ Завоеватель создалъ для церкви особое привилегированное положеніе и тѣмъ самымъ отдѣлилъ интересы клира отъ интересовъ свѣтскихъ бароновъ.

Извѣстно, что феодальная анархія, раздиравшая Англію въ первой половинѣ XII в., окончилась съ вступленіемъ на престолъ, въ 1154 г., династіи Плантагенетовъ. Первый же государь этой династіи, Генрихъ II, дѣятельно и весьма успѣшно принялся за реставрацію поколебленной въ эпоху феодальныхъ смутъ англійской государственности, имѣя на своей сторонѣ и сочувствіе, и содѣйствіе народа. Имъ была объявлена безпощадная война всему, что противорѣчило государственному принципу, что претендовало на обладаніе

[1]) Тамъ же, стр. 157—158.

самостоятельною политическою мощью, которая была бы совершенно независима отъ королевской власти. У Генриха II была цѣлая программа государственныхъ преобразованій, имъ неуклонно и проводившаяся въ жизнь,—преобразованій, клонившихся къ укрѣпленію центральной власти, къ сплоченію центра съ отдѣльными частями государства на почвѣ общегосударственныхъ задачъ, къ объединенію страны въ административномъ, финансовомъ и судебномъ отношеніяхъ, къ укрѣпленію и мѣстной самостоятельности, но не феодальныхъ элементовъ, а находившихся въ антагонизмѣ съ ними областныхъ группъ народнаго, всесословнаго и, слѣдовательно, антифеодальнаго состава. Нѣкоторыми своими реформами первый Плантагенетъ строилъ фундаментъ для будущаго развитія государственности въ направленіи усиленія въ ней началъ правового порядка и самоуправленія, но непосредственнымъ результатомъ всей его политики было установленіе въ Англіи настоящаго абсолютизма. Народъ шелъ за королемъ и помогалъ ему, видя въ осуществленіи его мѣропріятій самую дѣйствительную гарантію противъ возвращенія къ феодальной анархіи, и терпѣливо переносилъ тѣ невзгоды, какія ему самому приходилось испытывать со стороны слишкомъ властнаго и требовательнаго государя. Генрихъ II пользовался этимъ настроеніемъ и вытекавшимъ отсюда поведеніемъ массы для возведенія своего зданія въ духѣ настоящаго абсолютизма. Въ сущности, онъ возстановилъ, укрѣпилъ и углубилъ ту неограниченность королевской власти, которая создалась вслѣдствіе завоеванія Англіи Вильгельмомъ I. При немъ эта власть уже имѣла въ своемъ распоряженіи хорошо по тому времени организованныя и до извѣстной степени планомѣрно и успѣшно дѣйствовавшія центральныя учрежденія, такъ что уже во второй половинѣ XII столѣтія Англія была правильно централизованнымъ государствомъ, которое въ общемъ весьма недурно справлялось со своими административными, финансовыми, судебными и военными задачами подъ неограниченною властью короля. Но въ то же время эта власть очень рано стала обнаруживать склонность къ превращенію въ самый необузданный деспотизмъ, что и заставило въ началѣ XIII в. всѣ бывшіе дотолѣ разрозненными элементы англійскаго общества сплотиться для борьбы съ королевскою властью.

Уже второй король нормандской династіи, сынъ и преемникъ Завоевателя, Вильгельмъ II Рыжій, царствованіе кото-

раго приходится на послѣдніе годы XII вѣка, проявилъ самый безудержный деспотизмъ, не считавшійся ни съ чѣмъ и не знавшій никакихъ границъ, тѣмъ болѣе, что его поддерживали англо-саксы, враждовавшіе съ нормандцами, хотя его тираннія ложилась тяжелымъ бременемъ не на однихъ бароновъ и духовныхъ. Только стрѣла, неизвѣстно кѣмъ пущенная въ короля на охотѣ, положила конецъ этому деспотическому царствованію. Второй сынъ Генриха II, Іоаннъ Безземельный, какъ бы повторилъ собою черезъ сто лѣтъ Вильгельма Рыжаго, но на этотъ разъ королевскій деспотизмъ встрѣтился съ энергичнымъ отпоромъ со стороны всѣхъ дѣятельныхъ элементовъ тогдашняго общества. Хотя этотъ король и былъ вынужденъ ограничить свою власть великой хартіей вольностей, но въ царствованіе его сына Генриха III опять были поставлены на карту всѣ права англійской націи, такъ какъ и этотъ король правилъ страною совершенно произвольно, пока не вспыхнула борьба, приведшая къ образованію парламента. Какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, деспотически настроенный Генрихъ III охотно окружалъ себя иностранными выходцами, которымъ раздавалъ самыя важныя государственныя должности и которые не стѣсняли себя никакими законами, во всеуслышаніе иногда заявляя, что единственнымъ источникомъ всякаго права и всякаго закона въ Англіи являются королевская власть и воля.

Говоря объ установленіи въ Англіи въ XI—XII вв. абсолютизма, необходимо принимать въ расчетъ, что и на родинѣ завоевателей, въ Нормандіи, благодаря образованію и этого герцогства путемъ занятія его территоріи военною дружиною, уже существовала весьма сильная княжеская власть, какой мы не находимъ въ другихъ крупныхъ владѣніяхъ феодальной Франціи X и XI вв. Кромѣ Англіи, нормандцы, какъ извѣстно, завоевали еще Сицилію и Южную Италію, гдѣ тоже основали свое королевство „Двухъ“ (или, какъ у насъ принято говорить, „Обѣихъ“) „Сицилій“. И здѣсь королевская власть получила большое развитіе, а именно всѣ графы и бароны считались непосредственными вассалами короля, всѣ замки находились въ его исключительномъ распоряженіи и охранялись королевскими гарнизонами, правосудіе въ уголовныхъ дѣлахъ отправлялось только королевскими агентами и т. п., такъ что глава этого наскоро сколоченнаго королевства былъ самымъ абсолютнымъ государемъ во всей Западной

Европѣ. Нормандскіе короли „Обѣихъ Сицилій“ сознательно и неуклонно стремились къ абсолютизму, съ одной стороны, опираясь на порядки, заведенные въ эпоху арабскаго владычества, съ другой, пользуясь принципами возрождавшагося въ это время римскаго права. Смѣнившіе нормандскую династію Гогенштауфены, особенно въ лицѣ императора Фридриха II (по Сициліи Фридриха I), въ первой половинѣ XIII столѣтія, продолжали абсолютистскую политику своихъ предшественниковъ. Самъ король этотъ былъ типичнымъ воплощеніемъ самодержавнаго монарха въ духѣ своего рода просвѣщеннаго абсолютизма, а кодифицированныя имъ и его канцлеромъ, Петромъ а-Винеа, „сицилійскія конституціи“ (1231) были настоящимъ завершеніемъ системы строгой бюрократической централизаціи. Какъ и въ Англіи, абсолютизмъ извлекалъ здѣсь силу изъ раздоровъ въ населеніи, въ которомъ были, кромѣ романской національности, и греческіе, и арабскіе элементы.

Не въ Англіи и не въ Обѣихъ Сициліяхъ, однако, столь ранній по отношенію къ остальной Европѣ абсолютизмъ достигъ наибольшей силы. Англія съ середины XIII в. пошла въ своей политической исторіи совсѣмъ другою дорогою, королевство же Обѣихъ Сицилій въ эпоху наибольшаго развитія абсолютной монархіи было только придаткомъ къ одному изъ болѣе обширныхъ и могущественныхъ государствъ.

ГЛАВА V.

Возвышеніе монархіи въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Эпоха силы и эпоха упадка средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій. — Общія причины этого историческаго явленія. — Зарожденіе новаго абсолютизма безъ феодальной и сословной основы въ Италіи. — Введеніе въ употребленіе новаго термина для обозначенія государства. — Политическія воззрѣнія гуманистовъ. — Книга Маккіавелли о государѣ и ея вліяніе на правителей XVI в.—Испанія Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской. — Франція отъ Карла VII до Франциска I. — Англія послѣ войны алой и бѣлой розы и династія Тюдоровъ. — Эпохи западно-европейскаго абсолютизма.

Государственною формою, которую непосредственно смѣнилъ на Западѣ абсолютизмъ, была сословная монархія, въ

которой королевская власть дѣйствовала въ сотрудничествѣ съ государственными сеймами, представлявшими главныя сословія населенія. Можно безъ большой ошибки для отдѣльныхъ случаевъ сказать, что эпохою наибольшаго развитія сословно-представительныхъ учрежденій были XIV и XV вв., ибо въ XVI столѣтіи они находятся въ упадкѣ, а въ XVII и XVIII вв. уже господствуетъ абсолютизмъ [1]). Въ исторіи отдѣльныхъ странъ мы можемъ различать времена бо̀льшаго и времена меньшаго значенія, какое имѣли въ государственной жизни эти сеймы, не говоря уже о томъ, что и въ различныхъ странахъ они имѣли далеко неодинаковое значеніе. Въ послѣднемъ отношеніи англійскій парламентъ, добившійся съ конца XIII в. до середины XV в. весьма существенныхъ правъ, и французскіе генеральные штаты, изъ всѣхъ сословныхъ сеймовъ игравшіе наименьшую роль, были какъ бы двумя полярными явленіями, между которыми располагались всѣ остальныя учрежденія этой категоріи [2]), но и оба столь несходныя между собою по своей силѣ учрежденія во второй половинѣ XV и въ теченіи всего XVI в. испытываютъ одинаковую судьбу вплоть до XVII столѣтія, когда прекратился созывъ генеральныхъ штатовъ во Франціи и чуть-было не случилось того же самаго и съ англійскимъ парламентомъ. Если въ другихъ мѣстахъ созывъ сеймовъ и не прекращался, то все-таки они уже никоимъ образомъ не ограничивали королевской власти, играя роль совершенно послушнаго орудія въ ихъ рукахъ [3]).

Причины непрочности сословно-представительныхъ учрежденій были довольно сложны. Прежде всего, это не было представительство всенародное. Общимъ правиломъ сословныхъ сеймовъ было полное исключеніе изъ представительства широкихъ народныхъ массъ, которыя, такимъ образомъ, не имѣли ни малѣйшаго основанія поддерживать эти учрежденія. Мало того: общая политика сеймовъ, гдѣ особенно видную роль играло феодальное дворянство, да и другія сословія проявляли большое своекорыстіе, не внушала довѣрія народнымъ массамъ,

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 192—193.

[2]) Тамъ же, стр. 224—225, 249—252 и 282, гдѣ проводится параллель между генеральными штатами и парламентомъ.

[3]) Тамъ же, глава XXV (Упадокъ сословно-представительныхъ учрежденій въ новое время).

наприм., крестьянству [1]), и онѣ весьма естественно становились на сторону королевской власти, какъ-никакъ, ограничивавшей своеволіе аристократіи. Въ свою очередь, когда въ этихъ массахъ происходило броженіе, внушавшее опасенія имущимъ классамъ, послѣдніе тоже готовы были содѣйствовать усиленію власти, которая ихъ оберегала бы отъ соціальной опасности. Такова была, напримѣръ, одна изъ причинъ полной покорности англійскаго парламента при Тюдорахъ [2]).

Далѣе, тѣ общественные классы, которые были представлены въ государственныхъ сеймахъ, дѣлились на враждебныя другъ другу сословія, очень часто занимавшіяся сведеніемъ счетовъ между собою, вмѣсто того, чтобы отстаивать свои общіе интересы и права противъ стремившейся къ абсолютизму королевской власти. Сословно-представительныя учрежденія были политическою надстройкою надъ соціальнымъ базисомъ, какимъ являлось возникшее въ феодальныхъ рамкахъ общество, расчленявшееся на отдѣльныя сословія съ разными правами и привилегіями [3]). Королевская власть искусно эксплуатировала сословные интересы въ свою пользу, опираясь на одну какую-либо силу противъ другой, не говоря уже о томъ, что внутреннія тренія и распри сословій на собраніяхъ государственныхъ чиновъ дѣлали эти собранія прямо-таки неработоспособными, что относится, наприм., къ французскимъ генеральнымъ штатамъ 1614—1615 г., послѣ чего они не были созываемы почти два вѣка [4]). Въ иныхъ случаяхъ абсолютизмъ устанавливался путемъ государственныхъ переворотовъ, въ которыхъ королевская власть пользовалась прямою поддержкою городского сословія противъ дворянства [5]).

Особую сторону въ исторіи сословно-представительныхъ учрежденій представляютъ собою взаимныя отношенія центральныхъ, общегосударственныхъ и мѣстныхъ, областныхъ сеймовъ. Кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда,—какъ это было въ Англіи,—между тѣми и другими устанавливалась полная гармонія, областные сеймы выступали большею частью въ роли

---

[1]) Тамъ же, глава XXIII (Сеньерьяльный режимъ въ эпоху сословной монархіи).

[2]) Тамъ же, стр. 280—281 и 356—357.

[3]) Тамъ же, глава XVI (Сословный строй феодальнаго общества).

[4]) Тамъ же, стр. 247.

[5]) Тамъ же, гл. XXV.

конкурентовъ сеймовъ общегосударственныхъ, что подрывало авторитетъ послѣднихъ и не давало имъ возможности усилиться настолько, чтобы занять прочное, никѣмъ не оспариваемое положеніе [1]). Сословная монархія выросла на почвѣ „собиранія земли“ послѣ феодальнаго разложенія государства. и общіе сеймы иногда, какъ это особенно можно сказать о французскихъ генеральныхъ штатахъ [2]), служили дѣлу политическаго объединенія страны; нерѣдко въ интересы королевской политики даже входило создавать общіе представительные съѣзды отъ отдѣльныхъ сеймовъ, но мѣстный сепаратизмъ боролся противъ такихъ тенденцій королевской власти, и, наприм., ни въ Испаніи, ни въ Австріи, составившихся каждая изъ нѣсколькихъ сословныхъ монархій, не образовалось общаго представительства [3]). Въ моменты внутреннихъ кризисовъ королямъ оказывалось весьма выгоднымъ, опираясь на однѣ „провинціи“, подавлять оппозиціонныя выступленія въ другихъ.

Такимъ образомъ, разрозненность общественныхъ силъ, бывшихъ представленными въ государственныхъ сеймахъ, сослужила по отношенію къ послѣднимъ плохую службу.

Съ другой стороны, напротивъ, сила королевской власти организовалась. Она дѣйствовала постоянно, тогда какъ государственные сеймы—лишь въ періоды своихъ сессій, бывшихъ въ общемъ весьма непродолжительными и отдѣлявшихся однѣ отъ другихъ большими промежутками времени. Арагонская „депутація королевства“, выбиравшаяся кортесами и имѣвшая своею задачею отъ одного собранія до другого оберегать вольности и завѣдовать государственной казною, или арагонскій верховный судья, тоже охранявшій конституцію отъ всякихъ на нее посягательствъ, самъ находясь подъ надзоромъ особыхъ выбранныхъ кортесами „инквизиторовъ“ [4]), принадлежатъ къ числу исключительныхъ явленій въ строѣ сословной монархіи, общимъ же правиломъ было то, что сословные сеймы не имѣли своихъ постоянныхъ органовъ въ странѣ, какія бы попытки въ этомъ направленіи въ отдѣльныхъ случаяхъ ни дѣлались [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 236, 238, 286, 296 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 223.

[3]) Тамъ же, стр. 298 и 352.

[4]) Тамъ же, стр. 287—288.

[5]) Тамъ же, стр. 235, 237, 278, 285, 294.

Вся организація сословныхъ сеймовъ была плохо приспособлена къ удовлетворенію постоянно возроставшихъ потребностей новой государственности. Какъ общегосударственные, такъ и областные сеймы рѣдко и на короткій срокъ собиравшіеся, очень часто не умѣвшіе подняться надъ уровнемъ узко-сословныхъ или узко-мѣстныхъ интересовъ, традицій и предразсудковъ, обнаруживали и нежеланіе, и неумѣніе организовать надлежащимъ образомъ удовлетвореніе нуждъ государства, усложненіе жизни котораго требовало умноженія и усиленія правительственныхъ функцій, созданія особаго государственнаго хозяйства, отличнаго отъ прежняго почти исключительно вотчиннаго хозяйства королей, и образованія новой военной силы, вмѣсто не соотвѣтствовавшихъ болѣе запросамъ времени феодальныхъ дружинъ и городскихъ милицій. Сила сословныхъ сеймовъ заключалась въ ихъ правѣ давать королю деньги, а жизнь государства развивалась какъразъ въ такомъ направленіи, что королевская власть дѣлалась все менѣе зависимою отъ чиновъ въ дѣлѣ добыванія матеріальныхъ средствъ, съ которыми можно было имѣть вполнѣ зависимыя отъ правительства чиновничество и войско [1]). Мы еще увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ развитіе денежнаго хозяйства съ торговыми пошлинами и кредитными операціями отразилось на государственныхъ финансахъ [2]), а равно и то, какъ усилила королевскую власть религіозная реформація XVI в. [3]), между прочимъ, обогатившая многихъ государей на счетъ церкви и монастырей.

Разсматривая установленіе абсолютизма при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, мы должны различать двѣ категоріи случаевъ, а именно: съ одной стороны, случаи возникновенія совершенно новой власти безъ традиціонныхъ корней въ самой общественной жизни и, съ другой, случаи превращенія въ неограниченную прежней болѣе или менѣе ограниченной королевской власти временъ процвѣтанія сословно-представительныхъ учрежденій. Въ случаяхъ первой категоріи мы имѣемъ дѣло съ чистымъ абсолютизмомъ безъ всякой феодальной примѣси, въ случаяхъ второй категоріи старые феодальные взгляды и порядки болѣе или менѣе при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 343—344.

[2]) См. ниже, гл. XII.

[3]) См. ниже, гл. XVI.

мѣшиваются къ новому строю, возникшему на развалинахъ сословной монархіи.

Первая категорія политическихъ фактовъ, подлежащихъ теперь нашему разсмотрѣнію, обобщается подъ названіемъ итальянскаго принципата конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени. Италія, какъ извѣстно, въ средніе вѣка не имѣла политическаго единства, раздробившись, кромѣ южной своей части, на массу феодальныхъ владѣній, которыя въ эпоху крестовыхъ походовъ смѣнились новою формою политическаго быта, развитіемъ городскихъ республикъ, распространившихъ свою власть и на окрестныя территоріи. До извѣстной степени Италія этой эпохи повторила то, что мы наблюдаемъ въ древней Греціи, когда она сплошь состояла изъ государствъ-городовъ. Здѣсь проявляется тотъ же партикуляризмъ, въ силу котораго каждый городъ обособлялся въ отдѣльную политическую общину и если выходилъ, такъ сказать, изъ тѣсныхъ предѣловъ своей территоріи, то только для того, чтобы властвовать надъ сосѣдними деревнями и болѣе слабыми городскими общинами. Полноправные граждане дорожили своею политическою свободою и республиканскою формою правленія, но только для себя, не заботясь ни о населеніи подвластныхъ территорій, ни о всей странѣ. Въ сущности и кругъ полноправнаго гражданства былъ довольно-таки замкнутымъ, такъ что, напримѣръ, въ эпоху наибольшаго процвѣтанія республиканской Флоренціи лишь 3% населенія подвластной ей территоріи пользовались политическимъ полноправіемъ. Къ тому же итальянская городская республика была своего рода соединеніемъ разныхъ болѣе мелкихъ союзовъ и корпорацій, не всегда ладившихъ между собою и часто вступавшихъ въ яростную партійную борьбу, какъ это было въ эпоху гибеллиновъ и гвельфовъ, споры, ссоры и раздоры которыхъ наполняли внутреннюю жизнь городовъ вѣчными междоусобіями. Одну изъ главныхъ ролей въ соціальной жизни этихъ городовыхъ республикъ играли торговые интересы купеческаго класса, доминировавшіе въ вопросахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Но особенно давала себя знать происходившая въ этихъ городахъ соціально-политическая борьба, напоминающая борьбу аристократіи и демократіи въ античномъ мірѣ. Какъ и въ древней Греціи, она приводила къ установленію и въ средневѣковой Италіи тиранніи, т.-е. къ захвату власти вліятельными честолюбцами, часто

прибѣгавшими къ прямому насилію, тѣмъ болѣе, что среди этихъ новыхъ „прiнчиповъ", или князей, иные раньше были кондотьерами, предводителями наемныхъ войскъ, поступавшихъ на службу къ городскимъ республикамъ противъ ихъ сосѣдей. Насиліе играло вообще такую роль въ тогдашней политикѣ, что знаменитый Гвичардини обобщалъ это явленіе, признавая, что насиліемъ живутъ всѣ государства (tutti gli stati sono violenti).

Каждый такой *principe* былъ абсолютнымъ монархомъ въ миніатюрѣ. Княжеская власть, являвшаяся наслѣдницею республиканскихъ учрежденій средневѣкового государства-города, не имѣла основы, какъ это мы наблюдаемъ у феодальныхъ герцоговъ и графовъ, ни въ крупномъ землевладѣніи, ни въ вассальныхъ отношеніяхъ. Если какая-либо фамилія и достигала власти безъ прямого насилія, только благодаря своему вліянію въ родномъ городѣ, то большею частью здѣсь сказывалась не власть земли, какъ въ феодальномъ строѣ, а власть денегъ, ставившая въ прямую и косвенную зависимость отъ богача массу людей и позволявшую ему тратить большія суммы на пріобрѣтеніе вліянія и власти, чему лучшимъ примѣромъ служитъ возвышеніе фамиліи флорентійскихъ банкировъ Медичи. Каково бы ни было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ происхожденіе тиранніи, это была власть безъ традицій, безъ историческихъ корней въ жизни, власть людей безъ роду и племени, безъ предковъ, нерѣдко даже прямо чьихъ-либо внѣбрачныхъ сыновей, обязанныхъ всѣмъ лично себѣ, полагавшихся поэтому только на себя, да и думавшихъ и заботившихся только о себѣ же. Лишь полная дезорганизованность общества и разрозненность общественныхъ силъ создавали почву для успѣха предпріимчивыхъ честолюбцевъ, которые, въ свою очередь, кромѣ инертности народныхъ массъ, пользовались, какъ средствами для захвата и удержанія власти, насиліемъ, заговоромъ, терроромъ и шпіонствомъ.

Кто хочетъ имѣть болѣе обстоятельную характеристику итальянской тиранніи, разцвѣтшей особенно въ XV столѣтіи, тому можно рекомендовать обратиться хотя бы, напр., къ извѣстнымъ книгамъ Буркгардта и Ф. Монье [1]), гдѣ

[1]) *Буркгардтъ*. Культура Италіи въ эпоху возрожденія. — *Филиппъ Монье*. Кваттроченто. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Спб. 1904.

читатель найдетъ и нѣкоторыя фактическія подробности объ отдѣльныхъ князьяхъ, объ ихъ политическомъ искусствѣ, придворной роскоши, меценатствѣ и т. п. Для нашей цѣли пока совершенно достаточно указать на то, что итальянскій принципатъ былъ явленіемъ, не заключавшимъ въ себѣ никакихъ элементовъ феодализма или сословной монархіи, чистымъ абсолютизмомъ, напоминающимъ греческую тираннію и римскій цезаризмъ,—послѣдній, конечно, взятый въ сильно уменьшенномъ масштабѣ, имѣя въ виду не качественную, а количественную сторону явленія. Итальянская тираннія также была результатомъ внутреннихъ смутъ, но, знаменуя въ общемъ побѣду надъ аристократіей, она въ то же время была пораженіемъ демократіи, которой въ настоящемъ смыслѣ слова, собственно говоря, и не существовало. Тираннъ, подводившій всѣхъ подъ одну мѣрку, чтобы самому оставаться выше всѣхъ, пожалуй, и опирался на народъ, но самъ народъ этой эпохи въ глазахъ такихъ наблюдательныхъ людей, какъ Гвичардини, казался лишь многоголовымъ чудовищемъ, исполненнымъ невѣжества и заблужденій (un monstro pieno di confusione e di errori), пустыя мнѣнія котораго всегда очень далеки отъ истины. При такомъ положеніи дѣлъ народъ, общество, государство были ничѣмъ, а всѣмъ былъ только князь, государь, и не даромъ въ эту эпоху политическая литература была больше заинтересована именно государемъ, а не государствомъ. Въ эту же эпоху, однако, возникъ, съ другой стороны, и тотъ терминъ *status* (итал. *stato*, франц. *état*, англ. *state*, нѣм. *Staat*), которымъ стали обозначать понятіе, выражавшееся прежде словомъ *respublica* не въ смыслѣ опредѣленнаго образа правленія (не монархическаго), а въ болѣе общемъ смыслѣ государства. Основной смыслъ термина—состояніе, установленіе, устройство, порядокъ, но ранѣе всего онъ сталъ обозначать государство въ Италіи, гдѣ разнообразіе формъ политической жизни требовало нѣкотораго обобщающаго термина. Первымъ, кто ввелъ его въ научный обиходъ, признаётся Макіавелли, но въ другихъ странахъ (особенно въ Германіи) слово *status* сохраняло и другія значенія [1]).

Въ Италіи же въ указанную эпоху возродилась и по-

[1]) Ср. генеральные и провинціальные штаты (штатъ = „чинъ“), составъ или персоналъ учрежденія (придворный штатъ, военный штатъ), штаты въ смыслѣ провинцій или областей съ особымъ устройствомъ.

литическая литература въ духѣ абсолютизма, при чемъ главными ея дѣятелями были гуманисты, очень часто, какъ извѣстно, бывшіе на службѣ у тиранніи.

Первый же гуманистъ, Петрарка, лично какъ индивидуалистъ, очень любившій свободу, всю свою жизнь служилъ деспотизму, въ которомъ лишь и видѣлъ одно спасеніе отъ тогдашней анархіи. Будучи въ философіи прежде всего моралистомъ, онъ, однако, свою нравственную мѣрку не прилагалъ къ дѣйствіямъ правителей, когда отъ ихъ дѣятельности ожидалъ пользы для Италіи, такъ какъ въ политикѣ искалъ преимущественно такой силы, которая могла бы прекратить междоусобія, раздиравшія его родину. Одно время, въ самой серединѣ XIV в., онъ увлекался „римскимъ трибуномъ" Кола ди Ріенци, потомъ ожидалъ спасенія отъ императора Карла IV, пока не безъ колебаній и къ большому неудовольствію своихъ друзей не сталъ служить итальянскимъ князьямъ, представлявшимъ собою единственную реальную силу въ Италіи, одному изъ которыхъ и посвятилъ свой трактатъ „De republica optime administranda" (О наилучшемъ управленіи государствомъ).

Это—рядъ политическихъ совѣтовъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что въ нихъ предвосхищена точка зрѣнія, на которую черезъ полтора вѣка сталъ Маккіавелли. Теологическія соображенія среднихъ вѣковъ уже отсутствуютъ въ политическомъ міросозерцаніи Петрарки и всѣхъ послѣдующихъ гуманистовъ, и на первый планъ у нихъ выдвигается принципъ пользы. Если гуманистическая мораль утверждала права личности, то въ политикѣ итальянскіе гуманисты утверждали права государства и между прочимъ свободу свѣтской власти отъ власти духовной. Извѣстно, однако, что въ гуманистической этикѣ почти совсѣмъ не отводилось мѣста альтруизму и соціальнымъ инстинктамъ, — это былъ индивидуализмъ эгоистическій, — но совершенно такъ же и въ гуманистической политикѣ не было ни какого-либо основного моральнаго принципа, ни опредѣленнаго политическаго идеала. Великое множество гуманистовъ принадлежало къ индифферентистамъ и оппортунистамъ, занимавшимъ хорошія мѣста при княжескихъ дворахъ, служившихъ князьямъ и ихъ прославлявшимъ. Типъ придворнаго гуманиста—довольно распространенный въ Италіи эпохи ренессанса. Болѣе независимые изъ нихъ, въ свою очередь, были заражены политическимъ скептицизмомъ.

Извѣстный флорентійскій гуманистъ Никколо Никколи (въ первой половинѣ XV в.) говорилъ, что законы, какъ паутина, сдерживаютъ только слабыхъ, сильные же, къ счастью, имъ не повинуются, — къ счастью, по мнѣнію Никколи, потому, что безъ этого не было бы ни военныхъ подвиговъ, ни процвѣтанія наукъ, искусствъ и краснорѣчія. Сильные не руководствуются никакимъ закономъ, а только выгодою и увеличеніемъ своихъ владѣній; они плюютъ на законы и попираютъ ихъ ногами, людская же масса управляется тоже не законами, а силою и страхомъ наказанія.

Въ итальянскихъ гуманистахъ насъ вообще поражаетъ отсутствіе общественнаго идеализма, а между тѣмъ среди нихъ было немало людей, далеко не бывшихъ лишенными способности скорбѣть при видѣ бѣдствій родины и желавшихъ такъ или иначе вывести ее изъ печальнаго состоянія. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Петрарка, къ ихъ числу принадлежалъ и Никколо Маккіавелли (1469 — 1527), одинъ изъ государственныхъ дѣятелей Флоренціи въ эпоху изгнанія изъ нея фамиліи Медичи; по возвращеніи послѣдней въ 1512 г. онъ даже попалъ въ тюрьму, что впослѣдствіи не помѣшало ему сблизиться съ нѣкоторыми представителями этой фамиліи, особенно съ будущимъ папою Климентомъ VII, еще при жизни Маккіавелли сдѣлавшимся папою. Одному изъ Медичи, Лоренцо, отцу знаменитой французской королевы середины XVI в., Екатерины, онъ и посвятилъ свою книгу „Государь“ (Il principe), видя въ названномъ Лоренцо Медичи возможнаго объединителя Италіи. Не забудемъ, что авторъ этой книги жилъ въ эпоху такъ называемыхъ итальянскихъ войнъ, когда его родину, Италію, кромѣ внутреннихъ междоусобій, раздирали между собою и иностранцы, — французы, испанцы, нѣмцы, — искавшіе въ ней завоеваній или просто добычи.

Мысль о политическомъ единствѣ Италіи — доминирующая въ политическомъ міросозерцаніи Маккіавелли и для достиженія этой цѣли всѣ средства казались ему одинаково хорошими. Это былъ умный эгоистъ, котораго нельзя назвать лично безчестнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зоркій наблюдатель современности, притомъ очень начитанный въ древней исторіи, только подводившій итоги подъ всѣмъ видѣннымъ, слышаннымъ, читаннымъ, чтобы изъ этого вывести практическіе совѣты, какъ поступать для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Онъ самъ го-

ворилъ, что предпочитаетъ „при описаніи какого-либо предмета разсматривать его сущность, а не отдаваться мечтательнымъ увлеченіямъ". Это былъ до мозга костей политическій реалистъ, находившій неумѣстнымъ „изображать государей и республики такими, какими ихъ никому и никогда не удавалось встрѣчать въ дѣйствительности". Подобныя мечтанія, думаетъ Маккіавелли, годны лишь на то, чтобы вести себя и другихъ къ прямой гибели: „человѣкъ, аргументируетъ онъ, желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ, неизбѣжно долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго безчестнаго большинства". Крайне пессимистическій взглядъ на человѣческую природу проходитъ красною нитью черезъ весь трактатъ о государѣ, да и самъ авторъ не высоко ставилъ нравственное совершенство, оцѣнивая всѣ политическія явленія съ точки зрѣнія выгоды. Для него конечная цѣль политической дѣятельности — общее благо, для осуществленія котораго правительство не должно останавливаться ни передъ какими средствами: если нельзя дѣйствовать добромъ, дѣйствуй зломъ, ибо средній путь ведетъ только къ погибели. „Люди, говоря вообще, — думалъ Маккіавелли, — неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны" и „скорѣе бываютъ готовы оскорблять тѣхъ, кого любятъ, чѣмъ тѣхъ, кого боятся": вообще „любовь держится на тонкой основѣ благодарности, тогда какъ страхъ наказанія никогда не оставляетъ человѣка".

Однимъ словомъ, и для „освобожденія Италіи отъ варваровъ", и для обузданія злой природы людей Маккіавелли одинаково считалъ нужнымъ установленіе сильной власти, дѣйствующей сильными же средствами. Республику онъ считалъ годною лишь тогда, когда политическая дѣятельность должна была быть направлена только на поддержаніе существующаго, но когда государство едва созидается или преобразовывается, когда нужно объединить страну, когда существуетъ своевольная аристократія, властвующая надъ народомъ, а самъ народъ морально испорченъ, тогда Маккіавелли рекомендуетъ монархію. Съ политическою объективностью, ужасающею своею откровенностью, онъ разсказывалъ, какъ создаются, поддерживаются и управляются государства, независимо отъ образа ихъ правленія, и какъ въ нихъ пріобрѣтается, сохраняется и примѣняется верховная власть, — и выводилъ отсюда правила политическаго поведенія. Государь,

желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непремѣнно долженъ пріобрѣсти умѣніе казаться или не казаться таковымъ, смотря по обстоятельствамъ. Онъ не долженъ опасаться осужденія за тѣ пороки, безъ которыхъ невозможно сохраненіе верховной власти, такъ какъ, изучивъ подробно разныя обстоятельства, легко понять, что существуютъ добродѣтели, обладаніе которыми ведетъ только къ гибели лицо, ими обладающее, и есть пороки, усваивая которые, государи могутъ только достигнуть безопасности и благополучія". Одна изъ главъ трактата (XVII) посвящена вопросу о томъ, лучше ли государю пользоваться любовью своихъ подданныхъ или возбуждать къ себѣ страхъ. „Я нахожу нужнымъ, отвѣчаетъ Маккіавелли на этотъ вопросъ, чтобы государи достигали того и другого, но такъ какъ осуществить это трудно, и государямъ приходится обыкновенно выбирать, то въ видахъ личной ихъ выгоды замѣчу, что полезнѣе держать подданныхъ въ страхѣ".

Государство Маккіавелли есть государство совершенно свѣтское, какъ это и приличествуетъ гуманистической эпохѣ. Секуляризація государства вообще сопровождалась перенесеніемъ на него того высшаго на землѣ авторитета, какимъ для средневѣкового католическаго міросозерцанія была церковь. Маккіавелли католической церкви ставилъ даже въ вину то, что Италія его времени не имѣла общей республиканской или монархической власти, ибо никогда духовная власть, пріобрѣтшая и мірскія владѣнія, по его словамъ, не была настолько могущественна и достойна, чтобы занять всю Италію, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшала въ этомъ всякому другому, постоянно призывая къ себѣ для этого какую-нибудь внѣшнюю помощь. Вообще Маккіавелли видѣлъ въ религіи, главнымъ образомъ, одно изъ сильныхъ орудій власти, т.-е. подчинялъ религію политикѣ, какъ это было въ античномъ мірѣ. Въ своихъ „Разсужденіяхъ о первой декадѣ Тита Ливія" (Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio) онъ одну главу посвятилъ религіи римлянъ, гдѣ разсматриваетъ религіозныя установленія второго изъ легендарныхъ римскихъ царей, Нумы Помпилія, какъ „средство прежде всего необходимое для насажденія гражданскаго быта". Нума, говоритъ онъ, основалъ религію такъ, что въ теченіи многихъ вѣковъ нигдѣ не было такой богобоязненности, какъ въ этой республикѣ, и это облегчало всѣ предпріятія сената и великихъ

римскихъ мужей. Изучая римскую религію, можно увидѣть, какую пользу оказывала религія для начальствованія войскомъ, для соглашенія народа, для поддержанія добрыхъ гражданъ и для посрамленія злыхъ. Гдѣ нѣтъ религіознаго страха, тамъ государство или распадается, или должно сохраняться боязнью къ государю, который въ этомъ случаѣ замѣняетъ религію". Поэтому, по мнѣнію Маккіавелли, „государи и республики, желающіе сохранить государство отъ порчи, должны прежде всего соблюдать въ чистотѣ религіозные обряды и всегда поддерживать уваженіе къ нимъ,... и вообще поощрять и поддерживать все, что благопріятствуетъ религіи, хотя бы даже считали все это обманомъ и ложью". Будучи самъ раціоналистомъ, Маккіавелли даже прибавляетъ, что „чѣмъ болѣе правители мудры, чѣмъ болѣе свѣдущи въ познаніи природы, тѣмъ болѣе обязаны поступать такимъ образомъ", и что откуда бы ни возникла существующая во всѣхъ религіяхъ вѣра въ чудеса, „мудрые всегда ее поддерживаютъ, и авторитетъ ихъ внушаетъ довѣріе остальныхъ"[1]).

Уже давно общимъ мѣстомъ даже историческихъ учебниковъ сдѣлалось указаніе на то громадное вліяніе, которое „Государь" Маккіавелли, оказалъ на правителей XVI в., для которыхъ трактатъ сталъ своего рода, какъ говорится, настольной книгой. При той распространенности по всей Западной Европѣ въ XVI в., какою отличалась итальянская культура, съ одной стороны, и при тѣхъ абсолютистическихъ стремленіяхъ, которыми характеризуется королевская политика этой эпохи, нѣтъ ничего удивительнаго, что книга флорентійскаго политика съиграла роль учебника абсолютизма, и въ этомъ отношеніи важны нетолько обычныя ссылки на отдѣльныхъ государей, читавшихъ Маккіавелли, но и нѣкоторые менѣе извѣстные факты въ родѣ того, что знаменитый Томасъ Кромвель, названный „молотомъ монаховъ" за энергичное содѣйствіе Генриху VIII при секуляризаціи собственности монастырей, еще за долго до своего вызвышенія рекомендовалъ кардиналу Реджинальду Полю взять за руководство въ политикѣ практическіе совѣты Маккіавелли. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятно и то, что защитники политической

[1]) Выдержки изъ „Государя", которыми я уже пользовался въ главѣ XXXII перваго тома „Исторіи Западной Европы", сдѣланы по русскому переводу подъ редакціей *Н. Курочкина*, изданному въ 1869 г.

свободы въ XVI в. выступали полемистами противъ автора книги „О государѣ“.

Итальянскій принципатъ самъ по себѣ былъ не въ состояніи создать что-либо прочное вслѣдствіе отсутствія историческихъ корней и какой бы то ни было связи съ идеею національности, тѣмъ болѣе, что лишенная политическаго единства Италія какъ-разъ въ эпоху развитія въ ней тиранніи сдѣлалась добычею иностранныхъ завоевателей. Совсѣмъ другое мы видимъ въ странахъ, гдѣ уже образовались національныя государства съ королевскою властью, имѣвшею глубокіе корни въ прошломъ, т.-е. не бывшею результатомъ временнаго захвата верховенства надъ страною. Въ Испаніи, во Франціи, въ Англіи и другихъ мѣстахъ абсолютизмъ не возникалъ, какъ совершенно новая власть безъ непосредственныхъ историческихъ прецедентовъ, а, такъ сказать, прививался къ старой, уже издавна существовавшей власти, которая если со временъ феодализаціи и не пользовалась неограниченными правами, то не порывала свои связи, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, — съ традиціями абсолютизма. Мы и разсмотримъ теперь, какъ около 1500 г. абсолютизмъ установился въ государственной жизни Испаніи, Франціи и Англіи. При всемъ разнообразіи отношеній въ этихъ трехъ странахъ исторія водворенія въ нихъ королевскаго самодержавія представляетъ немало общихъ, типическихъ чертъ.

Извѣстно, что Испанія составилась изъ соединенія королевствъ Кастиліи и Арагона, начало которому было положено бракомъ кастильской королевы Изабеллы съ арагонскимъ королемъ Фердинандомъ въ 1469 г. Соединеніе это не было, однако, полнымъ сліяніемъ, и какъ Кастилія, такъ и Арагонъ сохранили свою особность, свои отдѣльныя конституціи, свои мѣстныя сословно-представительныя учрежденія, кортесы, какъ сохранили ихъ Каталонія и Валенсія, еще ранѣе лишившіяся значенія самостоятельныхъ государствъ. Главное различіе между обѣими главными частями новой монархіи заключалось въ томъ, что кастильская конституція отличалась бо̀льшимъ демократизмомъ и меньшимъ ослабленіемъ королевской власти, арагонская, наоборотъ, бо̀льшимъ аристократизмомъ при болѣе значительномъ ограниченіи королевской власти. Соединеніе обоихъ королевствъ подъ однимъ скипетромъ давало возможность общему правительству пользоваться силами одной части монархіи противъ другой, что и наблю-

дается во время кастильскаго движенія противъ усиленія королевской власти въ 1521 г. и аналогичнаго движенія въ Арагонѣ въ 1590 г. Кастильцы и арагонцы были какъ бы двумя отдѣльными національностями, не имѣвшими общихъ политическихъ интересовъ. Если что и спаивало ихъ въ единую испанскую націю, то это былъ воинствующій католицизмъ, выработавшій въ испанцахъ во время многовѣковой борьбы ихъ съ маврами страстный религіозный фанатизмъ. Въ 1492 г. Фердинандъ и Изабелла положили конецъ послѣднему мусульманскому владѣнію на югѣ полуострова, Гренадѣ, что страшно подняло національное значеніе испанской королевской власти. Особенно знаменательно то, что кортесы самой значительной и сильной изъ областей монархіи, Кастиліи, не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія, потому что съ 1480 по 1498 года даже не были ни разу собраны, какъ безъ ихъ же согласія Испанія приняла участіе и въ итальянскихъ войнахъ.

Порѣже созывать сословно-представительныя собранія—такова была вообще политика всѣхъ королей, стремившихся къ абсолютной власти. Почти полныя два десятилѣтія безъ созыва государственныхъ чиновъ и притомъ въ такой важный моментъ національной жизни, какъ окончательное освобожденіе послѣдняго куска испанской территоріи отъ мавританскаго владычества, — фактъ весьма, конечно, знаменательный. Но королевская политика повсемѣстно пускала въ ходъ и другія мѣры—ограниченіе компетенціи чиновъ и извлеченіе для себя выгодъ изъ сословнаго антагонизма. Вступленіе Изабеллы на тронъ кастильскихъ королей сопровождалось анархіей, и въ концѣ концовъ сама королева была обязана своимъ упроченіемъ на престолѣ кортесамъ. Вся политика Изабеллы была направлена къ тому, чтобы ослабить сословія, пользуясь однимъ противъ другого. Духовенство въ кастильскихъ кортесахъ не играло особенно важной роли, и его скоро удалось сдѣлать послушнымъ орудіемъ королевской власти. Конкордатъ, заключенный въ 1482 г. съ папствомъ, даровалъ коронѣ право представленія на высшія духовныя должности, что открывало

[1]) О кортесахъ вообще „Помѣстье-государство", стр. 283 и слѣд., объ ихъ упадкѣ, стр. 345 и слѣд. Собственно говоря, бракъ Изабеллы съ Фердинандомъ предшествовалъ вступленію обоихъ на ихъ престолы (1474 и 1479).

передъ властью возможность огромнаго вліянія на составъ клира, а это при тѣсномъ сліяніи въ Испаніи политики, религіи и національнаго патріотизма само по себѣ давало королевской власти большую силу. На почвѣ этого же единенія государства, церкви и націи выросло и учрежденіе инквизиціи, направленной сначала противъ иновѣрцевъ и инородцевъ (евреевъ и мавровъ), противъ вѣроотступниковъ и еретиковъ, но мало-по-малу и притомъ довольно-таки скоро превратившейся въ чрезвычайное судилище и по дѣламъ государственной измѣны. Первый инквизиціонный трибуналъ былъ учрежденъ въ Севильѣ въ 1480 г., и не прошло много времени, какъ такихъ судилищъ было основано еще тринадцать и даже ихъ дѣятельность была объединена подъ главенствомъ знаменитаго Торквемады. Инквизиція сдѣлалась весьма сильнымъ орудіемъ власти противъ всякой оппозиціи, и конфискація имуществъ осужденныхъ превратилась въ одинъ изъ источниковъ обогащенія королевской казны. Въ началѣ XVI в. въ руки инквизиціи была передана и книжная цензура. Церковь въ лицѣ папы оказала еще одну услугу испанскому абсолютизму. Въ Кастиліи существовали три духовно-рыцарскихъ ордена, обладавшихъ весьма большими матеріальными средствами, и вотъ Изабелла выхлопотала у папы буллу, дѣлавшую па вѣчныя времена великое магистерство въ этихъ орденахъ достояніемъ кастильской короны.

Сила свѣтскихъ сословій тоже была ослаблена. Противъ знати корона оперлась на городское сословіе, пользовавшееся въ Кастиліи большимъ значеніемъ, благодаря внутреннему самоуправленію городовъ и вліятельному участію въ кортесахъ. Издавна города вступали между собою въ союзы, называвшіеся *эрмандадами* (hermandad), чѣмъ для утвержденія своей власти противъ мятежныхъ грандовъ и воспользовалась Изабелла, организовавъ общую эрмандаду, которая помогла ей сурово подавить аристократическую смуту. Городское же сословіе помогло королевѣ на собраніи кортесовъ отнять у грандовъ неправильно захваченные ими королевскіе домены, лишить ихъ правъ (чисто-феодальныхъ) войны и чеканки монеты и т. п. Съ другой стороны, католическіе супруги привлекали знать ко двору, осыпая наиболѣе покорныхъ и угодливыхъ всякими милостями и раздавая имъ разныя важныя должности, между прочимъ, наполняя грандами и свой главный правительственный совѣтъ. (Впрочемъ, въ послѣднемъ

численное преобладаніе принадлежало не знати, а классу *летрадовъ*, ученыхъ юристовъ, пропитанныхъ монархическими принципами римскаго права,—фактъ аналогіи котораго мы встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ [1]). Старый антагонизмъ монархіи и феодализма не помѣшалъ образованію въ Кастиліи около 1500 г. союза между государственною властью и знатнымъ дворянствомъ, и власть съумѣла использовать начавшееся сближеніе, когда противъ нея поднялись города.

Значеніе и роль кастильскихъ городовъ при Изабеллѣ уже клонились къ упадку. Королевская власть еще раньше, съ XIV в., стала стѣснять городское самоуправленіе назначеніемъ надъ городскими общинами особыхъ контролеровъ, или *коррехидоровъ* (corregidores). Притомъ города сами ослабляли свою силу въ кортесахъ тѣмъ, что семнадцать изъ нихъ, наиболѣе значительныхъ, добились признанія только за собою права представительства, причемъ нерѣдко посылали въ кортесы своими представителями дворянъ, переселившихся въ города, пріобрѣтшихъ тамъ права̀, но не отказавшихся отъ своихъ дворянскихъ привилегій. Выше было сказано, что въ началѣ царствованія Изабеллы кастильскіе города заключили между собою союзъ, назвавшійся даже „священною эрмандадою“, обладавшій вооруженною силою и творившій судъ и расправу надъ мятежниками. Былой независимости старыхъ эрмандадъ, боровшихся большею частью противъ знати, но иногда и противъ королевской власти, этотъ городской союзъ семидесятыхъ годовъ XV в., однако, уже не имѣлъ, съигравъ роль только общественнаго орудія королевской власти. Изабелла воспользовалась кортесами, когда ей нужно было утвердить свои права противъ другихъ претендентовъ на корону и подавить внутреннюю смуту, въ которой участвовала знать, но это не значило, что кортесы и города стали пользоваться при ней вліяніемъ и властью. Когда кортесы собирались, отъ нихъ стали требовать, чтобы все происходящее въ ихъ засѣданіяхъ, бывшихъ до того времени тайною самихъ чиновъ, доводилось до свѣдѣнія власти, а предсѣдательствовать въ собраніяхъ долженъ былъ ex officio назначавшійся короною предсѣдатель упомянутаго уже правительственнаго учрежденія, „королевскаго совѣта правосудія“, въ которомъ преобладаніе принадлежало абсолютистамъ-летрадамъ. Что касается

---

[1]) См. ниже, въ гл. IX.

до внутренняго самоуправленія городовъ, то ему былъ нанесенъ чувствительный ударъ распространеніемъ на всѣ безъ исключенія города Кастиліи должности коррехидоровъ, имѣвшей раньше скорѣе исключительный характеръ.

Изъ супружеской „четы" католическихъ государей первою умерла Изабелла (1504), оставивъ наслѣдницей своихъ королевскихъ правъ въ Кастиліи дочь Іоанну, получившую въ исторіи прозвище Безумной. Эта принцесса была выдана замужъ за Филиппа Красиваго, сына императора Максимиліана I и обладательницы „бургундскаго наслѣдства" Маріи, дочери Карла Смѣлаго. Въ 1500 г. отъ этого брака родился въ Брюсселѣ будущій король Испаніи Карлъ I, онъ же Карлъ V, какъ „римскій императоръ". Ребенку было только шесть-семь лѣтъ, когда умеръ его отецъ (1506), и его поспѣшили провозгласить королемъ Кастиліи. Вопреки обычаю, на это не было испрошено согласія кортесовъ, и только по смерти Фердинанда (1516), да и то нѣкоторое время спустя послѣ долгихъ препирательствъ съ обѣихъ сторонъ кастильскіе кортесы согласились признать своимъ королемъ молодого Карла (1518). Арагонскіе чины пошли дальше и сначала упорно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отказывались признать Карла, пока жива была его душевнобольная мать; только съ великимъ трудомъ удалось ихъ уломать и вынудить у нихъ вотированіе субсидій. Еще несговорчивѣе были чины маленькой Каталоніи, съ которыми Карлъ бился цѣлый годъ, пока не достигъ нѣкоторой денежной помощи. Чины Валенсіи обнаружили также крайне оппозиціонный духъ. Между тѣмъ, въ Германіи умеръ другой дѣдъ Карла, императоръ Максимиліанъ, и курфюрсты выбрали ему преемникомъ молодого испанскаго государя. Кастильскіе кортесы протестовали противъ отъѣзда Карла въ Германію и наотрѣзъ отказали въ субсидіяхъ, такъ что только подкупомъ однихъ и насиліями надъ другими совѣтникамъ Карла удалось кое-чего достигнуть. Эти совѣтники были фламандцы или бургундцы, сильно раздражавшіе гордыхъ кастильцевъ. Въ 1521 г., въ отсутствіе Карла, произошло знаменитое возстаніе *коммунеровъ*, направившееся и противъ дворянства, что заставило это сословіе стать на сторону королевской власти. Какъ извѣстно, возстаніе было подавлено, и вмѣстѣ съ нимъ окончилась политическая роль кастильскихъ городовъ, а вмѣстѣ съ ними и кортесовъ, въ которыхъ имъ принадлежало первенствующее мѣсто. Въ 1538 г. Карлъ

запретилъ дворянамъ, какъ таковымъ, появляться на кортесахъ, и послѣдніе превратились въ односословную палату депутатовъ отъ 17 привилегированныхъ городовъ, среди которыхъ было немало дворянъ, представлявшихъ городское сословіе и тѣмъ охотнѣе соглашавшихся на субсидіи, что сами, какъ дворяне, были свободны отъ налоговой тяжести. Противъ Кастиліи правительству Карла помогли силы Арагона, какъ семьдесятъ лѣтъ спустя сыну Карла, Филиппу II, силы Кастиліи пришли на помощь противъ Арагона [1]).

Одновременно съ Испаніей переходитъ къ абсолютизму во второй половинѣ XV и въ первой половинѣ XVI в. и Франція. Исторія королевской власти въ этой странѣ представляетъ большой интересъ, ибо на этой исторіи мы можемъ прослѣдить съ особою наглядностью, какъ весьма незначительная и очень слабая власть чисто феодальнаго сеньёра, владѣвшаго небольшою областью на среднемъ теченіи Сены, превратилась въ неограниченную королевскую власть надъ цѣлою обширною страною [2]). Въ этомъ затянувшемся на нѣсколько столѣтій процессѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны, которыя можно обозначить, какъ стороны количественную и качественную, т.-е. расширеніе территоріи, находившейся подъ непосредственнымъ верховенствомъ французскаго короля, и усиленіе той власти, какою онъ пользовался надъ этою территоріей.

Въ первомъ отношеніи, если мы сопоставимъ и сравнимъ, наприм., историческія карты Франціи, на которыхъ обозначены границы королевскаго „домена" въ концѣ XII вѣка, еще до крупныхъ присоединеній, начало каковымъ было положено пріобрѣтеніемъ Нормандіи, и въ серединѣ первой половины XIV в., когда на престолъ вступила династія Валуа, то увидимъ, какъ за эти полтора вѣка выросъ королевскій доменъ: въ 1180 г. это—узкая территорія около Парижа и Орлеана, едва переходящая на сѣверъ за среднее теченіе Сены и на югъ за среднее теченіе Луары, а въ 1328 г. доменъ охваты-

[1]) Противъ Филиппа II въ концѣ его царствованія въ Арагонѣ произошло возстаніе, послѣ подавленія котораго верховный судья, стражъ вольностей страны, превратился въ королевскаго чиновника, значеніе кортесовъ было урѣзано и около столицы (Сарагоссы) была воздвигнута крѣпость для кастильскаго гарнизона.

[2]) Факты изъ политической исторіи Франціи, на которые здѣсь дѣлаются ссылки, см. въ „Помѣстьѣ-государствѣ", стр. 135 и слѣд., 229 и слѣд. и др.

ваетъ почти всю страну отъ Ламанша до Средиземнаго моря, хотя большею частью безъ западныхъ и восточныхъ окраинъ и съ вкрапленными въ доменъ владѣніями нѣкоторыхъ феодаловъ. Столѣтняя англо-французская война второй половины XIV и первой половины XV в. задержала-было это „собираніе" Франціи ея національными королями, но едва англичане были изгнаны, какъ процессъ собиранія возобновился путемъ браковъ съ наслѣдницами крупныхъ феодовъ, всякаго рода сдѣлокъ съ вассалами, присоединеній къ домену выморочныхъ владѣній, конфискацій, завоеваній. Еще въ XVI вѣкѣ Франція, однако, не была еще окончательно объединена, и въ ней различали доменъ короны и феодальныя земли, но первый былъ неизмѣримо больше вторыхъ, находившихся притомъ большею частью въ рукахъ принцевъ крови и все болѣе и болѣе пользовавшихся внутренней автономіей лишь номинально. Постепенность и неравномѣрность процесса собиранія Франціи отразилась впослѣдствіи на крайней пестротѣ ея провинціальныхъ вольностей, привилегій, правъ и вообще учрежденій.

Другимъ процессомъ было усиленіе самой власти. Изъ всѣхъ средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій наименьшую политическую роль играли, въ самой незначительной степени ограничивая королевскую власть, какъ разъ французскіе генеральные штаты [2]). О нихъ можно даже сказать, что они скорѣе помогали королевской власти въ дѣлѣ сплоченія страны и подчиненія мѣстныхъ властей королевскому авторитету, чѣмъ ограничивали королевскія права. Сословное устройство представительства съ вытекавшими изъ него послѣдствіями, соперничество съ генеральными штатами провинціальныхъ штатовъ, неопредѣленность состава штатовъ, способовъ совѣщанія, самой ихъ компетенціи, отсутствіе какихъ-либо прочныхъ гарантій, все это дѣлало штаты довольно-таки безсильнымъ учрежденіемъ. Наоборотъ, идея королевской власти, какъ высшей носительницы законности и справедливости, давно жила въ народномъ сознаніи. Французской націи пришлось отстаивать свою независимость отъ дерзкихъ иноземцевъ англичанъ, раздиравшихъ страну, мучившихъ населеніе, и въ этой борьбѣ съ внѣшнимъ

---

[1]) См. въ указанной книгѣ карты IV и V.

[2]) Тамъ же, стр. 222 и 244—245.

врагомъ король являлся національнымъ вождемъ, который одинъ могъ, по народному представленію, прогнать иноземцевъ, усмирить внутреннихъ насильниковъ, установить миръ, порядокъ и законность. Благополучное окончаніе столѣтней войны,—которая къ тому же ослабила силы феодаловъ, своими распрями усложнившихъ эту тяжелую для населенія борьбу,—весьма значительно содѣйствовало подъему королевскаго престижа. Карлъ VII, Людовикъ XI, Карлъ VIII, Людовикъ XII одинъ за другимъ, каждый по-своему пользовались настроеніемъ народной массы, видѣвшей въ сильномъ правительствѣ лучшее средство противъ внутренней анархіи и своеволія знати, какъ пользовались и антагонизмомъ высшихъ сословій, и разрозненностью оппозиціонныхъ силъ, чтобы постепенно укрѣплять уже занятыя королевскою властью позиціи и занимать новыя позиціи въ ущербъ и феодальному раздробленію, и сословному представительству, и областному или муниципальному самоуправленію.

Еще Карлъ VII довольно часто созывалъ штаты, нуждаясь въ общественномъ содѣйствіи для уврачеванія бѣдствій, причиненныхъ Франціи столѣтнею войною, но большею частью это были крайне неудачныя собранія, не умѣвшія справиться съ тѣми задачами, которыя имъ надлежало разрѣшать [1]. Штаты этой эпохи не съумѣли даже удержать за собою то право относительно котораго наименѣе было сомнѣній, право установленія налоговъ, и даже составилось такое представленіе, что въ 1439 г. штаты, собранные въ Орлеанѣ, дали формальное согласіе на установленіе постоянной королевской таліи, т.-е. налога, назначеніемъ котораго было содержаніе постояннаго королевскаго войска [2]. При Людовдкѣ XI штаты были собраны уже только одинъ разъ, въ 1468 г., да и тѣ лишены были какого бы то ни было серьезнаго значенія. Затѣмъ штаты собираются все рѣже и рѣже, въ концѣ XV в. только одинъ еще разъ, въ 1484 г., и въ началѣ XVI столѣтія тоже только одинъ разъ, въ 1506 г., такимъ образомъ съ промежутками въ 16 лѣтъ и 22 года, послѣ чего слѣдуетъ еще одинъ очень длинный промежутокъ, почти въ полустолѣтіе, такъ какъ вторыми по счету штатами XVI в. были тѣ, которые были собраны въ 1548 г., что составляетъ перерывъ въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 241.

[2]) Тамъ же, стр. 242. Объясненіе термина *талія* тамъ же, стр. 75.

42 года. Когда короли этой эпохи нуждались въ совѣтѣ и содѣйствіи общественныхъ силъ, они, начиная съ Людовика XI, прибѣгали къ созыву свѣдущихъ людей или такъ-называемыхъ *нотаблей*, т.-е. лицъ изъ всѣхъ трехъ сословій королевства, но въ очень ограниченномъ числѣ, по королевскому выбору и съ весьма ограниченной компетенціей (для совѣщанія по какимъ-либо частнымъ вопросамъ). Нѣкоторыя изъ указанныхъ собраній штатовъ, по отзыву французскихъ историковъ, скорѣе были похожи на съѣзды приглашенныхъ королемъ лицъ, чѣмъ на настоящіе генеральные штаты; особенно это относится къ собранію 1506 г. Въ царствованіе Франциска I уже ниразу не происходило созыва сословныхъ представителей. Правда, въ серединѣ второй половины XVI и въ началѣ XVII в., при Генрихѣ II, Францискѣ II, при Генрихѣ III, въ малолѣтство Людовика XIII снова возобновился созывъ штатовъ,—опять, впрочемъ, съ очень большими перерывами,—но ни при Карлѣ IX, ни при Генрихѣ IV ихъ тоже не было, а послѣ 1614 г. они не созывались вплоть до 1789 г., т.-е. 175 лѣтъ.

Генеральные штаты умерли во Франціи не отъ внѣшняго насилія, т.-е. не отъ какого-либо государственнаго переворота или разгона, а естественною смертью, отъ дѣйствія внутреннихъ причинъ, отъ дѣйствительной, самою историческою наукою признанной неработоспособности. И въ 1789 г. они сдѣлались способными къ работѣ только послѣ того, какъ перестали быть сословными генеральными штатами и превратились въ безсословное національное собраніе. Въ лучшія еще времена штаты доставляли правительству матеріалъ для его законодательныхъ мѣропріятій и административныхъ распоряженій, но съ середины XV в. королевская власть во Франціи все болѣе и болѣе работаетъ лишь съ разными совѣтами, ни въ чемъ не ограничивавшими власти короля, имѣвшими чисто дѣловой характеръ и своею дѣятельностью только содѣйствовавшими централизаціи управленія страною. Въ нихъ дѣятельную роль играли воспитанные на изученіи римскаго права юристы, прямые преемники средневѣковыхъ легистовъ, и случалось, что ихъ чуть не цѣлыми партіями выписывали въ Парижъ изъ южной Франціи, бывшей, какъ извѣстно, страною „писаннаго права“ (pays du droit écrit) въ отличіе отъ сѣвера съ его обычнымъ правомъ. Эти высшіе совѣты въ XV—XVI вв. плодились, соединялись, раздѣлялись и все бо-

лѣе и болѣе дѣлали ненужными штаты, взявъ на себя и законодательныя, и финансовыя функціи.

Конечно, не однѣ отдѣльныя личности королей строили во Франціи зданіе абсолютной монархіи на развалинахъ сословно-представительнаго строя, никогда въ этой странѣ и не получавшаго особаго развитія. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что среди французскихъ королей отъ окончанія столѣтней войны до начала религіозныхъ войнъ мы встрѣчаемся съ крупными представителями абсолютистическихъ стремленій, не чуждыхъ и итальянскаго вліянія. Первая такая фигура — Людовикъ XI, котораго у насъ одно время была своего рода мода сравнивать съ Иваномъ Грознымъ, какъ тоже деспота и тирана. Для современнаго ему англійскаго теоретика сословной монархіи Фортескью [1]) этотъ французскій король былъ типичнымъ представителемъ неограниченнаго государя, воплощеніемъ произвольной и насильственной власти. Правленіе его преемниковъ Карла VIII и Людовика XII, получившаго отъ штатовъ 1506 г. титулъ „отца народа", было болѣе патріархальнымъ, но недаромъ оно получило одобреніе отъ Маккіавелли, автора „Государя". Слѣдующій за ними король, Францискъ I, блестящій кавалеръ, покровитель классическаго возрожденія, новой науки и новаго искусства, является уже настоящимъ абсолютнымъ государемъ, на которомъ уже лежитъ отпечатокъ итальянскаго принципата. Францискъ I первымъ сталъ подписывать свои указы ссылкою на то, что такъ ему, королю, благоугодно: „car tel est notre plaisir", — формула, находящаяся въ несомнѣнной идейной связи съ ученіемъ юристовъ: „quod principi placuit legis habet vigorem", для котораго былъ и французскій переводъ (si veut le roi, si veut la loi). Абсолютизмъ власти короля Франціи былъ отмѣченъ и за ея предѣлами, и напр., венеціанскій посолъ при дворѣ Франциска I писалъ своему правительству, что во Франціи королевская воля отнынѣ все, „даже въ правосудіи, прибавляетъ онъ, потому что не найдется никого, кто рѣшился бы слушаться своей совѣсти, разъ это было бы ослушаніемъ воли короля". Въ свою очередь президентъ парижскаго парламента, высшаго судебнаго учрежденія въ странѣ, говорилъ однажды отъ его

[1]) Тамъ же, стр. 213—215.

имени своему государю, что онъ выше законовъ, и что ордонансы не имѣютъ для него обязательной силы.

Одновременно съ Испаніей и Франціей, абсолютизмъ установился и въ Англіи, именно въ царствованіе династіи Тюдоровъ (1485 — 1603). Мы, видѣли [1]), что въ Англіи ранній абсолютизмъ былъ слѣдствіемъ ея завоеванія нормандцами во второй половинѣ XI в., но что въ XIII столѣтіи деспотизмъ королевской власти вызвалъ противъ себя всесословную оппозицію, результатомъ чего было образованіе парламента, въ концѣ концовъ ограничившаго королевскую власть. Исторія англійскаго парламента есть исторія упорной борьбы съ абсолютистическими стремленіями королей, двое изъ которыхъ въ XIV столѣтіи (Эдуардъ II въ 1327 и Ричардъ II въ 1399) даже лишились короны и жизни, а въ послѣднемъ случаѣ, по волѣ парламента, произошла и перемѣна династіи. Въ XIV и XV вв. парламентъ пріобрѣлъ право установленія налоговъ, изданія законовъ (притомъ по его собственной иниціативѣ) и суда надъ дурными совѣтниками короля [2]). Важное значеніе, какое получилъ въ Англіи парламентъ, явствуетъ, и изъ того, что въ XIV и первой половинѣ XV в. онъ созывался почти ежегодно. Въ серединѣ XV в., однако, начался постепенный упадокъ этого учрежденія, на что указываютъ и болѣе рѣдкія, чѣмъ прежде, его собранія, когда, наприм., при Эдуардѣ IV (1461 — 1483) за 22 года было только четыре созыва парламента, послѣ чего вообще собранія сдѣлались болѣе рѣдкими. Дѣло въ томъ, что это было время великой династической и феодальной усобицы, извѣстной подъ названіемъ войны двухъ розъ (алой и бѣлой), находившихся въ гербахъ двухъ враждебныхъ одна другой отраслей королевскаго дома, и именно эта война много повредила парламенту.

Прежде всего, аристократическое междоусобіе нанесло страшный ударъ значенію и силѣ самой англійской знати, на которыхъ и держалось все значеніе самого парламента. Цѣлыя большія дворянскія фамиліи погибли, и число свѣтскихъ лордовъ къ началу династіи Тюдоровъ до-нельзя уменьшилось (до какихъ-нибудь неполныхъ трехъ десятковъ). Каждая

---

[1]) См. выше, стр. 36 и слѣд.

[2]) Объ англійскомъ парламентѣ въ ср. вв. см. главы XX и XXI „Помѣстья-государства".

партія въ моменты своей побѣды созывала парламентъ, дѣлавшійся простымъ орудіемъ въ рукахъ побѣдителей для наказанія побѣжденныхъ смертью, конфискаціей имуществъ и т. п., и потомъ парламентамъ уже трудно было возвратить себѣ былую независимость. Нація, утомленная междоусобіемъ и анархіей, страстно стремилась къ возстановленію спокойствія и порядка, а потому сама шла на встрѣчу образованію сильной власти. Особыя обстоятельства въ жизни отдѣльныхъ сословій тоже содѣйствовали усиленію правительства. Со временъ проповѣди Виклифа и лоллардовъ духовенство искало сближенія съ королевскою властью, надѣясь на ея защиту противъ своихъ враговъ. Только тѣмъ союзомъ, который образовался въ Англіи между монархіей и клиромъ, и можно объяснить легкость, съ какою, по инициативѣ Генриха VIII, англійскій король объявленъ былъ главою церкви. Отобраніе этимъ королемъ въ казну всей монастырской собственности дало ему возможность отчасти менѣе нуждаться въ парламентскихъ субсидіяхъ, отчасти создать новую поземельную знать, награждая вновь назначаемыхъ лордовъ помѣстьями изъ секуляризованныхъ монастырскихъ имуществъ. Такимъ образомъ, церковная реформація въ XVI в. связала съ королевскою властью интересы духовной и свѣтской аристократіи. Кромѣ того, и вообще имущіе классы въ эту эпоху были за сильную власть, такъ какъ подъ вліяніемъ экономическаго переворота, вызваннаго переходомъ монастырскихъ земель въ свѣтскія руки и введеніемъ въ нихъ новыхъ формъ хозяйства, въ странѣ развился пауперизмъ со всѣми его опасными для общественнаго спокойствія и неприкосновенности частной собственности послѣдствіями. Въ серединѣ XVI в. въ восточной части Англіи было даже серьезное крестьянское возстаніе, подавленное только военной силой.

На почвѣ этого усиленія королевской власти развивается и личный деспотизмъ отдѣльныхъ королей. Особенно въ этомъ отношеніи рельефно выдвигается впередъ фигура современника Карла I въ Испаніи и Франциска I во Франціи, второго изъ династіи Тюдоровъ, Генриха VIII. Это былъ настоящій деспотъ, отличавшійся капризнымъ своеволіемъ и не останавливавшійся передъ мстительными казнями и кровавымъ терроромъ. Противникъ сначала религіозной реформаціи, онъ самъ потомъ началъ ее въ Англіи, никакъ, однако, не будучи въ состояніи остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ и

безпрестанно мѣняя новыя формулы вѣры. Парламентъ, давно привыкшій къ послушанію, дѣлалъ все, что ему приказывалось свыше, вслѣдствіе чего Генрихъ VIII даже и не остерегался собирать его сравнительно часто. Если его отецъ въ тринадцать послѣднихъ лѣтъ своего царствованія созывалъ палаты лишь два раза, а его дочь, Елизавета, за сорокъ пять лѣтъ—лишь тринадцать разъ, то Генрихъ VIII за тридцать семь лѣтъ собиралъ парламентъ двадцать одинъ разъ. Услужливыя палаты и объявляли его главою церкви, и позволяли ему отобрать у монастырей ихъ земли со всѣмъ, что на нихъ находилось, и утверждали тѣ или другія желательныя ему формулы вѣры, дальше чего уже нельзя было идти въ потаканіи королевскому деспотизму. Англійскій абсолютизмъ XVI в. даже не стремился къ уничтоженію народнаго представительства, разъ оно было покорнымъ и удобнымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти. Только въ XVII в., при династіи Стюартовъ, когда въ парламентѣ снова сталъ развиваться оппозиціонный духъ, сдѣлана была попытка управленія безъ созыва парламента, окончившаяся, однако, какъ извѣстно, неудачею. Итальянскія вліянія тоже не миновали Англіи, и упоминавшійся выше поклонникъ Маккіавелли — Томасъ Кромвель былъ лишь однимъ изъ первыхъ „италіонатовъ“, сочувствовавшихъ въ Англіи идеямъ абсолютизма.

ГЛАВА VI.

Эпоха расцвѣта абсолютной монархіи.

Абсолютная монархія въ эпоху итальянскихъ войнъ. — Образованіе универсальной монархіи Карла V. -- Соперничество Карла V и Франциска I. – Упадокъ центральной власти въ Германіи.—Религіозная реформація XVI в. и ея вліяніе на королевскую власть.—Абсолютизмъ и католическая реакція.—Религіозныя войны второй половины XVI и первой половины XVII в.—Французскій абсолютизмъ XVII в. — Историческая роль Ришелье и его подражатель Страффордъ. — Вѣкъ Людовика XIV и его вліяніе на Европу.—Усиленіе абсолютизма во второй половинѣ XVII в. (Данія, Швеція, Венгрія). – Начало прусскаго абсолютизма.—Общіе итоги.

Конецъ XV и начало XVI в., — эпоха, до которой доведенъ въ предшествующей главѣ очеркъ установленія абсо-

лютизма въ Западной Европѣ,—были ознаменованы большими, первыми вообще въ исторіи Западной Европы международными войнами, которыя изъ-за раздробленной и обезсиленной своимъ раздробленіемъ Италіи вели между собою большія національныя монархіи, объединенныя подъ властью ставшихъ или становившихся абсолютными королей. Въ средніе вѣка международныя войны были рѣдки и не втягивали въ разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ съ оружіемъ въ рукахъ одновременно такого числа государствъ, какъ это было въ періодъ такъ называемыхъ итальянскихъ войнъ. Недаромъ поэтому съ этихъ войнъ начинаютъ обыкновенно совершенно новый періодъ въ исторіи западно-европейскихъ международныхъ отношеній. Это было, дѣйствительно, началомъ совершенно новой политики, въ которой видную роль стали играть перемѣнчивыя международныя комбинаціи, охватывавшія сразу нѣсколько большихъ странъ, союзы однихъ государствъ противъ другихъ, коалиціи противъ нарушителей „политическаго равновѣсія“ и пр., и пр., что не могло обходиться безъ постоянныхъ и правильныхъ сношеній между собою отдѣльныхъ правительствъ, безъ посольствъ, какъ постояннаго учрежденія, безъ дипломатической переписки, безъ особыхъ политическихъ искусниковъ въ веденіи переговоровъ, въ устройствѣ соглашеній, въ изобрѣтеніи разныхъ уловокъ и подвоховъ для достиженія заранѣе поставленныхъ цѣлей.

Настоящей родиной этого новаго политическаго искусства была все та же Италія, въ которой многія характерныя явленія послѣдующей западно-европейской исторіи намѣчались ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Итальянскіе государи и республики уже задолго до появленія на полуостровѣ иностранныхъ армій съ завоевательными цѣлями находились въ обладаніи всѣми главнѣйшими средствами веденія сложной международной политики, и государямъ остальной Европы и въ этомъ отношеніи было чему поучиться у итальянскихъ правительствъ XV — XVI вѣковъ. Итальянское политическое искусство касалось не однихъ внутреннихъ отношеній, но и отношеній внѣшнихъ, и, гдѣ нельзя было взять силою, тамъ умѣли достигать цѣли своихъ стремленій дальновиднымъ расчетомъ, хорошимъ знаніемъ слабыхъ сторонъ противника, разнаго рода происками, хитростями и другими подобными же средствами практическаго маккіавеллизма. Итальянскія войны, въ которыхъ приняли участіе Франція, Испанія, императоръ,

Англія, Швейцарія, распространили дѣйствіе системы политическаго равновѣсія и новаго дипломатическаго искусства на всю Западную Европу, но, конечно, участіе въ этихъ войнахъ не могло пройти безслѣдно и для внутренней исторіи отдѣльныхъ странъ, игравшихъ роль въ этой крупной международной войнѣ. Война всегда требуетъ чрезвычайнаго напряженія народныхъ силъ и заставляетъ отдѣльныя націи усиливать свой правительственный аппаратъ, который въ свою очередъ нуждается для веденія своихъ внѣшнихъ предпріятій и въ большомъ количествѣ денегъ, и въ увеличеніи военныхъ силъ. Въ эту эпоху, какъ мы уже знаемъ, государи Западной Европы не особенно охотно созывали государственные сеймы, вотировавшіе субсидіи, и мы еще увидимъ, какими путями они добывали въ это время матеріальныя средства [1]): именно это были денежные займы у тогдашнихъ финансовыхъ тузовъ. И о военной силѣ этой эпохи будетъ идти рѣчь особо въ своемъ мѣстѣ [2]), здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что война вызывала необходимость въ увеличеніи армій, и что тѣ же арміи могли при надобности играть роль физической силы для сокрушенія и внутреннихъ оппозиціонныхъ движеній противъ устанавливавшагося абсолютизма.

Итальянскія войны начались съ нападенія на Неаполь, совершеннаго въ 1494 г. французскимъ королемъ Карломъ VIII, мечтавшимъ послѣ завоеванія этого итальянскаго королевства и объ изгнаніи турокъ изъ Европы, и объ освобожденіи Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ. Предпріятіе противъ Неаполя имѣло временный успѣхъ, въ значительной мѣрѣ благодаря союзу французовъ съ миланскимъ герцогомъ, но затѣмъ противъ завоевателей Неаполя образовался изъ итальянскихъ государствъ союзъ съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Италіи, союзъ, въ которомъ, кромѣ папы (Александра VI) и Венеціи, участвовалъ и недавній союзникъ Карла VIII, миланскій герцогъ. Эта коалиція нашла поддержку въ Фердинандѣ Арагонскомъ и императорѣ Максимиліанѣ, чѣмъ въ начавшуюся борьбу были втянуты еще силы Испаніи и Германіи. Французы послѣ этого были не въ состояніи держаться на полуостровѣ и должны были очистить Неаполитанское королевство, но преемникъ Карла VIII, Людовикъ XII, не захотѣлъ примириться

---

[1]) См. ниже, въ гл. XII.

[2]) См. ниже, въ гл. XI.

съ такимъ печальнымъ исходомъ предпріятія и возобновилъ завоевательную авантюру своего предшественника. Произошло новое вторженіе въ Италію французскихъ войскъ, какъ и въ первый разъ имѣвшее успѣхъ, но и теперь папѣ (Юлію II) удалось образовать подъ названіемъ „священной лиги“ большую коалицію противъ французовъ. Въ ней приняли участіе, какъ главныя ея силы, Венеція, Швейцарія, императоръ Максимиліанъ, Фердинандъ Арагонскій и даже отдаленная отъ театра событій Англія. Французы снова были выбиты изъ вторично занятой-было въ Италіи позиціи, а въ выигрышѣ оказался Фердинандъ, который овладѣлъ Неаполемъ, сдѣлавшимся такимъ образомъ составною частью испанской монархіи. Слѣдующій за обоими французскими королями, потерпѣвшими неудачу въ своихъ итальянскихъ планахъ, Францискъ I равнымъ образомъ не хотѣлъ примириться съ такимъ исходомъ дѣла. „Священная лига“, какъ союзъ, заключенный для достиженія только опредѣленной цѣли, разъ эта цѣль была достигнута, стала распадаться, и это создало благопріятныя условія для временного успѣха и третьяго вторженія французовъ въ Италію въ первый же годъ новаго царствованія во Франціи. Французы одержали на этотъ разъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ надъ нанятыми миланскимъ герцогомъ швейцарцами, славившимися своею непобѣдимостью, но опять противъ побѣдителей образовался большой союзъ, поставившій своею цѣлью также вытѣснить французовъ изъ Италіи. Главную роль въ новой коалиціи игралъ преемникъ Фердинанда въ Испаніи и Максимиліана въ Германіи, ихъ внукъ, молодой Карлъ, но когда онъ нанесъ Франциску I пораженіе, прежніе его союзники, въ томъ числѣ папа и англійскій король, перешли на сторону побѣжденнаго въ войнѣ Франциска I.

Разсказанныя событія отъ вторженія Карла VIII въ Италію (1494) до пораженія Франциска I Карломъ (1525) охватываютъ періодъ времени въ три десятилѣтія. Исходнымъ пунктомъ всей этой первой общеевропейской войны былъ завоевательный планъ Карла VIII, направленный на Неаполь. Когда въ исторической наукѣ началась—въ общемъ весьма справедливая—реакція противъ стараго способа объяснять великія событія изъ личныхъ стремленій государей, то и для войнъ, которыя предпринимались по ихъ прихоти, хотѣли всегда находить какія-либо разумныя основанія, ссылались ли при этомъ на защиту какихъ-либо реальныхъ интересовъ, или на

выполненіе какихъ-либо національныхъ традицій болѣе идеальнаго характера. Несомнѣнно, однако, что войны войнамъ рознь, и что въ исторіи, кромѣ войнъ, такъ сказать, бывшихъ необходимыми и даже въ извѣстномъ смыслѣ полезными, часто бывали войны болѣе или менѣе случайнаго происхожденія, совершенно для народа, ихъ начинавшаго, безполезныя и потому лишенныя всякаго политическаго смысла. Война, которую Фердинандъ и Изабелла вели въ Испаніи противъ Гренады, была, дѣйствительно, выполненіемъ національной традиціи кастильцевъ и государственной потребностью объединявшейся Испаніи, давно уже стремившейся сдѣлаться хозяйкою въ южной части своего полуострова, но для французовъ конца XV и начала XVI столѣтій господство ихъ короля въ Неаполѣ или въ Миланѣ было совершенною ненужностью.

Даже строго держась той точки зрѣнія, что политическія событія въ послѣднемъ счетѣ зависятъ отъ классовыхъ соотношеній, существующихъ въ извѣстномъ обществѣ, можно не выводить возникновеніе тѣхъ или другихъ войнъ непосредственно изъ какихъ-либо конкретныхъ соотношеній между отдѣльными классами, потому что достаточно, наприм., знать, что на почвѣ данныхъ соотношеній выросла такая власть, которая по собственному почину можетъ и произвольно совершать важные политическіе акты, чтобы безъ всякаго противорѣчія съ теоріей зависимости политическихъ событій отъ соціальнаго состоянія страны имѣть право говорить о возникновеніи очень крупныхъ международныхъ осложненій единственно въ зависимости отъ прихоти власть имущихъ [1]). Къ почину французской политики въ исторіи возникновенія итальянскихъ войнъ это общее соображеніе можетъ быть примѣнено всецѣло, какъ и ко многимъ другимъ случаямъ воинственной

---

[1]) *Г. Тарле* въ своей книгѣ „Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ“ (часть I), стоящій, на точкѣ зрѣнія, близкой къ экономическому матеріализму (стр. 3), признавая, что „абсолютизмъ въ свое время создавался и крѣпъ на внѣшнихъ войнахъ“ (стр. 92), совершенно вѣрно въ данномъ случаѣ не считаетъ нужнымъ выводить ведшіяся абсолютизмомъ войны непосредственно изъ „соціально-экономическихъ условій общества въ данный историческій моментъ“, такъ какъ во многихъ случаяхъ непосредственною ихъ причиною бывали „психологическія свойства самого абсолютизма“ (стр. 90—91). Для лицъ, не стоящихъ на точкѣ зрѣнія экономическаго пониманія исторіи, это должно быть еще болѣе понятнымъ.

дѣятельности абсолютизма. Не такъ давно авторъ V тома „Исторіи Франціи“, выходящей въ свѣтъ подъ общею редакціей Лависса, Анри Лемоннье, подвергъ пересмотру вопросъ, насколько французское вмѣшательство въ итальянскія дѣла въ концѣ XV в. соотвѣтствовало интересамъ или, по крайней мѣрѣ, традиціямъ французской націи, какъ это утверждали многіе французскіе историки Новѣйшій историкъ приходитъ къ діаметрально противоположному взгляду и, разбивая аргументацію критикуемыхъ имъ авторовъ, на основаніи фактическихъ данныхъ приходитъ къ тому выводу, что у Карла VIII было много реальнаго дѣла и дома, и за границей, вмѣсто того, чтобы пускаться въ политику приключеній. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, нужно было имѣть больное воображеніе съ пережитками въ придачу средневѣковыхъ идей и химеръ, чтобы среди такихъ обстоятельствъ хлопотать о возстановленіи правъ Анжуйскаго дома на Неаполь и мечтать о завоеваніи Константинополя“ [1]).

Это же общее разсужденіе позволительно примѣнить и къ политикѣ императора Карла V, этого интернаціональнаго государя первой половины XVI в., который тоже велъ свою личную политику въ духѣ абсолютизма, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ государствахъ онъ и былъ формально связанъ сословно - представительными учрежденіями, политику, отличавшуюся притомъ принесеніемъ въ жертву личнымъ цѣлямъ государя интересовъ отдѣльныхъ его странъ.

Мы видѣли уже, какъ произошло соединеніе Кастиліи и Арагона въ испанскую монархію, которая вскорѣ затѣмъ овладѣла королевствомъ Обѣихъ Сицилій и сверхъ того расширила свои владѣнія въ только что открытомъ (1492) Новомъ Свѣтѣ. Мы упоминали также о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали воцареніе внука Фердинанда и Изабеллы въ объединенной ихъ бракомъ Испаніи [2]), но, кромѣ того, Карлъ по смерти своего отца, Филиппа Красиваго, получилъ богатые Нидерланды, въ которыхъ находился главный торговый центръ чуть не всего Запада, Антверпенъ. Смерть его другого дѣда, Максимиліана I, открыла ему путь и къ императорскому престолу въ Германіи. Императорское достоинство было, какъ

[1]) *Ernest Lavisse.* Histoire de France. T. V par *Henry Lemonnier* (P. 1903), часть I, стр. 13—16.

[2]) См. выше, стр. 58.

извѣстно, избирательнымъ, и правомъ замѣщенія вакантнаго трона пользовались такъ называемые курфюрсты, князья-избиратели въ количествѣ семи. Въ 1519 г. претендентами на императорскую корону выступили,—фактъ весьма характерный,— короли Испаніи, Франціи и Англіи. Послѣдній, правда, отсталъ довольно скоро, но соперничество между Карломъ и Франциском̆ъ было довольно упорнымъ, при чемъ оба претендента не жалѣли, въ видѣ аргументовъ въ свою пользу, большихъ денежныхъ выдачъ. Ни для Испаніи, ни для Франціи вовсе не было нужно, чтобы король этой или другой страны сдѣлался императоромъ въ Германіи, и, наприм., въ королевскомъ совѣтѣ Франціи прямо раздавались голоса, доказывавшіе, что избраніе Франциска I въ императоры вовсе не соотвѣтствовало бы истиннымъ интересамъ королевства, но Францискъ I былъ честолюбивъ и хотѣлъ добиться своего; только получивъ извѣстіе объ избраніи Карла, онъ, повидимому, согласился съ тѣмъ, что его неудача, пожалуй, была благомъ и для него самого, и для его королевства.

Подъ скипетромъ Карла V создалась обширнѣйшая имперія, опираясь на силы которой новый императоръ могъ играть первенствующую роль въ международной политикѣ, большею частью, однако, не соотвѣтствовавшую стремленіямъ и интересамъ подвластныхъ ему странъ. О Карлѣ V принято говорить, что онъ не принадлежалъ ни къ какой національности, и на самомъ дѣлѣ, это былъ государь международный, вдохновлявшійся притомъ средневѣковымъ идеаломъ универсальной Священной Римской имперіи. Отдѣльныя страны, входившія въ составъ его монархіи, разсматривались имъ лишь съ точки зрѣнія той выгоды, какую можно было извлечь изъ той или этой для осуществленія универсальныхъ задачъ императорской власти въ томъ ихъ пониманіи, которое было у самого Карла. Еще до избранія своего на императорскій престолъ онъ уже успѣлъ возбудить неудовольствіе среди своихъ испанскихъ подданныхъ тѣмъ, что поручалъ важнѣйшія государственныя дѣла фламандцамъ и бургундцамъ, какъ въ концѣ своего царствованія съумѣлъ раздражить и нѣмцевъ тѣмъ, что началъ диктовать свою волю въ Германіи при помощи введенныхъ въ нее, вопреки условіямъ избранія, испанскихъ войскъ.

При Карлѣ V и Францискѣ I итальянскія войны перешли въ соперническія войны двухъ династій — Валуа и потомъ Бурбоновъ, царствовавшихъ во Франціи, и Габсбурговъ, въ

обладаніи которыхъ были цѣлыя, когда-то самостоятельныя, королевства. Въ поводахъ къ войнамъ и вообще въ причинахъ столкновеній между Францискомъ I и Карломъ V не было недостатка, какъ, съ другой стороны, не было недостатка въ причинахъ и поводахъ къ тому, чтобы въ борьбѣ принимали участіе и другія политическія силы того времени, а именно: папа и Венеція, швейцарцы и Англія, нѣмецкіе имперскіе князья и турки. И въ эту эпоху наблюдается то же явленіе, которое было отмѣчено для предыдущей: первоначально союзники были главнымъ образомъ у Карла V, но когда побѣда перешла на его сторону, нѣкоторые изъ его сторонниковъ, боясь его чрезмѣрнаго усиленія, стали оказывать помощь Франциску I. Когда этотъ король умеръ, борьбу продолжалъ его сынъ Генрихъ II, воевавшій потомъ и съ сыномъ Карла V Филиппомъ II.

Эта международная борьба, наполняющая собою всю первую половину XVI в., не могла не отразиться по выше указаннымъ причинамъ на внутренней исторіи странъ, въ ней участвовавшихъ; особеннымъ же образомъ повліяла она на внутреннюю исторію Германіи.

Въ то время, какъ произошло политическое объединеніе Испаніи и Франціи подъ властью національныхъ королей, Германія, подобно Италіи, хотя и не въ такой степени, оставалась раздробленной въ политическомъ отношеніи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на причинахъ этого явленія, и достаточно указать, что въ Германіи на счетъ единой центральной власти развились власти мѣстнаго характера и двоякаго притомъ рода: княжеская власть и республиканскій строй въ нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ городахъ, единство же этому конгломерату княжествъ и такъ называемыхъ имперскихъ городовъ, кромѣ императора, какъ общаго ихъ главы, придавалъ имперскій сеймъ (рейхстагъ), бывшій съѣздомъ самостоятельныхъ носителей указанной мѣстной власти. Имперія находилась какъ бы въ неустойчивомъ равновѣсіи, и внутренніе раздоры ее страшно обезсиливали, такъ что все болѣе и болѣе въ разныхъ кругахъ германской націи возникалъ вопросъ о необходимости реформы государства на новыхъ началахъ. Князья стремились придать имперіи правильный федеративный строй, но это не входило въ планы императора. Не имѣя возможности сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были національные короли другихъ странъ, общій государь Германіи пред-

почиталъ видѣть силы князей разрозненными, что ему, какъ одному изъ такихъ князей, казалось неизмѣримо выгоднѣе, нежели считаться съ болѣе или менѣе прочнымъ имперскимъ строемъ. Политика императоровъ со второй половины XIII в. состояла въ томъ, чтобы усиливать свои наслѣдственныя княжества, хотя бы и съ потерею прежняго значенія за самою избирательною королевскою властью. Габсбурги, изъ которыхъ съ середины XV в. неизмѣнно стали избираться императоры, особенно вели искусно политику увеличенія своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Передъ избраніемъ на престолъ Карла V, Габсбурга по отцу и по дѣду съ отцовской стороны, внутренній политическій вопросъ Германіи особенно обострился, и особенно сильно чувствовалась и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно настойчиво пропагандировалась необходимость общей реформы имперіи. У князей были свои интересы и стремленія, свои— у имперскихъ городовъ, боявшихся захватовъ со стороны князей, во владѣніяхъ которыхъ города („земскіе" въ отличіе отъ „имперскихъ") не пользовались такой свободой, какая принадлежала имперскимъ городамъ. Особое положеніе занимало въ Германіи такъ называемое имперское рыцарство, феодальное дворянство, сохранившее независимость отъ князей и не желавшее подчиниться судьбѣ земскаго дворянства въ отдѣльныхъ княжествахъ. Сильное броженіе совершалось и въ массѣ сельскаго населенія, положеніе которой и въ юридическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ постоянно ухудшалось по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Въ 1519 г., когда умеръ Максимиліанъ, и курфюрсты избрали въ преемники ему Карла V, и въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ всѣ сторонники государственной реформы возлагали надежды на то, что найдутъ сочувствіе, поддержку и содѣйствіе своимъ планамъ въ молодомъ императорѣ, являвшемся, такъ сказать, центромъ тяготѣнія всѣхъ общественныхъ элементовъ, которые болѣе или менѣе были недовольны князьями, причемъ каждый по своему строилъ идеалъ будущей Германіи съ единымъ императоромъ во главѣ. Но Карлъ V былъ человѣкомъ, наименѣе подходившимъ къ роли, которую ему пришлось бы играть, если бы онъ взялъ на себя исполненіе задачъ общей государственной реформы. Національные интересы и стремленія его германскихъ подданныхъ ему были чужды, и Германія въ общей политической его системѣ была лишь однимъ изъ средствъ для достиженія

универсальныхъ цѣлей. Онъ только на короткое время, въ 1521 г., пріѣхалъ въ Германію, успѣвъ за этотъ пріѣздъ оттолкнуть отъ себя и силу начинавшейся въ странѣ религіозной реформаціи, которою нѣкоторые его современники, наоборотъ, съумѣли воспользоваться для усиленія своей власти.

Надежды на реформу пали, и въ Германіи произошла революція, произошла въ то самое время, когда Карлъ V внѣ Германіи былъ занятъ другими своими дѣлами и главнымъ образомъ войною съ Францискомъ I. Императору удалось пріѣхать снова въ Германію лишь тогда, когда революція въ странѣ была подавлена, и были побѣждены всѣ тѣ силы, которыя могли бы быть опорою центральной власти въ борьбѣ съ княжескимъ мелкодержавіемъ. Самымъ бурнымъ временемъ были годы 1522—1525, годы начала религіознаго движенія, отторгшаго потомъ отъ католицизма половину Германіи, годы возстанія имперскихъ рыцарей, годы великой крестьянской войны. Князья по одиночкѣ разбили и рыцарей, и крестьянъ и съумѣли извлечь для себя пользу изъ церковной реформаціи. Самъ реформаторъ, старавшійся сначала склонить на свою сторону императора, въ эти бурные годы германской революціи рѣшительнѣйшимъ образомъ перешелъ на сторону князей, которымъ и подчинилъ основанную имъ церковь. Князья, принявшіе его реформу, освободились отъ папской власти, подчинили себѣ мѣстное духовенство, отобрали въ свою казну церковныя и монастырскія земли, и, чтобы удержать отъ перехода въ протестантизмъ другихъ князей, папы пошли по отношенію къ нимъ на разныя уступки. Въ тридцатыхъ годахъ реформація дѣлала въ Германіи все новые и новые успѣхи, и княжеская власть еще болѣе консолидировала свои побѣды. Къ серединѣ сороковыхъ годовъ стала даже выясняться серьезная опасность для династическихъ интересовъ Габсбурговъ въ Германіи: изъ семи курфюрстовъ, имѣвшихъ право избирать императора, трое уже были протестантами, и переходъ на сторону реформаціи еще одного грозилъ образованіемъ въ коллегіи курфюрстовъ некатолическаго большинства. Только это заставило Карла V вмѣшаться въ германскія дѣла—черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ князья подавили революцію. Произошло на этотъ разъ столкновеніе между императоромъ и князьями.

Побѣда была сначала на сторонѣ Карла V, но ею онъ былъ обязанъ не поддержкѣ со стороны націи, а разрозненности

среди самихъ князей, главное же—своему испанскому войску. Въ 1548 г. Германія была у ногъ побѣдителя, и онъ считалъ себя въ правѣ диктовать ей свою волю и по раздѣлявшему націю религіозному вопросу. Но это торжество было только временнымъ: нація не хотѣла чужеземнаго деспотизма, спасителями отъ котораго могли явиться теперь князья, и они на этотъ разъ не только болѣе сплотились, но даже вошли въ соглашеніе съ французскимъ королемъ, обѣщая ему территоріальное вознагражденіе („три епископства": Мецъ, Туль и Верденъ) за помощь противъ императора. Извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло. Карлъ V вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ, а побѣдителями надъ императорскою властью были тѣ же самые князья, которые за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ усмирили рыцарское и крестьянское возстаніе. За все это время отъ внутреннихъ германскихъ дѣлъ Карла V отвлекали перипетіи его борьбы съ французскимъ королемъ, и новое монархическое начало, водворившееся въ жизни народовъ Запада на почвѣ сословныхъ антагонизмовъ и національной защиты, воплотилось въ Германіи не въ королевской, а въ княжеской власти. Въ двадцатыхъ годахъ XVI в. князья разбили отдѣльно рыцарство, угнетавшее крестьянскую массу, потомъ крестьянство, ненавидѣвшее рыцарей, а черезъ два съ небольшимъ десятилѣтія они съиграли роль защитниковъ національности отъ испанскаго деспотизма. Правда, пока эти князья сами не были еще абсолютными государями въ своихъ земляхъ, надъ ними все-таки еще были общія учрежденія имперіи, а внутри отдѣльныхъ княжествъ мы все еще видимъ ландтаги или земскіе сеймы, т.-е. собранія мѣстныхъ чиновъ, но и здѣсь дѣло шло къ тому, чтобы и князьямъ Германіи превратиться въ подобіе абсолютныхъ королей. Однимъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи развитія княжеской власти въ Германіи на пути ея превращенія въ абсолютизмъ было принятое аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 г. постановленіе, признававшее за князьями право мѣнять вѣру, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывавшее ихъ подданныхъ слѣдовать религіи князя. Это—знаменитое „cujus regio, ejus religio", т.-е. чья страна, того и вѣра,—правило, дѣйствовавшее потомъ въ Германіи около столѣтія.

Слѣдя за успѣхами абсолютизма въ XVI столѣтіи, не слѣдуетъ забывать, что это былъ вѣкъ не только крупныхъ международныхъ войнъ, но и вѣкъ религіозной реформаціи и

послѣдовавшей за нею католической реакціи, и что какъ реформація, такъ и реакція не прошли безслѣдно для развитія абсолютизма.

Въ исторіи религіознаго движенія XVI в. слѣдуетъ различать два періода, которые для упрощенія общей его схемы мы можемъ назвать періодомъ реформацій монархическихъ и періодомъ реформацій монархомахическихъ, заимствуя послѣдній терминъ изъ обозначенія цѣлой полосы въ исторіи политической литературы второй половины XVI в., когда выступилъ цѣлый рядъ теоретическихъ противниковъ абсолютизма—монархомаховъ. Къ монархическимъ реформаціямъ мы должны отнести тѣ, которыя совершились въ доброй половинѣ германскихъ княжествъ, въ герцогствѣ Прусскомъ, въ Швеціи, въ Даніи, въ Англіи, хотя реформація и проводилась въ нихъ съ согласія и при содѣйствіи государственныхъ сеймовъ, въ нихъ существовавшихъ. Результатъ всѣхъ этихъ реформацій былъ тотъ, что въ названныхъ странахъ монархическая власть не только освобождалась отъ власти папской, но какъ бы сама становилась до извѣстной степени на ея мѣсто (въ Англіи король прямо объявленъ былъ „главою церкви") и подчиняла себѣ духовенство, дѣлая тѣмъ самымъ изъ церкви орудіе государственной власти. Секуляризація церковной и монастырской (въ Англіи одной монастырской собственности) тоже усиливала государей, поскольку, впрочемъ, они добровольно или въ силу необходимости не дѣлились своею добычею съ дворянствомъ.

Иной характеръ имѣли реформаціи народныя, въ политическомъ отношеніи получавшія монархомахическій характеръ. Въ Шотландіи, во Франціи, въ Нидерландахъ протестантизмъ сдѣлался знаменемъ политическаго протеста противъ королевскаго абсолютизма въ эпоху той борьбы, которую вели здѣсь за свои права и высшія сословія, и народъ (послѣдній не вездѣ), равно какъ и сословное представительство, государственные чины. Здѣсь власть, наоборотъ, искала поддержки въ старой церкви, въ свою очередь поддерживая ее противъ натиска со стороны „ереси". Для католическихъ королей протестантизмъ казался явленіемъ политически опаснымъ, и они противъ него боролись въ союзѣ съ церковью, находившею поэтому выгоднымъ для себя содѣйствовать усиленію власти. Католическая реакція вездѣ была въ союзѣ съ абсолютизмомъ, гдѣ только онъ былъ сколько-нибудь силенъ, и этотъ союзъ

алтаря и трона является однимъ изъ важныхъ фактовъ въ исторіи абсолютной монархіи на Западѣ.

Такое соединеніе реакціоннаго католицизма съ абсолютизмомъ проходитъ красною нитью черезъ всю исторію абсолютной монархіи на Западѣ. Самыми яркими примѣрами въ этомъ отношеніи являются габсбургскія государства, гдѣ особенно рельефно сплетались въ королевской политикѣ свѣтскій деспотизмъ съ религіознымъ фанатизмомъ.

Карлъ V еще въ началѣ своего царствованія въ Германіи отдалъ австрійскія наслѣдственныя земли своему брату Фердинанду I, сдѣлавшемуся въ 1526 г. еще обладателемъ коронъ св. Вацлава (чешскою) и св. Стефана (венгерскою). Вслѣдствіе этого династія Габсбурговъ и раздѣлилась по смерти Карла V на старшую, испанскую вѣтвь, потомство самого Карла V, и младшую, австрійскую, потомство Фердинанда I, сдѣлавшагося послѣ отреченія брата отъ престола императоромъ. Обѣ эти вѣтви Габсбурговъ, одна раньше, другая позже, стали на сторону католической реакціи, въ свою очередь поддерживавшей абсолютизмъ и въ Испаніи, и въ Австріи. Менѣе постоянна была связь абсолютизма съ католической реакціей во Франціи, гдѣ королевская власть по временамъ умѣла освобождаться отъ служенія интересамъ католицизма, но въ концѣ концовъ и здѣсь установилось единеніе между алтаремъ и трономъ, особенно при Людовикѣ XIV. Даже Англія, въ первой половинѣ XVI в. оттоpгшаяся отъ Рима, не избѣжала участи видѣть соединеніе абсолютистической политики съ вожделѣніями реакціоннаго католицизма. Въ 1685 г., когда во Франціи Людовикъ XIV наносилъ ударъ существовавшей въ ней вѣротерпимости, англійскій престолъ занялъ католикъ Іаковъ II, мечтавшій о низверженіи англійской конституціи и реставраціи католицизма, за что, впрочемъ, и поплатился своею короною.

Итакъ, главными представителями строго католическаго абсолютизма были испанскіе и австрійскіе Габсбурги. Начиная съ Филиппа II испанскаго, цѣлый рядъ государей изъ этой династіи ведетъ войны, въ которыхъ немалое значеніе принадлежитъ борьбѣ съ протестантизмомъ, желанію доставить торжество единой спасающей церкви. Религіозными войнами наполнены вторая половина XVI и первая половина XVII столѣтій, вплоть до вестфальскаго мира 1648 г., окончившаго тридцатилѣтнюю войну. Эти войны были и внутренними,

гражданскими междоусобіями, и войнами международными, въ которыхъ продолжалась и борьба между Габсбургами и французскою династіей. Конечно, общее вліяніе ихъ на исторію абсолютизма было такое же, какое принадлежитъ итальянскимъ войнамъ и соперническимъ войнамъ Франциска I и Карла V, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ онѣ получали и совершенно особое значеніе.

Францію религіозное междоусобіе раздирало въ теченіе почти всей второй половины XVI в. Это было эпохой временнаго ослабленія королевской власти при послѣднихъ Валуа, трехъ сыновьяхъ Генриха II, т.-е. Францискѣ II, Карлѣ IX и Генрихѣ III. Во Франціи при нихъ оживилось оппозиціонное настроеніе знати и буржуазіи, стали снова созываться генеральные штаты, заговорившіе языкомъ политической свободы, и появилась монархомахическая литература. Но, какъ и прежде, штаты второй половины XVI в.,—да и по тѣмъ же, что и прежде, причинамъ, ничего не создали, и политическая борьба выродилась въ феодальную анархію, такъ какъ губернаторы отдѣльныхъ провинцій не прочь были превратиться въ наслѣдственныхъ правителей своихъ областей, а болѣе мелкіе сеньёры воскресили худшія времена угнетенія народной массы. Это ослабленіе королевской власти и даже распаденіе государства было, однако, кратковременнымъ, и основателю новой династіи, Генриху IV Бурбону, удалось менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ, при сочувствіи и содѣйствіи народныхъ массъ снова возсоздать разрушавшееся государство. Феодальная анархія и на этотъ разъ только послужила вящшему укрѣпленію королевской власти, какъ гарантіи внутренняго спокойствія и порядка. Такъ какъ во французское междоусобіе вмѣшалась испанская политика, начавшая даже грозить независимости Франціи, то и съ этой стороны въ націи произошла спасительная для государства и выгодная для королевской власти реакція, еще разъ позволившая этой власти сыграть роль защитницы національнаго достоинства и независимости отъ иноземнаго покушенія.

Къ усиленію абсолютизма привело и великое религіозное междоусобіе въ Германіи, которое называется тридцатилѣтнею войною. Въ самомъ началѣ событій, носящихъ это названіе, произошелъ разгромъ Чехіи, послѣ знаменитой бѣлогорской битвы (1620). Чехія въ составѣ Священной Римской Имперіи германской націи и съ 1526 г. въ составѣ монархіи австрійскихъ

Габсбурговъ была отдѣльнымъ королевствомъ съ особою конституціей типа сословной монархіи [1]). Здѣсь въ началѣ XVII в. произошло оппозиціонное движеніе, во главѣ котораго стояли земскіе чины, но оно было подавлено военною силою, и Чехія лишилась своихъ политическихъ вольностей и своихъ старыхъ національныхъ правъ. Съ другой стороны, въ тридцатилѣтней войнѣ снова сталъ на очередь вопросъ объ императорской и княжеской властяхъ въ Германіи. Былъ моментъ,—когда именно у императора была въ распоряженіи большая военная сила подъ начальствомъ знаменитаго Валленштейна, - былъ такой моментъ, что готово было повториться торжество императорской власти надъ князьями, какъ въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI в. при Карлѣ V. Князья, однако, до этого не допустили, и въ концѣ концовъ тридцатилѣтняя война привела къ еще большему раздробленію Германіи, къ еще большему усиленію княжеской власти. Вестфальскій миръ призналъ за князьями верховныя права надъ ихъ территоріями и дозволилъ имъ заключать союзы не только между собою, но и съ иностранными государями, лишь бы это не дѣлалось противъ имперіи и императора. За время столь продолжительнаго междоусобія, въ которое вмѣшивались разныя иностранныя правительства, становившіяся на сторону и католиковъ, и протестантовъ, имперскіе князья, которымъ приходилось отражать эти внѣшнія вторженія, привыкли собирать налоги безъ согласія земскихъ сеймовъ, организовали постоянныя войска, строили крѣпости и т. п., словомъ, дѣлали то же самое, что дѣлалось и государями большихъ странъ въ эпохи военнаго напряженія. Княжеская политика въ Германіи въ XVII в. развивалась совершенно въ томъ же направленіи, въ какомъ развивалась современная имъ королевская политика: все различіе было въ титулѣ да въ величинѣ территоріи, и если уже нужно назвать кого-либо изъ германскихъ князей еще первой половины XVII в., на котораго можно было бы указать, какъ на типичнаго вообще представителя абсолютизма и такъ называемаго полицейскаго государства, то достаточно вспомнить только главу католической лиги и главнаго противника замысловъ Валленштейна, баварскаго герцога Максимиліана, этого виднаго дѣятеля всей тридцатилѣтней войны. Онъ дѣй-

---

[1]) См. о чешской конституціи въ „Помѣстьѣ-государствѣ", стр. 293—296.

ствительно заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ въ исторіи установленія княжескаго абсолютизма въ Германіи, не въ одномъ только качествѣ фанатика католической реакціи.

Такъ постепенно абсолютизмъ въ XVII в. дѣлалъ все новыя и новыя завоеванія. Нигдѣ, однако, въ этомъ вѣкѣ не получилъ онъ, какъ извѣстно, такого сильнаго развитія, какъ во Франціи въ царствованіе новой династіи Бурбоновъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ, въ которыхъ разсматриваются отдѣльныя стороны западно-европейской абсолютной монархіи, намъ особенно много придется ссылаться на примѣры, заимствованные именно изъ исторіи Франціи при Бурбонахъ, что позволяетъ намъ здѣсь быть особенно краткими въ изложеніи фактовъ.

Генрихъ IV ни разу не созывалъ генеральныхъ штатовъ, и послѣ него они были собраны только одинъ разъ, въ малолѣтство Людовика XIII. Это были генеральные штаты 1614—1615 года, созванные для прекращенія безпорядковъ въ управленіи. На нихъ третье сословіе представило цѣлый планъ реформъ, но такъ какъ многія изъ нихъ были направлены противъ привилегій духовенства и дворянства, то планъ этотъ не только не вызвалъ сочувствія въ представителяхъ привилегированныхъ сословій, но даже вызвалъ въ нихъ особенно сильное раздраженіе. Ничего не сдѣлавъ, даже не обнаруживъ намѣренія что-либо сдѣлать, штаты были распущены, и Франціи пришлось послѣ этого ждать около 175 лѣтъ до новаго созыва штатовъ. Если страна и стала выходить изъ того хаоса, въ какой ее повергали аристократическія распри, то лишь благодаря тому, что въ ней находились государственные люди, умѣвшіе пользоваться властью для удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ и посредствомъ этого удовлетворенія усиливавшіе самоё эту власть. Конечно, здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена фигура главнаго министра Людовика XII, кардинала Ришелье.

Особое значеніе Ришелье въ исторіи французскаго абсолютизма заключается въ созданіи для фактически сдѣлавшейся неограниченною королевской власти не достававшихъ ей постоянныхъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, при помощи которыхъ эта власть могла бы непрерывно и успѣшно дѣйствовать. Это былъ какой-то выродокъ изъ своего сословія, дворянства, отличавшагося величайшимъ своеволіемъ и часто склонявшагося передъ королевскою властью, когда за повиновеніе ему платили деньги. Высокій сановникъ католи-

ческой церкви, онъ, съ другой стороны, былъ очень далекъ и отъ служенія католической реакціи. Прежде всего это былъ великій „государственникъ", человѣкъ, ставившій выше всего государство, все ему подчинявшій, стремившійся устранить изъ жизни все, что противорѣчило интересамъ государства, воплощеннаго въ абсолютизмѣ центральной власти, для чего ему и были нужны соотвѣтственныя центральныя и мѣстныя учрежденія, которыя дѣйствовали бы постоянно въ одномъ направленіи и были бы послушными орудіями въ рукахъ высшей власти. Если можно такъ выразиться, Ришелье принадлежитъ починъ систематизаціи абсолютизма, и онъ создалъ цѣлую школу, изъ которой вышло не мало крупныхъ дѣятелей абсолютизма.

Къ послѣдователямъ Ришелье нужно отнести, наприм., совѣтника англійскаго короля Карла I, графа Страффорда. Мы видѣли, на чемъ держался и въ чемъ выразился абсолютизмъ династіи Тюдоровъ [1]). Стюарты, наслѣдовавшіе имъ въ 1603 г., получивъ въ свои руки сильную правительственную власть, стали и въ теоріи проповѣдовать крайній абсолютизмъ, подвергая сомнѣнію всѣ старыя вольности націи. Второй король изъ этой династіи, Карлъ I, какъ извѣстно, послѣ неудачныхъ опытовъ съ тремя несговорчивыми собраніями парламента, въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1629—1640) не созывалъ парламента, и въ это-то время наиболѣе вліятельнымъ его совѣтникомъ сдѣлался графъ Страффордъ. Въ настоящее время едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что рѣшимость дѣйствовать напроломъ какъ у Страффорда, такъ и у Карла I явилась подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на обоихъ успѣхами политики Ришелье. Какъ и другіе абсолютисты, Страффордъ очень хорошо понималъ, что самую надежную опору для власти можетъ составить только войско, и, будучи назначенъ намѣстникомъ въ Ирландіи, гдѣ передъ этимъ произошло возстаніе, онъ занялся тамъ составленіемъ военныхъ отрядовъ, какъ кадровъ будущей королевской арміи. Въ управленіе Ирландіей лордъ-намѣстникъ тоже ввелъ новые пріемы, напоминающіе внутреннюю политику Ришелье. Но Англія не была Франціей: какъ-ни-какъ, парламентъ не былъ совсѣмъ отмѣненъ, въ графствахъ существовало самоуправленіе съ выборными

---

[1]) См. выше, стр. 55—56.

должностными лицами, и въ странѣ дѣйствовалъ независимый судъ, которому были подсудны и дѣйствія королевскихъ чиновниковъ, да и не было той анархіи, которая оправдывала во Франціи введеніе суровыхъ пріемовъ управленія. Попытка Страффорда не удалась, а самъ онъ сложилъ голову по приговору долгаго парламента за попытку введенія неограниченной королевской власти.

На попытки Стюартовъ установленія абсолютизма Англія отвѣтила двумя революціями, совпадающими по времени съ полнымъ торжествомъ абсолютизма во Франціи при Людовикѣ XIV. Намъ еще не разъ въ послѣдующихъ главахъ придется говорить объ этомъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей абсолютной монархіи; здѣсь мы только отмѣтимъ, что „вѣкъ" этого короля былъ какъ-разъ временемъ, когда абсолютизмъ сдѣлалъ наибольшее количество успѣховъ. При Людовикѣ XIV Франція была самымъ могущественнымъ и вліятельнымъ государствомъ, и ея правительственная система сдѣлалась во многихъ странахъ предметомъ подражанія. Карлъ II Стюартъ, выросшій во время изгнанія при французскомъ дворѣ, заключилъ, уже въ качествѣ англійскаго короля, тайный договоръ съ Людовикомъ XIV, по которому обязывался принять католицизмъ и помогать Франціи въ ея завоеваніяхъ, за что самъ получалъ французскую пенсію. Его братъ, Іаковъ II, велъ себя, какъ настоящій вассалъ французскаго короля. Людовику XIV подражали, даже въ мелочахъ придворнаго быта, и германскіе имперскіе князья. Однимъ словомъ, этотъ король задавалъ тонъ всей Западной Европѣ, и ничто такъ не характеризуетъ абсолютную монархію на Западѣ, какъ царствованіе именно Людовика XIV во Франціи.

Усиленіе королевской власти и торжество абсолютизма мы наблюдаемъ вообще въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ исторіи второй половины XVII в. Неудача абсолютизма въ Англіи была лишь исключеніемъ изъ общаго правила для этой эпохи.

Въ 1660 г., въ годъ реставраціи Стюартовъ въ Англіи, произошло установленіе абсолютизма въ Даніи [1]) и притомъ (рѣдкій случай) путемъ государственнаго переворота. Въ этой чисто средневѣковой сословной монархіи главная сила принадлежала дворянству, которое съ каждымъ царствованіемъ увеличивало

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 300.

свои права въ ущербъ королевской власти, такъ какъ отъ каждаго новаго короля требовалось формальное согласіе на условія его избранія на престолъ, и въ эти условія аристократія стремилась вносить новыя требованія въ свою пользу. Дѣло дошло до того что датскій король сталъ больше походить на простого предсѣдателя государственнаго совѣта. Захватывая все болѣе и болѣе власть въ свои руки, датское дворянство, понятно, пользовалось ею въ своихъ сословныхъ интересахъ, что вооружало противъ него и духовенство, и горожанъ, и крестьянъ, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ сельской массѣ правящій классъ держался самой крѣпостнической политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ аристократическое хозяйничанье довело государство до крайняго разстройства: казна была пуста, и ея задолженность сдѣлалась неоплатной. Нужно было такъ или иначе выйти изъ тяжелаго финансоваго кризиса, но на сеймѣ 1660 г. дворянство съумѣло только указать на необходимость введенія новыхъ налоговъ съ другихъ сословій, на что духовенство и горожане отвѣтили протестами противъ дворянской привилегіи не платить налоговъ, противъ дешевой арендной платы съ доменовъ, эксплуатировавшихся дворянами, и вообще противъ того положенія, какое дворянское сословіе заняло въ государствѣ. Все зло протестанты усматривали въ ограниченіи королевскихъ правъ и потому потребовали введенія наслѣдственной монархіи съ отмѣною избирательной капитуляціи. Натискъ былъ произведенъ такой сильный, что дворянство вынуждено было покориться, и во главѣ управленія стали новые люди, противники прежней олигархіи, наполнившіе и преобразованный государственный совѣтъ, и другія правительственныя коллегіи. Царствовавшій тогда король, Фридрихъ III, поручилъ одному изъ монархически-настроенныхъ юристовъ составить особый „королевскій законъ", обязывавшій его преемниковъ свято и ненарушимо блюсти на вѣчныя времена неограниченную королевскую власть. Обнародованіе этого документа произошло при коронаціи новаго короля Христіана V (1665), а одинъ копенгагенскій профессоръ, Вандаль, написалъ и ученый трактахъ о правахъ абсолютной королевской власти. Лишившись своихъ политическихъ правъ, датское дворянство сохранило, однако, свои соціальныя привилегіи,—обычное явленіе въ исторіи установленія абсолютизма.

Въ Швеціи произошла такая же перемѣна, какъ и въ

Даніи, только нѣсколькими годами позже. И здѣсь дворянство хозяйничало во всю, сосредоточивъ всю власть въ чисто аристократическомъ государственномъ совѣтѣ, расхитивъ массу коронныхъ земель и т. п. Карлъ XI, вступившій на престолъ въ 1660 г., поставилъ своею задачею отобрать у знатнаго дворянства земли, принадлежавшія раньше казнѣ, и нашелъ сочувствіе и поддержку не только въ другихъ сословіяхъ, но и въ менѣе богатыхъ слояхъ самого дворянства. Королю удалось превратить государственный совѣтъ въ королевскій, а сеймъ 1682 г. торжественно заявилъ, что королю въ Швеціи всецѣло принадлежитъ законодательная власть безъ участія государственныхъ чиновъ. Другой сеймъ при Карлѣ XI, собиравшійся въ 1693 г., сдѣлалъ такія постановленія, которыми еще точнѣе опредѣлялись права королевской власти: государь объявлялся верховнымъ главою и правителемъ страны, котораго никто не можетъ ограничивать или стѣснять въ его безспорномъ правѣ собственною властью издавать законы, и признавался вовсе не обязаннымъ созывать сеймъ и потому ни передъ кѣмъ неотвѣтственнымъ за то, какъ управляется государство. Карлъ XII, воевавшій съ Петромъ Великимъ, уже совершенно деспотически пользовался своею властью, и только смерть его вызвала въ странѣ аристократическую реакцію, приведшую къ реставраціи олигархическаго строя (1618), пока новый государственный переворотъ (1772) не вернулъ страну къ монархическимъ порядкамъ.

Въ монархіи австрійскихъ Габсбурговъ сословныя вольности послѣ разгрома въ 1620 г. Чехіи держались только въ Бельгіи, отошедшей къ Австріи отъ Испаніи въ началѣ XVIII в., да въ Венгріи, гдѣ королевская власть была ограничена еще Золотою буллою Андрея II въ 1222 г. [1]). Вошедшая въ составъ габсбургской монархіи въ 1526 г. Венгрія съ самаго же начала стала ощущать на себѣ, что значило имѣть государей, обладавшихъ многими другими странами, и въ борьбѣ съ надвигавшимся абсолютизмомъ она даже прибѣгала къ помощи турокъ, которые въ теченіе большей части XVI и почти всего XVII вѣка были даже на-

[1]) О средневѣковой венгерской конституціи см. въ „Помѣстьѣ-государствѣ“, стр. 298—299.

стоящими господами Венгріи [1]). De jure королевская власть въ этой странѣ была избирательной, и венгры этимъ даже очень дорожили, но de facto Венгрія находилась подъ властью одной и той же династіи, съ 1526 г. Габсбурговъ, какъ это вообще часто бывало въ средневѣковыхъ по своему устройству монархіяхъ. Фердинандъ III, выбранный сеймомъ на венгерскій престолъ еще при жизни своего отца, Фердинанда II, предложилъ-было сейму 1655 г. сдѣлать корону св. Стефана наслѣдственною, но это предложеніе было отвергнуто, что не помѣшало, однако, избранію преемникомъ названному государю его сына Леопольда I, сдѣлавшагося въ 1657 г. императоромъ. При этомъ послѣднемъ государѣ Венгрія пережила тяжелый политическій кризисъ, потому что заговоры и попытки возстанія нѣкоторыхъ магнатовъ дали поводъ австрійскому правительству подвергнуть всю вообще страну сильнѣйшимъ репрессіямъ, отъ которыхъ особенно пострадали протестанты, такъ какъ габсбургская политика въ Венгріи вообще велась вполнѣ въ духѣ католической реакціи. Когда національное недовольство разразилось здѣсь наконецъ большимъ возстаніемъ Эммерика Тёкёля въ союзѣ съ турками, осадившими даже Вѣну (1683), Леопольдъ I напрягъ всѣ силы для подавленія этого возстанія и, достигши своей цѣли, вынудилъ у сейма 1687 г. отказъ отъ права избранія государей и отъ освященнаго вѣками права вооруженнаго сопротивленія захватамъ со стороны королевской власти. Формально, однако, абсолютизмъ въ Венгріи не былъ введенъ, хотя старымъ вольностямъ и былъ все-таки нанесенъ ударъ.

Особо должно быть отмѣчено здѣсь еще введеніе абсолютизма въ монархіи Гогенцоллерновъ, которая въ началѣ XVIII в. была повышена въ рангѣ и стала называться королевствомъ Пруссіей. Зерномъ этого королевства, какъ извѣстно, было маркграфство Бранденбургское, доставшееся Гогенцоллернамъ еще въ началѣ XV в. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Альбрехтъ, сдѣлался гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена, превращеннаго имъ потомъ въ свѣтское владѣніе подъ названіемъ герцогства Пруссіи въ ленной зависимости отъ Польши, а когда его потомство на прусскомъ престолѣ прекратилось, герцогство получило новаго государя въ лицѣ тогдашняго

[1]) Окончательное вытѣсненіе турокъ изъ Венгріи произошло лишь въ 1699 г.

бранденбургскаго маркграфа (Іоанна Сигизмунда). Это произошло въ 1618 г., и такимъ образомъ Гогенцоллерны очутились въ обладаніи двумя значительными, но черезполосными княжествами, Бранденбургомъ и Пруссіей (въ 1660 г. освободившейся отъ ленной зависимости у Польши). Кромѣ того, Гогенцоллерны пріобрѣли еще нѣсколько земель, особенно по вестфальскому миру, и царствовавшій во второй половинѣ XVII в. въ Бранденбургѣ-Пруссіи князь Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный „Великимъ Курфюрстомъ", уже могъ играть очень значительную роль въ международной политикѣ эпохи, а сынъ его пріобрѣлъ—по Пруссіи—королевскій титулъ (1701).

Правленіе Великаго Курфюрста и было въ монархіи Гогенцоллерновъ началомъ того военно-хозяйственнаго абсолютизма, который характеризуетъ Пруссію XVIII в. Это государство состояло изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ княжествъ, имѣвшихъ отдѣльныя сословно-представительныя учрежденія и даже отдѣленныхъ иногда одно отъ другого чужими владѣніями. Прусское герцогство отдѣлялось отъ Бранденбурга и непосредственно къ нему примыкавшихъ земель польскою территоріей, а на западѣ отъ центральной части лежали тоже черезполосные Минденъ и владѣнія у Рейна. Всѣ эти области не чувствовали себя членами одной монархіи, и мѣстные земскіе чины обнаруживали поэтому чисто партикуляристическія стремленія. Это обстоятельство особенно было непріятно энергичному курфюрсту, которому нужно было много войска для одной уже простой охраны неприкосновенности гогенцоллернскихъ владѣній и много денегъ для содержанія большого войска. Когда бранденбургскій ландтагъ воспротивился увеличенію налоговъ, курфюрстъ силою сломилъ его оппозицію, и съ 1653 г. ландтаги въ маркграфствѣ болѣе не собирались. Въ Пруссіи герцогская власть была тоже ограничена сеймомъ изъ представителей дворянства и городского сословія, находившимся подъ покровительствомъ польскаго короля, какъ сюзерена герцогства. Вотъ почему прусскій сеймъ въ 1661 г. даже протестовалъ противъ отторженія Пруссіи отъ Польши, на которое у сословій не было испрошено согласія. Началась между курфюрстомъ и прусскими чинами борьба: Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ подтверждать привилегіи чиновъ и требовалъ отъ нихъ присяги, а чины добивались того, чтобы ихъ собранія происходили каждые два года, даже и въ томъ случаѣ, если бы государь не сталъ ихъ созывать, и чтобы безъ

согласія чиновъ онъ не начиналъ войны, не заключалъ союзовъ, не вводилъ въ страну иностранныхъ войскъ и, конечно, не установлялъ новыхъ налоговъ. Оппозиція была такъ упорна, что въ 1663 г. курфюрстъ пошелъ на уступки, не думая, однако, на дѣлѣ исполнять свои обѣщанія. Съ чинами другихъ своихъ земель курфюрстъ церемонился также очень мало. Въ пятидесятыхъ годахъ чины герцогства Клеве жаловались на него въ имперскій сеймъ, но проиграли въ этой инстанціи свое дѣло, такъ какъ рецессомъ 1661 г. за ними было признано только право вотированія налоговъ, на которые потомъ они постоянно и соглашались, но отвергнуто было ихъ желаніе, чтобы курфюрстъ не смѣлъ вербовать въ герцогствѣ солдатъ и вводить въ него извнѣ войска. При томъ же государѣ чины другихъ областей (Марка, Помераніи, Магдебурга, Гальберштадта) лишились завѣдованія мѣстными финансами, перешедшими въ управленіе княжескихъ чиновниковъ.

Задачей двухъ послѣднихъ главъ было дать общій и по необходимости бѣглый очеркъ установленія абсолютизма на Западѣ Европы. Мы видѣли, какъ постепенно падали ограниченія королевской (и княжеской) власти, заключавшіяся въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, и видѣли равнымъ образомъ, какъ эта власть пользовалась раздорами сословій, угнетеніемъ народныхъ массъ, внутренними смутами, съ одной стороны, и національною защитою отъ опасностей извнѣ, съ другой, для того, чтобы все болѣе и болѣе расширять свои права. Въ этомъ процессѣ усиленія центральной власти съиграли свою роль и другіе факторы: и мѣстный партикуляризмъ, раздроблявшій силы оппозиціи, и большія международныя войны, заставлявшія государей увеличивать свои военныя силы и искать новыхъ источниковъ для пополненія казны, и, наконецъ, во многихъ случаяхъ религіозная реформація XVI в., гдѣ она принимала монархическій характеръ, или католическая реакція, приводившая къ объединенію стремленій и интересовъ монархіи и церкви. Въ XV столѣтіи намѣчаются первые крупные успѣхи абсолютизма, въ XVI в. онъ дѣлается въ наиболѣе важныхъ въ политическомъ отношеніи государствахъ господствующею формою правленія, въ XVII— достигаетъ полнаго процвѣтанія, распространяясь и на второстепенныя страны, и долго стоитъ еще на значительной высотѣ въ XVIII столѣтіи, особенно во вторую его эпоху, носящую названіе періода „просвѣщеннаго абсолютизма“; но

этотъ же XVIII вѣкъ, особенно во Франціи, былъ свидѣтелемъ и начала внутренняго разложенія абсолютизма.

ГЛАВА VII.

Династическая политика и національные интересы

Установленіе на Западѣ наслѣдственной монархіи.—Династическій характеръ основныхъ законовъ въ эпоху абсолютизма. — Образованіе новыхъ европейскихъ націй и роль государственнаго начала въ этомъ процессѣ.—Династическія объединенія и династическія войны.—Роль династіи Габсбурговъ въ XVI и XVII вв.—Стремленія къ политической гегемоніи.—Внѣшняя политика Людовика XIV.—Бурбоны внѣ Франціи въ XVIII в.—Войны за наслѣдства въ XVIII вѣкѣ.—Политика раздѣловъ.—Продолженіе ея въ эпоху революціи и при Наполеонѣ.—Принципъ легитимизма на вѣнскомъ конгрессѣ.—Отношеніе абсолютной монархіи къ революціямъ и къ формамъ правленія въ другихъ государствахъ.

Слѣдя за исторіей королевской власти на Западѣ съ появленія германцевъ, мы наблюдаемъ въ исторіи этой власти борьбу началъ избирательной и наслѣдственной монархіи. Въ германскомъ мірѣ мы не находимъ строгаго проведенія ни одного изъ этихъ принциповъ: обычай избранія королей сохраняетъ долго свою силу, но и право быть избраннымъ принадлежитъ не безразлично всѣмъ, а только членамъ королевскаго рода. Вскорѣ послѣ распаденія монархіи Карла Великаго въ Германіи принципъ избирательной монархіи восторжествовалъ надъ принципомъ монархіи наслѣдственной, и съ начала X до конца XVIII в. государи Германіи избирались, хотя большею частью изъ отдѣльныхъ фамилій, Гогенштауфеновъ, Габсбурговъ и т. п. Во Франціи съ выборомъ въ короли Гугона Капета тоже установилась избирательная королевская власть, но, какъ извѣстно, первые же Капетинги ввели въ обычай добиваться, еще при жизни, избранія въ преемники себѣ своихъ сыновей, что мало-по-малу превратило Францію въ наслѣдственную монархію, такъ сказать, по преимуществу. Феодализмъ, основанный на смѣшеніи частно-правовыхъ и публично-правовыхъ отношеній и понятій, вообще благопріятствовалъ наслѣдствен-

ности высшей власти, но въ средневѣковыхъ монархіяхъ сословныхъ очень часто замѣчается тенденція въ сторону превращенія королевскаго сана, хотя бы и въ принципѣ только, въ чисто избирательный, что давало бо̀льшую возможность требовать отъ новаго государя подтвержденія старыхъ вольностей. Наиболѣе извѣстные примѣры этого мы видимъ въ Венгріи, въ Чехіи, въ Польшѣ, въ Даніи и т. п. Въ общемъ, однако, за очень рѣдкими исключеніями, и здѣсь одерживалъ побѣду принципъ наслѣдственности высшей власти, и тамъ, гдѣ устанавливался абсолютизмъ, иначе и не могло быть, какъ признавать переходъ власти отъ отца къ сыну. Абсолютизмъ новаго времени въ этомъ отношеніи отнюдь не идетъ въ сравненіе съ римскимъ принципатомъ первыхъ вѣковъ имперіи, когда de jure не было наслѣдственной передачи власти [1]): въ разсматриваемомъ отношеніи онъ напоминаетъ намъ, наоборотъ, порядокъ, господствовавшій въ древне-восточныхъ и эллинистическихъ царствахъ. Другими словами, новый абсолютизмъ получилъ строго династическій характеръ.

Между прочимъ, это выразилось и въ томъ, что въ эпоху развитія абсолютизма подъ основными законами государства многіе были склонны видѣть только законы, касавшіеся внутреннихъ распорядковъ царствующихъ династій. Конечно, не это соотвѣтствовало нашему понятію основныхъ законовъ во времена сословной монархіи [2]), когда королевская власть не была абсолютной и существовали государственные чины, обладавшіе извѣстными правами, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ взаимныя отношенія политическихъ силъ страны опредѣлялись обычнымъ, а не писаннымъ правомъ, то въ этой области всегда было много неяснаго и спорнаго, и одну и ту же конституцію въ Англіи, наприм., при Стюартахъ королевская власть и парламентъ понимали разно [3]).

---

[1]) Монархіи, стр. 245—246.

[2]) Понятіе „основного закона“ (lex fundamentalis) появляется впервые въ XVI в. у монархомаховъ, защищавшихъ права сословій противъ абсолютизма. Въ эпоху Генриха IV Луазо писалъ, что основные законы государства заключаютъ въ себѣ границы королевской власти. Изъ Франціи этотъ терминъ распространился и по другимъ странамъ, но, наприм., германскимъ государственнымъ правомъ онъ былъ усвоенъ лишь въ эпоху вестфальскаго мира.

[3]) Въ Англіи первый сталъ ссылаться на „fundamental laws“ только

Особенно своеобразнымъ должно было сдѣлаться пониманіе основныхъ законовъ тамъ, гдѣ политическое право было только у короля, а у подданныхъ были только политическія обязанности: приводимый нами примѣръ изъ исторіи Франціи лучше всякихъ общихъ разсужденій объяснитъ, въ чемъ тутъ было дѣло.

Въ XVI и XVII вв. во Франціи подъ „основными законами" (lois fondamentales) разумѣли приблизительно то же самое, что теперь разумѣется подъ словомъ „конституція". Парламенты и другія высшія учрежденія страны, считавшіе себя стоящими на стражѣ законовъ, видѣли въ нихъ, этихъ „lois fondamentales", нѣкоторый комплексъ принциповъ публичнаго права, обязательныхъ для государя и отличающихъ французскую монархію отъ деспотизма на турецкій манеръ; въ этомъ смыслѣ прямо дѣлалось различіе между „законами короля", измѣняемыми по королевской волѣ, и „законами королевства", недосягаемыми для королевскаго произвола: законы послѣдней категоріи и были „основными". Къ несчастью, государственное право старой монархіи во Франціи никогда не устанавливало сколько-нибудь опредѣленнымъ и точнымъ образомъ, что же, въ сущности, было содержаніемъ этихъ „основныхъ законовъ". Смотря по тому, кто пытался составить перечень этихъ законовъ, — отдѣльныя попытки ихъ сформулировать, давали далеко неодинаковые результаты. Съ точки зрѣнія парламентовъ, обладавшихъ правомъ одобренія или провѣрки королевскихъ указовъ [1]), оно-то и было однимъ изъ главныхъ основныхъ законовъ, особенно обязательныхъ для королевской власти: по мнѣнію членовъ парламентовъ, это былъ самый священный законъ, и короли должны были знать, что, „нарушая его, они нарушали бы тотъ самый законъ, который ихъ сдѣлалъ королями". Другіе видѣли самый первый изъ основныхъ законовъ въ существованіи генераль-

Іаковъ I, толковавшій ихъ, однако въ смыслѣ своего божественнаго права, но парламентъ сталъ вкладывать въ это понятіе совсѣмъ другое содержаніе, и, напр., въ 1641 г. Страффордъ былъ осужденъ за попытку введенія абсолютизма, какъ за покушеніе на „древніе и основные законы и правленіе королевства". Около этого времени Гоббзъ признавался, впрочемъ, что онъ не нашелъ ни у одного писателя объясненія значенія термина „основной законъ".

[1]) См. ниже, въ гл. IX.

ныхъ штатовъ, совершенно не упоминаемыхъ въ выходившихъ изъ парламентской среды перечисленіяхъ основныхъ законовъ. Противники воцаренія во Франціи протестанта Генриха IV утверждали, что, по основнымъ законамъ королевства, король долженъ быть католикомъ, но это, наоборотъ, отрицалось сторонниками Генриха IV, говорившими, что такого основного закона вовсе нѣтъ, пока только переходъ Генриха IV въ католицизмъ не положилъ конецъ этой контроверзѣ. Королевская власть, въ свою очередь, пользовалась крайнею расплывчатостью и неопредѣленностью этого понятія, чтобы сократить число основныхъ законовъ до минимума и признать значеніе таковыхъ лишь за наслѣдственностью королевской власти, за исключеніемъ женщинъ и младшихъ сыновей изъ права наслѣдованія короны, за неотчуждаемостью королевскихъ доменовъ и т. п. Людовикъ XIV уже никогда совсѣмъ и не ссылался на основные законы, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и прямо ихъ нарушалъ. Самый разительный примѣръ полнаго пренебреженія къ нимъ, это—его духовное завѣщаніе, устанавливавшее дальнѣйшій переходъ короны, права на которую онъ между прочимъ призналъ и за своими внѣбрачными сыновьями. Это распоряженіе короной по своей единоличной волѣ, кассированное, какъ извѣстно, парижскимъ парламентомъ тотчасъ же послѣ смерти Людовика XIV, показываетъ, что онъ не считалъ для себя обязательными и тѣ принципы, которые лежали въ основѣ своего рода обычнаго права самой династіи.

Случай, представляемый духовнымъ завѣщаніемъ Людовика XIV, весьма характерный для этого короля, былъ все-таки исключительнымъ, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ абсолютизмъ уважалъ основные принципы тѣсно связаннаго съ нимъ династическаго права. Каждая царствующая фамилія признавала извѣстные внутренніе распорядки, имѣвшіе то или другое политическое значеніе, каковы законы или обычаи, которыми регулировалось право престолонаслѣдія, учрежденіе опеки или регентства по случаю малолѣтства государя, объявленіе его совершеннолѣтнимъ и пр., и пр., и эти чисто династическіе законы, имѣвшіе несомнѣнное политическое значеніе, смѣшивались съ другими фамильными обычаями, касавшимися имуществъ или частныхъ отношеній царствующаго дома. Нерѣдко на этой почвѣ возникали фамильные договоры, получавшіе значеніе и силу основныхъ

законовъ государства, разъ послѣднее разсматривалось, какъ простой объектъ властвованія, и единственнымъ субъектомъ государственнаго права являлся царствующій домъ [1]).

Чѣмъ болѣе въ абсолютизмѣ проявлялась его внутренняя сущность, тѣмъ все болѣе содержаніе обычнаго или традиціоннаго государственнаго права отдѣльныхъ монархій сводилось къ внутреннимъ распорядкамъ, принятымъ въ силу старыхъ обычаевъ или фамильныхъ договоровъ царствовавшими въ нихъ династіями. Вообще этого династическаго права не слѣдуетъ упускать изъ виду при изученіи политической исторіи Запада, такъ какъ правами, притязаніями, традиціями и интересами отдѣльныхъ династій создавались цѣлыя государственныя территоріи и опредѣлялись на долгія времена тѣ или другія общія направленія внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ.

Причины образованія большихъ государственныхъ территорій изъ менѣе значительныхъ по размѣрамъ областей путемъ соединенія ихъ подъ одною властью бываютъ вообще весьма различныя и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляютъ собою болѣе или менѣе своеобразныя комбинаціи. Конечно, важными моментами въ исторіи политическихъ объединеній являются моменты географическій и этнографическій, т.-е. непосредственное сосѣдство соединяющихся въ одно цѣлое областей и племенное родство, главнымъ образомъ близость между собою по языку, населенія этихъ областей со всѣми вытекающими изъ всего этого послѣдствіями политическаго, экономическаго и культурнаго порядка. Территоріальное и національное единство, наприм., Франціи, создававшееся вѣками изъ хаоса феодальнаго раздробленія, было въ общемъ результатомъ дѣйствія указаннаго географическаго и этнографическаго моментовъ, какъ условій, благопріятствовавшихъ указанной политической интеграціи, но настоящимъ факторомъ, непрерывно дѣйствовавшимъ въ процессѣ собиранія земли, была династія, родоначальникомъ которой былъ графъ парижскій, Гугонъ Капетъ. Въ Германіи, гдѣ тоже была сплошная территорія, населенная близкими по языку другъ къ другу племенами, историческое развитіе получило другое

---

[1]) Ср. въ „Монархіяхъ древняго Востока“ прим. на стр. 161, гдѣ указывается на то, что наслѣдственное право царей въ эллинистическихъ монархіяхъ было построено по аналогіи съ частнымъ греческимъ правомъ.

направленіе, вслѣдствіе того, что въ странѣ не удалось упрочиться ни одной изъ царствовавшихъ въ ней династій. Единая, компактная въ территоріальномъ отношеніи, все болѣе и болѣе становившаяся однородною въ отношеніи національномъ Францiя была какъ бы прямымъ созданіемъ своей династіи, которая изъ бывшаго сначала лишь чисто теоретическимъ обладанія короною [1]) сдѣлала одну изъ самыхъ яркихъ историческихъ реальностей.

Не всѣ страны Западной Европы повторили въ этомъ отношеніи исторію Франціи, не вездѣ возникли національныя государства. Италія даже до второй половины XIX в. оставалась только „географическимъ понятіемъ", а чѣмъ это не совершенно обособленная страна, и чѣмъ итальянцы не одинъ народъ? О Германіи приходится сказать почти то же самое. И вотъ въ то время, когда, несмотря на благопріятныя для объединенія географическія и этнографическія условія, ни Италія, ни Германія не достигли этого единства, создавались, однако, большія государственныя территоріи при совершенной черезполосности и разноплеменности населенія только потому, что возникали и дѣйствовали тѣ или другія династическія комбинаціи.

Главный примѣръ здѣсь—монархіи австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Не даромъ въ свое время объ Австріи составилось извѣстное двустишіе, приглашавшее ее предоставить войны другимъ, а самой вступать въ выгодные браки (Bella gerant alii, tu. felix Austria nube, Nam quod Mars aliis, dat tibi Venus), такъ какъ путемъ брачныхъ узъ Габсбурги искусно соединяли подъ однимъ скипетромъ многія земли. Еще, когда мы видимъ, какъ къ сѣверу и къ югу отъ средняго Дуная въ составъ вошли три большія территоріальныя группы съ нѣмецкимъ, чешскимъ и мадьяро-славянскимъ населеніемъ, мы можемъ объяснить себѣ это соединеніе подъ общею высшею властью эрцгерцогства Австріи съ прилежащими къ ней нѣмецкими областями, королевства св. Вацлава, состоявшаго изъ Чехіи съ Моравіей, Силезіей и Лузаціей, и королевства св. Стефана, съ которымъ соединена была Хорватія, потому что къ этому результату названныя страны приводились общими политическими интересами, экономическими отношеніями и т. п. Но брачная политика Габсбурговъ

[1]) Помѣстье-государство, стр. 135 и слѣд., особенно 140—142.

доставила династіи территоріи и внѣ обозначеннаго комплекса земель. Равнымъ образомъ намъ кажется весьма естественнымъ соединеніе Кастиліи и Арагона въ одну Испанскую монархію, но когда мы видимъ, что въ составъ общей монархіи ея государя входятъ территоріи съ населеніемъ итальянскимъ, французскимъ, фламандскимъ, нѣмецкимъ, притомъ еще и черезполосныя, мы говоримъ уже о силѣ династическаго принципа, какъ объединяющаго политическаго фактора.

Другой примѣръ чисто династическаго объединенія въ одну монархію хотя и однородныхъ по племенному составу населенія, но географически разобщенныхъ территорій—государство Гогенцоллерновъ. Какъ единую Францію создала ея династія, такъ и единая Пруссія, состоявшая сначала изъ черезполосныхъ кусковъ, была созданіемъ своихъ Гогенцоллеровъ. Не забудемъ, что для устраненія черезполосности въ этомъ государствѣ потребовалось около ста лѣтъ, отъ перваго раздѣла Польши (1772), результатомъ котораго было восполненіе территоріальнаго перерыва между провинціей Пруссіей и Бранденбургомъ, до австро-прусской войны 1866 г., послѣ которой уничтожился такой же территоріальный перерывъ между восточною и западною половинами королевства.

Династіи не только объединяли нерѣдко разнородное, но и разъединяли однородное: образованіе въ Германіи нѣсколькихъ княжескихъ династій сдѣлалось одною изъ помѣхъ для ея объединенія. Иногда такимъ образомъ династическія отношенія совпадали съ національными стремленіями, иногда, наоборотъ, шли имъ наперекоръ.

И въ исторіи международныхъ отношеній новаго времени мы также можемъ различать дѣйствіе разныхъ интересовъ, какъ факторовъ, вызывавшихъ войны и коалиціи однихъ государствъ противъ другихъ, интересовъ чисто политическихъ и коммерческихъ, національныхъ и вѣроисповѣдныхъ, но многое объясняется также дѣйствіемъ династическаго фактора, когда на первый планъ выдвигались не интересы государства, хорошо ли, худо ли они понимались, а именно династическія права. Мы уже знаемъ, что вторженіе Карла VIII въ Италію было основано на чисто династическомъ притязаніи [1]), какъ, впрочемъ, и столѣтняя англо-французская война второй половины XIV и первой половины XV в. Въ соперничествѣ Франциска I

---

[1]) См. выше, стр. 71.

и Карла V тоже извѣстная роль принадлежала династическимъ счетамъ изъ-за бургундскаго наслѣдства: еще Людовикъ XI включилъ въ составъ Франціи часть владѣній, принадлежавшихъ прадѣду Карла V, Карлу Смѣлому, и Карлу V хотѣлось эту часть наслѣдства возвратить своей династіи.

Владѣнія династіи Габсбурговъ распались на испанскую и австрійскую части, но династическое родство государей обѣихъ вѣтвей этой фамиліи продолжало сказываться въ томъ, что мадридскій и вѣнскій дворы были въ общемъ солидарны въ своихъ международныхъ выступленіяхъ. Обѣ габсбургскія монархіи, одна на западѣ, другая на востокѣ объединеннаго католической культурой историческаго міра, вели въ сущности одну и ту же политику въ духѣ католической реакціи. Политическое преобладаніе Габсбурговъ, съ которымъ были въ борьбѣ короли Франціи при послѣднихъ Валуа и при Бурбонахъ, окончилось лишь въ серединѣ XVII столѣтія, когда роль первой политической силы стала играть Франція Людовика XIV, но и при немъ, и послѣ него все еще однимъ изъ направляющихъ теченій международной политики была борьба между Габсбургами и династіей, царствовавшей во Франціи.

Абсолютизмъ не довольствовался въ нѣкоторыхъ случаяхъ господствомъ въ томъ или другомъ національномъ государствѣ, но стремился нерѣдко къ тому, что въ наше время называется имперіализмомъ, а въ свое время называлось универсальной (или всемірной—въ условномъ, конечно, смыслѣ слова) монархіей. Идея такой монархіи, правильнѣе—европейской гегемоніи, каждый разъ возникала, какъ только то или другое государство получало значительный перевѣсъ надъ другими. Уже Карлъ V видѣлъ свою задачу въ превращеніи средневѣковой фикціи Римской имперіи въ настоящую реальность, и для достиженія этой цѣли онъ былъ готовъ жертвовать не только реальными интересами отдѣльныхъ своихъ странъ, но даже не менѣе реальными интересами своей власти въ этихъ странахъ, какъ мы то видимъ особенно по отношенію къ Германіи [1]). Такую же роль не прочь былъ разыграть и Францискъ I, добивавшійся тоже получить императорскую корону, когда же внутренній упадокъ Испаніи и тридцатилѣтняя война въ Германіи обезсилили обѣ вѣтви династіи Габсбурговъ, за установленіе своей гегемоніи въ Европѣ взялся Людовикъ XIV,

[1]) См. выше, стр. 73 и слѣд.

который одно время равнымъ образомъ мечталъ и о томъ, чтобы возложить на свою голову императорскую корону, сдѣлавшуюся какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ Габсбурговъ.

Вообще, внѣшняя политика Людовика XIV въ высшей степени характерна для абсолютизма. Сколько бы мы ни искали въ ней отраженія національныхъ, политическихъ и экономическихъ интересовъ самой Франціи, доминирующею нотою этой политики были могущество и слава самого короля и преобладаніе его династіи надъ всѣми другими царственными домами Европы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ войны Людовика XIV могли вытекать изъ того или другого пониманія интересовъ государства, даже, пожалуй, совпадать съ ними, но, общая основа его внѣшней политики была порожденіемъ психологіи абсолютизма, въ которомъ интересы самой власти объединялись не столько съ интересами націи, сколько съ интересами династіи.

Первую свою завоевательную войну Людовикъ XIV направилъ на испанскіе Нидерланды, т.-е. на Бельгію, притязаніе на которую онъ выводилъ изъ мнимаго права своей жены, испанской принцессы, обладать названною страною по смерти ея отца, Филиппа IV. Эта попытка вызвала противъ Франціи значительную коалицію, какія составлялись противъ нея и потомъ. Въ войнахъ, вызванныхъ завоевательными планами Людовика XIV, участвовали, большею частью противъ него, Голландія, Англія, Швеція, Австрія, Испанія, Бранденбургъ, Савойя и т. п., а когда въ Испаніи прекратилась династія Габсбурговъ со смертью бездѣтнаго Карла II, Людовикъ XIV задумалъ овладѣть всѣмъ оставленнымъ имъ государственнымъ наслѣдствомъ для одного изъ своихъ внуковъ. Это, какъ извѣстно, тоже вызвало противъ Франціи большую коалицію, и произошла знаменитая война за испанское наслѣдство, въ которой приняла участіе вся Западная Европа. Дѣло кончилось тѣмъ, что внукъ Людовика XIV подъ именемъ Филиппа V, какъ потомокъ испанскихъ королей по матери, воцарился-таки въ Мадридѣ, получивъ при этомъ и всѣ испанскія колоніи, но отказавшись отъ Бельгіи, Ломбардіи и Неаполитанскаго королевства, отошедшихъ къ австрійскимъ Габсбургамъ. Впрочемъ, послѣдніе не удержались въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, уступленномъ въ скоромъ времени (уже послѣ смерти Людовика XIV) одному изъ сыновей испанскаго короля, тогда какъ другому было отдано герцогство Парма, послѣ чего Бур-

боны оказались царствующими, кромѣ Франціи, въ Испаніи, въ Неаполѣ и въ Пармѣ.

Людовикъ XIV, какъ король Франціи, считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ короля франковъ Карла Великаго, возстановителя Римской имперіи на Западѣ, и самъ не прочь былъ быть избраннымъ въ императоры германскими курфюрстами, а наемные публицисты доказывали его права и на такія страны, которыя никогда не были подъ властью какихъ бы то ни было его предшественниковъ, или, напр., проводили ту мысль, что какъ наслѣдственный и абсолютный монархъ, французскій король неизмѣримо выше императора, избираемаго князьями и ограниченнаго въ своей власти. Людовикъ XIV стремился къ первенству даже въ мелочахъ: отъ Англіи онъ, напр., добился обѣщанія, что ея корабли первыми будутъ салютовать французскимъ судамъ при встрѣчахъ въ морѣ; Испанія тоже уступила первенство французскимъ посламъ передъ своими въ разнаго рода церемоніяхъ и т. п. Въ другихъ странахъ, какъ и у себя, Людовикъ XIV хотѣлъ видѣть строгое господство абсолютизма, вслѣдствіе чего особенно ненавидѣлъ Голландію и Англію съ ихъ свободными учрежденіями. Послѣ второй англійской революціи онъ даже провозгласилъ королемъ Англіи сына Іакова II подъ именемъ Іакова III. Извѣстенъ, кромѣ того, цѣлый рядъ совершенно произвольныхъ поступковъ Людовика XIV по отношенію къ болѣе слабымъ сосѣдямъ, въ родѣ, захвата среди мира и присоединенія къ Франціи имперскаго города Страсбурга, бомбардировки Генуи за то, что, вопреки желанію Франціи, она увеличивала свой флотъ, и т. п. Внѣшнее величіе, могущество и слава Людовика XIV льстили національному тщеславію французовъ. Не въ одной, конечно, Франціи, да и въ ней не при одномъ Людовикѣ XIV „любовь къ отечеству“ принимала видъ „народной гордости“, предметомъ которой было политическое преобладаніе національнаго короля. Національнизмъ временъ абсолютной монархіи находилъ свое выраженіе въ культѣ королевской власти, а она въ свою очередь широко пользовалась этою формою патріотизма для того, чтобы дѣлать искусственно популярными даже тѣ войны, которыя имѣли чисто династическій характеръ. Каждый разъ, какъ абсолютизмъ особенно рельефно проявлялся въ честолюбіи того или другого государя, оно направляло его дѣятельность на внѣшнія предпріятія, для которыхъ всегда находились достаточныя

основанія въ тѣхъ или другихъ интересахъ государства, особенно въ интересахъ торговыхъ, дѣйствительно съ конца среднихъ вѣковъ игравшихъ большую роль въ исторіи международной политики. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы, на самомъ дѣлѣ, принимались въ расчетъ, они разсматривались черезъ призму обогащенія прежде всего государственной казны, въ представленіи абсолютныхъ королей составлявшей ихъ личное достояніе, все равно что частное богатство самого монарха. Разорительность войнъ для подданныхъ въ расчетъ не принималась, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ вездѣ и всегда были войнолюбивые элементы по непосредственному влеченію къ ратной жизни, по стремленіямъ къ легкой наживѣ, къ добычѣ, по расчету выгоды отъ займовъ и поставокъ, неизбѣжныхъ при всякой войнѣ. Средневѣковые военные нравы были еще очень сильны въ дворянствѣ XVI—XVIII вѣковъ, особенно во Франціи, гдѣ еще итальянскіе походы Карла VIII и Франциска I пользовались большою популярностью среди дворянъ.

Цѣль, какую ставилъ себѣ Людовикъ XIV, посылая своего внука въ Испанію, была отчасти достигнута. Габсбурги удержали изъ большого испанскаго наслѣдства въ концѣ концовъ только Бельгію и Ломбардію, а въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Пармѣ воцарились потомки Людовика XIV. Какъ въ XVI и XVII вв. династическая солидарность габсбургскихъ дворовъ играла роль одного изъ важныхъ условій международной политики того времени, такъ устанавливалась и династическая солидарность въ XVIII в. между бурбонскими дворами, принявшая въ серединѣ этого столѣтія форму особаго „фамильнаго договора“ (pacte de famille), самое названіе котораго въ высшей степени характерно для временъ династической политики, превращавшей государственныя дѣла въ семейныя дѣла государей.

Для XVIII в. характерно и то, что разныя войны, происходившія въ это время, получали названіе войнъ за наслѣдство. Открывался цѣлый рядъ наслѣдствъ, становившихся предметомъ спора, и когда не приходили къ полюбовному соглашенію на счетъ дѣлежа, начинали воевать, защищая свои наслѣдственныя права, т.-е. въ сущности права, которыя вѣдаются гражданскимъ правомъ. Людовикъ XIV въ своемъ первомъ покушеніи на часть испанскаго наслѣдства въ видѣ Бельгіи прямо примѣнилъ къ политикѣ одинъ законъ частнаго наслѣд-

ственнаго права, существовавшій въ одной мѣстности испанскихъ Нидерландовъ. Тамъ именно былъ принятъ порядокъ, въ силу котораго дѣти отъ второго брака при существованіи дѣтей отъ перваго брака не были наслѣдниками своего отца. Людовикъ XIV, женатый на дочери Филиппа IV отъ перваго его брака, сталъ оспаривать у его преемника Карла II, бывшаго сыномъ отъ второго брака, право на переходъ къ нему всей Бельгіи, которую и объявилъ на основаніи указаннаго „деволюціоннаго“ права собственностью своей супруги. Такъ еще въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. былъ поставленъ на очередь вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, которому въ полномъ объемѣ суждено было рѣшаться черезъ сорокъ лѣтъ. Былъ моментъ, когда возникла комбинація раздѣла наслѣдства между разными на него претендентами по соглашенію между Франціей, Голландіей и Англіей, бывшими заинтересованными торговлею монархіи, но Людовикъ XIV въ концѣ концовъ предпочелъ добиться составленія Карломъ II духовнаго завѣщанія, передававшаго всю монархію нераздѣльно французскому принцу, внуку Людовика XIV. Во всей этой исторіи съ испанскимъ наслѣдствомъ здѣсь должно обратить на себя наше вниманіе то обстоятельство, что цѣлое большое государство разсматривалось, какъ частное имѣніе, которое можетъ быть предметомъ духовнаго завѣщанія по усмотрѣнію своего владѣльца, предметомъ дѣлежа между разными претендентами и т. п. Аналогичный характеръ съ испанскимъ наслѣдствомъ имѣли и другія наслѣдства, изъ-за которыхъ возникали войны, получавшія иногда общеевропейскій характеръ,—наслѣдства австрійское, польское, баварское. Въ 1740 г. прекратилась со смертью императора Карла VI и австрійская линія Габсбурговъ, но у Карла VI осталась дочь, объявленная его наслѣдницею съ согласія разныхъ мѣстныхъ чиновъ, что не помѣшало явиться претендентамъ и на разныя части тогдашняго владѣнія австрійскаго дома. Таково было происхожденіе войны за австрійское наслѣдство, происходившей черезъ сорокъ лѣтъ послѣ войны за испанское наслѣдство и позволившей Фридриху II прусскому отторгнуть отъ Габсбурговъ Силезію.

При такомъ взглядѣ на государственныя территоріи, какъ на объектъ права съ характеромъ почти частной собственности, легко могло возникнуть и другое явленіе въ международной политикѣ того вѣка—обмѣнъ одной территоріи на другую. Такъ

произошла мѣна Сардиніи на Сицилію въ началѣ XVIII в., а въ серединѣ мѣна Лотарингіи на Тоскану. Входившее въ составъ имперіи герцогство Лотарингское принадлежало Францу-Стефану, мужу Маріи-Терезіи, сдѣлавшемуся впослѣдствіи по избранію курфюрстовъ императоромъ. Въ эпоху войны за польскій престолъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., когда на него явилось два претендента, сынъ прежняго польскаго короля Августъ III, курфюрстъ саксонскій, и полякъ Станиславъ Лещинскій, сдѣлавшійся зятемъ французскаго короля Людовика XV, и въ спорный вопросъ вмѣшались другія державы, Австрія нашла нужнымъ отклонить отъ себя войну съ Франціей, уступивъ тестю короля Франціи, лишившемуся польской короны, Лотарингію подъ условіемъ перехода ея къ самой Франціи по смерти Станислава Лещинскаго, а Францъ-Стефанъ за уступку этого владѣнія получилъ Тоскану, гдѣ около этого времени прекратилась династія Медичи. Въ эпизодѣ, извѣстномъ подъ названіемъ баварскаго наслѣдства, въ семидесятыхъ годахъ того же вѣка мы имѣемъ дѣло съ аналогичнымъ фактомъ. Въ Баваріи возникъ вопросъ о наслѣдствѣ, и этимъ обстоятельствомъ задумалъ воспользоваться Іосифъ II австрійскій, чтобы обмѣнять черезполосную Бельгію на непосредственно примыкавшую къ габсбургскимъ владѣніямъ Баварію, что чуть-было не привело къ новому нѣмецкому междоусобію.

Въ XVIII в. вообще охотно занимались дѣлежемъ чужихъ территорій и тогда, когда не открывалось никакого наслѣдства. Въ эпоху великой сѣверной войны раздѣлу подлежали владѣнія Швеціи, въ эпоху войны семилѣтней—владѣнія Пруссіи, и еще очень рано былъ поставленъ вопросъ о раздѣлѣ Польши, осуществившійся въ послѣдней трети XVIII в. Французская революція и имперія Наполеона I, въ сущности, только продолжали политику раздѣловъ, сдѣлавшуюся однимъ изъ характернѣйшихъ явленій международной политики абсолютизма въ XVIII в. Особенно, когда Наполеонъ дѣлилъ и передѣлялъ территоріи и сажалъ своихъ братьевъ или зятьевъ на престолы Голландіи, Неаполя, Вестфаліи, Испаніи, онъ только дѣйствовалъ въ духѣ традицій королевской политики XVIII в. Династія Бонапартовъ, вышедшая изъ революціоннаго кризиса Франціи, шла, въ сущности, по стопамъ легитимныхъ династій Габсбурговъ и Бурбоновъ, и имперія Наполеона I

была повтореніемъ—только въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ—„всемірной монархіи“ Карла V и Людовика XIV. Когда эта узурпаторская имперія пала, и вѣнскій конгрессъ долженъ былъ снова передѣлывать карту Европы, на немъ тоже однимъ изъ руководящихъ принциповъ въ этомъ дѣлѣ былъ признанъ династическій принципъ, получившій тогда названіе легитимизма. Бурбоны снова были возстановлены, кромѣ Франціи, въ Испаніи и въ Неаполѣ, Габсбургамъ были возвращены и Ломбардія (съ придачею Венеціи), и Тоскана (съ прибавкою Пармы), и получили обратно свои владѣнія наиболѣе важныя германскія княжескія династіи (въ Ольденбургѣ, Ганноверѣ, Гессенъ-Касселѣ и др.). Въ династическомъ легитимизмѣ прямо заключалось отрицаніе національнаго принципа, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ раньше какъ-разъ однимъ изъ базисовъ абсолютизма. Отсюда—то довольно обычное явленіе, что въ цѣлыхъ государствахъ власть принадлежала династіямъ иностраннаго происхожденія.

Оканчивая общую характеристику внѣшней политики абсолютныхъ монархій, нельзя не остановиться еще на одномъ важномъ явленіи. Въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI и первой половины XVII в. до извѣстной степени международная политика руководилась конфессіональными соображеніями и потому могла имѣть принципіальную окраску защиты католицизма и протестантизма. Равнымъ образомъ, съ эпохи французской революціи и особенно послѣ вѣнскаго конгресса принципіальную окраску внѣшней политикѣ европейскихъ монархій давала борьба съ революціей и защита абсолютизма. Въ XVIII столѣтіи такой принципіальности въ монархической политикѣ не было. „Всѣ формы правленія, говоритъ Сорель въ своей „Европѣ и французской революціи“, существовали въ Европѣ, и всѣ онѣ считались равно законными. Идея приписать какому бы то ни было государственному устройству безусловное превосходство надъ другими, возможность идеальнаго устройства, которое было бы примѣнимо ко всякой странѣ, и въ особенности идея сдѣлать изъ него предметъ пропаганды не приходила на умъ государственнымъ дѣятелямъ. Слова „республика“ и „демократія“ не связывались съ идеей переворота. Полагали, что республика и демократія пригодны только для небольшихъ государствъ: онѣ вели за собою мирные нравы и сдержанную

политику“ [1])... „Революцій, говоритъ тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ, было не мало въ Европѣ, но никто даже не воображалъ, чтобы можно было выдѣлить идею революціи изъ частныхъ событій, среди которыхъ происходили всѣ эти прежнія революціи“ [2]). Установился даже взглядъ, что республиканская форма въ чужомъ государствѣ представляетъ бо̀льшія выгоды, такъ какъ республики не склонны къ завоевательной политикѣ и внутри подвержены смутамъ, ослабляющимъ государство. Примѣры Швеціи при олигархическомъ устройствѣ и сдѣлавшейся совершенно анархическою Польши служили хорошими аргументами этого взгляда, а потому правительства считали даже выгоднымъ для себя, если у сосѣдей происходили бунты и усобицы, готовы были ихъ поддерживать и даже вызывали ихъ нарочно. Такъ вела себя Франція по отношенію къ англійской революціи, Испанія—по отношенію къ смутамъ Фронды во Франціи, Россія, Австрія и Пруссія — по отношенію къ польской анархіи, Пруссія — по отношенію къ венгерской оппозиціи при Іосифѣ II и т. п. Россія и Пруссія обязались также одна передъ другою не допускать возстановленія самодержавія въ Швеціи, и Густавъ III долженъ былъ оправдываться передъ петербургскимъ дворомъ въ томъ, что произвелъ монархическій переворотъ 1772 г. Только французская революція, да и то не въ самомъ своемъ началѣ, напомнила европейскимъ государямъ, что „ихъ ремесло быть роялистами“, по выраженію, приписываемому тогдашнему королю прусскому. Старыя привычки, однако, брали свое, и начиная съ базельскаго мира между революціонной Франціей и абсолютистической Пруссіей (1795), европейскіе монархи вступали въ соглашенія и союзы и съ революціей, и съ узурпаторской имперіей ради тѣхъ или другихъ выгодъ, и только паденіе этой имперіи черезъ двадцать лѣтъ дало имъ возможность дѣйствовать сообща для защиты принциповъ династическаго легитимизма.

---

[1]) *А. Сорель.* Европа и французская революція. I, 11—12.
[2]) Тамъ же, I, 43.

ГЛАВА VIII.

Придворный бытъ и политическая роль двора при старомъ порядкѣ.

Раннее образованіе средостѣній между властью и подданными.—Palatium Римской имперіи и императорскій дворъ въ Византіи.—Первоначальная нерасчлененность дворцовой службы и несенія обязанностей по центральному управленію государствомъ.—Выдѣленіе двора въ особую общественную категорію.—Развитіе придворной жизни въ Италіи эпохи ренессанса.—Черты придворной жизни при абсолютной монархіи.—Особое развитіе придворной жизни при Людовикѣ XIV.—Громадность расходовъ на придворный бытъ во Франціи въ XVIII в.—Общее подражаніе версальскому двору въ XVIII в.—Союзъ королевской власти и привилегированныхъ.—Роль придворныхъ сферъ во Франціи въ эпоху революціи.

Одною изъ характерныхъ особенностей абсолютной монархіи новыхъ вѣковъ является развитіе придворнаго быта съ вліятельнымъ положеніемъ королевскаго двора въ самомъ государствѣ, развитіе направляющей роли придворныхъ сферъ во внутренней и внѣшней политикѣ правительства. Если бюрократію называютъ „средостѣніемъ" между властью и народомъ, то съ еще бо̀льшимъ правомъ можно называть тѣмъ же именемъ придворный бытъ стараго порядка, являвшійся именно главнымъ средостѣніемъ между монархомъ и остальнымъ государствомъ, включая сюда иногда даже и все управленіе послѣднимъ.

Подобнаго рода придворныя средостѣнія—одно изъ древнѣйшихъ явленій исторіи. Разсказывая о томъ, какъ возникла царская власть у мидянъ, Геродотъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что первый мидійскій царь,—котораго онъ называетъ Дейокомъ, — окружилъ себя копьеносцами и построилъ для себя и для нихъ дворецъ, окруживъ и его цѣлымъ рядомъ стѣнъ, гдѣ и заперся, такъ что никто не могъ больше его видѣть, и всѣ сносились съ нимъ лишь посредствомъ вѣстниковъ [1]). Называя до сихъ поръ древняго египетскаго царя

[1]) Монархіи, стр. 36.

библейскимъ именемъ фараона, мы не подозрѣваемъ, что собственно, это было у самихъ египтянъ названіемъ не ихъ владыки, а его жилища, его „высокаго дома“ (пер-аа), или царскаго дворца [1]). При царѣ состоялъ огромный придворный штатъ, постоянно его окружавшій, и лишь въ торжественныхъ случаяхъ фараонъ показывался народу. Въ другихъ восточныхъ деспотіяхъ мы видимъ то же, и чѣмъ выше поднимался царь, тѣмъ значительнѣе, роскошнѣе и вліятельнѣе становился его дворъ, какъ главное средоточіе всей государственной жизни. Формы придворнаго быта изъ этихъ деспотій перешли въ эллинистическія царства и въ самоё Римскую имперію.

Выше уже пришлось упомянуть о палаціи римскихъ императоровъ [2]). Сначала это было жилище принцепса на Палатинскомъ холмѣ въ Римѣ, но потомъ названіе это стало обозначать императорскій дворецъ и сосредоточенное при немъ общее управленіе страной. Когда императорская власть только-что устанавливалась въ Римѣ, дворъ или домъ принцепса отличался такимъ же частнымъ характеромъ, какой имѣли дома и другихъ знатныхъ особъ, причемъ въ немъ несли домашнюю службу и исполняли разныя порученія по веденію государственныхъ дѣлъ императорскіе рабы и вольноотпущенники, но по мѣрѣ сосредоточенія при дворѣ всего государственнаго управленія слугами императора, исполнявшими и придворныя, и государственныя обязанности, дѣлаются не только свободныя, но и знатныя лица, для которыхъ создана была пышная титулатура свѣтлостей, сіятельствъ, превосходительствъ и т. п. [3]). Византійскій дворъ сохранилъ эти формы придворнаго быта, и имъ подражали впослѣдствіи варварскіе и феодальные короли, для которыхъ высшимъ идеаломъ царственности всегда оставался новый Римъ на берегу Босфора [4]). Придворный обиходъ московской Руси былъ тоже сколкомъ съ тѣхъ порядковъ, которые господствовали въ Царь-градѣ.

На протяженіи всей исторіи придворнаго быта абсолютныхъ монархій мы наблюдаемъ одно изъ характернѣйшихъ явленій, относящихся къ области смѣшенія домохозяйственныхъ и государственныхъ отношеній: то мы видимъ, какъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) См. выше, стр. 17.

[3]) Монархіи, 276.

[4]) Ср. выше, стр. 19.

домовымъ слугамъ государя поручаются тѣ или другія чисто государственныя функціи, то видимъ, наоборотъ, что должностныя лица государства исполняютъ тѣ или другія придворныя обязанности, и невольно вспоминается недавній эпизодъ изъ жизни прусскаго двора, когда министры, т.-е. государственные сановники должны были въ особыхъ придворныхъ костюмахъ исполнять какой-то традиціонный придворный танецъ, держа въ рукахъ подсвѣчники съ зажженными свѣчами.

Полное смѣшеніе придворныхъ и государственныхъ должностей, конечно, можетъ существовать лишь при болѣе примитивныхъ порядкахъ. Возьмемъ для примѣра центральное управленіе въ королевствѣ Меровинговъ, которое, какъ мы упоминали, отличалось особенно домохозяйственнымъ характеромъ [1]). Во главѣ придворной прислуги стоялъ *сенискалькъ*, что значитъ нàбольшій надъ рабами, и откуда произошло позднѣйшее „сенешалъ“, одно изъ званій, съ которымъ мы еще будемъ встрѣчаться; другимъ его названіемъ было *майордомъ*, старшій дворецкій,—должность, которая потомъ играла столь важную роль въ франкскомъ королевствѣ, когда майордомъ, управлявшій дворцомъ и государствомъ (palatium et regnum), сдѣлался своего рода вице-королемъ (subregulus), и когда сенешалами стали называться другіе придворные сановники безъ опредѣленной функціи. Рабъ, который завѣдовалъ дворцовой конюшней, назывался *марискалькъ*, откуда позднѣйшее „маршалъ“ (причемъ французское *maréchal* имѣетъ и значеніе кузнеца), и синонимомъ для обозначенія этой должности, когда она пріобрѣла государственное значеніе, было наименованіе *comes stabuli* (откуда потомъ „коннетабль“), т.-е. конюшій, хотя ему поручались посольства и военное начальство на войнѣ. Это были высшія должности, на которыя можно было попасть съ низшихъ, къ числу каковыхъ относилась, наприм., должность виночерпія или чашника (pincerna, princeps pincernarum, der Schenk) и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ придворныхъ титуловъ носили впослѣдствіи курфюрсты Священной Римской имперіи германской націи, т.-е. семь владѣтельныхъ князей, которымъ по золотой буллѣ 1356 г. принадлежало право избирать императора [2]): такъ, король богемскій пользовался званіемъ чашника.

---

[1]) См. выше, стр. 32.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 147.

Конечно, съ бо̀льшимъ развитіемъ государственной жизни должно было произойти обособленіе разныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія отъ королевскаго двора въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ, наприм., изъ съѣзда вассаловъ при дворѣ французскаго короля, или королевской куріи (curia regis) возникло особое судебно-административное учрежденіе, получившее въ XIII столѣтіи названіе парижскаго парламента и просуществовавшее до самаго конца старой монархіи во Франціи [1]). Однако, это отдѣленіе центральнаго управленія отъ двора нисколько не ослабило политическаго значенія двора и привилегированности тѣхъ лицъ, которыя, занимая разныя придворныя должности, особенно близко стояли къ королю. Если въ эпоху Тацита у германцевъ существовала родовая знать, основанная на происхожденіи, то въ эпоху варварскихъ королевствъ, когда возросло значеніе конунга, близость къ нему сдѣлалась главнымъ основаніемъ привилегированнаго происхожденія въ государствѣ [2]), прецеденты чего наблюдались еще въ эпоху Тацита, который отмѣтилъ, что у племенъ, уже имѣющихъ королевскую власть [3]), вольноотпущенники возвышаются и надъ простыми свободными, и надъ знатными. Развитіе абсолютизма влекло за собою аналогичныя послѣдствія. Конечно, по общему правилу, самый фактъ нахожденія среди королевской прислуги не создавалъ никакой знатности, и для занятія высшихъ придворныхъ должностей нужно было „благородство“ въ смыслѣ дворянскаго происхожденія, да и самый доступъ ко двору былъ открытъ лишь для дворянъ (только благородный былъ *hoffähig*), тѣмъ не менѣе пристроиться ко двору сдѣлалось цѣлью множества честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ дворянскихъ исканій, потому что это былъ лучшій путь личнаго возвышенія и обогащенія. Королевская власть даже сознательно стала пользоваться придворнымъ бытомъ, какъ приманкою для феодальной знати, не желавшей забыть своихъ былыхъ политическихъ вольностей, и въ свою очередь эта знать, наполнявшая королевскій дворъ, сообщила ему значеніе главнаго оплота соціальнаго консерватизма по отношенію къ сословнымъ при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 143. О немъ еще будетъ идти рѣчь подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

[2]) Тамъ же, стр. 184.

[3]) In gentibus quae regnantur. Ср. выше, стр. 30.

вилегіямъ дворянства. Здѣсь, въ придворной обстановкѣ *de l'ancien régime* осуществился союзъ абсолютной монархіи съ дворянскими привилегіями, составляющій одну изъ основныхъ чертъ стараго порядка [1]).

Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ исторіи придворнаго быта абсолютной монархіи общій тонъ выработкѣ его формъ съ XVI в. задавала Италія, гдѣ одною изъ особенностей господствовавшей въ ней княжеской тираніи было широкое развитіе придворной жизни. Итальянскіе *принчипы* эпохи ренессанса весьма охотно окружали себя роскошью и блескомъ, устраивали въ своихъ дворцахъ и садахъ постоянные праздники и увеселенія, держали при себѣ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, стягивая къ своимъ резиденціямъ все, что только было въ окружающемъ обществѣ побогаче, познатнѣе, позначительнѣе и чѣмъ только можно было пользоваться съ большимъ или меньшимъ удобствомъ для проведенія своихъ политическихъ видовъ. Внѣшнія формы этой придворной жизни легко воспринимались внѣ Италіи государями другихъ странъ, и въ распространеніи ихъ по Европѣ факторъ подражанія вообще игралъ большую роль. Если французскій дворъ, начиная съ Франциска I, воспринялъ весьма многое изъ Италіи, то позднѣе такою же законодательницею въ формахъ придворной жизни сдѣлалась Франція Людовика XIV, которому наперерывъ подражали въ своемъ домашнемъ быту современные ему даже имперскіе князья Германіи. Итальянскій абсолютизмъ былъ такимъ образомъ прототипомъ абсолютизма въ другихъ странахъ и по отношенію къ соединенному съ нимъ нераздѣльно придворному быту.

Особымъ блескомъ отличался въ эпоху ренессанса дворъ самой старой абсолютной монархіи въ Италіи, дворъ неаполитанскій. Жилище короля, „Reggia“, считалось храмомъ правосудія, центромъ просвѣщенія, гдѣ сіяло божество одного неограниченнаго короля. „Мы, писалъ нѣкто Майо, авторъ трактата о величіи,—мы вѣруемъ во единаго Бога во славѣ и видимъ одно солнце на небѣ и обожаемъ на землѣ нашей единаго короля“. „Вокругъ монарха, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ,—составляя рамку для него и отражая его свѣтъ, склоняется пышный дворъ. Въ актахъ и лѣтопи-

---

[1]) См. выше, стр. 5—6 и ниже, въ главѣ XV, гдѣ говорится о соціальной политикѣ абсолютизма.

сяхъ неаполитанской жизни мы встрѣчаемъ одни громкія имена. Это—важные сановники, гросмейстеры, главные судьи, великіе сенешалы, великіе адмиралы. Они разодѣты, вылощены, въ вышивкахъ, въ галунахъ, въ золотѣ. Родиться для жизни значитъ родиться для двора. Быть патріотомъ значитъ быть лойялистомъ. Существовать значитъ быть придворнымъ. Все здѣсь крупнѣе, шире, звучнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Арагонцы [1]) держатъ вина въ серебряныхъ бочкахъ, одѣваютъ свою милицію въ шелкъ и золото. Они устраиваютъ пиры на тридцать тысячъ персонъ, тратятъ двѣсти тысячъ дукатовъ на одинъ праздникъ, семнадцать тысячъ дукатовъ на похороны одной изъ своихъ принцессъ. Во что бы то ни стало, надо ослѣплять, поражать воображеніе чѣмъ-либо грандіознымъ, изумлять его и овладѣвать имъ посредствомъ чего-нибудь гигантскаго и колоссальнаго. Залы высоки, какъ церкви; сады обширны, какъ лѣса; чувства безпрерывно вздымаются на ходули. Никакой задушевности, никакого уединенія, ничего такого, что успокоиваетъ, ничего, чтобы отдохнуть отъ этой великолѣпной внѣшности, отъ постоянныхъ церемоній, отъ вѣчнаго представительства и оффиціальности. Жизнь проходитъ на глазахъ у всѣхъ, размѣренно и съ помпой, въ показной обстановкѣ и для показной обстановки. Галуны и перья, парадные костюмы, велерѣчивыя рѣчи. И повсюду, во всемъ,—въ архитектурныхъ сооруженіяхъ, въ празднествахъ, въ траурѣ, въ идеяхъ и въ обычаяхъ, въ обстановкѣ королевскаго ложа и въ словахъ, вездѣ показная сторона, парадъ, краснорѣчіе, рисовка, выставка на показъ,—словомъ, то, что будетъ вскорѣ отмѣчено словомъ „teatralità“ [2]).

Пышностью и блескомъ, въ особенности же строжайшимъ этикетомъ отличался дворъ испанскій, по образцу котораго сложился и дворъ младшей линіи Габсбурговъ въ Австріи. При испанскомъ дворѣ особенно развились строгая торжественность и чопорная неподвижность церемоніала, которому былъ подчиненъ весь обиходъ королевской жизни, превратившійся самъ мало-по-малу въ полурелигіозный обрядъ. Послѣдніе Габсбурги на испанскомъ престолѣ показывались своимъ подданнымъ разъ въ недѣлю, чтобы лично принимать отъ нихъ прошенія, и этикетъ требовалъ отъ государя не-

---

[1]) Арагонская династія.

[2]) *Ф. Монье* Кваттроченто, стр. 536—538.

подвижности въ позѣ и выраженіи лица: это требованіе не распространялось только на глаза и губы. При пріемахъ грандовъ царствовали строго размѣренный порядокъ, тишина и безмолвіе, причемъ и кавалеры, и дамы должны были преклонять передъ королемъ колѣни и цѣловать его руку. Все времяпрепровожденіе короля было подчинено правиламъ, строжайшимъ образомъ соблюдавшимся тѣми, кому надлежало слѣдить за этикетомъ придворной жизни. Вечеромъ, отходя ко сну, король шествовалъ въ покои королевы въ особомъ церемоніальномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ чернаго плаща и туфель, причемъ въ одной рукѣ онъ долженъ былъ держать шпагу, въ другой щитъ. При Филиппѣ II королевской резиденціей былъ знаменитый Эскуріалъ, своею мрачностью напоминавшій не то тюрьму, не то монастырь, но его преемники устроили себѣ болѣе удобныя резиденціи, сначала въ Вальядолидѣ, потомъ въ Мадридѣ. Привлеченіе къ королевскому двору аристократіи началось въ Испаніи еще при Фердинандѣ и Изабеллѣ, но особое развитіе придворная жизнь получила въ XVII столѣтіи, когда число лицъ, жившихъ на счетъ двора, достигло чуть не десяти тысячъ человѣкъ. Въ серединѣ этого вѣка дворъ поглощалъ между прочимъ на придворныя жалованья, пенсіи, подачки, удовольствія и т. п. болѣе полутора милліоновъ дукатовъ, что равняется 25—30 милліонамъ рублей на теперешнія деньги.

Во Франціи сознательно политику привлеченія феодальной знати къ королевскому двору сталъ проводить Францискъ I, при которомъ впервые создается громадный и блестящій придворный штатъ, при дворѣ появляются дамы, устраиваются увеселенія, но въ то же время вводится церемоніальный этикетъ. Высшей точки своего развитія придворный бытъ, какъ извѣстно, достигъ во Франціи во второй половинѣ XVII в., при Людовикѣ XIV. „Король-солнце" для своего двора создалъ даже цѣлый городъ, Версаль, который долженъ былъ жить только дворомъ и для двора. Знаменитый версальскій дворецъ и его громадный паркъ были окончены только въ двадцать лѣтъ, несмотря на то, что ежегодно работали надъ королевскими сооруженіями десятка по два, по три рабочихъ, солдатъ и сосѣднихъ крестьянъ. Въ свой дворцовый городъ Людовикъ XIV съумѣлъ привлечь все, что было наиболѣе знатнаго въ тогдашней феодальной аристократіи, отводя своимъ гостямъ даровыя квартиры, создавая для нихъ все новыя и

новыя придворныя должности съ громадными окладами, раздавая пенсіи, подарки и т. п., доставляя имъ всевозможныя удовольствія и развлеченія. Жизнь въ Версалѣ сдѣлалась сплошнымъ праздникомъ, непрерывнымъ пиромъ, все болѣе и болѣе заставлявшимъ старую знать забывать родовые замки и помѣстья, а съ ними и традиціи былыхъ временъ, когда каждый сеньеръ самъ былъ маленькимъ королемъ въ своемъ помѣстьѣ. Прежняя феодальная гордость совершенно вывѣтрилась въ душахъ французской знати и уступила мѣсто раболѣпству—изъ-за пустыхъ титуловъ, почетныхъ должностей въ королевской передней, въ королевской кухнѣ, за королевскимъ столомъ, въ королевской опочивальнѣ, изъ-за пенсій и подарковъ, изъ-за простого доступа къ обрядамъ, сопровождавшимъ весь день короля отъ пробужденія до отхода ко сну, изъ-за милостиваго слова, наконецъ изъ-за благосклонной улыбки или кивка головою.

Стóитъ только у любого историка стараго порядка во Франціи, касавшагося этого предмета, прочесть описаніе того, какъ король просыпался, вставалъ съ постели, одѣвался, завтракалъ, обѣдалъ, ужиналъ, ложился спать, чтобы вполнѣ согласиться съ шуткою Фридриха II, сказавшаго, что будь онъ королемъ Франціи, онъ назначилъ бы особаго еще короля спеціально для продѣлыванія требованій придворной жизни. Совершенно вѣрно и замѣчаніе одного историка, нашедшаго, что послѣ Людовика XIV король изъ когда-то „перваго между равными“ среди феодальныхъ герцоговъ и графовъ превратился въ перваго придворнаго [1]). „Точно говоря, по словамъ Тэна ремесло короля, это — ремесло актера, которому приходится не сходить весь день со сцены“, и одну церемонію вставанія короля и его утренняго выхода историкъ остроумно называетъ „цѣлою пьесою въ пять актовъ“. Мы знаемъ этотъ церемоніалъ потому, что онъ излагался въ оффиціальномъ ежегодникѣ „Etat de la France“, занимая въ немъ 50 страницъ при 700 страницахъ, на которыхъ были расписаны всѣ придворные чины. Даже предметамъ королевскаго обихода требовалось оказывать особое почитаніе. Такъ, привилегія подавать королю сорочку принадлежала только дѣтямъ и внукамъ Франціи“ (т.-е. ближайшимъ родственникамъ короля) или принцамъ крови.

---

[1]) Отсылаю къ извѣстному труду *Тэна* „Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи“, т. I, кн. 2, гл. 1.

Другой примѣръ—процессія, въ которой несли „говядину его величества“ изъ кухни на королевскій столъ: впереди шли два гвардейца съ метръ-д'отелемъ между ними, затѣмъ дежурный камергеръ, затѣмъ нѣсколько придворныхъ чиновъ, несшихъ самое блюдо, и все шествіе замыкалось опять двумя гвардейцами. Для пріема королемъ лѣкарства устраивалась тоже церемонія большого выхода, т.-е. оповѣщались придворные, въ присутствіи которыхъ король и принималъ прописанное ему снадобье. Все это Людовикъ XIV находилъ весьма естественнымъ и понятнымъ и даже защищалъ съ теоретической точки зрѣнія необходимость подобной обрядности. „Грубо ошибаются тѣ,—читаемъ мы въ его собственныхъ запискахъ,—которые воображаютъ, что это—простыя церемоніи. Народы, надъ которыми мы царствуемъ, не умѣя проникнуть въ суть дѣла, судятъ обыкновенно по внѣшности и большею частью соразмѣряютъ свое уваженіе и послушаніе съ мѣстомъ и рангомъ. Такъ какъ для общества важно быть управляемымъ однимъ, то важно также, чтобы тотъ, кто исполняетъ эту должность, былъ такъ возвышенъ надъ остальными, дабы не было никого другого, съ кѣмъ его могли бы смѣшивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному тѣлу, лишить его главу мельчайшихъ признаковъ его превосходства, отличающаго его отъ другихъ членовъ“.

Съ развитіемъ придворной жизни Версаль поглощалъ чуть не ежегодно все бо̀льшія и бо̀льшія суммы денегъ. Одно конюшенное вѣдомство обходилось Людовику XVI въ 1775 г. въ 4.600.000 ливровъ, а въ 1787 г.—уже въ 6.200.000 ливровъ, да охота стоила около милліона ста или двухсотъ тысячъ. На столъ королевской семьи и всего персонала, находившагося въ непосредственномъ услуженіи у короля, уходило болѣе 3.600.000 ливровъ, причемъ одно вино стоило до 300.000 ливровъ. На ремонтъ одной меблировки въ 1778 г. потребовалось почти 2 милліона ливровъ. Громадныя суммы поглощали еще королевскія щедроты въ видѣ пенсій, рентъ, воспособленій, подарковъ и т. п. Съ своей стороны, придворные платили за всѣ эти милости самою приторною лестью. „Не довольствуются, писала знаменитая г-жа Севинье, сравнивать его (Людовика XIV) съ Богомъ; его сравниваютъ еще такимъ образомъ, что ясно видно, что самъ Богъ — только копія“.—„Кто приметъ въ расчетъ, писалъ Лабрюйеръ, что

лицезрѣніе государя составляетъ все блаженство придворныхъ, тотъ немножко пойметъ, какимъ образомъ лицезрѣніе Бога составляетъ всю славу и все блаженство святыхъ". — Герцогъ Ришелье однажды писалъ Людовику XIV, что на колѣняхъ проситъ его дозволить являться время отъ времени ко двору, „потому что,—мотивировалъ онъ свою просьбу,— мнѣ легче умереть, чѣмъ не видѣть ваше величество въ теченіе двухъ мѣсяцевъ".

Въ царствованіе Людовика XIV Франція, какъ было уже сказано, задавала тонъ всей Европѣ, и придворный бытъ резиденціи французскаго короля сдѣлался предметомъ подражанія даже для менѣе важныхъ германскихъ владѣтельныхъ князей, строившихъ тоже свои Версали, заводившихъ у себя ту же роскошь, тратившихъ на нее равнымъ образомъ большія суммы и равнымъ образомъ стремившихся приручить къ придворной службѣ мѣстное дворянство. Военно-хозяйственный и не особенно расточительный ради придворнаго блеска абсолютизмъ Гогенцоллерновъ въ Пруссіи былъ своего рода исключеніемъ изъ общаго правила, хотя и здѣсь приходится отмѣтить Фридриха I, перваго короля Пруссіи, какъ государя, тоже тянувшагося за Людовикомъ XIV въ устройствѣ своего придворнаго быта.

Понятно, что тамъ, гдѣ король поистинѣ дѣлался первымъ придворнымъ, онъ не могъ иначе смотрѣть на вещи, какъ глазами придворнаго міра, совершенно оторвавшагося отъ остальной націи, чтобы вести свою особую, прежде всего безпечную и веселую жизнь. Монтескьё находилъ, что монархія вырождается въ деспотію, когда король стягиваетъ всю страну къ столицѣ, столицу—ко двору, дворъ—къ своей личности, и это, дѣйствительно, было одною изъ великихъ опасностей абсолютной монархіи. „Дворъ, — писалъ д'Аржансонъ,—въ этомъ словѣ заключается все зло. Дворъ превратился въ сенатъ нашего государства: самый ничтожный лакей въ Версалѣ—сенаторъ; горничныя участвуютъ въ управленіи страною; если онѣ и не издаютъ указовъ, то, по крайней мѣрѣ, мѣшаютъ исполненію законовъ и уставовъ, а изъ этихъ помѣхъ выходитъ то, что мы не имѣемъ ни законовъ, ни уставовъ, ни распорядителей. При Генрихѣ IV,—продолжаетъ онъ, — придворные жили каждый въ своемъ собственномъ домѣ и не были обязаны входить въ разорительныя издержки, чтобы состоять при дворѣ, а потому король не былъ обя-

занъ расточать имъ милости, какъ нѣчто должное, что мы видимъ теперь. Дворъ, прибавляетъ еще съ грустью д'Аржансонъ, это—могила націи".

Дворъ, дѣйствительно, составлялъ ту среду, которая непосредственно окружала носителя верховной власти, вліяла на него безпрерывно, внушала ему преувеличенныя представленія о его власти, о его правахъ, о его личныхъ качествахъ, развивала въ немъ наклонности къ своеволію и произволу, заставляла его смотрѣть на государственные и общественные вопросы съ извѣстныхъ, крайне узкихъ точекъ зрѣнія, внося духъ интригъ въ дѣла, какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. На дипломатическомъ языкѣ XVIII в. слово „дворъ" сдѣлалось синонимомъ „правительства" или „кабинета". Однимъ словомъ, это была весьма видная политическая сила, направлявшая въ ту или другую сторону государственныя дѣла, лучшимъ же опредѣленіемъ того, въ какомъ направленіи вершились дѣла въ зависимости отъ придворныхъ вліяній и воздѣйствій, будетъ указаніе на политическое значеніе двора, какъ учрежденія, самымъ фактомъ существованія котораго знаменовался союзъ политическаго абсолютизма королевской власти съ соціальными привилегіями дворянства, столь характерный, какъ мы знаемъ, вообще для всей внутренней политики стараго порядка.

Другими словами, дворъ самъ дѣлался однимъ изъ главныхъ оплотовъ стараго порядка. Извѣстно, какихъ опасныхъ и вліятельныхъ враговъ встрѣтилъ въ придворныхъ сферахъ министръ-реформаторъ Людовика XVI, Тюрго. Извѣстно, что Неккеръ палъ потому, что въ своемъ финансовомъ отчетѣ обнародовалъ цифры придворныхъ тратъ. При версальскомъ дворѣ прямо даже сложилось убѣжденіе, что иного порядка жизни, какъ установившійся, и быть не можетъ, и въ концѣ концовъ дворъ сдѣлался очагомъ политическаго легкомыслія. „Невозможно, — писалъ уже въ эпоху революціи извѣстный англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію въ эти годы, — невозможно найти такой беззаботности и такой глупости, какія обнаруживаетъ здѣшній дворъ. Настоящій моментъ требуетъ самаго внимательнаго обсужденія и самой серьезной рѣшимости, а между тѣмъ, вчера, въ то самое время, какъ обсуждаютъ вопросъ, оставаться ли королю попрежнему королемъ Франціи или же превратиться въ нѣчто въ родѣ венеціанскаго дожа, этотъ король находился на

охотѣ". Понятно, что при этомъ дворѣ иначе не могли отнестись къ перестройкѣ внутреннихъ отношеній Франціи, начатой въ 1789 г., какъ съ величайшею непріязнью. Здѣсь и образовался, какъ извѣстно, главный штабъ контръ-революціи, защитниковъ абсолютизма, являвшагося въ глазахъ придворныхъ и привилегированныхъ обезпеченіемъ того, что всѣ выгоды, связанныя съ придворнымъ бытомъ и принадлежностью къ дворянскому сословію, останутся неприкосновенными, если только королевская власть сохранитъ свою неограниченность. Не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣшательство въ событія 1789 и слѣдующихъ годовъ со стороны придворныхъ сферъ было одною изъ причинъ бурнаго оборота, принятаго этими событіями.

ГЛАВА IX.

Законодательная дѣятельность абсолютной монархіи.

Эпохи обычнаго права и законодательной дѣятельности государства.—Участіе общественныхъ силъ въ законодательномъ творчествѣ и законодательство бюрократическое.—Роль средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій въ изданіи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ.—Рецепція римскаго права и вліяніе послѣдняго въ новой Европѣ. — Правило „quod principi placuit, legis habet vigorem".—Порядки изданія законовъ въ разныхъ государствахъ Западной Европы въ эпоху абсолютной монархіи.—Роль французскихъ парламентовъ въ исторіи законодательной дѣятельности королевской власти.—Главные недостатки этихъ порядковъ и попытки ихъ реформировать.—Законодательные порядки XIX в. до введенія новыхъ конституцій.—Развитіе юриспруденціи и кодификаціонныя попытки при старомъ порядкѣ.

Абсолютная монархія утверждалась на Западѣ въ такія эпохи жизни отдѣльныхъ его народовъ, когда болѣе или менѣе совершающаяся перестройка внутреннихъ отношеній общества постоянно сопровождалась значительнымъ ростомъ всякаго рода въ нихъ осложненій, что̀ требовало отъ государства усиленной законодательной дѣятельности.

На раннихъ ступеняхъ быта, отличающихся простотою

и несложностью общественныхъ отношенiй и относительною неподвижностью общаго уклада жизни, для государственнаго законодательства нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Въ жизни каждаго народа мы всегда съ большею или меньшею, хотя бы и приблизительною только точностью можемъ отмѣтить моментъ, когда государство начинаетъ законодательствовать, и къ обычному праву, сложившемуся путемъ постепенно накоплявшихся прецедентовъ, которые въ общественномъ сознанiи получали нормативный характеръ, присоединяется еще государственный законъ, имѣющiй свой источникъ въ сознательномъ и преднамѣренномъ волеизъявленiи власти въ цѣляхъ опредѣленнаго воздѣйствiя на общество [1]). Въ своей законодательной роли государство на первыхъ порахъ ограничивается лишь письменнымъ закрѣпленiемъ обычнаго права, что̀, однако, не обходится безъ извѣстнаго пересмотра отдѣльныхъ его нормъ и безъ внесенiя въ него тѣхъ или другихъ частныхъ измѣненiй, диктуемыхъ тѣми или другими потребностями жизни. Несмотря на всю свою, если такъ можно выразиться, текучесть, въ противоположность отвержденности продуктовъ государственнаго законодательствованiя, обычное право отличается бо̀льшимъ консерватизмомъ, какъ и всякая иная народная традицiя, сложившаяся чисто эволюцiоннымъ путемъ, особенно если традицiя получаетъ религiозную санкцiю, что̀ всегда болѣе или менѣе присуще и обычному праву [2]). На первыхъ порахъ сама государственная власть находится подъ влiянiемъ правовыхъ обычаевъ и преданiй общества и своимъ отвержденiемъ ихъ въ письменномъ видѣ только стремится сохранить ихъ силу и на будущее время. Таково происхожденiе всѣхъ раннихъ писанныхъ законовъ, этихъ своего рода кодексовъ обычнаго права, начиная съ древнѣйшаго изъ нихъ, какой мы только знаемъ, сборника законовъ вавилонскаго царя Гаммураби [3]), и кончая тѣми средневѣковыми „варварскими правдами“ [4]), къ числу которыхъ можно отнести и нашу „Русскую Правду“. Нѣтъ нужды, что такiе сборники могли иногда возникнуть по частной инициативѣ, ибо самое важное здѣсь, это—признанiе ихъ, хотя бы и мол-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 48 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 50—51.

[3]) Монархiи, стр. 70.

[4]) Помѣстье-государство, стр. 16.

чаливое, со стороны государственной власти, какъ дѣйствующаго права. И съ началомъ уже чисто государственнаго законодательствованія, какое мы наблюдаемъ, наприм., въ дѣятельности греческихъ эсимнетовъ [1]) или децемвировъ для написанія законовъ въ Римѣ [2]), чисто обычное право продолжаетъ существовать и регулировать важныя гражданскія отношенія. Особенно велика всегда его сила въ жизни сельскаго населенія страны, и, напр., весь средневѣковой крестьянскій строй, вся соціальная сторона феодализма находилась подъ властью обычнаго права, весьма притомъ разнообразнаго по мѣстамъ и большею частью остававшагося внѣ сферы какого бы то ни было воздѣйствія со стороны государства [3]). Каждая деревня, каждое помѣстье могли имѣть свои особые обычаи, которые и возникали, и падали не въ силу формальныхъ постановленій какой-либо предержащей власти, а такъ, какъ нарождаются и исчезаютъ всякіе иные обычаи, путемъ накопленія или убыванія прецедентовъ. Лишь въ самомъ концѣ среднихъ вѣковъ обычное право стало фиксироваться, самымъ рельефнымъ примѣромъ чего является редактированіе такъ называемыхъ кутюмъ во Франціи, начавшееся въ срединѣ XV в. по инициативѣ центральнаго правительства [4]).

Объ обычномъ правѣ можно еще сказать, что его творитъ самъ народъ. Конечно, это не слѣдуетъ понимать такъ, какъ понималось оно въ старой исторической школѣ юриспруденціи, полагавшей, что въ народномъ духѣ изначала заложены какія-то высшія начала правды, составляющія содержаніе всего народнаго правосознанія и лишь постепенно раскрывающіяся съ дальнѣйшимъ движеніемъ жизни. Нѣтъ, данное положеніе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что творчество права здѣсь еще не оторвано отъ дѣятельности самого народа и не сосредоточилось въ какомъ-либо совершенно отъ него обособленномъ и внѣ его поставленномъ органѣ. Пусть въ созданіи обычнаго права главная и руководящая роль,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ его сторонахъ,—принадлежитъ лишь болѣе сознательной, болѣе вліятельной, болѣе огранизованной и болѣе активной части общества, какому-либо одному

---

[1]) Государство-городъ, стр. 80.

[2]) Тамъ же, стр. 82—83.

[3]) Помѣстье-государство, стр. 100.

[4]) Тамъ же, стр. 308 и ниже въ этой же главѣ.

сословію или классу [1]), но это все-таки есть само общество, а не кто-то внѣ его и надъ нимъ стоящій, имѣющій право ему приказывать. Тотъ же характеръ народнаго, или общественнаго (хотя бы и классового) участія въ творчествѣ права сохраняется за послѣднимъ и тогда, когда начинается сознательная и преднамѣренная законодательная дѣятельность государства, разъ только само государство построено на участіи въ его работѣ самихъ управляемыхъ. Однимъ изъ признаковъ человѣка, который у древнихъ грековъ носилъ почетное званіе гражданина, Аристотель въ своей „Политикѣ“ прямо считаетъ участіе въ законодательной власти [2]), и одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ политической свободы состояла въ томъ, что самъ народъ, въ смыслѣ совокупности полноправныхъ гражданъ, давалъ себѣ законы: стòитъ только вспомнить аѳинское вѣче, экклесію, въ которой существовала даже строго выработанная законодательная процедура [3]), или римскія народныя собранія, комиціи, гдѣ тоже принимались законодательныя постановленія, т.-е. законы въ тѣсномъ смыслѣ (leges) или такъ называемые плебисциты, имѣвшіе такую же силу, какъ и законы [4]). Правда, въ Римѣ право творили еще и нѣкоторыя должностныя лица, магистраты, въ особенности преторы [5]), равно какъ спеціальные знатоки права, юриспруденты [6]), но первые, т.-е. магистраты получали свои полномочія отъ народа и могли дѣйствовать только въ рамкахъ закона, тогда какъ вторые, юриспруденты, пользовались авторитетомъ опять-таки лишь въ силу общественнаго къ нимъ довѣрія. Только съ установленіемъ въ Римѣ имперіи измѣнилось такое положеніе дѣлъ. Съ прекращеніемъ комицій прекратилась и законодательная дѣятельность народа [7]), и его мѣсто въ дѣлѣ изданія законовъ заступаетъ императоръ, на котораго даже формально было перенесено право дѣлать постановленія, имѣющія силу настоящихъ законовъ [8]). Дѣй-

---

[1]) Государство-городъ, гл. X.
[2]) Тамъ же, стр. 124—126.
[3]) Тамъ же, стр. 338—341.
[4]) Тамъ же, стр. 144—145.
[5]) Тамъ же, стр. 46. Преторы издавали эдикты. Монархіи, стр. 294.
[6]) Монархіи, стр. 296.
[7]) Монархіи, стр. 240
[8]) Тамъ же, стр. 253 и слѣд.

ствія новой власти не избѣгли и тѣ старые органы правосозиданія, какими были преторы и юристы. Своимъ фиксированіемъ преторскаго эдикта императоръ Адріанъ остановилъ дальнѣйшее его развитіе [1]), а тѣмъ, что право давать авторитетные отвѣты и тѣмъ опредѣлять правовыя нормы стало разсматриваться, какъ спеціальная привилегія, даваемая тѣмъ или другимъ правовѣдамъ лишь по усмотрѣнію императора, и свободѣ ученаго законовѣдѣнія былъ нанесенъ ударъ [2]). Для послѣднихъ временъ имперіи не можетъ быть уже и рѣчи о какомъ бы то ни было участіи независимыхъ общественныхъ силъ въ законодательной дѣятельности государства, ибо закономъ становится лишь то, что исходитъ изъ воли самого государя [3]). Понятно, однако, что императоръ не могъ отправлять законодательную функцію государства единолично: чтобы издать какое-либо общее постановленіе, которое распространялось бы на всю имперію, онъ нуждался въ совѣтникахъ, въ помощникахъ, въ особой канцеляріи, гдѣ новый законъ былъ бы составленъ, подвергнутъ обсужденію, получилъ бы окончательную редакцію [4]). Въ исторіи римскаго законодательства эпоха имперіи была эпохой его постепенной бюрократизаціи, т.-е. перехода этой важнѣйшей отрасли государственной дѣятельности въ руки чиновничества, безъ какого бы то ни было участія независимыхъ общественныхъ силъ. Высшимъ проявленіемъ этой бюрократизаціи законодательства мы, конечно, должны признать ту коммиссію, которая по повелѣнію Юстиніана Великаго подъ предсѣдательствомъ Трибоніана собрала римскіе законы въ одно цѣлое, названное впослѣдствіи Corpus juris civilis [5]). Въ абсолютной монархіи, пожалуй, и не можетъ быть иного способа изданія законовъ, какъ этотъ, чисто бюрократическій, способъ, и нашей задачей въ настоящей главѣ будетъ разсмотрѣть, какъ справлялась съ этимъ труднымъ дѣломъ западно-европейская абсолютная монархія новаго времени.

Если мы отвлечемся на минуту отъ исторіи Запада, чтобы взять для примѣра болѣе извѣстныя намъ русскія аналогіи,

---

[1]) Тамъ же, стр. 295.
[2]) Тамъ же, стр. 297.
[3]) См. выше, стр. 15.
[4]) Монархіи, стр. 300—301, 274 и слѣд.
[5]) Тамъ же, стр. 301.

то невольно вспомнимъ, съ одной стороны, „Сводъ законовъ Россійской имперіи", составленный Сперанскимъ при Николаѣ I, а съ другой „Соборное уложеніе" царя Алексѣя Михайловича, самымъ своимъ названіемъ указывающее на небюрократическое свое происхожденіе. Въ XVII в., когда было составлено это уложеніе, Московское государство было своего рода сословной монархіей [1]), въ которой было особое представительное учрежденіе, земскій соборъ, въ данномъ случаѣ и принявшее участіе въ законодательномъ уложеніи. То же самое было и на Западѣ, гдѣ въ эпоху сословной монархіи закономъ считалось только то, что принималось съ общаго согласія государя, знати и народа [2]). Англійскій судья Брактонъ уже въ эпоху возникновенія парламента опредѣлялъ законъ, какъ постановленіе, принятое королевскою властью съ совѣта и согласія вельможъ и народа (legis habet vigorem quidquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione auctoritate regis juste fuerit definitum), и двумя столѣтіями позже, т.-е. въ XV в. то же самое повторилъ и развилъ въ цѣлую теорію ограниченной монархіи другой англичанинъ, Фортескью, въ своей „Похвалѣ англійскимъ законамъ" [3]). Этотъ принципъ участія общественныхъ силъ въ законодательствѣ только-что названный писатель прямо противополагалъ принципу неограниченной монархіи, формулированному римскими юристами императорскаго періода и принимавшемуся французскими законовѣдами, современниками Фортескью. Въ Германіи въ эпоху процвѣтанія ландтаговъ тоже считалось за очевидную истину, что новые законы могутъ устанавливаться (и отмѣняться старые) только по совѣту и съ согласія чиновъ (mit Vollwort und Rath der Stände) или „съ вѣдома и по волѣ земли" (mit Wissen und Willen der Landschaft). Французскимъ генеральнымъ штатамъ не удалось добиться прочнаго участія въ законодательной дѣятельности, но и въ нихъ по временамъ обнаруживалась тенденція разсматривать себя, какъ учрежденіе, безъ согласія съ которымъ король не имѣетъ права издавать законы. Наприм., во второй половинѣ XVI в., когда генеральные штаты совершенно явно выступили противъ ко-

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. XLIX—LII особой нумераціи.

[2]) Тамъ же, стр. 202 и др.

[3]) Тамъ же, стр. 210 и 213—215.

ролевскаго абсолютизма, развивалась та мысль, что нужно различать между законами короля и законами государства, что первые суть только временныя распоряженія, тогда какъ вторыя имѣютъ значеніе постоянныхъ постановленій, и что разъ относительно такихъ законовъ состоялось соглашеніе между тремя чинами государства, нѣтъ никакой нужды въ подтвержденіи ихъ еще и королемъ.

Какія различія ни существовали бы между отдѣльными сословно-представительными учрежденіями конца среднихъ вѣковъ, они, эти учрежденія, давали возможность участвовать общественнымъ силамъ въ законодательной дѣятельности государства. Нужно, однако, съ другой стороны, отмѣтить, что это участіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ было плохо организовано. Начать съ того, что по общему, такъ сказать, правилу собранія государственныхъ чиновъ пользовались лишь совѣщательнымъ голосомъ, причемъ законодательная инициатива существовала только въ формѣ прошеній (петицій) къ королевской власти. Менѣе всего въ законодательномъ отношеніи имѣли значенія французскіе генеральные штаты, вліяніе которыхъ на дѣйствія правительства выражалось развѣ лишь въ томъ, что въ жалобахъ и пожеланіяхъ штатовъ правительство находило извѣстный матеріалъ, которымъ и пользовалось потомъ при составленіи по собственному усмотрѣнію своихъ ордоннансовъ [1]). Далѣе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда за сословіями не оспаривалось право принимать вліятельное участіе въ изданіи законовъ, какъ это было, наприм., въ Англіи, съ парламентскими статутами конкурировали, въ качествѣ общеобязательныхъ постановленій, королевскіе указы: извѣстно, сколько изъ-за этого еще въ XVII в. англійскому парламенту пришлось бороться съ королевскою властью, считавшею своимъ правомъ, сверхъ этого, временно пріостанавливать дѣйствія законовъ („суспендивная власть") или дѣлать изъ нихъ частныя изъятія для отдѣльныхъ лицъ или категорій населенія („диспенсивная власть"). Наконецъ, опытъ современныхъ представительныхъ учрежденій учить насъ, какое громадное значеніе имѣетъ техническая сторона законодательства, а она-то именно особенно и хромала въ средневѣковыхъ сословныхъ сеймахъ. Изъ всѣхъ этихъ учрежденій одинъ только англійскій парламентъ выработалъ проч-

---

[1]) Тамъ же, стр. 239.

ную и опредѣленную процедуру законодательной работы [1]): та или другая палата составляетъ готовый законопроектъ (*биллъ*), который, будучи принятъ обѣими палатами, восходитъ на королевское утвержденіе, причемъ король можетъ отказать въ своемъ на него согласіи, но не имѣетъ права дѣлать въ немъ какія бы то ни было измѣненія.

Общіе недостатки, присущіе сословно-представительнымъ учрежденіямъ [2]), отразились и на ихъ законодательной дѣятельности: ихъ строго сословный составъ, ихъ отчужденность отъ народныхъ массъ, конкурренція съ ними мѣстныхъ сословныхъ сеймовъ, краткость сроковъ, на какіе они созывались, а нерѣдко и продолжительность промежутковъ времени между двумя созывами, все это дѣлало ихъ мало работоспособными въ вопросахъ, въ которыхъ нужно было возвышаться надъ сословными и мѣстными интересами и предразсудками во имя общаго блага и которые требовали долговременной, постоянной и непрерывной работы. Тамъ, гдѣ общественныя силы дѣйствовали плохо или бездѣйствовали вовсе, работу брала на себя нарождавшаяся бюрократія, менѣе считавшаяся съ сословными и мѣстными привилегіями, а потому и менѣе во многихъ вопросахъ консервативная, болѣе свыкавшаяся съ требованіями новой государственной жизни, а главное — прочно организованная и дисциплинированная, призванная къ непрерывному и постоянному дѣйствованію, дававшему опытность въ дѣлахъ, развивавшему извѣстные навыки, коихъ были лишены представители общественныхъ силъ. Государственная служба на извѣстныхъ ступеняхъ чиновничьей іерархіи требовала юридическихъ знаній, а ихъ можно было почерпнуть только изъ изученія римскаго права, преподававшагося въ университетахъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ, — гдѣ раньше, гдѣ позже, — происходила такъ называемая рецепція римскаго права, когда вслѣдъ за включеніемъ его въ кругъ предметовъ высшаго преподаванія оно стало примѣняться и въ самой жизни. Обѣ первенствующія системы среднихъ вѣковъ, католицизмъ, отрицавшій самостоятельность государства своимъ требованіемъ подчиненія свѣтской власти главѣ церкви, и феодализмъ, разлагавшій государство на почти суверенныя помѣстья, нашли въ „законникахъ“ (легистахъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 277—278.

[2]) Тамъ же, стр. 199 и слѣд.

какъ ихъ называли во Франціи) принципіальныхъ противниковъ, поскольку каждою изъ указанныхъ системъ наносился ударъ государственному началу и умалялись права государственной власти въ римскомъ ея пониманіи. Юристы, смотрѣвшіе на происхожденіе закона глазами Брактона и Фортескью, были рѣдкимъ исключеніемъ, да и то оба названные юристы были уроженцами страны, которой миновала рецепція римскаго права. На императорской, королевской или княжеской службѣ новые законники въ качествѣ ихъ совѣтниковъ, чиновниковъ, судей и т. п. проводили идею монархической власти, какъ единственнаго въ свѣтскихъ дѣлахъ источника всякаго права и всякаго закона. То самое побужденіе, которое заставляло нѣкоторыхъ религіозныхъ реформаторовъ XVI в. или нѣкоторыхъ представителей „философіи" XVIII столѣтія искать, для проведенія въ жизнь своихъ идей [1]), покровительства и помощи государей, дѣйствовало и въ данномъ случаѣ, т.-е. приводило юристовъ, изучавшихъ римское право, къ мысли о необходимости работать заодно съ монархіей, укрѣпляя ее, съ одной стороны, и пользуясь ею, съ другой стороны, для проведенія въ жизнь чуждыхъ католико-феодальному строю юридическихъ началъ.

Сословно-представительныя учрежденія были большею частью лишены этого интеллектуальнаго сотрудничества: оно почти всецѣло было на сторонѣ королевской власти, которая, въ свою очередь, нуждалась въ знающихъ и умѣлыхъ слугахъ, одинаково притомъ въ дѣлѣ законодательства какъ болѣе опытныхъ, такъ и болѣе податливыхъ, нежели сословные представители. Вся основа ихъ политической теоріи заключалась въ признаніи за государемъ значенія высшаго источника всякаго права въ духѣ изреченія: „quod principi placuit, legis habet vigorem". Въ XV в. англійскій юристъ Фортескью, воспитанный въ совершенно иномъ кругѣ понятій, косвенно полемизировалъ противъ своихъ континентальныхъ товарищей по профессіи, а они, съ своей стороны, плохо понимали иное представленіе о законѣ. Мало-по-малу римскій принципъ восторжествовалъ въ жизни континентальныхъ государствъ, но для практическаго осуществленія этого принципа требовались особыя, исключительно или, по крайней мѣрѣ, главнымъ

[1]) См. ниже, въ главахъ XVI—XIX.

образомъ для законодательства созданныя учрежденія, къ обзору которыхъ по разнымъ странамъ мы теперь и перейдемъ.

Во Франціи при старой монархіи особаго учрежденія, которое вѣдало бы только одно законодательство, равно какъ и единаго порядка изданія законовъ, не существовало [1]). Королевскіе указы, т.-е. ордоннансы и эдикты, и вообще всѣ акты, непосредственно исходившіе отъ верховной власти, обыкновенно переходили черезъ руки канцлера, который вмѣстѣ съ тѣмъ большею частью былъ и „хранителемъ (большой и малой) печатей" короля (garde des sceaux), рѣшались же дѣла королемъ самыми различными способами и по совѣщаніи то съ одними лицами, то съ другими. Королевскій или государственный совѣтъ (conseil du roy, conseil d'état) не только мѣнялся въ своемъ составѣ по роду разсматриваемыхъ дѣлъ, но даже получалъ различныя наименованія, какъ, напр., въ случаѣ обсужденія чисто политическихъ дѣлъ онъ назывался „высшимъ совѣтомъ" (conseil d'en haut), „тѣснымъ совѣтомъ" (conseil étroit), „тайнымъ совѣтомъ" (conseil secret), „кабинетскимъ совѣтомъ" (conseil de cabinet), а не то всѣ эти „совѣты" замѣнялись частными совѣщаніями двухъ-трехъ министровъ, королевскихъ фаворитовъ и т. п., что вообще нерѣдко лишало правительственныя мѣропріятія внутренняго единства или строгой послѣдовательности.

Аналогичное явленіе совѣщанія короля лишь съ нѣсколькими приближенными, фаворитами данной минуты, мы наблюдаемъ и въ Англіи въ эпоху Стюартовъ, когда королевская власть стремилась обходить старинный тайный совѣтъ (privy council) съ его независимыми по своему положенію въ государствѣ участниками для того, чтобы слѣдовать совѣтамъ болѣе угодливыхъ и послушныхъ любимцевъ. Правда, въ Англіи законодательная функція принадлежала парламенту, но очень многія важныя дѣла по обычаю рѣшались въ тайномъ совѣтѣ, бывшемъ поэтому главнымъ центромъ управленія. Въ числѣ причинъ неудовольствія Стюартами ихъ пренебреженіе къ тайному совѣту даже играло нѣкоторую и притомъ не второстепенную роль, а съ другой стороны, выдѣленіе изъ тайнаго совѣта болѣе ограниченнаго состава совѣтни-

---

[1]) Спеціально о законодательной власти во Франціи см. *Petiet*. Du pouvoir législatif en France dépuis l'avenement de Philippe le Bel jusqu' en 1789.

ковъ подъ названіемъ „кабинета“ подготовило образованіе того министерства, которое въ XVIII в. сдѣлалось органомъ парламентскаго большинства [1]). Во Франціи тоже значеніе главныхъ совѣтниковъ короны перешло отъ королевскаго совѣта къ немногимъ должностнымъ лицамъ, въ вѣдѣніи которыхъ очутились отдѣльныя отрасли управленія. Особенно въ этомъ отношеніи сильно сказалось на судьбахъ королевскаго совѣта продолжительное нахожденіе у власти, въ качествѣ не только перваго, но и единственнаго министра, кардинала Ришелье.

Именно одною изъ мѣръ кардинала по отношенію къ королевскому совѣту было сокращеніе въ немъ числа тѣхъ членовъ, которые въ немъ засѣдали не по королевскому назначенію, а по праву рожденія или по высокой государственной должности, и соотвѣтственное увеличеніе числа совѣтниковъ, назначавшихся самимъ королемъ [2]). При своемъ властномъ характерѣ кардиналъ наполнялъ совѣтъ людьми, первымъ качествомъ которыхъ было послушаніе, и, конечно, при такомъ составѣ онъ не только не урѣзывалъ компетенціи совѣта, но даже охотно ее расширялъ. Усиленіе значенія совѣта, но какъ вполнѣ зависимаго органа королевской власти, имѣло своимъ результатомъ и превращеніе прежнихъ канцелярскихъ чиновниковъ совѣта, называвшихся государственными секретарями (secrétaires d'état), съ теченіемъ времени, въ руководителей самого совѣта, какъ бы настоящихъ министровъ. [3])

Разсматривая здѣсь нѣкоторые факты изъ исторіи королевскаго совѣта во Франціи, мы касаемся не только вопроса объ организаціи во Франціи законодательной власти, но и вопроса

---

[1]) Народно-правовое государство, стр. 61, 71 и слѣд.

[2]) Аналогичное явленіе представляетъ собою исторія королевскаго совѣта и въ Испаніи. Первоначально онъ состоялъ изъ главныхъ сановниковъ (гражданскихъ и военныхъ), должности которыхъ передавались по наслѣдству. Фердинандъ и Изабелла, оставляя за грандами ихъ должности и титулы, стали дѣйствительныя правительственныя функціи поручать чиновникамъ изъ летрадовъ (ср. выше, стр. 57), назначавшихся королевскою властью. Мало-по-малу, еще при Фердинандѣ и Изабеллѣ число ихъ стало превышать въ королевскомъ совѣтѣ число грандовъ, и совѣтъ превратился въ послушное орудіе высшей власти.

[3]) См въ слѣд. главѣ.

о центральномъ управленіи вообще. Дѣло, однако, въ томъ, что эти двѣ области не были одна съ другою разграничены, и слѣдовательно, одинъ вопросъ нельзя совершенно отдѣлить отъ другого. Мало того, исторію законодательной власти во Франціи совершенно нельзя отдѣлить и отъ исторіи высшихъ судебныхъ учрежденій въ этой странѣ, извѣстныхъ подъ названіемъ парламентовъ. Въ ихъ организаціи и компетенціи мы наблюдаемъ въ высшей степени своеобразныя черты, которыя дѣлаютъ изъ нихъ явленіе, довольно-таки исключительное, никоимъ образомъ не типичное, что, однако, не мѣшаетъ намъ здѣсь остановиться на исторіи этого учрежденія въ виду того, что оно пріобрѣло и даже сохранило въ эпоху королевскаго абсолютизма право на нѣкоторое участіе въ законодательствѣ, правда, не въ качествѣ даже совѣщательнаго органа, а органа, имѣвшаго возможность тормазить правильное теченіе законодательной дѣятельности государства.

Парламентами во Франціи назывались высшія судебныя палаты, изъ которыхъ самою важною по своему значенію была столичная палата, знаменитый парижскій парламентъ, именно и игравшій роль тормаза въ законодательной процедурѣ. Это учрежденіе и его роль такъ характерны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько дольше, хотя функціи парламента были болѣе широкими, чѣмъ функція законодательнаго тормаза.

Парижскій парламентъ возникъ изъ „королевской куріи“ феодальной эпохи, т.-е. изъ съѣзда ко двору короля его вассаловъ для важныхъ совѣщаній и высшаго суда [1]). При Людовикѣ IX, значитъ, еще въ серединѣ XIII в., изъ королевской куріи выдѣляется чисто судебное учрежденіе, которое и получаетъ названіе парламента. Любопытно, что въ то же самое время это слово, обозначавшее мѣсто или собраніе, „гдѣ говорятъ“, было примѣнено въ Англіи къ „великому совѣту“ короля, изъ котораго впослѣдствіи образовалась верхняя палата англійскаго парламента, а въ Италіи—къ непосредственнымъ собраніямъ гражданъ. Постояннымъ учрежденіемъ, а не собраніемъ, созывавшимся по мѣрѣ надобности, парижскій парламентъ сдѣлался въ самомъ же началѣ XIV столѣтія и весьма скоро, благодаря увеличенію и усложненію своей дѣя-

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 143.

тельности, раздѣлился на три отдѣльныя палаты: такъ называемую „большую палату“ (grand' chambre), бывшую аппеляціонной инстанціей для низшихъ судовъ, рекетную палату (chambre de requêtes), судившую въ извѣстныхъ случаяхъ въ качествѣ первой инстанціи и „анкетную палату“, подготовлявшую дѣла для „большой“. Чисто судебный характеръ учрежденія потребовалъ постояннаго присутствія въ немъ юристовъ, и дѣйствительно въ составъ парламента вошли „легисты“, законники, спеціалисты по вопросамъ права [1]). Сначала это были здѣсь лишь юрисконсульты и составители докладовъ по дѣламъ, разсматривавшимся въ парламентѣ, потомъ—уже прямо королевскіе судьи, когда сеньёры поняли, что судебныя тонкости имъ самимъ не по плечу. Какъ носители судебной власти, имѣвшей свой источникъ въ королѣ (toute justice émane du roi), эти судьи стали одѣваться въ широкія одѣянія, робы (robes), краснаго цвѣта съ горностаевой отдѣлкой, бывшія какъ-бы подобіями царственной порфиры короля. Въ сущности, легисты скоро совершенно заполонили парламентъ, ибо прежніе его феодальные члены, „пэры“ [2]), стали появляться въ засѣданіяхъ лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, да когда судился кто-либо изъ ихъ товарищей. Такъ какъ парламентскіе легисты были настоящими королевскими чиновниками (gens du roi), мы имѣемъ право сказать, что первая важная перемѣна въ исторіи парижскаго парламента заключалась въ превращеніи его изъ феодальнаго учрежденія — въ учрежденіе бюрократическаго характера. Скоро установилась связь между парламентскими легистами и тѣми легистами, которые занимали на королевской службѣ административныя должности превотовъ, бальивовъ, сенешаловъ, и благодаря ихъ стремленіямъ парламентъ какъ разъ и сдѣлался аппелляціонной инстанціей для всѣхъ мѣстныхъ судовъ, въ томъ числѣ и феодальныхъ. Такимъ образомъ парижскій парламентъ съигралъ важную роль въ исторіи централизаціи власти во Франціи. По образцу парижскаго парламента въ XV в. были основаны провинціальные, каковы тулузскій, гренобльскій, бордосскій, дижонскій и др. [3]), но

---

[1]) Ср. выше, стр. 63.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 123, 142 и 143.

[3]) Начало основанія провинціальныхъ парламентовъ было положено

подчиненныя ихъ юрисдикціи области были гораздо меньшими, чѣмъ территорія парламента столичнаго.

Учрежденіе судебное по преимуществу, парижскій парламентъ игралъ нѣкоторую роль и въ административномъ отношеніи [1]), и имъ же также пользовалась королевская власть для объявленія своихъ ордоннансовъ (указовъ). Здѣсь производилась и ихъ регистрація, т.-е. они заносились въ особый списокъ; это было одною изъ обязанностей парламента, на которую самъ онъ сталъ потомъ смотрѣть, какъ на свое право (droit d'enregistrement). Въ средніе вѣка обычные факты вообще дѣлались прецедентами, становившимися, въ свою очередь, основаніемъ для возникновенія какого-либо права. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ. „Королевскіе люди", засѣдавшіе въ парламентѣ, прониклись убѣжденіемъ, что парламентъ есть старинная королевская курія, съ которою государь долженъ совѣтоваться. Если членамъ парламента принадлежитъ право регистраціи королевскихъ ордоннансовъ, то онъ, значитъ, можетъ имъ въ этомъ и отказывать, конечно, подъ условіемъ представленій, или „ремонстранцій" (remonstrances) королю, гдѣ объяснялось, напр., что указъ противорѣчитъ другимъ законамъ или заключаетъ въ себѣ такія-то и такія-то неудобства. Такъ какъ короли иногда принимали подобныя возраженія, то и это сдѣлалось правомъ (droit de remonstrances). Когда, однако, король настаивалъ на своемъ, для принужденія парламента къ регистраціи устраивалось торжественное тронное засѣданіе, извѣстное подъ названіемъ „lit de justice" [2]); король, окруженный пэрами парламента, высшими сановниками и придворными чинами, лично являлся въ „большую палату" и приказывалъ исполнить высочайшую волю; въ такомъ случаѣ, въ присутствіи короля, члены парламента, какъ бы на время теряя принадлежащую имъ власть, источникомъ которой былъ король, должны были безпрекословно повиноваться. Первый случай такого троннаго засѣданія относится еще къ XIV в., послѣдній былъ наканунѣ

Карломъ VII, что было сдѣлано къ великому неудовольствію парижскаго парламента.

[1]) См. ниже въ главѣ X.

[2]) Буквально „ложе правосудія", такъ какъ въ засѣданіе приносилось для короля подобіе дивана съ подушками, почему по-русски иногда переводятъ этотъ терминъ, какъ „подушечное засѣданіе".

революціи, т.-е. обычай просуществовалъ около четырехъ съ половиной вѣковъ.

По мѣрѣ того, какъ усиливалась королевская власть [1]), она все болѣе и болѣе стремилась отнять это право парламента вмѣшиваться въ законодательную дѣятельность. Напр., однажды (1462) Людовикъ XI прямо напомнилъ парламенту, что онъ учрежденъ для отправленія правосудія и потому не долженъ касаться другихъ дѣлъ. Когда къ Франциску I явилась парламентская депутація съ протестомъ противъ заключеннаго этимъ королемъ въ Болоньѣ конкордата съ папою Львомъ X (1516), Францискъ I ей заявилъ, что онъ король и требуетъ, чтобы ему повиновались, и что, если посланные немедленно не доведутъ до свѣдѣнія своихъ товарищей объ его непреклонной волѣ, то онъ посадитъ ихъ въ тюрьму. Ришелье въ своемъ „Политическомъ завѣщаніи“ [2]) писалъ, что „судьи должны судить и только“, и что „нельзя позволять имъ вмѣшиваться въ законодательство государственное“. Разсказъ о появленіи Людовика XIV въ охотничьемъ костюмѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ въ парламентѣ, отказывавшемъ ему въ повиновеніи, относится къ числу легендъ, но фактъ все-таки такой былъ, что еще при жизни Мазарини юный король очень строго заявилъ членамъ парламента, что онъ не потерпитъ обсужденія ими правительственныхъ мѣропріятій. Въ 1665 г. парламентъ задумалъ-было воспользоваться своимъ правомъ протеста и не рѣшился: члены собрались, но, боясь арестовъ и ссылокъ, никто не осмѣливался заговорить, такъ что посидѣли-посидѣли молча, и когда одинъ изъ членовъ всталъ и вышелъ, то и другіе послѣдовали его примѣру. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Людовикъ XIV и формально запретилъ парламенту дѣлать ремонстранціи.

Тѣмъ не менѣе парижскій парламентъ и въ XVIII в. продолжалъ еще играть роль и даже вступалъ въ острую борьбу съ королевскою властью. Нужно замѣтить, что, начиная съ Франциска I, который, нуждаясь въ деньгахъ, продавалъ государственныя должности въ собственность, парламенты стали превращаться изъ бюрократическихъ учрежденій въ наслѣд-

[1]) Въ книгѣ *Hitier* „La doctrine de l'absolutisme“ (1903) есть интересная глава (стр. 138—151) подъ названіемъ: „L'absolutisme et les parlements“.

[2]) См. о немъ въ гл. XVIII.

ственно-аристократическія: можно было за деньги купить должность члена парламента, какъ любую собственность, которая затѣмъ могла переходить по наслѣдству, завѣщаться, продаваться и т. п. Благодаря этому, во Франціи рядомъ со старою, феодальною или военною знатью, „знатью шпаги“ (noblesse d'épée) образовалась новая знать, „знать робы“ (noblesse de robe), наслѣдственная магистратура, отличительнымъ признакомъ которой была упомянутая выше роба. Эта перемѣна создала для высшаго судебнаго сословія одно изъ важнѣйшихъ условій судейской независимости — несмѣняемость. Неограниченная монархія такимъ образомъ вынуждена была терпѣть около себя самостоятельныя корпораціи наслѣдственныхъ судей: каждаго изъ нихъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ можно было, пожалуй, сослать куда угодно, но прогнать съ занимаемаго мѣста было нельзя, потому что это значило бы отнять наслѣдственную должность, нарушить право собственности. Этою своею несмѣняемостью члены парламента пользовались въ XVIII в. широко, прибѣгая къ настоящимъ забастовкамъ, когда въ чемъ-нибудь не ладили съ правительствомъ, какъ это случалось и при Людовикѣ XV, и при Людовикѣ XVI. Опираясь на старыя традиціи „регистраціи“ и „ремонстранцій“, при обоихъ этихъ короляхъ парламенты то и дѣло, вступали въ борьбу съ правительственною властью, сплошь и рядомъ тормазя ея законодательную дѣятельность.

Сознательно опредѣленную политическую роль парижскій парламентъ задумалъ играть еще въ малолѣтство Людовика XIV, когда происходили смуты такъ называемой „фронды“. По старому закону о продажѣ должностей король въ случаѣ покупки должности однимъ лицомъ отъ другого получалъ отъ продавца треть цѣны, и если продавецъ умиралъ раньше сорока дней послѣ состоявшейся сдѣлки должность возвращалась къ королю. Въ началѣ XVII в. это ограниченіе было уничтожено подъ условіемъ ежегодной пошлины въ одну шестидесятую (немного болѣе 1,5%) дохода отъ должности [1]. Въ малолѣтство Людовика XVI правительство за подтвержденіе этой привилегіи потребовало большой платы, и тогда парламентъ, счетная палата (cour de comptes), податная палата (cour des aides) и еще одно подобное же центральное

---

[1]) По имени лица (Paulet), предложившаго этотъ налогъ, онъ сталъ называться *поллетой* (la paulette).

учрежденіе, сродныя по устройству парламенту и титуловавшіяся „cours souveraines“, т.-е. „верховными куріями“ заключили между собою въ 1648 г. союзъ (arrêt d'union), къ которому примкнула и провинціальная „noblesse de robe“, съ цѣлью заступить въ странѣ мѣсто генеральныхъ штатовъ. Изъ попытки этой ничего не вышло; наслѣдственная магистратура скоро пошла на мировую съ правительствомъ и не настаивала болѣе на своемъ проектѣ, но, въ сущности, этотъ проектъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ намѣреніемъ ограничить королевскую власть въ пользу наслѣдственно-чиновничьей олигархіи. Мы только-что видѣли, что затѣмъ Людовикъ XIV совершенно смирилъ парламентъ: при немъ „верховныя палаты“ даже утратили это свое названіе, чтобы превратиться въ простыя только „высшія палаты“ (cours supérieures, а не cours souveraines).

Парижскій парламентъ тѣмъ не менѣе продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на учрежденіе съ политическими правами, замѣняющее собою генеральные штаты. На самомъ дѣлѣ ему до этого было далеко, разъ въ немъ засѣдали не выборные представители сословій а члены особаго наслѣдственнаго сословія, „noblesse de robe“, и разъ по самому существу дѣла это было учрежденіе судебное, а не законодательное. Едва не стало „короля-солнца“, какъ парламентъ кассировалъ его духовное завѣщаніе [1]) и распорядился регентствомъ за малолѣтствомъ королевскаго правнука, Людовика XV. Объявленный регентомъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій возвратилъ парламенту право дѣлать ремонстранціи, чѣмъ тотъ и не замедлилъ воспользоваться. Начались столкновенія между наслѣдственной магистратурою и властью, столкновенія, приводившія, съ одной стороны, къ арестамъ и ссылкамъ, а съ другой, къ забастовкамъ. Въ общей политикѣ эпохи парламенты занимали консервативную позицію, и немало сочиненій „философовъ“ XVIII в. было сожжено, по приказанію парламента, рукою палача, но вмѣстѣ съ тѣмъ они все болѣе и болѣе дѣлались оппозиціонными, нерѣдко ставя препоны всѣмъ хоть сколько-нибудь прогрессивнымъ мѣропріятіямъ правительства. Въ серединѣ XVIII в. составилась даже цѣлая теорія, разсматривавшая всѣ парламенты, какъ солидарныя между собою отдѣленія, или „классы“ единаго для всей страны

---

[1]) Ср. выше, стр. 92.

учрежденія, безъ согласія котораго не можетъ быть издано ни одного закона, и даже писались сочиненія, доказывавшія изначальность правъ парламента чуть не со временъ самаго основанія Франкской монархіи. Въ 1763 г. парижскій парламентъ, протестуя противъ новыхъ эдиктовъ о налогахъ, прямо объявилъ, что обложеніе, вынужденное въ тронномъ засѣданіи (lit de justice), есть не что иное, какъ полное ниспроверженіе самыхъ основныхъ законовъ королевства [1]. Особенно рѣзкій характеръ приняло столкновеніе 1770—1771 гг. [2]), когда парламентъ по одному частному поводу протестовалъ противъ стремленія двора „низвергнуть старое государственное устройство и лишить законы ихъ равной для всѣхъ силы", а Людовикъ XV издалъ грозный эдиктъ противъ узурпаціи парламентами непринадлежащихъ имъ правъ съ запрещеніемъ парламентамъ сноситься между собою и прерывать отправленіе правосудія. „Мы, — говорилъ Людовикъ XV въ этомъ эдиктѣ,—держимъ власть нашу исключительно, отъ Бога, и право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежитъ намъ вполнѣ и безраздѣльно". Такъ какъ парламентъ опять протестовалъ, то канцлеръ Мопу (Mopeou) рѣшился на полную отмѣну парламента и на учрежденіе на его мѣсто новыхъ судовъ. Эта радикальная мѣра была одинаково непопулярна и въ консервативныхъ, и въ прогрессивныхъ кругахъ общества: для однихъ парламентъ былъ оплотомъ всякихъ привилегій, для другихъ—все-таки сдержкой деспотизма, бывшіе же члены парламента большею частью отказывались отъ предлагавшагося имъ выкупа у нихъ казною утраченныхъ ими должностей.

Людовикъ XVI, какъ извѣстно, по вступленіи на престолъ, въ видѣ мѣры, долженствовавшей снискать ему особую популярность въ націи, возстановилъ парламенты, но едва министръ-реформаторъ Тюрго приступилъ къ реформамъ, какъ со стороны парламента оказано было сопротивленіе, и чтобы сломить его, пришлось прибѣгнуть къ lit de justice: одинъ изъ его эдиктовъ, при помощи этой мѣры проведенной въ Парижѣ, такъ и остался незанесеннымъ въ регистры шести провинціальныхъ парламентовъ. Въ концѣ своего существованія парижскій парламентъ былъ главнымъ тормазомъ

---

[1]) Объ основныхъ законахъ см. выше, стр. 91.

[2]) Разсказъ о немъ въ III г. „Ист. Зап. Евр.", стр. 416 и слѣд.

тѣхъ преобразованій, на которыя соглашалось само правительство, и оппозиціи сочувствовали какъ всѣ, стоявшіе за старый порядокъ, такъ и всѣ, во имя новыхъ идей возстававшіе противъ правительственнаго произвола. Самъ парламентъ, отстаивая консервативные интересы, все болѣе и болѣе переходилъ на точку зрѣнія новыхъ политическихъ идей, подготовившихъ французскую революцію. Въ 1787 г. въ парижскомъ парламентѣ уже говорилось, что только одни генеральные штаты имѣютъ право давать согласіе на новые налоги. Дѣло дошло до новой коллективной ссылки парижскаго парламента и временной пріостановки дѣятельности провинціальныхъ парламентовъ.

Эта исторія взаимныхъ отношеній королевской власти и парламента во Франціи въ высшей степени поучительна. Парламентъ былъ обломкомъ политическаго феодализма: возникши изъ феодальной куріи, онъ сначала бюрократизировался, но потомъ снова аристократизировался на почвѣ продажности должностей, возникшей подъ вліяніемъ чисто феодальнаго смѣшенія понятій власти и собственности [1]), т.-е. королевская власть сама разсматривалась, какъ личная собственность короля, который имѣетъ право отчуждать ея частицы (должности) въ другія руки. Это создало наслѣдственную магистратуру, получившую возможность оказывать явное сопротивленіе государственной власти. Ни въ какомъ современномъ государствѣ, съ самымъ либеральнымъ устройствомъ, правительство не потерпитъ, чтобы должностныя лица судебнаго вѣдомства вмѣшивались въ законодательную дѣятельность государства и устраивали общія забастовки судебныхъ учрежденій, абсолютная же монархія послѣднихъ двухъ Бурбоновъ должна была это терпѣть, и ничего съ этимъ не могла подѣлать. Неограниченный монархъ издавалъ законъ, а учрежденіе, обязанное его опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, отказывалось это дѣлать, пока король не являлся лично, чтобы настоять на своемъ. Съ другой стороны, парламентъ долженъ былъ стоять на стражѣ законности [2]),

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 54.

[2]) Теоретикъ конституціонной монархіи Монтескье, получившій по завѣщанію должность въ бордосскомъ парламентѣ и спустя нѣсколько лѣтъ ее продавшій, видѣлъ въ парламентѣ „хранилище законовъ“ (dépôt des lois), необходимое въ монархіи для того, чтобы она могла быть мо-

но въ этомъ смыслѣ онъ представляетъ собою явленіе, довольно одиноко стоящее среди всѣхъ учрежденій абсолютной монархіи на Западѣ [1]).

Представленныя нами черты изъ исторіи законодательной дѣятельности государства во времена абсолютной монархіи во Франціи, конечно, не могутъ быть обобщены и распространены на другія страны, но при всемъ своеобразіи нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ главное во Франціи дѣлалось такъ же, какъ и въ другихъ странахъ. Этимъ общимъ явленіемъ была невыдѣленность законодательной функціи изъ управленія вообще при крайне неопредѣленномъ и измѣнчивомъ составѣ лицъ, по совѣту съ которыми верховная власть принимала свои рѣшенія. Законодательная путаница была болѣе или менѣе присуща всѣмъ государствамъ стараго порядка. Въ этомъ отношеніи не составляла исключенія, напр., и лучше многихъ другихъ странъ управлявшаяся Пруссія. Здѣсь, какъ и въ другихъ государствахъ, когда ими правили особенно энергичные и работящіе короли, все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія государя, и чѣмъ больше государь дѣлалъ все самъ, тѣмъ менѣе оставалось дѣла какому-либо учрежденію. Особенно это послѣднее замѣчаніе относится къ царствованію Фридриха Великаго, въ концѣ котораго, именно съ 1781 г. законодательные вопросы даже систематически перестали разсматриваться королевскимъ совѣтомъ, потому что перешли въ вѣдѣніе особой коммиссіи, гдѣ, однако, возникали большею частью довольно-таки случайно, въ зависимости главнымъ образомъ отъ личнаго усмотрѣнія того или другого администратора, такъ что скорѣе она была

нархіей, а не деспотіей (ср. изложеніе его взглядовъ на этотъ счетъ ниже, въ главѣ XXII). Обязанность этой корпораціи — объявлять законы, когда они составлены, и напоминать о нихъ, если они забываются. „Невѣжество, свойственное дворянству, его нерадивость, его презрѣніе къ гражданской службѣ, требуютъ, чтобы существовала корпорація, которая постоянно извлекала бы законы изъ-подъ пыли, грозящей въ противномъ случаѣ ихъ подъ собою похоронить“. Монтескье отстаивалъ и продажность должностей, „ибо она, говоритъ онъ, заставляетъ исполнять, въ качествѣ фамильнаго ремесла, то, что не стали бы дѣлать вслѣдствіе доблести, предначертываетъ каждому его обязанность и позволяетъ распоряженіямъ государства быть болѣе прочными“.

[1]) Въ Россіи эту роль долженъ былъ играть сенатъ.

создана какъ бы для устраненія настоящей законодательной инициціативы. Одинъ изъ государственныхъ дѣятелей Пруссіи конца XVIII и начала XIX в., Струензе, младшій братъ знаменитаго датскаго министра, жаловался на трудность проведенія какихъ бы то ни было реформъ при тогдашнемъ строѣ управленія, прибавляя, что „съ этимъ никому не справиться, развѣ только поможетъ сильный толчокъ извнѣ, или путаница въ веденіи дѣлъ достигнетъ до такого предѣла, когда люди перестанутъ понимать другъ друга и придутъ къ сознанію, что необходимо обратиться къ болѣе простымъ началамъ". Настоящій государственный совѣтъ съ законосовѣщательнымъ характеромъ возникъ въ Пруссіи только въ 1808 г.

Въ монархіи Габсбурговъ государственный совѣтъ былъ созданъ только въ царствованіе Маріи-Терезіи, а раньше обходились безъ этого учрежденія, да и потомъ, при преемникѣ этой государыни, Іосифѣ II, тоже обходились безъ него. Іосифъ II предпочиталъ или рѣшать дѣла безъ совѣтниковъ, или совѣщался лишь частнымъ образомъ съ отдѣльными членами государственнаго совѣта. Если и отсылались нѣкоторые вопросы на обсужденіе въ государственный совѣтъ, то на его мнѣнія потомъ не обращалось очень часто ни малѣйшаго вниманія. Для выработки какого-нибудь болѣе значительнаго преобразованія болѣе вѣрнымъ путемъ считалось образованіе спеціальной коммиссіи, которой по общимъ указаніямъ власти и поручалось составленіе соотвѣтственнаго проекта. Въ слѣдующей главѣ мы познакомимся съ нѣкоторыми случаями такого коммиссіоннаго законодательства.

Учрежденіе спеціальныхъ коммиссій, особенно по какимъ-либо крупнымъ законодательнымъ вопросамъ вызывалось именно отсутствіемъ или крайнимъ несовершенствомъ государственныхъ установленій, которыя особливымъ образомъ вѣдали бы законодательную часть. Развитіе, въ XVII и XVIII вв., ученой юриспруденціи дѣлало возможною и болѣе плодотворную коммиссіонную разработку законопроектовъ, но въ тогдашней юриспруденціи было слишкомъ много схоластическихъ и чисто педантическихъ чертъ, а ея представители были слишкомъ чиновниками, оторванными отъ запросовъ живой дѣйствительности—для того, чтобы изъ ихъ работъ могло выходить что-либо важное и великое.

Только въ XIX столѣтіи абсолютная монархія стала дѣятельно упорядочивать свою законодательную дѣятельность, и

въ данномъ случаѣ примѣръ для подражанія былъ поданъ наполеоновскою Франціею, гдѣ по конституціи VIII (1799) года былъ учрежденъ государственный совѣтъ съ спеціальной функціей составленія законопроектовъ. По этой конституціи послѣдніе должны были идти на обсужденіе и на голосованіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ, но и тамъ, гдѣ не было представительныхъ собраній возможно было созданіе бюрократическаго учрежденія для выработки законовъ, издаваемыхъ отъ имени неограниченнаго монарха. Такое значеніе получилъ, наприм., въ началѣ XIX в. государственный совѣтъ въ Пруссіи, разсмотрѣнію котораго обязательно подлежали всѣ законопроекты. Хотя вѣдѣнію этого совѣта подлежали и другія дѣла (напр., жалобы на министровъ, междувѣдомственныя пререканія и т. п.), но развилась особенно именно его законодательная дѣятельность, пока введеніе въ Пруссіи конституціи не лишило здѣсь государственный совѣтъ почти всякаго значенія. Вообще вездѣ, гдѣ вводилось народное представительство, законосовѣщательные государственные совѣты новѣйшей формаціи утрачивали свое значеніе, превращаясь, наприм., въ инстанціи для предварительнаго только разсмотрѣнія законопроектовъ. Какъ бы тамъ ни было, учрежденіе подобныхъ законосовѣщательныхъ органовъ было все-таки шагомъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ хаосомъ, который нерѣдко царствовалъ при полномъ господствѣ стараго порядка. Принципіальному единству государственной воли, воплощенной въ лицѣ монарха, далеко не соотвѣтствовало то, что происходило въ реальной законодательной дѣятельности государства, разъ для нея не было твердо и прочно организованнаго, хотя бы и на чисто бюрократическихъ началахъ органа.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ недостаткомъ законодательной дѣятельности абсолютизма находилось и само матеріальное право по своей разрозненности и по своимъ несходствамъ въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Политически объединенная и административно централизованная Франція въ правовомъ отношеніи до самой революціи представляла собою комплексъ провинцій, въ которыхъ дѣйствовали неодинаковые мѣстные законы, или такъ называемыя кутюмы [1]). Правда, въ каждой провинціи существовалъ свой

[1]) Помѣстье-государство, стр. 100.

кодексъ кутюмнаго права, но въ этихъ сборникахъ, редактированныхъ большею частью еще во второй половинѣ XV и въ XVI в., закрѣплены были понятія и отношенія еще феодальной эпохи. Старая монархія такъ-таки и не вносила никакихъ измѣненій въ дѣйствующее гражданское право. Она оказалась безсильною также и создать общій для всей Франціи кодексъ, чего, напр., требовали еще генеральные штаты второй половины XVI в. Ученые юристы XVII и XVIII вв. предпринимали частныя предварительныя работы въ этомъ направленіи, но пригодились онѣ на практикѣ только тогда, когда революція уже болѣе рѣшительно поставила на очередь вопросъ объ общемъ кодексѣ, тѣмъ самымъ положивъ начало дѣлу, законченному только при Наполеонѣ.

Удачливѣе въ этомъ отношеніи, нежели Франція, были нѣкоторыя другія абсолютныя монархіи, хотя и въ нихъ кодификаціонная работа была явленіемъ болѣе поздняго времени. Въ Пруссіи составленіе проекта кодекса было поручено только Фридрихомъ II, въ 1747 г., ученому юристу Самуилу Кокцеи, но онъ не успѣлъ окончить свою работу за смертью; дѣло было даже какъ бы отложено вообще, пока въ 1780 г. не было вновь поручено особой коммиссіи изъ семи ученыхъ юристовъ, среди которыхъ особенно выдвигался Суарецъ. Самъ Фридрихъ II не дождался окончанія этой работы, такъ какъ кодексъ былъ окончательно готовъ только къ 1794 г., когда и сталъ дѣйствовать подъ названіемъ „Общаго земскаго права Пруссіи (Allgemeines Landrecht für preussische Staaten). Около того же времени какъ въ Пруссіи, предприняты были кодификаціонныя работы и въ Австріи, о которыхъ еще придется говорить въ слѣдующей главѣ [1]), но завершенія ихъ пришлось ждать еще дольше, чѣмъ въ Пруссіи, такъ какъ „Общій гражданскій кодексъ“ (Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch) былъ изданъ лишь въ 1811 г. Быстро была сдѣлана аналогичная работа лишь въ Баваріи („Максимиліановъ кодексъ“, начатый въ 1751 и оконченный въ 1756 г.).

[1]) Въ связи съ вопросомъ о судебномъ устройствѣ.

ГЛАВА X.

Управленіе и судъ при старомъ порядкѣ.

Централизаціонная работа абсолютной монархіи. — Ея отношеніе къ мѣстнымъ вольностямъ. — Случаи отсутствія внутренняго единства въ веденіи государственныхъ дѣлъ.—Центральныя учрежденія эпохи въ отдѣльныхъ странахъ. — Областные правители и ихъ полномочія во Франціи. — Судьбы областного и общиннаго самоуправленія во Франціи. — Централизаціонная работа въ Австріи при Маріи Терезіи и Іосифѣ II.— Общая роль бюрократіи въ проведеніи въ жизнь принциповъ абсолютизма.— Значеніе термина „полицейское государство". — Роль и полномочія полиціи.—Взаимныя отношенія администраціи и суда. — Судебные порядки разныхъ странъ и реформы въ этой области съ попытками кодификаціи законовъ. — Гражданскіе и уголовные законы и судебныя злоупотребленія эпохи.

Западно-европейскія монархіи сложились постепенно изъ отдѣльныхъ феодальныхъ княжествъ и даже цѣлыхъ королевствъ, разными способами подпадавшихъ подъ власть той или другой династіи. Нерѣдко присоединеніе къ государству новой провинціи заключалось въ томъ, что все въ ней оставалось по-старому, т.-е. и общее устройство, и отдѣльныя учрежденія, и мѣстные законы, а только верховная власть переходила въ новыя руки. Самымъ рельефнымъ примѣромъ такого образованія единой монархіи изъ когда-то бывшихъ совершенно отдѣльными государствъ является исторія Австріи, государь которой до начала XIX в. даже не носилъ никакого общаго титула по своимъ наслѣдственнымъ землямъ [1]). Титулъ „австрійскій императоръ" возникъ только въ 1806 г., а до того времени императорское достоинство принадлежало государямъ, царствовавшимъ въ Австріи, лишь въ качествѣ ихъ значенія въ Германіи, т.-е. какъ императорамъ „Священной Римской имперіи германской націи", по отношенію же къ своей монархіи они были „королями богемскими и венгер-

[1]) Объ этомъ см. *Berger*. Der grosse Titel des Kaisers von Oesterreich in seinem historischen Aufbau. 1907.

скими, эрцгерцогами австрійскими, графами тирольскими и пр. и пр.". Даже нераздѣльность этой монархіи установилась только въ XVII столѣтіи, въ эпоху тридцатилѣтней войны, и еще въ XVIII в. монархія обозначалась, какъ „les états de la maison d'Autriche". Такое же множественное число въ словѣ „государство" для обозначенія одной монархіи мы встрѣчаемъ и въ примѣненіи къ Пруссіи, къ этимъ „états de la maison de Brandebourg", къ этимъ „preussischen Staaten", которыя мы находимъ въ заголовкѣ къ „Общему земскому праву" 1794 г. [1]). И въ габсбургскихъ, и въ гогенцоллернскихъ „штатахъ" мы находимъ мѣстные чины, въ каждой „землѣ" свои особые, свою администрацію, свои порядки. Въ единой Испаніи Кастилія и Арагонъ продолжали тоже оставаться рѣзко обособленными странами. Даже Франція, достигшая при абсолютной монархіи гораздо большаго національнаго и политическаго единства, во многихъ отношеніяхъ сохраняла слѣды былой своей раздробленности и разобщенности. Здѣсь въ однихъ провинціяхъ существовали мѣстные штаты, въ другихъ нѣтъ; въ однихъ дѣйствовали кутюмы, допускавшія существованіе крѣпостничества, въ другихъ не допускавшія; въ однихъ кутюмное право признавало возможность независимой отъ сеньёровъ, „алодіальной" земельной собственности, въ другихъ не признавало и т. п.

Общей тенденціей абсолютизма было, однако, по возможности все приводить къ одному знаменателю, вносить повсюду духъ централизаціи и однообразія. Конечно, дѣлалось это исподволь и постепенно, и охота дѣлать дальнѣйшіе шаги развивалась по мѣрѣ того, какъ уже закрѣплялись сдѣланныя централизаціей завоеванія. Прежде всего и главнымъ образомъ свою централизаціонную работу абсолютизмъ направлялъ на тѣ проявленія мѣстной жизни, которыя являлись помѣхою для самого абсолютизма, и наоборотъ, онъ сравнительно мало обращалъ вниманія на тѣ мѣстныя особенности, отъ которыхъ, собственно, для власти не проистекало никакихъ неудобствъ, хотя бы мѣстное населеніе или національные интересы и страдали отъ этихъ особенностей. Во Франціи до самой революціи не было единства мѣръ и вѣса, что очень вредно отражалось на внутренней торговлѣ, но для устраненія этого неудобства ничего не было пред-

[1]) Ср. выше, стр. 137.

принято. Внутреннія таможни тоже изолировали однѣ провинціи отъ другихъ въ государствѣ, въ иныхъ отношеніяхъ стоявшемъ на точкѣ зрѣнія строгаго единства: уже въ XVI в. девизомъ монархіи было единство короля, закона и вѣры (un roi, une loi, une foi [1]).

Разъ централизаціонная работа абсолютной монархіи имѣла въ виду главнымъ образомъ повсемѣстное утвержденіе единой и всеуравнивающей передъ самою собою правительственной воли, общимъ направленіемъ политики абсолютизма было стремленіе къ подчиненію всѣхъ частей государства агентамъ власти, исключительно зависимымъ отъ центра, заботящимся лишь объ интересѣ цѣлаго и дѣйствующимъ по указаніямъ тѣхъ, которые ихъ послали. Между тѣмъ, въ средніе вѣка вездѣ выработались извѣстные порядки, общественнаго участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, порядки городского и областного самоуправленія съ выборными должностными лицами и съ представительными собраніями. Когда государство еще не имѣло вполнѣ развившейся административной машины, оно даже поручало мѣстнымъ общественнымъ органамъ отправленіе нѣкоторыхъ чисто государственныхъ функцій, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ росла и крѣпла бюрократическая система, центральная власть начинала налагать свою руку и на веденіе обществомъ своихъ собственныхъ дѣлъ чисто мѣстнаго интереса. Какъ въ Римской имперіи одно время императорскій абсолютизмъ мирился съ муниципальнымъ строемъ, а потомъ замѣнилъ его бюрократической централизаціей [2]), такъ и западно-европейская абсолютная монархія въ концѣ концовъ всюду стремилась къ уничтоженію самоуправленія.

Идеаломъ бюрократической централизаціи въ эпоху господства абсолютной монархіи было полное единство направляющей власти наверху, какъ результатъ сосредоточенія всей государственной воли въ одномъ мѣстѣ, и безусловное исполненіе внизу, въ самой жизни отдѣльныхъ мѣстностей, велѣній этой власти, какъ небходимое требованіе господства общаго

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, единства въ области законодательства не было, а объ единствѣ вѣры рѣчь будетъ еще впереди (см. главу XVI). Нельзя не отмѣтить родство этого принципа съ принципомъ Византійской имперіи при Юстиніанѣ.

[2]) См. Монархіи, стр. 282.

порядка. Конечно, дѣйствительность была очень далека отъ этого идеала, потому что и дѣйствія высшей власти далеко не всегда отличались внутреннимъ единствомъ, и ея органы, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго значенія равнымъ образомъ по многимъ причинамъ далеко не всегда, хоть сколько-нибудь, соотвѣтствовали требованіямъ системы.

Единство, послѣдовательность и цѣльность въ дѣятельности правителя вообще возможна лишь при наличности извѣстныхъ качествъ ума и характера, какія вообще не могутъ считаться обычнымъ удѣломъ большинства людей. Исторія западно-европейскаго абсолютизма, конечно, насчитываетъ среди государей или такихъ первыхъ министровъ, какъ Ришелье, немало людей, обладавшихъ проницательнымъ взглядомъ и твердою волею, но еще больше, пожалуй, встрѣтится среди правителей этой эпохи людей, политическое поведеніе которыхъ было лишено какихъ бы то ни было единства, послѣдовательности и цѣльности. Этихъ качествъ нечего искать въ распоряженіяхъ людей слабовольныхъ, несамостоятельныхъ, легко подчинявшихся постороннимъ, часто случайнымъ и противорѣчивымъ вліяніямъ, или у людей порывистыхъ, своенравныхъ, капризныхъ, хотя бы и способныхъ къ очень энергическимъ выступленіямъ. Тамъ, гдѣ менѣе всего приходится говорить о роли учрежденій, а главнымъ образомъ приходится искать объясненія правительственной политики въ психикѣ отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ у власти, чаще всего, конечно, и встрѣчаешься съ случаями противорѣчивости, непослѣдовательности или общей несуразности въ веденіи государственныхъ дѣлъ. Вліянія отдѣльныхъ фаворитовъ и цѣлыхъ кружковъ лицъ, подводимыхъ теперь обыкновенно подъ понятіе „камарильи“ [1]),—вліянія, между собою перекрещивающіяся и потому противорѣчивыя, всякаго рода интриги и контръ-интриги, безъ которыхъ въ случаяхъ подобнаго рода совершенно не можетъ обходиться дѣло,—конечно, не могутъ вносить въ правительственную дѣятельность никакой цѣльности. Нѣкоторые отдѣльные случаи могутъ считаться клас-

[1]) Слово „камарилья“ въ указанномъ смыслѣ стало употребляться впервые въ Испаніи при Фердинандѣ VII (1814—1833), въ передней котораго всегда толпились придворные, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ на этого типическаго представителя реакціоннаго абсолютизма начала XIX в.

сическими образцами той, выражаясь вульгарно, сумбурности, какою въ иныя эпохи исторіи тѣхъ или другихъ странъ отличалась правительственная политика абсолютной монархіи. Ограничимся двумя примѣрами изъ XVIII в.

Первый изъ нихъ, это — царствованіе Людовика XV во Франціи. Остановимся хотя бы на знаменитомъ „королевскомъ секретѣ“, которому не такъ давно де-Бройль (de Broglie) посвятилъ цѣлую книгу. Оказывается, что при этомъ королѣ существовала двойная дипломатія, одна явная, оффиціальная, другая, наоборотъ, тайная, бывшая личнымъ „секретомъ“ короля и потому совершенно закулисная, и если оффиціальные представители Франціи при заграничныхъ дворахъ получали отъ своего правительства однѣ инструкціи, то закулиснымъ агентамъ могли даваться и давались другія, и въ результатѣ получалась интрига со стороны власти противъ собственныхъ же своихъ агентовъ. Разумѣется, это чудовищное явленіе—и вслѣдствіе именно своей чудовищности—было исключительнымъ, но оно въ высшей степени характеристично для эпохи, когда циническое легкомысліе и безхарактерность высшаго носителя власти вообще вносили въ управленіе государствомъ одну путаницу.

Другой примѣръ, касается исторіи Пруссіи въ самомъ концѣ XVIII в. Управленіе этимъ государствомъ при Фридрихѣ II считалось у современниковъ образцовымъ, и ему въ нѣкоторыхъ странахъ прямо даже стремились подражать, но въ сущности все въ этой монархіи держалось на личности самого короля. Стоило только Фридриху II умереть, какъ въ управленіи страною начался настоящій хаосъ. Человѣкъ нравственно распущенный, суевѣрный, мало образованный, неопытный въ дѣлахъ, Фридрихъ-Вильгельмъ II, смѣнившій на прусскомъ престолѣ короля-философа, болѣе всего сталъ заботиться объ охраненіи своей самостоятельности отъ постороннихъ вліяній, но именно этою слабостью короля и пользовались разные интриганы, чтобы путемъ лести и потаканія недальновидному и слабовольному государю забрать его въ свои руки и пользоваться имъ, какъ орудіемъ своихъ видовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II очутился въ полной власти кружка фаворитовъ, интриговавшихъ противъ министровъ, какъ послѣдніе въ свою очередь интриговали противъ отдѣльныхъ частныхъ совѣтчиковъ, короля. Въ какія-нибудь десять лѣтъ все внутреннее управленіе было вслѣдствіе этого расшатано, и

сынъ Фридриха-Вильгельма II, Фридрихъ-Вильгельмъ III, даже избѣгалъ личныхъ сношеній съ министрами, занимаясь вершеніемъ дѣлъ съ неоффиціальными совѣтчиками, ни передъ кѣмъ не отвѣчавшими за свои ошибки. Конецъ XVIII и начало XIX в. были въ Пруссіи эпохою настоящей правительственной анархіи, когда между отдѣльными агентами власти и цѣлыми правительственными вѣдомствами утратилась всякая связь, и соперничество между ними доходило до прямого противодѣйствія однихъ другимъ [1]).

Если мы сопоставимъ факты подобнаго рода съ тою неорганизованностью законодательной дѣятельности, о которой шла рѣчь въ предыдущей главѣ [2]), то увидимъ, что все это— совершенно однородныя явленія, вытекавшія изъ одной и той же общей черты абсолютизма, а именно слишкомъ большой роли, отводившейся личному началу, слишкомъ, наоборотъ, малаго значенія, придававшагося учрежденіямъ. Послѣднія признавались лишь въ роли слѣпыхъ орудій, чисто исполнительныхъ органовъ власти, за одною собою оставлявшей и инициативу, и общее руководство, но очень часто и починъ, и общее направленіе политики только призрачнымъ

[1]) Рѣзкую критику этой системы въ 1806 г., незадолго до катастрофы, постигшей Пруссію при Іенѣ, представилъ Фридриху-Вильгельму III, знаменитый баронъ Штейнъ, которому послѣ 1807 г. Пруссія была обязана многими реформами. Эта критика заключалась въ „Запискѣ о неудовлетворительной организаціи кабинета и о необходимости учредить конференцію министровъ“, но король ею остался недоволенъ, и вскорѣ Штейнъ получилъ отставку, чтобы снова быть призваннымъ къ власти только тогда, когда нужно было начать реформы. Находя, что „Пруссія не имѣетъ государственнаго устройства“ (Staatsverfassung), въ смыслѣ, близкомъ къ конституціи, онъ, рекомендовалъ, по крайней мѣрѣ, введеніе правильной организаціи правительства (Regierungsverfassung), что и было имъ сдѣлано въ 1808 г. особымъ узаконеніемъ, до сихъ поръ лежащимъ въ основѣ внутренняго управленія въ Пруссіи. Устарѣлая генеральная директорія была уничтожена, и во главѣ управленія поставлено было пять министровъ (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военный и юстиціи), число которыхъ потомъ увеличилось, — реформа, благодаря коей дѣлопроизводство стало раздѣляться по предметамъ, а не по провинціямъ, какъ прежде. Тогда же былъ организованъ законодательный государственный совѣтъ, о чемъ выше, стр. 136.

[2]) См. особенно стр. 124 и слѣд.

образомъ находились въ рукахъ высшаго носителя власти, въ дѣйствительности же дѣла возникали и рѣшались путемъ закулисныхъ вліяній, интригъ и соперничествъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, въ жизнь проводилась послѣдовательно одна какая-либо правительственная система, одною рукою раздѣлывалось то, что дѣлалось другою. Лучшій примѣръ—внутренняя политика Карла I Стюарта, утверждавшаго въ Англіи королевскій абсолютизмъ. Какъ извѣстно, главнымъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ графъ Страффордъ, во многомъ подражавшій политикѣ Ришелье [1]). Одною изъ особенностей этой политики было — избѣгать религіозныхъ, вѣроисповѣдныхъ столкновеній, стоять на чисто-свѣтской точкѣ зрѣнія, и Страффордъ дѣйствовалъ именно такимъ образомъ. Но у Карла I былъ еще другой совѣтникъ, архіепископъ кентербѣрійскій Лоудъ, толкавшій короля на путь религіозной нетерпимости, и именно церковныя мѣропріятія, присовѣтованныя Лоудомъ этому королю, вызвали такъ некстати для успѣха абсолютизма въ Англіи шотландское возстаніе, заставившее короля созвать знаменитый долгій парламентъ.

Теоретики государственнаго права въ XVII в. стали различать между законодательною и исполнительною властями, отдѣльную категорію отъ которой стали потомъ полагать и во власти судебной, причемъ каждому виду власти должны были соотвѣтствовать и особыя учрежденія. Абсолютной монархіи такое раздѣленіе властей оставалось чуждымъ, и тѣ правительственные совѣты, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ, вѣдали и законодательство, и верховное управленіе, и даже въ извѣстныхъ случаяхъ дѣла судебнаго характера. Подобное смѣшеніе функцій влекло за собою проникновеніе особенностей, свойственныхъ административнымъ распоряженіямъ, и въ область законодательства, и въ область суда, что, однако, далеко не гарантировало за самими административными распоряженіями достаточной общей упорядоченности.

Въ XVIII в. одна Англія со своимъ конституціоннымъ строемъ выработала правильную систему управленія государствомъ посредствомъ внутренне единаго и солидарнаго министерства (кабинета). Говоря это, я имѣю здѣсь въ виду не то,

---

[1]) Ср. выше, стр. 82.

что такое министерство сдѣлалось связующимъ звеномъ между государемъ и народнымъ представительствомъ и взяло при этомъ на себя отвѣтственность передъ послѣднимъ за всѣ дѣйствія исполнительной власти: это—основная черта министерства никакъ не въ абсолютныхъ монархіяхъ, гдѣ нѣтъ народнаго представительства, и министры должны отвѣтствовать только передъ монархомъ. Но и въ абсолютныхъ монархіяхъ дѣятельность отдѣльныхъ министерствъ все-таки можетъ быть объединенною, дабы во всѣхъ вѣдомствахъ господствовало нѣкоторое общее направленіе, безъ чего и возникаетъ та правительственная анархія, примѣръ которой представляетъ намъ прусская исторія конца XVIII и начала XIX в. Вотъ этой-то объединенности управленія въ большинствѣ случаевъ и не хватало абсолютной монархіи. Вся власть сосредоточивалась въ государѣ, и только лицо монарха или временщика, никакъ не какого-либо учрежденія объединяло дѣятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ, между которыми могли даже возникнуть антагонизмы и конфликты. Нѣтъ ничего естественнѣе, чтобы сложное дѣло управленія государствомъ расчленялось на отдѣльныя вѣдомства съ самостоятельнымъ устройствомъ подъ управленіемъ отдѣльнаго лица или отдѣльной коллегіи, которые въ данномъ случаѣ и играютъ роль посредствующихъ звеньевъ между верховною властью и органами подчиненнаго управленія, какъ нѣтъ ничего естественнѣе, чтобы власть возлагала подобнаго рода функціи на особенно довѣренныхъ лицъ изъ ближайшихъ своихъ совѣтниковъ, а иногда и изъ придворныхъ чиновъ. Министры въ этомъ смыслѣ слова существовали еще въ монархіяхъ древняго Востока и въ Римской имперіи [1]. Должности, соотвѣтствующія министерскимъ, могли совпадать [2] и не совпадать съ придворными и возникать весьма различными путями, иногда совершенно своеобразными, какъ это мы въ своемъ мѣстѣ видѣли по отношенію къ французскимъ государственнымъ секретарямъ [3], но для насъ здѣсь главный интересъ темы заключается въ томъ, что, разъ возникши, отдѣльныя вѣдомства начинали жить обособленною жизнью, связанныя между собою общею подчиненностью монарху, но очень часто оставаясь внѣ всякой другой, сколько-

[1]) Монархіи, стр. 65, 78, 175—176.

[2]) См. выше, стр. 106.

[3]) См. выше, стр. 125.

нибудь органической связи съ другими вѣдомствами. Тенденціей каждаго изъ нихъ было сдѣлаться своего рода „государствомъ въ государствѣ“, положивъ въ основу своего внутренняго устройства начала іерархической централизаціи. Министръ долженъ былъ быть какъ-бы неограниченнымъ властителемъ своего вѣдомства, облеченнымъ со стороны монарха всею полнотою власти, не зависящимъ отъ какого-либо выше его стоящаго учрежденія и ведущимъ ввѣренное ему дѣло по своему усмотрѣнію. Государь узнавалъ, что дѣлается въ той или другой отрасли управленія, только изъ докладовъ соотвѣтственнаго министра, и часто давалъ тѣ или другія директивы только по совѣщаніи опять-таки съ этимъ же министромъ. Такая система развилась особенно во Франціи въ царствованія Людовиковъ XV и XVI. Если Фридрихъ II находилъ, что король Франціи долженъ былъ бы назначить для исполненія королевскихъ обязанностей при дворѣ особое лицо [1]), такъ Іосифъ II называлъ „рабствомъ“ положеніе французскаго короля, при которомъ первенствующую роль въ управленіи играли министры. Настоящіе „деспоты“, конечно, не примирялись съ такимъ положеніемъ дѣлъ, стремясь входить во все сами и быть собственными своими министрами и пользуясь отдѣльными министрами, какъ простыми исполнителями непосредственныхъ своихъ повелѣній, своего рода простой передаточной инстанціей. Цѣлый рядъ государей XVI — XVIII вв. держался такой политики, а не то выдвигался какой-либо первый министръ, временщикъ въ родѣ Ришелье. Все зависѣло отъ личныхъ свойствъ государя, отъ случайныхъ обстоятельствъ, и если не было властной, всенаправляющей руки наверху, каждое вѣдомство пріобрѣтало полную самостоятельность. Результатами въ случаяхъ послѣдняго рода были или та правительственная анархія, какую мы наблюдаемъ въ Пруссіи при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II и въ началѣ царствованія его преемника, или то явленіе въ исторіи Франціи передъ революціей, которому современники давали характерное названіе „министерскаго деспотизма“ (le déspotisme ministriel). Къ этимъ результатамъ неминуемо влекла съ усложненіемъ государственной жизни сама система абсолютизма: если по тѣмъ или другимъ причинамъ одно лицо (монарха или временщика) не могло непосредственно упра-

[1]) См. выше, стр. 111.

влять всѣмъ, это дѣло попадало въ руки нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, министровъ, которые и становились въ своихъ вѣдомствахъ настоящими самодержцами.

Въ такомъ общемъ обзорѣ, какъ настоящая книга, конечно, нельзя входить въ детали исторіи административныхъ учрежденій въ отдѣльныхъ странахъ, и потому остается только выбрать нѣсколько разрозненныхъ фактовъ, которые съ той или другой стороны характеризовали бы порядки абсолютной монархіи въ эпоху ея наивысшаго развитія.

Въ XVIII столѣтіи образцовымъ устройствомъ государственнаго управленія считалось прусское, особенно въ царствованіе Фридриха II. Въ сущности, многое въ успѣшномъ веденіи прусскимъ правительствомъ своихъ дѣлъ объясняется не столько яко бы совершенствомъ учрежденій, сколько личными качествами главы государства, и система оказалась вовсе уже не такою образцовою, какъ только умеръ Фридрихъ II, а черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти въ числѣ важныхъ реформъ, которыя были тогда намѣчены подъ вліяніемъ разгрома Пруссіи Наполеономъ, далеко не послѣднее мѣсто занимала и общая реформа управленія [1]). Если тѣмъ не менѣе прусскіе административные порядки были предметомъ зависти въ нѣкоторыхъ странахъ, то это только свидѣтельствуетъ о томъ, что въ послѣднихъ соотвѣтственные порядки были много хуже. Правда, въ монархіи Гогенцоллерновъ было одно весьма важное преимущество, заключавшееся въ практичности, дѣловитости, бережливости и вышколенности ея бюрократіи, воспитавшейся въ общемъ военно-хозяйственномъ направленіи, какое приняла въ своей дѣятельности сама царствовавшая въ Пруссіи династія. Государство Гогенцоллерновъ и въ центрѣ, и на мѣстахъ держалось начала коллегіальныхъ учрежденій, между которыми не было, однако, послѣдовательно установленной связи. Краткій очеркъ этого устройства, даваемый нами въ слѣдующихъ строкахъ, долженъ показать, что и въ образцовомъ по своему управленію государствѣ далеко не все соотвѣтствовало идеалу настоящей бюрократической централизаціи.

Выше уже было упомянуто, что въ Пруссіи существовалъ, какъ и повсемѣстно, „тайный совѣтъ“ съ назначеніемъ, между прочимъ, объединять управленіе. Задача эта, однако, съ те-

[1]) Ср. выше, стр. 134—135.

ченіемъ времени отошла на задній планъ, когда тайный совѣтъ прямо раздѣлился на три совершенно самостоятельныхъ департамента: одинъ для иностранныхъ дѣлъ, другой для юстиціи и третій, сдѣлавшійся главнымъ органомъ всего управленія, для внутреннихъ дѣлъ. Этотъ послѣдній департаментъ былъ образованъ въ первой половинѣ XVIII в. Фридрихомъ-Вильгельмомъ I изъ соединенія „генеральнаго военнаго коммиссаріата“ и „генеральной дирекціи финансовъ“ и носилъ длинное названіе „генеральной высшей директоріи финансовъ, военныхъ дѣлъ и доменовъ“ (General-Ober-Finanz-Kriegs-und-Domänen-Directorium), названіе, указывающее на общее военно-хозяйственное направленіе прусской внутренней политики, начиная еще съ Великаго курфюрста. Этому центральному учрежденію въ отдѣльныхъ провинціяхъ были подчинены лишь военныя и доманіальныя палаты, надзиравшія за веденіемъ военнаго и доманіальнаго хозяйства, а рядомъ стояли особые „земскіе совѣтники“, „ландраты“, полусословныя, полубюрократическія должностныя лица, назначавшіяся королемъ изъ дворянъ, рекомендованныхъ дворянскими же сословными собраніями. Ландраты предсѣдательствовали на этихъ послѣднихъ и вмѣстѣ съ особыми дворянскими комитетами вѣдали дѣла своего сословія, будучи въ то же время органами центральной власти въ такихъ общегосударственныхъ дѣлахъ, кахъ завѣдованіе полиціей, рекрутскіе наборы, взиманіе налоговъ. Мѣстный сословный бытъ поддерживалъ партикуляристическія стремленія областей, особенно тѣхъ, которыя позже другихъ вошли въ составъ монархіи, тѣмъ болѣе, что по тогдашнему устройству между болѣе мелкими административными единицами и центральнымъ правительствомъ на самомъ дѣлѣ не существовало почти никакой связи. Одни только города находились въ полной опекѣ у генеральной директоріи, у военныхъ и доманіальныхъ палатъ и податныхъ совѣтниковъ, поставленныхъ надъ городскими магистратами, члены которыхъ назначались правительствомъ и отдавались подъ ближайшую опеку этихъ податныхъ совѣтниковъ: данная имъ инструкція прямо сравнивала ихъ съ ротными командирами, обязанными насквозь знать каждаго своего солдата. Королевскіе домены, рыцарскія помѣстья и свободныя крестьянскія общины находились уже совсѣмъ въ иномъ положеніи: въ доменахъ полиція вмѣстѣ съ другими доходными статьями отдавалась на откупъ; помѣщики обладали вотчинными юстиціей

и полиціей и патронатомъ надъ церковью и школой; въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ были свои старосты и шеффены, выбиравшіеся сельскимъ сходомъ или занимавшіе свои должности по имущественному цензу, часто даже по наслѣдству.

Эта административная машина, во многихъ отношеніяхъ неуклюжая, съ плохо иногда прилаженными одна къ другой частями, должна была, однако, точно и аккуратно исполнять желанія того, въ чьихъ рукахъ былъ главный ея рычагъ. Чиновники обязаны были повиноваться, какъ на войнѣ, и главное—должны были „не разсуждать“ (nicht raisonnieren!). Еще члены высшей директоріи могли это немножко дѣлать: „вы, говорилъ имъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, каждый разъ и по каждому дѣлу должны прилагать ваши мнѣнія, но я остаюсь господиномъ и королемъ и поступаю, какъ мнѣ угодно“. Чиновникамъ меньшихъ степеней уже рѣшительно не полагалось имѣть своего мнѣнія. Вышколенность административнаго персонала и была одною изъ тѣхъ чертъ прусскаго управленія, съ какими мы далеко не вездѣ встрѣчаемся, и этимъ же свойствомъ отличались въ общемъ и сословные ландраты, такъ какъ Гогенцоллерны съумѣли превратить свое дворянство въ родъ служилаго сословія, въ цѣломъ же, какъ система учрежденій, прусское управленіе было сложено изъ очень диспаратныхъ элементовъ и потому стояло очень далеко отъ какой бы то ни было стройности.

Послѣднимъ качествомъ вообще не отличались административныя учрежденія старой абсолютной монархіи. Это не были учрежденія, созданныя по одному плану съ какими-либо общими, въ основу его положенными принципами. Государственная власть не замѣняла прежнихъ учрежденій, когда они уже не соотвѣтствовали условіямъ и потребностямъ времени, совершенно новыми учрежденіями. Старые порядки, старыя должностныя лица, старыя учрежденія, старыя дѣленія территоріи нерѣдко оставлялись чуть не во всей своей неприкосновенности, а для новыхъ отношеній и новыхъ задачъ надъ прежнимъ зданіемъ дѣлались своего рода надстройки, съ которыми это зданіе сливалось въ одно цѣлое, часто довольно хаотическое и нерѣдко въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ только дѣлавшее работу центральнаго правительственнаго аппарата болѣе трудною. Такимъ именно зданіемъ и была прусская организація управленія, но самый рельефный при-

мѣръ сохраненія въ организаціи управленія послѣдовательныхъ наслоеній, оставшихся отъ разныхъ эпохъ, представляетъ намъ собою административная организація дореволюціонной Франціи.

Въ томъ зданіи, съ которымъ можно сравнить организацію мѣстнаго управленія во Франціи въ послѣднія времена стараго порядка, основы были положены еще Капетингами. Сначала королевскій доменъ управлялся такими же сеньерьяльными приказчиками, какіе были и въ другихъ феодальныхъ помѣстьяхъ и княжествахъ подъ названіями мэровъ и превотовъ, бальивовъ и сенешаловъ, и съ тѣми же административно-судебными функціями, какія имъ принадлежали вездѣ [1]). По мѣрѣ того, какъ разростался королевскій доменъ, въ немъ, конечно, увеличивалось и число административныхъ единицъ, называвшихся бальяжами (на сѣверѣ) и сенешальствами (на югѣ), пока доменъ не охватилъ собою всю Францію. Въ качествѣ судебныхъ округовъ бальяжи и сенешальства сохранились во Франціи до самой революціи. Самые выборы въ генеральные штаты 1789 г. были произведены именно по этимъ судебнымъ округамъ. Постепенно, историческимъ путемъ складывавшееся дѣленіе государства на бальяжи и сенешальства, конечно, не могло отличаться ни однообразіемъ, ни стройностью, присущими теперешнему дѣленію на департаменты, которое ведетъ свое начало отъ революціи. Извѣстно, что учредительное собраніе раздѣлило Францію на 83 департамента, стараясь при этомъ выкроить по возможности равновеликія территоріи и съ одинаковою по возможности населенностью. Въ бальяжномъ дѣленіи Франціи была даже нѣкоторая путаница, которою объясняется тотъ недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ фактъ, что въ 1789 г. центральное правительство плохо разбиралось въ вопросѣ, сколько же въ странѣ было бальяжей и какіе—главные, какіе—второстепенные [2]). Въ этотъ первый періодъ областного устройства Франціи центральная власть охотно назначала на должности областныхъ правителей (бальивовъ и сенешаловъ) легистовъ, товарищи которыхъ съ XIII вѣка наполняли парижскій парламентъ. Это учрежденіе, развившееся изъ

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 102. О происхожденіи названія „сенешалъ“ см. выше стр. 106.

[2]) Должность бальи существовала въ XVIII в., какъ чисто почетная, безъ реальнаго значенія.

феодальной королевской курiи въ высшее судебное учрежденiе, сдѣлалось естественнымъ центральнымъ учрежденiемъ и для всей областной администрацiи. Мы знаемъ, что черезъ парламентъ совершалось обнародованiе королевскихъ ордонансовъ, и одно это дѣлало изъ парламента своего рода посредствующее звено между королемъ и областными правителями. Эта послѣдняя функцiя парламента не получила формальнаго развитiя, но въ свое время парламентъ все-таки съигралъ нѣкоторую роль въ исторiи административной централизацiи Францiи.

Таковъ былъ первый этажъ (или этапъ) въ дѣлѣ административнаго объединенiя Францiи. Это было, такъ сказать, наслоенiе еще феодальнаго происхожденiя, но многое въ немъ уже не соотвѣтствовало потребностямъ власти, когда она фактически сдѣлалась абсолютною. Одно изъ неудобствъ средневѣковой организацiи управленiя заключалось въ томъ, что королевскiе чиновники (officiers) или люди (gens du roi) на мѣстахъ, „королевскiе судьи“ или „казначеи Францiи“, одновременно съ членами парламента, подѣлались наслѣдственными обладателями своихъ должностей. Новое административное наслоенiе началось во Францiи, когда появилась постоянная должность генералъ-губернаторовъ (gouverneurs généraux), что случилось при Францискѣ I. До этого короля существовали лишь временные генералъ-губернаторы, назначавшiеся притомъ только въ пограничныхъ провинцiяхъ, а Францискъ I уже раздѣлилъ всю страну на двѣнадцать большихъ округовъ, въ главѣ которыхъ были поставлены генералъ-губернаторы, представлявшiе на мѣстахъ королевскую власть и бывшiе непосредственными ея органами. Въ виду важнаго значенiя, какое пришлось придать этой должности, для сообщенiя ей бòльшей авторитетности въ глазахъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, генералъ-губернаторами назначались лица изъ высшей знати, а иной разъ и принцы крови. Но эти новые областные правители часто никакъ не могли отрѣшиться отъ феодальныхъ традицiй и начали стремиться къ наслѣдственной передачѣ своихъ должностей сыновьямъ или другимъ родственникамъ. Францискъ I однажды прямо хотѣлъ показать, что этого не должно быть, и сразу смѣнилъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ въ королевствѣ, тѣмъ самымъ давъ понять, что и генералъ-губернаторы должны всецѣло зависѣть отъ королевской воли. Въ эпоху религiозныхъ войнъ вто-

рой половины XVI вѣка генералъ-губернаторы, тѣмъ не менѣе, сдѣлались почти независимыми владѣтельными князьями, и основателю династіи Бурбоновъ, Генриху IV, стоило немало труда привести ихъ къ покорности и военною силою, и дипломатическими соглашеніями, и простыми денежными выкупами. Этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ еще трудно было въ XVI в. создать во Франціи настоящую административную централизацію, но и какъ въ то же время мало было условій для возстановленія былаго политическаго феодализма. Генрихъ IV возстановилъ во Франціи единство и неограниченность государственной власти, хотя и послѣ него, въ началѣ XVII столѣтія, все еще правительству приходилось бороться съ феодальными притязаніями и замашками своихъ областныхъ правителей. Въ это время генералъ-губернаторы были главнокомандующими въ своихъ округахъ, завѣдовали въ нихъ всею полиціею безопасности и пользовались правомъ высшаго надзора по отношенію ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ, представляя, кромѣ того, особу короля въ сношеніяхъ съ провинціальными штатами и парламентами. Должность эта въ XVII в. утратила, однако, всякое реальное значеніе, превратившись въ почетную и доходную синекуру для лицъ изъ придворной знати, въ какомъ видѣ затѣмъ и сохранилась во Франціи до самой революціи съ соотвѣтственнымъ раздѣленіемъ страны на прежнія генералъ-губернаторства.

Паденіе прежняго значенія должности генералъ-губернатора началось при Ришелье, который былъ иниціаторомъ новаго административнаго устройства Франціи, бывшаго третьимъ и послѣднимъ при старой монархіи наслоеніемъ въ исторіи этого устройства. Такъ какъ генералъ-губернаторы нерѣдко отлучались изъ своихъ областей, то на время ихъ отсутствія въ качествѣ ихъ замѣстителей назначались временные провинціальные главнокомандующіе (commandants en chef dans les provinces), которыхъ всегда можно было смѣстить и которые брались изъ высшихъ офицеровъ арміи, преимущественно изъ небогатыхъ и незнатныхъ и притомъ долго несшихъ дѣйствительную службу королю въ войскѣ. Вмѣстѣ съ этимъ правительство не только не ставило никакихъ преградъ частымъ отлучкамъ генералъ-губернаторовъ изъ ихъ областей, но даже старалось всячески этому способствовать, такъ что мало-помалу должность и превратилась въ синекуру, не требовавшую непремѣннаго пребыванія на мѣстѣ службы. Постепенно дѣй-

ствительная власть перешла къ помощникамъ или замѣстителямъ генералъ-губернаторовъ, и процессъ этотъ совершался такъ незамѣтно, что историки долгое время его даже не замѣчали [1]). Столь же постепенно, путемъ правительственной практики, и равнымъ образомъ преимущественно по иниціативѣ Ришелье возникла въ провинціяхъ должность интендантовъ. Параллельно съ генералъ-губернаторствомъ въ провинціяхъ существовали особыя финансовыя присутствія, члены которыхъ, какъ и генералъ-губернаторы, дѣлавшіеся пожизненными, если даже не наслѣдственными, носили названіе „казначеевъ Франціи". Мало-по-малу значеніе этихъ присутствій стало падать въ виду появленія рядомъ съ ними такъ называемыхъ интендантовъ. Еще въ XVI в. правительство стало посылать по временамъ въ нѣкоторыя провинціи секретарей королевскаго совѣта (maîtres des requêtes) въ качествѣ ревизоровъ или спеціальныхъ коммиссаровъ для проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ правительственныхъ предначертаній. Къ исходу XVI в. эти королевскіе коммиссары стали уже регулярно въ извѣстные сроки объѣзжать провинціи, что не исключало и продолженія прежней практики чрезвычайныхъ командировокъ. Историки этого учрежденія справедливо сравниваютъ такихъ коммиссаровъ съ „ушами и очами царевыми" въ Персіи временъ Дарія Гистаста или съ „государевыми посланцами" (missi dominici) Карла Великаго. Долгое время эти, такъ сказать, высшіе чиновники для особыхъ порученій не имѣли даже особаго названія и обозначались весьма различно, пока за ними не утвердился титулъ интенданта или суперъ-интенданта, къ которому прибавлялось и указаніе на данное каждому порученіе: это были интенданты или финансовъ, или юстиціи, или арміи и т. п. Изъ этого-то персонала Ришелье и создалъ постоянную должность интендантовъ путемъ продолженія на болѣе длинные сроки или безъ обозначенія срока полномочій, которыя давались отдѣльнымъ интендантамъ. Этотъ процессъ превращенія прежнихъ временныхъ ревизоровъ-коммиссаровъ въ постоянные органы

---

[1]) Заслуга выясненія этого явленія принадлежитъ проф. *П. Н. Ардашеву* въ его книгѣ „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты" (1900); отсылаю къ кн. I, гл. VI. См. также стр. 141—142 его книги „Абсолютная монархія на Западѣ" (1902 г.).

центральнаго правительства на мѣстахъ совершался довольно медленно, такъ какъ завершеніе его слѣдуетъ отнести лишь ко второй половинѣ XVII в. Послѣднею получила такого постояннаго администратора Бретань только въ 1696 г. Мало-по-малу также сложился и тотъ длинный титулъ, который оффиціально носили новые провинціальные правители, называвшіеся именно „интендантами юстиціи, полиціи и финансовъ и коммиссарами для исполненія королевскихъ повелѣній“. Въ XVIII в. интендантовъ по объему той власти, какою они пользовались, охотно сравнивали съ персидскими сатрапами или турецкими пашами.

Въ концѣ XVII в. уже во всѣхъ областяхъ Франціи существовали интенданты, и рядомъ съ старыми дѣленіями территоріи образовалось новое — на такъ называемыя „генеральства“ (généralités), каковыхъ насчитывалось болѣе тридцати [1]). При каждомъ интендантѣ образовалась, разумѣется, своя канцелярія, сосредоточившая въ себѣ веденіе всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, центральными же учрежденіями, въ подчиненное отношеніе къ которымъ стали эти интендантскія канцеляріи, сдѣлались канцеляріи отдѣльныхъ государственныхъ секретарей [2]), преимущественно же канцелярія постепенно выдвинувшаго изъ ихъ среды впередъ такъ называемаго „суперъ-интенданта финансовъ“ (surintendant des finances). Въ 1661 г. эта должность, правда, была уничтожена или скорѣе переименована, такъ какъ ея функціи перешли къ одному изъ его прежнихъ помощниковъ, называвшемуся „генералъ-контролеромъ финансовъ“ (contrôleur général des finances). Первымъ, кто занялъ эту должность, былъ знаменитый Кольберъ, и съ его легкой руки должность генеральнаго контролера получила первенствующее значеніе въ центральномъ управленіи всѣми важнѣйшими сторонами государственной жизни.

Самое существенное, что здѣсь нужно отмѣтить въ должности генералъ-контролера, это — то, что онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ всѣхъ провинціальныхъ интендантовъ. Большею частью они и назначались по представленію гене-

---

[1]) Собственно, вполнѣ новымъ его назвать нельзя, такъ какъ первое образованіе „генеральствъ“ относится къ серединѣ XIV в., но только съ учрежденіемъ интендантовъ это дѣленіе получило свое настоящее значеніе въ общей системѣ управленія.

[2]) Ср. то, что сказано выше (стр. 125) объ этой должности.

ралъ-контролера; только интенданты въ пограничныхъ генеральствахъ получали мѣста по представленію военнаго министра. Въ провинціяхъ интенданты совершенно вытѣснили генералъ-губернаторовъ, сохранившихся до революціи только въ видѣ простой декораціи. При Людовикѣ XIV всѣ они уже жили при дворѣ, и имъ безъ спеціальнаго королевскаго разрѣшенія было даже запрещено отлучаться въ свои области. Только въ провинціяхъ, сохранившихъ мѣстные штаты, во время ихъ сессій генералъ-губернаторы продолжали еще представлять особу короля. У интендантовъ были, далѣе, помощники, носившіе названіе „субделегатовъ" (subdélégués), и другіе подчиненные имъ агенты, которые и являлись послѣдними исполнителями велѣній, исходившихъ отъ центральной власти. Прежнія финансовыя присутствія остались существовать, но уже или какъ органы, сдѣлавшіеся, въ сущности, совершенно излишними или въ лучшемъ случаѣ только второстепенными колесами машины. Чѣмъ далѣе развивался и укрѣплялся этотъ административный механизмъ, тѣмъ все больше и больше расширяли интенданты свою компетенцію, захватывая постепенно въ сферу своихъ полномочій всѣ проявленія жизни общества, а вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе создавались и такія условія, при которыхъ центральная власть могла вмѣшиваться иногда даже въ мелочи управленія.

Стоитъ только сравнить прусскую систему съ французскою, чтобы сразу видѣть, насколько послѣдняя болѣе подходила къ идеалу административной централизаціи, нежели первая. Весьма естественно, что въ XVIII в., когда гдѣ-либо предпринималась административная реформа, въ концѣ концовъ прототипомъ новыхъ учрежденій являлась французская система. Въ свою очередь, изъ всѣхъ порядковъ управленія мѣстными дѣлами изъ центра, какіе только существовали при старомъ порядкѣ, она наиболѣе напоминаетъ діоклетіано-константиновскую реформу въ Римской имперіи [1]). Конечно, во Франціи XVIII в., мы не видимъ той стройности, какою отличалась іерархическая структура римской администраціи IV в., такъ какъ почва не была еще очищена отъ обломковъ прежнихъ временъ, но въ болѣе безпримѣсномъ видѣ административный строй Франціи стараго порядка возродился въ наполеоновской имперіи, въ которой надъ отдѣльными создан-

---

[1]) См. выше, стр. 24.

ными революціей департаментами поставлены были въ качествѣ агентовъ центральной власти префекты съ субпрефектами: въ сущности это было только второе и исправленное изданіе интендантовъ и субделегатовъ.

Въ силу самой своей миссіи административная централизація, гдѣ только она заводилась, должна была становиться во враждебныя отношенія къ общественной самодѣятельности въ мѣстной жизни. То самоуправленіе, которымъ пользовались еще отъ среднихъ вѣковъ города и области отдѣльныхъ государствъ [1]), встрѣтили въ правящей бюрократіи самыхъ опасныхъ враговъ. Это очень хорошо можно прослѣдить прежде всего на примѣрѣ той же Франціи, гдѣ уже къ концу XVII в. централизація сдѣлала такіе успѣхи.

Королевская власть въ Франціи очень рано, еще при Филиппѣ IV Красивомъ и особенно при Людовикѣ XI, стала вмѣшиваться въ муниципальное самоуправленіе, пользуясь раздорами партій при выборѣ должностныхъ лицъ и дурнымъ веденіемъ дѣлъ, особенно денежныхъ городскими властями. Королевская власть постепенно налагала свою руку на это самоуправленіе, присвоивъ себѣ въ той или иной формѣ назначеніе муниципальныхъ должностныхъ лицъ и установивъ надъ городами опеку центральной администраціи. Этимъ дорога для Людовика XIV была вполнѣ расчищена, и ему оставалось только пройти путь до конца. Именно при этомъ королѣ вмѣшательство центральной власти въ городское самоуправленіе было возведено въ постоянную систему. Людовикъ XIV окончательно нанесъ ударъ муниципальной свободѣ, во-первыхъ, въ области самостоятельнаго завѣдованія мѣстными дѣлами и, во-вторыхъ, въ выборѣ должностныхъ лицъ. Въ первомъ отношеніи главныя мѣры были приняты въ эдиктахъ 1667 и 1683 г. съ деклараціей 1687 г. „Мы, сказано во второмъ изъ этихъ эдиктовъ,—мы хотимъ итти еще далѣе въ нашихъ заботахъ и воспрепятствовать общинамъ на будущее время снова впасть въ то безпорядочное состояніе, изъ котораго мы ихъ вывели, ограничивая хорошимъ законодательствомъ слишкомъ большую свободу, какою эти города и общины въ прошломъ пользовались въ дѣланіи долговъ“. Чрезмѣрная задолженность городовъ вообще и раньше была, а теперь рѣшительно стала однимъ изъ главныхъ мотивовъ вмѣшатель-

---

[1]) См. выше, стр. 27—28.

ства королевской власти въ муниципальную жизнь, хотя въ значительной мѣрѣ этой задолженности содѣйствовали, по признанію самого же Людовика XIV (только не въ эдиктахъ), большіе налоги. Кольберъ былъ сильно озабоченъ ликвидаціей старыхъ ихъ долговъ, а новыя правила были созданы для избѣжанія этого зла въ будущемъ: лучшимъ средствомъ для достиженія такой цѣли было установленіе надъ городами правительственной опеки въ лицѣ интенданта, совершенно убившее въ жителяхъ городовъ всякій интересъ къ мѣстнымъ дѣламъ, всякій общественный духъ, но за то возложившее на центральную власть и ея органы совершенно непосильную задачу. Другую мѣру Людовика XIV по отношенію къ городамъ представляетъ собою эдиктъ 1692 г., которымъ уничтожались выборы въ должность мера или консула, превращавшуюся такимъ образомъ въ чисто коронную. Предлогомъ этого распоряженія были случавшіяся во время выборовъ интриги и распри (la cabale et les brigues), но при этомъ городамъ предлагалось, буде пожелаютъ, выкупить у казны право выбирать своихъ должностныхъ лицъ. При вновь установившемся порядкѣ муниципальныя должности сдѣлались продажными: стоило тому, кто желалъ пріобрѣсти, говоря по нашему, наприм., должность городского головы или члена городской управы, лишь заплатить болѣе или менѣе приличную сумму, и онъ могъ разсчитывать на полученіе любой ваканціи. Уплата городомъ выкупа на право имѣть выборныя городскія должности отнюдь не спасала, однако, отъ возможности лишиться со временемъ этой привилегіи, и тогда приходилось платить и во второй, и въ третій разъ. Въ общемъ съ конца XVII в. до начала послѣдней четверти XVIII столѣтія правительство семь разъ, т.-е. въ среднемъ чуть не каждыя десять лѣтъ заставляло города или платить, или управляться должностными лицами, купившими свои мѣста у короны. Эта черта стараго порядка во Франціи указываетъ на чисто фискальный характеръ того отношенія, въ какое власть стала къ городамъ. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и то, что еще при Ришелье были взяты въ казну такъ называемыя „октруа“ (octrois), т.-е пошлины, бравшіяся на городскихъ заставахъ съ ввозимыхъ въ города продуктовъ. Эти пошлины составляли изрядную часть муниципальныхъ доходовъ, а иногда чуть не вся муниципальная касса наполнялась только такими поступленіями, и если города дѣлали

займы или отчуждали свое имущество, то главная причина этого, по крайней мѣрѣ, со времени Ришелье заключалась въ томъ, что прежніе городскіе доходы сильно сократились и чуть даже совсѣмъ не изсякли [1]).

Столь же неблагопріятнымъ было отношеніе королевской власти во Франціи и къ тѣмъ мѣстнымъ сословно-представительнымъ собраніямъ, которые назывались провинціальными штатами. Это учрежденіе возникло и развилось одновременно съ генеральными штатами, съ которыми мѣстныя собранія чиновъ даже нерѣдко вступали въ конкурренцію [2]). Передъ самой революціей провинціальные штаты сохранялись еще въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, вслѣдствіе этого называвшимися „странами съ штатами“ (pays d'états), тогда какъ другія области, утратившія штаты, носили трудно переводимое названіе „pays d'élection“ [3]). Въ XVII столѣтіи les pays d'élection занимали около двухъ третей территоріи Франціи, и лишь треть приходилась на провинціи, обладавшія штатами, тогда какъ раньше, въ XVI столѣтіи, отношеніе было гораздо болѣе благопріятное для второй категоріи провинцій. Сокращеніе числа послѣднихъ падаетъ главнымъ образомъ на середину XVII в. Еще Ришелье уничтожилъ ихъ въ Дофинэ, временно отмѣнялъ въ Провансѣ и въ Нормандіи, сильно урѣзалъ ихъ права въ Лангедокѣ, а въ концѣ правленія Мазарини и вскорѣ послѣ его смерти (въ 1651 — 1663 гг.) штатовъ ли-

---

[1]) Подобной же политики правительство держалось и относительно сельскихъ общинъ, но здѣсь не было ни октруа, ни охотниковъ покупать должность старостъ.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 240 и слѣд.

[3]) Терминъ имѣетъ довольно длинную исторію. Еще въ ср. вв. для финансоваго управленія возникла должность такъ называемыхъ „выборныхъ“ (élus), довольно рано превратившаяся въ должность по назначенію, а потомъ въ покупную. По имени этого должностного лица подвѣдомственный ему округъ назывался *élection*, причемъ эти округа не совпадали съ прежними бальяжами и сенешальствами. Когда позднѣе стали составляться „генеральства“, они обыкновенно формировались изъ соединенія нѣсколькихъ такихъ *élections*. Такъ какъ, притомъ, *élus* существовали только въ провинціяхъ безъ штатовъ, то послѣднія и стали обозначаться, какъ „pays d'élection“. Повидимому, впрочемъ, въ этомъ терминѣ, *élection* обозначало собою не округъ, а коллегію, состоявшую изъ *élus* и тоже называвшуюся *élection*: штатамъ и противополагались такія коллегіи.

шился цѣлый десятокъ провинцій въ разныхъ частяхъ Франціи. Что касается Людовика XIV, то онъ большею частью оставлялъ существовать штаты тамъ, гдѣ они уже были до него, но за то всячески сокращалъ ихъ привилегіи. Нужно замѣтить, что иногда этому королю предлагали уничтожить нѣкоторые штаты, какъ учрежденіе стѣснительное для королевскихъ чиновниковъ, въ особенности для интендантовъ, находившихъ въ нихъ „опасный духъ", но Людовикъ XIV и безъ формальной отмѣны штатовъ считалъ возможнымъ свести на-нѣтъ все ихъ значеніе. Главнѣйшею привилегіей провинціальныхъ штатовъ было вотированіе такъ называемаго „добровольнаго дара" (don gratuit), хотя съ давнихъ уже временъ это вовсе не былъ даръ „добровольный": Людовикъ XIV даже спеціально объяснялъ дофину, чтобы онъ какъ-нибудь не поймался на это слово. Сущность дѣла сводилась къ тому, что правительство запрашивало у штатовъ, гдѣ они были, больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ желало отъ нихъ получить, и тогда начинали торговаться; причемъ дѣло велось интендантомъ, которому давались особыя суммы для подкупа сословныхъ представителей и который снабжался кромѣ того, приказами объ арестѣ наиболѣе несговорчивыхъ изъ этихъ представителей. Самъ Людовикъ XIV находилъ, что „штаты пользуются своею свободою только для того, чтобы сдѣлать для него болѣе пріятнымъ свое подчиненіе". Для достиженія своей цѣли правительство тоже очень нерѣдко прибѣгало къ тому же средству, какимъ раньше пользовалось по отношенію къ генеральнымъ штатамъ, т.-е. поддерживало рознь сословій [1]). Кромѣ вотированія добровольнаго дара, штаты занимались еще нѣкоторыми мѣстными дѣлами, особенно публичными работами, но и тутъ правительство постоянно вмѣшивалось, то находя ассигнованныя суммы слишкомъ большими изъ боязни, что провинція не будетъ въ состояніи уплатить въ казну столько, сколько слѣдуетъ, то, наоборотъ, предписывая произвести такія-то и такія-то работы, о которыхъ мѣстные чины совсѣмъ и не думали и на которыя у нихъ не было достаточныхъ средствъ. Въ XVIII столѣтіи, передъ революціей провиціальные штаты изъ большихъ провинцій сущесвовали только въ Лангедокѣ, Провансѣ, Бретани и Бургундіи, изъ болѣе мелкихъ—въ Артуа, Эно (Hainaut), Камбрези

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 234, 237, 247 и др.

и Фландріи, да въ нѣкоторыхъ еще крохотныхъ округахъ, изъ которыхъ, наприм., четыре едва равняются теперь одному департаменту *Ain*. Какую роль они должны были играть въ XVIII столѣтіи, объ этомъ судить можно уже хотя бы по одному тому, что третье сословіе было въ нихъ представлено главнымъ образомъ невыборными членами, большею частью мэрами городовъ, а выборы среди двухъ привилегированныхъ сословій обыкновенно подтасовывались путемъ чисто административныхъ воздѣйствій.

Таково было административное устройство во Франціи стараго порядка. Изъ всѣхъ большихъ абсолютныхъ монархій эпохи ни одна не была такъ далека отъ такой бюрократической централизаціи, какъ въ высшей степени пестрая по своему составу монархія австрійскихъ Габсбурговъ [1]). Это, какъ мы видѣли, не было даже государство: это были государства, соединенныя подъ одною верховною властью, причемъ въ каждомъ изъ нихъ существовали (со значеніемъ провинціальныхъ, по отношенію ко всему цѣлому, штатовъ) земскіе сеймы, отправлявшіе и многія общегосударственныя функціи. Нельзя сказать, чтобы Габсбурги, начиная еще съ Фердинанда I, не стремились слить всѣ свои земли въ единую централизованную имперію [2]), но это было дѣло слишкомъ трудное, и въ большинствѣ случаевъ имъ приходилось довольствоваться своимъ фактическимъ абсолютизмомъ въ отдѣльныхъ „земляхъ“; только во второй половинѣ XVIII в., при Маріи Терезіи и особенно при Іосифѣ II, сдѣланы были рѣшительныя попытки къ введенію въ монархіи бюрократической централизаціи. „Слѣдуетъ, говорилъ Іосифъ II, разъ навсегда положить конецъ зависти и соперничеству между провинціями, поставить выше всего общее благо, установить единеніе между ними, дабы добиться крупныхъ выгодъ, равно касающихся всѣхъ. Въ проявленіяхъ провинціальнаго патріотизма онъ усматривалъ поэтому только „ложнопонятую свободу, распущенность и самомнѣніе“. Онъ не хотѣлъ смотрѣть на себя, какъ на короля чешскаго и венгерскаго, эрцгерцога австрій-

---

[1]) Ср. выше, стр. 94.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 352. Рѣчь идетъ о попыткѣ организовать общій делегатскій съѣздъ отъ отдѣльныхъ земель, бывшихъ подъ властью Габсбурговъ, что могло бы быть только первымъ шагомъ къ объединенію монархіи общими учрежденіями.

скаго, графа тирольскаго и т. п., и совершенно игнорировалъ права и привилегіи отдѣльныхъ земель монархіи, чтобы неограниченно править ею, какъ единою страною. Поэтому, вопреки провинціальнымъ конституціямъ, онъ нигдѣ не короновался и инсигніи всѣхъ земель велѣлъ перевезти въ Вѣну, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ сдѣлать государственнымъ языкомъ монархіи языкъ нѣмецкій, за исключеніемъ двухъ странъ, Ломбардіи и Бельгіи съ ихъ старою романскою культурою: поплатиться національными правами должны были мадьяры и разныя славянскія племена. „Всякій, сказано было въ одномъ изъ эдиктовъ Іосифа II, безъ труда пойметъ, какой это будетъ выигрышъ для общаго блага, разъ повсемѣстно во всемъ государствѣ дѣла будутъ вестись на одномъ и томъ же языкѣ: тогда всѣ части монархіи крѣпче будутъ одна къ другой привязаны братскими узами любви, доказательствомъ чему могутъ служить французы, англичане и русскіе“. „Однако, совершенно вѣрно замѣчаетъ по поводу централистическихъ мѣръ Іосифа II авторъ новѣйшаго труда объ этомъ государѣ, онъ не былъ германизаторомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, какими, напр., въ настоящее время являются пруссаки въ Познани, Шлезвигѣ или Эльзасѣ... Издавая свои указы, онъ преслѣдовалъ не расовыя, националистическія, а чисто политическія цѣли: онъ думалъ этимъ средствомъ положить конецъ сепаративнымъ стремленіямъ, упростить администрацію и судъ, улучшить благосостояніе подданныхъ. Уничтожить національную культуру отдѣльныхъ народовъ, бывшихъ подъ его скипетромъ, онъ и не хотѣлъ“ [1]). Сообразно съ общимъ своимъ взглядомъ на государство предпринявъ новое административное раздѣленіе монархіи, онъ „ради ближайшей связи и большей простоты административнаго производства“, не принималъ въ расчетъ ни историческихъ традицій, ни мѣстнаго патріотизма отдѣльныхъ земель монархіи.

Централизаторская политика Іосифа II съ подготовившею ее дѣятельностью его матери составляетъ такой важный примѣръ одной изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ западно-европейскаго абсолютизма, что намъ слѣдуетъ на немъ остановиться нѣсколько дольше. Уже съ самаго начала XVII в. политическое

---

[1]) *П. Митрофановъ.* Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги (Спб. 1907), стр. 237. У автора, вм. Шлезвига, названа Голштинія, гдѣ населеніе и безъ того нѣмецкое.

значеніе мѣстныхъ чиновъ въ нѣмецкихъ земляхъ монархіи Габсбурговъ стало приходить въ упадокъ, но, какъ говоритъ упомянутый авторъ русской книги объ Іосифѣ II [1]), „въ рукахъ штатовъ, лишившихся политическаго могущества и надежды на автономію, все же оставались важныя правительственныя функціи: финансовое управленіе, поставка рекрутъ, почти весь судъ и мѣстная администрація вѣдались ихъ чиновниками, выбранными на ландтагахъ. Насколько, прибавляетъ онъ, это управленіе было хорошо и цѣлесообразно, доказала война за австрійское наслѣдство, поставившая Марію-Терезію на край гибели“, когда ей „пришлось бороться не только съ внѣшними врагами, но и съ инертностью и полной безпомощностью своихъ же органовъ власти въ провинціяхъ“. Марія-Терезія замѣнила орудіе, оказавшееся негоднымъ, другимъ, которое обѣщало лучшіе результаты. Именно, къ концу ея царствованія „важнѣйшія,—говоря словами того же автора,—и существеннѣйшія функціи государственнаго управленія были сосредоточены въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ, но формально штаты не были уничтожены и продолжали влачить свое существованіе. Каждый годъ собирались они, почти всегда осенью передъ началомъ военнаго года, чтобы выслушать запросы двора, который „приказывалъ имъ добровольно согласиться на его требованія“... Эти, читаемъ мы далѣе, „тѣни прежнихъ штатовъ несли тяжелыя денежныя повинности и служебныя обязанности, которыя правительство взваливало на нихъ, считая для себя отяготительными нѣкоторыя функціи управленія. Таковы были расквартированіе войскъ, заботы объ уплатѣ процентовъ по займамъ, содержаніе въ исправности дорогъ и мостовъ, составленіе и ректификація земельнаго кадастра, вознагражденіе за убытки, причиненные стихійными бѣдствіями и войнами, раскладка податей, взиманіе прямыхъ и нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, завѣдованіе благотворительными учрежденіями, выборъ кандидатовъ на школьныя стипендіи, опекунскія дѣла, внесеніе кандидатовъ въ дворянскія книги, управленіе недвижимымъ имуществомъ, принадлежавшимъ провинціальнымъ чинамъ in corpore“. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку съ длиннымъ перечнемъ предметовъ вѣдѣнія провинціальныхъ сеймовъ, чтобы показать и большое количество, и разнообразіе этихъ предметовъ. Ко-

[1]) Тамъ же, стр. 215 и слѣд.

нечно, общія собранія чиновъ, продолжавшіяся лишь нѣсколько дней, имѣли въ своихъ рукахъ только общіе руководство и надзоръ, работали же выборные комитеты, обыкновенно состоявшіе изъ шести членовъ и имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ низшихъ служащихъ. „Чины, говоритъ только-что цитированный авторъ, утратившіе при Маріи-Терезіи какое бы то ни было политическое значеніе, играли все-таки видную роль въ государственной жизни, вполнѣ сохранивъ за собою первенство и въ жизни общественной. Крушеніе, во всякомъ случаѣ, не было полнымъ". Ея преемникъ, Іосифъ II, пошелъ далѣе. Указомъ 1788 г. ландтагамъ разрѣшалось собираться лишь съ особаго соизволенія монарха и разсматривать лишь дѣла, указываемыя каждый разъ правительствомъ. Еще раньше, въ 1784 г. выборные комитеты были уничтожены, и вмѣсто нихъ веденіе дѣлъ переходило къ двумъ утвержденнымъ правительствомъ членамъ, считавшимся состоящими на государственной службѣ, наравнѣ съ другими чиновниками. Получая жалованіе изъ земской кассы, они входили въ составъ бюрократическаго губернскаго присутствія. Въ провинціяхъ, кромѣ того, прежде существовали выборныя почетныя должности, какъ ихъ называли вообще „земскихъ офицеровъ" (Landesofficieren), въ частности маршаловъ и вице-маршаловъ, президентовъ рыцарскаго сословія и провинціальныхъ гауптмановъ и т. п. Правительство теперь по произволу мѣняло составъ собраній или избирателей, вмѣстѣ съ тѣмъ нимало не заботясь о томъ, чтобы справляться съ мнѣніями и желаніями собраній.

Іосифъ II не остановился и передъ тѣмъ, чтобы аналогичную реформу провести въ Венгріи, гдѣ комитатскіе сеймики, т.-е. собранія привилегированныхъ лицъ каждаго графства играли большую роль, и гдѣ существовалъ стоявшій съ ними въ связи общій государственный сеймъ, одинъ только съ англійскимъ парламентомъ не раздѣлившій общей судьбы сословно-представительныхъ учрежденій [1]). Правда, онъ созывался очень рѣдко, при Маріи-Терезіи за сорокъ лѣтъ ея царствованія всего только три раза (въ 1741, 1751 и 1763 гг.), но каждый разъ онъ проявлялъ свою живучесть, а комитатскіе сеймики и по прежнему собирались, часто дѣлая оппо-

[1]) Ср. о венгерскомъ сеймѣ и сеймикахъ „Помѣстье-государство", стр. 298—299.

зицію правительству. Іосифъ II ни разу не созвалъ сейма во все свое царствованіе [1]), а сеймики всячески ограничилъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, почти уничтожившихъ ихъ прежнее значеніе.

Замѣною прежнихъ учрежденій въ наслѣдственныхъ нѣмецкихъ земляхъ монархіи были во главѣ каждой провинціи губернаторъ съ находившимся подъ его начальствомъ земскимъ правленіемъ (Landesgubernium) съ двумя непремѣнными членами отъ чиновъ въ своемъ составѣ, причемъ въ вѣдѣніи этого областного начальника находились всѣ дѣла области: администрація и полиція, церковное благочиніе и благотворительность, школа и цензура, взиманіе податей, торговля и промышленность, надзоръ за благоустройствомъ въ городахъ и за взаимными отношеніями помѣщиковъ и крестьянъ въ деревняхъ, равно какъ разныя дѣла, наприм., сиротскія, тюремныя, еврейскія, для которыхъ, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ, раньше существовали особыя комиссіи. Губернаторамъ, имѣвшимъ большую власть, но находившимся подъ бдительнымъ надзоромъ особыхъ „фискаловъ", были подчинены „окружные коммиссары" (Kreiskommissären), сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ всю мѣстную власть въ округахъ. Эта должность существовала и раньше и была выборной отъ чиновъ, но Марія-Терезія превратила ее въ коронную съ расширеніемъ ея компетенціи въ ущербъ прежнимъ сеймовымъ комитетамъ и коммиссіямъ, а Іосифъ II поставилъ этимъ окружнымъ начальникамъ прямо необъятныя задачи: знаніе всего, что касается мѣстнаго населенія, его численности, занятій, настроенія и т. п., заботу по комплектованію войска, по квартирной и подводной повинностямъ, по поимкѣ дезертировъ, по обезпеченію безсрочно-отпускныхъ воинскихъ чиновъ; надзоръ за духовенствомъ, школами, благотворительными учрежденіями, тюрьмами, господскими судами, продовольственными магазинами, дорогами и т. п. (все это называлось „Politicum"); имъ же поручались взиманіе повинностей и защита крестьянъ отъ помѣщиковъ. Аналогичныя учрежденія мы видимъ и въ земляхъ короны св. Стефана, и въ Бельгіи, и въ Ломбардіи.

---

[1]) Ср. рѣдкіе созывы государственныхъ чиновъ въ другихъ странахъ, предшествовавшіе иногда ихъ полному упраздненію. См. выше, стр. 55, 61—62, 64 и др.

„Административное устройство при Іосифѣ II, — говоритъ новѣйшій его историкъ, — получило такую стройность и законченность, что оно могло смѣло поспорить даже съ прусскимъ, считавшимся въ то время образцовымъ“ [1]). Одинъ современный публицистъ писалъ, что Іосифъ „хочетъ буквально превратить свое государство въ машину, душу которой составляетъ его единоличная воля“. Австрійскій государственный дѣятель Кауницъ говорилъ французскому послу, что „императоръ такъ устроилъ всю машину, что онъ лично ею управляетъ, и что поэтому все должно остановиться въ ту минуту, когда онъ не будетъ больше въ силахъ справиться съ громадною работою“. Онъ, какъ мы уже видѣли [2]), считалъ совершенно несоотвѣтственнымъ съ званіемъ государя тотъ порядокъ, который во Франціи, при всей неограниченности королевской власти, позволялъ министрамъ играть господствующую роль и давать общее направленіе политикѣ. Такой „министерскій деспотизмъ“, какъ онъ былъ названъ во Франціи, Іосифъ II считалъ равносильнымъ рабству самого государя. Въ сущности, однако, по отношенію къ подчиненнымъ и Іосифъ II своимъ министрамъ давалъ самыя широкія полномочія.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ, только устанавливалась административная централизація, развивалась параллельно съ нею и бюрократія, въ разныхъ странахъ, конечно, имѣвшая не всегда одинаковый обликъ, но въ существѣ дѣла вездѣ игравшая одну и ту же роль, какъ главная сила, проводившая въ жизнь разныхъ классовъ населенія одни и тѣ же начала неограниченности государственной власти и потому полнаго безправія передъ нею и передъ ея агентами одинаково всѣхъ общественныхъ элементовъ.

Сословная монархія, выросшая на почвѣ феодальныхъ и коммунальныхъ учрежденій была тѣсно связана съ системою мѣстныхъ самоуправленій, въ которыхъ главную роль играли сословныя и корпоративныя организаціи, часто совершенно игнорировавшія то, что было или считалось интересомъ всего государства. Усиленіе королевской власти шло рука-объ-руку съ постепеннымъ внѣдреніемъ чиновничества въ частнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 245. Компетенція французскихъ интендантовъ была не менѣе всеобъемлющею.

[2]) См. выше, стр. 146.

образомъ управляемые и самоправляющіеся міры помѣстій, городскихъ общинъ съ ихъ корпораціями, провинцій съ ихъ сословными сеймами, и тамъ, гдѣ чиновничество внѣдрялось, оно стремилось вытѣснить изъ ихъ позицій и помѣстнаго владѣльца, и городское выборное начальство, и собранія провинціальныхъ чиновъ. Подкапываясь подъ старыя общественныя силы, оно пользовалось неорганизованностью новыхъ, чтобы сдѣлаться всѣмъ во всемъ, самому сдѣлаться особымъ общественнымъ классомъ и захватить въ свои руки монополію управленія обществомъ, не допуская, конечно, къ государственному дѣлу и новыя общественныя силы. Своимъ призваніемъ въ жизни общества оно считало и думать за него и за отдѣльныя сословія, его составляющія, и дѣйствовать, чтобы вездѣ утверждать единую власть государства и его главы. Для успѣшнаго проведенія въ жизнь такого стремленія чиновничество должно было въ себѣ самомъ создать извѣстные порядки іерархической организаціи, при которой самъ король превращался лишь въ объединяющее завершеніе и направляющую силу всей организаціи.

Какъ въ католицизмѣ церковь все болѣе и болѣе дѣлалась синонимомъ духовенства, такъ и въ абсолютной монархіи государство все болѣе и болѣе отожествлялось съ административнымъ механизмомъ [1]). Чиновничество выдѣлилось такимъ образомъ въ самостоятельную общественную силу, поглощавшую собою государство. Оно судило и рядило подданныхъ, и обывателю жаловаться на чиновника можно было не въ судъ, а прежде всего его начальству, которое могло покрыть своего подчиненнаго, не согласиться на его судебное преслѣдованіе, а если и подвергало его дисциплинарному взысканію, то по своему усмотрѣнію, а не на основаніи общаго закона. Вмѣстѣ съ общественнымъ самоуправленіемъ падалъ и общественный контроль. Отвѣтственность существовала лишь по отношенію къ непосредственному начальству и такъ далѣе до самаго верха служебной лѣстницы, до никѣмъ неограничиваемаго главы государства, безотвѣтственность котораго чиновничество стремилось распространить и на себя. Орудіе власти, оно въ силу вещей само становилось властью, желая раздѣлить между отдѣльными членами „сословія“ и ея прерогативы. Не-

---

[1]) См. объ этомъ въ главѣ XX, гдѣ рѣчь идетъ о политическихъ теоріяхъ эпохи.

рѣдко бюрократія прямо расхищала самодержавіе королей, превращая его въ настоящую фикцію или, по крайней мѣрѣ, посвоему преломляя въ своей средѣ намѣренія и велѣнія носителя верховной власти. Если, по Аристотелю, правильныя формы правленія отличаются отъ неправильныхъ тѣмъ, что въ первыхъ власть одного или многихъ пользуется своими правами въ общихъ интересахъ, а въ послѣднихъ—въ видахъ исключительно своекорыстныхъ,—на чемъ онъ и основывалъ различіе между властью царя и тиранна [1],—то совершенно такая же вещь могла случиться и съ чиновничьимъ классомъ: изъ класса государственныхъ слугъ онъ могъ превратиться и превращался въ своего рода самодовлѣющее сословіе, для котораго неограниченная власть короля, какъ источника всѣхъ правъ и привилегій бюрократіи, была только ярлыкомъ, покрывавшимъ ея собственный абсолютизмъ.

Надлежащее устройство административной машины государства было дѣломъ сложнымъ и труднымъ. Система вездѣ создавалась безъ общаго плана, по частямъ и по мѣрѣ надобности въ отдѣльныхъ органахъ, изъ довольно разнородныхъ элементовъ и не всегда по однимъ и тѣмъ же принципамъ, что мѣшало правильности и послѣдовательности дѣйствія машины и вносило путаницу въ дѣла. Въ государственномъ управленіи весьма естественно образовывались и обособлялись отдѣльныя вѣдомства, каждое подъ начальствомъ отдѣльнаго лица, и между ними иногда возникали несогласія, раздоры и острая борьба, какъ это бывало, наприм., и между отдѣльными монашескими орденами католической церкви. Эти вѣдомства тоже хотѣли быть самостоятельными и самодовлѣющими организаціями и, какъ все чиновничество вообще, стремились всячески все болѣе и болѣе захватывать власти надъ обществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе ослабляя контроль надъ собою, который шелъ сверху, со стороны центральной власти. Когда вѣдомства успѣвали въ этомъ стремленіи, начиналась правительственная анархія, по временамъ, какъ мы видѣли [2]), встрѣчавшаяся въ исторіи абсолютной монархіи при всей видимости единства власти.

Есть еще одно, принятое въ наукѣ государственнаго права обозначеніе описанныхъ порядковъ, лучше всего характери-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 96.

[2]) См. выше, стр. 124, 135, 141—143.

зующее ихъ значеніе въ жизни общества въ смыслѣ совокупности простыхъ обывателей. Обозначеніе это, принятое особенно въ Германіи, есть „полицейское государство“ (Polizeistaat).

Государство, которое мы называемъ теперь полицейскимъ, стремилось подчинить своей опекѣ и руководительству всю общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, дабы всѣхъ и вся направить къ единой цѣли водворенія въ обществѣ надлежащаго порядка. Оно брало на себя и задачи педагогическаго свойства съ цѣлью превращенія всего населенія въ благонравныхъ подданныхъ, понимающихъ, въ чемъ ихъ истинное благополучіе, и умѣющихъ повиноваться не за страхъ только, но и за совѣсть. Оно бралось руководить и промышленною дѣятельностью населенія, уча и здѣсь его, какъ ему достигать истиннаго благосостоянія и служить въ то же время интересамъ государственной казны. Оно глубоко не довѣряло самому человѣку и обществу, и разъ замѣчалось въ комъ-либо неособенно большое желаніе съ безропотною готовностью повиноваться предписаніямъ благодѣтельнаго начальства, то предполагалось, что корнемъ оппозиціи можетъ быть или злая воля, или тупая косность, или глупое невѣжество, неспособность понять мудрость начальственныхъ мѣропріятій. Сообразно съ этимъ придумывались и пускались въ ходъ мѣры правительственнаго воздѣйствія на дурныхъ подданныхъ. Когда въ обществѣ возникали новыя потребности, которыя не могли быть удовлетворены никакими существующими и получившими признаніе со стороны государства средствами и способами, когда выступала на сцену личная иниціатива или общественная самодѣятельность, это тоже прежде всего казалось нарушеніемъ полицейскаго благочинія, если бы въ этомъ даже и не заключалось прямой опасности государственному благоустройству. Чѣмъ далѣе развивалось полицейское государство въ своемъ одностороннемъ направленіи, тѣмъ все болѣе и болѣе полиція привыкала смотрѣть на себя, какъ на главную силу, поддерживающую и чуть не создающую благоустройство государства и благосостояніе его населенія, благонравіе этого населенія и общее благочиніе въ его жизни,—силу, въ сущности благожелательную и благодѣтельную, чего не могутъ понимать развѣ только злые, упрямые и невѣжественные люди. Чтобы, однако, эта сила дѣйствовала сообразно со своимъ назначеніемъ, ей необходимо было обладать самыми широкими полномочіями

по отношенію къ опекаемому населенію. Мелочная регламентація общественной жизни была необходимымъ слѣдствіемъ всей этой системы опеки, налагавшей ограниченія рѣшительно на всѣ дѣятельности, какія только существовали въ обществѣ. Въ эпоху полицейскаго государства полиціи именно и принадлежали всеобъемлющія функціи, и трудно указать такія сферы жизни, которыя такъ или иначе не подлежали бы вѣдѣнію полиціи, подъ понятіе которой подводилось вообще все, что касается общественной безопасности, общественнаго порядка, благосостоянія, благочинія, благонравія и т. п. [1]). Можно даже исторически прослѣдить, какъ постепенно все болѣе и болѣе умножались предметы, входившіе въ кругъ компетенціи полиціи, и какъ органы полицейской дѣятельности все болѣе и болѣе получали чисто государственный характеръ, тогда какъ въ средніе вѣка о сколько-нибудь правильной организаціи полиціи можно только говорить лишь по отношенію къ городамъ [2]). Начало развитія полиціи, какъ государственнаго учрежденія, относится главнымъ образомъ къ XVII в., и одною изъ первыхъ странъ, получившихъ настоящій полицейскій кодексъ, была Баварія, гдѣ въ 1616 г. извѣстный реакціонный дѣятель тридцатилѣтней войны, герцогъ Максимиліанъ I, издалъ правительственный уставъ подъ длиннымъ названіемъ „Landrecht-, Polizei-, Gerichts- und Malefiz- Ordnung“. Особое развитіе получила полиція и во Франціи при Людовикѣ XIV, который пользовался ея услугами и въ дѣлѣ перлюстраціи частной переписки („черный кабинетъ“), и въ надзорѣ за всѣми неблагонадежными элементами общества и т. п. вплоть до цензуры книгъ. Въ Пруссіи введеніе особенно строгаго полицейскаго режима относится къ царство-

---

[1]) Любопытно, что слово „politia“ было не чѣмъ инымъ, какъ аристотелевской „политіей“ (Государство-городъ, стр. 96) въ смыслѣ, однако, только хорошаго управленія и добрыхъ нравовъ (ср. Помѣстье-государство, стр. 239, гдѣ говорится о „bonne policie“), откуда прилагательное „policé“ въ значеніи, близкомъ къ нашимъ терминамъ „культурный“, „цивилизованный“ и т. п.

[2]) Напомню для примѣра строго-полицейскій режимъ, установившійся въ Женевѣ при Кальвинѣ, вовсе не бывшій исключеніемъ изъ общаго правила городской жизни, а только развѣ доведеннымъ до крайности преувеличеніемъ тенденцій, болѣе или менѣе присущихъ всѣмъ городскимъ властямъ.

ванію отца Фридриха II, когда надзору и опекѣ властей были подчинены даже мелочи обывательской жизни, особенно въ столицѣ государства, на глазахъ самого короля, не терпѣвшаго проявленій легкомыслія, праздношатанія, роскоши и т. п. Въ Австріи полицейскій режимъ былъ усиленъ и систематизированъ особенно при Іосифѣ II.

Усиленіе бюрократическаго и полицейскаго началъ въ государственной жизни не могло, конечно, не отозваться и на области суда. Принципъ отдѣленія суда отъ администраціи вообще былъ формулированъ въ политическихъ теоріяхъ сравнительно поздно, и обѣ эти сферы вообще между собою смѣшивались, но до начала бюрократизаціи государства судъ всегда отправлялся при общественномъ участіи, какія бы формы это участіе ни принимало. Заимствованный многими европейскими странами изъ Англіи судъ присяжныхъ является однимъ изъ лучшихъ наслѣдій средневѣковой старины, конечно, сильно видоизмѣненнымъ и усовершенствованнымъ, тенденціей же абсолютизма было всегда устранять изъ отправленія правосудія общественные элементы и ставить судей все въ бо̀льшую и бо́льшую зависимость отъ предержащей власти.

Одною изъ главнѣйшихъ гарантій независимости судей отъ начальническаго давленія въ настоящее время признаётся судейская несмѣняемость, и извѣстно, наприм., что въ Англіи Стюарты особенно хлопотали о томъ, чтобы обходить ставшій закономъ обычай несмѣняемости судьи, разъ онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, ради чего въ эту эпоху правительство прибѣгало къ замѣщенію судейскихъ мѣстъ не постоянными судьями, и, такъ сказать, исправляющими должность [1]). Во Франціи принципъ несмѣняемости судей провозглашался еще въ XIV в., но больше въ смыслѣ особой приманки для королевскихъ слугъ въ борьбѣ съ феодализмомъ. Людовикъ XI въ 1467 г. даже издалъ ордоннансъ о пожизненномъ оставленіи въ должности не только судей, но и чиновниковъ вообще, на дѣлѣ же короли превосходно нарушали судейскую неприкосновенность, когда имъ это было нужно, ссылая

---

[1]) См. Народно-правовое государство, стр. 62. Судьи назначались съ оговоркою о возможности отозванія по усмотрѣнію, такъ что судья сохранялъ свою должность, пока это было благоугодно королю (durante bene placito, during our pleasure), и только законъ 1701 г. положилъ конецъ такому произволу. Тамъ, же, стр. 70.

и сажая въ тюрьмы неугодныхъ имъ судей. Однако, какъ мы видѣли, продажность должностей создала во Франціи особое наслѣдственное судейское сословіе, пользовавшееся вслѣдствіе этого большою независимостью и даже смотрѣвшее на себя, какъ на главныхъ оберегателей законности отъ произвола власти [1]). Когда правительству волею-неволею приходилось мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, оно въ случаѣ надобности прибѣгало къ другому средству: судьи оставались на своихъ мѣстахъ и спокойно дѣлали свое дѣло, но извѣстные процессы изымались изъ ихъ вѣдѣнія и передавались для постановленія по нимъ приговоровъ въ какія-либо другія учрежденія, дѣйствовавшія не столько по закону, сколько по политическимъ соображеніямъ.

Во Франціи изъятіе изъ-подъ суда „естественныхъ судей" вытекало изъ принципа, дѣлавшаго короля источникомъ правосудія („toute justice émane du roi") и, слѣдовательно, сосредоточивавшаго въ особѣ короля цѣликомъ всю судебную власть. Если король и делегировалъ судьямъ извѣстныя полномочія, источникъ которыхъ былъ въ немъ самомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждый данный моментъ онъ считалъ себя въ правѣ и взять назадъ эту делегацію, и распоряжаться своею судебною властью какъ-нибудь иначе, т.-е. онъ или отдавалъ то или другое дѣло на разсмотрѣніе одного изъ своихъ совѣтовъ [2]), или учреждалъ спеціальный судъ, причемъ, сверхъ того, могло назначаться, въ случаѣ осужденія, и болѣе сильное наказаніе, нежели то, къ какому подсудимый приговаривался. Король былъ воленъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ, какъ воленъ былъ и въ ихъ свободѣ, откуда и развилась практика „lettres de cachet". Въ эпоху фронды сдѣлана была попытка обезпечить во Франціи личную свободу отъ произвольныхъ арестовъ и судовъ, но съ побѣдою королевской власти все осталось по старому, и практика „lettres de cachet" получила особое развитіе. Въ чемъ она заключалась, это хорошо извѣстно даже изъ элементарныхъ учебниковъ исторіи: въ сущности, это

---

[1]) См. выше, стр. 130 и 133—134.

[2]) Это называлось „evocation". Отмѣтимъ кстати, что интенданты во Франціи, какъ показываетъ самое ихъ названіе (см. стр. 154), пользовались и судебною властью. Они прежде всего были именно „интендантами юстиціи", и ихъ юрисдикціи подлежали очень многія дѣла. Это было полное смѣшеніе администраціи и суда.

была только одна изъ формъ примѣненія общаго всякому абсолютизму неуваженія къ личной неприкосновенности и свободѣ. Что касается до чрезвычайныхъ судовъ временнаго или постояннаго состава, то въ исторіи абсолютной монархіи они всегда играли видную роль, вспомнимъ ли мы при этомъ испанскую инквизицію [1]), или „звѣздную палату“ и „верховную коммиссію“ въ Англіи временъ Тюдоровъ и Стюартовъ и т. п. [2]). Абсолютизмъ вообще отличался склонностью смотрѣть на судъ, какъ на одно изъ орудій, которыми власть должна и имѣетъ право пользоваться въ исключительныхъ интересахъ самой же власти. Идея правосудія приносилась при этомъ въ жертву требованіямъ государственной необходимости или престижа власти, и судъ дѣлался лишь однимъ изъ административныхъ вѣдомствъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ такого, наприм., вѣдомства, какимъ была полиція.

Даже въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, когда стало распространяться и отчасти проводиться въ жизнь болѣе высокое представленіе о значеніи суда, правительства тѣхъ странъ, гдѣ новое направленіе въ значительной мѣрѣ проявляло свою силу, не умѣли и не хотѣли отказываться на практикѣ отъ примѣненія мѣръ чисто административнаго усмотрѣнія къ такимъ случаямъ, которые должны были подлежать вѣдѣнію суда, строго примѣняющаго только одни существующіе законы. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ примѣръ прусской практики XVIII в. Здѣсь именно все было смѣшано въ одно: администрація, полиція, судъ и т. п., и власть заявляла, что она можетъ дѣлать все, что хочетъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I вмѣшивался непосредственно въ правосудіе, дѣлалъ выговоры судьямъ, указывалъ имъ, какъ они должны рѣшать дѣла, замѣнялъ состоявшіеся уже приговоры касательно наказаній другими, нерѣдко болѣе суровыми и прямо жестокими и т. п. Его сынъ, „король-философъ“, держался другихъ взглядовъ и въ своей судебной реформѣ прямо проводилъ принципъ независимости суда отъ администраціи, заявляя съ своей стороны, что „судьи не должны обращать вниманія на рескрипты, хотя бы они выходили изъ королевскаго кабинета“. Реформированные Фридрихомъ II суды сами стали проникаться этимъ взглядомъ, и одинъ случай показалъ, что новый прин-

[1]) См. выше, стр. 56.

[2]) Народно-правовое государство, стр. 62.

ципъ создалъ довѣріе къ судамъ и въ народѣ. Извѣстенъ анекдотъ о потсдамскомъ мельникѣ, не желавшемъ снести по требованію короля свою мельницу около его загороднаго дворца и пригрозившаго жалобою въ судъ: король уступилъ упрямому мельнику, сказавъ, что, значитъ, „въ Берлинѣ есть судьи“ (il y a des juges à Berlin). Но въ исторіи съ другимъ мельникомъ, Арнольдомъ, тотъ же Фридрихъ II повелъ себя совершенно иначе. Ему показалось, что судьи рѣшили дѣло Арнольда несправедливо, и потому онъ отмѣнилъ ихъ приговоръ, самихъ же ихъ за неправильное рѣшеніе дѣла посадилъ въ крѣпость. И это былъ не единственный случай королевскаго воздѣйствія на правосудіе: исторія съ Арнольдомъ только надѣлала въ свое время много шуму и потому попала во всѣ біографіи Фридриха II, хотя вообще, конечно, королевскій произволъ въ его царствованіе и не проявлялся въ области правосудія такъ часто и такъ грубо, какъ при его отцѣ.

Итакъ, судебная власть въ абсолютной монархіи вполнѣ соотвѣтствовала общему духу ея другихъ учрежденій, и конечно, прежде всего, государственная власть пользовалась судомъ, какъ безусловно отъ нея зависимымъ орудіемъ, въ дѣлахъ, имѣвшихъ политическое значеніе. Сами реформы въ области суда, предпринимавшіяся правительствами этой эпохи, направлялись въ значительной мѣрѣ въ сторону превращенія судовъ въ болѣе удобныя и послушныя орудія политическихъ видовъ государственной власти, хотя, конечно, многое въ этихъ реформахъ вытекало изъ крайней неудовлетворительности самихъ судовъ, унаслѣдованныхъ абсолютной монархіей отъ среднихъ вѣковъ. Выше мы уже говорили о томъ, что въ XVIII в. абсолютная монархія въ разныхъ мѣстахъ прибѣгала къ преобразованіямъ въ области дѣйствующаго права [1]), съ чѣмъ обыкновенно тѣсно были связаны реформы и въ судебномъ устройствѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ абсолютизму предстояло совершать очень сложную и трудную работу, и достаточно будетъ одной ссылки на примѣръ Австріи, чтобы можно было судить о томъ, насколько, дѣйствительно, работа была сложна и трудна [2]).

---

[1]) См. выше стр. 137.

[2]) Беремъ примѣромъ Австрію, гдѣ судебная часть была особенно хаотична.

Въ Австріи до середины XVIII в. въ области суда царила средневѣковая путаница — безъ общаго порядка не то, что для всего государства, но даже для отдѣльныхъ округовъ или городовъ одной и той же провинціи, равно какъ для отдѣльныхъ сословій и корпорацій, причемъ отдѣльныя судебныя учрежденія или заѣзжали одно въ компетенцію другого, или спихивали одно другому дѣла, занимаясь, наконецъ, не однимъ судомъ, но и дѣланіемъ разныхъ распоряженій по подвѣдомственной части. Что касается до того, въ какія инстанціи по какимъ случаямъ можно было приносить аппеляціонныя жалобы, это былъ уже такой мудреный вопросъ, что часто оставался на практикѣ совершенно неразрѣшимымъ. Само матеріальное право было чѣмъ-то хаотическимъ, такъ какъ представляло собою безформенную массу часто противорѣчивыхъ законовъ самаго несходнаго происхожденія, какую-то кучу, въ которую были свалены нормы и каноническаго, и римскаго, и феодальнаго права со всѣмъ его разнообразіемъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Да и судебный персоналъ былъ до-нельзя плохой, юридическое образованіе судей неважное, добросовѣстность ихъ и честность такая, что за ними въ народномъ мнѣніи утвердилось представленіе, какъ о пьявицахъ. Судопроизводство отличалось при всемъ томъ страшною медленностью, и остряки говорили о настоящемъ „безсмертіи процессовъ"; самое веденіе дѣлъ, вдобавокъ, было крайне дорого. Все это дополнялось жестокостью уголовнаго права съ его пытками и казнями.

Начало реформы судебной части въ монархіи Габсбурговъ было положено только при Маріи-Терезіи, за исключеніемъ Венгріи, гдѣ сеймъ и комитатскіе сеймики упорно отстаивали старину, бывшую выгодною для привилегированныхъ сословій. Марія-Терезія учредила, именно, въ 1749 г. особое, совершенно отдѣленное отъ администраціи „наивысшее присутственное мѣсто по юстиціи" (Oberste Justiz-Stelle), соединявшее въ себѣ функціи министерства юстиціи съ функціями высшаго аппелляціоннаго судилища. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ судъ тоже былъ отдѣленъ отъ администраціи, т.-е. провинціальныя управленія должны были вѣдать лишь администрацію, а судъ отошелъ къ юстицъ-сенатамъ, все-таки, однако, бывшимъ въ подчиненіи у губернаторовъ, всѣ же низшіе коронные суды были объединены въ земскіе суды, дѣйствовавшіе отъ имени высочайшей власти, но состоявшіе, по-

старому, изъ судей, которые назначались и смѣщались городскими магистратами и землевладѣльцами и отъ нихъ же получали жалованіе. Вскорѣ (въ 1753 г.), была учреждена еще особая коммиссія для кодификаціи („компиляціи") общеавстрійскаго гражданскаго и уголовнаго права. Въ 1767 г. она представила императрицѣ на утвержденіе нѣчто среднее между собраніемъ и сводомъ законовъ, восьмитомный „Терезіанскій кодексъ", потребовавшій, однако, передѣлки въ другой коммиссіи. Годомъ позже былъ утвержденъ императрицей выработанный тоже особою коммиссіей уголовный кодексъ, извѣстный подъ названіями „Терезіанской Немезиды" и „Терезіанскаго уголовнаго уложенія". Съ современной точки зрѣнія это было нѣчто невозможное, такъ какъ для подсудимаго не полагалось никакихъ гарантій: судопроизводство совершалось при закрытыхъ дверяхъ, чисто бумажнымъ образомъ, съ массою ненужныхъ формальностей, причемъ коронный судья былъ и прокуроромъ, и адвокатомъ, и судьей, рѣшавшимъ одновременно какъ вопросъ о фактѣ, такъ и о мѣрѣ наказанія.

Компиляціонная коммиссія дѣйствовала и при Іосифѣ II. Въ 1784 г. она представила императору докладъ, въ которомъ совершенно справедливо указывала на то, что „для монарха опасно предоставлять частнымъ лицамъ [1]) и ихъ служащимъ такую важную функцію государственной власти, какъ судебная" и что „опасно также допускать до исправленія судебныхъ должностей такихъ лицъ, которыя даже не подвергались экзамену, и которыя смотрятъ на свои обязанности, какъ на нѣчто второстепенное". Іосифъ II, разумѣется, не могъ съ этимъ не согласиться, и потому всѣ его усилія были направлены къ огосударствленію суда, которое не могло, однако, при тогдашнихъ взглядахъ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ его бюрократизаціи. Между прочимъ, „какъ не заслуживающіе довѣрія правительства и народа", императоръ совсѣмъ упразднилъ господскіе суды по уголовнымъ дѣламъ. Жизнью и свободою подданныхъ должны были впредь распоряжаться только правительственные судьи. Съ другой стороны, отъ судей требовались юридическое образованіе и служебная опытность. Та же самая коммиссія занялась и рѣшеніемъ вопроса, издать ли новый уголовный кодексъ или только исправить терезіанскій, и дѣло было въ концѣ концовъ рѣ-

[1]) Рѣчь идетъ о помѣщичьемъ судѣ надъ крестьянами.

шено въ первомъ смыслѣ. Въ 1787 г. были изданы „Всеобщій законникъ о преступленіяхъ и наказаніи оныхъ“ (Allgemeines Gesetzbuch über Verbrechen und derselben Bestrafung), и „Всеобщій гражданскій законникъ“ (Allgemeines Gesetzbuch), цѣлью котораго было „ввести однообразное цивильное право во всѣхъ наслѣдственныхъ нѣмецкихъ земляхъ“, хотя при добровольномъ согласіи сторонъ дозволялось пользоваться и мѣстными обычаями, существующими „съ молчаливаго согласія государя страны“.

Говоря обо всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ австрійскаго правительства второй половины XVIII в. въ области суда, нельзя не упомянуть еще объ одной сторонѣ дѣла, характерной вообще для эпохи абсолютной монархіи, хотя эту сторону и нельзя поставить въ вину исключительно самому абсолютизму. Рѣчь идетъ именно о страшномъ варварствѣ уголовныхъ законовъ вплоть до середины XVIII в., когда впервые началось ихъ смягченіе, не бывшее, однако, настолько рѣшительнымъ, чтобы и о реформированномъ уголовномъ правѣ нельзя было сказать, что оно было страшно жестоко. Только-что названная „Терезіанская Немезида“ была вся построена на принципѣ устрашенія, дабы, какъ у насъ говорилось въ старину, другимъ неповадно было. Этотъ уголовный кодексъ былъ, такъ сказать, биткомъ набитъ казнями, и отдѣльныя его статьи заключали въ себѣ даже подробности, какъ ихъ совершать въ случаяхъ сожженія, четвертованія, сажанія на колъ и др. подобныхъ пріемовъ. Самыя жестокія казни были для религіозныхъ и политическихъ преступленій. Къ чести Іосифа II нужно отмѣтить, что онъ въ качествѣ соправителя своей матери настоялъ на отмѣнѣ пытки и на непримѣненіи на практикѣ наиболѣе мучительныхъ казней.

По вступленіи на престолъ Іосифъ II фактически отмѣнилъ смертную казнь секретнымъ циркуляромъ судамъ отъ 9 марта 1781 г., гдѣ предписывалось только объявлять, но не приводить въ исполненіе смертные приговоры. По уголовному его законодательству 1787 г. смертная казнь, въ крайнихъ случаяхъ, могла примѣняться только при введеніи военнаго положенія. Другія наказанія, впрочемъ, были оставлены по-прежнему довольно жестокія. Только по преступленіямъ противъ религіи прежнія тяжкія наказанія замѣня-

лись срочнымъ, хотя и очень строгимъ тюремнымъ заключеніемъ [1]).

ГЛАВА XII.

Абсолютная монархія и постоянныя арміи.

Роль матеріальной силы въ утвержденіи абсолютизма.—Упадокъ феодальныхъ дружинъ и муниципальныхъ милицій.—Начало наемничества и кондотьерства. — Система постоянныхъ армій.—Составъ и способы набора войска при старомъ порядкѣ.—Роль войска въ поддержаніи внутренняго спокойствія.—Образованіе особаго бюрократическаго вѣдомства военныхъ дѣлъ.—Военное искусство и спеціальное военное образованіе.—Проникновеніе духа военной дисциплины въ гражданскую службу.—Милитаризмъ при старомъ порядкѣ.

Одною изъ силъ, помогшихъ утвердиться королевскому абсолютизму, и однимъ изъ предметовъ, на которые были направлены особыя заботы абсолютной монархіи, было войско. Съ самаго начала государственной жизни глава государственной общины,—князь, царь, король,—является вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ военнымъ вождемъ, распорядителемъ всей матеріальной силы, какую только народъ можетъ собрать какъ для защиты своей отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и для нападенія на своихъ сосѣдей [2]). Обладаніе такой силой, какъ войско, даетъ возможность главѣ государства угрожать и въ случаѣ побѣды диктовать свою волю не только сосѣдямъ, но и самому населенію страны, находящейся въ его управленіи, и такимъ образомъ сила, созданная народомъ для внѣшней борьбы, нерѣдко направляется противъ него самого. Извѣстно, какую роль съиграло войско въ установленіи имперіи въ Римѣ: недаромъ самое слово *imperator*, бывшее только однимъ изъ

---

[1]) Кое въ чемъ, но очень далеко не во всемъ, въ этомъ кодексѣ сказалось вліяніе гуманныхъ идей Беккаріа, бывшаго австрійскимъ подданнымъ и занимавшимъ университетскую каѳедру въ Миланѣ, столицѣ габсбургской же Ломбардіи.

[2]) Государство—городъ, стр. 36 и слѣд.—Монархіи, стр. 35, 37 и др.

почетныхъ званій военачальника, сдѣлалось титуломъ для обозначенія высшихъ носителей государственной власти [1]).

Съ другой стороны, возможность превращенія войска въ орудіе власти для чисто-внутренняго употребленія предполагаетъ уже въ значительной мѣрѣ подвинувшійся впередъ процессъ дифференціаціи общества на мирныхъ обывателей и военную силу, отъ нихъ отличную. Когда нѣтъ постоянной арміи, — изъ кого бы она ни состояла, изъ пришлыхъ чужеземцевъ или природныхъ жителей страны, изъ наемниковъ или гражданъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность,—и въ чьемъ бы распоряженіи она ни была,—т.-е. зависѣла ли бы она отъ государства или отъ частныхъ предпринимателей военнаго дѣла,—когда, другими словами, нѣтъ обособленной отъ народа постоянной военной организаціи чисто-профессіональнаго характера, въ которой человѣкъ обучается военному ремеслу, проникается и чисто военнымъ духомъ, въ смыслѣ извѣстныхъ инстинктовъ, взглядовъ и правилъ и подчиняется сугубо строгой дисциплинѣ, до тѣхъ поръ власть, въ сущности, не располагаетъ вполнѣ послушнымъ и совершенно пассивнымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь общества своихъ требованій.

Въ средніе вѣка на Западѣ существовало военное сословіе въ видѣ феодальнаго дворянства, для котораго военное дѣло было, пожалуй, своего рода профессіей, но эта профессія была скорѣе только придаткомъ къ землевладѣнію, чѣмъ вполнѣ самостоятельнымъ занятіемъ [2]), и люди, занимавшіеся военнымъ дѣломъ, не составляли постоянныхъ армій. Феодальное войско, это—само же феодальное общество сеньеровъ съ ихъ вассалами и слугами, собирающееся въ случаѣ нужды по зову высшаго сеньера, большею частью на непродолжительный срокъ и снова растворяющееся въ той общественной средѣ, изъ которой передъ тѣмъ выдѣлилось. Тутъ нѣтъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ, а есть только сеньеры, вассалы, подвассалы, домашняя челядь, т.-е. люди разныхъ ранговъ по своему значенію въ гражданской жизни, а не въ военной службѣ, съ ея производствомъ въ высшіе чины изъ низшихъ. То, что въ средніе вѣка можно назвать арміей (правильнѣе ополченіемъ), есть не что иное,

---

[1]) Монархія, стр. 198 и слѣд.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 106 и слѣд., 122—123 и др.

какъ временная совокупность феодальныхъ дружинъ, этихъ чисто мѣстныхъ организацій общественныхъ силъ для военныхъ цѣлей. Феодальному распаду государства вполнѣ соотвѣтствовала и эта децентрализація военной защиты, предоставлявшая каждому помѣстью, каждому селенію заботиться о себѣ, какъ можетъ и какъ умѣетъ: являлось общее предпріятіе—мѣстные міры выставляли свои дружины, и ранги, занимавшіеся ихъ вождями въ гражданскомъ обществѣ, опредѣляли то положеніе, какое каждый изъ нихъ долженъ былъ получить въ большомъ ополченіи. Когда изъ феодальнаго строя стали выдѣляться городскія общины, достигавшія иногда полнаго внутренняго самоуправленія,—всѣ эти французскія коммуны, нѣмецкіе имперскіе города, итальянскія городовыя республики и т. п.,—они тоже организовали свое военное дѣло на феодальный манеръ—въ видѣ гражданскихъ милицій, которыя въ общемъ военномъ строѣ получили такое же приблизительно значеніе, какъ и феодальныя дружины, въ смыслѣ чисто мѣстныхъ организацій. Съ разложеніемъ средневѣковыхъ политическихъ формъ, въ эпоху образованія болѣе крупныхъ государствъ, стали приходить въ упадокъ и феодальныя дружины съ коммунальными милиціями, уже не соотвѣтствовавшія болѣе потребностямъ государства, такъ какъ оно уже переросло старыя рамки, въ которыя стискивалась жизнь феодальнымъ и коммунальнымъ строемъ, и на сцену, при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, выступили наемныя войска, продававшія свои услуги тому, кто щедрѣе за нихъ заплатитъ.

Военное наемничество относится къ числу древнѣйшихъ явленій исторіи, причемъ уже въ очень раннія времена наемныя войска набирались большею частью изъ чужеземцевъ. Такъ, въ фараоновскомъ Египтѣ мы встрѣчаемся, наприм., съ наемными войсками, состоявшими сначала изъ азіатскихъ семитовъ, потомъ изъ грековъ [1]); послѣдніе вообще очень охотно шли въ военные наемники къ азіатскимъ царямъ, между прочимъ и къ владыкамъ Персіи въ послѣднія времена существованія этой монархіи [2]). Финикійцы и карѳагеняне пользовались исключительно наемниками въ тѣхъ войнахъ, которыя имъ приходилось вести. Играло большую роль наемничество и въ царствахъ, возникшихъ изъ монархіи Александра

---

[1]) Монархія, стр. 67, 92 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 123, 127 и др.

Македонскаго. Съ наемничествомъ, далѣе, тѣсно связано и другое явленіе, которое мы называемъ кондотьерствомъ, образовавъ этотъ терминъ изъ итальянскаго слова *condottiere*, получившаго значеніе предводителя наемнаго войска. Кондотьеръ— частный человѣкъ, нанимающій простыхъ солдатъ на свою службу и самъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ кому-либо нанимающійся со своимъ отрядомъ. И кондотьерство было уже извѣстно античному міру; нѣкоторые греческіе полководцы, нанимавшіеся со своими отрядами на службу разнымъ государствамъ, даже прославили свои имена въ качествѣ специалистовъ военнаго дѣла. Кондотьерство начинало развиваться также и въ Римѣ въ эпоху гражданскихъ войнъ, и, напр., Августъ еще юношей стоялъ во главѣ совершенно частнаго войска, состоявшаго изъ наемниковъ [1]). Конечно, позднѣе, когда въ Римѣ возникла новая власть, ревниво оберегавшая свои прерогативы, такія частныя войска сдѣлались немыслимы.

Вотъ эти два явленія, т.-е. наемничество и кондотьерство и получили большое развитіе на Западѣ въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, когда, съ одной стороны, прежнія феодальныя дружины и коммунальныя милиціи уже не соотвѣтствовали болѣе условіямъ и потребностямъ времени, а съ другой, государство еще не успѣло организовать свою постоянную армію. Въ Италіи XIV и XV вѣка были эпохой наибольшаго развитія кондотьерства, игравшаго тогда даже самостоятельную роль въ политикѣ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ наемничество сдѣлалось однимъ изъ отхожихъ промысловъ для населенія Швейцаріи, откуда чуть не ежегодно уходили на службу къ иностраннымъ государямъ цѣлыя толпы наемныхъ солдатъ. Знаменитый Францъ фонъ-Зиккингенъ, предводитель возстанія германскаго имперскаго рыцарства въ 1522—23 гг., былъ наполовину средневѣковымъ рыцаремъ, наполовину кондотьеромъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи Германія выдвинула и настоящаго кондотьера, одного изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи, въ лицѣ знаменитаго героя тридцатилѣтней войны Валленштейна, образовавшаго изъ самаго разнообразнаго сброда громадную для того времени армію. Ниже, изъ исторіи возникновенія постоянной арміи во Франціи мы увидимъ, что и въ этой странѣ кондотьерство играло немалую роль.

---

[1]) Тамъ же, стр. 228.

Наемныя войка, состоявшія нерѣдко изъ иностранцевъ и во всякомъ случаѣ изъ людей, не связаннымъ никакими узами съ мѣстнымъ населеніемъ, изъ людей, искавшихъ личной выгоды, не одушевленныхъ никакими высшими чувствами или принципами, были въ глазахъ государей, стремившихся къ абсолютизму, гораздо болѣе желательною организацiей военной силы, чѣмъ прежнія феодальныя и коммунальныя ополченія съ ихъ чисто мѣстнымъ патріотизмомъ, съ ихъ технической, притомъ, отсталостью и т. п. Наемники были особенно превосходнымъ орудіемъ въ рукахъ власти въ ея борьбѣ съ тѣми, кого она считала своими внутренними врагами, съ кондотьерствомъ же власть могла мириться только какъ съ неизбѣжнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ зломъ, ибо предводители наемныхъ войскъ нерѣдко обнаруживали слишкомъ, большое, а иногда и прямо опасное своекорыстіе. Исторія Италии знаетъ случаи, когда кондотьеры двухъ враждебныхъ государствъ входили между собою въ сдѣлку во вредъ тѣмъ, у кого нанимались на службу, или когда кондотьеръ дѣлался тираномъ, въ греческомъ смыслѣ слова [1]). Точно также честолюбіе Валленштейна по мѣрѣ его военныхъ успѣховъ приняло такіе размѣры, что не на шутку встревожило императора, у котораго этотъ полководецъ со своею наемною арміей находился на службѣ, и только трагедія, разыгравшаяся въ Эгерѣ въ 1634 г., (убіеніе Валленштейна заговорщиками) положила конецъ тревогѣ императора. Частныя наемныя войска имѣли и то неудобство, что они отличались насильническими и грабительскими наклонностями по отношенію къ мирному населенію того же самаго государства, главѣ котораго служили за деньги. Избѣжать неудобствъ, связанныхъ съ кондотьерствомъ, можно было только путемъ найма солдатъ непосредственно самимъ государствомъ безъ кондотьерскаго посредничества, т.-е. образованія государственныхъ постоянныхъ армій, хотя бы созданныхъ, въ сущности, по образцу кондотьерскихъ войскъ. Настоящая абсолютная монархія въ принципѣ не должна была мириться съ существованіемъ въ странѣ независимыхъ отъ власти военныхъ организацій, но и она вынуждалась иногда прибѣгать къ мелкому кондотьерству даже въ такія времена, когда уже существовали постоянныя арміи: въ военное время войска нерѣдко не хватало, и тогда приходи-

[1]) Ср. выше, стр. 47.

лось прибѣгать къ частному предпринимательству, какъ къ необходимому вспомогательному средству.

Въ исторіи военной организаціи западно-европейскихъ государствъ переходъ отъ одной системы къ другой совершался постепенно, и новыя формы возникали въ то время, когда еще существовали старыя, которыя, въ свою очередь, не сразу исчезали при господствѣ новыхъ формъ и продолжали иногда еще играть нѣкоторую, хотя бы только второстепенную и чисто вспомогательную роль. Наемничество стало развиваться еще въ эпоху, когда господствующею формою была феодально-коммунальная организація, и кондотьерство не совсѣмъ изчезло въ тѣ времена, когда уже первенствующее значеніе принадлежало постояннымъ арміямъ. Говоря о послѣднихъ, мы прежде всего должны имѣть въ виду, что онѣ могли пополняться или такъ, какъ пополнялись кондотьерскія войска, т.-е. путемъ вербовки охотниковъ, или такъ, какъ пополнялись феодальныя дружины и коммунальныя милиціи или народныя ополченія, участіе въ которыхъ было прямо обязанностью извѣстныхъ категорій лицъ. Второй изъ этихъ двухъ способовъ образованія военной силы государства, принятый въ настоящее премя въ большей части европейскихъ государствъ, былъ вообще и болѣе древнимъ способомъ, но это еще не значитъ, чтобы именно онъ былъ положенъ въ основу новыхъ постоянныхъ войскъ. Военная служба въ королевской постоянной арміи на первыхъ порахъ не была отбываніемъ вассальной обязанности по отношенію къ сеньёру [1]) или повинности защищать сеньёрію, лежавшей на средневѣковыхъ крестьянахъ [2]), не была вообще чѣмъ-либо похожимъ на воинскую повинность: она была лишь родомъ добровольно заключеннаго съ государствомъ на извѣстныхъ условіяхъ договора найма, аналогичнаго съ тѣмъ, какой заключался съ любымъ кондотьеромъ. Въ данномъ случаѣ само государство становилось кондотьеромъ, какъ въ другихъ случаяхъ становилось промышленнымъ предпринимателемъ и купцомъ [3]). Воинская повинность этимъ самымъ какъ бы снималась съ тѣхъ, которые прежде обязаны были ее нести, и для защиты государства населеніе должно было только платить деньги, чтобы

---

[1]) Тамъ же, стр. 123.
[2]) Тамъ же, стр. 99.
[3]) См. ниже, въ гл. XIII.

правительство могло нанимать охотниковъ участвовать въ его войнахъ. Нѣчто подобное происходило всегда, когда вводилось военное наемничество, частный же примѣръ этого представляетъ собою замѣна личной военной службы англійскихъ бароновъ за полученные ими отъ короля феоды особымъ денежнымъ взносомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *скутагія* [1]).

Давая такую схему, въ которой этапами въ эволюціи военной организаціи являются сначала раннія народныя ополченія, потомъ феодальныя дружины и муниципальныя милиціи, за ними наемные кондотьерскіе отряды и лишь позднѣе постоянныя государственныя арміи, пополняющія на первыхъ порахъ охотниками (вербовка) и только впослѣдствіи людьми, обязанными идти въ военную службу, мы, конечно, не будемъ утверждать, чтобы эта послѣдовательность и строго, и однообразно проходилась военнымъ устройствомъ всѣхъ странъ. Во-первыхъ, уже было отмѣчено, что однѣ формы начинали входить въ употребленіе, когда другія, болѣе раннія, еще продолжали существовать, — и въ свою очередь не совсѣмъ сходили со сцены, когда появлялись и укрѣплялись въ жизни новыя формы. Въ связи съ этимъ стоитъ, во-вторыхъ, и то обстоятельство, что нерѣдко одновременно составъ войска по способу его пополненія оказывался довольно-таки пестрымъ. Въ-третьихъ, наконецъ, каждая отдѣльная страна въ развитіи своихъ военныхъ силъ шла своимъ собственнымъ путемъ, нѣсколько отличнымъ отъ путей, по которымъ шли другія страны, что зависѣло отъ массы различныхъ чисто мѣстныхъ условій.

Во Франціи начало постоянной арміи относятъ обыкновенно къ серединѣ XV в. и называютъ творцомъ ея Карла VII [2]), но въ дѣйствительности зародыши ея существовали еще раньше, такъ какъ уже въ XIV в. королевская власть восполняла недостатки феодально-муниципальной организаціи наймомъ въ военную службу дворянъ и простолюдиновъ не только изъ Франціи, но также и изъ чужихъ странъ. Начавшаяся въ серединѣ этого вѣка столѣтняя англо-французская война особенно заставляла королей Франціи хлопотать объ образованіи хорошаго войска и довольно-таки часто прибѣгать къ созыву всенародныхъ ополченій, какъ къ крайнему средству борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Главная забота правительства уже тогда

---

[1]) Тамъ же, стр. 158 и 161.

[2]) Ср. выше, стр. 61.

была направлена на то, чтобы всегда имѣть наготовѣ „отряды вооруженныхъ людей“ (compagnies de gens d'armes), и вотъ въ это-то время появляются во Франціи „капитаны“ такихъ „компаній“, поступающіе на королевскую службу со своими солдатами [1]). Правительство стремилось внести нѣкоторый порядокъ въ службу этихъ бандъ, организовать ихъ въ болѣе крупныя военныя единицы подъ общею командою, но это плохо удавалось, такъ какъ „компаніи“ предпочитали вести партизанскую войну на свой страхъ и въ собственныхъ интересахъ. Можно указать на цѣлый рядъ королевскихъ ордоннансовъ, стремившихся къ установленію въ такомъ хаотическомъ войскѣ опредѣленнаго порядка, извѣстной дисциплины и даже настоящей іерархіи болѣе важныхъ и менѣе важныхъ военныхъ начальствъ, т.-е. военныхъ чиновъ съ соотвѣтственными имъ должностями, но это тоже неособенно удавалось въ виду нежеланія разныхъ лейтенантовъ (lieutenants=намѣстники), коннетаблей, маршаловъ и т. п. повиноваться королевской волѣ. Введеніе въ военное дѣло въ XIV в. огнестрѣльнаго оружія и возникновеніе артиллерійскаго искусства, въ свою очередь, должны были произвести цѣлый переворотъ въ организаціи военныхъ силъ, а съ этимъ вмѣстѣ должны были произойти и соотвѣтственныя измѣненія въ сооруженіи крѣпостей: старые феодальные замки уже не могли играть прежней роли при существованіи осадной артиллеріи. Кое-какъ налаженная новая военная сила въ началѣ XV в. пришла, однако, въ полное разстройство, отразивъ на себѣ общую анархію, господствовавшую тогда въ странѣ: „капитаны“ разныхъ ранговъ вели себя, какъ независимые отъ своихъ начальниковъ военные вожди, а ихъ „компаніи“ занимались простымъ грабежемъ, тѣмъ болѣе, что казна очень плохо выплачивала жалованіе людямъ.

Лишь послѣ освобожденія территоріи Франціи отъ внѣшняго врага королевская власть получила возможность заняться организаціей своей военной силы. Карлъ VII и занялся этимъ дѣломъ, къ которому приступилъ на орлеанскихъ генеральныхъ штатахъ 1439 г., но которое завершилъ много позднѣе. Изъ всѣхъ капитановъ и солдатъ были отобраны лучшіе, а остальные отпущены на всѣ четыре стороны, и прежнія компаніи были реформированы, получивъ при этомъ названіе „com-

---

[1]) Это было также своего рода кондотьерство.

pagnies d'ordonnance", такъ какъ были приказаны (ordonnées) самимъ королемъ, а не составлены по произволу того или другого капитана. Для расквартированія солдатъ были назначены опредѣленные города, содержаться же эти солдаты должны были на счетъ провинцій, чѣмъ на ихъ жителей возлагалась постойная повинность, а на мѣстныя власти обязанность доставлять солдатамъ провіантъ (вскорѣ, впрочемъ, замѣненный денежнымъ жалованіемъ). Всякія нарушенія дисциплины стали послѣ этого строго наказываться, и начальники должны были отвѣчать за порядокъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Для содержанія новой регулярной арміи былъ введенъ спеціальный налогъ (taille des gens de guerre), что сдѣлало эту реформу не особенно популярною въ населеніи.

Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ эту древнѣйшую на Западѣ постоянную армію, какъ чисто національное войско. Въ ея составѣ были и отряды, состоявшіе сплошь изъ иностранцевъ, напр., изъ шотландцевъ или испанцевъ, изъ швейцарцевъ или нѣмцевъ,—черта, которая характеризуетъ французскую армію до самой революціи: не забудемъ, что послѣдними защитниками павшей 10 августа 1792 г. монархіи были швейцарцы. Первоначальное ядро этой постоянной арміи составляла конница, но около того же времени, когда она организовалась, въ сороковыхъ годахъ XV в., было положено начало и постоянной пѣхотѣ, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ. Въ организаціи пѣхоты было принято за основу начало обязательной военной повинности, которую должны были отбывать каждые пятьдесятъ дворовъ (feux), давая въ королевскую армію по одному „свободному стрѣлку" (franc-archer); при Карлѣ VII ихъ было только 8 тысячъ, имъ тоже платилось жалованье, а свободными они назывались потому, что освобождались отъ подушнаго налога. Организуя такимъ образомъ постоянную армію, Карлъ VII не отказывался отъ своего права созывать и феодальное ополченіе, но являвшіеся на королевскую службу сеньёры теперь тоже получали извѣстное денежное вознагражденіе. Передъ революціей французская армія все еще рѣзко дѣлилась на регулярные полки и провинціальныя милиціи.

Таково было начало постояннаго королевскаго войска во Франціи. Общеевропейскія войны, начавшіяся около 1500 г., заставили вообще всѣ большія государства того времени завести у себя регулярныя войска, хотя примѣръ Валленштейна

показываетъ, что еще въ XVII в. въ Германіи существовали условія, благопріятныя для кондотьерства. Примѣру крупныхъ государствъ стали подражать мелкія, и однимъ изъ слѣдствій тридцатилѣтней войны для Германіи было то, что и ея имперскіе князья обзавелись постоянными войсками. Развитіе княжескаго деспотизма въ Германіи, между прочимъ, привело къ тому, что во время сѣверо-американской войны за независимость нѣкоторые нѣмецкіе государи продавали цѣлые военные отряды Англіи, у которой не было достаточно своихъ военныхъ силъ для подавленія возстанія американскихъ колонистовъ. Германія даже сдѣлалась въ XVII—XVIII вв. типическою страною пополненія войсковыхъ частей посредствомъ вербовки, возведенной на степень своего рода искусства. Для этого существовали спеціалисты-офицеры, жившіе постоянно въ опредѣленныхъ пунктахъ или разъѣзжавшіе по странѣ, даже заглядывавшіе за ея границы и занимавшіеся улавливаніемъ въ войска охотниковъ, причемъ нерѣдко они прибѣгали къ спаиванію молодежи, къ обманамъ и т. п. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ княжествъ особенно большое вниманіе на образованіе крѣпкой постоянной арміи было обращено во второй половинѣ XVII в. въ Бранденбургѣ, превратившемся въ началѣ слѣдующаго столѣтія въ Прусское королевство [1]). Извѣстно, какую важную роль играла Пруссія въ европейской политикѣ при Фридрихѣ II: ея войско считалось образцовымъ, и при военныхъ реформахъ въ другихъ государствахъ многое дѣлалось въ видѣ простого подражанія прусскимъ порядкамъ, а между тѣмъ бо̀льшая половина арміи Фридриха II состояла изъ навербованныхъ солдатъ, и только меньшая часть—изъ рекрутъ, поставлявшихся населеніемъ. Одною изъ особенностей этой арміи было то, что въ ней охотно служило землевладѣльческое дворянство: это была почти обязательная служба, къ чему стремился во Франціи еще Ришелье, но чего ему достигнуть не удалось. То обстоятельство, однако, что и въ эпоху наибольшаго развитія системы вербовки солдатъ правительства не отказывались отъ пополненія арміи и рекрутами, обязательно поставлявшимися населеніемъ, указываетъ на недостаточность одной этой системы. Никогда, при какихъ бы то ни было порядкахъ, не забывалось изначальное воззрѣніе, въ силу котораго защита государства лежитъ на обязанности

---

[1]) См. выше, стр. 87.

подданныхъ, и было бы особенно странно, чтобы въ эпоху, когда правительства наиболѣе были склонны видѣть въ каждомъ подданномъ только служебную часть государства, они не стали бы обращаться къ населенію съ требованіемъ поставки солдатъ въ армію. Тѣмъ не менѣе система вербовки дожила до конца XVIII в., и только французская революція положила начало новой, конскрипціонной системѣ.

Этотъ краткій и по необходимости отрывочный очеркъ постоянныхъ армій на Западѣ въ эпоху абсолютныхъ монархій можно закончить указаніемъ на то, что уже Австрія при Іосифѣ II начала рѣшительно переходить къ новой системѣ.

Дѣло въ томъ, что въ монархіи Габсбурговъ неудовлетворительность старой военной организаціи сказалась во время войны за австрійское наслѣдство, когда, вмѣсто 140 т. солдатъ, числившихся по бумагамъ, въ наличности оказалось только 40 т., да и то очень плохого и по выучкѣ, и по дисциплинѣ, и по вооруженію. Въ промежутокъ времени между обѣими войнами, которыя велись Маріей Терезіей, были предприняты нѣкоторыя реформы; между прочимъ, поставка рекрутъ и провіанта была изъята изъ вѣдѣнія областныхъ чиновъ и отдана въ вѣдѣніе правительственныхъ чиновниковъ, но неудачный исходъ семилѣтней войны заставилъ Іосифа II, вскорѣ по ея окончаніи сдѣлавшагося соправителемъ матери, особенно приналечь на военную реформу—по прусскому образцу. При этомъ, однако, вербовка, до того времени, какъ и въ Пруссіи, особенно бывшая въ ходу, была замѣнена системою конскрипціонною, и наемные солдаты, бывшіе и въ Австріи часто чужеземцами, уступили мѣсто рекрутамъ, которыхъ поставляли въ армію мѣстные жители: къ каждому округу былъ приписанъ тотъ или другой полкъ, пополнявшійся новыми солдатами изъ населенія округа. Отъ несенія воинской повинности освобождались духовные, дворяне, чиновники, болѣе почетные бюргеры („honoratiores“), всѣ обладавшіе недвижимою собственностью и нужные въ земледѣліи и промышленности, наконецъ, евреи, для которыхъ военная служба считалась слишкомъ большою честью (съ нихъ за освобожденіе брались, однако, деньги), такъ что въ армію брались почти исключительно крестьяне, не бывшіе собственниками своихъ участковъ, дворянская челядь, чернорабочіе, поденщики, городская прислуга и мелкіе мѣщане.

Система наемныхъ войскъ и позднѣйшая система вер-

бовки, стоящая съ первою въ непосредственной связи, въ исторіи организаціи военныхъ силъ на Западѣ Европы, имѣютъ болѣе или менѣе эпизодическій характеръ и представляютъ собою слишкомъ, правда, долго затянувшійся моментъ перехода отъ системы тѣснаго соединенія отбыванія воинской повинности съ землевладѣніемъ къ системѣ отбыванія этой повинности, какъ личной обязанности подданныхъ по отношенію къ своему отечеству. Введеніе рекрутскихъ наборовъ было первымъ приступомъ къ той реформѣ, завершеніемъ которой была прусская всеобщая воинская повинность начала XIX в. Одною изъ особенностей послѣдней было то, что къ отбыванію повинности были привлечены всѣ классы населенія, тогда какъ прежніе рекрутскіе наборы распространялись только на простонародную массу, а привилегированные отъ обязательнаго несенія воинской обязанности освобождались. Дворянинъ могъ служить и неслужить, ибо феодальное землевладѣніе, сохранивъ многія изъ своихъ правъ, мало-по-малу освободилось отъ главной своей обязанности отбывать военную службу государству. Въ военной организаціи временъ абсолютизма дворянство удержало за собою только привилегію въ видѣ исключительнаго или преимущественнаго права на занятіе офицерскихъ мѣстъ, что придавало тогдашнимъ арміямъ аристократическій характеръ. Дворянство фактически вообще долго еще оставалось военнымъ сословіемъ по преимуществу, и далеко не сразу даже исчезло его феодальное право содержать частныя дружины, какъ мы это видимъ, напр., во Франціи въ эпоху столѣтней войны съ англичанами, такъ что и монополія государства содержать войско установилась тоже не сразу. И до тѣхъ поръ, пока эта монополія не утвердилась окончательно, королевская власть не могла считаться вполнѣ абсолютной.

Одною изъ функцій постоянныхъ армій было поддержаніе внутренняго порядка. Необходимость такого органа государственнаго воздѣйствія на общество вытекала изъ того состоянія чисто феодальной анархіи, въ какое по временамъ впадали отдѣльныя страны въ періоды внутреннихъ смутъ. Образованіе постоянныхъ вооруженныхъ силъ для службы государству вообще сыграло большую роль въ исторіи борьбы государственности новаго времени съ средневѣковымъ феодализмомъ, но тѣ же вооруженныя силы были и орудіемъ королевской власти въ борьбѣ съ оппозиціей, которая проявлялась

въ обществѣ. Нѣкоторые факты такого рода были уже приведены выше, и намъ будетъ понятно, почему главный вдохновитель абсолютистическихъ стремленій Карла I Стюарта, графъ Страффордъ, придавалъ такое важное значеніе образованію въ Англіи большой королевской арміи [1]). Столь же понятно также и то, почему долгій парламентъ настаивалъ на ограниченіи королевскихъ правъ по отношенію къ вооруженнымъ силамъ, и почему въ знаменитой деклараціи 1689 г. послѣ второй англійской революціи было признано незакономѣрнымъ „собираніе и содержаніе арміи въ королевствѣ безъ согласія парламента" [2]).

По мѣрѣ того, какъ совершался ростъ постоянныхъ армій, добываніе средствъ для ихъ содержанія все больше и больше дѣлалось предметомъ особыхъ правительственныхъ заботъ. Въ эпоху тридцатилѣтней войны и первой англійской революціи пятидесятитысячныя арміи Валленштейна и Кромвеля считались уже очень крупными, а вскорѣ во Франціи Людовика XIV вооруженныя силы выросли до 450 тысячъ. Содержаніе постоянныхъ армій требовало отъ правительствъ вообще немало заботъ и хлопотъ, которыя на первыхъ порахъ нерѣдко раздѣлялись съ нимъ мѣстными сословными сеймами, какъ это было, напр., въ XVII в. во владѣніяхъ Гогенцоллерновъ [3]) или въ XVIII в. въ Австріи [4]). Подобно тому, какъ и въ другихъ отрасляхъ управленія, такъ и въ дѣлѣ комплектованія и расквартированія, арміи, снабженія ея провіантомъ, аммуниціей и вооруженіемъ и т. п., можно прослѣдить постепенное развитіе бюрократической централизаціи съ выдѣленіемъ всѣхъ вопросовъ, касающихся комплектованія арміи, военнаго хозяйства и т. п., въ особое вѣдомство. Среди французскихъ государственныхъ секретарей, игравшихъ роль теперешнихъ министровъ [5]), были два, завѣдовавшіе сухопутными и морскими силами государства, именно „secrétaires d'état de la guerre" и „de la marine". Если военное командованіе въ провинціяхъ находилось въ рукахъ такъ называемыхъ „commandants en chef dans les pro-

---

[1]) См. выше, стр. 82.

[2]) Народно-правовое государство, стр. 67.

[3]) См. выше, стр. 87—88.

[4]) См. выше, стр. 162.

[5]) См. выше, стр. 125.

vinces“ [1]), что всѣ другія стороны военнаго быта, соприкасавшіяся съ гражданскимъ управленіемъ, состояли въ вѣдѣніи мѣстныхъ интендантовъ, которые были не только органами министра финансовъ (генеральнаго контролера), но и военнаго министра. Интендантъ наблюдалъ за исполненіемъ правилъ о вербовкѣ солдатъ и утверждалъ отдѣльныя обязательства, которыя подписывались поступавшими на службу, занимался наборомъ въ такъ называемыя провинціальныя милиціи, распоряжался матеріальною частью передвиженія войскъ (подводы, фуражъ, провіантъ) и ихъ расквартированіемъ, ловилъ дезертировъ, обладалъ высшей полиціей и судебной юрисдикціей во всемъ, что касалось военныхъ госпиталей и пр. и пр. Большое развитіе военная администрація получила и въ Пруссіи, гдѣ тоже возникло своего рода особое военное министерство и гдѣ, бюрократическія палаты по войсковымъ дѣламъ имѣли немалое значеніе въ общей системѣ областного управленія [2]). Въ Австріи военное вѣдомство тоже было обособлено, и напр., при Маріи-Терзіи находилось подъ высшимъ управленіемъ сначала ея супруга, а потомъ сына, Іосифа II.

Развитіе военнаго искусства въ эпоху почти безпрерывныхъ войскъ, какія велись въ XVI — XVIII в., тоже поглощало много средствъ и создавало немало заботъ и хлопотъ военнымъ министерствамъ абсолютной монархіи. Имена нѣкоторыхъ военныхъ организаторовъ перешли даже въ учебники, каковы, наприм., имя военнаго министра при Людовикѣ XIV Лувуа, при которомъ строятся первыя казармы, вводится однообразное обмундированіе отдѣльныхъ войсковыхъ частей и т. п., или инженера Вобана (въ то же царствованіе), прославившагося фортификаціонными работами. Начало обученія войскъ посредствомъ спеціальной муштровки тоже относится къ этой эпохѣ, достигши своего апогея въ Пруссіи XVIII в., короли которой были особыми любителями военныхъ экзерцицій, смотровъ и парадовъ, механизировавшихъ, такъ сказать, всѣ движенія отдѣльныхъ солдатъ въ общемъ строю. Раньше военныя знанія пріобрѣтались путемъ опыта, но съ развитіемъ военнаго искусства, съ возникновеніемъ своего рода и теоретическаго отношенія къ воен-

---

[1]) См. выше, стр. 152.

[2]) См. выше, стр. 148.

ному дѣлу должна была почувствоваться потребность въ особыхъ военныхъ школахъ, какъ болѣе общаго, такъ и болѣе специальнаго характера (артиллерійскихъ, инженерныхъ). Развитіе военно-учебныхъ заведеній относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ XVII и къ XVIII столѣтіямъ. Однимъ изъ первыхъ государствъ, которое организовало у себя и низшее, и высшее военное образованіе, была Пруссія [1]).

Пруссія и въ другомъ еще отношеніи шла въ XVIII в. впереди другихъ современныхъ ей государствъ Запада. Обладая для своего времени самою благоустроенною арміею, прусское правительство не только ставило заботы объ арміи на первый планъ во всей своей системѣ управленія, но и всячески поощряло военную службу, окружая военное званіе разными преимуществами, выдвигая офицерство впередъ сравнительно съ гражданскими чиновниками. Оно заботилось еще и о томъ, чтобы духъ военной дисциплины, которымъ была проникнута вся армія отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ чиновъ, царствовалъ и въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ управленіе гражданскими дѣлами. Вышколенность прусской бюрократіи вошла въ поговорку и нерѣдко составляла предметъ зависти для другихъ правительствъ. Въ Австріи, наприм., чисто военную дисциплину прусскаго образца стремился ввести въ бюрократическія канцеляріи Іосифъ II, строгость котораго въ этомъ отношеніи создала немало недовольныхъ и въ чиновничьей средѣ.

Прусскіе военные порядки были, въ сущности, однако, только первымъ проявленіемъ того общаго милитаризма, которымъ сталъ такъ отличаться реакціонный абсолютизмъ XIX в., подъ вліяніемъ, конечно, и того образца для подражанія, какой представляла собою имперія Наполеона I. Съ паденіемъ въ обществѣ всякой активной оппозиціи прежній абсолютизмъ могъ чувствовать себя безопаснымъ, и у его представителей не могло быть того особаго отношенія къ арміи, которое характеризуетъ абсолютизмъ позднѣйшій, послѣ французской революціи. Необычайное расположеніе прусскихъ государей къ солдатчинѣ, къ казармамъ и плацъ-парадамъ находитъ свое объясненіе и въ особомъ значеніи, какое имѣла

---

[1]) Основаніе Великимъ Курфюрстомъ первой кадетской школы въ 1653 г., устройство Фридрихомъ II военной академіи въ Берлинѣ и т. п.

армія для Пруссіи въ ея международной политикѣ, но, напр., французскіе короли не были повинны въ такомъ милитаризмѣ. Событія французской революціи самымъ нагляднымъ образомъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что монархія Бурбоновъ неособенно заботилась о превращеніи арміи въ спеціальную опору трона [1]). Главное, это—то, что при общемъ положеніи вещей власть не могла ощущать никакой надобности въ ухаживаніи за военною силою. Постоянныя арміи абсолютной монархіи на Западѣ не вмѣшивались въ политику, и вся исторія этой эпохи не знала ничего подобнаго возведенію на престолъ новыхъ государей военными бунтами въ родѣ тѣхъ, какіе происходили въ древней Римской [2]) или средневѣковой Византійской имперіи, или тѣмъ русскимъ государственнымъ переворотамъ XVIII в., въ которыхъ такую роль играла дворянская гвардія, какъ не знала и военныхъ революцій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили потомъ въ двадцатыхъ годахъ XIX в. [3]). До 1789 г. старый порядокъ чувствовалъ себя прочнымъ, армія считалась нужною для защиты главнымъ образомъ отъ враговъ внѣшнихъ, опаснаго врага внутренняго ни откуда не предвидѣлось [4]), и власть не имѣла особой нужды принимать милитаристическія формы. Революція и Наполеонъ дали позднѣйшему абсолютизму въ этомъ отношеніи другое направленіе.

---

[1]) См. на этотъ счетъ интересныя соображенія въ книгѣ *Е. В. Тарле* „Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ“, гдѣ (т. I, стр. 158) особенно подчеркивается отсутствіе во Франціи 1789 г. болѣе тѣсной связи между династіей и арміей.

[2]) Монархіи, стр. 243 и слѣд.

[3]) Ср. „Народно-правовое государство“, стр. 253.

[4]) Извѣстно, что первая попытка опереться на военную силу сдѣлана была старой монархіей во Франціи только тогда, когда у нея уже не было, собственно говоря, арміи, успѣвшей разложиться подъ вліяніемъ, между прочимъ, того соціальнаго разлада между офицерами-дворянами и солдатами-простолюдинами, который проникъ и въ военную среду. Послѣ взятія Бастиліи дворъ возлагалъ главныя свои надежды на состоявшіе въ королевской службѣ иностранные полки. 10 авг. 1792 г. дворецъ защищался швейцарцами.

ГЛАВА XII.

Государственное хозяйство и финансы стараго порядка.

Предметъ настоящей главы. — Смѣшеніе хозяйственныхъ интересовъ короля и королевства въ эпоху абсолютной монархіи. — Аналогіи этого въ Римской имперіи и въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ. — Прекращеніе вотированія налоговъ государственными чинами и пережитки этого порядка. — Господство натуральнаго хозяйства въ феодальную эпоху. — Феодальные остатки въ государственномъ хозяйствѣ абсолютной монархіи и управленіе доменами.—Развитіе денежнаго хозяйства въ новое время.— Начало государственныхъ финансовъ и особаго вѣдомства для управленія ими. — Образованіе государственныхъ долговъ. — Отсутствіе правильныхъ бюджетовъ и канцелярская тайна финансоваго управленія. — Организація податного обложенія при старомъ порядкѣ.—Общій фискальный характеръ экономической политики въ эту эпоху. — Финансовый крахъ абсолютной монархіи во Франціи.

Бюрократизація управленія государствомъ, возникновеніе и увеличеніе постоянныхъ армій, частыя и продолжительныя войны, развитіе блеска и роскоши придворной жизни, всѣ эти явленія, разсмотрѣнныя въ предыдущихъ главахъ, требовали большихъ денежныхъ расходовъ, что, въ свою очередь, усложнило задачи государственнаго хозяйства. Не входя въ техническія подробности, мы остановимся здѣсь на главныхъ чертахъ, характеризующихъ веденіе государственнаго хозяйства въ эпоху абсолютной монархіи. Особенностями этими слѣдуетъ считать, во-первыхъ, смѣшеніе хозяйственныхъ интересовъ короля и королевства, во-вторыхъ, устраненіе общественныхъ силъ отъ вотированія налоговъ и отъ контроля за государственными расходами, въ-третьихъ, проникновеніе въ финансовое управленіе формъ денежнаго хозяйства, развивавшихся въ частныхъ предпріятіяхъ эпохи, и въ-четвертыхъ, общій фискальный характеръ всей экономической политики абсолютной монархіи. Отъ послѣдней черты—прямой переходъ къ вопросу объ отношеніи абсолютныхъ правительствъ къ экономической жизни общества въ эпоху развитія абсолютизма, чему посвящена слѣдующая глава.

Одною изъ основныхъ чертъ абсолютизма, какъ мы не разъ уже видѣли, было полное подчиненіе всей народной жизни тому, что королевская власть считала своимъ правомъ и своимъ интересомъ, отожествляя ихъ съ правомъ и интересомъ самого государства, единственнымъ судьею которыхъ былъ притомъ опять-таки только самъ монархъ. Эта особенность абсолютизма, конечно, не могла благопріятствовать строгому разграниченію между частнымъ хозяйствомъ короля и государственнымъ хозяйствомъ его королевства. Уже Аристотель, различая разные виды царской власти у народовъ древности, говоритъ, между прочимъ, о такой политической формѣ, при которой „власть царя соотвѣтствуетъ власти домохозяина". „Какъ хозяинъ въ домѣ,—поясняетъ онъ свою мысль,—есть какъ бы нѣкоторый царь въ немъ, такъ и царь является здѣсь какъ бы хозяиномъ государства" [1]). Эта черта и характеризуетъ у Аристотеля азіатскія деспотіи въ отличіе отъ эллинскихъ монархій. Первыя онъ потому считалъ въ своей классификаціи близкими къ тиранніи, ибо въ нихъ частный интересъ носителя верховной власти неизбѣжно долженъ былъ получить самодовлѣющій характеръ. Въ древности понятіе государственнаго, политическаго, публичнаго было выработано лишь греческими политіями и Римскою республикою, но, съ переходомъ Рима въ имперію, и въ греко-римскій міръ сталъ проникать восточный взглядъ на власть, какъ на нѣчто самодовлѣющее и стоящее надъ государствомъ, подобное власти домохозяина надъ его семьею и его имуществомъ. Развитіе западно-европейскаго абсолютизма шло въ томъ же направленіи: неограниченность королевской власти распространилась на все достояніе государства и притомъ иногда не только на то, что заключалось въ государственной казнѣ, но и на то, что лежало въ карманахъ подданныхъ [2]). Къ кругу той же категоріи идей относится и извѣстное изреченіе основателя экономической школы физіократовъ, Кенэ: „бѣдны крестьяне— бѣдно королевство; бѣдно королевство—бѣденъ король", хотя въ этихъ словахъ была одна новая для того времени мысль— о зависимости богатства королевства и короля отъ народнаго благосостоянія, новая, если мы вспомнимъ совѣтъ Ришелье

---

[1]) Монархія, стр. 377.

[2]) См. объ этомъ въ гл. XVIII.

не допускать благосостоянія народа, дабы онъ не выходилъ изъ надлежащихъ рамокъ покорности передъ властями.

Западно-европейской абсолютной монархіи тѣмъ легче было становиться на „домохозяйственную“ точку зрѣнія, что въ основѣ абсолютной королевской власти лежала власть чисто феодальнаго характера, а феодализмъ вѣдь и характеризуется смѣшеніемъ публичныхъ и частичныхъ отношеній и понятій [1]). Но и независимо отъ этого, самъ по себѣ абсолютизмъ носитъ въ себѣ тенденцію къ подчиненію государственнаго начала „вотчинному“, что особенно хорошо наблюдается на исторіи государственнаго хозяйства въ самой Римской имперіи.

Во времена республики государственное хозяйство Рима имѣло, конечно,—употребляя терминъ Аристотеля,—политическій характеръ. Оно сохраняло его и въ первыя времена имперіи, хотя въ эту эпоху имперскіе финансы раздѣлялись между двумя различными казнами, республиканскимъ эраріемъ, оставшимся въ завѣдованіи сената, и императорскимъ фискомъ, бывшимъ казною самого принцепса [2]). Съ понятіемъ фиска находится въ тѣснѣйшей связи и понятіе императорскаго патримонія, состоявшаго изъ громадной поземельной собственности въ Италіи и въ провинціяхъ [3]). Собственно говоря, фискъ и патримоній различались между собою, какъ государственная собственность, — только находившаяся въ управленіи императора,—и какъ частная его собственность, но съ теченіемъ времени между фискомъ и патримоніемъ дѣлалось все меньше и меньше различія, пока порядокъ управленія патримоніальными землями не подчинилъ себѣ порядокъ управленія и фискальными имуществами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та часть государственной собственности, которая оставлена была съ завѣдованіи сената, не слилась съ императорскимъ фискомъ, получившимъ чисто патримоніальный характеръ [4]). Другими словами, въ послѣднія времена Римской имперіи совсѣмъ стерлось на практикѣ прежнее различіе между частною собственностью главы государства, патримоніемъ, съ одной стороны, и собственностью самого государства, каковою

[1]) Помѣстье и государство, гл. V.

[2]) Монархіи, стр. 224.

[3]) Тамъ же, стр. 259.

[4]) Тамъ же, стр. 320—321.

были одинаково и эрарій, и фискъ. Все слилось воедино, эрарій превратился въ фискъ, а фискъ принялъ характеръ патримонія, т.-е. вся императорская собственность какъ бы сдѣлалась лишь частнымъ достояніемъ императора. Если подобная эволюція совершилась въ Римской имперіи, которая сначала, какъ-никакъ, все-таки знала, что собственность государства и собственность государя не одно и то же, тѣмъ понятнѣе должно быть для насъ неразличеніе этихъ двухъ понятій при полномъ развитіи западно-европейскаго абсолютизма, такъ какъ неограниченные государи XVI—XVIII вв. были наслѣдниками королей феодальной эпохи, характеризующейся, какъ сказано было выше, смѣшеніемъ частно-правовыхъ („домохозяйственныхъ") и публичныхъ отношеній и понятій.

Извѣстно, именно, что германскіе вожди, сдѣлавшіеся королями варварскихъ государствъ въ бывшихъ провинціяхъ Римской имперіи, обратили въ свою частную собственность всѣ фискальныя земли, какія нашли въ занятыхъ ими провинціяхъ. Имъ уже и совсѣмъ трудно было различать между государственными и домохозяйственными отношеніями, что между прочимъ выразилось и въ неотдѣленности чисто государственнаго управленія отъ управленія дворцоваго [1]). Феодализація государства, когда самъ король становился лишь однимъ изъ сеньёровъ, старшимъ среди другихъ подобныхъ же сеньёровъ, конечно, должна была только содѣйствовать еще большему неразличенію между государственнымъ и вотчиннымъ, и слово *доменъ* стало мало-по-малу пріобрѣтать двоякій смыслъ, т.-е. употребляться для обозначенія и королевскихъ помѣстій, и территоріи, на которую непосредственно распространялась политическая власть короля. Конечно, въ теоріи мы должны для этой эпохи различать въ доходахъ короля нѣкоторую часть, поступавшую въ его пользу, какъ помѣщика, и другую часть, получавшуюся имъ, какъ государемъ, но это различеніе могло получить практическое значеніе только съ возникновеніемъ сословно-представительныхъ учрежденій, которыя стояли по отношенію къ королевскимъ доходамъ на точкѣ зрѣнія, пользуясь терминомъ Аристотеля, политической, а не домохозяйственной [2]). Эти государственные сеймы вотировали субсидіи и стремились контролировать ихъ употребленіе на государственныя

[1]) См. выше, стр. 106.

[2]) Помѣстье—государство, стр. 201 и слѣд.

нужды, но съ превращеніемъ сословной монархіи въ абсолютную всѣ подобныя собранія чиновъ или совсѣмъ прекратились, или потеряли всякое свое значеніе, и передъ королевскою властью открывалось широкое поле для совершенно произвольнаго, домохозяйственнаго завѣдованія всѣми средствами, поступавшими въ казну на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Государственная казна и частное достояніе короля какъ-бы сливались въ одно цѣлое.

Выше, въ разныхъ мѣстахъ уже не разъ приходилось указывать, когда и гдѣ вотированіе налоговъ, представителями сословій или совсѣмъ прекратилось, или превратилось въ простую формальность безъ всякаго реальнаго значенія [1]). Мы знаемъ, напр., что во Франціи въ серединѣ XV в. установился постоянный налогъ, независимый отъ генеральныхъ штатовъ, что въ теченіе XVII и XVIII вв. (1614—1789) самые штаты не созывались, и что лишь въ немногихъ провинціяхъ (pays d'états) существовали, въ видѣ пережитка изъ прежнихъ временъ, мѣстныя собранія чиновъ, вотировавшія такъ называемый добровольный даръ, на самомъ дѣлѣ, бывшій далеко недобровольнымъ. Мѣстные штаты были и въ другихъ государствахъ тоже съ правомъ вотированія налоговъ, но съ такимъ же призрачнымъ, какъ и во Франціи, имѣвшимъ совершенно такой же характеръ пережитка. И въ финансовой сферѣ, какъ и въ другихъ, устанавливались вездѣ бюрократическіе порядки; можно даже сказать, что именно нужды управленія финансами опредѣляли собою иногда и самое устройство администраціи. Въ Пруссіи XVIII в. однимъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій была генеральная директорія *финансовъ*, военныхъ дѣлъ и доменовъ [2]), во Франціи областными правителями были интенданты юстиціи, полиціи и *финансовъ* [3]) и т. п. Сами интендантскіе округа, такъ называемыя генеральства, образовались первоначально, какъ чисто финансовые округа, изъ соединенія болѣе мелкихъ податныхъ округовъ (élections), и интенданты замѣнили въ нихъ болѣе раннія финансовыя присутствія [4]). Понятно, что при абсолютизмѣ и бюрократизмѣ, и рѣчи быть не могло о какомъ бы

---

[1]) См. выше, стр. 55, 58, 61, 80, 159 и др.

[2]) См. выше, стр. 148.

[3]) См. выше, стр. 154.

[4]) См. выше, стр. 153 и 158 (примѣч.).

то ни было независимомъ контролѣ государственныхъ финансовъ [1]).

Переходимъ ко второй изъ отмѣченныхъ выше чертъ государственнаго хозяйства западно-европейской абсолютной монархіи.

Абсолютизмъ устанавливался на Западѣ, въ эпоху усиленнаго, такъ сказать, перехода отъ средневѣкового натуральнаго хозяйства къ денежному хозяйству новаго времени, перехода, какъ извѣстно, вообще играющаго большую роль въ исторіи соціальныхъ отношеній и политическихъ учрежденій [2]). Самое установленіе абсолютной монархіи было бы немыслимо при господствѣ натуральнаго хозяйства, которое замыкаетъ всю общественную жизнь въ рамки мелкихъ мѣстныхъ организацій, какими на самомъ дѣлѣ и были феодальныя сеньеріи. Политическая интеграція идетъ всегда рука объ руку съ интеграціей экономической, то опережая ее, то отъ нея отставая, но въ общемъ испытывая на себѣ ея вліяніе и сама на нее вліяя. Экономическая интеграція, т.-е. образованіе, путемъ обмѣна, или торговли, связи между отдѣльными, первоначально замкнутыми хозяйственными округами (отдѣльными деревенскими общинами, помѣстьями, городами) не можетъ совершаться безъ внѣдренія въ прежнія отношенія денегъ, какъ орудія обмѣна, а безъ этой экономической интеграціи была бы немыслима и та степень интеграціи политической,

---

[1]) Ср. интересныя замѣчанія о финансовомъ контролѣ въ абсолютныхъ монархіяхъ вообще и въ частности въ старой французской монархіи, сдѣланныя *Besson*'омъ въ его книгѣ „Le contrôle des budgets en France et à l'étranger“ (2 изд., 1901 г.), стр. 10—11. Общій смыслъ ихъ тотъ, что, будучи чисто административнымъ, контроль финансовъ при старой монархіи, лишенный всякой независимости и гласности, оказывался совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями администраціи, тѣмъ болѣе, что сама же контролирующая власть слишкомъ часто подавала дурной примѣръ всякихъ правонарушеній. См. тамъ же исторію счетной палаты во Франціи (chambre de comptes, выдѣлившейся вмѣстѣ съ парламентомъ изъ королевской куріи и бывшей одною изъ cours souveraines; ср. „Западно-европейскую абсолютную монархію“, стр. 130—131), равно какъ централизаціи управленія финансами и т. д.

[2]) Ср. Государство-городъ, гл. VI. — Монархіи, гл. IV. — Помѣстье-государство, гл. XV.

[3]) Ср. Монархіи, стр. 39.

на которой происходитъ концентрація власти въ рукахъ одного лица, устанавливается административная централизація и возникаетъ болѣе или менѣе сложное государственное хозяйство. Съ другой стороны, само это хозяйство не можетъ не испытывать на себѣ вліяніе перемѣнъ, происходящихъ въ хозяйствѣ народномъ, въ свою очередь, конечно, оказывая на него давленіе и тѣмъ самымъ вызывая въ немъ разныя перемѣны. Прослѣживая финансовую исторію любого государства Запада отъ феодальныхъ временъ къ временамъ абсолютизма, мы всегда будемъ видѣть одно и то же—преобладаніе въ феодальныя времена чертъ натуральнаго хозяйства и развитіе въ эпоху абсолютной монархіи типичныхъ особенностей хозяйства денежнаго.

Доходы, получавшіеся средневѣковыми королями отъ хозяйства въ ихъ помѣстьяхъ, заключались въ продуктахъ земледѣлія и скотоводства, главнымъ образомъ въ зерновомъ хлѣбѣ и въ овечьей шерсти, отчасти въ кожѣ, которые короли, подобно другимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и духовнымъ сеньёрамъ и монастырямъ, сбывали купцамъ, уже и отвозившимъ хлѣбъ или шерсть туда, гдѣ въ нихъ была надобность. Все значеніе знаменитой ганзейской торговли было основано на скупкѣ у крупныхъ землевладѣльцевъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, дававшей королямъ, владѣтельнымъ князьямъ и феодальной знати возможность пріобрѣтать товары Востока. Кромѣ непосредственныхъ доманіальныхъ доходовъ, короли имѣли иногда въ своемъ распоряженіи большое количество зерна и шерсти, поступавшихъ къ нимъ въ видѣ подати, что наблюдается, наприм., въ Англіи. Для болѣе выгодной продажи достававшихся имъ продуктовъ короли не прочь были искусственно устранять своихъ конкуррентовъ въ этой торговлѣ путемъ запрещенія вывоза или хлѣба, или шерсти, или кожъ, но такого, конечно, запрещенія, которое для самихъ королей какъ бы совсѣмъ и не существовало. Подобныя торговыя операціи средневѣковыхъ государей доходили до того, что императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, обладавшій и королевствомъ въ южной Италіи, занимался вывозомъ своего хлѣба изъ Сициліи къ тѣмъ самымъ сарацинамъ, противъ которыхъ велись крестовые походы, и будучи даже самъ участникомъ одного изъ такихъ военныхъ предпріятій. Случалось, что государи не довольствовались продуктами собственныхъ имѣній, а кое-что прикупали для сбыта

на сторонѣ, а бывало и такъ, что при существованіи общаго запрещенія вывоза дѣлали частныя изъятія или для своихъ приближенныхъ, или для нѣкоторыхъ купцовъ, извлекая при этомъ извѣстный доходъ изъ прямой продажи подобныхъ „лицензій“ (дозволеній).

Въ исторіи никогда, по отношенію къ формамъ быта, въ широкомъ значеніи этого слова, мы не имѣемъ дѣла съ полной замѣною стараго новымъ. Въ постепенной эволюціи формъ въ новомъ сохраняются пережитки стараго, да и само новое лишь мало-по-малу вытѣсняетъ старое: потому съ постепеннымъ вживаніемъ новыхъ формъ въ прежнія отношенія мы всегда наблюдаемъ и переживаніе старыхъ формъ среди измѣнившихся отношеній [1]). Государственность лишь постепенно вживалась въ феодальное общество, сама, однако, воспринимая феодальные пережитки. Отсюда — одновременное существованіе формъ, характеризующихъ разныя ступени общественнаго развитія. Феодальные пережитки въ абсолютной монархіи существовали не только въ ея политическихъ отношеніяхъ и понятіяхъ, но и въ ея государственномъ хозяйствѣ. Чѣмъ болѣе отсталою представляется намъ въ экономическомъ отношеніи та или другая страна, тѣмъ бо̀льшую роль въ ея государственномъ хозяйствѣ играютъ королевскія имѣнія (домены) эксплуатируемыя тѣми же способами, какіе существовали въ данной странѣ для эксплуатаціи и частныхъ помѣстій, хотя, конечно, и въ этомъ случаѣ, устанавливались свои бюрократическія учрежденія, завѣдовавшія доменами. Такъ, наприм., мы уже не разъ встрѣчались въ этой книгѣ съ прусскими центральнымъ управленіемъ доменами и соотвѣтственными провинціальными палатами [2]). Въ общемъ, однако, государственное хозяйство новаго времени не могло держаться на однихъ доманіальныхъ доходахъ, и съ ростомъ государственныхъ расходовъ все болѣе и болѣе должны были возрастать взимавшіеся государствомъ съ населенія налоги, тяжесть которыхъ давала себя чувствовать иногда даже въ средніе вѣка [3]).

---

[1]) Это общее положеніе можно было бы подтвердить многими примѣрами въ этой же книгѣ, въ родѣ, напр., того, что говорится на стр. 182—183 о военномъ устройствѣ.

[2]) См. выше, стр. 148.

[3]) Ср. о фискальности французской монархіи еще въ XIV в. на стр. 231—232 книги „Помѣстье-государство“.

Исторія возникновенія и развитія денежнаго хозяйства въ Западной Европѣ съ конца среднихъ вѣковъ—такая обширная и сложная тема, что самою этою обширностью и сложностью мы, за недостаткомъ мѣста, вынуждены ея коснуться лишь настолько, насколько это необходимо для общей, равнымъ образомъ не могущей быть детальною, характеристики разсматриваемой стороны государственнаго хозяйства абсолютной монархіи [2]).

Мѣстами возникновенія и центрами распространенія денежнаго хозяйства въ концѣ среднихъ вѣковъ на Западѣ,— какъ, впрочемъ, это было всегда и вездѣ,— были города со своими торговлею и промышленностью, которымъ и сами города были обязаны какъ экономическимъ развитіемъ, такъ и политическою ролью. Извѣстно, что обладателями первыхъ крупныхъ денежныхъ капиталовъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ были купцы, ведшіе иностранную торговлю, и уже о XVI вѣкѣ можно сказать, что онъ былъ такою же эпохою роста коммерческаго капитализма, какою для капитализма индустріальнаго сдѣлалось прошлое столѣтіе. Предметомъ торговли сдѣлались въ эту эпоху и самыя деньги, понимая подъ торговлею деньгами разныя денежныя операціи банкирскаго и биржевого характера. Родиной банкирскаго дѣла была еще средневѣковая Италія, а въ XVI в. мы встрѣчаемся съ его развитіемъ и въ другихъ странахъ Западной Европы, гдѣ, кромѣ того, въ это время началось процвѣтаніе биржъ, наприм., въ Ліонѣ и въ Антверпенѣ первой половины столѣтія, въ Генуѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ къ его исходу. На торговыхъ и денежныхъ операціяхъ уже въ концѣ среднихъ вѣковъ стали выростать громадныя состоянія, наприм., фамиліи Медичи во Флоренціи въ XIV в., знаменитаго французскаго богача-купца Жака Кёра въ XV в., аугсбургскаго торговаго дома Фуггеровъ въ XVI столѣтіи.

Государственное хозяйство начинавшихъ дѣлаться абсолютными королей не могло не испытать на себѣ вліянія общей экономической эволюціи. Государямъ съ конца XV в.,

---

[2]) См. Исторію Западной Европы, т. I, гл. XIX и дополнительную (XVIa) главу II тома, помѣщаемую въ названной книгѣ, начиная со 2-го изданія. Впрочемъ, въ слѣдующей главѣ настоящей книги, тоже сообщаются нѣкоторыя, наиболѣе общія свѣдѣнія изъ экономической исторіи Западной Европы.

когда начались крупныя международныя войны [1]), нужны большія денежныя средства. Средневѣковыя войны велись, если можно такъ выразиться, средствами натуральнаго хозяйства, ибо королевскія войска состояли изъ феодальныхъ дружинъ, снаряжавшихся и содержавшихся на счетъ феодальныхъ помѣстій, но образованіе наемническихъ отрядовъ [2]) уже требовало со стороны королей крупныхъ денежныхъ расходовъ. Все старое государственное хозяйство натуральнаго типа должно было начать перестраиваться по денежному типу, и государи не только не могли не взять за образецъ для подражанія въ устройствѣ своихъ финансовъ то, какъ вели свои денежныя дѣла крупные коммерсанты, банкиры и цари биржи, но иногда даже прямо призывали подобнаго рода дѣльцовъ къ себѣ на службу для завѣдованія финансовою частью. Лишь съ теченіемъ времени государи переняли у банкировъ способъ составлять большія суммы изъ малыхъ взносовъ путемъ публичной подписки на займы, какъ не сразу же переняли у кондотьеровъ способъ составленія армій путемъ вербовки [3]) Вообще, конечно, веденіе государственнаго хозяйства оказалось дѣломъ куда болѣе сложнымъ и труднымъ, чѣмъ веденіе торговыхъ и денежныхъ операцій, но, какъ-никакъ, это хозяйство все же складывалось во многихъ отношеніяхъ по тѣмъ образцамъ, какіе представляли собою частныя предпріятія коммерческаго и банкирскаго капитализма. Понятно, что для веденія государственнаго хозяйства возникали и спеціальныя вѣдомства въ общей системѣ управленія государствомъ.

Образованіе крупныхъ частныхъ капиталовъ и въ другихъ отношеніяхъ оказало свое вліяніе на финансовую исторію абсолютной монархіи. Только-что было упомянуто о началѣ, съ конца XV в., большихъ международныхъ войнъ, которыя велись большими наемными арміями. Обычныхъ матеріальныхъ средствъ, какими располагали тогдашнія правительства, далеко не хватало для крупныхъ военныхъ предпріятій, въ которыя пускались государи разсматриваемой эпохи, и потому они охотно прибѣгали къ займамъ у богатыхъ коммерческихъ и банкирскихъ фирмъ, платя имъ громадные проценты и давая имъ разныя монопо-

---

[1]) См. выше, стр. 66 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 180 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 181—182.

ліи и концессіи, еще болѣе обогащавшія эти фирмы. Въ XVI в. Фуггеры, ссужавшіе Габсбурговъ значительными суммами, прямо оказывали вліяніе на ходъ международной политики эпохи. Безъ денежной помощи Фуггеровъ Максимиліанъ I совсѣмъ не могъ бы вмѣшаться въ итальянскія войны [1]), а его внукъ Карлъ V могъ бы быть и не выбраннымъ въ императоры [2]), какъ могъ бы быть не выбраннымъ „римскимъ королемъ" (заранѣе предназначеннымъ преемникомъ императора) его братъ Фердинандъ I. Войны обоихъ этихъ Габсбурговъ съ Франціей, съ турками и съ нѣмецкими протестантами [3]), равнымъ образомъ велись на деньги, бравшіяся въ долгъ у Фуггеровъ, и нѣкоторыя перипетіи міровой политики Карла V объясняются тѣмъ, насколько щедръ или скупъ былъ по отношенію къ нему въ тотъ или другой моментъ этотъ знаменитый банкирскій домъ. Сынъ Карла V, Филиппъ II, тоже пользовался денежными ссудами Фуггеровъ. Вообще крайне неумѣло ведя свое государственное хозяйство, занимая деньги на очень невыгодныхъ для себя условіяхъ, тратя громадныя суммы на войны и на придворную роскошь, короли нерѣдко оказывались настоящими банкротами. Наприм., въ одно царствованіе Филиппа II въ Испаніи три раза происходило государственное банкротство, отъ чего, между прочимъ, сильно потерпѣли и сами Фуггеры. Уже въ самомъ началѣ царствованія названнаго этого короля испанская королевская казна оказалась несостоятельною, чтобы платить по долговымъ обязательствамъ, и услужливые придворные теологи объявили, что всѣ заключенныя съ банкирами условія представляютъ собою не что иное, какъ противное божескому закону ростовщичество, и что поэтому король имѣетъ право отобрать у банкировъ ихъ незаконно добытое имущество. Филиппъ II такъ и поступилъ, взявъ назадъ всѣ уступленныя банкирамъ доходныя статьи и уже отданное имъ серебро (въ слиткахъ), замѣнивъ все это росписками, платежъ по которымъ долженъ былъ происходить изъ налоговъ будущаго времени, а при реализаціи эти росписки не стоили и половины своей номинальной цѣны. Около того же времени произошло банкротство и французскаго короля Генриха II, которому также удалось при помощи большой финан-

---

[1]) См. выше, стр. 68—69.

[2]) См. выше, стр. 72.

[3]) См. выше, стр. 72 и слѣд.

совой операціи („le grand parti") собрать весьма крупную сумму для ведшейся въ то время (1552—1559) войны съ Габсбургами. За недостаткомъ денежныхъ средствъ обѣ стороны даже вынуждены были прекратить войну. Какъ бы то ни было, система государственныхъ займовъ,—благо, было у кого занимать деньги,—вошла въ обычай, и абсолютная монархія широко пользовалась этимъ средствомъ, притомъ большею частью на совершенно непроизводительные расходы.

Возможность имѣть въ своемъ распоряженіи большія деньги посредствомъ займовъ получила для королей и важное еще политическое значеніе. Занимая какъ бы лично значительныя суммы для своихъ нуждъ и предпріятій, они могли до извѣстной степени обходиться безъ новыхъ налоговъ и, слѣдовательно, не обращаться къ сословно-представительнымъ учрежденіямъ, вотировавшимъ субсидіи, хотя, съ другой стороны, необходимость расплачиваться по долгамъ приводила въ концѣ концовъ къ увеличенію податной тяготы народа. Кромѣ того, развитіе торговли и промышленности создало новые предметы обложенія въ пользу государства. Раньше главные доходы свои королевская казна получала съ земли и притомъ не только отъ доманіальнаго хозяйства, но и въ формѣ субсидій, дававшихся землевладѣльческими классами, съ развитіемъ же торговли и промышленности получилъ значеніе и новый источникъ обложенія—товары. Отсюда, какъ мы увидимъ, то покровительство коммерціи и индустріи, какимъ отличалось особенно государство XVII—XVIII вв. [1]). Здѣсь лишь отмѣтимъ, что правительства эпохи старались всячески вводить пошлины на товары и косвенные налоги на предметы потребленія, не прибѣгая къ содѣйствію сословно-представительныхъ учрежденій.

Превратившись въ самаго крупнаго предпринимателя въ странѣ, которому нужны были постоянно большія денежныя суммы для оплаты бюрократическаго управленія, для содержанія военной силы, для постройки крѣпостей, для заготовленія оружія, для войнъ и т. п., правительство, конечно, должно было сводить концы съ концами, чтобы держать въ равновѣсіи расходы съ доходами. Старая монархія, конечно, не могла не стремиться къ тому, чтобы правительству были всегда извѣстны средства, какими оно можетъ располагать

---

[1]) См. въ слѣд. главѣ.

для удовлетворенія своихъ нуждъ, но организовать эту часть управленія она оказывалась столь же безсильною, какъ и въ областяхъ законодательства и администраціи, въ которыхъ мы такъ часто наблюдаемъ отсутствіе единства, планомѣрности и порядка [1]). Одна исторія французскихъ финансовъ на протяженіи пяти вѣковъ старой монархіи (XIV—XVIII) могла бы доставить немало данныхъ для того, чтобы говорить о той анархіи, которая по временамъ возникала въ этой области [2]). Между тѣмъ уже съ начала XIV вѣка королевское правительство во Франціи было озабочено составленіемъ росписей доходовъ и расходовъ, а такіе министры, какъ Сюлли при Генрихѣ IV, Ришелье при Людовикѣ XIII, Кольберъ при Людовикѣ XIV, Тюрго и Неккеръ при Людовикѣ XVI, старались внести какъ можно больше точности, ясности и полноты въ такія росписи. Это не были бюджеты въ современномъ значеніи термина, т.-е. въ смыслѣ финансоваго закона, подлежащаго неуклонному исполненію и объявляемаго во всеобщее свѣдѣніе: это были лишь предположительныя смѣты [3]). „Даже при приближеніи революціи, говоритъ объ этихъ смѣтахъ знатокъ исторіи бюджета Бессонъ, онѣ отнюдь не имѣютъ силы закона, ни въ малѣйшей степени не стѣсняютъ иниціативы государя. Король былъ воленъ въ теченіе финансоваго года по личному желанію совершенно измѣнить весь строй плана, начертаннаго имъ самимъ. Единственно отъ него самого зависѣло снести тѣ хрупкія преграды, которыя его же подчиненный, генеральный контролеръ [4]), построилъ, на его глазахъ, для того, чтобы обезпечить его отъ жадности его приближенныхъ и оградить его отъ собственныхъ увлеченій. Поэтому не слѣдуетъ видѣть въ финансовыхъ обзорахъ старой монархіи что-либо иное, а не чисто факультативную программу для монарха, планъ поведенія, исполненіе котораго было предоставлено его дискреціонной власти“ [5]). Иначе и быть не могло при тогдашнемъ

---

[1]) См. выше, стр. 124 и слѣд. и 141 и слѣд.

[2]) Наприм., при послѣднихъ Валуа, т.-е. въ концѣ XVI в. или въ эпоху регентства, т.-е. въ началѣ XVIII в.

[3]) Les états de prévisions, какъ ихъ характеризуетъ *Besson* въ соч., названномъ выше (стр. 198).

[4]) Министръ финансовъ (см. выше, стр. 154).

[5]) *Besson*, стр. 197. Обходимъ молчаніемъ техническіе недостатки такихъ бюджетовъ. Главный изъ нихъ былъ тотъ, что это не былъ еди-

взглядѣ власти на свои права. Съ другой стороны, роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ отнюдь не подлежала опубликованію. Это былъ своего рода государственный секретъ, вообще одна изъ канцелярскихъ тайнъ финансоваго управленія. Извѣстно, какую сенсацію произвело во Франціи опубликованіе, въ 1781 г., Неккеромъ его финансоваго отчета (compte rendu). Этотъ министръ,—которому, какъ протестанту, не позволили титуловаться генералъ-контролеромъ, а только „директоромъ финансовъ", даже поплатился своимъ мѣстомъ за такой смѣлый шагъ: нація не должна была, наприм., знать, какія суммы поглощалъ королевскій дворъ. Впрочемъ, и въ этомъ знаменитомъ „compte rendu" Неккера не было всей правды о французскихъ финансахъ. Уже предшественникъ Неккера въ дѣлѣ финансовыхъ реформъ, Тюрго, совѣтовалъ Людовику XVI навсегда ничего болѣе не заносить въ такъ называемую „красную книгу", куда записывались разные неблаговидные расходы, но король подъ вліяніемъ окружающихъ на это не согласился, такъ что когда Неккеръ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія свой бюджетъ, кромѣ послѣдняго существовалъ еще другой бюджетъ, безусловно тайный, названная „красная книга", гдѣ отмѣчались многочисленные расходы, которые король изымалъ отъ контроля счетной палаты и вообще оберегалъ отъ какой-либо гласности. „Королевскій секретъ" существовалъ, значитъ, не въ одной только дипломатіи [1]).

Въ Австріи XVIII в. тоже, говоря словами новѣйшаго историка политической дѣятельности Іосифа II, „о правильномъ государственномъ хозяйствѣ не имѣли понятія; бюджетъ не былъ установленъ, и правительство жило изо дня въ день, занимая направо и налѣво изъ хронически ростовщическихъ процентовъ. Управленіе финансами не было приведено въ стройную систему, и центральныя и мѣстныя власти, коронныя и земскія учрежденія, сами не зная своей компетенціи,

---

ный, или универсальный бюджетъ, а комплексъ цѣлаго ряда спеціальныхъ бюджетовъ, плохо согласованныхъ между собою.

[1]) См. выше, стр. 142. Примѣру Неккера думалъ послѣдовать Іосифъ II, считая себя „управляющимъ общественными доходами, обязаннымъ отчетомъ каждому лицу, платящему подати", но на самомъ дѣлѣ, никакого отчета онъ не издалъ, а „общественными доходами" распоряжался такъ же произвольно, какъ и другіе современные ему государи.

правильно и несправедливо взимали неустановленные налоги безъ какого бы то ни было контроля, отъ чего прежде всего страдало населеніе, а потомъ и правительство... Бо́льшая часть косвенныхъ налоговъ отдавалась на откупъ, а тамъ, гдѣ хозяйничали акцизные чиновники, они своими требованіями и придирчивостью доводили подданныхъ до отчаянія“ [1]). По окончаніи семилѣтней войны Марія Терезія ввела въ управленіе финансами принципъ централизаціи, сосредоточивъ завѣдованіе государственными доходами и расходами въ „императорской придворной палатѣ“ (Kaiserliche Hof-Kammer), являющейся настоящимъ министерствомъ финансовъ и имѣвшей рядомъ съ собою для контроля расходовъ особую счетную палату (Kais. Hof-Rechnenkammer), въ провинціяхъ же органами министерства финансовъ были всеобъемлющія земскія правленія [2]). Только одна раскладка податей въ отдѣльныхъ провинціяхъ оставалась въ рукахъ мѣстныхъ чиновъ, хранившихъ государственные сборы въ своихъ казначействахъ, пока собранныя денежныя суммы не отправлялись въ Вѣну. Въ Вѣнѣ, по общему правилу, заранѣе опредѣлялось, какую „контрибуцію“ должна была заплатить каждая изъ наслѣдственныхъ земель Габсбургскаго дома, и ландтагамъ посылались соотвѣтственные „постулаты“ (Landtagspostulata, оттуда позднѣйшее названіе Postulatenlandtage) съ мотивировкою требованій такой или иной суммы денегъ. Ландтаги, какъ только-что сказано, сами занимались раскладкою податей между плательщиками; земскіе комитеты собирали деньги и хранили до отсылки въ Вѣну. Общая административная реформа Іосифа II [3]) передала эти функціи главному провинціальному бюрократическому учрежденію.

Конечно, мы не можемъ входить здѣсь въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе организаціи податного обложенія въ эпоху абсолютной монархіи, потому что въ каждой странѣ существовала своя организація, притомъ измѣнявшаяся во времени, не говоря уже о томъ, что вопросъ касается уже техники финансоваго дѣла, тогда какъ насъ здѣсь можетъ интересовать лишь принципіальная его сторона. Во-первыхъ, мы еще

---

[1]) *П. Митрофановъ.* Политическая дѣятельность Іосифа II, стр 359—360.

[2]) См. выше, стр. 164.

[3]) См. выше, стр. 163 и слѣд.

увидимъ, что абсолютная монархія относилась весьма покровительственно ко всякимъ изъятіямъ отъ обязанности платить налоги, какими только пользовались привилегированныя сословія [1]). Далѣе, не вездѣ, правда, существовавшая откупная система взиманія налоговъ обогащала на счетъ народа и съ ущербомъ для казны цѣлый классъ общественныхъ паразитовъ, составлявшій поэтому одну изъ опоръ стараго порядка.

Сборъ государственныхъ доходовъ съ плательщиковъ можетъ совершаться или агентами самого государства и лицами, ихъ замѣняющими [2]), или частными лицами, которымъ государство уступаетъ этотъ сборъ за извѣстную сумму, вносимую этими лицами въ казну и считающуюся эквивалентомъ взимаемыхъ доходовъ. Этотъ второй способъ и называется откупомъ, являясь, такимъ образомъ, частнымъ предпріятіемъ, представляющимъ большія выгоды для откупщиковъ: естественно стремленіе каждаго такого откупщика получить съ населенія гораздо болѣе того, что отдается имъ въ казну и чѣмъ покрываются издержки самого взиманія. Откупная система вообще присуща государствамъ, въ которыхъ не выработалось еще администраціи, способной хорошо исполнять финансовыя обязанности. Она господствовала въ государствахъ-городахъ древняго міра и особенно въ Римѣ, гдѣ она получила особое развитіе, сдѣлавшись средствомъ обогащенія для цѣлаго общественнаго класса [3]). Птолемеи привили эту систему къ Египту, гдѣ, однако, прежніе бюрократическіе порядки фараоновскихъ временъ взяли верхъ, и откупщики превратились въ финансовыхъ чиновниковъ государства [4]). Подобнаго же рода замѣна откупной системы бюрократическою произошла и въ Римской имперіи [5]). Тенденціей западноевропейскаго абсолютизма было, какъ мы знаемъ, бюрократизировать всѣ отрасли управленія, и тѣмъ болѣе поражаетъ насъ то обстоятельство, что во Франціи, гдѣ бюрократическая централизація достигла наибольшаго развитія, откупная система развилась, наоборотъ, какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ.

---

1) См. ниже, въ гл. XV.

2) Помѣщиками съ крестьянъ либо выборными мѣстными органами.

3) Государство-городъ, стр. 291.—Монархіи, стр. 191 и слѣд.

4) Монархіи, стр. 272.

5) Тамъ же, стр. 271.

Сдача государственныхъ доходовъ на откупъ встрѣчается болѣе или менѣе въ разныхъ государствахъ Запада, но преимущественно въ болѣе раннія времена и по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ налоговъ, тогда какъ во Франціи откупа просуществовали до самой революціи, представляя и въ XVIII вѣкѣ цѣлую систему финансовой администраціи. Откупа во Франціи возникли еще въ средніе вѣка, но первая попытка ихъ упорядочить была сдѣлана министромъ Генриха IV Сюлли, который раздѣлилъ предметы откуповъ (fermes) на группы, каковыми были таможенные доходы (les cinq grosses fermes), акцизъ на напитки (les aides) и соляной налогъ, знаменитая *габель* (la gabelle), кромѣ ряда болѣе мелкихъ категорій. При Кольберѣ права прежнихъ отдѣльныхъ откупщиковъ были переданы цѣлому обществу, получившему названіе „ferme générale“ и бравшему съ торговъ взиманіе косвенныхъ налоговъ за постепенно возраставшія суммы денегъ (въ 1681 г. около 56 милліоновъ ливровъ, въ 1774 г. уже около 162 милліоновъ). Компанія эта имѣла весьма сложную администрацію съ центральнымъ управленіемъ въ Парижѣ, съ цѣлымъ рядомъ директоровъ, прикащиковъ (commis) и болѣе мелкихъ агентовъ. Получая большіе доходы, генеральные откупщики дѣлились барышами и съ государствомъ по контракту, и съ отдѣльными лицами изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ: одинъ генеральный контролеръ получалъ при заключеніи договора подарокъ въ 100 т. ливровъ, да придворнымъ давались ежегодно подарки въ размѣрѣ 210 т. ливровъ. Между тѣмъ существованіе откупной системы связано было со многими тягостными неудобствами для населенія въ видѣ высокихъ цѣнъ на обложенные предметы, внутреннихъ таможенъ между отдѣльными провинціями, шпіонства, организованнаго для выслѣживанія контрабандистовъ, домашнихъ обысковъ, судебныхъ приговоровъ за несоблюденіе разныхъ правилъ и т. п. Въ послѣднія времена стараго порядка было такихъ компаній три: ferme génerale, régie générale и administration des domaines [1]), причемъ особенно ненавистна была габель. Она соединяла съ качествомъ косвеннаго налога принудительность прямого, такъ какъ каждая городская и сельская община обязана была въ теченіе года

---

[1]) Подъ domaines разумѣлись, кромѣ королевскихъ недвижимостей, и различные косвенные налоги.

купить извѣстное количество соли, которое, разумѣется, раскладывалось между отдѣльными обывателями. По отношенію къ отбыванію габели Франція дѣлилась на отдѣльные округа, въ которыхъ обязательныя порціи соли и цѣны на нее были разныя и притомъ такъ, что гдѣ соли нужно было купить много, цѣна на нее могла быть выше, нежели въ другомъ округѣ, гдѣ, наоборотъ, порція ея была менѣе значительной. Соляная контрабанда (le faux-saunage) строго преслѣдовалась тяжелыми наказаніями, а наблюденіе за тѣмъ, чтобы у каждаго обывателя было всегда надлежащее количество соли, давало поводъ къ посѣщеніямъ частныхъ жилищъ агентами откупа. Откупныя компаніи были поставлены подъ правительственную опеку генеральнаго контролера, а въ провинціяхъ—интендантовъ, которые производили раскладку габели между отдѣльными общинами, надзирали за мелкими агентами откуповъ, принимали мѣры къ пресѣченію контрабанды, ограждали досмотрщиковъ отъ насильственныхъ дѣйствій со стороны населенія, судили по всякаго рода гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, связаннымъ съ операціями взиманія косвенныхъ налоговъ и т. п. Конечно, во Франціи XVIII в. административная система — между прочимъ и въ области взиманія прямыхъ налоговъ—была настолько развита, что государство легко могло бы обойтись безъ посредничества откупщиковъ только къ выгодѣ для себя и къ облегченію плательщиковъ отъ лишнихъ платежей, стѣсненій и непріятностей, но что-нибудь да значили тѣ подарки и пенсіи, которые получались отъ откупщиковъ министрами и придворными чинами, а потому все оставалось по старому.

Какъ система выжиманія соковъ изъ населенія, она между тѣмъ нашла даже подражателя въ лицѣ Фридриха II, введшаго въ Пруссіи подробную же организацію („Regie“) взиманія косвенныхъ налоговъ. Въ сущности, онъ устроилъ въ своемъ королевствѣ государственную продажу соли, кофе и табаку, выписавши для этого изъ Франціи массу чиновниковъ, которые были знатоками французской откупной системы. Придирчивый сыскъ и въ Пруссіи былъ неизбѣжнымъ спутникомъ монополіи. Наприм., кофе можно было покупать только уже изжареннымъ у агентовъ Regie, а кто занимался жареніемъ кофе дома, тотъ совершалъ каравшійся штрафомъ проступокъ; по улицамъ города ходили особые соглядатаи, принюхивавшіеся, не пахнетъ ли гдѣ-нибудь жарящимся кофе, чтобы накрыть

виновнаго на мѣстѣ преступленія. Это заимствованное изъ Франціи, но бюрократизированное учрежденіе сдѣлалось предметомъ большого недовольства въ Пруссіи, и преемникъ Фридриха II его отмѣнилъ. Понятное дѣло, что соляные шпіоны во Франціи и „кофейные вынюхиватели“ въ Пруссіи не портили общей картины полицейскаго государства.

Еще одна особенность финансовой системы стараго порядка и всей его экономической политики вмѣстѣ съ тѣмъ— ихъ чисто фискальный характеръ. Интересы казны играли доминирующую роль во внутренней попыткѣ полицейскаго государства, и ими опредѣлялось то, что въ тогдашней политической фразеологіи называлось общимъ благомъ. Это очень часто не было благо общества, а благо лишь извѣстнаго государственнаго строя, съ точки зрѣнія интересовъ котораго разсматривалось и дѣйствительное благосостояніе гражданъ. Если Ришелье прямо находилъ ненужнымъ, чтобы народу было слишкомъ хорошо, дабы онъ не выходилъ изъ повиновенія (и это былъ государственный интересъ), то другіе, наоборотъ, считали важнымъ, чтобы государство само заботилось о поднятіи уровня благосостоянія жителей, ибо этимъ можно было увеличить платежеспособность населенія въ интересахъ королевской казны. Въ теоріи государство существовало для гражданъ, на практикѣ выходило, напротивъ, такъ, будто граждане существовали для государства, и потому ихъ благосостояніе было лишь средствомъ по отношенію къ хорошему состоянію финансовъ, какъ цѣли. Другими словами, интересы народнаго хозяйства такимъ направленіемъ внутренней политики подчинялись интересамъ хозяйства государственнаго, и все воздѣйствіе правительства на экономическую жизнь получало исключительно фискальный характеръ. Впрочемъ, выставленіе на первый планъ государственнаго интереса было во многихъ случаяхъ лишь идеаломъ, реальностью же было расхищеніе народнаго достоянія по способамъ версальской „красной книги“, откупной системы и т. п. Конечно, это сравнительно мало относится, наприм., къ весьма расчетливому и даже скуповатому веденію государственнаго хозяйства въ Пруссіи, но зато Франція можетъ служить прекраснымъ образцомъ вообще дурно организованной фискальности, которая въ конечномъ итогѣ служила не столько интересамъ государства, сколько интересамъ правящаго класса. Французское правительство не стѣснялось въ изобрѣтеніи мѣръ

пополненія королевской казны,—чего стоитъ одна продажность судебныхъ, административныхъ, придворныхъ и т. п. должностей или званія цехового мастера и т. д. [1]),—и вмѣстѣ съ тѣмъ мало заботилось о томъ, чтобы облегчать фискальный гнетъ, лежавшій на народныхъ массахъ и приводившій ихъ къ настоящему обнищанію. Казна тратила гораздо больше, чѣмъ это вызывалось дѣйствительными потребностями общаго блага, а съ народа получала, наоборотъ, гораздо меньше, чѣмъ могла бы получать, если бы не податныя привилегіи высшихъ сословій, не барыши откупщиковъ косвенныхъ налоговъ, не злоупотребленія чиновниковъ и не дурные способы самого взиманія налоговъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ своихъ фискальныхъ стремленіяхъ государство возлагало на полицію мало свойственную ей функцію — споспѣшествовать подъему платежеспособности населенія. Въ Германіи эпохи полицейскаго государства развилось въ этомъ направленіи цѣлое ученіе о полиціи, выдѣлившееся изъ такъ называемой камеральной науки: девизомъ послѣдней было то, что „знатокъ полиціи долженъ сѣять, дабы въ свое время камералистъ могъ пожинать".

Этимъ фискализмомъ отличались всѣ правительства стараго порядка, и въ данномъ отношеніи не составляли исключенія представители просвѣщеннаго абсолютизма второй половины XVIII в., производившіе финансовыя реформы. „Нѣтъ почти,—говоритъ объ Іосифѣ II новѣйшій историкъ его правленія,—нѣтъ почти ни одной его реформы, которая не носила бы фискальнаго характера: обогащеніе государства было, если не конечною, то во всякомъ случаѣ, одною изъ главныхъ его цѣлей... Черта эта была настолько характерна для всего правленія Іосифа II, что нерасположенные къ ней люди видѣли въ ней альфу и омегу всей его политической дѣятельности и только и говорили, что о необыкновенной его склонности къ стяжанію" [2]). Даже самъ экономный Фридрихъ II говорилъ, что „копить и копить"—такова цѣль Іосифа II.

Впрочемъ, это былъ еще хорошій признакъ, когда правительства, руководимыя хотя бы и чисто фискальными интересами, стремились ко введенію болѣе или менѣе цѣлесообразныхъ преобразованій въ финансовое хозяйство. Во Фран-

---

[1]) См. выше, стр. 111, 129—130, 157 и въ слѣд. главѣ.

[2]) *П. Митрофановъ.* Полит. дѣят. Іосифа II, стр. 367—368.

ціи XVIII в., разоренной войнами и расточительностью Людовика XIV, реформы въ области финансовъ или совсѣмъ не предпринимались, или были лишь частичными нововведеніями съ характеромъ большею частью палліативныхъ мѣръ, да и онѣ нерѣдко отмѣнялись, если вызывали особое неудовольствіе привилегированныхъ. Между тѣмъ финансовыя дѣла монархіи были въ большомъ разстройствѣ, и правительство постоянно вынуждалось прибѣгать къ какимъ-либо новымъ мѣрамъ для наполненія пустой казны [1]). Въ малолѣтство Людовика XV, когда государствомъ управлялъ, въ качествѣ регента, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, французское правительство пустилось даже въ очень рискованную денежную авантюру по совѣту шотландца Джона Лоу, составившаго себѣ громадное состояніе разными денежными аферами. Его „система“ заключалась въ томъ, чтобы государство, пользуясь кредитомъ націи, пустило въ обращеніе бумажныя деньги въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ казнѣ имѣлось звонкой монеты, и тѣмъ оживило торговлю и промышленность. Регентъ легкомысленно согласился на этотъ планъ. Путемъ выпуска въ свѣтъ большого количества акцій была добыта необходимая сумма денегъ для основанія королевскаго банка, билеты котораго стали приниматься въ казну наравнѣ со звонкою монетою. Первоначальный успѣхъ предпріятія привелъ къ расширенію операцій банка, съ которыми были затѣмъ соединены монопольная торговля съ Остъ-Индіей и Вестъ-Индіей, откупъ разныхъ налоговъ внутри страны, право чеканки монеты и т. п. Параллельно съ этимъ шло увеличеніе количества выпускавшихся въ публику акцій, цѣны которыхъ возрастали въ 30 — 40 разъ противъ объявленной стоимости, а вмѣстѣ съ этимъ росло и количество обращавшихся въ странѣ банковыхъ билетовъ. Французскимъ обществомъ овладѣлъ ажіотажъ, но мало-по-малу „система“ стала обнаруживать свою внутреннюю несостоятельность, а затѣмъ произошло и полное ея крушеніе. Лоу, сдѣланный генералъ-контролеромъ довелъ номинальную сумму выпущенныхъ правительствомъ денежныхъ бумагъ до двухъ съ половиной милліардовъ, а звонкой монеты въ банкѣ было лишь двѣсти милліоновъ, т.-е. въ двѣнадцать съ половиною разъ меньше, и наступилъ моментъ, когда банкъ сталъ затрудняться обмѣни-

[1]) Во Франціи, между прочимъ, прибѣгали къ продажѣ домэновъ.

вать свои билеты на настоящія деньги. Правительство тогда издало законъ, запрещавшій частнымъ лицамъ имѣть у себя звонкою монетою больше пятисотъ ливровъ: у кого что было свыше, тотъ долженъ былъ обмѣнивать излишекъ на банковые билеты, но эта мѣра привела только къ общественной паникѣ, за которою послѣдовали крушеніе банка, страшное обезцѣненіе всѣхъ его акцій и билетовъ, разореніе массы частныхъ лицъ и, конечно, ухудшеніе общаго экономическаго и финансоваго положенія. Впрочемъ, въ періодъ процвѣтанія „системы" казна расплатилась банковыми билетами съ большею частью, своихъ прежнихъ кредиторовъ, которые потомъ остались ни при чемъ. Въ сущности, это было замаскированное государственное банкротство [1]). Во все длинное царствованіе Людовика XV состояніе французскихъ финансовъ было весьма плачевнымъ. Поправить его при сохраненіи общей системы управленія можно было только такими, наприм., мѣрами, какъ привлеченіе привилегированныхъ къ платежу налоговъ, но это всегда вызывало оппозицію не только въ придворныхъ сферахъ, но и въ парламентахъ [2]). Въ XVIII в. казна во Франціи пополнялась главнымъ образомъ постоянными займами въ формѣ продажи процентныхъ бумагъ, или „ренты", въ которую охотно превращала свои сбереженія буржуазія. Постепенный ростъ государственнаго долга при

---

[1]) Ср. стр. 203, гдѣ говорится о случаяхъ государственнаго банкротства въ XVI в. Прибавимъ, что еще передъ развитіемъ системы Лоу французское правительство уже прибѣгло къ частичному банкротству, раздѣливъ своихъ кредиторовъ совершенно произвольно на отдѣльныя группы, съ которыми и расплачивалось въ размѣрахъ $^{4}/_{5}$, $^{3}/_{5}$, $^{2}/_{5}$ должной имъ суммы. Аналогію такой беззастѣнчивости представляютъ собою случаи, когда правительство по нѣскольку разъ заставляло платить за проданныя имъ привилегіи (см. выше, стр. 157). Пріятель регента, Дюбуа, бывшій однимъ изъ его министровъ и находившій, между прочимъ, что французскому королю принадлежатъ всѣ имущества его подданныхъ (см. ниже, въ гл. XVIII), считалъ банкротство въ порядкѣ вещей, въ согласіи съ чѣмъ готовъ былъ отожествлять понятія абсолютизма и „правительства, устраивающаго банкротство, когда только захочетъ". Въ pendant ко всему этому упомянемъ о практикѣ нѣмецкихъ имперскихъ князей XVIII в., прибѣгавшихъ къ денежнымъ лотереямъ, но удерживавшимъ въ своихъ рукахъ выигранныя владѣльцами билетовъ суммы.

[2]) См. выше, стр. 131—132.

общемъ разстройствѣ финансоваго хозяйства даже началъ тревожить кредиторовъ королевской казны, обладателей ренты. Опубликованіе Неккеромъ финансоваго отчета [1]) обнаружило, что въ государственномъ бюджетѣ существуетъ громадный дефицитъ. Раньше это только подозрѣвалось, теперь же всѣмъ сдѣлалось яснымъ, что дефицитъ есть на самомъ дѣлѣ, и что устранить такое плачевное положеніе государственнаго хозяйства могли бы только коренныя преобразованія. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи старой монархіей, оказались, однако, безсильными, и правительству пришлось прибѣгнуть къ созыву генеральныхъ штатовъ. Этотъ финансовый крахъ абсолютной монархіи во Франціи былъ, такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ французской революціи, и одно время готовы были видѣть въ немъ даже ея основную причину [2]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 206.

[2]) Подъ вліяніемъ этого взгляда образовался одинъ изъ ходячихъ историческихъ предразсудковъ, будто финансовыя затрудненія сами по себѣ вызываютъ революціи (а не дѣлаютъ это общія условія, по отношенію къ которымъ дефициты являются только симптомами ненормальнаго положенія дѣлъ). Разборъ этого предразсудка см. въ т. I книги *Е. Тарле* „Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ“, стр. 35—47. Аналогичный примѣръ, когда финансовыя затрудненія оказали вліяніе на переходъ отъ абсолютизма къ конституціонному режиму, представляетъ собою исторія Австріи въ 1859—60 г., когда неудача объявленнаго правительствомъ внѣшняго займа заставила Франца-Іосифа приступить къ внутреннимъ реформамъ и даже къ введенію представительства, но этотъ внутренній кризисъ въ монархіи Габсбурговъ не сопровождался никакими революціонными вспышками. См. „Народно-правовое государство“, стр. 415—416.

ГЛАВА XIII.

Сельское хозяйство, промышленность и торговля при старомъ порядкѣ.

Задача этой главы.—Общія условія, неблагопріятныя для развитія сельскаго хозяйства въ XVI—XVIII вв.—Измѣненія, совершившіяся за это время въ сельскомъ быту.—Общая крестьянская бѣдность.—Городская промышленность съ конца среднихъ вѣковъ. — Судьбы цеховой организаціи промышленности.—Образованіе рабочаго класса.—Характеръ рабочаго законодательства при старомъ порядкѣ.—Начало промышленной концентраціи и возникновеніе новыхъ мануфактуръ.—„Королевскія“ мануфактуры.—Перемѣны въ условіяхъ торговли съ открытіемъ Америки и морского пути въ Индію.—Развитіе португальской, испанской, нидерландской и англійской торговли.—Образованіе средняго сословія.

Настоящая глава съ обѣими сосѣдними главами, т.-е. съ предыдущею и съ послѣдующею составляютъ общій очеркъ экономической исторіи временъ абсолютной монархіи. Въ предшествующей главѣ дана была общая характеристика веденія абсолютною монархіей XVI—XVIII вв. государственнаго хозяйства, слѣдующая знакомитъ съ экономическою политикою стараго порядка, въ настоящей же главѣ мы остановимся на разсмотрѣніи общаго состоянія народнаго хозяйства и происшедшихъ въ немъ перемѣнъ за ту же самую эпоху по рубрикамъ земледѣлія, промышленности и торговли. Особенное вниманіе мы должны удѣлить исторіи промышленности и торговли, такъ какъ въ нихъ въ изучаемую нами эпоху произошли наиболѣе важныя перемѣны, отразившіяся на всемъ строѣ тогдашней жизни и подготовившія переходъ къ капитализму XIX в. Отдѣлъ главы, посвященный земледѣлію, поэтому выходитъ очень краткимъ [1]).

Феодальныя времена въ экономическомъ отношеніи были эпохою преобладанія, даже господства сельскаго хозяйства въ

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что все наиболѣе существенное уже имѣется въ „Помѣстьѣ-государствѣ“.

его натуральныхъ формахъ [1]). Феодальный міръ жилъ въ замкнутыхъ помѣщичьихъ вотчинахъ, представлявшихъ собою объединенные въ своего рода хозяйственныя цѣлыя комплексы барскаго и мужицкихъ дворовъ [2]), что мы въ настоящее время и называемъ сеньерьяльнымъ строемъ [3]). Основная черта феодализма, взятаго въ его экономической сторонѣ, заключается въ соединеніи крупнаго господскаго землевладѣнія съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, и эта основная его черта, весь сеньёрьяльный строй пережила и крушеніе политическаго феодализма, и превращеніе сословной монархіи въ абсолютную [4]). Конечно, старый феодальный строй землевладѣнія, землепользованія и земледѣлія не могъ оставаться неизмѣннымъ среди другихъ экономическихъ и политическихъ перемѣнъ, но какъ-разъ въ аграрныхъ и агрономическихъ отношеніяхъ, въ общемъ, сохранялось наиболѣе чертъ старины, которыя даже не были пережитками, а полною исторической реальностью. Еще одна оговорка должна быть сдѣлана въ томъ отношеніи, что не вездѣ, разумѣется, было одинаково, и это мы тотчасъ же примемъ въ расчетъ. Вопервыхъ, не нужно забывать, что въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ къ XVI в. крѣпостничество исчезло или почти исчезло, въ другихъ въ эту именно эпоху оно начинаетъ играть особенно видную роль; въ этомъ смыслѣ объ Англіи, наприм., и о Германіи приходится говорить разное [5]). Далѣе, и сохраненіе стараго крестьянскаго хозяйства не вездѣ имѣло мѣсто. Наприм., въ Англіи къ концу XVIII в. прежняя связь крестьянина съ землею была уже разрушена, и намѣтился совершенно новый поземельный строй, основанный на денежномъ хозяйствѣ: большія помѣстья, раздѣленныя на крупныя фермы въ рукахъ капиталистовъ, вносящихъ арендную плату деньгами, вкладывающихъ деньги въ агрономическія улучшенія и ведущихъ свои дѣла посредствомъ наемныхъ сельскихъ рабочихъ.

Во Франціи сельско-хозяйственныя отношенія были совершенно иныя: здѣсв сельское хозяйство въ значительной мѣрѣ

[1]) Помѣстье-государство, гл. V.

[2]) Тамъ же, гл. VI.

[3]) Тамъ же, гл. VI—IX.

[4]) Тамъ же, гл. XXIII и XXVI.

[5]) Тамъ же, стр. 315 и слѣд.

оставалось въ рукахъ крестьянъ, которые были или мелкими собственниками своихъ участковъ на чиншевомъ правѣ [1]), или арендаторами, большею частью половниками, т.-е. уплачивавшими арендный оброкъ натурою. Можно сказать, что во Франціи накунунѣ революціи уживались самыя разнообразныя формы поземельнаго быта. Свободные чиншевики (цензитаріи, censitaires) платили сеньерамъ оброкъ, большею частью натуральный (шампаръ) и особыя наслѣдственныя или купчія пошлины при переходѣ чиншевого участка изъ однихъ рукъ въ другія, и обязаны были, наприм., молоть свое зерно лишь на такъ-называемой банальной мельницѣ сеньера и т. п. Все это были остатки глубокой феодальной старины [2]), а мѣстами, особенно на земляхъ духовенства сохранялось и крѣпостничество; даже въ королевскихъ доменахъ серважъ былъ отмѣненъ только при Людовикѣ XVI. Лежала на крестьянахъ еще и десятина въ пользу церкви, а ко всѣмъ поборамъ, возникшимъ въ феодальную эпоху, государство прибавило и свои налоги. Платежи, обременявшіе земледѣліе, были такъ велики, что многіе участки даже совсѣмъ переставали обрабатываться, и, понятное дѣло, не при такомъ порядкѣ вещей было думать о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ. Въ особенно жалкомъ положеніи находилась обработка земли въ половническихъ фермахъ, метэріяхъ (metairies; половникъ — metayer). Такъ какъ половники не могли доставлять большихъ доходовъ земледѣльцамъ, то послѣдніе начали соединять мелкіе половническіе участки въ болѣе крупныя фермы, которыя, по англійскому образцу, сдавались въ аренду за деньги людямъ, предпринимавшимъ разныя сельско-хозяйственныя улучшенія, въ родѣ перехода отъ трехполья къ болѣе раціональной плодоперемѣнной системѣ, введенія посѣва кормовыхъ травъ, употребленія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Многіе помѣщики сами начинали хозяйничать тоже на новыхъ началахъ, пользуясь наемнымъ трудомъ батраковъ (manoeuvres), какъ назывались сельскіе рабочіе въ отличіе отъ самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ (laboureurs). Французскіе экономисты второй половины XVIII в., такъ-называемые физіократы прямо рекомендовали переходъ отъ мелкаго (особенно половническаго) хозяйства къ болѣе крупному фермерскому и, слѣдовательно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 49 и слѣд.

[2]) Тамъ же, гл. VIII.

отъ натуральнаго оброка къ денежному. Ту же точку зрѣнія раздѣлялъ путешествовавшій по Франціи въ годы революціи англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, находившій, что по сравненію съ его родиной Франція въ сельско-хозяйственномъ отношеніи находилась чуть не въ X еще вѣкѣ.

Въ Западной Германіи, на Рейнѣ, аграрныя отношенія были, въ общемъ, приблизительно такими же, какъ и во Франціи. Наоборотъ, чѣмъ далѣе мы будемъ идти къ востоку, тѣмъ передъ нами будетъ раскрываться все бо̀льшая и бо̀льшая экономическая отсталость [1]). Особенно архаическія формы поземельнаго быта мы наблюдаемъ на крайнемъ Востокѣ западно-европейскаго міра, въ монархіяхъ Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ. Здѣсь еще продолжало господствовать земледѣліе, промышленность была развита сравнительно слабо, торговля сводилась къ вывозу сырья, въ замѣнъ котораго ввозились продукты иностранной индустріи, а города не играли почти никакой роли. Сама обработка почвы была довольно примитивная. Земель было много, и мѣстами еще происходила внутренняя колонизація, такъ что можно было не переходить къ болѣе интенсивному хозяйству, требующему и болѣе высокой техники, и приложенія капитала къ земледѣлію. Передъ государствомъ за все и про все главной отвѣтчицей была земля: въ системѣ налоговъ преобладали тѣ, которые въ конечномъ счетѣ падали на одну землю и, слѣдовательно, на крестьянскую массу, которая, съ другой стороны, оставалась прикрѣпленною къ землѣ какъ для болѣе правильнаго поступленія въ казну ея сборовъ, такъ и потому, что помѣщики должны были быть вознаграждены за службу въ арміи и въ администраціи, при крайней скудности казеннаго жалованія, отпускавшагося офицерамъ и чиновникамъ [2]). Помѣщичье хозяйство велось здѣсь попрежнему барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ надѣлахъ и, кромѣ барщинной повинности, отбывавшихъ еще оброки деньгами или натурой. Сама барщина страшно увеличилась: въ старыя времена она не превосходила большею частью восьми дней въ году, теперь она въ одну недѣлю уже требовала нѣсколько дней. По типу частнаго помѣщичьяго хозяйства велось и хозяйство въ государевыхъ доменахъ, гдѣ тоже были крѣпостные. Однако,

[1]) Ср. тамъ же, стр. 315 и слѣд.

[2]) Замѣчаніе, особенно относящееся къ Пруссіи.

и въ Пруссіи, и въ Австріи помѣщики уже сильно стремились къ увеличенію площади собственно господской земли путемъ пріобщенія къ ней крестьянскихъ участковъ. Въ Пруссіи сносъ крестьянскихъ дворовъ получилъ названіе „Bauernlegen'a" [1]), и посредствомъ него помѣщики („юнкеры") или расширяли свое собственое хозяйство, или создавали хутора, отдававшіеся въ аренду. Крѣпостное право нисколько не гарантировало крестьянъ отъ обезземеленія путемъ „легена", и въ сосѣднемъ съ Пруссіей Мекленбургѣ даже произошло къ концу XVIII и началу XIX вѣка полное обезземеленіе крестьянъ съ совершеннымъ вытѣсненіемъ мелкаго крестьянскаго хозяйства болѣе крупнымъ помѣщичьимъ, хотя эти крестьяне по-прежнему оставались прикрѣпленною къ помѣстьямъ рабочею силою [2]). Далѣе на востокъ отъ Пруссіи и Австріи, въ Польшѣ, пока она не была раздѣлена сосѣдними державами, и въ Россіи еще рѣзче выступали эти основныя черты сельскохозяйственной отсталости—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и обработка помѣщичьихъ полей барщиннымъ трудомъ, одновременно съ экстензивной культурой и низкой ступенью агрономической техники.

Былъ ли крестьянинъ крѣпостнымъ или свободнымъ, сидѣлъ ли онъ на чужой или на своей землѣ, онъ былъ страшно бѣденъ, и историки западнаго крестьянства не разъ отмѣчаютъ, что ему въ XVIII столѣтіи жилось даже много хуже, чѣмъ прежде. Оброки и повинности въ пользу помѣщиковъ, церковная десятина, государственные налоги, оставляли изъ крестьянскаго дохода очень мало въ пользу самого земледѣльца. Во Франціи бывали случаи, когда крестьянинъ просто-на-просто бросалъ („дегерпировалъ") свой надѣлъ на произволъ судьбы или отдавалъ его сборщику податей, не будучи въ состояніи заплатить все, что полагалось. (Эмиграція въ Россію на вольныя земли нѣмецкихъ колонистовъ въ XVIII в. тоже была бѣгствомъ отъ невозможныхъ условій быта).

Въ частности, во Франціи сельское хозяйство пришло въ какой-то безвыходный тупикъ, запуталось въ заколдованномъ кругу противорѣчій. Страну то и дѣло, здѣсь и тамъ каждые три года, посѣщали голодовки, и населеніе жаловались на недостатокъ или крайнюю дороговизну хлѣба, а между

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 364.

[2]) Тамъ же, стр. 365.

тѣмъ оказывались заброшенными большія пространства земли, бывшія раньше въ обработкѣ. Жаловались, далѣе, на то, что не хватаетъ рабочихъ рукъ для воздѣлыванія пустующихъ земель, и въ то же время въ городахъ и въ деревняхъ необычайно развиты были нищенство и бродяжничество. Этотъ выбитый изъ колеи безработный людъ тоже крайне бѣдствовалъ но нерѣдко не въ лучшемъ положеніи былъ и самъ земледѣлецъ, у котораго хлѣба далеко не хватало до новой жатвы. Отсюда—столь частые во Франціи народные безпорядки изъ-за хлѣба (troubles à cause de grains), разграбленія пекарень, хлѣбныхъ магазиновъ, транспортовъ муки. Крайняя нищета французскихъ крестьянъ передъ революціей удивляла даже русскаго путешественника, извѣстнаго нашего писателя Фонъ-Визина [1]), который пріѣхалъ, однако, тоже не изъ богатой страны.

Перейдемъ теперь къ другому отдѣлу главы, посвященному исторіи обрабатывающей промышленности въ эпоху королевскаго абсолютизма.

Извѣстно, что съ конца среднихъ вѣковъ городская промышленность имѣла такъ-называемое цеховое устройство. Сущность его заключалась въ томъ, что въ каждомъ городѣ ремесленники одной и той же спеціальности соединялись въ особыя корпораціи, имѣвшія свои уставы и пользовавшіяся внутреннимъ самоуправленіемъ съ выборными властями. При этомъ устройствѣ развитіе сколько-нибудь крупной промышленности было немыслимо, ибо цеховые уставы опредѣляли, сколько каждый хозяинъ ремесленнаго заведенія, или мастеръ (maître, Meister) могъ имѣть въ своей мастерской рабочихъ въ видѣ, во-первыхъ, такъ-называемыхъ компаньоновъ („сохлѣбниковъ") или гезеллей („сожителей") т.-е. подмастерьевъ, какъ мы переводимъ оба эти термина, а во-вторыхъ, учени-

---

[1]) Вотъ что именно писалъ Фонъ-Визинъ: „я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофинэ, Ліонэ, Бургонь, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣброднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ... Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду".

ковъ (apprentis, Lehrlinge). Далѣе, уставы или обычаи опредѣляли условія какъ прохожденія ученичества и компаньонажа, такъ и вступленія въ число мастеровъ, которые только и были равноправными членами цеха, а равно и общія правила той или другой ремесленной работы, вплоть до техническихъ пріемовъ производства,—правила, надъ соблюденіемъ которыхъ цехъ устанавливалъ контроль въ виду того, что бралъ на себя ручательство въ доброкачественности производимыхъ отдѣльными мастерами издѣлій. Заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ въ городѣ могли только лица, принадлежавшія къ соотвѣтствующимъ цехамъ, причемъ количество ремесленныхъ заведеній каждой спеціальности было ограничено въ соотвѣтствіи съ потребностями мѣстнаго рынка. Именно, цеховая организація обрабатывающей промышленности была расчитана главнымъ образомъ на сбытъ продуктовъ въ самомъ городѣ и его экономическомъ районѣ, такъ что нерѣдко ремесленникъ работалъ непосредственно на потребителя, а не на перекупщика, который бы велъ торговлю извѣстнымъ товаромъ, произведеннымъ въ нѣсколькихъ однородныхъ мастерскихъ. Каждый городъ со своимъ округомъ могъ при этомъ болѣе или менѣе обходиться своими продуктами, не ввозя товаровъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ другихъ городовъ. Кромѣ того, при цеховой организаціи устанавливалось строгое разграниченіе ремеслъ, не допускавшее одновременнаго занятія двумя или нѣсколькими спеціальностями. Пряжей шерсти, наприм., занимался одинъ цехъ, выдѣлкою изъ нея сукна — другой, крашеніемъ сукна — третій. Не касаясь сложнаго и во многихъ отношеніяхъ спорнаго вопроса о происхожденіи цеховъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что цехи играли въ средневѣковыхъ городахъ не только экономическую, но и политическую роль, такъ какъ были готовою организаціей ремесленной демократіи, когда она стала добиваться отъ коммунальной аристократіи, въ значительной мѣрѣ купеческой, права на участіе въ городскомъ управленіи. Въ эпоху борьбы за равноправіе цеховые мастера нуждались въ помощи своихъ рабочихъ, и тогда внутри цеховъ укрѣплялась внутренняя солидарность, которая, однако, разстраивалась, какъ только полноправные члены цеховъ, мастера, добивались своего [1]).

---

[1]) Этотъ общій набросокъ цеховой организаціи (преимущественно

Въ основѣ всей этой организаціи лежало начало монополіи, т.-е. съ одной стороны, принудительная принадлежность къ цеху (Zunftzwang), устранявшая конкурренцію съ цеховыми ремесленниками непринятыхъ въ цехъ жителей того же города, а съ другой, исключительное обладаніе мѣстнымъ рынкомъ, устранявшая конкурренцію ремесленниковъ иногороднихъ. Конечно, если производство какого-либо товара по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ не было возможно повсемѣстно, то запрещеніе ввоза иногороднихъ издѣлій не имѣло смысла, но разъ товаръ вездѣ могъ производиться на мѣстѣ, иногородняя конкурренція всячески устранялась, чему немало помогали и плохое состояніе путей сообщенія, и громадное количество таможенныхъ заставъ на этихъ путяхъ, и самая небезопасность перевозки товаровъ при сильномъ развитіи разбойничества на дорогахъ. Однимъ словомъ, цеховая монополія является одною изъ характернѣйшихъ сторонъ средневѣкового партикуляризма, въ смыслѣ и политической, и экономической обособленности мѣстныхъ міровъ [1]). Конечно, пользуясь извѣстной формулой Бюхера [2]), мы можемъ видѣть въ образованіи замкнутыхъ городскихъ торгово-промышленныхъ округовъ шагъ впередъ съ замкнутостью помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ феодальныхъ временъ [3]), но въ ту эпоху, которою мы главнымъ образомъ занимаемся въ этой книгѣ, разсматриваемыя отношенія были явленіемъ уже отжившимъ, какъ отживали свое время и другія стороны цехового устройства. Нисколько, наприм., не идеализируя это устройство въ средніе вѣка, какъ это дѣлаютъ весьма многіе нѣмецкіе ученые [4]), а потому и не думая, чтобы лишь цехи новаго вре-

---

притомъ нѣмецкой) представляетъ собою сильно сокращенное изложеніе главы XVIII перваго тома моей „Исторіи Западной Европы въ новое время". За бо̀льшими подробностями отсылаю къ слѣдующимъ книгамъ: *В. Зомбартъ.* Современный капитализмъ. Т. I. Генезисъ капитализма.— *I. М. Кулишеръ.* Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Спб. 1906. Томъ I, главы V и VI.

[1]) Помѣстье-государство, гл. V—IX.

[2]) Государство-городъ, стр. 62 и слѣд.

[3]) Помѣстье-государство, гл. XV.

[4]) См. въ указанной книгѣ *Кулишера* стр. 307 и слѣд., гдѣ вкратцѣ разсмотрѣны существующія на этотъ счетъ мнѣнія.

мени носили въ себѣ внутреннюю порчу, которая будто бы была неизвѣстна цехамъ средневѣковымъ, мы тѣмъ не менѣе можемъ сказать, что съ теченіемъ времени въ жизнь ремесленныхъ корпорацій вносилась все бо́льшая и бо́льшая исключительность, приводившая къ созданію настоящихъ привилегій. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что пріобрѣтеніе званія мастера съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе затруднялось, положеніе подмастерьевъ ухудшалось, сроки ученичества удлинялись, чего мастера достигали всякими способами, какіе только были въ ихъ распоряженіи: это были главнымъ образомъ недопущеніе въ ученики внѣбрачныхъ дѣтей или такихъ, родители которыхъ занимались промыслами, считавшимися низкими, усложненіе условій ученичества, требованіе отъ подмастерьевъ долгаго странствованія по другимъ городамъ для усовершенствованія въ пріемахъ производства, повышеніе качествъ пробной работы (chef d'oeuvre, Meisterstück), замѣнявшей собою экзаменъ въ ремеслѣ, увеличеніе суммы вступного, которое уплачивалось въ цеховую кассу каждымъ новымъ членомъ, удороженіе пирушки, которую вступающій въ число мастеровъ долженъ былъ устроить своимъ будущимъ товарищамъ, и т. п. Часто занятіе ремесломъ переходило по наслѣдству и дѣлалось, такъ сказать, фамильной привилегіей, или нерѣдко, чтобы стать мастеромъ, нужно было, наприм., жениться на вдовѣ какого-либо мастера [1]). Тотъ теоретическій походъ противъ цеховъ, который знаменуетъ собою конецъ XVIII и начало XIX в., находилъ немало реальныхъ основаній въ затхломъ консерватизмѣ, какимъ характеризуется цеховая жизнь болѣе поздняго времени.

Въ числѣ возраженій, которыя выдвигались противъ цеховъ въ эпоху указаннаго противъ нихъ похода, были указанія на то, что они стѣсняютъ индивидуальную свободу, мѣшаютъ личной иниціативѣ и техническому прогрессу, подчиняя производство установленнымъ шаблонамъ, и приносятъ ущербъ потребителямъ. Дѣйствительно, монопольныя права цеховъ позволяли имъ устанавливать произвольныя цѣны на свои издѣлія, прочно потомъ державшіяся, разъ не было свободной конкурренціи. Цеховые мастера хлопотали не только о томъ,

---

[1]) Отрицательныя стороны цехового строя въ XVI—XVIII вв. разсмотрѣны съ нѣкоторою подробностью въ главѣ IX (разложеніе цеховой организаціи) III тома „Исторіи Западной Европы“.

чтобы устранить всякое соперничество съ ними и другихъ жителей того же города (или деревень его округа), и иногородныхъ ремесленниковъ, но и объ устраненіи конкурренціи между членами самого цеха. Это достигалось не однимъ опредѣленіемъ возможнаго для каждой мастерской размѣра производства, но и установленіемъ сообща тѣхъ цѣнъ, какія всѣ члены цеха должны были назначать за свои издѣлія, хотя это влекло за собою иногда вмѣшательство въ дѣло и городскихъ властей, устанавливавшихъ свои максимальныя таксы на такіе продукты, какъ хлѣбъ, мясо, пиво и т. п. Въ одномъ, впрочемъ, отношеніи вмѣшательство городскихъ властей въ установленіе цехами цѣнъ отнюдь не допускалось: это было именно опредѣленіе того вознагражденія, которое должны были получать отъ своихъ хозяевъ подмастерья, такъ какъ здѣсь за цехами признавалась полная самостоятельность, причемъ взаимное соглашеніе мастеровъ опредѣляло только максимумъ заработной платы, меньше же платить своимъ рабочимъ, конечно, никому не возбранялось.

Въ лучшія времена цеховой организаціи промышленности спеціально обученному рабочему представлялась гораздо бòльшая возможность, чѣмъ то было впослѣдствіи, сдѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ, т.-е. мастеромъ. Съ другой стороны, въ тѣ времена и каждый мастеръ былъ фактически самостоятельнымъ предпринимателемъ, полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ: у него было и собственное помѣщеніе, гдѣ происходила работа, и собственные же инструменты, необходимые для этой работы, самимъ же имъ пріобрѣтенный матеріалъ, подлежавшій обработкѣ, и своя же лавочка для непосредственнаго сбыта издѣлій мастерской потребителю. Многіе хозяева ремесленныхъ заведеній сохранили такое самостоятельное положеніе и впослѣдствіи, но у другихъ, наоборотъ, съ теченіемъ времени не оказывалось необходимаго для самостоятельнаго веденія дѣла капитала, и матеріалъ, наприм., приходилось получать отъ заказчика, занимавшагося перепродажей чужихъ издѣлій, что уже отрѣзывало производителя отъ непосредственнаго общенія съ потребителемъ. Было бы вообще сильнымъ преувеличеніемъ значенія хорошихъ сторонъ цеховой организаціи думать, что она прочно обезпечивала весь ремесленный классъ городского населенія. Если de jure въ лучшія времена цеховъ каждому подмастерью былъ открытъ доступъ къ званію мастера, то de

facto уже очень рано образовался особый рабочій классъ, такъ сказать, вѣчныхъ подмастерьевъ, которыхъ съ теченіемъ времени все чаще и чаще обозначали такими словами, какъ „servant“, „valet“, „knecht“. Выше уже было упомянуто о томъ [1]), что между мастерами и подмастерьями происходила нерѣдко прямая борьба, и эта борьба получала чисто классовой характеръ, причемъ подмастерья заключали между собою отдѣльные союзы, устраивали стачки, даже уходили изъ города. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ самой цеховой организаціи уже начался процессъ дифференціаціи труда и капитала и борьбы между представителями того и другого.

Дальнѣйшіе этапы въ этомъ процессѣ были сдѣланы уже подъ вліяніемъ болѣе позднихъ измѣненій, совершившихся въ экономической жизни западно-европейскихъ странъ. Развитіе народнаго хозяйства не могло остановиться на ступени замкнутаго и самодовлѣющаго городского округа съ господствомъ обмѣна внутри этого округа между городомъ съ его цеховой организаціей ремесла и деревнями съ ихъ исключительно сельскохозяйственнымъ производствомъ. Полнаго отсутствія обмѣна между отдѣльными мѣстностями одной и той же страны, собственно говоря, никогда не было и не могло быть [2]); все дѣло было лишь въ размѣрахъ этого обмѣна: сначала онъ былъ болѣе или менѣе рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, явленіемъ съ весьма слабымъ значеніемъ какъ въ мѣстной жизни, такъ и въ общей экономіи страны, но потомъ, сдѣлался болѣе частнымъ, сталъ самъ превращаться въ своего рода общее правило, усиливаться, усложняться, принимать болѣе разнообразный и многосторонній характеръ. Конецъ XV и начало XVI вѣка могутъ быть признаны эпохой перехода отъ замкнутаго хозяйства городского къ охватывавшему бо̀льшіе районы хозяйству народному (національному), если пользоваться терминомъ Бюхера, или территоріальному, какъ предпочитаютъ выражаться другіе. Совершившаяся къ эпохѣ крестовыхъ походовъ дифференціація города и деревни съ разнымъ ихъ значеніемъ въ хозяйственной жизни общества мало-по-малу путемъ чисто естественной эволюціи осложнилась своего рода раздѣленіемъ труда между отдѣльными мѣстностями одной и той же страны, т.-е.

---

[1]) См. выше, стр. 222.

[2]) Помѣстье-государство, стр. 174—175.

въ отдѣльныхъ городахъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій, съ особеннымъ успѣхомъ стали развиваться только извѣстныя производства, какъ это произошло, наприм., съ шерстяной промышленностью, облюбовавшей для себя, если можно такъ выразиться, лишь нѣкоторые центры. Наоборотъ, иныя производства въ тѣхъ или другихъ городахъ приходили въ упадокъ, хирѣли, прямо изчезали. Раньше въ городѣ болѣе или менѣе равномѣрно существовали всѣ производства, въ какихъ чувствовалась потребность на мѣстномъ рынкѣ, но съ теченіемъ времени произошла спеціализація: одинъ городъ славился своимъ сукномъ, другой — металлическими издѣліями, третій—стеклянными и пр. и пр. Несмотря на всѣ усилія ремесленнаго класса воспрещать ввозъ иногороднихъ товаровъ, онъ постепенно все усиливался: на сторонѣ ввоза была масса потребителей, имѣвшая возможность и бо̀льшаго выбора, и пріобрѣтенія товаровъ нерѣдко лучшаго качества и по болѣе сходной цѣнѣ, да и сами городскія власти не проявляли особой охоты къ удовлетворенію цеховыхъ ходатайствъ о новыхъ запрещеніяхъ; еще старыя ограниченія, куда ни шло, могли оставаться въ силѣ, если только фактически могли удерживаться, но новыя не издавались. Дѣло доходило до того, что ввозъ извѣстныхъ иногороднихъ издѣлій приводилъ къ почти полному прекращенію той или другой соотвѣтственной промышленности на мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—а въ Англіи это было очень распространеннымъ явленіемъ,—отдѣльные города заключали между собою, на началахъ взаимности, нѣчто въ родѣ торговыхъ трактатовъ, въ Италіи же такіе города, какъ Венеція, Флоренція, Миланъ, объявили у себя свободу ввоза. Съ XVI в. отжившую для отдѣльныхъ городовъ систему покровительственной охраны мѣстнаго производства отъ конкурренціи съ внѣшнимъ ввозомъ усваиваютъ уже цѣлыя государства. Прежде города, запрещавшіе ввозъ иногороднихъ издѣлій, вызывали къ себѣ ремесленниковъ изъ другихъ мѣстъ, дабы завести у себя какое-либо производство, котораго раньше не было, теперь же подобной политики стали держаться цѣлыя государства, избѣгавшія ввоза товаровъ и, наоборотъ поощрявшія и даже сами вызывавшія переселеніе иностранныхъ ремесленниковъ.

Описанная перемѣна, совершавшаяся, конечно, постепенно и медленно, а также и неравномѣрно въ отношеніи отдѣльныхъ

странъ и городовъ, или періодовъ времени и производствъ, не могла не отразиться на положеніи цехового ремесла. Первое, что здѣсь приходится отмѣтить, это—то, что мастеръ уже не работалъ исключительно на мѣстный рынокъ и на заказчика-потребителя: теперь возникло производство, расчитанное на вывозъ въ другіе города и даже въ другія страны, и на сцену выступалъ скупщикъ, или пріобрѣтавшій у ремесленника готовыя издѣлія, или заказывавшій ему изготовленіе товара изъ даннаго ему для этого матеріала. Вслѣдствіе такой перемѣны хозяйственная самостоятельность цехового мастера пошатнулась, и ремесленная промышленность стала переходить въ другую форму, извѣстную подъ названіями домашней (Hausindustrie) или кустарной и занимающую промежуточное мѣсто между промышленностью ремесленной и фабричной [1]. Раньше цеховые статуты прямо запрещали мастерамъ работать по заказамъ отъ своихъ товарищей или отъ постороннихъ цеху скупщиковъ, но эти запрещенія и тогда не мѣшали появленію на ярмаркахъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ скупленныхъ у производителей издѣлій, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всѣ цеховыя ограниченія, нѣкоторыя производства все-таки могли существовать въ деревняхъ въ чисто-кустарной формѣ, иногда же въ видѣ исключеній кустарничество встрѣчалось и въ городахъ, гдѣ особенно развивалась какая-либо спеціальная промышленность, работавшая на широкій сбытъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ все чаще и больше ремесло стало превращаться въ кустарничество, ибо и въ сбытѣ товаровъ выработалась своя техника, требовавшая особыхъ знаній, особой сноровки, особаго, вульгарно выражаясь, нюха, какими обладали, конечно, далеко не всѣ мастера, да къ тому же, наконецъ, и обычный капиталъ средняго ремесленника былъ недостаточенъ для успѣшнаго веденія торговыхъ операцій. Среди цеховыхъ мастеровъ произошла своя дифференціація: одни изъ нихъ ушли въ торговлю продуктами ремесленнаго производства, другіе сдѣлались зависимыми отъ нихъ кустарями. Цеховая организація со своими статутами, регламентаціей, запрещеніями была сильнымъ тормазомъ, затруднявшимъ и задерживавшимъ этотъ процессъ, но въ борьбѣ мастеровъ, отстаивавшихъ старыя отношенія, противъ скупщиковъ,

---

[1]) Пользуюсь классификаціей и терминологіей *Held'а* въ „Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands".

которые разрушали прежній строй обрабатывающей промышленности, побѣда въ концѣ концовъ раньше или позже склонялась на сторону послѣднихъ. Если цехи и доживаютъ до послѣднихъ временъ стараго порядка и даже вводятся вновь для вновь нарождающихся отраслей промышленности, то въ настоящемъ своемъ видѣ они сохраняются только у булочниковъ и мясниковъ, у скорняковъ и сапожниковъ, у каменьщиковъ и плотниковъ, въ другихъ же случаяхъ, въ особенности въ дѣлѣ обработки волокнистыхъ веществъ и металловъ, удерживалась отъ прежнихъ цеховъ лишь внѣшняя ихъ форма, такъ какъ, вмѣсто самостоятельныхъ и равноправныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, они состояли теперь либо изъ однихъ мастеровъ-рабочихъ (кустарей), работавшихъ на предпринимателей, и имѣвшихъ свою особую организацію, если только они ее имѣли, либо изъ двухъ категорій мастеровъ, изъ коихъ одну составляли рабочіе, другую предприниматели. „Мы, говоритъ одинъ новѣйшій ученый, собравшій массу фактовъ изъ спеціальной литературы по исторіи промышленности, въ правѣ утверждать, что въ XVI—XVII столѣтіяхъ и уже во всякомъ случаѣ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ не ремесло, а кустарная промышленность составляла господствующую форму производства“ [1]). Съ этою важною перемѣною было соединено значительное, сравнительно съ прежнимъ временемъ, расширеніе рабочаго класса: раньше это были почти исключительно цеховые подмастерья, число которыхъ, равно какъ учениковъ, сильно увеличилось вмѣстѣ съ ростомъ городовъ и развитіемъ обрабатывающей промышленности, теперь же въ зависимое положеніе, въ какомъ когда-то были лишь одни подмастерья, попали и сами мастера, не говоря уже о появленіи новыхъ категорій рабочихъ, какими были, наприм., выходцы изъ другихъ странъ или мѣстные жители, бравшіеся за ту или другую работу вопреки цеховымъ уставамъ, женщины и даже дѣти, не участвовавшія въ ремесленной промышленности, но не исключавшіяся изъ промышленности кустарной, въ особенности же, нужно замѣтить, деревенскіе кустари, въ разсматриваемый періодъ игравшіе особенно видную роль, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣкоторыхъ производствахъ, хотя законодательство очень долгое время

---

[1]) Стр. 539 I тома книги *Кулишера*, названной выше (стр. 223).

сильно препятствовало развитію обрабатывающей промышленности въ селахъ.

Въ разсматриваемый періодъ высота заработной платы зависѣла не только отъ взаимоотношенія между спросомъ и предложеніемъ, но и отъ вмѣшательства въ это дѣло со стороны государственной власти; это казалось современникамъ до того нормальнымъ, что извѣстный нѣмецкій публицистъ XVII в. Пуфендорфъ въ своей книгѣ „Объ обязанностяхъ человѣка и гражданина“ находилъ установленіе заработной платы по взаимному соглашенію сторонъ возможнымъ лишь въ естественномъ состояніи, въ государственномъ же быту, по его мнѣнію, въ данномъ вопросѣ должны играть роль какъ законы, такъ и распоряженія властей. Государство стараго порядка вообще любило вмѣшиваться во всѣ отношенія общественной жизни для установленія повсемѣстнаго порядка, и колебанія заработной платы нерѣдко казались подлежащимъ пресѣченію безпорядкомъ. Съ другой стороны, правительства разсматриваемой эпохи стояли на той точкѣ зрѣнія, что вмѣшательство въ вопросъ о заработной платѣ требуется со стороны государства интересами самого производства, которое лишь тогда будетъ идти успѣшно, когда у предпринимателя будутъ хорошіе барыши, а рабочіе будутъ содержимы въ умѣренности такой платой, какая нужна лишь для удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ. Развивая эту послѣднюю мысль, тогдашніе публицисты доказывали, что при слишкомъ большомъ заработкѣ рабочій можетъ только излѣниться, стать вообще черезчуръ требовательнымъ, захотѣть еще большей платы, тогда какъ низкая плата обезпечиваетъ за хозяиномъ и бòльшее трудолюбіе, и бòльшую покорность рабочихъ. Удешевленіе товаровъ входило также въ расчеты теоретиковъ и практиковъ тогдашней экономической политики, ибо отъ удешевленія товаровъ, мыслимаго только при низкой заработной платѣ, выигрываетъ и потребитель, и все государство въ торговомъ соперничествѣ съ другими государствами. Одинъ англійскій писатель второй половины XVII в. (Кингъ, авторъ „Естественныхъ и политическихъ наблюденій“) въ соображеніяхъ подобнаго рода заходилъ такъ далеко, что, дѣля населеніе государства на людей, увеличивающихъ богатство страны, и людей, его уменьшающихъ, зачислялъ рабочихъ во вторую категорію вмѣстѣ съ бродягами, солдатами, матросами и пау-

перами, которыхъ по закону о бѣдныхъ принудительно заставляли работать въ работныхъ домахъ. Это, конечно,—доведенный до крайности взглядъ, по существу мало отличавшійся отъ взглядовъ цѣлаго ряда писателей разныхъ странъ, проповѣдовавшихъ спасительность низкой заработной платы при высокихъ, наоборотъ, цѣнахъ на хлѣбъ. Во второй половинѣ XVIII в. отцу политической экономіи Адаму Смиту прямо пришлось доказывать въ своемъ „Богатствѣ народовъ", что улучшеніе положенія рабочихъ нужно считать не несчастьемъ для государства, а, наоборотъ, большимъ для него благополучіемъ. Законодательство разныхъ странъ по этому вопросу не отставало отъ теоріи. Тамъ, гдѣ государство уполномочивало своихъ агентовъ устанавливать заработную плату, вездѣ долженъ былъ опредѣляться не минимумъ ея, а максимумъ, который былъ нерѣдко ниже той платы, какая устанавливалась по обоюдному соглашенію между предпринимателемъ и рабочимъ. Иногда вмѣстѣ съ нормировкою заработной платы объявлялось, что кто будетъ требовать бо́льшаго, тотъ подлежитъ штрафу и даже тюрьмѣ. Подъ страхомъ большого штрафа, случалось, запрещеніе распространялось и на предпринимателей, которые стали бы давать или даже только обѣщать плату выше установленной властями. Общимъ правиломъ установленія заработной платы, гдѣ это практиковалось, было принятіе за максимумъ фактически существующихъ цѣнъ, причемъ данная норма сохранялась цѣлые десятки лѣтъ, не взирая на пониженіе цѣнности денегъ и на соотвѣтственное вздорожаніе товаровъ [1]). Особенно въ XVII—XVIII в. государственная власть неизмѣнно отожествляла интересы промышленности съ интересами предпринимателей.

Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и все рабочее законодательство стараго порядка, которое отличалось и отъ цеховыхъ уставовъ, составлявшихся въ интересахъ мастеровъ, и отъ фабричныхъ законовъ XIX в., ограждающихъ интересы рабочихъ: регламенты XVI—XVIII столѣтій имѣютъ въ виду выгоды предпринимателей, а не интересы рабочихъ, которые, наоборотъ, этими регламентами всецѣло приносились въ жертву тогдашнимъ представителямъ промышленнаго капитала.

[1]) Фиксированіе заработной платы въ интересахъ имущихъ классовъ мы встрѣчаемъ и въ средніе вѣка. Ср. англійское законодательство середины XIV в., о чемъ „Помѣстье-государство", стр. 325.

Особымъ покровительствомъ со стороны государства пользовалась новая, только въ изучаемую эпоху возникшая форма промышленности, которую мы въ отличіе отъ ремесленной (цеховой) и домашней (кустарной) называемъ мануфактурной. Въ настоящее время терминъ *мануфактура*,—что въ буквальномъ переводѣ, значитъ рукодѣліе [1]),—примѣняется спеціально къ промышленнымъ заведеніямъ, гдѣ употребляется въ производствѣ ручной трудъ, въ отличіе отъ фабрикъ, гдѣ работа совершается при помощи машинъ, но въ XVIII столѣтіи слова „мануфактура" и „фабрика" были синонимами, тѣмъ болѣе, что и второе изъ этихъ названій, происходя отъ латинскаго *faber* (ремесленникъ), значило только вообще промышленное заведеніе, хотя, съ другой стороны, уже и начиналось пріуроченіе термина „мануфактура" къ такимъ заведеніямъ, гдѣ работали руками, а термина „фабрика"—къ заведеніямъ, гдѣ дѣйствовали „огнемъ и молотомъ" (что, въ сущности, относилось главнымъ образомъ къ различію между прядильно-ткацкою промышленностью и металлическимъ производствомъ). Далѣе, въ настоящее время мы противополагаемъ мануфактурную (и фабричную) формы промышленности ремесленной и домашней еще по одному признаку, заключающемуся въ размѣрахъ самаго заведенія: мануфактура (и тѣмъ болѣе фабрика), это уже не маленькая мастерская, въ которой самъ хозяинъ работаетъ съ немногими помощниками, каковы подмастерья и ученики или же члены хозяйской семьи, а нѣчто уже большее, представляющее переходную ступень къ современной крупной промышленности, во всякомъ случаѣ такое заведеніе, въ которомъ уже произошла извѣстная концентрація производства. И въ этомъ отношеніи мы слову „мануфактура" придаемъ ограничительное толкованіе, которое прежде не всегда къ нему примѣнялось: мануфактурою не называлось непремѣнно большое промышленное предпріятіе, что явствуетъ, между прочимъ, изъ употребленія термина „соединенная мануфактура" (manufacture réunie), когда хотѣли обозначить производство болѣе крупнаго калибра.

На ближайшихъ страницахъ мы теперь и займемся разсмотрѣніемъ того, какъ стала возникать на Западѣ въ изучаемую нами эпоху болѣе крупная промышленность ману-

---

[1]) Слово *ремесло* по-нѣмецки „Handwerk".

фактурнаго типа и въ какихъ формахъ, а равно и по какой причинѣ государство особенно покровительствовало этому типу [1]).

Обратимся сначала къ вопросу о началѣ промышленной концентраціи. Средневѣковая ремесленная форма обрабатывающей промышленности, какъ и средневѣковое сельское хозяйство, подходитъ подъ общее понятіе мелкаго производства: мы видѣли, какъ сами цеховые уставы ставили всякія препоны на пути какого бы то ни было расширенія производства [2]). Переходъ отъ мелкой промышленности къ болѣе крупной совершался медленно и постепенно, причемъ долгое время сохранялось мелкое производство, которое, однако, начало мало-по-малу эксплуатироваться болѣе крупнымъ предпринимательствомъ, ибо и понятія производства и предпринимательства нужно строго отличать одно отъ другого. Намъ уже извѣстна та роль, какую съиграли скупщики ремесленныхъ издѣлій въ процессѣ превращенія цеховыхъ мастеровъ въ кустарей [3]), и среди явленій, соединенныхъ съ этимъ процессомъ, слѣдуетъ теперь особо отмѣтить ту категорію случаевъ, когда скупщикъ товара самъ принималъ участіе и въ производствѣ: наприм., предприниматель заказывалъ мастерамъ извѣстнаго цеха нужный ему товаръ, но недодѣланнымъ, беря уже на себя придачу ему, передъ отправкою на рынокъ, окончательной обработки; это тѣмъ болѣе было возможно, что при раздробленіи въ цехахъ ремесла на множество мелкихъ спеціальностей [4]) часто одинъ и тотъ же матеріалъ переходилъ черезъ цѣлый рядъ мастерскихъ до своего появленія

---

[1]) Факты и обобщенія для всего послѣдующаго см. въ „Исторіи Западной Европы“, т. I, гл. XVIII (о цехахъ) и XIX (о денежномъ хозяйствѣ); т. II, гл. XXXI и XL (гдѣ рѣчь идетъ о меркантилизмѣ и протекціонизмѣ въ обѣихъ половинахъ XVII в. во Франціи), а также „дополнительную главу“ съ общей характеристикой экономической исторіи XVI в.; т. III, гл. IX (о разложеніи цеховой организаціи въ XVII и XVIII в. въ Германіи, Франціи и Англіи) и т. IV, гл. XXIV (въ которой между прочимъ идетъ рѣчь о замѣнѣ мелкой промышленности крупною). Въ указанномъ на стр. 223 первомъ томѣ книги *Кулишера* см. главу IX, посвященную „централизованнымъ мануфактурамъ“.

[2]) См. выше, стр. 225.

[3]) См. выше, стр. 225 и 228.

[4]) См. выше, стр. 222.

въ продажѣ. Дѣло въ томъ, что къ концу среднихъ вѣковъ въ цеховой промышленности возникъ особый видъ раздѣленія труда, который у Бюхера получилъ спеціальное названіе *Productionstheilung*, т.-е. это было распредѣленіе между отдѣльными цехами различныхъ стадій производства: наприм., одинъ цехъ пряль шерсть, другой состоялъ изъ ткачей сукна, третій занимался сукновальнымъ ремесломъ, четвертый заключалъ въ себѣ красильщиковъ, и такое же „раздѣленіе производства" существовало и въ другихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ только оно могло имѣть мѣсто. Вотъ и выходило такъ, что цехъ, совершавшій конечныя операціи, наприм., окраску сукна или изготовленіе обуви, сборку оружія изъ отдѣльныхъ его частей, произведенныхъ особыми цехами, въ концѣ концовъ получалъ возможность сосредоточивать въ своихъ рукахъ самый сбытъ издѣлій въ ихъ вполнѣ готовомъ видѣ, а отсюда было недалеко до превращенія такого цеха въ корпорацію скупщиковъ, которые сами все менѣе и менѣе занимались непосредственнымъ производствомъ и все болѣе и болѣе становились хозяевами довольно крупныхъ предпріятій, обслуживавшихся, однако, попрежнему мелкими производителями. Наприм., въ ножевомъ производствѣ подобнымъ коммерческимъ предпринимателемъ былъ окончательный изготовильщикъ (Fertigmacher), собиравшій въ одно цѣлое выдѣланныя въ разныхъ мастерскихъ части ножа (лезвія, рукоятки, оправы, футляры и т. п.): мало-по-малу этотъ „фертигмахеръ" становился руководителемъ всего ножеваго производства, заказывавшимъ кустарямъ (бывшимъ прежде самостоятельными мастерами - предпринимателями) отдѣльныя части будущаго ножа изъ имъ же самимъ розданнаго матеріала. По всей вѣроятности, первые скупщики и образовались изъ цеховыхъ же ремесленниковъ „фертигмахерскаго" типа, хотя, конечно, были и такія производства, гдѣ скупщики являлись, такъ сказать, извнѣ, т.-е. образовывались въ чисто торговой, а не въ ремесленной средѣ.

Постепенная эволюція профессіи скупщика превратила его въ позднѣйшаго фабриканта. Нужно помнить, что названіе фабриканта первоначально не имѣло спеціальнаго значенія предпринимателя, ведущаго промышленное дѣло при помощи бо́льшаго или меньшаго количества наемныхъ рабочихъ, соединенныхъ въ одномъ помѣщеніи и занятыхъ въ немъ извѣстнымъ производствомъ за счетъ и подъ надзоромъ хозяина пред-

пріятія. Фабрикантомъ называли въ разсматриваемую эпоху не только крупнаго предпринимателя, но и мелкаго производителя, все равно, былъ ли онъ самостоятельнымъ хозяиномъ своего дѣла или зависимымъ отъ какого-либо предпринимателя кустаремъ. За описанной концентраціей предпріятій послѣдовала концентрація производства, когда работа стала совершаться не на дому у отдѣльныхъ прядильщиковъ, ткачей, красильщиковъ и т. п., а въ общихъ помѣщеніяхъ, въ особыхъ предназначенныхъ для извѣстнаго производства зданіяхъ, стала вмѣстѣ съ тѣмъ совершаться не такъ, какъ хотѣлось и казалось нужнымъ каждому работнику, а подъ общимъ надзоромъ и техническимъ руководствомъ предпринимателя или его довѣренныхъ лицъ, и стала, наконецъ, совершаться съ примѣненіемъ къ производству большаго, чѣмъ то было возможно въ мелкой мастерской, раздѣленія труда между работниками. Нѣтъ нужды, что самыя раннія мануфактуры, по количеству рабочихъ нерѣдко мало отличались отъ ремесленныхъ и кустарныхъ мастерскихъ, заключая въ себѣ иной разъ какихъ-нибудь 6—10 работниковъ; важно то, что во главѣ заведенія стоитъ прежній скупщикъ, что въ заведеніи соединяются иногда разныя спеціальности и что работа производится не на дому, а въ особомъ предназначенномъ для нея помѣщеніи. Стоитъ только такой мануфактурѣ выр ости въ размѣрѣ путемъ, наприм., переноса въ одну большую мастерскую значительнаго количества ткацкихъ станковъ изъ мелкихъ кустарныхъ мастерскихъ, чтобы получилась одна крупная „соединенная мануфактура", которая съ введеніемъ, впослѣдствіи, машиннаго производства превращается въ современную фабрику. Но этотъ экономическій процессъ совершался, повторяю, постепенно и медленно, часто путемъ едва замѣтныхъ измѣненій, не вездѣ въ одно и то же время, далеко не равномѣрно въ отдѣльныхъ производствахъ, такъ что одновременно могли существовать рядомъ и ремесленное мастерство, и кустарное производство, и новая мануфактурная форма [1]).

[1]) Ср. въ V т. „Исторіи Западной Европы", стр. 104—105, гдѣ говорится о ліонской шелковой промышленности около 1831 г., когда въ Ліонѣ было грандіозное возстаніе ткачей. Въ Ліонѣ господствовалъ кустарный способъ, а между тѣмъ тамошняя промышленность называлась „la grande fabrique". Передъ 1789 г. здѣсь насчитывалось около 6000 кустарей

Этой-то послѣдней формѣ особенно и покровительствовала государственная власть XVII и XVIII в. „Обращаютъ вниманіе,—писалъ знаменитый Мирабо, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей французской революціи, въ экономической политикѣ раздѣлявшій физіократическіе взгляды своего отца, извѣстнаго „Друга людей“,—обращаютъ вниманіе на большія мануфактуры, гдѣ работаютъ сотни людей подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются соединенными мануфактурами. Тѣ же производства, въ которыхъ также занято большое количество работниковъ, но разъединенныхъ и проводящихъ свое дѣло каждый самъ по себѣ, едва удостоиваются вниманія“. Мирабо высказывался противъ такой системы, приводящей къ обогащенію лишь немногихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ причину процвѣтанія соединенныхъ мануфактуръ. „Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—далеко искать причины блеска саксонскихъ мануфактуръ передъ семилѣтнею войною? Объясняютъ его сто восемьдесятъ милліоновъ государственнаго долга“.

Во всѣхъ учебникахъ новой исторіи, при изложеніи царствованія Людовика XIV, отмѣчается, какъ явленіе, заслуживающее особаго вниманія, дѣятельность Кольбера, покровителя, поощрителя и даже насадителя мануфактуръ во Франціи третьей четверти XVII в. Въ сущности, однако, Кольберъ былъ только одинъ изъ многихъ: онъ не былъ ни единственнымъ представителемъ такой политики, которую даже окрестили названіемъ „кольбертизма“, ни ея иниціаторомъ, хотя бы только-что приведенное названіе и оправдывалось тою широтою захвата, тою неустанною энергіей, тою послѣдовательною систематичностью, которыя проявились во всей экономической политикѣ знаменитаго министра Людовика XIV. Покровительство мануфактурамъ началось раньше Кольбера и происходило одинаково и внѣ Франціи, во Франціи же при Кольберѣ оно только достигло наивысшей ступени развитія и было возведено въ основной принципъ всей экономической политики.

Разсматривая вообще экономическую политику XVII—XVIII вв., мы вездѣ болѣе или менѣе обнаруживаетъ нерас-

(maîtres-ouvriers) на 400 „marchands de la grande fabrique“, т.-е. 15 кустарей на одного фабриканта. *J. Jaurès*. La constituante (I т. „Histoire Socialiste“), стр. 87.

положеніе правительствъ къ старой цеховой формѣ, соединенное съ тяготѣніемъ къ тому, что̀ мы называемъ теперь мануфактурами. Бюрократическое государство, вообще плохо мирившееся съ общественною самодѣятельностью и независимыми союзными формами быта, къ числу каковыхъ относились и цехи, искало только предлоговъ,— а ихъ много давали непорядки цеховой жизни, — чтобы наложить на цехи свою руку и подчинить весь строй промышленности правительственнымъ видамъ, но такъ какъ корпоративная организація плохо поддавалась попыткамъ государства заставить ее играть роль, къ которой она совсѣмъ не была приспособлена, то правительства и стали изыскивать новые пути въ дѣлѣ развитія промышленности, между прочимъ, и для иностраннаго вывоза. Во Франціи королевская власть охраняла лишь тѣ внутренніе порядки цеховъ, которые не мѣшали и не вредили самому правительству,—политика, которой французскіе короли держались по отношенію и къ провинціальнымъ привилегіямъ, и къ феодальнымъ правамъ, и къ католической церкви; но тамъ, гдѣ затрогивались права и интересы государства, какъ ихъ тогда понимали, власть ничѣмъ уже не стѣснялась. Если король былъ источникомъ правосудія („toute justice émane du roi“) или если онъ могъ „облагородить“ (ennoblir), т.-е. возвести въ дворянское достоинство любого подданнаго, то совершенно такимъ же образомъ король могъ установить и какую угодно монополію и кого угодно сдѣлать мастеромъ, т.-е. позволить ему заниматься любымъ ремесломъ внѣ даннаго цеха, лишь бы, конечно, это разрѣшеніе, скрѣпленное особымъ патентомъ (lettre de maîtrise) было достаточно оплачено. Старыя права ремесленныхъ союзовъ и городскихъ властей, когда-то регулировавшихъ промышленность, перешли къ королю и его чиновничеству, которые, съ своей стороны, находили болѣе выгоднымъ дать этой промышленности новое направленіе. Цеховые уставы тормазили мануфактурное развитіе, государство, наоборотъ, стремилось всячески его поощрять.

Прежде всего, развитіе придворной жизни, нуждавшейся въ большомъ количествѣ ремесленныхъ издѣлій, привело къ образованію цѣлаго класса привилегированныхъ мастеровъ, такъ сказать придворныхъ поставщиковъ (и въ дѣйствительности, и по имени только), въ Германіи носившихъ названіе *Hofbefreite*, во Франціи—*ouvriers suivant la cour*, т.-е. рабо-

чихъ слѣдующихъ за дворомъ, отъ каковыхъ нужно отличать болѣе раннюю категорію „мастеровъ по патенту“ (maîtres de lettres), существовавшихъ и внѣ столицы [1]). Вторымъ наслоеніемъ въ этомъ привилегированномъ и внѣ цеховъ стоящемъ ремесленничествѣ были иностранные выходцы, искавшіе себѣ заработковъ на чужбинѣ или спасавшіеся отъ религіозныхъ преслѣдованій. Въ XVI и XVII вѣкахъ особенно дѣятельно шло такое перемѣщеніе индустріальныхъ работниковъ, когда, наприм., во Франціи, въ Швейцаріи, въ южной Германіи въ большомъ количествѣ появляются итальянскіе ремесленники, въ Англіи и во Франціи—голландцы и т. п., и одно уничтоженіе Людовикомъ XIV нантскаго эдикта наполнило бѣглыми гугенотами изъ промышленнаго класса и Голландію, и прирейнскія области Германіи, и Швейцарію, и болѣе отдаленный Бранденбургъ. Этой иммиграціи тогдашнія правительства не только не ставили никакихъ преградъ, но охотно оказывали всякое покровительство, прямо даже вызывая въ свои страны искусныхъ мастеровъ для усовершенствованія или расширенія уже существовавшихъ производствъ или основанія новыхъ. Имъ давали всякія привилегіи, вспособленія, денежныя ссуды и т. п. и оказывали еще особаго рода покровительство. Цехи встрѣчали непрошенныхъ пришельцевъ недружелюбно, и часто враждебное настроеніе мѣстныхъ мастеровъ проявлялось въ насиліяхъ разнаго рода надъ самими иностранцами или надъ ихъ имуществомъ, надъ ихъ рабочими орудіями, надъ приготовленными ихъ трудомъ издѣліями. И вотъ защита ихъ со стороны правительства принимала форму нарочитаго королевскаго или княжескаго (въ Германіи) покровительства: пришлымъ ремесленникамъ отводилось особое „казенное“ помѣщеніе, которое отмѣчалось государственнымъ гербомъ и получало наименованіе, смотря по титулу государя-покровителя, королевской, герцогской и т. п. мануфактурой. Такъ, уже въ началѣ XVII в. цѣлый рядъ промышленныхъ заведеній существовалъ въ Луврѣ, такъ сказать, подъ непосредственнымъ покровомъ королевской резиденціи, и изъ нихъ мало-по-малу возникла

[1]) Во Франціи въ XVI в. допускалось существованіе не болѣе одного такого мастера по каждому ремеслу въ каждомъ городѣ, но потомъ это число стало увеличиваться, и въ серединѣ XVIII в. нормальною сдѣлалась цифра 8.

большая королевская мануфактура, выдѣлывавшая самые разнообразные предметы роскоши для двора и для болѣе богатыхъ покупателей. Около того же времени,—дѣло было въ концѣ царствованія Генриха IV,—во Францію были вызваны фламандскіе мастера ковроваго производства, которымъ позднѣе для жительства и работы было отдано зданіе, принадлежавшее раньше фамиліи Гобеленовъ, откуда и получила свое имя всесвѣтно знаменитая и нынѣ еще существующая мануфактура дорогихъ художественныхъ ковровъ (тоже называемыхъ „гобеленами"). Такихъ примѣровъ возникновенія „королевскихъ мануфактуръ" можно было бы привести еще и еще; быть можетъ, именно всякія каверзы, чинившіяся цехами пришлымъ ремесленникамъ, и приводили правительства къ мысли о помѣщеніи пришельцевъ всѣхъ вмѣстѣ въ спеціально охраняемыхъ зданіяхъ, на которыя, кромѣ того, и не распространялась сила цеховыхъ уставовъ [1]).—Характерною особенностью этого правительственнаго почина въ дѣлѣ основанія мануфактуръ было еще то, что въ въ цѣляхъ индустріальнаго развитія мастерскія всякаго рода,—примѣры приводятся историками промышленности изъ разныхъ странъ,—устраивались въ тюрьмахъ, смирительныхъ и работныхъ домахъ, пріютахъ для сиротъ и т. п. [2]). Форма работнаго дома служила промышленности свою особую службу, ибо населеніе неохотно шло въ новыя мануфактуры, и контингентъ рабочихъ пополнялся изъ сиротъ или изъ нищихъ, бродягъ, преступниковъ, а съ другой стороны, это тоже была своего рода вывѣска, охранявшая „мануфактуру" отъ нападенія со стороны цеховъ. Что дѣло имѣло именно такой характеръ, доказывается существованіемъ множества случаевъ отдачи подобныхъ заведеній въ аренду частнымъ предпринимателямъ и даже установленія, хотя бы и очень низкой, заработной платы этимъ подневольнымъ рабочимъ.

Существованіе „королевскихъ мануфактуръ" и „работныхъ домовъ", въ которыхъ промышленность развивалась внѣ ра-

---

[1]) Въ Парижѣ она не распространялась еще на предмѣстья (подгородныя слободы), гдѣ и стали возникать мануфактуры.

[2]) „По отношенію къ разсматриваемой эпохѣ XVII—XVIII ст. необходимо совершенно отрѣшиться отъ современной точки зрѣнія на принудительную работу въ тюрьмахъ и признать исправительныя заведенія важной категоріей мануфактуръ". *Кулишеръ*, I, 615.

мокъ, созданныхъ цеховой организацiей, облегчало, конечно, развитiе и частныхъ мануфактуръ изъ соединенiя въ одно цѣлое прежнихъ мелкихъ мастерскихъ одной или разныхъ спецiальностей, но, съ другой стороны, свободные рабочiе очень неохотно шли въ такiя мануфактуры въ виду ихъ большой близости къ исправительнымъ заведенiямъ, такъ что образовался даже взглядъ, по которому мануфактурный рабочiй занималъ чуть не самое послѣднее мѣсто на лѣстницѣ соцiальныхъ положенiй. Частнымъ предпринимателямъ государство тоже оказывало всякаго рода поощренiе и покровительство, лишь бы они производили какъ можно больше товаровъ: то были безпроцентныя ссуды, безвозвратныя субсидiи, казенные заказы, привилегiи и монополiи, регламентацiя заработной платы и условiй труда въ пользу предпринимателей, искусственныя мѣры для пониженiя хлѣбныхъ цѣнъ, высокiе таможенные тарифы по ввозу иностранныхъ товаровъ, выгодные торговые трактаты съ другими государствами, однимъ словомъ, всѣ способы и средства, какiе только были въ распоряженiи государства вплоть до нарочитаго поощренiя роскоши придворныхъ ибо роскошь считалась однимъ изъ важныхъ стимуловъ въ дѣлѣ индустрiальнаго развитiя. Отъ исторiи тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ обрабатывающей промышленности въ эпоху абсолютной монархiи, переходимъ теперь къ исторiи перемѣнъ, совершившихся въ ту же эпоху и въ торговлѣ.

На первый планъ здѣсь можно поставить измѣненiе въ главныхъ торговыхъ путяхъ на рубежѣ XV и XVI столѣтiй, благодаря почти одновременно совершившимся открытiямъ Америки (1492) и морского пути въ Индiю (1498), причемъ отмѣтимъ, что главное значенiе въ разсматриваемомъ явленiи непосредственно принадлежало второму изъ этихъ открытiй. Извѣстно, что до крестовыхъ походовъ Западъ въ торговомъ отношенiи былъ почти вполнѣ отрѣзанъ отъ Востока, продукты странъ котораго начинаютъ входить въ употребленiе высшихъ классовъ средневѣкового общества только въ эпоху крестоносныхъ ополченiй для завоеванiя св. гроба. Все это были предметы, совершенно недоступные по своимъ цѣнамъ для массы населенiя, предметы роскоши, которые останутся таковыми во всякое время, и предметы, паденiе цѣнъ на которые впослѣдствiи сдѣлали ихъ доступными самымъ небогатымъ потребителямъ, но которые въ то

время, благодаря своей дороговизнѣ, тоже были предметами роскоши, когда фунтъ сахара стоилъ десять рублей (во Франціи въ концѣ XIV в.), а цѣна одного килограмма (килограммъ=2,4 ф.) перца колебалась въ шестидесятыхъ годахъ XIII в. въ разныхъ мѣстахъ на теперешнія нѣмецкія деньги между 4,8 и 8 марками, что въ переводѣ на русскій счетъ при средней цѣнѣ (въ 6,4 марки) дастъ болѣе полутора рубля за фунтъ. Главными посредниками въ торговлѣ съ Востокомъ по вывозившимся оттуда пряностямъ, благовоніямъ, москательнымъ товарамъ, дорогимъ тканямъ и коврамъ, оружію, украшеніямъ [1]) были Венеція и Генуя, богатство и могущество которыхъ всецѣло основывалось на ихъ торговой монополіи. Венеціанцы и генуэзцы очень искусно устраняли всѣхъ другихъ итальянскихъ и неитальянскихъ конкуррентовъ, какіе только у нихъ вообще могли быть на Средиземномъ морѣ, стараясь, съ другой стороны, непосредственно торговать и съ отдаленнѣйшими странами Востока, и съ главнѣйшими странами Западной Европы. Именно, венеціанскія и генуэзскія галеры посѣщали Нидерланды (Фландрію) и Англію, не говоря о болѣе близкихъ приморскихъ областяхъ, причемъ нѣмцы (ганзейцы) пріобрѣтали восточные товары въ Брюгге (во Фландріи), куда ихъ доставляли венеціанцы и генуэзцы, а откуда часть ихъ шла въ сѣверную Германію, скандинавскія страны и Русь, тогда какъ германскій Югъ велъ сухопутную торговлю черезъ алпійскіе проходы. Всѣ западные участники торговли левантскими товарами страшно обогащались, и въ нѣкоторыхъ городахъ создавались колоссальныя для того времени денежныя состоянія (примѣръ—Фуггеры въ Аугсбургѣ [2]) и возникали могущественныя торговыя компаніи, пріобрѣтавшія важныя монопольныя права.

Венеціанскіе и генуэзскіе корабли сначала нагружались восточными товарами въ Сиріи, Малой Азіи, Персіи, Египтѣ, но когда въ Передней Азіи, въ концѣ XIV в., стали господствовать османскіе турки, одна Александрія въ Египтѣ оставалась для европейцевъ такимъ мѣстомъ, гдѣ они могли запасаться наиболѣе ходкими продуктами Индіи, какъ пряности и благовонія, да и самому Египту впослѣдствіи (въ 1526 г.)

---

[1]) О значеніи подобныхъ предметовъ еще въ ранней торговлѣ Востока см. „Монархіи", стр. 48.

[2]) См. дополнительную главу II тома „Исторіи Западной Европы".

было суждено сдѣлаться добычею турокъ. Но раньше, чѣмъ это случилось, португальцемъ Васко-де-Гама, въ самомъ концѣ XV в., найденъ былъ морской путь въ Индію вокругъ Африки. Это было событіе капитальной важности въ исторіи европейской торговли и ея путей. До этого момента торговля Индіи съ Европою совершалась при посредствѣ арабовъ, доставлявшихъ индійскіе товары въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ могли пріобрѣтать венеціанцы и генуэзцы, причемъ часть пути этимъ товарамъ приходилось идти сухимъ путемъ, теперь же португальцы стали торговать, непрерывнымъ морскимъ путемъ, непосредственно съ Индіей, позаботившись — и съ большимъ успѣхомъ—о совершенномъ устраненіи арабскихъ конкуррентовъ. Эта перемѣна сопровождалась колоссальнымъ увеличеніемъ ввоза произведеній Индіи въ Европу, и главнымъ складочнымъ ихъ мѣстомъ, откуда они развозились по европейскимъ странамъ сдѣлался Лиссабонъ: дѣло дошло до того, что всего лишь черезъ 16 лѣтъ послѣ открытія морского пути въ Индію сами венеціанцы пріѣхали въ португальскую столицу для закупки пряностей. Съ Венеціей утратила прежнее значеніе и вся юго-западная Германія со своими богатыми имперскими городами по Дунаю и по Рейну [1]). Торговые пути перемѣстились, и вмѣсто средневѣковыхъ Италіи и Германіи, главными торговыми странами сдѣлались сначала Португалія и Испанія, потомъ Голландія и Англія, лежавшія ближе къ Атлантическому океану, которому Средиземное море должно было уступить былое первенство.

Только-что было упомянуто, какое важное значеніе пріобрѣлъ уже въ началѣ XVI в. Лиссабонъ, какъ новый центръ левантской торговли. Одною изъ особенностей этой торговли было то, что непосредственное участіе въ ней принималъ самъ король, въ пользу котораго, кромѣ того, поступала въ видѣ пошлины и крупная доля отъ частныхъ предпріятій. Впрочемъ, это явленіе въ исторіи нельзя считать совершенно новымъ. Уже цари разныхъ странъ древняго Востока нерѣдко

---

[1]) Къ этому же времени относится паденіе торговаго значенія средневѣковой нѣмецкой Ганзы, но отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ морскими открытіями конца XV в. Дѣло просто объясняется тѣмъ, что страны, эксплуатировавшіяся ганзейскою торговлею, настолько съ теченіемъ выросли въ торговомъ отношеніи, что мало-по-малу стали обходиться безъ невыгоднаго для нихъ посредничества Ганзы.

сами снаряжали сухопутные караваны и торговые корабли для подобныхъ же предпріятій [1]), и нерѣдко также развитіе торговли по какимъ-либо новымъ путямъ было обязано больше правительственной инициативѣ и энергіи, чѣмъ частнымъ предпріятіямъ. Это можно, наприм., сказать объ египетской торговлѣ на Красномъ морѣ въ птолемеевскія времена [2]), когда вся почти красноморская торгово-промышленная дѣятельность въ теченіе десятковъ лѣтъ была государственной монополіей [3]), пока не стала переходить въ руки частныхъ предпринимателей [4]). „Въ обществѣ, говоритъ новѣйшій русскій изслѣдователь этого вопроса, — въ обществѣ, обладавшемъ сравнительно невысокой экономической культурой, какимъ было египетское общество передъ македонскимъ завоеваніемъ, правительство, сосредоточивавшее въ своихъ рукахъ значительныя финансовыя средства, являлось весьма существенною хозяйственною силою“ [5]). То же самое можно повторить о португальскомъ обществѣ передъ открытіемъ морского пути въ Индію. Въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ королю принадлежала безусловная торговая монополія, въ другихъ королевскіе агенты пользовались значительными привилегіями, вообще же купцы, участвовавшіе въ заморской торговлѣ, должны были дѣлиться прибылью съ королемъ, отдавая ему, наприм., четвертую часть своихъ барышей; не слѣдуетъ при этомъ забывать и того, что лишь у короля были въ достаточномъ количествѣ транспортныя суда. Въ Лиссабонѣ у правительства были особые магазины, гдѣ происходила распродажа привезенныхъ товаровъ королевскими чиновниками и по цѣнамъ, назначавшимся королемъ, были ли то товары королевскіе или купеческіе безразлично. Впрочемъ, монопольные товары скупались особыми торговыми компаніями, у которыхъ только и можно было ихъ перекупать, что обезпечивалось уплатою королю впередъ части денегъ, когда товары еще везлись на корабляхъ изъ мѣстъ ихъ закупки. Пользуясь своимъ монопольнымъ пра-

---

[1]) Монархіи, стр. 55.

[2]) *М. Хвостовъ.* Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта (1907), стр. 318.

[3]) Тамъ же, стр. XXV, 322, 341 и 377.

[4]) Тамъ же, стр. 332, 379, 404, 433—434.

[5]) Тамъ же, стр. V—VI.

вомъ, король могъ по произволу повышать цѣны на многіе предметы, получая отсюда громадные барыши.

Одновременно съ процвѣтаніемъ португальской торговли происходило аналогичное развитіе и въ Испаніи, которая стала распоряжаться, какъ дома, во вновь открытой Америкѣ. Отсюда на Пиренейскій полуостровъ привозилась ежегодно масса золота и серебра, значительная часть которыхъ доставалась королю то въ видѣ непосредственной добычи, то въ видѣ пошлины, номинально равнявшейся 20%, въ дѣйствительности превышавшей иногда и 50%, то въ видѣ такъ называемыхъ принудительныхъ займовъ. Торговля неграми, которыхъ стали вывозить изъ Африки въ Америку, какъ рабочую силу, была королевскою же монополіей, и даже тогда, когда послѣ утрехтскаго мира (1713) она перешла къ англичанамъ, испанскій король имѣлъ свою долю въ барышахъ англійской компаніи, занимавшейся этимъ дѣломъ. Наконецъ, и въ Испаніи также основывались торговыя компаніи, получавшія большіе дивиденды, между прочимъ, отъ ввоза въ Америку европейскихъ издѣлій.

Говоря объ испанской торговлѣ въ XVI в., нельзя не упомянуть о томъ, что приливъ въ Европу, въ небывалыхъ до того времени количествахъ, и золота, и серебра повлекъ за собою цѣлый экономическій переворотъ, заключавшійся въ сильномъ паденіи цѣнности денегъ и соотвѣтственномъ вздорожаніи товаровъ.

Включеніе въ составъ Испанской монархіи, при императорѣ Карлѣ V, Нидерландовъ оказало сильное вліяніе на развитіе торговли и въ этой странѣ. При Филиппѣ II часть Нидерландовъ, однако, отложилась отъ Испаніи, въ отместку за что Филиппъ II, овладѣвшій въ 1580 г. Португаліей со всѣми ея колоніями, закрылъ голландскимъ купцамъ доступъ въ Лиссабонъ, откуда только и можно было получать индійскіе товары. Извѣстно, что новая республика, успѣшно отстаивавшая себя отъ Испаніи съ оружіемъ въ рукахъ, въ XVII в. завладѣла многими португальскими колоніями и заняла мѣсто португальцевъ въ торговлѣ съ отдаленными странами Азіи. Монопольныя права, принадлежавшія прежде португальскому королю, перешли въ Голландіи къ акціонерной компаніи, дѣлами которой заправляли, въ сущности, лица, стоявшія и во главѣ государства, такъ что и здѣсь правительство,—хотя бы, такъ сказать, и въ замаскированномъ видѣ,—принимало дѣя-

тельное участіе въ заморской торговлѣ, получившей поэтому весьма сложную организацію съ главными заправилами въ самой Голландіи и цѣлымъ чиновничьимъ штатомъ въ колоніяхъ.

Послѣ Голландіи по той же проторенной португальцами и испанцами дорогѣ пошла и Англія, которая до XVI в. совсѣмъ не играла еще крупной роли въ торговлѣ и находилась въ экономической зависимости отъ Венеціи и отъ Ганзы. Когда Филиппъ II закрылъ доступъ въ Лиссабонъ и для англичанъ, они поступили совершенно такъ же, какъ и голландцы, т.-е. постарались завести непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей и другими странами Востока и стали пріобрѣтать колоніи. Въ Англіи тоже образовались купеческія товарищества слившіяся потомъ въ одну Остъ-Индскую компанію, скоро достигшую и богатства, и могущества. Здѣсь, однако, королевской власти пришлось играть болѣе скромную роль, наприм., лишь дольщицы въ одной купеческой компаніи, которой было разрѣшено (въ 1635 г.) отправить свои корабли въ Индію въ ущербъ монопольнымъ правамъ большой Остъ-Индской компаніи. Впрочемъ, отъ нарушеній своей привилегіи компанія часто откупалась, давая правительству большія деньги подъ формою добровольныхъ займовъ, такъ что и въ Англіи королевская казна, хоть и не такъ, какъ въ Португаліи и Испаніи, тоже обогащалась отъ заморской торговли. Вообще же въ Голландіи, и въ Англіи, гдѣ особое развитіе получили большія купеческія общества, монопольныя права этихъ компаній были всецѣло созданіемъ государственной власти, въ данномъ случаѣ оказывавшей исключительное покровительство капиталистамъ и извлекавшей изъ этого матеріальныя выгоды и для себя.

Такимъ образомъ, подводя итоги подъ сказаннымъ въ этой главѣ, мы можемъ установить тотъ общій фактъ, что и въ созданіи мануфактурной промышленности, и въ развитіи заокеанской торговли крупную роль съиграло само государство. Оно прямо, такимъ образомъ, помогло сформированію особаго соціальнаго класса, все значеніе котораго зиждилось на обладаніи болѣе или менѣе крупными промышленными и торговыми капиталами. Конечно, тѣ экономическіе процессы, о которыхъ шла рѣчь, уже сами по себѣ вели къ образованію капиталистической буржуазіи, имѣвшей своихъ родоначальниковъ еще въ средневѣковыхъ городахъ, но и государство при-

ложило свою руку къ тому, чтобы помочь экономическимъ процессамъ, благодаря которымъ вырабатывался классъ промышленныхъ и торговыхъ капиталистовъ. Какъ мануфактурная промышленность отличалась отъ цеховой, такъ и торговыя компаніи XVI—XVIII вв., особенно въ своей акціонерной формѣ [1]), отличались отъ средневѣковыхъ купеческихъ гильдій [2]). Выросшее на феодальныхъ основахъ государство въ XVI вѣкѣ вошло въ курсъ торгово-промышленнаго развитія, чѣмъ и опредѣляется то направленіе экономической политики абсолютной монархіи и вообще государства XVI—XVIII вв., которое называется меркантилизмомъ.

---

[1]) Акціонерныя общества, въ которыхъ отдѣльныя лица участвуютъ долевыми вкладами (акціями), не принимая на себя личной отвѣтственности, стали возникать, главнымъ образомъ, въ XVII в., а къ XVIII в. уже относится и такое явленіе, какъ акціонерный ажіотажъ (ср. выше, стр. 213). Аналогичныя формы существовали и ранѣе, съ конца среднихъ вѣковъ, а нѣчто подобное представляли собою и общества откупщиковъ въ Римѣ (societates publicanorum), въ которыхъ тоже участвовали владѣльцы мелкихъ долей (particulae). Государство-городъ, стр. 291.

[2]) Купеческія гильдіи среднихъ вѣковъ, это—сначала чисто временныя, а потомъ и постоянныя соединенія купцовъ одного и того же города, цѣлью которыхъ были взаимопомощь во время совмѣстныхъ торговыхъ путешествій на ярмарки на случай разбойныхъ нападеній и взаимныя соглашенія при установленіи цѣнъ на товары. Такія гильдіи достигали фактической монополіи въ районахъ своего дѣйствія. Торговыя компаніи новаго времени сдѣлались соединеніями уже не лицъ, а капиталовъ, для увеличенія которыхъ брались въ долгъ подъ проценты и болѣе мелкія сбереженія постороннихъ людей. Купеческая гильдія включала въ свой составъ всѣхъ купцовъ извѣстной мѣстности, торговыя же компаніи основывались лишь нѣкоторымъ, большею частью ограниченнымъ числомъ купцовъ къ невыгодѣ для остальныхъ, т.-е. выдѣлялись изъ прежнихъ гильдій въ самостоятельныя организаціи, разрушавшія прежній, средневѣковой купеческій строй. Зарожденіе торговыхъ компаній относится къ концу среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА XIV.

Экономическая политика стараго порядка.

Меркантилизмъ, какъ характерная черта экономической политики эпохи абсолютной монархіи. — Соціальное значеніе особаго покровительства со стороны государства торговлѣ и промышленности. — Устраненіе дворянства отъ мѣщанскихъ занятій. — Невыгодныя слѣдствія меркантильной системы для сельскаго хозяйства и начало правительственныхъ заботъ о немъ въ XVIII в. — Споры XVIII в. о хлѣбной торговлѣ. — Что́ такое въ сущности меркантилизмъ и протекціонизмъ?—Вмѣшательство государства во внутреннія дѣла промышленности и торговли. — Спеціально торговая политика при старомъ порядкѣ.—Вліяніе торговыхъ и колоніальныхъ интересовъ на внѣшнюю политику.

Экономическая политика XVI—XVIII вв. и соотвѣтственная ей теорія извѣстны въ исторіи какъ государственнаго, такъ и хозяйственнаго быта подъ названіемъ *меркантилизма*. Французское „mercantile“ значитъ „торговый“, а потому указанный терминъ можно толковать, какъ „торговое направленіе“. Далѣе, говоря о торговомъ направленіи экономической политики государства, мы тѣмъ самымъ характеризуемъ ее, какъ политику, проникнутую торговымъ духомъ, ставящую на видное мѣсто интересы торговли, оказывающую особую поддержку торговой дѣятельности и занимающемуся ею общественному классу. Въ меркантилизмѣ само государство стремится сдѣлаться торговымъ, видя въ торговлѣ главный источникъ своего обогащенія и полагая, что богатство государства или, точнѣе говоря, государственной казны заключается въ приливѣ денегъ, звонкой монеты, золота и серебра. Сами государи при благопріятныхъ условіяхъ не прочь были заниматься торговлею — фактъ, намъ уже извѣстный изъ предыдущаго изложенія. Вспомнимъ, прежде всего, королевскую и княжескую торговлю зерновымъ хлѣбомъ и овечьею шерстью, какъ продуктами эксплуатаціи ихъ помѣстій [1]). Вспомнимъ, далѣе, и королевскую торговлю въ Португаліи и въ Испаніи

---

[1]) См. выше, стр. 199—200.

заокеанскими товарами въ родѣ разнаго рода пряностей [1]). Вспомнимъ, наконецъ, и королевскія мануфактуры, которыя, конечно, обслуживали не одинъ только дворъ, но и вообще болѣе богатую публику [2]). Съ другой стороны, мы видѣли, что въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени все государственное хозяйство, само бывшее прежде феодальнымъ, перестраивалось по типу хозяйства купеческаго: это соотвѣтвовало общему переходу отъ болѣе ранняго натуральнаго хозяйства къ болѣе позднему хозяйству—денежному [3]).

От практики меркантилизма, зародившейся еще въ средневѣковыхъ купеческихъ республикахъ и усвоенной въ XVI столѣтіи государями, въ XVII же вѣкѣ достигшей наибольшаго своего развитія, нужно отличать меркантилистическую теорію, во всякомъ случаѣ бывшую болѣе поздняго, чѣмъ практика, происхожденія, но зато изъяснявшую принципіальныя основы послѣдней, ея конечныя цѣли и ея дѣйственныя средства, дававшую государственнымъ людямъ совѣты и наставленія, вырабатывавшую правила искуснаго веденія государственнаго хозяйства и правительственнаго воздѣйствія на хозяйство народное. Хотя въ исторической послѣдовательности меркантилистическая практика предшествовала меркантилистической теоріи, но для того, чтобы уразумѣть первую, мы должны прежде познакомиться со второю.

Писатели меркантилистическаго направленія были далеки отъ постановки задачи научнаго изслѣдованія законовъ, управляющихъ хозяйственною жизнью народовъ, т.-е. ихъ ученіе было не столько наукою, сколько искусствомъ: если это ученіе и можно подвести подъ категорію наукъ, то не чистыхъ, а такъ называемыхъ прикладныхъ. И въ этой области его предметомъ была не хозяйственная дѣятельность населенія государства, а лишь государственное управленіе. Впослѣдствіи главный основатель экономической науки, Адамъ Смитъ, назвалъ свое сочиненіе „Богатствомъ народовъ", но меркантилистамъ это понятіе, можно сказать, было чуждо, ибо они почти исключительно были заняты „богатствомъ государствъ", а еще болѣе богатствомъ казны. Меркантилисты одинаково были очень далеки отъ того, чтобы видѣть источникъ богатства въ землѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 243—244.

[2]) См. выше, стр. 238 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 201 и слѣд.

какъ учили смѣнившіе ихъ физіократы, или въ производительномъ трудѣ, выдвинутомъ позднѣйшими экономистами, потому что богатство они понимали въ смыслѣ обилія денегъ, звонкой монеты, драгоцѣнныхъ металловъ. Вся цѣль государственнаго управленія въ ихъ глазахъ заключалась въ томъ, чтобы привлекать въ казну и накоплять въ ней какъ можно больше денегъ. Съ этой стороны меркантилизмъ имѣлъ строго фискальный характеръ, но для того, чтобы въ казнѣ было много денегъ, нужно было привлекать ихъ побольше и въ страну. Лучшимъ средствомъ для достиженія такой цѣли они считали торговлю, откуда и названіе самой системы. Къ внутренней торговлѣ меркантилисты были равнодушны: она государства не обогащаетъ, не увеличивая количества денегъ, обращающихся въ странѣ. Обогащаютъ государство лишь торговля вывозная, привлекая въ страну деньги за проданные въ чужіе края товары, да торговля провозная (транзитная), потому что за провозъ товаровъ тоже платятся деньги. Ввозную торговлю меркантилисты считали даже прямо вредною, ибо за ввозимые товары нужно платить деньги, а это ведетъ къ обѣдненію страны. Впрочемъ, безъ ввоза обойтись нельзя, и потому нужно стремиться къ превышенію вывоза надъ ввозомъ, и составляющему выгодный для государства торговый балансъ. Далѣе, меркантилисты учили, что вывозить выгоднѣе продукты обрабатывающей промышленности, какъ болѣе дорогіе и менѣе громоздкіе, слѣдовательно, и болѣе удобные для перевозки, нежели болѣе дешевые и болѣе громоздкіе продукты добывающей промышленности, какъ-то хлѣбъ, кожи, шерсть, лѣсъ и вообще всякое сырье. Вотъ почему меркантилисты, кромѣ вопросовъ торговли, интересовались еще вопросами обрабатывающей промышленности, совсѣмъ, наоборотъ, обходя своимъ вниманіемъ вопросы сельскаго хозяйства, а изъ добывающей промышленности вообще дѣлая исключеніе только для добыванія золота и серебра. По той же причинѣ, наконецъ, меркантилизмъ рекомендовалъ ввозить въ страну сырье, которое можно было бы въ ней переработывать въ болѣе цѣнныя издѣлія, но отнюдь не допускать ввоза издѣлій, поскольку за нихъ не только нужно платить деньги, но и поскольку такой ввозъ ведетъ къ подрыву собственной промышленности страны.

Логическимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій было то, что государство должно было всячески поощрять торговлю и промышленность и, слѣдовательно, оказывать особое покро-

вительство тѣмъ классамъ общества, которые получаютъ выгоду отъ этихъ двухъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Меркантилисты, въ сущности, проповѣдовали солидарность интересовъ фиска и капиталистическихъ предпринимателей въ областяхъ торговли и промышленности. Теоретиковъ этой системы совсѣмъ не занимали интересы другихъ классовъ общества, т.-е. ни потребителей, ни промышленныхъ рабочихъ, ни сельскихъ хозяевъ. Все должно было даже приноситься въ жертву коммерціи и индустріи. Авторы меркантилистическихъ сочиненій рекомендовали, въ качествѣ способовъ поощренія, установленіе монополій, привилегій, выдачу субсидій предпринимателямъ, вывозныхъ премій купцамъ и введеніе высокихъ пошлинъ на ввозимые товары, не только обогащающихъ казну, но и ограждающихъ отечественное производство отъ конкурренціи съ промышленностью другихъ странъ. Въ связи съ вопросами торговли меркантилисты разрабатывали и вопросы денежнаго обращенія и кредита. Вывозъ денегъ изъ страны многими изъ нихъ считался чуть ли не главнымъ источникомъ всякихъ экономическихъ неурядицъ, рядомъ съ которымъ можно поставить развѣ только слишкомъ дешевую продажу своихъ товаровъ и пріобрѣтеніе чужихъ по слишкомъ дорогимъ цѣнамъ. Вмѣстѣ съ этимъ меркантилисты не могли не смотрѣть на государство не только какъ на самодовлѣющее цѣлое, ради обогащенія котораго давались всѣ эти совѣты, но и какъ на высшаго регулятора всей торговли съ чужими странами. Оно должно было сообщать этой торговлѣ то или другое направленіе, поощрять или затруднять, даже запрещать ввозъ или вывозъ такихъ-то и такихъ-то предметовъ посредствомъ искусно составленныхъ тарифовъ. Если, разсуждали меркантилисты, можно какіе-либо продукты продавать въ чужіе края съ особенною выгодою, то можно искусственными мѣрами сокращать потребленіе этихъ продуктовъ внутри страны.

Правда, цѣльнаго теоретическаго ученія меркантилистическіе писатели не создали, но именно таковъ, какъ только-что было изложено, былъ общій духъ этой системы. Это была идеологія самодовлѣющаго фиска и идеологія торгово-промышленнаго капитализма. Въ меркантилизмѣ, какъ теоретической доктринѣ съ чисто практическимъ характеромъ, королевская власть, связанная всѣми старыми своими традиціями съ представителями феодальнаго землевладѣнія, пришла въ

соприкосновеніе и стала сближаться съ представителями торговаго и промышленнаго капитала. Феодальная монархія была государствомъ землевладѣльческо-военнымъ, но монархія абсолютная не могла оставаться такимъ только государствомъ, потому что экономическое развитіе толкало ее на путь, на которомъ оно должно было рано или поздно превратиться въ государство торгово-промышленное (какимъ, наприм., Франція въ чистомъ его видѣ была между іюльской и февральской революціями, въ періодъ безусловнаго господства буржуазіи).

Соціальное значеніе меркантилистической политики и заключалось въ томъ, что при ея посредствѣ вообще государство и въ частности абсолютная монархія содѣйствовали возвышенію торгово-промышленныхъ классовъ и притомъ верхнихъ, капиталистическихъ, предпринимательскихъ слоевъ среди группъ, занятыхъ промышленностью и торговлею. Духовенство и дворянстро владѣли землями, обладали всякаго рода привилегіями, господствовали надъ сельскою массою, занимали важныя должности въ церкви, при дворѣ, въ арміи и въ гражданской службѣ, пользовались разными милостями своихъ государей, но экономическая политика государства направлялась меркантилизмомъ и индустріализмомъ, для которыхъ на первомъ планѣ—въ соціальномъ отношеніи—стояли интересы купцовъ и фабрикантовъ. По-старому занятіями, достойными дворянина, были разнаго рода службы—въ составѣ католическаго клира, королевскаго двора, королевскаго войска, королевскаго суда, королевской администраціи, а занятія коммерціей и индустріей предоставлялись низшей породѣ людей, но именно этихъ самыхъ людей болѣе всего и обогащала власть и притомъ не по монаршей милости, а изъ необходимости: купцы и фабриканты нужны были государству, какъ соратники въ добываніи денегъ.

Абсолютная монархія даже ограждала торгово-промышленную буржуазію отъ возможной конкурренціи со стороны дворянства. Для потомковъ средневѣковыхъ рыцарей занятія торговцевъ и ремесленниковъ были слишкомъ низменными, несовмѣстимыми съ дворянскимъ званіемъ. Мѣсто дворянина могло быть гдѣ угодно, но только не за прилавкомъ и не за станкомъ, и дворянинъ, занимавшійся торговыми или промышленными дѣлами, ронялъ свое званіе. Короли поддерживали въ дворянской средѣ этотъ сословный предразсудокъ, развѣ только не дѣлалось при этомъ какихъ-либо обходовъ и не при-

думывалась какая-либо замаскировка. Для обозначенія униженія своего званія дворяниномъ, занимающимся торговлею, существовалъ во Франціи спеціальный терминъ—*деропгація* (dérogation): при королевскомъ дворѣ смотрѣли на такую деропгацію, какъ на преступленіе противъ дворянской чести, какъ на нѣчто равносильное только мезальянсу, т.-е. браку съ дѣвушкой изъ низшаго сословія. Въ нѣкоторыхъ наказахъ (cahiers) 1789 г. высказывается самими дворянами протестъ противъ подобнаго ограниченія правоспособности благороднаго сословія: меркантильный духъ дѣлалъ свое дѣло, да и раньше, впрочемъ, ради большаго прибытка можно было, пожалуй, и „дерогировать“.

Крайне невыгодно отозвалась меркантилистическая система на сельскомъ хозяйствѣ. Такихъ людей, какъ министръ Генриха IV, Сюлли, говорившій, что земледѣліе и скотоводство суть два сосца, питающіе Францію, до появленія физіократовъ въ серединѣ XVIII в. было очень мало и среди государственныхъ дѣятелей, и среди писателей. Меркантилисты, какъ мы видѣли, полагали, что сельское хозяйство не обогащаетъ государства, и смотрѣли на продукты сельскаго хозяйства, какъ на подсобные предметы для промышленности (сырье для обработки, пища для рабочихъ и т. п.). Сельскому хозяйству со стороны государства не только не оказывалось никакихъ поощреній, но какъ-разъ, наоборотъ, всякія поощренія торговлѣ и промышленности отвлекали отъ сельскаго хозяйства и предпринимательскую инициативу, и денежныя средства, и даже рабочія руки, не говоря уже о томъ, что государство, помогая матеріально коммерціи и индустріи, ничего не возвращало землѣ изъ того, что отъ нея получало. Въ своемъ стремленіи поднять во Франціи земледѣліе Сюлли разрѣшилъ вывозить зерновой хлѣбъ за границу, но Кольберъ, наоборотъ, по временамъ находилъ нужнымъ запрещать вывозъ хлѣба, чтобы держать его въ низкой цѣнѣ, дабы рабочіе мануфактуръ могли имѣть болѣе дешевую пищу, въ послѣднемъ же счетѣ дабы фабриканты могли нанимать рабочихъ за болѣе низкую плату, т.-е. отъ такой мѣры сельскіе хозяева (среди нихъ и крестьяне) теряли, рабочіе ничего, въ сущности, не выигрывали, а барыши отъ уменьшенія издержекъ производства — клали въ свои карманы хозяева промышленныхъ заведеній. Эта и нѣкоторыя другія мѣры Кольбера, вообще бывшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей меркантилизма,

даже начавшаго обозначаться словомъ „кольбертизмъ“, — во многихъ вселяли убѣжденіе, будто этотъ знаменитый министръ сознательно и преднамѣренно давилъ земледѣліе. Конечно, ничего подобнаго не было, да и не могло быть, но если Кольберъ не ставилъ себѣ такой цѣли, это еще не значитъ, что результаты его экономической политики были именно крайне неблагопріятными для сельскаго хозяйства. Экономическую политику государства въ эпоху господства меркантилизма поэтому, несомнѣнно, нужно занести въ число причинъ, которыя невыгодно отзывались на сельскомъ хозяйствѣ эпохи. Кромѣ запрещенія вывозить за границу хлѣбъ, не могли не отражаться неблагопріятно на деревнѣ вообще и такія распоряженія Кольбера, какъ освобожденіе отъ таліи семействъ, въ которыхъ трое дѣтей работали на фабрикахъ, сбавка налоговъ, падавшихъ на города, гдѣ были мануфактуры, и т. п.

Выше было указано, въ какомъ печальномъ состояніи въ XVIII в. находилось земледѣліе во Франціи, экономическая политика которой съ середины XVII столѣтія была строго „кольбертистской“ [1]). Постоянныя голодовки и страшныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, обнищаніе деревни и упадокъ земледѣлія не могли наконецъ не обратить вниманіе французскаго правительства и общества на положеніе сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ отношеній. „Въ концѣ 1750 г., — писалъ Вольтеръ,—нація, пресытившись стихами, комедіями, трагедіями, операми, романами, романическими исторіями, моральными разсужденіями, еще болѣе романическими, и богословскими диспутами о благодати и конвульсіяхъ, принялась наконецъ разсуждать о хлѣбѣ. Забыли даже виноградники, чтобы говорить только о пшеницѣ и о ржи; написаны были прекрасныя книги о земледѣліи, и всѣ ихъ читали, исключая хлѣбопашцевъ. Можно было предположить, выходя изъ театра комической оперы, что Франціи предстояло продавать хлѣбъ въ небывалыхъ размѣрахъ“. Это нѣсколько насмѣшливое описаніе общественнаго настроенія французскаго общества въ серединѣ XVIII в. вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Сразу во Франціи въ эти годы возникла обширная агрономическая литература; стали основываться въ провинціальныхъ городахъ сельско-хозяйственныя общества, взятыя

---

[1]) См. выше, стр. 217 и слѣд.

королевскою властью подъ покровительство и потому благосклонно встрѣченныя администраціей, которая даже начала обращаться къ нимъ за совѣтами; аристократы стали лично производить агрикультурные опыты и пр. и пр. На почвѣ этой, какъ-никакъ, реакціи противъ меркантилизма выросла и экономическая школа физіократовъ, стоявшая на той точкѣ зрѣнія, что источникъ національнаго богатства заключается въ землѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, что только одни сельскіе хозяева и земледѣльцы составляютъ производительный классъ общества, что на земледѣліе должно быть обращено все вниманіе правительства, и что въ интересахъ лучшей обработки земли для извлеченія изъ нея возможно бо̀льшаго дохода необходимо перейти къ крупному фермерству, къ болѣе интенсивной культурѣ и къ плодоперемѣнной системѣ. Въ глазахъ физіократовъ только зажиточные предприниматели, а не мелкіе хозяева могли создать благополучіе государства, и именно въ этомъ смыслѣ мы должны понимать изреченіе основателя физіократіи: „бѣдны крестьяне — бѣдно королевство; бѣдно королевство—бѣденъ король“. Крупныя хозяйства выгоднѣе для государства, нежели мелкія, и богатые фермеры могутъ дать лучшій заработокъ рабочимъ, чѣмъ бѣдные,—такова была основная мысль физіократовъ. Экономисты этой школы, въ сущности, шли по стопамъ меркантилистовъ, доказывая только, что въ интересахъ фиска—поощрять главнымъ образомъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ и оказывать покровительство землевладѣльцамъ и фермерамъ, дабы пріохотить ихъ къ этому занятію.

Меркантилистическая политика доказала свою несостоятельность, и противъ нея въ серединѣ XVIII в. произошла реакція и въ самихъ правительствахъ, и въ литературѣ. Во второй половинѣ XVIII в. не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ правительственныя заботы о поднятіи сельско-хозяйственной культуры становятся явленіемъ довольно обычнымъ. Во многихъ случаяхъ здѣсь дѣйствовало не столько вліяніе физіократической теоріи (очень часто его и совсѣмъ не было), сколько властныя и принудительныя требованія самой жизни. Особенно это приходится сказать о странахъ съ слабымъ развитіемъ промышленности и торговли, какою была, напр., Пруссія. Фридрихъ II,—царствованіе котораго началось лѣтъ за двадцать до образованія физіократической школы,—по своимъ экономическимъ воззрѣніямъ былъ

чистѣйшимъ меркантилистомъ и оставался имъ до конца жизни, ничуть не поддавшись вліянію физіократіи, за что, какъ извѣстно, навлекъ на себя упреки со стороны Мирабо, но сама Пруссія была страною земледѣльческою, и реальные интересы казны требовали, чтобы земля давала больше доходовъ: какъ было такому правительству, какъ прусское, вмѣшивавшемуся во все, не хлопотать о поднятіи въ странѣ сельскаго хозяйства? Іосифъ II,—молодость котораго совпала съ эпохой развитія физіократической литературы,—уже испыталъ на себѣ ея вліяніе, но и въ его экономической политикѣ главную роль играли практическія соображенія, и онъ былъ то меркантилистомъ, то физіократомъ въ зависимости отъ того, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ находилъ болѣе выгоднымъ для государственной казны. Интересы послѣдней у всѣхъ представителей абсолютизма стояли на первомъ планѣ, и государственные люди готовы были слѣдовать всякому ученію, которое давало совѣты, какъ наполнять государственную казну. Было время господства меркантилизма, но не вездѣ и не всегда онъ оказывалъ такое громадное вліяніе на экономическую политику правительства, какъ во Франціи со временъ Кольбера, система котораго нашла многочисленныхъ подражателей и за границами Франціи. Когда обнаружилась односторонность кольбертизма, въ экономическую политику стали вноситься поправки въ направленіи, крайнею идеологіей котораго сдѣлалась физіократія, но заботилось ли государство о торговлѣ и о промышленности или о земледѣліи, на первомъ планѣ у него стоялъ интересъ фискальный, и въ обоихъ случаяхъ результатовъ, къ которымъ стремились, ожидали прежде всего чисто бюрократическаго воздѣйствія. Многія агрономическія мѣропріятія правительствъ второй половины XVIII в. были настоящими кабинетными измышленіями, проведеніе которыхъ въ жизнь должно было идти путемъ канцелярскихъ предписаній. Вѣра во всемогущество администраціи сопровождала и правительственныя предначертанія въ дѣлѣ улучшенія земледѣлія: въ данномъ случаѣ государство лишь шло по тому пути, который оно уже проложило себѣ въ своемъ воздѣйствіи на обрабатывающую промышленность во времена безусловнаго господства меркантилизма. Вотъ кое-какіе примѣры, заимствованные изъ исторіи Франціи.

Въ 1761 г. въ „Королевскомъ Альманахѣ“ впервые по-

является сельское хозяйство въ числѣ отдѣловъ подвѣдомственной генералъ-контролеру администраціи, а въ 1763 г. создается и нѣчто въ родѣ особаго министерства земледѣлія, просуществовавшее, впрочемъ, только до 1780 г., когда оно опять слилось съ вѣдомствомъ генералъ-контролера. Мѣстными органами правительственныхъ заботъ въ области сельскаго хозяйства были, конечно, все тѣ же интенданты, которые должны были поощрять и осушеніе болотъ, и распахиваніе запущенныхъ земель, и раздѣлъ общинныхъ угодій, и огораживаніе отдѣльныхъ участковъ для изъятія ихъ отъ превращенія въ выгоны послѣ жатвы, и введеніе новыхъ культуръ, какъ то свекловицы или картофеля, и травосѣяніе, и древонасажденіе, и улучшеніе породъ скота и пр. и пр. На интендантовъ же возлагалась обязанность безплатно раздавать желающимъ популярныя книжки о разныхъ сельско-хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Почти во всѣхъ резиденціяхъ интендантовъ были основаны называвшіяся „королевскими“ общества сельскаго хозяйства, въ которыхъ интенданты иногда дѣлались дѣйствительными или почетными предсѣдателями, что придавало этимъ обществамъ своего рода оффиціальность. Однимъ словомъ, во второй половинѣ XVIII в. интенданты сдѣлались во Франціи такими же опекунами сельскаго хозяйства, какими были уже раньше по отношенію къ обрабатывающей промышленности.

Такая же опекающая роль принадлежала интендантамъ и въ дѣлѣ „хлѣбной полиціи“ (police des grains), подъ каковою разумѣлись и надзоръ за хлѣбною торговлею, и заботы о продовольствіи мѣстнаго населенія. Хлѣбная торговля была опутана во Франціи цѣлымъ рядомъ регламентовъ, оставлявшихъ, однако, интендантамъ большой просторъ въ дѣлѣ ихъ примѣненія въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и отъ личныхъ взглядовъ самихъ интендантовъ. Въ цѣляхъ обезпеченія продовольствія принимались разныя мѣры въ родѣ запрещеній хлѣбнаго барышничества (скупки хлѣба), продажи хлѣба иначе, какъ на рынкѣ подъ надзоромъ полиціи, установленія на хлѣбъ вольныхъ цѣнъ и т. п., и вся эта регламентація хлѣбнаго дѣла, создававшаго немало хлопотъ правительству, была результатомъ частыхъ во Франціи XVIII в. недородовъ, голодовокъ, дороговизны хлѣба, разграбленій хлѣбныхъ амбаровъ и транспортовъ и т. д., бывшихъ результатами общаго

разстройства народнаго хозяйства [1]). Съ другой стороны, постоянное и дѣятельное вмѣшательство правительства въ хлѣбную торговлю стояло въ связи съ общимъ направленіемъ экономической политики: наприм., мы уже видѣли, какими соображеніями руководствовался Кольберъ, запрещая вывозъ хлѣба изъ страны [2]). Наконецъ, правительство было заинтересовано въ вопросѣ и потому, что само дѣлало закупки хлѣба для арміи и входило въ соглашенія съ хлѣботорговцами для продовольствія Парижа [3]). Вообще вопросъ о хлѣбной торговлѣ во Франціи при старомъ порядкѣ имѣетъ весьма большой интересъ для характеристики самого стараго порядка. Оказывается, что при всей административной централизаціи, господствовавшей во Франціи, отдѣльные интенданты смотрѣли на свои округа („генеральства“), какъ на обособленныя административныя единицы, и потому относились къ вывозу хлѣба въ другія провинціи, какъ къ внѣшней торговлѣ, которую можно по своему усмотрѣнію и запрещать [4]). Поддержкою такого взгляда служило то обстоятельство, что между отдѣльными провинціями, какъ пережитокъ феодальной старины, существовали заставы, на которыхъ брались проходныя пошлины. Что касается до центральнаго правительства, то какъ можно было ему, этому центральному правительству, вмѣшивавшемуся во всѣ мелочи жизни и особенно интересовавшемуся торговлею, предоставить хлѣбной торговлѣ свободу? Сначала правитель-

---

[1]) Ср. выше, стр. 220—221.

[2]) См. выше, стр. 252.

[3]) Въ связи съ мѣропріятіями правительства послѣдней категоріи возникла легенда, сдѣлавшаяся даже предметомъ вѣры въ исторической литературѣ XIX в., будто въ серединѣ XVIII в. во Франціи существовала компанія для скупки хлѣба съ цѣлью спекуляціи на счетъ народнаго голода и будто это товарищество дѣйствовало подъ покровительствомъ правительства, а Людовикъ XV самъ былъ пайщикомъ компаніи, получая отъ нея свою долю барыша. Разборъ легенды объ этомъ „обществѣ голодовки“ составляетъ содержаніе гл. XIV книги *Г. Е. Аѳанасьева* „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“ (Одесса, 1892). На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, но возникновеніе такого чудовищнаго слуха характерно, свидѣтельствуя о томъ, какіе толки могли быть порождены канцелярскою тайною и недовѣріемъ къ честности правительства.

[4]) Ср. съ обособленностью провинцій въ отношеніи къ кутюмамъ, къ отбыванію соляной повинности и т. п. (см. выше, стр. 136, 210 и др.).

ство, смотря по обстоятельствамъ, то дозволяло, то запрещало вывозъ хлѣба изъ государства, но со второй четверти XVIII в. запретъ дѣлается общимъ правиломъ, дозволеніе—исключеніемъ, причемъ главнымъ мотивомъ было желаніе удешевить содержаніе промышленнаго труда. Если правительство, далѣе, и боролось съ произволомъ интендантовъ въ дѣлѣ перевозки хлѣба изъ одной провинціи въ другую, то само же оно создавало условія, благопріятныя какъ-разъ для этого самаго произвола. Центральная власть желала все-таки держать циркуляцію хлѣба подъ своею опекою, но кому же она могла предоставить въ этомъ дѣлѣ контроль, какъ не тѣмъ же самымъ интендантамъ? Послѣдніе получали отъ министра печатные бланки на выпускъ хлѣба и уже сами заполняли въ нихъ пробѣлы, выдавая разрѣшенія отдѣльнымъ купцамъ. Кромѣ того, въ интересахъ торгово-промышленныхъ классовъ, т.-е. городского населенія правительство дозволяло продавать хлѣбъ внутри отдѣльныхъ провинцій только на городскихъ рынкахъ, куда земледѣльцы и обязаны его были доставлять и притомъ въ надлежащемъ количествѣ: дòма имъ разрѣшалось оставлять лишь столько, сколько было нужно для собственнаго пропитанія. Это была борьба съ „жадностью" земледѣльцевъ, но правительство боролось и съ „жадностью" хлѣботорговцевъ, запрещая устройство хлѣбныхъ амбаровъ. Только проповѣдь физіократовъ стала вносить въ эту меркантилистическую политику извѣстныя измѣненія въ смыслѣ уничтоженія многихъ стѣсненій въ дѣлѣ хлѣбной торговли. Вопросъ объ этой торговлѣ сдѣлался даже главною почвою для литературной полемики между представителями меркантилизма и физіократіи, тѣмъ болѣе, конечно, что физіократія была реакціей противъ меркантилизма не только въ смыслѣ защиты интересовъ сельскаго хозяйства, но и въ смыслѣ защиты свободы отъ вѣчной правительственной опеки и регламентаціи. На практикѣ правительство въ XVIII в. постоянно колебалось между двумя противоположными рѣшеніями вопроса, и изъ двухъ министровъ-реформаторовъ при Людовикѣ XVI, одинъ, физіократъ Тюрго, объявилъ свободу торговли хлѣбомъ, тогда какъ другой, меркантилистъ Неккеръ, сталъ ее стѣснять, а затѣмъ и совсѣмъ отмѣнилъ [1]).

---

[1]) *Г. Е. Аѳанасьевъ*, авторъ только что названнаго труда по исторіи

Представленная выше противоположность меркантилизма и физіократіи даетъ намъ право различать въ меркантилизмѣ двѣ разныя стороны. Первою изъ нихъ является исключительная забота объ интересахъ торговли и промышленности, создающей предметы торговли, въ противоположность теоріи физіократовъ, проявлявшихъ исключительную заботливость объ интересахъ сельскаго хозяйства. Другая основная черта меркантилизма, это—отдача имъ экономической жизни населенія подъ покровительство государства и, слѣдовательно, подъ его опеку, тогда какъ физіократы учили о необходимости господства природы (что собственно и обозначено въ самомъ терминѣ „физіократія"), о предоставленіи хозяйственной дѣятельности общества естественному порядку, т.-е. свободному, ничѣмъ не стѣсняемому теченію дѣлъ. Въ этомъ отношеніи лозунгомъ физіократовъ могла бы быть формула, принадлежащая одному экономисту XVIII в., Гурнэ, не бывшему, однако, физіократомъ: „laissez faire, laissez passer" [1]). Меркантилистическая теорія въ этомъ пунктѣ стояла на противоположной точкѣ зрѣнія и въ данномъ отношеніи была гораздо ближе къ общему духу абсолютизма, нежели физіократія, которая, впрочемъ, раздѣляла въ политическомъ отношеніи основныя воззрѣнія абсолютной монархіи [2]). Меркантилизмъ былъ не только экономическою, но и политическою доктриной, именно доктриною государственнаго абсолютизма, исходящей изъ подчиненія всего государству (не непремѣнно въ монархической его формѣ). Въ ней экономика зависитъ отъ политики: цѣль всей хозяйственной жизни — въ государствѣ, а государство въ данномъ случаѣ есть казна. Съ этой точки зрѣнія вся экономическая дѣятельность должна была совершаться подъ руководствомъ и контролемъ правительства, подъ его опекой и „протекціей", откуда обозначеніе меркантилизма, какъ „протекціонизма", хотя послѣдній терминъ заключаетъ въ себѣ совсѣмъ другой оттѣнокъ: въ XVIII в. государство попробовало примѣнить систему вмѣшательства, опеки и покрови-

---

хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в. насчитываетъ три попытки реформы и три реакціи противъ уже произведенныхъ реформъ.

[1]) Буквально: „позвольте дѣлать (предоставьте свободу производить), позвольте проходить" (такое же требованіе относительно торговли).

[2]) О чемъ см. ниже, въ главѣ XIX, гдѣ говорится о физіократахъ, какъ сторонникахъ просвѣщеннаго абсолютизма.

тельства и къ сельскому хозяйству, распространивъ и на него методы бюрократическаго воздѣйствія, хорошо уже испытанные въ предыдущую эпоху въ политикѣ индустріальнаго протекціонизма.

Правительственное вмѣшательство во внутреннія дѣла промышленности и торговли, столь характерное для меркантилистическаго государства, было лишь однимъ изъ частныхъ случаевъ той административной опеки, которой абсолютизмъ подчинялъ всю общественную жизнь. Власть оказывала спеціальное покровительство извѣстному ли роду дѣятельности, или извѣстному вѣроученію не даромъ, а потому что считала это выгоднымъ и ждала за это съ ихъ стороны услугъ, но покровительствомъ создавалось и право распоряженія внутренними отношеніями въ покровительствуемой области жизни. Мы уже видѣли, какъ государство XVII—XVIII в. протежировало крупной промышленности [1], а теперь посмотримъ, какія отсюда вытекали для нея слѣдствія.

Одною изъ особенностей кольбертизма была страшная регламентація производства. Кольберъ всячески поощрялъ развитіе крупной индустріи, ограждая ее отъ иностранной конкурренціи, предоставляя новымъ мануфактурамъ разныя привилегіи, снабжая предпринимателей денежными средствами, облегчая имъ добываніе рабочихъ рукъ, подчиняя рабочихъ власти фабрикантовъ, удешевляя въ ихъ пользу хлѣбныя цѣны, улучшая для облегченія перевозки товаровъ пути сообщенія и т. п., но, конечно, промышленность всецѣло должна была подчиниться правительственной регламентаціи. Королевскіе ордоннансы входили въ такія мелочи производства, какъ установленіе степени тонкости нитей для приготовленія извѣстныхъ тканей, указанія на ширину той или другой матеріи и на длину отдѣльныхъ ея кусковъ, выборъ цвѣтовъ для окраски тканей и т. п. Отступать отъ правительственныхъ регламентовъ въ производствѣ тѣхъ или другихъ издѣлій не позволялось подъ страхомъ разныхъ, иногда тяжелыхъ каръ. Вся система опеки была основана на недовѣріи къ частнымъ лицамъ. Правительство брало на себя надзоръ за добротностью товаровъ и учило предпринимателей, какъ фабриковать. Въ глазахъ Кольбера всѣ такія предписанія были помочами или костылями, безъ которыхъ промышленность сама не могла бы

---

[1]) См. выше, стр. 237—240 и 251—253.

сдѣлать шагу, не споткнувшись или не упавши. Въ одномъ королевскомъ ордоннансѣ 1760 г. было сказано, что если ткань окажется несоотвѣтствующею регламенту, то будетъ прибита на двое сутокъ къ позорному столбу съ обозначенiемъ на немъ имени провинившагося фабриканта, а потомъ такъ или иначе истреблена, если только не состоится приказанiя о конфискацiи. За второй аналогичный проступокъ ордоннансъ грозилъ виновному еще публичнымъ выговоромъ, за третiй—прикованiемъ фабриканта къ позорному столбу. Въ провинцiяхъ надзоръ и опека надъ обрабатывающею промышленностью принадлежали, конечно, интендантамъ, и въ ихъ вѣдѣнiи находились корпорацiи купцовъ, цехи и мануфактуры. Замѣчательно, что для отдѣльныхъ генеральствъ центральная власть издавала иногда разные регламенты. Менѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до революцiи, въ 1780 г. появился цѣлый рядъ королевскихъ грамотъ съ особыми правилами для отдѣльныхъ генеральствъ,—даже для каждой фабрики, взятой особнякомъ,—относительно числа нитокъ въ основѣ отдѣльныхъ сортовъ тканей, ширины и длины кусковъ, ихъ окраски и т. п. Непосредственно за исполненiемъ регламентовъ наблюдали „инспектора мануфактуръ" (inspecteurs de manufactures), составлявшие протоколы въ случаѣ „злоупотребленiй", судъ по которымъ принадлежалъ интендантамъ. Если правительственная власть вмѣшивалась во всѣ мелочи производства въ частныхъ предпрiятiяхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и общественное хозяйство отдѣльныхъ городовъ и сельскихъ общинъ находилось подъ тою же опекою. (Извѣстно, напр., что починка приходской церкви или священническаго дома не могла обойтись безъ вмѣшательства интенданта и даже королевскаго совѣта). Правительственная регламентацiя въ обрабатывающей промышленности распространялась и на мануфактурныхъ рабочихъ. За ними устанавливался полицейскiй надзоръ; нарушенiя фабричной дисциплины карались, какъ преступленiя, и жизнь рабочаго опутывалась всякими правилами въ духѣ вообще полицейскаго государства.

Слишкомъ много потребовало бы мѣста разсмотрѣнiе того, какъ въ другихъ государствахъ дѣйствовала, по французскому въ концѣ концовъ образцу, система покровительства промышленности, соединенная съ правительственною ея регламентацiей. Мы остановимся въ видѣ исключенiя лишь на Австрiи въ виду того, что въ этомъ отношенiи монархiя

Габсбурговъ шла позади другихъ государствъ и выступила на путь индустріальнаго развитія позже, нежели наприм., Пруссія [1]), и что здѣсь въ то же время въ примѣненіи системы происходили нѣкоторыя колебанія не безъ вліянія уже, между прочимъ, и ученія физіократовъ.

Болѣе рѣшительно австрійское правительство выступило на путь протекціонистской политики лишь при Маріи Терезіи, т.-е. не ранѣе середины XVIII в. Именно, при ней впервые былъ учрежденъ въ Австріи для завѣдованія торговлею и промышленностью особый „придворный совѣтъ о торговлѣ" (Hofcommercienrath), что указывало на намѣреніе государственной власти болѣе рѣшительнымъ, нежели то было прежде, образомъ оказывать поощреніе торгово-промышленной дѣятельности въ монархіи. Главнымъ образомъ, имѣлось въ виду покровительство производству предметовъ роскоши, привозъ которыхъ изъ-за границы сопровождался отливомъ денегъ изъ страны. Наилучшимъ средствомъ считалось приглашеніе искусныхъ ремесленниковъ изъ другихъ государствъ съ обѣщаніемъ всякихъ льготъ и поощреній. Вѣрная дочь католической церкви, скорбѣвшая по поводу сочувствія своего сына идеѣ вѣротерпимости, Марія-Терезія соглашалась даже на то, чтобы среди переселенцевъ въ Австрію были и протестанты: ее отъ этого не могли отвратить ни настоянія духовенства, ни протесты чиновъ, ни жалобы цеховъ. Система правительственныхъ мануфактуръ въ Австріи, впрочемъ, не привилась, и сдѣланный въ этомъ отношеніи опытъ очень скоро былъ при-

---

[1]) Здѣсь еще современникъ Людовика XIV и Кольбера, истинный основатель Прусской монархіи, „Великій курфюрстъ" (ср. выше, стр. 87—88), старался насадить въ странѣ мануфактуры, въ чемъ къ концу XVII в. ему большую помощь оказалъ самъ же французскій король, начавъ преслѣдовать своихъ протестантскихъ подданныхъ и отмѣнивъ наконецъ нантскій эдиктъ. Курфюрстъ широко открылъ доступъ въ свои владѣнія гонимымъ на родинѣ гугенотамъ, и ихъ переселилось въ эти владѣнія до двухсотъ тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ больше къ промышленному классу. Съ этого времени прусское правительство и пошло по пути меркантилизма, однимъ изъ представителей, котораго былъ Фридрихъ II, въ своей экономической и финансовой (ср. выше, стр. 210) политикѣ слѣдовавшій французскимъ образцамъ. Въ этомъ отношеніи Фридрихъ II иногда стремился прямо къ невозможному для Пруссіи (наприм., къ насажденію шелководства, что было совсѣмъ не по климату).

знанъ неудачнымъ. Болѣе долгое время продержалась система правительственныхъ ссудъ и пособій частнымъ предпринимателямъ, особено,—что очень характерно,—изъ дворянскаго сословія, но въ концѣ своего царствованія Марія-Терезія и здѣсь разочаровалась въ виду неважныхъ успѣховъ и частнаго предпринимательства. Въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. правительство даже прямо рѣшилось предоставить собственной участи тѣ мануфактуры, которыя не въ состояніи были держаться безъ казенной помощи. Впрочемъ, и по отношенію къ частнымъ предпріятіямъ, разъ они субсидировались изъ казны, правительство видѣло въ себѣ какъ бы прежде всего заинтересованную сторону, имѣющую особое право вмѣшиваться въ веденіе дѣла. Отсюда—установленіе правительственной регламентаціи, для которой образцы уже существовали — въ прусскомъ законодательствѣ начала царствованія Фридриха II. Правительство осматривало товаръ, на который лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія его соотвѣтствія съ правилами налагался штемпель, а для того, чтобы товары не дорожали, устанавливался максимумъ заработной платы,—обычное, какъ намъ извѣстно, явленіе этой эпохи [1]).

Цехи въ Австріи, какъ и вездѣ съ XVIII в., не пользовались правительственнымъ расположеніемъ. Уже въ началѣ столѣтія Іосифъ I по примѣру французскихъ королей давалъ права̀ мастера, кому находилъ нужнымъ, а его братъ Карлъ VI позволилъ и подмастерьямъ безъ пріобрѣтенія званія мастера вполнѣ самостоятельно заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ, что привлекло немало новыхъ промышленныхъ силъ изъ-за границы. Черезъ полвѣка послѣ этого распоряженія въ томъ же духѣ было издано и Маріей-Терезіей повелѣніе мѣстнымъ властямъ вездѣ „принимать ремесленниковъ, фабрикантовъ и мануфактуристовъ“ и „безъ всякаго освѣдомленія“ давать имъ и званіе мастера, и бюргерскія права. При этомъ каждому хозяину мастерской разрѣшалось имѣть, сколько кто захочетъ, подмастерьевъ.

Іосифъ II, по случаю нѣкоторыхъ своихъ мѣръ слывшій у современниковъ за послѣдователя физіократіи, въ вопросахъ торговли и промышленности стоялъ на чисто меркантилистической точкѣ зрѣнія. Въ его царствованіе снова начались-было по-

---

[1]) См. выше, стр. 230—231 и 240.

ощренія, воспособленія, ссуды промышленникамъ, но потомъ съ каждымъ годомъ императоръ началъ все болѣе скупиться, находя, что слишкомъ уже много развелось „прежектеровъ-милліонщиковъ безъ гроша въ собственномъ карманѣ“. По отношенію къ цехамъ Іосифъ II держался прежней политики крайняго нерасположенія, продолжая, между прочимъ, вызывать изъ-за границы ремесленниковъ, которымъ давались всякія привилегіи, покровительствуя кустарной промышленности въ деревняхъ, объявляя многія производства свободными профессіями и оставляя цеховую регламентацію только для занятій, гдѣ того требовали особые общественные интересы. При этомъ, конечно, правительство не отказывалось и отъ общей регламентаціи промышленности, съ одной стороны, по извѣстному шаблону, нормируя заработную плату, чтобы она не была слишкомъ высока, съ другой,—что выгодно отличаетъ законодательство Іосифа II,—принимая нѣкоторыя мѣры въ пользу здоровья рабочихъ, въ особенности подростковъ. Особые инспектора, наконецъ, осматривали доброкачественность товаровъ или просто соотвѣтствіе ихъ съ установленными образцами (наприм., размѣры кирпича), дабы не допускать до продажи все что не подходило подъ уставы.

Само собою разумѣется, что все это сопровождалось развитіемъ мѣръ, клонившихся къ устраненію всякой иностранной конкурренціи, установленіемъ прямыхъ запрещеній ввоза, высотой обложенія пошлинами допущенныхъ къ ввозу предметовъ и т. п Нѣкоторые совѣтовали Іосифу II даже пуститься въ колоніальную политику, но онъ отъ этого воздержался, нашедши подобные совѣты лишь „романтическими идеями“. Въ вопросѣ о монополіяхъ онъ стоялъ на враждебной имъ точкѣ зрѣнія физіократіи.

Спеціально-торговая политика меркантилизма заключалась въ содѣйствіи развитію вывоза за границу. Наибольшее вниманіе правительствъ было обращено на морскую торговлю, на устройство портовъ, на постройку торговаго флота, на основаніе большихъ монопольныхъ компаній для торговли съ заморскими странами, на пріобрѣтеніе, наконецъ, колоній. Пути, по которымъ должно было совершаться развитіе морской торговли, были проложены еще раньше всего португальцами и испанцами, потомъ голландцами и англичанами: самому Кольберу оставалось только насаждать во Франціи все то, что было наиболѣе цѣлесообразнаго для дости-

женія основной цѣли—превращенія страны въ торгово-промышленное государство. Весь духъ меркантилизма сосредоточился въ кольбертизмѣ, которому усердно стали подражать въ другихъ, болѣе отсталыхъ странахъ. Особенно было важно то, что Кольберъ возвелъ въ цѣлую систему огражденіе національной индустріи отъ иностранной конкурренціи высокимъ торговымъ тарифомъ, т.-е. наложеніемъ на ввозимые товары очень большихъ пошлинъ. Изданный имъ въ 1667 г. тарифъ получилъ совершенно запретительный характеръ, т.-е. ввозить во Францію бо̀льшую часть товаровъ сдѣлалось прямо убыточнымъ, что на самомъ дѣлѣ не только исключало возможность соперничества иностранныхъ издѣлій съ туземными, но позволяло вмѣстѣ съ тѣмъ французскимъ предпринимателямъ поднимать цѣны на свои произведенія и тѣмъ увеличивать свои барыши. Конечно, другимъ странамъ подобныя стѣсненія для ихъ торговли были крайне непріятны, и онѣ на высокіе тарифы сосѣдей отвѣчали своими невыгодными для ихъ вывоза тарифами, откуда возникали настоящія тарифныя войны, крайне вредныя для враждующихъ сторонъ, такъ какъ отъ этого уменьшались ввозъ и вывозъ, и кромѣ того, весьма опасныя въ политическомъ отношеніи, потому что торговое соперничество легко приводило и къ вооруженнымъ столкновеніямъ между отдѣльными государствами.

Военныя столкновенія изъ-за торговыхъ интересовъ разныхъ государствъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ явленій исторіи [1]), и тѣмъ болѣе значительную роль въ этомъ отношеніи въ международной политикѣ должны были играть эти интересы въ эпоху возникновенія меркантилистическаго направленія. Въ исторіи войнъ, о которыхъ говорится въ VI и VII главахъ настоящей книги, почти всегда въ той или другой мѣрѣ были замѣшаны чисто коммерческіе интересы, хотя и нужно остерегаться искать ихъ тамъ, гдѣ ихъ не было, какъ напр., въ походѣ Карла VIII въ Италію для завоеванія Неаполя [2]). Въ возникновеніи войнъ участвовали, въ качествѣ факторовъ, и военные нравы и традиціи дворянства, привитые ему воспитаніемъ въ условіяхъ феодальной анархіи, и честолюбіе отдѣльныхъ государей, стремившихся къ славѣ и увеличенію своихъ владѣній или къ первенству среди другихъ

---

[1]) Монархіи, стр. 54 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 71.

королей и князей, и династическія ихъ притязанія, и политическія соображенія касательно округленія границъ, поддержанія международнаго равновѣсія, и старый національный антагонизмъ очень разнообразнаго происхожденія, наконецъ, и взаимныя антипатіи на почвѣ религіозныхъ разногласій, какъ это было въ эпоху международной борьбы католицизма и протестантизма въ періодъ между серединой XVI и серединой XVII вв. Воинственность прямо заключалась въ самой психологіи абсолютизма [1]), но въ томъ же направленіи дѣйствовалъ на королевскую политику и меркантилизмъ. Завоевательная политика, понятное дѣло, всегда имѣла своимъ объективомъ болѣе богатыя области,—изъ-за бѣдныхъ не стоило воевать, если къ этому не было особыхъ причинъ,—а болѣе богатыми областями были тѣ, гдѣ развились торговля и промышленность. Это соображеніе нельзя упускать изъ виду при разсмотрѣніи международныхъ войнъ на Западѣ въ эпоху абсолютной монархіи, но спеціально о вліяніи торговыхъ интересовъ или вліяніи меркантилизма на международную политику можно говорить лишь тогда, когда имѣются строго фактическія основанія утверждать, что та или другая опредѣленная война возникла *изъ-за* торговли или *ради* торговли.

Въ итальянскихъ войнахъ конца XV и начала XVI в., конечно, дѣйствовали и разныя соображенія матеріальнаго свойства. Богатая и политически разъединенная Италія была слишкомъ лакомымъ кускомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ легкою добычею, чтобы не сдѣлаться предметомъ завоевательныхъ походовъ со стороны французовъ, испанцевъ или нѣмцевъ, но думать, напр., что у Карла VIII былъ особый расчетъ овладѣть Средиземнымъ моремъ и пробиться къ загороженнымъ путямъ восточной торговли [2]), было бы натяжкой безъ фактической основы. Уже вообще исключительно экономическое истолкованіе исторіи страдаетъ односторонностью, а о меркантилистическомъ истолкованіи и подавно нужно сказать то же. Если бы короли такъ усердно заботились объ однихъ торгово-промышленныхъ интересахъ, Филиппъ II не сталъ бы изгонять трудолюбивыхъ морисковъ изъ Испаніи, не предпринялъ бы истребленія „ереси“ въ богатой своею торговлею Голландіи

---

[1]) Ср. выше, стр. 70, примѣч.

[2]) О загороженности путей см. выше, стр. 241. Еще разъ см. стр. 71, гдѣ говорится о Карлѣ VIII.

и тѣмъ не привелъ бы ее къ отпаденію, а Людовикъ XIV преслѣдованіемъ гугенотовъ не заставилъ бы уйти изъ страны и унести съ собою свои деньги и свои техническіе навыки массу купцовъ, промышленниковъ и рабочихъ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ были подорваны результаты дѣятельности Кольбера. Въ распрѣ Испаніи и Голландіи дѣйствовали причины политическія и религіозныя (деспотизмъ и фанатизмъ Филиппа II), отнюдь не борьба за торговые интересы или за колоніи: пріобрѣтеніе голландцами заморскихъ колоній и вытѣсненіе изъ нихъ испанцевъ и португальцевъ было лишь однимъ изъ результатовъ войны, отнюдь не ея первоначальною цѣлью. Едва ли точно также династическіе союзы въ родѣ двукратнаго устройства браковъ между англійскою и испанскою династіями въ первой половинѣ XVI в. можно объяснить если не прямо посредствомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ зависимости главнымъ образомъ отъ попытки устроить мирное торговое общеніе между обѣими націями [1]).

Но есть и несомнѣнные факты вліянія меркантилизма на внѣшнія войны. Въ Голландской республикѣ политическое господство перешло купеческой аристократіи, которая послѣдовательно вела меркантилистическую политику, крайне невыгодную для англійской торговли. Голландія образовала громадный коммерческій флотъ, обслуживавшій международную торговлю, и, беря на себя перевозку товаровъ, назначала за это какія ей было угодно цѣны и такимъ образомъ обогащалась на чужой счетъ. Въ эпоху первой англійской революціи долгій парламентъ, желая освободить англійскую торговлю отъ дани голландскимъ мореходамъ, издалъ въ 1651 г. составленный въ меркантилистическомъ духѣ „навигаціонный актъ", который разрѣшалъ ввозъ въ Англію товаровъ лишь на англійскихъ судахъ или на судахъ странъ, эти товары производившихъ. Этотъ торговый законъ, направленный противъ Голландіи, занимавшейся перевозкою чужихъ товаровъ, привелъ къ войнѣ, изъ которой побѣдительницею вышла Англія. То была первая чисто меркантилистическая война, но послѣ паденія въ Англіи республики два послѣдніе Стюарта, желая нравиться поддерживавшему ихъ Людовику XIV, допустили въ Англію въ большомъ количествѣ ввозъ французскихъ то-

---

[1]) Нѣкоторая тенденція къ подобнаго рода объясненіямъ замѣчается въ „Учебникѣ новой исторіи" *проф. Р. Ю. Виппера* (1906).

варовъ, хотя ввозъ англійскихъ во Францію былъ запрещенъ Кольберомъ,—примѣръ убыточной торговой политики изъ-за политическаго расчета [1]). Черезъ полтора десятка лѣтъ послѣ навигаціоннаго акта, въ 1667 г., Кольберъ во Франціи издалъ свой таможенный тарифъ, о значеніи котораго сказано было выше [2]). Цѣлью его, какъ и англійскаго навигаціоннаго акта, было нанести вредъ голландскому торговому соперничеству. Въ свою очередь Голландія стала также вредить Франціи, организуя противъ нея европейскія коалиціи, тѣмъ болѣе, что стремленіе Людовика XIV захватить Бельгію [3]) и въ политическомъ отношеніи очень тревожило голландцевъ. Въ политической распрѣ Франціи и Голландіи во второй половинѣ XVIII в. несомнѣнную роль, кромѣ причинъ политическихъ и отчасти религіозныхъ, играли торговые интересы обѣихъ странъ. Когда послѣ изгнанія изъ Англіи Стюартовъ голландскій штатгальтеръ сдѣлался англійскимъ королемъ подъ именемъ Вильгельма III, ввозъ французскихъ товаровъ въ Англію былъ запрещенъ. Послѣ этого англійская политика поставила своею задачею разрушить во Франціи дѣло Кольбера, создавшаго торговое преобладаніе монархіи Бурбоновъ, оставившаго ей послѣ себя большой флотъ и толкнувшаго ее на путь колоніальныхъ предпріятій. Вся внутренняя и внѣшняя политика Людовика XIV только помогала англичанамъ. Кольберъ во время своего управленія достигъ значительнаго перевѣса доходовъ надъ расходами, что сдѣлало Францію самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ, но Людовикъ XIV расточилъ всѣ сбереженія на придворную роскошь и на свои военныя предпріятія, въ концѣ которыхъ потерялъ флотъ, вынужденъ былъ уменьшить свои военныя силы, разстроилъ торговлю и привелъ государственное хозяйство въ самое бѣдственное состояніе. Послѣднимъ изъ внѣшнихъ предпріятій Людовика XIV была война за испанское наслѣдство [4]), въ которой приняли дѣятельное участіе Голландія и Англія, хлопотавшія о пріобрѣтеніи новыхъ колоній и выгодъ въ морской торговлѣ. По утрехтскому миру Англія пріобрѣла,

---

[1]) Ср. выше, на стр. 83 объ отношеніи Карла II и Іакова II къ Людовику XIV.

[2]) Стр. 265.

[3]) См. выше, стр. 97.

[4]) См. выше, стр. 97.

между прочимъ, исключительное право торговли неграми, которые вывозились изъ Африки въ испанскія и португальскія колоніи. Съ этого момента начинается океаническое господство и колоніальное могущество Англіи. Съ этого же времени начинается и безраздѣльное господство въ Англіи меркантилизма, выгоды отъ котораго извлекала для себя не королевская власть, какъ на материкѣ, а правящіе классы. Въ XVIII в. Англія, какъ извѣстно, выбила Францію изъ колоній: одною изъ причинъ слабости французовъ въ колоніяхъ было то, что и за океаномъ Франція насаждала свои бюрократическіе, клерикальные и феодальные порядки. Въ серединѣ XVII в. меркантилизмъ вознесъ монархію Бурбоновъ на значительную высоту, въ серединѣ XVIII столѣтія эта монархія была выбита, благодаря абсолютизму, изъ своихъ внѣшнихъ позицій, и выгодными сторонами меркантилистической политики стала пользоваться главнымъ образомъ Англія. Французскій абсолютизмъ оказался неприспособленнымъ къ требованіямъ времени вслѣдствіе своей связи со старымъ феодально-аристократическимъ строемъ и вслѣдствіе своей косности.

ГЛАВА XV.

Отношеніе абсолютной монархіи къ сословному строю общества.

Старый порядокъ, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ сословными привилегіями. — Историческая связь западно-европейскихъ династій съ феодальнымъ міромъ.—Сохраненіе абсолютною монархіей сословныхъ привилегій духовенства и дворянства.—Королевская власть и придворныя вліянія.—Особенно привилегированное положеніе высшаго духовенства.—Стремленіе абсолютныхъ правительствъ ослабить общеполитическое и мѣстное значеніе аристократіи. — Въ чемъ заключались привилегіи дворянства?— Приниженное положеніе среднихъ классовъ.—Отношеніе стараго порядка къ рабочему народу.—Абсолютизмъ въ роли охранителя сословныхъ привилегій въ эпоху революцій.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того отношенія, въ какое абсолютная монархія стала къ сословному строю современнаго ей общества. Этотъ строй она унаслѣдовала отъ

среднихъ вѣковъ [1]), но въ немъ, благодаря изложеннымъ уже въ своемъ мѣстѣ [2]) экономическимъ перемѣнамъ, произошли очень важныя измѣненія. Въ феодальную эпоху среднихъ вѣковъ западно-европейское общество распадалось на дворянъ-землевладѣльцевъ и на крестьянъ-земледѣльцевъ, но въ эпоху крестовыхъ походовъ возникло еще „среднее" между ними сословіе горожанъ, т.-е. купцовъ и ремесленниковъ, которое все болѣе и болѣе крѣпло и развивалось, само при этомъ претерпѣвая важныя измѣненія и тоже расчленившись на новые классы. При старомъ порядкѣ названіе привилегированныхъ принадлежало во Франціи именно сословіямъ дворянства и духовенства, по отношенію къ коимъ вся остальная нація была такъ называемымъ „третьимъ сословіемъ", но и въ послѣднемъ были свои привилегированные, свой особый еще разрядъ людей обладавшій также исключительными правами и преимуществами, то, что мы теперь называемъ буржуазіей въ отличіе отъ народа. Въ своемъ мѣстѣ [3]) старый порядокъ уже былъ нами опредѣленъ, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ сословными привилегіями, а еще мы видѣли, что, во-первыхъ, это были старыя привилегіи католико-феодальнаго происхожденія, болѣе старыя, чѣмъ сама абсолютная монархія, а во-вторыхъ, что были и привилегіи новыя, возникшія на почвѣ торгово-промышленнаго развитія и въ значительной мѣрѣ обязанныя своимъ существованіемъ покровительству государственной власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (лучшій примѣръ—Голландія) торгово-промышленные элементы, непосредственно участвовавшіе въ государственномъ властвованіи, сами создали себѣ привилегіи, но съ паденіемъ въ большинствѣ странъ сословно-представительныхъ учрежденій, какъ охранять старыя, такъ и создавать новыя привилегіи, имѣла право только одна неограниченная королевская власть. Въ извѣстномъ смыслѣ абсолютизмъ прямо даже превратился въ охрану и источникъ привилегій, но и самъ онъ искалъ опоры для себя именно въ тѣхъ сословіяхъ, которыя этими привилегіями пользовались. Въ теоріи [4]) абсолютизмъ долженъ былъ осуществлять „общее

[1]) Помѣстье-государство, гл. XVI.

[2]) См. выше, всю главу XIII.

[3]) См. выше, гл. I („Что такое старый порядокъ?").

[4]) См. ниже, гл. XVIII („Теоретики абсолютизма и сословности").

благо", на практикѣ послѣ собственнаго своего интереса на первый планъ онъ выдвигалъ интересы привилегированныхъ сословій, совокупность которыхъ для него, въ сущности, и составляла націю. Конечно, въ отдѣльныхъ странахъ стремленія разныхъ сословій находились иногда въ рѣзкомъ противорѣчіи, и королевской власти приходилось довольно-таки часто рѣшать вопросъ, на чью сторону стать и кому дать перевѣсъ или нѣтъ ли компромиснаго выхода изъ столкновенія противоположныхъ интересовъ съ уступками и въ ту, и въ другую сторону. Когда рѣчь шла о простонародьѣ, въ большинствѣ случаевъ вопросъ рѣшался необычайно просто: въ дворянско-крестьянскія отношенія власть обыкновенно вмѣшивалась мало, не трогая установившагося съ феодальныхъ временъ и лишь очень медленно измѣнявшагося затѣмъ порядка, въ отношенія же предпринимательско-рабочія она, наоборотъ, какъ мы видѣли [1]), дѣятельно вмѣшивалась и почти каждый разъ далеко не въ пользу болѣе слабой стороны. Настоящія затрудненія для власти возникали, главнымъ образомъ, лишь тогда, когда ей приходилось выбирать между дворянствомъ и купечествомъ.

Съ самаго освобожденія городовъ изъ-подъ власти феодальныхъ сеньеровъ начался антагонизмъ, притомъ и политическій, и экономическій, между аристократіей и буржуазіей, антагонизмъ, все болѣе и болѣе углублявшійся. Онъ, какъ мы знаемъ, былъ одною изъ причинъ, погубившихъ сословно-представительныя учрежденія [2]), и въ немъ, примѣняя правило: „divide et impera", абсолютная монархія поэтому имѣла одинъ изъ устоевъ своей прочности, но въ то же время она должна была и удовлетворять бывшія столь часто противорѣчивыми требованія военно-землевладѣльческой знати и класса, обладавшаго торговыми и промышленными капиталами. Старыя феодальныя привилегіи тормозили развитіе новыхъ силъ, преимущества, выпадавшія на долю этихъ силъ, задѣвали предразсудки и выгоды привилегированныхъ. Нужно было угождать и тѣмъ и другимъ, въ то же время ведя свою собственную линію, причемъ часто симпатіи правительства были на сторонѣ дворянства, а расчетъ пользы диктовалъ необхо-

---

[1]) См. выше, стр. 230—231, 240 и 263.

[2]) См. выше, стр. 42—43 и указанныя тамъ мѣста въ книгѣ „Помѣстье-государство и сословная монархія".

димость содѣйствовать осуществленію стремленій буржуазіи. Пока власть болѣе или менѣе искусно лавировала между двумя основными тенденціями тогдашняго общества, позиція абсолютизма была болѣе или менѣе непоколебимою, но стоило ему слишкомъ выдвинуть впередъ свою собственную линію въ смыслѣ полнаго игнорированія того, что было особенно дорого наиболѣе вліятельнымъ классамъ общества, или затронуть ихъ интересы реформами въ духѣ дѣйствительнаго общаго блага, какъ противъ абсолютизма поднималась оппозиція, бороться съ которою было можно, только опираясь на однихъ противъ другихъ. Въ общемъ счетѣ абсолютная монархія все-таки больше тяготѣла къ дворянству, хотя и содѣйствовала развитію купечества, откуда повсемѣстно „буржуазный“ характеръ всѣхъ революцій, направленныхъ противъ абсолютизма. Только такъ называемый „просвѣщенный абсолютизмъ“ второй половины XVIII в. [1]), такъ сказать, повернулся спиной (да и то не вполнѣ) къ сословнымъ привилегіямъ феодальнаго происхожденія, но когда послѣ французской революціи и Наполеона I въ Западной Европѣ произошла реакція, совершенно порвавшая съ „просвѣщеннымъ“ абсолютизмомъ, королевская власть возвратилась къ старой традиціи преимущественнаго покровительства остаткамъ и пережиткамъ средневѣкового соціальнаго феодализма [2]).

Въ главѣ VIII мы уже особо разсматривали то политическое значеніе, которое получилъ въ западно-европейскихъ

---

[1]) См. ниже, гл. XIX („Просвѣщенный абсолютизмъ второй половины XVIII в.“).

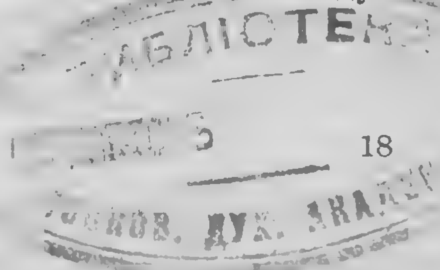
[2]) См. ниже, гл. XXI („Реакціонный абсолютизмъ первой половины XIX в.“). Въ одномъ изъ приложеній (стр. LXXX и слѣд.) къ тексту своей книги „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ (1879) я собралъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ трудовъ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ историковъ, характеризующихъ королевскую политику стараго порядка именно въ указываемомъ мною смыслѣ. Теперь, чуть не черезъ тридцать лѣтъ, эти выдержки можно было бы безконечно умножить новыми изъ позднѣйшей исторической литературы. Однимъ изъ послѣднихъ высказался въ этомъ смыслѣ Жоресъ въ своей „Исторіи великой французской революціи“, откуда соотвѣтственная выдержка приведена въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 201 „Народноправового государства“.

абсолютныхъ монархіяхъ королевскій дворъ [1]). Вездѣ и всегда это было сосредоточіе аристократическихъ вліяній. Доступъ ко двору былъ открытъ только для „двороспособныхъ“ (какъ можно перевести нѣмецкій терминъ *hoffähig*) элементовъ общества [2]). Это была замкнутая сфера даже тамъ, гдѣ придворныя вліянія на правительство были слабы. На что ужъ Фридрихъ II, этотъ „король-философъ“, былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, но и онъ твердо держался взгляда, что только дворяне могли быть „hoffähig“, и отказывалъ въ доступѣ ко двору чиновникамъ изъ сословія бюргеровъ. Это была одна изъ дворянскихъ привилегій рядомъ съ другими въ родѣ исключительнаго права владѣть рыцарскими имѣніями, занимать очень многія должности и т. п.; и въ Пруссіи равнымъ образомъ дворянинъ, занимавшійся торговлею или промышленностью, ронялъ свое званіе и уже не могъ расчитывать на ласковый пріемъ при дворѣ. Въ Австріи мы наблюдаемъ то же самое, и какъ ни былъ „демократически“ настроенъ Іосифъ II, этотъ „революціонеръ на тронѣ“, всетаки и при немъ первыя мѣста въ обществѣ занимали потомки старыхъ родовъ, близость которыхъ къ трону служила главнымъ основаніемъ и ихъ значенія въ государственной жизни.

Въ этомъ сословномъ строѣ стараго порядка первое мѣсто въ католическихъ странахъ принадлежало высшему духовенству. Оно почти сливалось съ дворянствомъ, потому что само пополнялось главнымъ образомъ младшими сыновьями аристократическихъ семей, доступъ же на высшія церковныя должности для не-дворянъ былъ затрудненъ. Во Франціи, гдѣ по болонскому конкордату 1516 г. назначеніе на епископскія каѳедры зависѣло исключительно отъ королевской милости, епархіи раздавались преимущественно родственникамъ придворной знати, и развѣ только въ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ епархіяхъ съ малыми доходами можно было встрѣтить епископовъ изъ третьяго сословія, но зато объ этихъ епископствахъ и отзывались пренебрежительно, какъ о „лакейскихъ“ (évêchés de laquais). Въ Германіи были высшія духовныя лица, обладавшія цѣлыми княжествами; понятно, что такими владѣтельными князьями могли быть только духовные

[1]) См. особенно стр. 113 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 107.

знатнаго происхожденія. Первыми среди курфюрстовъ, имѣвшихъ право избранія императора, были также духовные князья, архіепископы майнцкій, кельнскій и трирскій. Во многихъ мѣстахъ той же Германіи канониками, или „соборными господами“ (Domherren) могли дѣлаться только такія духовныя лица, которыя въ состояніи были доказать, что имѣютъ не менѣе шестнадцати благородныхъ предковъ съ отцовской и матерней стороны (stiftfähige Familien): примѣсь плебейской крови служила серьезнымъ препятствіемъ для занятія высокихъ церковныхъ должностей. Въ придворномъ быту представителямъ высшаго клира принадлежало тоже почетное мѣсто, а во Франціи вошло даже въ обычай поручать духовнымъ особамъ управленіе государствомъ: вспомнимъ въ XVII в. кардиналовъ Ришелье и Мазаринни или въ началѣ царствованія Людовика XV аббата Дюбуа и кардинала Флёри, а передъ самой революціей архіепископа тулузскаго Ломени-де-Бріенна.

Съ дворянствомъ высшее духовенство сближалось еще и тѣмъ, что и оно было землевладѣльческимъ сословіемъ, обладавшимъ, какъ и дворянство, сеньёрьяльными правами. Епископамъ и аббатамъ принадлежали обширныя земли и населенныя имѣнія, въ которыхъ даже во Франціи встрѣчались крѣпостные крестьяне, а сверхъ этого и права на полученіе разныхъ феодальныхъ оброковъ и повинностей. Особой привилегіей духовенства было, наконецъ, то, что въ его пользу земли были обложены десятиной, которую для одной Франціи передъ революціей оцѣниваютъ, какъ ежегодный доходъ въ 120—125 милліоновъ ливровъ (при такой же суммѣ поземельнаго дохода и лишь немногимъ меньшей—отъ феодальныхъ правъ). Такимъ образомъ, высшій клиръ былъ и весьма богатымъ сословіемъ, попадать въ которое было очень выгодно. Духовныя должности, собственно говоря, и раздавались въ кормленіе — вплоть до женскихъ монастырей, куда въ качествѣ настоятельницъ пристраивались дочери, сестры, вдовы изъ благородныхъ фамилій. Понятно, почему такъ охотно устремлялись постригаться въ священники и монахи, а это приводило къ непомѣрному росту духовнаго сословія. Болѣе всего отличились въ данномъ отношеніи южно-романскія страны: въ одномъ Неаполитанскомъ королевствѣ въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. на четыре милліона населенія насчитывалось около 115 тысячъ духовныхъ, что составляетъ по 28 человѣкъ на тысячу или около 3%, причемъ въ одной столицѣ число духовныхъ опре-

дѣлялось въ 16—17 тысячъ. На такую, далѣе, небольшую страну приходилось вмѣстѣ съ тѣмъ 138 архіепископовъ (22) и епископовъ (116), когда въ гораздо болѣе обширной Франціи, насчитывалось духовныхъ этого высшаго сана приблизительно столько же (134), да и то учредительное собраніе нашло эту цифру слишкомъ высокою и сократило ее до 83. Въ разныхъ частяхъ монархіи Габсбурговъ также число духовныхъ было очень велико. Извѣстно, что Іосифъ II уничтожилъ цѣлыя сотни монастырей, и все-таки ихъ оставалось достаточно. О томъ, сколько могли получать отдѣльные епископы, свидѣтельствуютъ такіе примѣры, какъ свыше милліона ливровъ, получавшихся извѣстнымъ придворнымъ кардиналомъ, архіепископомъ страсбургскимъ де-Рогановъ; средній доходъ каждаго изъ архіепископовъ Франціи опредѣлялся въ сто тысячъ ливровъ.

У духовенства были и другія привилегіи. Вмѣстѣ съ дворянствомъ оно участвовало въ сословныхъ сеймахъ, но кромѣ того, имѣло и свою собственную организацію. Дворянство во Франціи, взятое въ цѣломъ, не было связано въ какую-либо общегосударственную организацію, духовенство же признавалось общей корпораціей, имѣвшей свои собранія, опредѣлявшей свой „добровольный даръ“ [1]) въ королевскую казну, вмѣсто всѣхъ налоговъ, пользовавшейся правомъ непосредственнаго обращенія къ трону съ челобитными (doléances) о своихъ нуждахъ и обладавшею даже своей особою казною (caisse du clergé), должникомъ которой былъ самъ король. Для духовныхъ лицъ была, наконецъ, во Франціи, какъ и вездѣ въ католическихъ странахъ своя подсудность. Въ южно-романскихъ странахъ духовенство пользовалось даже особенно большими привилегіями, въ родѣ, наприм., недоступности церквей, монастырей и жилищъ духовенства для полицейскихъ и судебныхъ властей государства. Отмѣтимъ еще, что учебныя заведенія иногда имѣли исключительно духовный характеръ, такъ что и народное образованіе являлось монополіей клира.

Отдѣльное мѣсто въ церковной организаціи стараго порядка занималъ орденъ іезуитовъ, имѣвшій своихъ агентовъ при дворахъ католическихъ государей въ качествѣ ихъ духовниковъ и вообще оказывавшій большое вліяніе на всѣ сферы жизни. Характерною чертою эпохи является то, что орденъ въ XVIII столѣтіи велъ обширныя меркантилистическія пред-

---

[1]) См. выше, стр. 159.

пріятія. Извѣстно, напр., что португальскіе іезуиты владѣли колоніями (Парагваемъ и Уругваемъ), занимались торговлею (между прочимъ неграми) и даже такими предосудительными профессіями, какъ контрабанда, ростовщичество и т. п. Извѣстна также исторія французскаго іезуита Лаваллета, который велъ обширную торговлю колоніальными товарами и однажды отказался уплатить свой долгъ одному марсельскому торговому дому, расчитывая на то, что судъ съ нимъ самимъ ничего не подѣлаетъ, разъ у него, Лавалетта, есть сильныя придворныя связи; эта исторія разыгралась въ цѣлое общественное событіе, приведшее къ уничтоженію во Франціи ордена іезуитовъ (1764).

Вторымъ привилегированнымъ сословіемъ стараго порядка (а въ протестантскихъ странахъ первымъ) было дворянство. Мы уже знаемъ, что въ виды абсолютизма входило всячески ослаблять, какъ общеполитическое, такъ и мѣстное значеніе дворянства. Независимо отъ уничтоженія или ограниченія компетенціи сословныхъ сеймовъ, государи стремились привлекать сеньеровъ ко двору и къ государственной службѣ, особенно въ арміи, и всячески урѣзывали мѣстныя права дворянскихъ обществъ бюрократизаціей управленія [1]). Нигдѣ съ такимъ успѣхомъ не удалось выбить дворянъ изъ ихъ позицій на мѣстахъ, какъ это было сдѣлано во Франціи. Вся высшая знать была сосредоточена при дворѣ, а провинціальные дворяне были обречены на роль простыхъ „первыхъ обывателей“ (premiers habitants) въ отдѣльныхъ околодкахъ. Всѣ мѣстныя дѣла сосредоточивались въ рукахъ интендантовъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ, а помѣщики, жившіе въ своихъ усадьбахъ, могли заниматься лишь частными своими дѣлами, такъ какъ для общественныхъ дѣлъ было достаточно одного бдительнаго и попечительнаго начальства. Жалобы на абсентеизмъ французскихъ помѣщиковъ изъ ихъ имѣній—одно изъ самыхъ обычныхъ явленій XVIII в.

За то бо̀льшая часть соціальныхъ привилегій дворянства, какъ мы видѣли, сохранялась и охранялась властью. Конечно, и въ самомъ дворянствѣ нужно различать разныя категоріи, между которыми могли возникать свои антагонизмы. Особенно большого классового расчлененія достигло дворянство во Франціи: для отдѣльныхъ его категорій мы не всегда даже най-

---

[1]) См. выше, стр. 158—160, 163—164 и др.

демъ соотвѣтствующія положенія въ другихъ странахъ. Такъ, развившаяся во Франціи продажность должностей, превращавшая ихъ въ наслѣдственную собственность извѣстныхъ фамилій, создала особую „знать робы" (noblesse de robe), отличную отъ „дворянства шпаги" (noblesse d'épée) стараго феодальнаго происхожденія [1]),—явленіе, котораго въ другихъ мѣстахъ мы не знаемъ. Для королевской власти торговля должностями, иногда нарочно придумывавшимися для того, чтобы было что̀ продать, была просто-на-просто источникомъ обогащенія [2]), но для извѣстной категоріи покупщиковъ пріобрѣтеніе ихъ являлось средствомъ попасть въ число привилегированныхъ (priviligiés) со всѣми вытекавшими отсюда послѣдствіями (освобожденіемъ отъ податей и т. п.). Далѣе, конечно, не все дворянство, а только верхи этого сословія находили себѣ мѣсто при королевскомъ дворѣ, источникѣ всѣхъ милостей, синекуръ, пенсій и подарковъ, сильно содѣйствовавшихъ разоренію государственной казны. Кому были недоступны эти сферы, тѣ искали выгодной государственной службы, преимущественно въ арміи. Во многихъ государствахъ офицерскія должности могли заниматься только дворянами, даже иногда только родовитыми дворянами, какъ мы это видимъ во Франціи по королевскому эдикту 1781 г., допускавшему къ занятію офицерскихъ мѣстъ только такихъ лицъ, у которыхъ было, по крайней мѣрѣ, четыре поколѣнія благородныхъ предковъ. Придворное и служилое дворянство изъ высшихъ и среднихъ слоевъ сословія не жило въ своихъ помѣстьяхъ, довольствуясь лишь полученіемъ изъ нихъ доходовъ, но значительная часть среднихъ слоевъ и низшее, захудалое дворянство оставалось жить въ своихъ деревняхъ, гдѣ занималось сельскимъ хозяйствомъ. Матеріальные интересы, степень образованія, міросозерцаніе, были довольно несходными у городского и сельскаго дворянства, но всѣ отдѣльныя группы этого сословія объединялись извѣстными общими привилегіями. Дворянскія преимущества распространялись не только на лица, входившія въ составъ сословія, но и на ихъ имѣнія. Во Франціи земли прямо дѣлились на благородныя (nobles), которыя были изъяты отъ налога, назы-

---

[1]) См. выше, стр. 130.

[2]) Съ 1700 по 1715 г. Людовикъ XIV продалъ разныхъ, большею частью придворныхъ, должностей на полмилліарда ливровъ.

вавшагося *таліей*, и такъ сказать, подлыя, если такъ позволительно перевести терминъ *terres roturières* [1]),—земли, подчиненныя таліи. Когда-то дѣленіе земель совпадало съ дѣленіемъ ихъ владѣльцевъ, но, благодаря переходамъ земель изъ рукъ въ руки, совпаденія нерѣдко не было, и благородная земля могла очутиться въ обладаніи ротюрьера, но въ общемъ все-таки одно дѣленіе покрывалось другимъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Пруссіи, и самаго несовпаденія не могло быть, потому что „рыцарскія имѣнія" могли отчуждаться лишь въ дворянскія же руки, и простой бюргеръ прямо лишенъ былъ права владѣть дворянскимъ помѣстьемъ. Это было подтверждено въ концѣ XVIII в. „Общимъ земскимъ правомъ" [2]), и только реформа барона Штейна въ началѣ XIX в. открыла возможность не-дворянамъ пріобрѣтать рыцарскія имѣнія. Нужно, однако, замѣтить, что въ Пруссіи эти помѣстья не были освобождены отъ налоговъ (да и во Франціи благородныя земли свободны были не отъ всѣхъ податей), но за то съ обладаніемъ ими были соединены права вотчинныхъ суда и полиціи. Когда послѣ того, какъ Штейнъ открылъ доступъ къ привелигированному землевладѣнію и для не-дворянъ, многіе бюргеры купили рыцарскія помѣстья, а съ ними пріобрѣли и судебно-полицейскія права въ этихъ помѣстьяхъ, отмѣненныя лишь вслѣдствіе революціи 1848 г. Во Франціи передъ революціей 1789 г. съ дворянскимъ землевладѣніемъ тоже были соединены судебныя права. Благородныя земли были именно постарому *фьефы*, или феоды, каковыхъ во Франціи насчитывалось въ послѣднюю пору стараго порядка около 70 тысячъ, изъ нихъ тысячи три титулованныхъ и обладавшихъ высшею (и среднею) юстиціей, тогда какъ съ остальными соединена была лишь низшая юстиція. Самъ сеньёръ давно уже не былъ судьею подвластныхъ жителей и только имѣлъ право назначать судью, отдавая, впрочемъ, отправленіе правосудія въ аренду за полученіе судьею пошлинъ и штрафовъ въ свою пользу, и смо-

---

[1]) Ротюрьерами (roturiers отъ средневѣковаго ruptuarius=qui rumpit terram, пахотникъ) назывались вообще непривилегированные. Соотвѣтственнаго русскаго слова нѣтъ, такъ что *roturier* (существ. и прилаг.) переводится у насъ словами „плебейскій", „простонародный", „мѣщанскій", „разночинный" (или „разночинецъ").

[2]) См. о немъ выше, стр. 137.

тря по тому, какова была компетенція сеньёрьяльнаго судьи, она подводилась подъ категоріи низшей, средней или высшей. Высшая юстиція могла приговаривать,—правда, съ утвержденія королевскаго суда,—даже къ смертной казни, вслѣдствіе чего наиболѣе важные дворяне могли ставить висѣлицу передъ воротами своихъ замковъ. Все это были остатки средневѣковой, чисто феодальной старины [1]), какъ и другія сеньёрьяльныя права, напр., право держать монопольныя („банальныя") мельницы, на которыхъ жители округи только и могли молоть свой хлѣбъ [2]), или исключительное право охоты и т. п. Въ сущности, фьефы были совершенно свободною собственностью, тогда какъ ротюрныя земли въ громадномъ большинствѣ случаевъ были *цензивами*, или чиншевыми владѣніями, подчиненными владѣльцамъ фьефовъ [3]). Въ силу правила „nulle terre sans seigneur", дѣйствовавшаго въ большей части Франціи [4]), ротюрная собственность была обыкновенно цензивною, т.-е. сеньеръ получалъ съ нея, ежегодно опредѣленный денежный (цензъ) и натуральный (шампаръ) оброкъ, а въ случаяхъ перехода цензивы по наслѣдству или по продажѣ, получалъ извѣстную пошлину и т. д. Этимъ условіямъ подчинялось вообще крестьянское землевладѣніе: оно могло принимать разныя юридическія формы, среди каковыхъ цензива лишь была одною изъ нѣсколькихъ, но сущность была вездѣ одна и та же — подчиненіе крестьянской земли помѣщикамъ - дворянамъ и обложеніе ея въ ихъ пользу оброками и повинностями, достигавшими наибольшихъ размѣровъ, когда крестьяне были крѣпостными. Что касается до личныхъ привилегій дворянскаго сословія, то мы уже о нихъ говорили выше [5]). Въ общемъ итогѣ можно раздѣлить дворянскія привилегіи стараго порядка, взявъ ихъ въ ихъ отношеніяхъ или къ государству, или къ остальнымъ классамъ населенія. Ни къ одному классу населенія, кромѣ, конечно, духовенства, государство не относилось съ такою благосклонностью, какъ къ дворянству: въ исключительномъ или преимущественномъ обладаніи этого сословія были наиболѣе до-

---

[1]) „Помѣстье-государство", стр. 105.

[2]) О „баналитетахъ" вообще тамъ же, стр. 92 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

[4]) Тамъ же, стр. 87.

[5]) См. стр. 276 и слѣд.

ходныя и почетныя должности на королевской службѣ, при дворѣ, въ церкви; менѣе всего въ казну платили, если только вообще платили, дворяне, а во многихъ случаяхъ они получали еще разныя казенныя субсидіи. Съ другой стороны, дворянство было поставлено въ командующее положеніе по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ, особенно по отношенію къ массѣ сельскаго населенія.

Положеніе средняго класса въ обществѣ стараго порядка было приниженнымъ, и только выдѣленіе изъ него болѣе зажиточнаго и просвѣщеннаго верхняго слоя, мало-помалу стало выдвигать на видное мѣсто въ обществѣ лицъ недворянскаго происхожденія. Во Франціи третьимъ сословіемъ (tiers état) называли всѣхъ, не принадлежавшихъ къ привилегированнымъ, всю,—выражаясь аристократическимъ терминомъ,—ротюру, въ которой существовала цѣлая градація положеній, начиная крупными капиталистами и кончая городскими рабочими или сельскими батраками. Мы уже видѣли, что буржуа, или бюргеру было недоступно многое изъ того, чѣмъ по праву рожденія могли пользоваться дворяне; стòитъ только вспомнить все это, чтобы представить себѣ ту приниженность соціальнаго положенія, которая создана была старымъ порядкомъ для плебеевъ. Особенно рѣзко было разстояніе, отдѣляющее бюргера отъ дворянина тамъ, „гдѣ развитіе промышленности и торговли не создало богатой и вліятельной буржуазіи, а такими странами были, наприм., Австрія и Пруссія. Здѣсь бюргеръ всегда долженъ былъ знать свое скромное мѣсто въ обществѣ. Даже нахожденіе его на государственной службѣ и особая заслуженность,—если только государь не сообщалъ ему дворянское достоинство особымъ актомъ монаршей милости,—не поднимали его соціальнаго положенія: стать чиновникомъ, получить извѣстные чины еще не значило, какъ это установилось въ Россіи, пріобщиться къ дворянскому сословію. Гораздо болѣе благопріятное положеніе для зажиточныхъ и образованныхъ „разночинцевъ“ создавалось тамъ, гдѣ они составляли уже значительную соціальную силу. Конечно, имъ далеко было до того положенія, какое они заняли въ государствахъ со свободнымъ политическимъ строемъ, какъ въ Голландіи и въ Англіи, гдѣ соціальный вѣсъ человѣка опредѣлялся уже не его рожденіемъ, а его матеріальнымъ состояніемъ, но все-таки и королевскій дворъ, и благородное общество во Франціи выну-

ждены были считаться съ новою соціальною силою болѣе, нежели въ нѣмецкихъ государствахъ. Это была, именно, или сила денегъ, или сила общественнаго мнѣнія. Среди французскихъ ротюрьеровъ были очень крупные капиталисты, ссужавшіе своими деньгами и короля, и аристократію. Недаромъ разсказываютъ о томъ почетѣ, какой Людовикомъ XIV (даже Людовикомъ XIV) былъ оказанъ еврейскому капиталисту Самюелю Бернару лишь за одно то, что онъ былъ обладателемъ многихъ милліоновъ. Капиталисты нужны были старой монархіи въ качествѣ банкировъ и откупщиковъ, да и придворные чины и государственные сановники не могли слишкомъ гнушаться этими людьми, жившими по-барски (noblement) и дѣлившимися съ ними частью своихъ барышей [1]). Богатые промышленники и коммерсанты тоже легко стали попадать въ „хорошее общество". Въ образованности буржуазія не отставала отъ дворянства, и изъ ея рядовъ вышло немало ученыхъ и писателей, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались властителями думъ своего времени: Вольтеръ былъ — сынъ нотаріуса, Руссо — сынъ часовыхъ дѣлъ мастера. Въ числѣ вождей общественнаго мнѣнія во Франціи XVIII в. было немало и дворянъ, но принадлежность къ одному и тому же культурному классу уравнивала всѣхъ; во Франціи уже создавалось безсословное „общество", въ особомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ „публики", противополагаемой народу. Въ составъ этого „хорошаго общества" („la bonne compagnie", тоже тогдашній терминъ, равносильный выраженію у Вольтера „порядочные люди", honnêtes gens), въ составъ этой культурной среды входили и духовные, и свѣтскіе люди, и дворяне, и буржуа, и чиновники, и представители либеральныхъ профессій,—явленіе, которое отмѣчено было, между прочимъ, Токвилемъ, въ главѣ „Стараго порядка и революціи" о томъ, что „Франція была страною, гдѣ люди стали наиболѣе похожи другъ на друга". Тѣмъ чувствительнѣе должны были ротюрьеры относиться къ соціальному неравенству въ государствѣ.

Сравнительно съ народною массою средній классъ при старомъ порядкѣ находился въ привилегированномъ положеніи. У духовенства и дворянства были свои сословныя преимущества, у буржуазіи, какъ-никакъ, извѣстныя права,

---

[1]) См. выше, стр. 209.

народная масса была совсѣмъ безправною. Буржуазія могла чувствовать заодно съ народомъ ненависть къ привилегіямъ духовенства и дворянства, но долго оставалась довольною своимъ положеніемъ въ государствѣ и не стремилась къ политическимъ перемѣнамъ, тѣмъ болѣе, что власть во многихъ случаяхъ создавала и для нея очень выгодныя условія по отношенію къ „простонародью“ [1]). Во Франціи въ XVIII столѣтіи города пользовались многими льготами въ отбываніи государственныхъ повинностей сравнительно съ деревнями, а независимо отъ этого и меркантилизмъ заставлялъ правительство, какъ мы видѣли [2]), дѣлать очень многое въ пользу буржуазіи. Старыя ли связи съ аристократіей, новыя ли связи съ буржуазіей, абсолютная монархія, какъ-никакъ, покровительствовала, хотя и въ разной мѣрѣ, и аристократіи, и буржуазіи. Ни дворянство, ни даже средній классъ не разсматривались, какъ общественные элементы, которые не носятъ въ себѣ же самихъ цѣли своего существованія: все-таки государство признавало какія ни-на-есть ихъ права и не видѣло въ нихъ лишь орудія или средства, безусловно подчиненныя государственной цѣли. Иное отношеніе было, въ общемъ, къ народной массѣ, къ рабочему люду. Крестьяне, какъ мы видѣли, не только несли на себѣ наибольшую массу государственныхъ тягостей, но, кромѣ того, были отданы въ безконтрольное распоряженіе дворянства. Мѣры для облегченія участи сельскаго народа начинаютъ приниматься только въ серединѣ XVIII в., хотя абсолютизмъ и въ эту эпоху не рѣшался покончить съ крѣпостничествомъ. Крестьянско-помѣщичьи отношенія все-таки еще были наслѣдіемъ, которое абсолютная монархія получила отъ временъ феода-

---

[1]) „Значило бы сильно ошибаться и замѣнять исторію легендой, если бы просвѣщенной части третьяго сословія въ старой Франціи приписывать чувство политической свободы и любовь къ ней. За вычетомъ нѣкоторыхъ періодовъ, бывшихъ исключительными и сравнительно короткими, королевской власти нечего было бороться съ третьимъ сословіемъ... Въ XVII в. королевская власть управляетъ съ третьимъ сословіемъ; оно было ея помощникомъ въ борьбѣ съ духовною властью; опираясь на третье сословіе, королевская власть боролась съ дворянствомъ; опираясь на третье же сословіе, она покончила съ дворянствомъ, какъ государственнымъ сословіемъ“. *Hitier*. La doctrine de l'absolutisme, стр. 172.

[2]) См. выше, стр. 251 и слѣд.

лизма, но абсолютизмъ создавалъ для рабочаго народа и новую кабалу въ томъ фабричномъ законодательствѣ, которымъ поощрялась обрабатывающая промышленность. Правительства въ эпоху меркантилизма вмѣшивались не только въ технику производства, но и во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ: если въ области сельскихъ отношеній абсолютизмъ поддерживалъ тягостные для народа порядки своимъ въ нихъ невмѣшательствомъ, ибо здѣсь оставалось лишь не нарушать старины, то въ области народившейся крупной индустріи дѣйствовало какъ-разъ правительственное вмѣшательство, которое, въ интересахъ этой индустріи къ односторонней выгодѣ предпринимателей, создавало для рабочихъ крайне тягостное положеніе.

Заботы о правильномъ ходѣ фабричныхъ предпріятій заставляли французское правительство, начиная съ Кольбера, придумывать мѣры къ тому, чтобы прикрѣплять рабочихъ къ заведеніямъ, въ которыхъ они работали [1]). Съ этою цѣлью законы запрещали рабочимъ покидать своихъ хозяевъ, которые могли ихъ разыскивать черезъ полицію для водворенія ихъ назадъ,—преслѣдовали образованіе какихъ-либо союзовъ рабочихъ въ родѣ старыхъ союзовъ подмастерьевъ и т. п. Регламентація правительственными распоряженіями заработной платы тоже совершалась къ выгодѣ предпринимателей. Съ меркантилистической точки зрѣнія нужно было больше всего заботиться объ удешевленіи производимыхъ страною товаровъ, дабы они выдерживали конкурренцію на иностранныхъ рынкахъ съ товарами, производимыми въ другихъ государствахъ, а для этого нужно было, чтобы производство по возможности удешевлялось: низкая заработная плата считалась однимъ изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Этого взгляда держались и теоретики меркантилизма, и правительства, притомъ одинаково и во Франціи, и въ Пруссіи, и въ Австріи, словомъ, вездѣ. Указывалось и на то, что при низкой заработной платѣ рабочаго легче держать въ повиновеніи у предпринимателей въ интересахъ какъ промышленности, такъ и

---

[1]) Правительство нерѣдко даже прямо доставляло предпринимателямъ рабочихъ совершенно принудительными способами (ср. выше, стр. 239). Кольберъ приказывалъ, напр., мэрамъ и сельскимъ старостамъ насильно сгонять на фабрики безработныхъ какъ мужского, такъ и женскаго пола, и всѣхъ возрастовъ, начиная съ десяти лѣтъ.

общественнаго порядка. Что вообще народъ не долженъ зазнаваться, а потому слѣдуетъ не допускать его къ хорошей жизни, это былъ очень распространенный взглядъ, и не одинъ Ришелье былъ яркимъ его выразителемъ въ своемъ знаменитомъ заявленіи на этотъ счетъ. Служители религіи разныхъ исповѣданій также находили, что народъ только тогда и благочестивъ, пока бѣденъ и по бѣдности не можетъ предаваться роскоши, матери другихъ пороковъ. Роскошь высшихъ классовъ, наоборотъ, считалась нужною для поощренія промышленности, доставляющей работу бѣдняку, самого же бѣдняка признавали приличнымъ держать впроголодь не только въ интересахъ самой промышленности и общественнаго порядка, но и въ собственныхъ его интересахъ—вплоть до спасенія души. Подобныя же соображенія ложились въ основу многихъ правительственныхъ распоряженій, клонившихся къ удлинненію рабочаго дня.

Позднѣе, въ эпоху просвѣщенія сталъ, распространяться иной взглядъ на отношеніе государства къ народу. Новая мысль заключалась въ томъ, что народная бѣдность невыгодна для государственной казны, что благополучіе послѣдней требуетъ благосостоянія народа, но и въ этомъ, болѣе благопріятномъ для народныхъ массъ взглядѣ онѣ разсматривались, главнымъ образомъ, какъ основа силы самого государства. Понятія цѣли и средства брались въ обратномъ отношеніи, т.-е. не государство какъ-бы мыслилось нужнымъ для народа, а народъ для государства. Впрочемъ, и покровительство предпринимателямъ тоже обусловливалось соображеніями государственной пользы, безусловное же право на уваженіе соціальныхъ интересовъ признавалось лишь высшими сословіями. Абсолютная монархія ни за что не связала бы своего дѣла съ охраною интересовъ фабрикантовъ и купцовъ въ такой степени, какъ связала его съ охраною привилегій духовенства и дворянства.

Старая монархія во Франціи изъ всѣхъ правъ, какія только были у ея подданныхъ, относилась съ уваженіемъ лишь къ однимъ сословнымъ привилегіямъ клира и знати. Отмѣняя по совѣту Неккера серважъ въ королевскихъ доменахъ за десять лѣтъ до революціи, Людовикъ XVI въ эдиктѣ объ этомъ формально заявилъ о своемъ „уваженіи“ къ праву собственности сеньёровъ на ихъ сервовъ. Убѣждая короля созвать генеральные штаты, Неккеръ, между прочимъ, успо-

каивалъ его опасенія тѣмъ, что „третьему сословію никогда не придетъ на умъ пытаться уменьшить сеньёрьяльныя и почетныя прерогативы, отличающія два первыя сословія въ ихъ имуществахъ и въ ихъ личностяхъ“ [1]). Въ іюньской 1789 г. деклараціи короля было сказано, что онъ къ числу предметовъ самой неприкосновенной собственности относитъ „всѣ права и прерогативы, почетныя и выгодныя, связанныя съ землями и фьефами или составляющія личное достояніе“ знати. Когда въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія 4 августа 1789 г. [2]) рѣшено было отмѣнить весь старый, феодальный и сословный строй, Людовикъ XVI писалъ одному архіепископу: „я никогда не соглашусь обобрать мое духовенство, мое дворянство... Я не дамъ своей санкціи декретамъ, которые обобрали бы ихъ... Я сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, чтобы сохранить мое духовенство, мое дворянство“. Исторія французской революціи и оказаннаго ей противодѣйствія свидѣтельствуетъ, что въ эту эпоху дѣло королевской власти неразрывно было связано съ дѣломъ привилегированныхъ сословій. Съ другой стороны, первая причина оппозиціи абсолютизму во французской націи заключалась не въ томъ, что онъ былъ абсолютизмомъ, а въ томъ, что онъ сдѣлался оплотомъ сословныхъ привилегій [3]).

---

[1]) Въ своихъ наказахъ (cahiers des doléances) 1789 г. привилегированные выражали самымъ рѣшительнымъ образомъ желаніе, чтобы ихъ сеньёрьяльныя права и всѣ привилегіи (кромѣ изъятія изъ обязанности платить налоги) были и впредь сохранены.

[2]) „Народно-правовое государство“, стр. 202 и слѣд.

[3]) Ср. выше, стр. 272, прим. 2 и особенно „Народно-правовое государство“, стр. 443 и слѣд., гдѣ говорится о связи абсолютизма съ сословными привилегіями, какъ одной изъ важныхъ причинъ паденія абсолютизма.

ГЛАВА XVI.

Церковная политика абсолютной монархіи.

Неразличимость государства и церкви въ древнемъ мірѣ.—Возникновеніе дуализма свѣтской и духовной власти. — Взаимныя отношенія церкви и государства въ средніе вѣка. — Политическая оппозиція притязаніямъ папства въ концѣ среднихъ вѣковъ. — Участіе государственной власти въ религіозной реформаціи и вліяніе послѣдней на первую. — Монархическія реформаціи первой половины XVI в.—Роль государственной власти въ протестантскихъ церквахъ. — Взаимныя отношенія католической реакціи и абсолютной монархіи.—Теоріи католическихъ писателей XVII—XVIII вв. о взаимныхъ отношеніяхъ свѣтской и церковной властей. — Борьба государства съ иновѣріемъ. — Что такое вѣротерпимость въ XVI—XVIII вв.?

Разсматривая вѣроисповѣдныя и церковныя отношенія стараго порядка, мы должны бросить взглядъ назадъ, и посмотрѣть, какъ въ прежнія времена складывались взаимныя отношенія политики и религіи.

Извѣстно, что вся древность,—какъ восточная, такъ и классическая, какъ монархическая, такъ и республиканская,—не знала того обособленія политики и религіи, которое выразилось въ христіанскомъ мірѣ, благодаря существованію двухъ раздѣльныхъ организацій государства и церкви съ соотвѣтственными понятіями свѣтской и духовной власти. До-христіанское государство было въ то же время само по себѣ и церковью, и глава государства—ея первосвященникомъ [1]).

Возникновеніе дуализма государства и церкви, свѣтской и духовной власти было результатомъ того, что христіанская религія организовалась въ церковное общество, притомъ универсальное, вселенское, внѣ рамокъ Римской, тоже универсальной государственности. Когда въ IV в. имперская власть признала новую религію, послѣдняя уже имѣла свою собственную организацію, возникшую независимо отъ государства и представлявшую собою царство Божіе на землѣ. Въ послѣдующія времена взаимныя отношенія между государствомъ и церковью складывались различнымъ образомъ. Въ Византіи произошло

---

[1]) Государство-городъ, стр. 37—38.—Монархіи, стр. 37—39, 60, 233 и слѣд.

подчиненіе церкви государству, приводящее къ представленію о „цезаропапизмѣ“ въ смыслѣ соединенія въ одномъ лицѣ главы и государства (цезаря), и церкви (папы), по аналогіи съ чѣмъ стремленіе средневѣковыхъ папъ тоже сосредоточить въ своихъ рукахъ обѣ власти (sacerdotium и imperium) обозначается, какъ папоцезаризмъ. Въ сущности, однако, нигдѣ въ такой мѣрѣ не осуществилась раздѣльность государства и церкви, безъ полнаго ихъ отдѣленія другъ отъ друга, какъ на средневѣковомъ Западѣ, гдѣ даже возникала цѣлая политико-богословская теорія двухъ властей, установленныхъ самимъ Богомъ, одной ввѣрившимъ души людей и все духовное, другой — ихъ тѣла и все свѣтское, мірское, матеріальное. Цезаропапистскія стремленія обнаруживались по временамъ и на Западѣ (при Карлѣ Великомъ, при Генрихѣ III Франконскомъ), но феодальное государство было наименѣе способно господствовать надъ объединившейся подъ властью, одного духовнаго главы, папы, католическою церковью; наоборотъ, скорѣе средневѣковая церковь въ эпоху феодальнаго раздробленія могла осуществить главенство духовной власти надъ свѣтскою. Папа, какъ представитель самого Бога на землѣ, считалъ себя стоящимъ выше свѣтскихъ государей; бывали же случаи, когда папа объявлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ низложенными съ престола и разрѣшалъ ихъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность. Вмѣстѣ съ этимъ церковь издавала законы, которые считала обязательными для государства, отнюдь не признавая для себя обязательности законовъ, издававшихся государствомъ. Совершенно въ томъ же родѣ были взаимныя отношенія церкви и государства въ дѣлѣ установленія налоговъ: папа могъ облагать всѣхъ вѣрныхъ, но государи не должны были облагать духовенство. Наконецъ, и въ отношеніи къ суду во многихъ случаяхъ церковь считала подсудными себя и свѣтскихъ лицъ, тогда какъ духовные ни въ какихъ случаяхъ не должны были бы подлежать свѣтскимъ судьямъ. Все это оправдывалось соображеніями о превосходствѣ духовнаго надъ плотскимъ, божескаго надъ человѣческимъ, небеснаго надъ земнымъ. Средневѣковая католическая церковь подъ властью папы была теократическимъ воспроизведеніемъ абсолютной монархіи древнихъ римскихъ цезарей, какъ и она, іерархически централизованнымъ цѣлымъ съ неограниченною властью во главѣ. Сдѣланная-было въ эпоху великихъ соборовъ первой половины XV в. попытка превра-

щенія папства изъ абсолютной монархіи въ монархію ограниченную, путемъ организаціи церковнаго представительства на соборахъ, окончилась неудачею, и католическая церковь въ новое время сохранила характеръ абсолютной духовной монархіи.

Въ исторіи королевской власти на Западѣ церковныя отношенія играли вообще большую роль. Если, съ одной стороны, церковь давала этой власти религіозное освященіе (видимо въ обрядѣ священнаго помазанія и вѣнчанія на царство), то, съ другой стороны, она же и умаляла значеніе этой власти, ставя ее подъ опеку другой, болѣе высокой по своему происхожденію и болѣе священной по своему достоинству власти. По папской теоріи, это была делегація, отъ высшаго къ низшему, извѣстныхъ правъ надъ внѣшнею, матеріальною жизнью людей, причемъ власть делегирующая, высшая сохраняла за собою право судить и наказывать эту низшую, делегированную власть. Государственности новаго времени пришлось вырабатываться въ борьбѣ не только съ феодализмомъ, оказывавшимъ ей сопротивленіе, такъ сказать, снизу, но и съ католицизмомъ, который стѣснялъ ее сверху, задачу же проведенія въ жизнь государственныхъ началъ исполняла въ исходѣ среднихъ вѣковъ, какъ мы знаемъ, королевская власть съ представительными сеймами.

Эпоха сословной монархіи, XIV и XV столѣтія, была временемъ сильнаго роста чисто политической оппозиціи противъ папства. Первые же генеральные штаты во Франціи въ 1302 г., созванные Филиппомъ IV во время его распри съ папою Бонифаціемъ VIII, торжественно провозгласили независимость, въ свѣтскихъ дѣлахъ, французской короны отъ римской куріи [1]), и менѣе, чѣмъ черезъ полвѣка спустя, англійскій парламентъ особымъ актомъ призналъ уничтоженіе той подчиненности, въ какой находилось по отношенію къ Риму королевство послѣ того, какъ Іоаннъ Безземельный призналъ себя папскимъ вассаломъ. Это — только два наиболѣе бросающіеся въ глаза примѣра тогдашней политической оппозиціи противъ притязаній папства. Свѣтскія сословія тѣмъ охотнѣе помогали королевской власти въ этой борьбѣ, что сами тяготились привилегіями и властолюбіемъ духовенства, общая же тен-

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 228.

денція государей заключалась въ томъ, чтобы утвердить свою самостоятельность въ свѣтскихъ дѣлахъ по отношенію къ папству и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, поставить мѣстное духовенство въ бо̀льшую отъ себя зависимость. Религіозная реформація XVI в. позволила государямъ половины Западной Европы достигнуть указанныхъ цѣлей, совершенно, т.-е. и въ духовныхъ дѣлахъ, освободившись отъ папской власти, и всецѣло подчинивъ себѣ мѣстное духовенство, такъ что и англійскій король, объявившій себя главою церкви въ своемъ государствѣ, и германскіе владѣтельные князья, ставшіе высшими епископами въ своихъ земляхъ, радикально измѣнили въ своихъ владѣніяхъ взаимныя отношенія государства и церкви, ставши на путь цезаропапизма.

Этой реформаціи XVI в., какъ извѣстно, предшествовалъ уже цѣлый рядъ попытокъ исцѣленія средневѣковой церкви отъ тѣхъ недуговъ, которые получили характерное названіе ея „порчи въ главѣ и членахъ“. Сама церковь, особенно послѣ неудачи съ великими соборами первой половины XV в., пизанскимъ, констанцскимъ и базельскимъ, обнаружила полную несостоятельность въ дѣлѣ необходимыхъ исправленій, и за реформу взялись, уже въ первой половинѣ XV в., внѣцерковныя сферы и между ними въ Чехіи общественно-народныя силы. Къ этимъ внѣцерковнымъ сферамъ, кромѣ отдѣльныхъ сословій свѣтскаго общества и представителей научнаго образованія, нужно причислить и государственную власть, которая по собственной иниціативѣ и на свой страхъ также предпринимала тѣ или другія мѣры еще со времени великаго раскола въ католической церкви въ концѣ XIV в., когда возникновеніемъ схизмы поставлена была задача возстановить нарушенное единство церкви. Самый созывъ констанцскаго собора, имѣвшаго въ числѣ своихъ задачъ прекращеніе раскола и реформу церкви, совершился, благодаря настойчивости императора Сигизмунда, подобно тому, какъ ста тридцатью годами позже безъ настойчивыхъ требованій со стороны императора Карла V не былъ бы созванъ и соборъ въ Тридентѣ. Съ конца XIV в., такимъ образомъ, государственная власть все болѣе и болѣе пріучалась къ мысли, что она имѣетъ право упорядочивать внутреннія отношенія церкви (позднѣйшее jus reformandi), что это—даже ея обязанность, и когда въ Западной Европѣ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI в. вопросъ о церковной реформаціи сдѣлался злобою дня, то въ нѣко-

торыхъ странахъ королевская власть въ согласіи съ представительными сеймами взяла это дѣло въ свои руки, какъ то было, между прочимъ, въ Швеціи, въ Даніи и въ Англіи.

Вообще въ исторіи западно-европейской королевкой власти церковная реформа съиграла весьма важную роль, сдѣлавшись въ однихъ случаяхъ факторомъ усиленія этой власти, въ другихъ — давъ лозунгъ сословной противъ нея оппозиціи. Послѣднее явленіе можетъ остаться неразсмотрѣннымъ въ настоящей книгѣ [1]), но на первомъ нельзя не остановиться.

Указывая въ своемъ мѣстѣ [2]) на историческія условія, содѣйствовавшія усиленію королевской власти, мы отмѣтили въ общихъ чертахъ и вліяніе реформаціи, теперь дѣло только за нѣкоторыми подробностями.

Въ Германіи реформаціонное движеніе началось снизу, въ народныхъ массахъ, принявъ чисто революціонный характеръ, но это движеніе, какъ извѣстно, было подавлено князьями [3]). Основанная въ Германіи Лютеромъ церковь безусловно подчинилась княжеской власти. Народные безпорядки заставили реформатора возложить всѣ свои упованія на свѣтскую власть. Сначала онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что пасомые должны сами выбирать своихъ пастырей, но потомъ отказался отъ этого взгляда въ пользу назначенія духовенства государями. „Такъ какъ, писалъ онъ въ 1526 г. курфюрсту саксонскому, папскій порядокъ отмѣненъ, всѣ учрежденія дѣлаются вашимъ достояніемъ, какъ верховнаго главы. Ваше дѣло всѣмъ этимъ управлять; никто другой объ этомъ не заботится, не можетъ и не долженъ заботиться“. Съ самаго же начала устройство новой церкви въ курфюршествѣ было возложено на правительственную коммиссію, а управлять церковными дѣлами стала консисторія, сразу получившая характеръ бюрократической канцеляріи. Въ то время, какъ цвингліанская церковь (а позднѣе и кальвинистическая) основала свои внутренніе порядки на основахъ самоуправленія, развитіе лютеранскаго церковнаго устройства пошло по совершенно иному пути. Лютеранскіе государи сдѣлались верховными правите-

---

[1]) Объ этомъ см. „Народно-правовое государство“, стр. 30 — 34 и гл. V. Болѣе подробно о реформаціи см. въ I и II тт. „Исторіи Западной Европы“.

[2]) См. выше, стр. 65 и 76—77.

[3]) См. выше, стр. 75—76.

лями, или „высшими епископами“ (summi episcopi) церквей въ своихъ владѣніяхъ, поручивъ надзоръ за религіозною жизнью суперъ-интендентамъ и учредивъ консисторіи съ административною и судебною властью надъ духовенствомъ. Мало-по-малу это духовенство сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти, и о той степени униженія, до которой оно доходило, свидѣтельствуетъ такое заявленіе, сдѣланное однимъ духовнымъ лицомъ XVII в. своему князю: „если бы Господь Богъ не былъ Господомъ Богомъ, никто не былъ бы достойнѣе вашей свѣтлости занять мѣсто Господа Бога“. Съ 1555 по 1648 г. въ Германіи дѣйствовалъ, кромѣ того, законъ, отдававшій совѣсть подданныхъ подъ произволъ княжеской власти: они должны были быть одной вѣры съ княземъ (cujus regio, ejus religio), который самъ имѣлъ право переходить изъ одного исповѣданія въ другое: въ эпоху наибольшаго развитія такихъ порядковъ лютеранскій государь былъ для своихъ подданныхъ и цезаремъ, и папою. Оставаясь католикомъ, и Карлъ V считалъ себя въ правѣ предписывать своимъ подданнымъ формулы вѣры. Въ серединѣ XVI в., впредь до рѣшенія церковнаго спора вселенскимъ соборомъ, Карлъ V обнародовалъ, подъ названіемъ „аугсбургскаго интерима“, свое собственное исповѣданіе, которое было составлено услужливыми теологами и которому насильно онъ хотѣлъ одинаково подчинить и католиковъ, и протестантовъ, пока правомочная церковная власть не возстановитъ единства вѣры. Это также было проявленіемъ со стороны католическаго государя того права реформированія (jus reformandi), которое утвердилось за протестантскими государями.

Съ реформаціей явилось понятіе государственной церкви, т.-е. церкви, установленной государствомъ, что уже заключало въ себѣ подчиненіе религіи политикѣ. Католицизмъ былъ организаціей церковнаго единства, протестантизмъ долженъ былъ признать существованіе отдѣльныхъ государственныхъ церквей. Въ Германіи, начиная съ середины XVI в,, чуть не каждое протестантское княжество стремилось чѣмъ-нибудь отличаться отъ другихъ такихъ же княжествъ въ церковномъ отношеніи. Англиканская церковь въ теоріи признавала понятіе вселенской церкви, но то была церковь невидимая, видимыми же ея частями признавались церкви національныя подъ видимымъ главенствомъ государей при единомъ невидимомъ главѣ вселенской церкви, Христѣ. Сама англійская

реформація началась съ того, что король Генрихъ VIII особымъ парламентскимъ „актомъ о супрематіи“ (1534) былъ объявленъ „единственнымъ покровителемъ и верховнымъ главою (supremum caput) церкви“ со всѣми „титулами, почестями, достоинствами, привилегіями, юрисдикціей и доходами, свойственными и принадлежащими верховному главѣ церкви“, равно какъ съ правомъ и властью „реформировать, исправлять, укрощать и подавлять всѣ тѣ заблужденія, ереси, злоупотребленія и безпорядки, которые того потребуютъ“. О главенствѣ короля въ церкви должны были проповѣдовать въ церквахъ и учить въ школахъ; королю, какъ главѣ церкви, обязаны были приносить особую присягу всѣ духовные и чиновники. Извѣстно, какъ воспользовался своею церковною супрематіей Генрихъ VIII, секуляризовавшій всю монастырскую собственность и вносившій въ догматы и обряды сегодня одни измѣненія, завтра другія. Англиканизмъ соединялъ церковь и государство подъ однимъ главенствомъ, что, по мнѣнію англиканскихъ богослововъ, съ одной стороны, дѣлало государство христіанскимъ, а съ другой обязывало подданнымъ принадлежать къ церковному единенію, установленному государствомъ. Сохранивъ епископатъ, какъ божественное установленіе, черезъ которое въ преемствѣ отъ апостоловъ сообщается благодать священникамъ и мірянамъ, англиканская церковь вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняла епископовъ королевской власти. Іаковъ I Стюартъ видѣлъ въ епископатѣ даже спеціальную опору монархіи, понимавшейся имъ въ смыслѣ абсолютной верховной власти.

Монархическія реформаціи XVI в. создавали для государей, ихъ производившихъ, и для ихъ преемниковъ положеніе своего рода папъ или, по крайней мѣрѣ, высшихъ епископовъ въ ихъ владѣніяхъ. Въ то самое время, какъ женевская организація кальвинизма, сливая въ одно цѣлое государство и церковь, въ сущности, стремилась къ поглощенію государства въ церкви, лютеранство и англиканизмъ превращали церковь, слитую воедино съ государствомъ, въ одно изъ вѣдомствъ государственнаго управленія. Въ Англіи епископы имѣли еще самостоятельное значеніе въ качествѣ духовныхъ лордовъ, т.-е. членовъ верхней палаты парламента, но въ лютеранскихъ странахъ суперъ-интенденты, тоже иногда называвшіеся епископами, были въ большей зависимости отъ государей, и здѣсь церковь дѣлалась такимъ же вѣдомствомъ

духовныхъ дѣлъ, какія существовали для иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, для военныхъ дѣлъ, для дѣлъ хозяйственныхъ и т. п.

Въ государствахъ, оставшихся вѣрными католицизму, реформація содѣйствовала образованію болѣе тѣснаго союза между алтаремъ и трономъ. Революціонный протестантизмъ заставилъ сблизиться между собою духовную и свѣтскую власти для установленія между церковью и государствомъ извѣстнаго modus vivendi, который долженъ былъ бы быть выгоденъ и для папы, и для королей. Папство должно было отказаться отъ своей прежней боевой позиціи по отношенію къ свѣтскимъ государямъ и пойти на разныя уступки: католическіе монархи, даже наиболѣе фанатичные изъ нихъ, отнюдь не выказывали намѣренія слишкомъ поступаться своими верховными правами; только очень слабые правители позволяли духовенству забирать себя въ руки. Католическія правительства прямо протестовали противъ ученія тридентскаго собора о папскомъ полновластіи надъ государями и приняли многія постановленія этого собора лишь съ оговорками. Въ числѣ протестовавшихъ былъ и испанскій король Филиппъ II, фанатикъ католицизма, сжегшій всѣхъ еретиковъ въ Испаніи, возбудившій противъ себя своею нетерпимостью возстаніе въ Нидерландахъ, ведшій войны съ другими странами въ интересахъ единой спасающей церкви. Онъ протестовалъ съ другими католическими государями также и противъ одной буллы папы Пія V, предававшей анаѳемѣ нарушителей папскихъ правъ. Несмотря на это, духовныя власти, инквизиція, іезуиты, сами папы всячески—и морально, и матеріально—помогали Филиппу II во всѣхъ его предпріятіяхъ. На примѣрѣ Испаніи во второй половинѣ XVI в. мы вообще лучше всего можемъ познакомиться съ тѣми услугами, которыя католическая реакція оказывала абсолютизму. Но это далеко и не единственный примѣръ. Конечно, были случаи абсолютизма безъ вѣроисповѣдной окраски,—что мы наблюдаемъ, наприм., во Франціи при кардиналѣ Ришелье,—но общимъ правиломъ до середины XVIII в. было тѣсное соединеніе абсолютной монархіи съ католической реакціей. Этому союзу всегда были вѣрны Габсбурги не только въ Испаніи, но и въ Австріи, въ послѣдней съ короткимъ перерывомъ въ концѣ XVIII в., до нашихъ дней. Реакціонно-католическимъ характеромъ отличалось и царствованіе главнаго представителя абсолютизма

во второй половинѣ XVII в., Людовика XIV, предпринявшаго истребленіе протестантизма въ своемъ королевствѣ, но и Людовикъ XIV, подобно Филиппу II, рѣзко отстаивалъ свои королевскія права отъ папскихъ притязаній. Онъ не побоялся даже рѣзкаго конфликта съ папою Иннокентіемъ XI. Дѣло заключалось въ томъ, что король, имѣвшій вообще по конкордату 1516 г. право замѣщенія епископскихъ ваканцій, сталъ назначать епископовъ и въ тѣхъ епархіяхъ Франціи, на которыя это его право не распространялось. Отсюда возникъ споръ, во время котораго Людовикъ XIV созвалъ въ Парижѣ національный соборъ (1685 г.), который провозгласилъ такъ называемыя „вольности галликанской церкви" (ограниченіе папской власти только духовными дѣлами, главенство вселенскихъ соборовъ надъ папами, автономность французской церкви и т. п.). Потомъ между королемъ и папою произошло примиреніе, но поведеніе французскаго духовенства во время всей этой исторіи показало, что въ немъ абсолютная монархія Бурбоновъ во второй половинѣ XVII в. имѣла самыхъ вѣрныхъ слугъ. Самыя „вольности галликанской церкви" нужны были Людовику XIV лишь въ качествѣ средства сдѣлать французское духовенство болѣе независимымъ отъ папы и тѣмъ сильнѣе подчинить епископовъ королевской власти. Непокорныхъ сановниковъ церкви Людовикъ XIV наказывалъ отобраніемъ соединеннаго съ должностью имущества (le temporel) и лишеніемъ доходовъ. При немъ французскій епископатъ превратился поэтому въ послушное орудіе государственной власти: одни епископы входили въ составъ придворной знати, другіе сдѣлались агентами центральнаго правительства въ провинціяхъ въ качествѣ сотрудниковъ интендантовъ [1]). Людовикъ XIV былъ вполнѣ вѣрнымъ сыномъ католической церкви, но это не мѣшало ему желать, чтобы духовные во всѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось выбирать между повиновеніемъ папѣ и королю, отдавали предпочтеніе свѣтской власти, а не духовной [2]). У него на этотъ счетъ были очень

[1]) „До революціи, говоритъ *проф. Ардашевъ*, не существовало того антагонизма между епископами и свѣтскою администраціей, которымъ характеризуется новѣйшее время", — интересное замѣчаніе для опредѣленія государственнаго служенія клира при старомъ порядкѣ. Провинціальная администрація, I, 440.

[2]) Для исторіи отношеній Людовика XIV къ папѣ, а также собора

опредѣленные взгляды. „Нужно, наставлялъ онъ дофина, — нужно, чтобы вы знали, что это священное названіе вольностей церкви (собственно: ces noms mystérieux de franchises et de libertés de l'église), которымъ, быть можетъ, захотятъ васъ поразить, касается одинаково всѣхъ вѣрныхъ, какъ міранъ, такъ и клириковъ (tonsurés), которые всѣ—дѣти этой общей матери, отнюдь не исключающей ни тѣхъ ни другихъ изъ-подъ подчиненія государямъ, такъ какъ евангеліе прямо повелѣваетъ имъ повиноваться". Для духовенства, по его мнѣнію, существовалъ еще одинъ лишній мотивъ повиноваться. „Если бы среди тѣхъ, которые живутъ подъ нашею властью, были люди, особенно обязанные (tenus) служить намъ своимъ достояніемъ, то это, безъ сомнѣнія, были бы обладатели бенефицій (bénéficiers), такъ какъ, обладая ими лишь по нашей милости [1]), они находятся въ зависимости отъ насъ не только, какъ большинство нашихъ подданныхъ, по своему рожденію (въ королевствѣ), но и по особому побужденію благодарности". Тамъ, гдѣ раздача выгодныхъ церковныхъ мѣстъ была дѣломъ монаршей милости, конечно, и быть иначе не могло. Протестантскимъ обличителямъ деспотизма Людовика XIV не трудно было усматривать въ той власти, которую онъ пріобрѣлъ надъ клиромъ, черты настоящаго порабощенія церкви государствомъ, такъ что иные монархи и безъ реформаціи достигали такихъ же результатовъ, какіе получались протестантскими государями лишь цѣною разрыва съ Римомъ. Одинъ изъ памфлетистовъ, нападавшихъ на правительственную систему Людовика XIV, Жюрье, въ своихъ—изданныхъ, конечно, за границею — „Вздохахъ порабощенной Франціи, стремящейся къ свободѣ" (1691) говоритъ, что „короли Франціи сдѣлались папами, верховными первосвященниками и абсолютными государями въ священныхъ дѣлахъ", и что „сами вѣрованія церкви зависятъ отъ власти государя.

1682 г. см., между прочимъ, въ книгѣ *I. Hitier* „La doctrine de l'absolutisme" (1903) стр. 39 и слѣд., 156 и слѣд. Авторъ вѣрно замѣчаетъ, что, исходя изъ евангельскаго текста о невозможности служить двумъ господамъ, Louis XIV a voulu que le clergé de France, placé entre le roi et le pape, optât pour le premier (стр. 159).

[1]) Это была и точка зрѣнія Боссюэта: „ces grands biens viennent des rois, je l'avoue; ils ont enrichi les églises de leur liberalités, et les peuples n'en ont point fait sans que leur autorité y ait concouru".

Король, сказано въ этомъ памфлетѣ, собираетъ подъ своимъ надзоромъ и въ своей столицѣ шумныя собранія, состоящія изъ его креатуръ и придворныхъ священниковъ. Тамъ онъ на всей своей волѣ заставляетъ рѣшать самые важные и самые щекотливые вопросы; онъ подчиняетъ папу соборамъ, отнимаетъ у него право отлучать государей, объявляетъ, что онъ можетъ погрѣшать... Это деспотическая власть привела галликанскую церковь къ утѣсненію, въ какомъ она теперь находится. Дворъ Франціи возвысился надъ всѣми пастырями, всѣ они—рабы двора, и если они униженно ему не подчиняются, онъ обращается съ ними, какъ съ врагами".

Въ защиту правъ свѣтской власти писались въ эту эпоху и спеціальные трактаты. Политическая аргументація дѣлается особенно ясной въ XVIII столѣтіи подъ вліяніемъ раціоналистическаго просвѣщенія этого времени. Но послушаемъ сначала одного писателя XVII вѣка.

„Церковь, писалъ Le Voyer de Boutigny въ „Dissertation sur l'autorité légitime des rois en matière de regale"[1]), написанной въ 1682 г., — церковь можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія: или какъ тѣло политическое, или какъ тѣло мистическое и священное. Глава ея, какъ политическаго тѣла, въ такомъ случаѣ есть и начальство (un magistrat) политическое, свѣтская власть, въ которой заключается суверенитетъ, король въ монархіяхъ. Глава его, какъ мистическаго тѣла, есть папа, намѣстникъ Христа. Такимъ образомъ, въ управленіи церковью соединены двѣ верховныя власти (deux puissances souveraines). Въ естественномъ порядкѣ первое мѣсто принадлежитъ свѣтской власти, ибо, какъ говоритъ знаменитый епископъ IV в., церковь находится въ государствѣ, а не государство въ церкви. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о церкви по отношенію единственно къ интересу государства, королю принадлежатъ всѣ права верховнаго управленія (de souveraine administration), въ другихъ же, когда дѣло касается церкви въ отношеніи къ славѣ Божіей и спасенію душъ, государю принадлежитъ лишь простое право охраны и покровительства. Во всемъ, что не составляетъ вѣры, церковь подчинена государству".

Въ серединѣ XVIII в. возникло въ Германіи цѣлое направленіе политической мысли въ церковномъ вопросѣ, из-

---

[1]) Написано по поводу спора Людовика XIV съ папой.

вѣстное подъ именемъ феброніанизма. Именно, подъ псевдонимомъ Февронія въ 1765 г. обнародовалъ викарій трирскій Гонтгеймъ книгу подъ заглавіемъ „О современномъ состояніи церкви и о законной власти римскаго первосвященника“, которая была переведена на разные языки, вызвала цѣлую, литературу опровержeній и защитъ и оказала немалое вліяніе на правительственную дѣятельность отдѣльныхъ странъ. Феброніанизмъ можно опредѣлить, какъ огосударствленіе церкви, весьма характерное для XVIII вѣка, когда и вольнодумцы стояли на той точкѣ зрѣнія, что государство должно повелѣвать религіи (Вольтеръ) или устанавливать вѣрованія, нужныя исключительно для самого государства (Руссо). Самъ Гонтгеймъ былъ не только католикомъ, но и духовною особою, но это нисколько не мѣшало ему въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти стать на точку зрѣнія, весьма далекую отъ средневѣковой. Февроній исходилъ изъ того положенія, что постоянное вмѣшательство римской куріи въ свѣтскія дѣла порождаетъ только смуты, причемъ главными смутьянами онъ называлъ монаховъ, противъ которыхъ у государей есть вѣрные союзники въ лицѣ епископовъ и другихъ прелатовъ, тоже терпящихъ немало отъ монаховъ. Государи, какъ защитники и покровители церкви, обязаны поддерживать въ ней порядокъ, да и вообще, какъ думалъ Февроній, если кто когда-либо выводилъ церковь изъ бѣдственнаго положенія, то это были императоры, короли и князья. Въ этомъ смыслѣ Февроній шелъ по одному пути съ болѣе ранними протестантскими писателями, выводившими религіозныя обязанности или церковныя права государей изъ понятія полиціи въ первоначальномъ, широкомъ значеніи слова [1]). Философы, державшіеся теоріи естественнаго права, пошли еще далѣе, подчинивъ религію государству, ибо религія болѣе всего споспѣшествуетъ спокойствію и благосостоянію людей, а государи объ этомъ больше всего и должны заботиться [2]). Въ эпоху полицейскаго государства и церковь

[1]) См. выше, стр. 290—291.

[2]) Вольтеръ прямо требовалъ, чтобы государь былъ безусловнымъ повелителемъ въ сферѣ церковной полиціи, потому что эта полиція есть лишь одна изъ частей управленія. Припомнимъ еще его взглядъ, по которому „Бога нужно было бы выдумать, если бы онъ не существовалъ“, и выдумать, именно, для удобства управленія людьми.

должна была быть подчинена полиціи, за исключеніемъ „заповѣдей Божіихъ, догматовъ вѣры и таинствъ“, нужныхъ для вѣчнаго спасенія: все остальное въ церковныхъ порядкахъ входило въ компетенцію государства, какъ вещи временныя и земныя, подлежащія его религіозной полиціи. Изъ католическихъ монарховъ XVIII в. особенно стоялъ на такой точкѣ зрѣнія Іосифъ II, видѣвшій въ религіи лучшее средство для воспитанія народа, а въ церкви своего рода высшее духовно-полицейское учрежденіе [1]). Абсолютизмъ государства по отношенію къ католической церкви даже получилъ по имени Іосифа II названіе „іозефинизма“.

Государство новаго времени, вступившее, во многія права средневѣковой церкви, стремилось, какъ и она, къ тому, чтобы всѣ были одной вѣры, а за нарушенія этого права готово было карать ослушниковъ своихъ велѣній.

Взглядъ средневѣковой католической церкви на отступленіе отъ правой вѣры извѣстенъ. „Не спорю, писалъ еще жившій въ концѣ IV и началѣ V в. бл. Августинъ, оказавшій вообще такое вліяніе на средневѣковое міросозерцаніе,—что лучше бы приводить къ Богу заблуждающихся наученіемъ, нежели страхомъ, но и этимъ средствомъ пренебрегать нельзя... Многіе должны быть, какъ дурные рабы, призваны къ ихъ Господу посредствомъ мукъ тѣлеснаго наказанія, прежде чѣмъ они достигнутъ истинно религіознаго настроенія... Добро приходитъ отъ доброй воли. Но государство должно наказывать внѣшнія проявленія зла, слѣдовательно, и ереси, и расколы. Никто, кромѣ безумнаго допустить не можетъ, что государство должно дать полную волю порокамъ подданныхъ. Наказываются же убійства, наказываются блудодѣянія, наказываются и всякія другія преступленія и позорные поступки злодѣйства и страстей, одни только преступленія противъ вѣры мы хотимъ оставить безъ наказанія со стороны правителей! Ереси и расколы апостолъ Павелъ поставилъ рядомъ съ другими преступленіями—блудомъ, убійствомъ и т. п.: если ересей не наказывать, то и другихъ преступленій наказывать тоже не нужно“. И церковь наказывала—„безъ пролитія крови“, впрочемъ, а посредствомъ сожженія на кострѣ, поручая каждый разъ совершеніе казни государству.

Религіознымъ реформаторамъ XVI в., которыхъ самихъ

---

[1]) См. ниже, въ гл. XIX.

католическая церковь признавала еретиками, первоначально трудно было стать на такую точку зрѣнія, и Лютеръ, напр., останавливался передъ мыслью о казни еретиковъ, но и для него выходъ изъ затрудненія нашелся въ томъ, что ересь могла быть подведена подъ понятіе богохульства, наказуемаго гражданскими законами, а кромѣ того, онъ особенно напиралъ и на политическую неблагонадежность такихъ сектъ, какую представлялъ собою революціонный анабаптизмъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XVI в., — соображеніе, аналогичное тому, какое по отношенію къ религіознымъ новшествамъ мы встрѣчаемъ и у правителей эпохи реформаціи, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Отношеніе Лютера къ ересямъ его сподвижникъ Меланхтонъ находилъ, однако, „до глупости мягкимъ". Реформаторъ, принадлежавшій ко второму поколѣнію, Кальвинъ, уже не останавливался передъ преданіемъ еретиковъ казни. Когда въ его руки въ Женевѣ попалъ Серветъ, отрицавшій троичность Бога въ смыслѣ никейскаго символа вѣры, то Кальвинъ, занимавшій въ Женевѣ своего рода мѣсто протестантскаго папы, настоялъ на судѣ надъ этимъ еретикомъ, самъ велъ допросъ подсудимаго, и когда Серветъ ссылался на примѣръ древней церкви, которая только отлучала и изгоняла еретиковъ, то, въ свою очередь, указывалъ на византійскихъ императоровъ, предававшихъ еретиковъ смертной казни. Серветъ былъ казненъ, а одинъ изъ сотрудниковъ Кальвина, Фарель, нарочно пріѣхалъ въ Женеву для того, чтобы присутствовать при казни. Лютеранинъ Меланхтонъ въ данномъ случаѣ былъ болѣе доволенъ Кальвиномъ, чѣмъ своимъ, въ то время уже покойнымъ другомъ. Кальвинистъ Теодоръ де-Безъ (или Беза, какъ латинизировано было его имя), сдѣлавшійся впослѣдствіи, по смерти „женевскаго папы" въ глазахъ кальвинистовъ патріархомъ реформаціи, для оправданія сожженія Сервета написалъ даже цѣлое сочиненіе о содержаніи котораго можно судить уже по одному его заглавію —„De haereticis a civili magistratu puniendis", т.-е. о томъ, что еретики должны наказываться гражданскою властью.

Въ дѣлѣ Сервета былъ и политическій элементъ. Именно, Кальвинъ указывалъ женевскому городскому совѣту на связь еретика съ политически опаснымъ анабаптизмомъ; это главнымъ образомъ и рѣшило участь знаменитаго антитринитарія. Политическій мотивъ въ преслѣдованіи религіозныхъ новаторовъ игралъ вообще немалую роль въ ту эпоху. Когда появи-

лись первые протестанты въ тогдашней Польшѣ, царствовавшій въ то время Сигизмундъ I взглянулъ на дѣло безъ всякаго теологическаго фанатизма, а съ чисто „государственной“ точки зрѣнія: „перестали платить десятину духовенству, чего добраго —перестанутъ платить и налоги государству“, и „послѣ нападенія на религію захотятъ все мутить, а это приводитъ къ бунтамъ и погибели государствъ“, какъ сказано въ одномъ изъ эдиктовъ, изданныхъ противъ ереси этимъ королемъ. „Что, сказано въ другомъ такомъ же эдиктѣ,—что останется въ жизни твердаго и прочнаго, коль скоро каждому будетъ дозволено по собственному разумѣнію и произволу судить и рядить о вещахъ божественныхъ и даже человѣческихъ?“ (tam de divinis, quam etiam de humanis rebus—характерное *даже*!). Или, напр., еще въ одномъ его эдиктѣ тоже говорится о смутѣ, происходящей отъ неповиновенія власти, „которая должна охранять единство и спокойствіе у подвластныхъ ей народовъ, что возможно лишь при томъ условіи, если божескія и человѣческія установленія, утвержденныя долговременнымъ обычаемъ и всеобщимъ одобреніемъ, будутъ охраняться и поддерживаться, а мятежныхъ людей, желающихъ быть умнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, станутъ наказывать“. Приблизительно на той же точки зрѣнія стоялъ и французскій современникъ Сигизмунда I, Францискъ I. Сначала этотъ король отнесся къ религіозной реформаціи довольно-таки индифферентно, но потомъ папа Климентъ VII убѣдилъ его, что нововѣры—бунтовщики противъ власти, и король утвердился на той точкѣ зрѣнія, что „всѣ эти секты служатъ не столько назиданію душъ, сколько потрясенію государствъ“. Абсолютистъ до мозга костей, державшійся девиза: „un roi, une loi, une foi“ (одинъ король, одинъ законъ, одна вѣра), — девиза, напоминающаго намъ принципъ Юстиніана Великаго,—Францискъ I послѣ того, какъ и въ его королевствѣ начались кое-гдѣ волненія, издалъ эдиктъ, въ которомъ реформаторы объявлялись „возмутителями и нарушителями общественнаго спокойствія, бунтовщиками противъ короля и правосудія, заговорщиками противъ государственнаго благоденствія, зависящаго преимущественно отъ чистоты католической вѣры“. Такое отношеніе къ протестантизму двухъ названныхъ государей первой половины XVI в. не было проявленіемъ религіознаго фанатизма: извѣстно, что Сигизмундъ I взялъ подъ свое покровительство клятвопреступника, вѣроотступника и

святотатца Альбрехта Бранденбургскаго, великаго магистра Тевтонскаго монашеско-рыцарскаго ордена, который отрекся отъ аскетическаго обѣта, принялъ лютеранство и превратилъ владѣнія ордена въ свѣтское наслѣдственное княжество; извѣстно, что и Францискъ I помогалъ нѣмецкимъ протестантскимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ Карломъ I, причемъ даже введеніе лютеранства въ одномъ изъ нѣмецкихъ княжествъ (въ Вюртембергѣ) не обошлось безъ французскихъ денегъ. Въ сущности, и преслѣдованія въ Англіи при Елизаветѣ всѣхъ, не желавшихъ подчиняться установленной государствомъ церкви,—преслѣдованія, не останавливавшіяся въ отдѣльныхъ случаяхъ передъ примѣненіями смертной казни,—объясняются не фанатизмомъ этой королевы, лично обнаружившей, напротивъ, извѣстную широту религіозныхъ воззрѣній и способность къ компромиссамъ въ дѣлахъ вѣры, а тѣмъ, что въ ея глазахъ „нонконформисты“ были ослушниками государственнаго закона, даже политическими врагами (католики) своей государыни, составлявшими противъ нея заговоры и вступавшими въ сношенія съ иностранными, враждебными Англіи державами. И позднѣе, вплоть до акта о присягѣ (test act) 1673 г., не позволявшаго преимущественно католикамъ занимать государственныя и общественныя должности [1]), отрицательное отношеніе англійской государственной власти къ „папистамъ“ объясняется этимъ мотивомъ.

Въ XVI и XVII вв., преимущественно во второй половинѣ перваго изъ нихъ, и въ первой половинѣ второго, почти всѣ государства Западной Европы и въ особенности абсолютныя католическія монархіи стремились къ религіозному единообразію, поддерживая его всякими средствами, не останавливаясь передъ казнями, не задумываясь надъ тѣмъ, что религіозныя гоненія встрѣчали отпоръ, который велъ къ гражданскимъ войнамъ, или заставлялъ преслѣдуемыхъ за вѣру бѣжать изъ родной страны. Филиппъ II испанскій, истребившій посредствомъ сожженій на кострѣ (ауто-да-фе) всѣхъ еретиковъ въ своемъ королевствѣ и начавшій преслѣдовать потомковъ мавровъ обращенныхъ въ христіанство (морисковъ), своимъ религіознымъ терроромъ въ Нидерландахъ привелъ часть этихъ провинцій къ отпаденію отъ монархіи и подготовилъ выселеніе изъ Испаніи массы морисковъ при Филиппѣ III.

---

[1]) Народно-правовое государство, стр. 64.

Францію почти четыре десятилѣтія раздирали религіозныя войны, отъ которыхъ она отдохнула лишь послѣ изданія Генрихомъ IV нантскаго эдикта въ 1598 г., но Людовикъ XIV съ самаго начала своего правленія сталъ стѣснять права своихъ протестантскихъ подданныхъ и прямо ихъ преслѣдовать, пока въ 1685 г. совсѣмъ не отмѣнилъ нантскій эдиктъ [1]). Громадное количество гугенотовъ выселилось изъ Франціи, а тѣхъ, которые остались въ странѣ, считали „дурно обращенными" католиками, всячески ихъ стѣсняя, преслѣдуя, обижая. „Лишь одна вѣра" должна была царить во Франціи, и только при Людовикѣ XVI, незадолго до революціи, протестантамъ возвращено было право исповѣдовать свою реформированную вѣру. Въ католической Германіи съ послѣдней четверти XVI в. господствовала та же нетерпимость къ иновѣрію, и особенно страшно было насильственное истребленіе протестантизма въ Австріи въ эпоху тридцатилѣтней войны. До самаго конца XVIII в. протестантамъ въ Австріи быть не полагалось, и если кто-либо переходилъ на службу къ австрійскому правительству изъ протестантскихъ частей Германіи, то долженъ былъ хоть наружно принимать католицизмъ. Вина такой нетерпимости падаетъ, впрочемъ, не столько на абсолютизмъ, сколько на католицизмъ. Абсолютизмъ, даже католическій, могъ быть и бывалъ вѣротерпимъ, — вспомнимъ Генриха IV и Ришелье, бывшаго даже кардиналомъ и умѣвшаго оставаться вѣротерпимымъ,—не говоря уже о государяхъ протестантскихъ,—и именно католицизмъ съумѣлъ нафанатизировать въ XVII в. польскую шляхту, въ XVI в. видѣвшую въ религіозной свободѣ одну изъ составныхъ частей шляхетской „золотой вольности". Въ общемъ, протестантскія государства были много вѣротерпимѣе католическихъ, и абсолютная монархія тоже умѣла быть болѣе вѣротерпимою, чѣмъ оказалась шляхетская республика польской націи.

Разсмотримъ теперь, какъ абсолютная монархія разрѣ-

---

[1]) Въ эдиктѣ, отмѣнявшемъ нантскій эдиктъ, Людовикъ XIV благодаритъ Бога за то, что его королевскія старанія увѣнчались успѣхомъ, ибо лучшая и бо̀льшая часть его подданныхъ возсоединилась съ римскою церковью. Поэтому онъ считаетъ дальнѣйшее соблюденіе нантскаго эдикта совсѣмъ ненужнымъ „для искорененія самой памяти о смутахъ и бѣдствіяхъ, внесенныхъ въ королевство ложной религіей".

шала, — когда находила это нужнымъ, — поставленный религіозною реформаціей XVI в. вопросъ о вѣротерпимости.

Нужно вообще различать понятія религіозной свободы и вѣротерпимости. Первая предполагаетъ за личностью принадлежащее ей право вѣрить, какъ ей угодно, или вовсе не вѣрить, тогда какъ вторая исходитъ изъ той идеи, что право вѣрить по-своему есть только уступка со стороны государства, которое лишь терпитъ рядомъ съ своею государственною церковью иныя вѣры. Принципъ религіозной свободы впервые ясно былъ формулированъ только англійскими индепендентами эпохи первой революціи [1]), но въ XVI—XVIII вв. признавался главнымъ образомъ принципъ вѣротерпимости. Дальше него не шелъ, наприм., даже Вольтеръ, что и понятно, разъ онъ приписывалъ государству право на религіозную полицію [2]). Итакъ, государство XVI—XVIII вв.,—да и то далеко не всякое,—знало только вѣротерпимость, и эту вѣротерпимость допуская нерѣдко лишь тогда, когда у него ее вырывали съ оружіемъ въ рукахъ. Она гарантировалась при этомъ особыми актами, имѣвшими характеръ конституціонныхъ соглашеній, хотя королевская власть охотнѣе смотрѣла на нихъ, какъ на одностороннія изъявленія своей милости.

Во Франціи нантскому эдикту 1598 г. предшествовалъ цѣлый рядъ подобныхъ же соглашеній правительства съ протестантами въ моменты перемирій, заключавшихся во время религіозныхъ войнъ, и содержаніе нантскаго эдикта по сравненію съ болѣе ранними не заключало въ себѣ ничего существенно новаго. Генрихъ IV заключилъ договоръ съ вождями гугенотовъ и въ обезпеченіе этого договора дозволилъ имъ имѣть свою политическую организацію и содержать гарнизоны въ цѣломъ рядѣ укрѣпленныхъ мѣстъ. Съ другой стороны, крупнымъ сеньёрамъ даны были бо̀льшія религіозныя права, чѣмъ мелкому дворянству, а дворянству вообще—бо̀льшія, нежели третьему сословію. Высшее дворянство могло устраивать протестантское богослуженіе въ своихъ за̀мкахъ для всѣхъ своихъ „подсудныхъ“, низшее—лишь для своихъ домашнихъ, для третьяго же сословія протестантскія церкви могли быть устроены лишь въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII в., при Ришелье между правитель-

[1]) Народно-правовое государство, стр. 90.

[2]) См. выше, стр. 297.

ствомъ и гугенотами, какъ извѣстно, произошла война, изъ которой побѣдителемъ вышло правительство. Ришелье, однако, не отмѣнилъ нантскаго эдикта. Онъ только отнялъ у гугенотовъ ихъ гарантіи, оставивъ въ силѣ ихъ вѣроисповѣдныя права. Эдиктъ 1629 г., подтверждавшій эти права, получилъ характерное названіе „эдикта милости“ (édit de grâce), т.-е. свобода протестантскаго богослуженія разсматривалась, лишь какъ королевская милость. Но король далъ, король и взялъ: подтвердительный эдиктъ былъ подписанъ Людовикомъ XIII, эдиктъ въ отмѣну милости—Людовикомъ XIV.

Аналогичный характеръ съ нантскимъ эдиктомъ имѣла и чешская „грамота величества“ (маестатъ) 1609 г., вынужденная у королевской власти дворянствомъ. Установленіе въ Германіи равноправія лютеранства съ католицизмомъ по аугсбургскому религіозному миру 1555 г. было тоже результатомъ войны, и равноправіе это было распространено на кальвинизмъ, а подчиненіе подданныхъ князьямъ въ дѣлахъ вѣры было уничтожено опять-таки лишь вестфальскимъ миромъ, закончившимъ тридцатилѣтнюю войну. Особенно эта война убѣдила германскихъ князей и народъ о необходимости вѣротерпимости въ государствахъ со смѣшаннымъ въ религіозномъ отношеніи населеніемъ. Ее стали проповѣдовать тѣ же самые публицисты, которые распространяли права высшей полиціи свѣтскихъ государей и на церковныя отношенія. Однимъ изъ монархическихъ государствъ, гдѣ принципъ вѣротерпимости былъ примѣненъ съ наибольшею послѣдовательностью, была Пруссія, гдѣ еще Великій курфюрстъ въ серединѣ XVII в. держался нейтралитета по отношенію къ вѣрѣ своихъ подданныхъ. Фридрихъ II, говорившій, что въ его королевствѣ каждый можетъ спасаться „на свой фасонъ“ (auf seiner Façon), въ этомъ отношеніи слѣдовалъ не только философіи своего вѣка, но и традиціи своей династіи.

Иная традиція установилась въ монархіи Габсбурговъ. Первымъ, кто заговорилъ здѣсь о вѣротерпимости былъ Іосифъ II, когда онъ былъ еще только соправителемъ своей матери. Марія Терезія, однако, и слышать не хотѣла о такомъ ужасѣ, какъ вѣротерпимость въ ея владѣніяхъ. Императору въ данномъ случаѣ пришлось имѣть дѣло не только съ династической традиціей Габсбургскаго дома, но и съ окружающей средой, что сильно затрудняло проведеніе въ жизнь этого принципа. Съ другой стороны, самъ онъ тоже не вполнѣ

ясно представлялъ себѣ, къ чему лично его обязывала дорогая его сердцу вѣротерпимость. Нѣсколько подробностей, касающихся этого вопроса, выяснятъ характеръ всего предпріятія.

Въ заботѣ своей о вѣротерпимости Іосифъ II исходилъ изъ того взгляда, что „служеніе Богу неразрывно связано со службою государству, Господь же требуетъ, чтобы извлекалась польза (для государства) изъ всѣхъ, кому даны талантъ и дѣловитость". Для него, однако, не безразлично было, къ какой вѣрѣ будутъ принадлежать его подданные, и онъ даже очень бы хотѣлъ, чтобы они отставали отъ вѣроисповѣданія, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Устанавливая вѣротерпимость, онъ сначала даже былъ противъ какой бы то ни было объ этомъ публикаціи „въ видѣ указа или иного печатнаго и доступнаго публикѣ распоряженія" и думалъ, что достаточно будетъ идти путемъ разрѣшенія „отъ случая къ случаю". Въ этомъ смыслѣ и сдѣлано было секретное распоряженіе по присутственнымъ мѣстамъ, но очень скоро канцелярская тайна выплыла наружу, и во избѣжаніе лже-толкованій императоръ рѣшился издать общій указъ о вѣротерпимости 1781 г. Въ обществѣ это произвело такое впечатлѣніе, будто Іосифъ II взялъ дисендентовъ подъ особое свое покровительство, и императору пришлось поэтому усиленно подчеркивать при каждомъ удобномъ случаѣ о своей преданности „единоспасающей римско-католической церкви". Послѣдующими правительственными мѣропріятіями даже всячески былъ затрудняемъ выходъ изъ господствующей церкви.

Съ другой стороны, вѣротерпимость давалась только для послѣдователей прочно установленныхъ въ догматическомъ отношеніи и правильно организованныхъ церквей, сектантство же совершенно исключалось: „тѣмъ, гласилъ указъ 1782 г., кто не пожелаетъ присоединиться къ терпимымъ вѣроисповѣданіямъ, богослуженіе дозволено не будетъ подъ страхомъ наказанія за нарушеніе общественной тишины и спокойствія", и ихъ повелѣвалось „считать католиками, обязывая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняться правиламъ церковной дисциплины, но безъ допущенія къ таинствамъ покаянія и причащенія". Въ этомъ выразилась бюрократическая, отнюдь не теологическая нетерпимость абсолютнаго государства къ сообществамъ, которыя не отъ него получали свои права и ускользали отъ его контроля. Когда вѣротерпимый Іосифъ II узналъ о су-

ществованіи въ Чехіи секты абраамитовъ, онъ приказалъ каждаго, кто заявилъ бы о своей къ ней принадлежности, наказывать палками „не потому что онъ деистъ, а потому что онъ претендуетъ быть чѣмъ-то такимъ, чего и самъ не понимаетъ“ (weil er vorgiebt etwas zu seyn, von dem er nicht weiss, was es ist). Это не единичный случай: многіе сектанты попали въ дома для умалишенныхъ или были сосланы. Далѣе, сравнительно съ католицизмомъ протестантизмъ и православіе только терпѣлись: самъ эдиктъ о вѣротерпимости не признавалъ за этими вѣроисповѣданіями права имѣть церкви съ колокольнымъ звономъ и входами съ улицы. Наконецъ, эдиктъ не распространялся и на многочисленное еврейское населеніе монархіи Габсбурговъ. Правда, масса существовавшихъ раньше по отношенію къ евреямъ стѣсненій была отмѣнена, но другія оставлены были въ силѣ.

ГЛАВА XVII.

Абсолютизмъ и духовная культура.

Стремленіе абсолютнаго государства къ руководительству національною жизнью въ области духовной культуры.—Меценатство итальянскихъ князей эпохи ренессанса.—Переходъ меценатства въ другія страны.—Ришелье и французская академія.—Правительственный протекціонизмъ литературѣ и наукѣ при Людовикѣ XIV.—Придворная литература эпохи ложнаго классицизма.—Государственный утилитаризмъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.—Государство и школа въ эпоху абсолютной монархіи.—Подавленіе опасныхъ и вредныхъ мыслей.—Цензура и преслѣдованіе оппозиціонныхъ писателей.—Переходъ цензурныхъ правъ отъ церкви къ государству.

Абсолютное государство новаго времени съ неограниченною королевскою властью во главѣ стремилось быть всѣмъ во всемъ и, не довольствуясь подчиненіемъ себѣ религіи и господствомъ надъ совѣстью гражданъ, налагало свою опеку на всѣ проявленія духовной жизни общества, на всѣ стороны интеллектуальной и эстетической культуры націи. Установленіе абсолютной монархіи на Западѣ совпало по времени съ такъ называемымъ возрожденіемъ (ренессансомъ) наукъ и искусствъ подъ знаменемъ гуманистическаго классицизма (особенно XV и первая половина XVI в.), какъ въ эпоху полнаго

господства абсолютной монархіи началось развитіе естествознанія и возникла самостоятельная философія (отчасти XVI, въ особенности XVII столѣтія), а передъ началомъ упадка процвѣтала небывалымъ до того образомъ публицистика („философія XVIII вѣка“). Государственная власть не могла оставаться равнодушною къ этому культурному движенію: одно въ немъ ей казалось опаснымъ и потому подлежащимъ пресѣченію, другое она стремилась использовать въ своихъ интересахъ вплоть до созданія оффиціальной философіи, оффиціальной науки, оффиціальной литературы взамѣнъ самостоятельнаго философскаго мышленія, научнаго изслѣдованія, художественнаго творчества. „Вѣкъ Людовика XIV“, этого „короля-солнца“, „покровителя наукъ и искусствъ“, былъ апогеемъ такого направленія, когда, повидимому, вся духовная культура должна была служить интересамъ и быть украшеніемъ абсолютной монархіи. Королевское меценатство, оффиціальный академизмъ, придворный классицизмъ и въ лучшемъ случаѣ государственный утилитаризмъ, съ одной стороны, а съ другой, подавленіе всякой духовной свободы, какъ заключающей въ себѣ опасность ущерба и вреда для общественнаго порядка, для государства и для трона, строгая цензура, сожженіе рукою палача произведеній печати, въ которыхъ проявлялся сколько-нибудь вольный духъ, преслѣдованіе писателей, неугодныхъ властямъ и сильнымъ міра,—вотъ въ короткихъ словахъ все, что можно сказать объ отношеніи абсолютизма къ духовной культурѣ въ эпоху стараго порядка.

Начало опеки абсолютизма надъ духовною культурою, сдѣлавшейся для нея весьма потомъ тяжелою, относится въ Италіи къ эпохѣ ренессанса въ формѣ болѣе мягкаго отношенія, обозначаемаго обыкновенно терминомъ „меценатство“. Итальянская тираннія XV в. въ этомъ отношеніи очень похожа на греческую, которая тоже оказывала покровительство разцвѣту поэзіи и искусства. Дворы итальянскихъ потентатовъ этой эпохи сдѣлались настоящими центрами гуманизма, такъ какъ эти тиранны въ античномъ стилѣ старались прибрать къ рукамъ нарождавшуюся умственную силу. „Дворъ, говоритъ новѣйшій историкъ итальянскаго ренессанса о дворѣ въ Неаполѣ,—привлекаетъ къ себѣ и втягиваетъ въ свой кругъ всѣхъ, кто имѣетъ какое-нибудь значеніе въ литературѣ. Дворъ даетъ имъ свѣтъ и хлѣбъ, надѣляетъ ихъ почестями и должностями, дѣлаетъ ихъ секретарями или великими казначеями. Онъ во-

одушевляетъ ихъ жизнью въ нѣкоторомъ родѣ династическою отдѣлываетъ по одному и тому же фасону, нашиваетъ галуны на ихъ стиль и ихъ костюмы, вводитъ ихъ въ академію, которая научитъ ихъ латинскому языку, пріучитъ къ хорошимъ манерамъ и къ красивой рѣчи“ [1]). Здѣсь пишутся трактаты о государствѣ, о величествѣ государей, о правленіи государей и т. п.,—тема, которую довольно охотно разрабатывали вообще итальянскіе гуманисты отъ Петрарки до Маккіавелли [2]). Но неаполитанскій дворъ былъ лишь одинъ изъ многихъ: вездѣ господствовалъ тотъ же духъ покровительства литературѣ и искусству, которыя зато должны были служить своимъ меценатомъ, украшать придворную жизнь, прославлять правленіе того или другого князя. При такомъ направленіи сама духовная культура націи принимала слишкомъ аристократическій характеръ, отдалялась отъ народа, утрачивала характеръ дѣйствительно общественной силы и въ концѣ концевъ пріобрѣтала значеніе одного изъ аксессуаровъ придворнаго быта и орудія, которымъ въ своихъ цѣляхъ пользовалась княжеская тираннія. Итальянскіе писатели прямо отворачивались отъ народа, какъ отъ презрѣнной черни, недостойной вниманія и участія къ себѣ со стороны порядочныхъ людей [3]).

---

[1]) *Ф. Монье.* Кваттроченто (1904), стр. 538. Ср. выше, стр. 108—109, гдѣ приведена, сдѣланная Монье характеристика неаполитанскаго двора.

[2]) См. выше, стр. 49 и слѣд.

[3]) Въ своей прекрасной книгѣ „Кваттроченто“ *Ф. Монье* такъ характеризуетъ вообще отношеніе итальянскихъ гуманистовъ къ народу: „умъ окапывается и изолируется. Мысль уходитъ изъ толпы и располагается на высотахъ. Искусство получаетъ грамоту на дворянство и дѣлается аристократомъ. Вмѣсто того, чтобы писать для всѣхъ на языкѣ, который могутъ понять всѣ, пишутъ для нѣсколькихъ на языкѣ посвященныхъ. . Литература перестаетъ быть національной, чтобы сдѣлаться выраженіемъ нѣсколькихъ спеціалистовъ, утонченныхъ умовъ и занимающихся ею, какъ профессіей. Образуется новая аристократія — аристократія ума. Народъ болѣе не интересуетъ. Народъ, это—чернь. Народъ, это—сволочь, сбродъ. Народъ, это—неучи, стадо. Онъ подлый. Онъ неграмотный и безнравственный. Онъ ничего не знаетъ... Оставляютъ его коснѣть въ его грязи и его заброшенности. Его предоставляютъ его сказкамъ и баснямъ, его заблужденіямъ и предразсудкамъ, его діалекту и его навозу... Его права, его нужды, его усилія, его печали, его жизнь, все это — мертвыя

Вотъ почему, между прочимъ, гуманизмъ, которому мы приписываемъ такое важное значеніе съ исторіи духовной культурѣ всей Европы, нерѣдко осуждается итальянскими историками за его некрасивую политическую роль на своей родинѣ.

Съ распространеніемъ въ другихъ странахъ Европы культуры итальянскаго ренессанса, политическихъ идей въ духѣ княжескаго абсолютизма, нравовъ, обычаевъ и всей внѣшней обстановки придворной жизни, стало утверждаться мало-помалу и королевское меценатство, которое во Франціи сыграло такую крупную роль въ царствованія двухъ наиболѣе блестящихъ представителей въ этой странѣ королевской власти, Франциска I и Людовика XIV. Первый изъ этихъ государей даже прямо содѣйствовалъ перенесенію во Францію культурныхъ формъ итальянскаго ренессанса въ областяхъ какъ искусства, такъ и науки. Въ его лицѣ абсолютизмъ во Франціи заключилъ союзъ съ новымъ образованіемъ, враждебно относившимся ко всякой средневѣковщинѣ: послѣдняя была не по душѣ и королевской власти, такъ какъ средневѣковыя формы были слишкомъ тѣсно связаны съ традиціями феодальной и муниципальной свободы. Абсолютная монархія инстинктивно искала для себя новыхъ культурныхъ формъ, и легче всего было ихъ заимствовать изъ Италіи, гдѣ литература достаточно съумѣла оторваться отъ народной жизни и отъ національныхъ традицій и проникнуться, напротивъ, духомъ княжескаго придворнаго быта, нашедши родственныя тенденціи въ римской литературѣ Августова вѣка. Чѣмъ для Франціи и другихъ странъ въ этомъ отношеніи была Италія въ XVI в., тѣмъ съ середины XVII столѣтія стала дѣлаться сама Франція для всей Европы, превратившись мало-по-малу въ законодательницу утонченнаго вкуса и свѣтскихъ модъ. Въ этомъ

буквы. Гуманисты занимаются воспитаніемъ принцевъ; они никогда не занимаются воспитаніемъ народа... Они созданы не для форума, не для рынка; они — философы и мудрецы... Подобное положеніе приводитъ къ разрыву между литературою и жизнью", стр. стр. 242, 243, 246 и 248. Читая эту характеристику, нельзя не вспомнить извѣстныя заявленія Вольтера, тоже дѣлившаго общество на „порядочныхъ людей" и на „чернь", „сволочь", причемъ, желая у первыхъ истребить католическія вѣрованія („écrasez l'infâme"), онъ рекомендовалъ оставить народу его „суевѣрія". Разница, однако, та, что французскій XVIII вѣкъ, былъ настроенъ болѣе общественно и народно, чѣмъ итальянское XV столѣтіе („Кваттроченто").

отношеніи версальскій дворъ Людовика XIV сыгралъ роль главнаго образца для подражанія. По мѣрѣ того, какъ французская культура распространялась при дворахъ, національныя литературы приходили въ упадокъ. Фридрихъ II въ эпоху возрожденія нѣмецкой литературы читалъ только французскія книги, самъ писалъ по-французски, признавалъ только французскихъ писателей. Марія Терезія вела переписку, между прочимъ, и съ Іосифомъ II по-французски же, хотя и не всегда грамотно: „à cette heure“ у нея выходило „asteur“. Не только національное, но въ еще большей степени все общественное было противно самому духу настоящей придворной литературы, и именно когда струя общественности стала проникать въ литературу,—а въ этомъ и заключалась вся сила XVIII в.,—то духовная жизнь націи начала эманципироваться отъ направленія, созданнаго придворнымъ меценатствомъ.

„Науки,—говоритъ въ своемъ завѣщаніи Ришелье,—служатъ однимъ изъ величайшихъ украшеній государства и обойтись безъ нихъ нельзя, но... усиленное занятіе науками повредитъ торговлѣ, обогащающей государства и земледѣлію, питающему народы, и произведетъ опустошеніе въ рядахъ солдатъ, которымъ приличнѣе невѣжество, чѣмъ тонкость знанія“. Великій государственникъ, находившій, что для спокойствія государства лучше, если народу не очень хорошо, сказался весь въ этомъ коротенькомъ заявленіи: науки украшаютъ государства, но для государства же нужно, чтобы ими занимались не слишкомъ много и не всѣ, „иначе, думалъ Ришелье, государство будетъ похоже на безобразное тѣло, которое во всѣхъ частяхъ своихъ будетъ имѣть глаза“. Съ его точки зрѣнія науки были нужны лишь постольку, поскольку ихъ существованія требовалъ государственный интересъ, отнюдь не стремленія личностей, составляющихъ общество, и, конечно, въ наше время никто не сталъ бы говорить, что земледѣліе и торговля не особенно нуждаются въ наукахъ. Утилитарный взглядъ на образованіе былъ вообще въ ходу у представителей абсолютизма, но въ тѣ времена техническія знанія находили примѣненіе лишь въ военномъ дѣлѣ [1]). Смотря на умственную дѣятельность общества съ узко-государственнической точки

[1]) Ср. выше, стр. 190—191.

зрѣнія, Ришелье хотѣлъ, чтобы эта дѣятельность протекала и подъ надзоромъ государства.

Около 1635 г. въ Парижѣ образовался кружокъ изъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ горожанъ, отчасти кое-что пописывавшихъ, съ цѣлью собираться разъ въ недѣлю у одного изъ членовъ кружка для литературныхъ бесѣдъ. Узнавъ объ этомъ, Ришелье предложилъ кружку организоваться въ признанную корпорацію и собираться впредь подъ оффиціальнымъ предсѣдателемъ (sous une autorité publique). Такъ возникла знаменитая Французская академія, задачею для которой было поставлено главнымъ образомъ дать французскому языку твердо установленныя правила, словарь, грамматику, поэтику, реторику: государство, такъ сказать, должно было законодательствовать и въ вопросахъ языка и литературы. Около этого времени Корнейль написалъ своего „Сида“ съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ испанской литературы, и пьеса имѣла крупный успѣхъ, что не понравилось Ришелье. Ему казалось, что, апплодируя „Сиду“, публика только выражаетъ протестъ противъ ведшейся тогда съ Испаніей войны, а сверхъ того, онъ находилъ непатріотичнымъ увлеченіе публики испанскимъ сюжетомъ пьесы. Тогда вновь созданной академіи было предписано подвергнуть „Сида“ строгой критикѣ, что ею и было въ точности исполнено. Академія, такимъ образомъ, сдѣлалась однимъ изъ орудій политики Ришелье, въ то же время принявъ на себя роль законодательнаго учрежденія въ вопросахъ чисто литературнаго характера: между прочимъ, „Сиду“ было поставлено въ упрекъ, что въ немъ не были соблюдены единства мѣста и времени по Аристотелю, и что героиня этой пьесы весьма безнравственна. Впослѣдствіи и Наполеонъ I выражалъ желаніе, чтобы академія создала такую критику, которая могла бы рекомендовать публикѣ авторовъ, достойныхъ вниманія [1]), и въ этомъ отношеніи онъ только слѣдовалъ примѣру, поданному Ришелье. Государство брало на себя задачу руководить и художественнымъ творчествомъ.

Слабо еще развитая въ XVII в. литературная дѣятель-

[1]) „Разъ будетъ установлена,—писалъ Наполеонъ министру полиціи Фуше, — разъ будетъ установлена правильная критика, можно будетъ не дозволять ничего въ родѣ теперешней. Институтъ (Institut de France, въ составѣ котораго находилась съ эпохи революціи Французская академія)— великое средство въ рукахъ министра“.

ность сама шла навстрѣчу къ меценатству, которое во Франціи ей оказывали нѣкоторыя аристократическія фамиліи. Съ самаго же начала самостоятельнаго правленія Людовикъ XIV сдѣлался главнымъ меценатомъ не только во Франціи, но и за ея предѣлами. Въ 1663 г. былъ составленъ списокъ писателей, которымъ были назначены ежегодныя пенсіи (liste des pensions), причемъ послѣдними стали пользоваться и нѣкоторые иностранцы. Людовику XIV было нужно, чтобы его восхваляли и прославляли на всѣхъ языкахъ, чтобы литература, философія и наука содѣйствовали видамъ правительства, чтобы можно было даже внушать писателямъ, какъ они должны писать. Внушенія эти происходили и на самомъ дѣлѣ, когда по заказу писались сочиненія въ защиту разныхъ пунктовъ внутренней и внѣшней политики или когда королевскимъ исторіографамъ вмѣнялось въ обязанность распространять хвалебный тонъ и на царствованія королевскихъ предковъ: королевская власть устанавливала своего рода государственные догматы въ вопросахъ политики, исторіи и философіи. Сорбонна отъ себя запретила во Франціи сочиненія Декарта, а Людовикъ XIV въ 1667 г. не позволилъ произнести похвальнаго слова покойному философу. Умственная жизнь страны сдѣлалась такимъ же вѣдомствомъ для правительственнаго воздѣйствія, какъ финансы, мануфактуры и торговля, и во главѣ обоихъ вѣдомствъ былъ поставленъ въ 1664 г. одинъ и тотъ же министръ, Кольберъ [1]). При немъ Французская академія окончательно превратилась въ правительственное учрежденіе, по образцу котораго стали создаваться, въ шестидесятыхъ же годахъ XVII в., академіи надписей и медалей, живописи и скульптуры, наукъ и т. п., которымъ ставились и цѣли чисто придворнаго значенія—прославленіе короля надписями (на публичныхъ памятникахъ или праздничныхъ сооруженіяхъ) и медалями въ память разныхъ событій, украшеніе королевскаго дворца произведеніями живописи и ваянія и т. п., какъ, въ свою очередь, Академія наукъ должна была давать совѣты, касающіеся флота, ре-

[1]) Кольберъ „gouverna la vie intellectuelle par les mêmes méthodes que les finances, les manufactures, la marine et le commerce“, говоритъ о немъ *Лависсъ* на стр. 81 второго отдѣла VII т. „Histoire de France“ (1907), давая далѣе очень хорошій очеркъ управленія Кольбера въ областяхъ искусства, литературы и науки.

meслъ и т. д. Задача Академіи изящныхъ искусствъ мало чѣмъ отличалась отъ организованной Кольберомъ же мануфактуры роскошныхъ ковровъ [1]).

Всѣ эти оффиціальныя учрежденія занимались, между прочимъ, и законодательствомъ въ области вкуса, идя по пути, проторенному еще въ XVI в. дѣятелями ренессанса. Онѣ прямо предписывали преклоненіе передъ древними и подчиненіе ихъ правиламъ, были ли послѣднія высказаны самими древними, Аристотелемъ, Виргиліемъ или Витрувіемъ (римскимъ архитекторомъ) или же ихъ устанавливали эти академіи на основаніи изученія древнихъ произведеній. Въ области поэзіи итоги подъ этою выработкою правилъ подвелъ въ своемъ „Поэтическомъ искусствѣ“ (1674) придворный поэтъ Буало, сомнѣвавшійся, могутъ ли быть несчастные при такомъ королѣ („L'univers sous ton règne a-t-il des malheureux“?) и совѣтовавшій приспособляться ко вкусамъ „двора и города“. Правила, подобно мануфактурнымъ регламентамъ, опутали всю дѣятельность художниковъ. „Доктрина, говоритъ новѣйшій историкъ [2]), получила силу ортодоксіи. Будучи лишь одна преподаваема въ школахъ Парижа и провинцій, она опиралась на цѣлую іерархію—перваго художника, академій, суперъинтендента зданій (министра изящныхъ искусствъ) и короля. Бунтъ противъ столь твердо установленнаго порядка былъ немыслимъ... Во второй половинѣ XVII в. остался одинъ только Меценатъ, одинъ вкусъ, одна художественная школа... Все становилось учрежденіемъ“.

Царствованіе Людовика XIV было золотымъ вѣкомъ французской литературы, но не его система создала это процвѣтаніе. Въ 1661 г., когда самому королю шелъ только 23-й годъ, Боссюету было уже 34, Корнейлю—55, Мольеру и Лафонтену лѣтъ по сорока и т. п. Зато, главный литературный законодатель, Буало, былъ сверстникомъ короля-мецената. При Людовикѣ XIV литература получила окончательно придворный и классическій характеръ, — ложно-классическій, какъ стали говорить ея нѣмецкіе критики въ XVIII вѣкѣ. Изъ Франціи ложно-классицизмъ распространился по всей Европѣ. Это тоже была своего рода регламентація производства, шедшая свыше и приводившая повсемѣстно къ вытравленію „народ-

---

[1]) Гобелены, о которыхъ см. выше, стр. 239.

[2]) *Lavisse* на стр. 101 только что указаннаго труда.

ности" изъ литературы, къ забвенію національнаго прошлаго, къ изображенію въ классическихъ формахъ лишь того настоящаго, которое было въ оффиціальномъ почетѣ.

Абсолютная монархія въ XVII в. сдѣлалась и оффиціальною покровительницею науки, но главнымъ образомъ въ направленіи государственнаго утилитаризма. Кольберъ и въ этомъ отношеніи былъ типичнымъ представителемъ системы,— черта, на которую мало обращаютъ вообще вниманія при разсмотрѣніи его дѣятельности. Научная работа шла своимъ путемъ, но государство приходило къ ней на помощь лишь тогда, когда отъ этого ждало для себя корысти. Наприм., историческія изысканія поощрялись тѣмъ же Кольберомъ ради того, что изъ нихъ можно было извлечь пользу для политики — въ установленіи разныхъ антецедентовъ, въ оправданіи тѣхъ или другихъ притязаній короля, въ выработкѣ правилъ для внѣшней политики. Конечно, многое основывалось тогда во Франціи и для вящшей славы государя, но особенно цѣнилась практическая польза отъ науки съ ея новыми открытіями и изобрѣтеніями, нужными въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, въ обрабатывающей промышленности и т. п. Идейная сторона науки скорѣе даже безпокоила государственную власть, какъ безпокоила и власть церковную. Философія Декарта съ ея духомъ сомнѣнія и изслѣдованія была запрещена во Франціи, и, пожалуй, во второй половинѣ XVII в. нигдѣ, кромѣ Испаніи, не была такъ стѣснена философская мысль, какъ во Франціи, несмотря на все покровительство, оказывавшееся королемъ представителямъ науки. Этотъ недовѣрчиво-утилитарный взглядъ на науку абсолютная монархія сохраняла и впослѣдствіи.

Объ отношеніи абсолютизма къ школьному дѣлу можно и не распространяться, такъ какъ народнаго образованія, въ смыслѣ организаціи низшихъ школъ, не существовало, а среднее и высшее находилось въ рукахъ церкви и привилегированныхъ корпорацій, въ которыхъ господствовалъ духъ неизмѣнныхъ традицій, педантической рутины и, — когда къ дѣлу прилагало свою руку протестантское государство,—канцелярскаго бюрократизма. Любопытно, что до второй половины XVIII в. среди бюрократическихъ учрежденій старой монархіи не было вѣдомства, сколько-нибудь похожаго на министерство народнаго просвѣщенія въ современномъ государствѣ, какъ почти не существовало въ отдѣльныхъ стра-

нахъ и общаго школьнаго законодательства. Высшія и среднія школы содержались своими собственными средствами, образовавшимися изъ пожертвованій, отказовъ по духовнымъ завѣщаніямъ и т. п., особенно въ католическихъ странахъ, гдѣ большую роль въ дѣлѣ образованія юношества играли іезуиты. Главнымъ образомъ, отмѣна этого ордена и заставила многія правительства организовать по-новому школьное дѣло, эманципировать его изъ-подъ исключительной опеки церкви, подчинить его государственной власти со внесеніемъ въ него, однако, того же духа бюрократической опеки и регламентаціи, который въ протестантскихъ странахъ былъ въ достаточной мѣрѣ развитъ и раньше. Настоящее планомѣрное воздѣйствіе государства на народное просвѣщеніе начинается только въ серединѣ XVIII в., въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Въ этомъ отношеніи, напр., замѣчательна дѣятельность въ Португаліи министра Помбаля, изгнавшаго іезуитовъ изъ этой страны (1758). Мы остановимся, впрочемъ, лишь на исторіи школьнаго дѣла въ Пруссіи и въ Австріи.

Въ 1763 г. Фридрихъ II издалъ „Общій регламентъ о сельскихъ школахъ“, гдѣ онъ жаловался какъ на великое зло, на невѣжество деревенскихъ жителей и предписывалъ, подъ страхомъ наказанія родителей, опекуновъ и помѣщиковъ, чтобы крестьянскія дѣти обязательно посѣщали начальную школу, но это распоряженіе не могло принести пользы, разъ сама начальная школа не была, какъ слѣдуетъ, организована. Къ чему могли привести всѣ подобные указы, когда на школу не отпускалось денегъ, или когда въ учителя назначались, за невозможностью уплачивать пенсіи, солдаты-инвалиды, сдѣлавшіеся болѣе непригодными къ военной службѣ? Лучшая сторона отношенія Фридриха II къ образованію заключалась въ той свободѣ, научнаго изслѣдованія, которая была имъ предоставлена университету. Не даромъ по вступленіи на престолъ онъ возвратилъ каѳедру Вольфу, изгнанному изъ университета его отцомъ за вольнодумство. Впрочемъ, со временъ реформаціи въ протестантскихъ государствахъ все-таки больше заботились о просвѣщеніи народныхъ массъ и больше возлагалось въ отношеніи къ народному образованію обязанностей на государство, чѣмъ въ католическихъ странахъ. То, что въ Австріи стало дѣлать правительство, было уже настоящею для нея новостью, хотя освобожденіе школы отъ духовенства сопровождалось ея бюрократизаціей.

Еще Марія-Терезія начинала раздѣлять тотъ принципъ, что школа должна быть, какъ выразилась сама императрица въ одной резолюціи, „ein Politicum", т.-е. дѣломъ государственнымъ. Ею была учреждена смѣшанная изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ „придворная учебная коммиссія" съ подчиненными ей провинціальными коммиссіями такого же состава,— одинъ изъ раннихъ примѣровъ образованія особаго министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ самоуправленіе австрійскихъ университетовъ было совершенно отмѣнено. Во главѣ каждаго факультета правительство назначало своего директора, отнюдь не изъ профессоровъ, и ставило послѣднихъ въ полное ему подчиненіе: директоръ опредѣлялъ размѣры, содержаніе и направленіе профессорскихъ курсовъ и даже указывалъ на руководства, отъ которыхъ они не должны были отступать. Завѣдованіе университескимъ имуществомъ, доходами отъ котораго жили профессора, было у нихъ отнято и поручено особымъ правительственнымъ чиновникамъ, профессорамъ же назначено было казенное содержаніе. Названные директоры были подчинены особому протектору, котораго въ пятидесятыхъ годахъ замѣнила упомянутая выше „придворная учебная коммиссія". Іезуиты, занимавшіе въ большомъ количествѣ каѳедры въ австрійскихъ университетахъ, съ трудомъ подчинялись новымъ правиламъ, но противъ нихъ были пущены въ ходъ репрессивныя мѣры, а когда орденъ былъ уничтоженъ, то у правительства руки и совсѣмъ были развязаны для осуществленія реформы въ высшей школѣ. Для Іосифа II университеты были только разсадниками будущихъ чиновниковъ. „Не нужно, сказано было въ одной высочайшей резолюціи 1782 г,, учить молодыхъ людей ничему такому, чѣмъ бы они могли только очень рѣдко пользоваться и примѣнять или же совсѣмъ не пользоваться и не примѣнять къ благу государства (zum Besten des Staates), такъ какъ существенныя занятія въ университетахъ должны служить только для образованія государственныхъ чиновниковъ (nur für die Bildung der Staatsbeamten), а не посвѣщаться просто для приготовленія ученыхъ". Іосифъ II нашелъ, что для цѣлей высшаго образованія довольно будетъ трехъ университетовъ (въ Вѣнѣ, во Львовѣ и въ Пештѣ), а остальные были превращены въ лицеи съ сокращеннымъ курсомъ. Наиболѣе общеобразовательный, философскій факультетъ былъ въ своемъ значеніи приниженъ до прежняго артистическаго, бывшаго

чѣмъ-то въ родѣ подготовительной школы къ практическимъ факультетамъ [1]), а въ послѣднихъ было до-нельзя сокращено теоретическое преподаваніе, но зато для юристовъ введены были практическія упражненія въ канцелярской стилистикѣ. Богословскій факультетъ былъ даже прямо упраздненъ въ виду учрежденія для духовенства генеральныхъ семинарій.

Въ области средняго образованія въ Австріи при Маріи-Терезіи тоже была подорвана монополія духовенства и приступлено было къ огосударствленію тогдашнихъ гимназій, или „латинскихъ школъ". Въ одномъ изъ неосуществленныхъ, впрочемъ, тогдашнихъ проектовъ учебной реформы цѣль средней школы опредѣлялась, какъ воспитаніе просвѣщенныхъ, годныхъ и преданныхъ отечеству христіанъ, причемъ „надзоръ за воспитаніемъ и образованіемъ и руководство имъ во всей полнотѣ и во всѣхъ частяхъ должно было цѣликомъ и неуклонно принять на себя государство", ради же этого все дѣло предполагалось „отобрать изъ рукъ монаховъ, поручивъ его лицамъ свѣтскимъ или изъ бѣлаго духовенства". Іосифъ II нашелъ нужнымъ поставить среднюю школу въ непосредственную связь съ низшей, изъ которой можно было бы переходить въ среднюю, и съ высшей, по отношенію къ которой сама средняя была бы только подготовительною ступенью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ указъ (1783) о закрытіи всѣхъ частныхъ и общественныхъ школъ, не руководствующихся нормальными предписаніями: во всѣхъ школахъ должно было царить полнѣйшее однообразіе.

Дѣло начальнаго народнаго образованія впервые взято было въ Австріи въ руки государства тоже при Маріи-Терезіи. Въ 1774 г. былъ изданъ „Общій школьный уставъ", указывавшій на важность этого дѣла. Въ городахъ и селахъ основывались „тривіальныя школы" (Trivial-Schulen), гдѣ учили чтенію, письму и счету, въ болѣе крупныхъ центрахъ такъ называемыя „главныя училища" (Haupt-Schulen), нѣчто въ родѣ позднѣйшихъ городскихъ (бюргерскихъ), въ главныхъ же городахъ про-

---

[1]) Въ средневѣковыхъ университетахъ преподавались богословіе, право и медицина, къ изученію которыхъ подготовлялъ низшій факультетъ, гдѣ преподавались „свободныя искусства" (artes liberales), и лишь съ теченіемъ времени артистическій факультетъ достигъ равноправія съ другими, какъ факультетъ философскій, распавшійся потомъ (не вездѣ, впрочемъ) на историко-филологическій и физико-математическій.

винцій—„нормальныя школы“ (Normal-Schulen) для приготовленія учителей. Въ принципѣ признано было всеобщее обученіе, но въ дѣйствительности его не было—за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и учителей. Преемникъ Маріи-Терезіи употребилъ особыя усилія, чтобы осуществить этотъ принципъ всеобщаго обязательнаго обученія, дѣйствуя и убѣжденіемъ (напр., въ обязательныхъ церковныхъ проповѣдяхъ) и принужденіемъ: неграмотные ограничивались въ своихъ правахъ; родители, не посылавшіе дѣтей въ школу, платили штрафъ или приговаривались къ работѣ при постройкѣ или ремонтѣ школьныхъ домовъ и т. п.—

Подчиняя себѣ искусство, литературу, науку и школу, абсолютизмъ, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ распространенію опасныхъ и вредныхъ мыслей. Въ средніе вѣка борьба съ ними въ видѣ преслѣдованія ересей принадлежала главнымъ образомъ церкви, но въ новое время эту функцію стало охотно исполнять и государство. Во Франціи высшій надзоръ за произведеніями печати былъ сосредоточенъ въ богословскомъ факультетѣ Парижскаго университета и въ парламентахъ, но государство не довольствовалось этимъ, и съ середины XVII в. стала практиковаться и чисто полицейская цензура, подобно тому, какъ установили ее у себя протестантскія государства. Извѣстно, сколько книгъ было сожжено во Франціи рукою палача въ XVIII столѣтіи, книгъ, конечно, новаго, оппозиціоннаго направленія. Въ Испаніи, гдѣ инквизиція сдѣлалась судомъ и по политическимъ дѣламъ, ей тоже принадлежало право цензуры. Въ нѣкоторыхъ государствахъ даже распространился взглядъ, въ силу котораго право на самое опубликованіе того или другого сочиненія дается королемъ, какъ особая привилегія, почему и теперь еще на очень многихъ книгахъ, изданныхъ во Франціи въ XVIII в., мы находимъ отмѣтку: „avec le privilège du Roi“. Спеціальные органы для надзора за печатью могли быть дурно организованы, но принципъ былъ тотъ, чтобы ничего не могло печататься безъ одобренія властей. Только въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма началось нѣсколько менѣе недовѣрчивое отношеніе правительствъ къ печатному слову. Особенно въ этомъ отношеніи интересенъ опытъ облегченія цензурныхъ строгостей, сдѣланный въ Австріи во второй половинѣ XVII в. Нѣкоторая перемѣна замѣтна уже въ распоряженіяхъ Маріи-Терезіи, когда правительство впервые стало

разрѣшать къ обрашенію въ публикѣ кое-какія запрещавшіяся духовными властями книги, и когда въ цензурный комитетъ введено было равное духовному составу число свѣтскихъ членовъ. Съ другой стороны, это обозначало, что и цензуру въ Австріи государство было не прочь взять у церкви въ свои руки, кромѣ спеціально духовной цензуры. Болѣе дѣйствительныя облегченія сдѣланы были при Іосифѣ II, не такъ строго, какъ прежде, относившемся ко ввозу иностранныхъ книгъ для частнаго употребленія (не для продажи) и разрѣшившаго подвергать обсужденію, въ прилично-критическомъ, а не въ пасквильномъ тонѣ, не только опубликованныя мѣропріятія правительства, но и дѣйствія самого государя. По отношенію къ папству, монашеству и злоупоребленіямъ духовенства тоже допущена была извѣстная свобода, но въ остальномъ цензура была попрежнему строга, произвольна и придирчива. Самъ Іосифъ II призналъ это въ апрѣльскомъ распоряженіи 1789 г. (всего за три недѣли до собранія во Франціи генеральныхъ штатовъ), отмѣнявшемъ предварительную цензуру, но не прошло и года, какъ она была возстановлена, потому что императоръ нашелъ, что свободою печати стали слишкомъ злоупотреблять. Правительство стояло при этомъ на той точкѣ зрѣнія, что „при другихъ обстоятельствахъ и въ странѣ, не подчиненной монархическому управленію, какъ, напр., въ Англіи неограниченная свобода печати по вопросамъ свѣтскимъ“ и можетъ быть признана благодѣтельною, но „въ монархическомъ государствѣ, особенно при смутныхъ обстоятельствахъ, весьма опасно подвергать законодательство критикѣ какого-нибудь неосторожнаго писателя“ [1]).

Разсмотрѣвъ отношеніе абсолютизма XVI—XVIII вв. къ разнымъ сторонамъ національной жизни, познакомимся теперь съ его идеологіей, а кстати и съ идеологіей сословности, которая въ старомъ порядкѣ сочеталась съ абсолютизмомъ въ одну общую систему привилегій.

---

[1]) Слова въ ковычкахъ изъ одного оффиціальнаго доклада 1790 г., приведеннаго въ книгѣ *Митрофанова* объ Іосифѣ II, стр. 751.

ГЛАВА XVIII.

Теоретики абсолютизма и сословности [1]).

Политическая литература послѣ Макіавелли. — „Республика“ Жана Бодена. — Роль Ришелье въ развитіи идей абсолютизма. — Государственные принципы Людовика XIV.—Политика, извлеченная изъ Священнаго Писанія“ Боссюэта и „Патріархъ“ Фильмера.—Политическое ученіе Гоббза.— Теоріи абсолютизма въ Германіи.—Теорія общаго блага и государственной необходимости. — Примиреніе абсолютизма съ естественнымъ правомъ. — Защита сословности у Монтескье. — Средневѣковой сословный строй во взглядахъ Штейна.—Литературныя оправданія крѣпостничества.—Признавали ли теоретики абсолютизма право государственной власти освободить крѣпостныхъ?—Реакціонные писатели XIX в.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ абсолютизмъ относился вообще къ современной ему духовной культурѣ и въ частности къ литературѣ, которая, какъ и все, т.-е. наравнѣ съ чиновничествомъ и войскомъ, съ промышленностью и торговлею, съ религіей и національнымъ просвѣщеніемъ, должна была служить вящшему укрѣпленію государственной власти и прославленію абсолютизма. Въ особенности монархическая публицистика должна была внѣдрять въ умы идеи о божественномъ происхожденіи и высокой общественной полезности королевскаго абсолютизма, о внутренней правдѣ неограниченной власти и безусловной необходимости полнаго повиновенія ея велѣніямъ, о томъ, что абсолютная монархія есть самая совершенная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая естественная форма правленія. Правители этой эпохи не только находили людей, которые по ихъ заказу готовы были составлять на такія темы цѣлые трактаты, но и сами, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ наиболѣе видныхъ своихъ представителей, Ришелье, Людовика XIV, Фридриха II, писали на эти темы, и

---

[1]) Въ этой главѣ соединенъ и кое-чѣмъ дополненъ матеріалъ, разбросанный по разнымъ мѣстамъ II, III, IV и V томовъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“, гдѣ онъ является пріуроченнымъ къ отдѣльнымъ эпохамъ или историческимъ явленіямъ.

само общество, убѣжденное въ томъ, что иначе и не можетъ быть ничего путнаго въ управленіи государствомъ, выставляло изъ своей среды писателей, которые безъ всякаго вызова со стороны правительства защищали главные тезисы абсолютизма, примиряли его съ „естественнымъ правомъ" тогдашней философіи, а въ XVIII в. возводили даже на степень единственной правомѣрной силы, способной осуществить прогрессивныя требованія просвѣтительной философіи [1]).

По теоріи Бодена, автора книги о „Республикѣ" въ смыслѣ государства вообще (1576), государства произошли путемъ насильственнаго покоренія однихъ людей другими (а не отъ добровольнаго соглашенія, какъ учили въ XVII и XVIII вв.), въ силу чего существеннымъ признакомъ гражданина онъ считалъ подчиненіе верховной власти, а не участіе въ совѣтѣ и судѣ, какъ опредѣлялъ гражданина Аристотель [2]), подъ верховною же властью Боденъ разумѣлъ постоянную и неограниченную власть государства. „Суверенитетъ, — писалъ онъ,—есть абсолютная и непрерывная (perpetuelle) власть (puissance) государства (république), каковую латинскіе писатели называютъ *majestas* [3])". По ученію Бодена, эта власть постоянна или непрерывна лишь тогда, когда перенесена на извѣстное лицо всецѣло, на неопредѣленный срокъ—и именно лишь въ томъ случаѣ можетъ быть названа верховною, когда передается безъ всякихъ условій, такъ что по существу своему эта власть есть право издавать и отмѣнять законы, и въ силу этого ея носитель не можетъ себя связывать какими бы то ни было обѣщаніями. „Законъ,—говоритъ Боденъ,—зависитъ отъ того, кто обладаетъ суверенитетомъ, который можетъ (по отношенію къ нимъ) обязать всѣхъ своихъ подданныхъ и не можетъ обязать самого себя. Нужно, чтобы суверенный государь (prince souverain) держалъ законы въ своей власти, дабы ихъ измѣнять и исправлять по мѣрѣ надобности (selon l'occurence des cas). Государь столь же мало можетъ быть стѣсненъ общенароднымъ правомъ [4]), какъ и

---

[1]) О теоріи просвѣщеннаго абсолютизма см. въ слѣдующей (XIX) главѣ.

[2]) Государство-городъ, стр. 124 и слѣд.

[3]) О значеніи термина, см. Монархіи, стр. 234—235.

[4]) Я такъ перевожу „droit des gens" текста, т.-е. въ смыслѣ римскаго jus gentium", т.-е. созданнаго юристами права всѣхъ народовъ (см. Монархіи, стр. 294), а не въ смыслѣ „международнаго права", къ

своими собственными эдиктами, и если это право несправедливо, государь можетъ его отмѣнить въ своемъ королевствѣ и запретить своимъ подданымъ имъ пользоваться“. Такимъ образомъ Боденъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія правила „quod principi placuit“. Если бы, по его словамъ, государь былъ обязанъ соблюдать законы, которые исходятъ отъ народа, а не отъ него самого, то верховная власть принадлежала бы народу. „Королевскія права,—говоритъ Боденъ,— не могутъ быть предметомъ уступки (incessibles), они неотчуждаемы и не подлежатъ никакой давности, и если бы суверенный государь уступилъ ихъ своему подданному, онъ превратилъ бы своего слугу въ своего товарища (compagnon), сдѣлавъ это, онъ уже не былъ бы болѣе сувереномъ, ибо имя суверена, т.-е. того, кто находится надъ всѣми подданными (celui qui est par dessus tous les subjects), уже не подходило бы къ тому, кто изъ своего подданаго сдѣлалъ своего товарища“.

Далѣе, по ученію Бодена, и генеральные штаты равнымъ образомъ не могутъ ограничивать власти короля: все ихъ значеніе въ совѣтѣ, въ принесеніи жалобъ, въ раскрываніи злоупотребленій, ибо въ законодательномъ правѣ безъ чьего бы то ни было согласія, по Бодену, и заключается основа всѣхъ другихъ правъ верховной власти: съ точки зрѣнія единства и недѣлимости суверенитета онъ отрицалъ какія бы то ни было смѣшанныя формы, признавая только чистыя. Если онъ отдавалъ предпочтеніе монархіи передъ демократіей и аристократіей, то главнымъ образомъ потому, что лишь при единовластіи суверенитетъ, дѣйствительно, единъ. Народъ — многоголовый и неразумный звѣрь, вельможи же, не имѣя надъ собою высшаго судьи, рѣшаютъ свои распри оружіемъ, да и трудно имъ держаться противъ народа, ихъ ненавидящаго (не забудемъ, что Боденъ былъ современникомъ феодальной реакціи во время религіозныхъ войнъ). Изъ монархій онъ отдавалъ преимущество наслѣдственной, соотвѣтствующей непрерывности суверенитета. Различая между законною монархіей и тиранніей [1]), онъ, однако, рекомендовалъ лишь съ

каковомъ „droit des gens“ употребляется въ теперешнемъ французскомъ языкѣ: смыслъ всей фразы за такой переводъ.

[1]) Объ этомъ различеніи у писателей древности и новой Европы см. „Государство-городъ“, стр. 108.—„Монархіи“, стр. 142, 258 и слѣд., 376.—„Помѣстье-государство“, стр. 216.

большою осторожностью примѣнять это различенie въ жизни потому что государь нерѣдко бываетъ вынужденъ дѣйствовать такъ, что его поступки имѣютъ видъ тираннических: строгость еще не есть тираннія, а строгость всегда диктуется противъ насильственности вельможъ и для возстановленія нарушеннаго спокойствія государства. Въ демократіяхъ и въ аристократіяхъ правители дѣлятся на партіи, монархъ же можетъ и долженъ стоять выше партій, между прочимъ и въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, гдѣ для спокойствія государства нужна вѣротерпимость. Равнымъ образомъ, Боденъ рекомендовалъ государю стоять и выше отдѣльныхъ сословій: въ монархіи, по его представленію, происходитъ сочетаніе демократической правды уравновѣшивающей и аристократической правды распредѣляющей. Стоящія подъ монархомъ, какъ представителемъ государственнаго единства, три сословія могутъ только умѣрять, но не ограничивать его власть.

И при всемъ томъ, какъ извѣстно [1]), въ вопросѣ о податномъ обложеніи Боденъ стоялъ на точкѣ зрѣнія сословной монархіи: именно, онъ разсматривалъ налоги, какъ отдаваемую государству часть имущественнаго достоянія подданныхъ, брать которую безъ ихъ согласія значило бы похищать то, что имъ принадлежитъ,—точка зрѣнія, которой уже совсѣмъ не раздѣляютъ позднѣйшіе теоретики абсолютизма.

Взгляды Бодена оказали сильное вліяніе на послѣдующую политическую литературу и во Франціи, и въ Германіи [2]). Изъ французскихъ писателей, отразившихъ на себѣ вліяніе Бодена, можно назвать Лебре, автора трактата о верховной власти короля (De la souveraineté du roi, 1632), написаннаго не безъ внушенія со стороны Ришелье. Лебре былъ однимъ изъ помощниковъ кардинала, и въ книгѣ его заключались всѣ тѣ взгляды на королевскую власть, которую впослѣдствіи

---

[1]) Помѣстье-государство, стр. 217.

[2]) Такъ какъ впервые у Бодена понятіе суверенитета получаетъ ясную и юридическую формулировку (обстоятельство для настоящей книги, впрочемъ, второстепенное), то въ общихъ исторіяхъ политическихъ ученій ему обыкновенно отводится очень почетное мѣсто. Однимъ изъ послѣднихъ писалъ о немъ въ русской литературѣ *Н. И. Палѣнко* въ книгѣ „Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи о суверенитетѣ и ея правовое значеніе“ (Ярославль, 1903), стр. 80—93.

развивалъ Людовикъ XIV. И самому Ришелье, послѣ котораго вообще осталось нѣкоторое литературное наслѣдство, приписывается, между прочимъ, „Политическое завѣщаніе", подлинности, впрочемъ, довольно спорной. Если это даже и поддѣлка, изложенные въ ней политическіе взгляды, дѣйствительно, соотвѣтствуютъ всему характеру дѣятельности великаго государственника и съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ быть приведенными. „Для правительства, говорится въ документѣ, прежде всего необходимо безусловное повиновеніе всѣхъ. Для этого оно само должно имѣть твердую волю въ исполненіи того, что оно считаетъ справедливымъ, никогда не должно колебаться въ исполненіи своихъ намѣреній и строго наказывать тѣхъ, которые оказываются ослушниками. Необходимо, чтобы государственная цѣль всегда, во-всякомъ случаѣ стояла впереди всѣхъ другихъ соображеній... Относительно государственныхъ преступленій надо оставлять въ сторонѣ всякое состраданіе и пренебрегать жалобами участниковъ и ропотомъ невѣжественной толпы, которая не знаетъ, что ей полезно и необходимо. Обязанность христіанина—забывать личныя оскорбленія, обязанность государства—никогда не забывать оскорбленій, наносимыхъ государству". Подчиняя государя въ духовныхъ дѣлахъ папѣ, авторъ „Политическаго завѣщанія" требуетъ, чтобы государство не позволяло папѣ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. „Слѣдуетъ, читаемъ мы еще, охранять имѣнія дворянства и облегчать пріобрѣтеніе новыхъ, чтобы оно могло служить государству на войнѣ: это — его главная обязанность, ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживаетъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ народа. Народъ долженъ быть содержимъ въ покорности. Подати служатъ къ тому, чтобы ему не было слишкомъ хорошо, дабы онъ не перешелъ границы своихъ обязанностей" [1]). Выше нами уже приводился взглядъ Ришелье на занятіе науками, которое онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ считалъ вреднымъ для государства: „усиленное занятіе науками можетъ повредить торговлѣ, обогащающей государство, и земледѣлію, питающему народы, а также произвести опустошеніе въ рядахъ солдатъ, кото-

---

[1]) Ср. аргументы въ пользу низкой заработной платы въ томъ же XVII в. См. выше, стр. 230.

которымъ болѣе приличествуетъ грубое невѣжество, чѣмъ тонкость знанія“ [1]). Итакъ, государство на первомъ планѣ, государство самодовлѣющее, выше всего стоящее, всемогущее, непогрѣшимое: оно—все, и все для него, начиная съ сословныхъ привилегій, какъ награды за службу государству, и кончая налогами, обуздывающими своеволіе народа, какъ въ интересахъ этого государства было и то, чтобы народу не было слишкомъ хорошо, и то, чтобы солдаты сохранялись въ грубомъ невѣжествѣ.

Особенно интересны общія политическія воззрѣнія въ духѣ крайняго абсолютизма, которыя были высказаны Людовикомъ XIV, съумѣвшихъ проводить ихъ и на практикѣ во всей ихъ чистотѣ.

„Францiя, писалъ, наприм., этотъ король [2]) есть монархія: король представляетъ въ ней всю націю, и предъ королемъ каждый — только частный человѣкъ. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена въ рукахъ короля, и въ королевствѣ не можетъ существовать иной власти, кромѣ той, которая установлена имъ... Будьте господиномъ, совѣтуетъ онъ своему сыну, выслушивайте своихъ совѣтниковъ, но рѣшайте сами. Богъ, поставившій васъ королемъ, просвѣтитъ вашъ умъ въ необходимыхъ случаяхъ, разъ намѣренія ваши будутъ хороши... Въ государствѣ, въ которомъ вы должны послѣ меня царствовать, писалъ онъ еще, вы не найдете власти, которая не гордилась бы тѣмъ, что отъ васъ она истекаетъ и лишь по-

---

[1]) См. выше, стр. 310.

[2]) Цитируемыя заявленія Людовика XIV находятся въ изданіи „Oeuvres de Louis XIV“, выпущенномъ около ста лѣтъ тому назадъ (1806 г.) Грувеллемъ (Grouvelle). Въ основѣ изданія лежатъ бумаги генерала Гримоара (Grimoard), собравшаго отдѣльные фрагменты, приписываемые самому Людовику XIV. Въ этомъ изданіи есть и этюдъ о подлинности рукописи, причемъ указывается на участіе въ редактированіи „Историческихъ и военныхъ мемуаровъ“ Людовика XIV Пеллиссона, завѣдовавшаго казной обращеній (въ католицизмъ) и бывшаго секретаремъ короля,—должность, которую раньше занималъ Периньи, наставникъ дофина, тоже приложившій руку къ работѣ, какъ установлено *Dreyss*'омъ въ его изданіи „Mémoires de Louis XIV“ (1860). Этими „сочиненіями Людовика XIV“ уже давно пользуются историки, а не такъ давно они были положены въ основу работы *Hitier*, на которую уже выше дѣлались ссылки (ср. приложеніе).

тому имѣетъ значеніе“. Совершенно въ духѣ этихъ заявленій въ руководствѣ государственнаго права, составленномъ по повелѣнію Людовика XIV для его внука, бывшаго тоже наслѣдникомъ престола, было сказано: „во Франціи нація не составляетъ тѣла (ne fait pas corps); она цѣликомъ содержится (réside tout entière) въ особѣ короля“.—„Безъ власти, былъ увѣренъ Людовикъ XIV, человѣкъ, по природѣ властолюбивый и надменный, сдѣлался бы жертвою болѣе сильнаго и не нашелъ бы больше въ мірѣ ни справедливости, ни удовлетворенія, ни защиты тому, чѣмъ онъ владѣетъ, ни помощи въ потерѣ, и отсюда происходитъ любовь къ послушанію, поскольку человѣкъ любитъ собственную жизнь и имущество“.

Людовикъ XIV былъ принципіальнымъ противникомъ представительныхъ собраній, ибо видѣлъ въ каждомъ изъ нихъ только собраніе черни, прибавляя, что „порабощеніе, заставляющее государя подчиняться закону своихъ подданныхъ, есть самое послѣднее бѣдствіе, какому только можетъ подвергнуться человѣкъ королевскаго званія“ [1]). Мало того, и совѣтники короля должны были знать свое мѣсто: „въ моихъ видахъ, признавался онъ, не было брать въ министры выдающихся по своему общественному положенію людей (des hommes d'une qualité éminente), ибо первымъ дѣломъ нужно было дать понять публикѣ по самому званію, изъ которыхъ я ихъ бралъ, что моимъ намѣреніемъ отнюдь не было дѣлиться съ ними властью“. Только раболѣпные царедворцы подходили подъ тѣ требованія, какія Людовикъ XIV предъявлялъ къ людямъ: по его мнѣнію, король „для безопасности государства нигдѣ не долженъ искать прибѣжища, кромѣ двора и сердца своего старшаго сына“. Старые судебные парламенты

---

[1]) Отвращеніе Людовика XIV къ генеральнымъ штатамъ продиктовало ему еще слѣдующія слова противъ, какъ онъ варажается, „un peuple assemblé“: „чѣмъ больше вы ему даете, тѣмъ больше онъ отъ васъ требуетъ; чѣмъ болѣе вы къ нему благосклонны (plus vous le caressez), тѣмъ болѣе онъ васъ презираетъ, и разъ онъ чѣмъ-нибудъ овладѣетъ, то уже держитъ такимъ множествомъ рукъ, что безъ величайшаго напряженія силъ этого у него не вырвешь; поэтому государь, желающій создать прочное спокойствіе для своихъ подданныхъ (à ses peuples) и передать въ полной неприкосновенности свой санъ преемникамъ, долженъ съ величайшею заботою подавлять эту мятежную дерзость“ (ne saurait trop soigneusement réprimer cette audace tumultueuse).

тоже были ненавистны Людовику XIV, который по поводу ихъ политики писалъ, что для нихъ „король двора (le roi de la cour) былъ чѣмъ-то инымъ, чѣмъ король парламента“ (le roi du parlement), въ силу ихъ „фальшиваго представленія (fausse imagination) о какомъ-то воображаемомъ интересѣ народа, противоположномъ интересу государя и принимавшемся ими подъ свою защиту безъ всякаго вниманія къ тому, что это одинъ и тотъ же интересъ“ (ces deux intérêts ne sont qu'un). Людовикъ XIV думалъ, что „какъ бы дуренъ ни былъ государь, бунтъ его подданныхъ всегда безконечно преступенъ“. Данный Богомъ законъ повиновенія, по его словамъ, существуетъ „не ради однихъ государей, но и на пользу народовъ“, которые „не могутъ никогда ихъ нарушать, не подвергая себя при этомъ бѣдствіямъ, гораздо болѣе ужаснымъ, нежели тѣ, отъ коихъ они хотѣли бы себя избавить. Спокойствіе подданныхъ—только въ ихъ повиновеніи: всегда для общества (le public) больше зла въ контролѣ, чѣмъ въ перенесеніи даже дурного правленія королей, надъ которыми одинъ Богъ — судья. Если иногда, повидимому, они и поступаютъ противъ общаго закона (contre la loi commune), то это основывается на государственномъ интересѣ (la raison d'état), первомъ изъ законовъ, какъ всѣ въ томъ согласны, но самомъ неизвѣстномъ и наиболѣе непонятномъ тѣмъ, которые не управляютъ“.—„Должность суверена (l'emploi du souverain), говоритъ еще Людовикъ XIV, можетъ отправляться лишь самимъ же сувереномъ“. Есть, несомнѣнно, собственноручный, какъ утверждаютъ, отрывокъ Людовика XIV съ характернымъ заглавіемъ „Размышленія о ремеслѣ короля“, гдѣ говорится о необходимости для короля вездѣ вникать самому. „Я рѣшилъ, писалъ онъ также въ своихъ мемуарахъ, прежде всего не заводить перваго министра, потому что нѣтъ ничего болѣе недостойнаго, какъ видѣть на одной сторонѣ всю работу (toute la fonction), а на другой лишь одинъ титулъ короля“. Король-солнце былъ, дѣйствительно, до самой своей смерти большимъ работникомъ, такъ какъ ежедневно предсѣдательствовалъ въ разныхъ совѣтахъ и занимался съ отдѣльными государственными секретарями, особенно съ генералъ-контролеромъ. „Король одинъ управляетъ, писалъ о Людовикѣ XIV венеціанскій посланникъ въ 1674 г., и его власть абсолютна. Ни фаворитовъ, которые его отвлекали бы отъ выполненія своей задачи, ни братьевъ или принцевъ крови, съ которыми

онъ дѣлилъ бы власть и участіе въ государственномъ совѣтѣ, ни штатовъ или парламентовъ, которые сопротивлялись бы исполненію королевскихъ рѣшеній: все дышетъ однимъ и тѣмъ же подчиненіемъ".

Для Людовика XIV, какъ самъ онъ признавался, увеличеніе владѣній было „самымъ пріятнымъ, самымъ достойнымъ изъ занятій, существующихъ для государя. Трудно, писалъ онъ, удерживать возвышенное сердце: оно вполнѣ можетъ насытиться только славою. Я, говоритъ онъ еще, всегда пользовался своими удачами и своимъ благоразуміемъ, чтобы извлекать для себя выгоду изъ всѣхъ представлявшихся мнѣ случаевъ увеличивать свое государство на счетъ моихъ враговъ. Я весьма радъ, что справедливость открыла мнѣ двери славы и дала мнѣ случай показать всей землѣ, что на свѣтѣ есть еще король" .— „Нашимъ первымъ предметомъ, писалъ онъ также, должно быть сохраненіе нашей славы и нашей власти" (autorité).

Всѣ эти заявленія вполнѣ соотвѣтствуютъ легендарному „l'état c'est moi" и вполнѣ же оправдываютъ ту характеристику, которую сдѣлалъ его міросозерцанію Жюрье въ своихъ знаменитыхъ „Вздохахъ порабощенной Франціи" (1691). „Иногда говорятъ, писалъ онъ, о нуждахъ и потребностяхъ государства; во Франціи, не въ примѣръ прочимъ (rien de semblable), нѣтъ ни нуждъ, ни потребностей, да нѣтъ совсѣмъ и государства (point d'état). Когда-то государство было всюду, только и говорили, что объ интересахъ государства, о нуждахъ государства, о сохраненіи государства, о службѣ государству. Въ настоящее время такъ говорить значило бы буквально совершать оскорбленіе величества. Король занялъ мѣсто государства: теперь это — служба королю, интересъ короля, сохраненіе провинцій и имѣній короля; словомъ, король—все, а государство—ничто, и это не слова и термины только, но дѣйствительныя вещи (réalités): при дворѣ Франціи не знаютъ иного интереса, кромѣ личнаго интереса короля; это—идолъ, которому все приносится въ жертву". — „Король Франціи, писалъ еще Жюрье, не считаетъ себя связаннымъ какимъ-либо закономъ; его воля служитъ закономъ и усмотрѣнія (bon plaisir), и права; онъ увѣренъ, что обязанъ отчетомъ во своихъ поступкахъ только одному Богу; онъ убѣждаетъ себя въ томъ, что онъ безусловный господинъ надъ жизнью, свободою, имуществами, религіей, совѣстью своихъ подданныхъ,—правило,

которое заставляетъ насъ содрогаться и приводитъ въ ужасъ... Держать въ своихъ рукахъ жизнь людей, отнимать ее внѣ всякихъ формъ правосудія, похищать ихъ достояніе и дѣлаться его хозяиномъ, пользоваться надъ свободными личностями безграничною властью (empire sans borne) и обращать ихъ въ рабство—каждый содрогнется передъ такой идеей! Христіанскіе короли не могутъ съ нею примириться, и чтобы найти примѣры такой власти, находятъ нужнымъ выйти за предѣлы христіанскаго міра (christianisme) и направиться къ туркамъ, персамъ, татарамъ и монголамъ; но я васъ прошу, безпристрастно и ничего не преувеличивая, примите въ расчетъ то, что я вамъ доказалъ о власти королей Франціи и объ ихъ способѣ пользованія ею, и скажите, существуетъ ли какая-либо существенная разница между французскимъ владычествомъ и владычествомъ турецкаго султана".

Одно мнѣніе Людовика XIV вполнѣ приближало его къ азіатскому деспотизму. „Короли, говоритъ онъ, въ своихъ запискахъ, суть абсолютные господа и естественно имѣютъ полное право свободно распоряжаться всѣми имуществами, находящимися во владѣніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы употреблять ихъ во всякое время, подобно тому, какъ это дѣлаютъ умные хозяева, т.-е. сообразно съ общими нуждами ихъ государства. Все, что находится въ предѣлахъ ихъ государствъ, къ какому бы разряду вещей это ни относилось, принадлежитъ имъ на этомъ основаніи: и деньги, находящіяся въ ихъ казнѣ, и тѣ, какія имѣются въ рукахъ ихъ казначеевъ, и тѣ, которыя они оставляютъ въ оборотѣ своихъ подданныхъ". Когда на этотъ самый принципъ сослался одинъ французскій сановникъ въ разговорѣ съ англійскимъ дипломатомъ, доказывая, что французскій король неизмѣримо богаче англійскаго, то получилъ въ отвѣтъ такія слова: „неужели вы учились государственному праву въ Турціи"? [1]).

---

[1]) Въ книгѣ *Hitier* „La doctrine de l'absolutisme" есть отдѣлъ (стр. 205—215), посвященный „отрицанію права собственности" абсолютною королевскою властью во Франціи. Юристы доказывали, что королю принадлежитъ dominium directum (объ этомъ понятіи феодальнаго права см. „Помѣстье-государство", стр. 49—50). По отношенію ко всѣмъ землямъ, не исключая и алодовъ, бывшихъ изъятыми изъ правила: „nulle terre sans seigneur" (ср. „Помѣстье-государство" стр. 81). Право короля на полученіе поземельнаго налога выводилось изъ этой „directe universelle royale": ко-

Въ довершеніе всего Людовикъ XIV недалекъ былъ и отъ обожествленія своей власти. „Тотъ, писалъ онъ, кто далъ королей людямъ, желаетъ, чтобы насъ почитали, какъ его намѣстниковъ, себѣ одному предоставляя судить ихъ поведеніе. Воля Божія въ томъ, чтобы тотъ, кто родился подданнымъ, былъ въ безпрекословномъ повиновеніи. Въ христіанствѣ, прибавляетъ онъ, нѣтъ правила прочнѣе установленнаго, какъ смиренное подчиненіе властямъ предержащимъ“.— „Есть нѣкоторые случаи, разсуждалъ еще Людовикъ XIV, когда мы, такъ сказать, заступая мѣсто Бога, какъ бы раздѣляемъ вмѣстѣ съ нимъ всевѣдѣніе и всемогущество, какъ, наприм., въ распознаваніи умовъ, въ распредѣленіи должностей и въ раздачѣ милостей. Не благіе совѣты, не искусные совѣтники дѣлаютъ королей мудрыми; напротивъ, мудрость короля сама создаетъ хорошихъ министровъ и производитъ всѣ полезные совѣты, которые ему подаются“.

Вообще взглядъ на власть, какъ на божественное порученіе, красною нитью проходитъ черезъ цѣлый рядъ политическихъ трактатовъ эпохи. Уже Боденъ писалъ, что „на землѣ нѣтъ ничего болѣе высокаго послѣ Бога, какъ суверенные государи“, которые „имъ установлены въ качествѣ его намѣстниковъ (lieutenants) для того, чтобы управлять людьми“, и что если „кто оказываетъ неуваженіе своему суверенному государю, тотъ оказываетъ неуваженіе самому Богу, образомъ котораго (суверенный государь) является на землѣ“. Особенно эту идею проводилъ въ своей „Политикѣ, извлеченной изъ священнаго писанія“, извѣстный сподвижникъ Людовика XIV, епископъ города Мо, Боссюэтъ.

„Всякая власть (puissance), писалъ Боссюэтъ, происходитъ отъ Бога. Поэтому, государи дѣйствуютъ, какъ Божіи министры и замѣстители (lieutenants) Бога на землѣ. Черезъ нихъ Богъ и проявляетъ свою власть (empire). Поэтому королев-

---

роль, по этой теоріи, бралъ, въ сущности, то, что ему принадлежало. Соотвѣтственные девизы были: „omnia sunt principis“ и „omnia sunt regis“. По словамъ упоминавшагося выше Жюрьё (Soupirs de la France esclave), при Кольберѣ ставился вопросъ, не превратить ли всю поземельную собственность во Франціи въ королевскій доменъ, части котораго отдавались бы въ аренду, „кому заблагоразсудитъ дворъ, безъ вниманія къ давности владѣнія или наслѣдственнымъ и всякимъ другимъ правамъ“. Ср. выше, начало главы XII.

скій тронъ не есть тронъ человѣка, но престолъ (trône) самого Бога. Особа королей священна, и посягательство на нее есть святотатство (sacrilège). Они освящены (sacrés) самою своею должностью, какъ представители божественнаго величества (majesté divine), посланные Провидѣніемъ для исполненія его предначертаній. Въ силу этого почитаніе, оказываемое государю, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ религіозный характеръ (il y a quelque chose de religieux dans le respect qu'on rend au prince). Служеніе Богу и почитаніе королей—вещи между собою близкія (sont choses unies), ибо Богъ вложилъ въ государей нѣчто божественное (quelque close de divin). Слѣдуетъ повиноваться государямъ, какъ самой справедливости, безъ чего не можетъ быть ни складу, ни ладу (point d'ordre ni de fin) въ дѣлахъ. Они—боги и нѣкоторымъ образомъ участвуютъ въ божественной независимости. Только одинъ Богъ можетъ судить ихъ приговоры и ихъ самихъ. Единственно лишь государю принадлежитъ законное повелѣваніе (le commendement légitime), и только одному ему принадлежитъ также сила принужденія (la force coactive). Ему одному приличествуетъ общая забота о народѣ; это—первый членъ (article) и основа другихъ,... а потому нѣтъ власти, которая не зависѣла бы отъ его власти, не можетъ быть никакихъ собраній, какъ по его волѣ (autorité), и такимъ образомъ всю силу государства для его же блага соединяютъ въ одномъ. Величество (la majesté) есть образъ Божія величія (la grandeur) въ государѣ. Богъ безконеченъ, Богъ есть все. Государь, какъ таковой, не можетъ быть приравниваемъ къ частному лицу; это—общественная особа: все государство въ немъ, воля цѣлаго народа заключается въ его волѣ. Какъ въ Богѣ соединены всякое совершенство и всякая добродѣтель, такъ вся мощь (puissance) частныхъ лицъ соединена въ особѣ государя. Короли заступаютъ мѣсто Бога, который есть истинный отецъ человѣческаго рода, а потому королей создали по образцу отцовъ, и имя (названіе) короля есть имя (названіе) отца. Тѣ, которые думаютъ служить государству какъ-то помимо служенія и повиновенія государю присвоиваютъ себѣ часть королевской власти. Уваженіе, вѣрность и послушаніе, которыми люди обязаны по отношенію къ королямъ, не могутъ быть измѣняемы ни подъ какимъ предлогомъ: государству грозитъ опасность, и общественное спокойствіе утрачиваетъ всякую прочность, разъ будетъ дозволено ради чего бы то ни было противиться государямъ.

Святое помазаніе почіетъ на нихъ, и высокое служеніе (ministère), которое они отправляютъ во имя Бога, охраняетъ ихъ отъ всякаго дерзновенія. Такъ какъ королевскому достоинству присуща извѣстная святость (une sainteté inhérente au caractère royal), которая не можетъ быть стерта съ него никакимъ даже преступленіемъ, само общественное благо требуетъ, чтобы государь не былъ предметомъ презрѣнія. Явное нечестіе и даже преслѣдованія не исключаютъ обязанности подданныхъ повиноваться государямъ. Противъ насилій со стороны государей у подданныхъ есть только почтительныя представленія безъ дерзости (mutinerie) и ропота, да молитвы объ ихъ обращеніи на путь истинный".

Во второй половинѣ XVII в. и въ Англіи явился писатель, отстаивавшій божественность учрежденія королевской власти. Здѣсь еще съ среднихъ вѣковъ господствовала теорія ограниченной монархіи на договорномъ началѣ [1]), а въ эпоху великаго столкновенія между абсолютизмомъ и народными правами, которое называется названіемъ первой англійской революціей, возникла цѣлая политическая литература, проповѣдовавшая раздѣленіе властей и народовластіе [2]). Когда послѣ кратковременнаго существованія республики въ странѣ снова водворилась традиціонная монархія и послѣдняя, несмотря на урокъ, данный ей въ сороковыхъ годахъ XVII в., все-таки продолжала политику абсолютизма, между политическими людьми страны произошло раздѣленіе по вопросу, могутъ ли подданные распоряжаться короною государства, или она зависитъ всецѣло отъ милости божіей. Карлъ II не имѣлъ законныхъ дѣтей, и ему долженъ былъ наслѣдовать его братъ, герцогъ Іоркскій (впослѣдствіи Іаковъ II), но онъ былъ католикъ, т.-е. принадлежалъ къ вѣроисповѣданію, представители котораго не могли занимать въ Англіи никакихъ должностей: вотъ въ парламентѣ и образовалась партія, предлагавшая исключить герцога Іоркскаго изъ права наслѣдовать корону (эксклюзіонисты). Тогда оксфордскіе богословы стали опровергать ученіе этой партіи о существованіи между государемъ и народомъ договора, при нарушеніи котораго государемъ народъ можетъ отказать ему въ повиновеніи, и выдвинули тезисъ о правахъ короля на корону, какъ о дарѣ самого Бога.

---

[1]) Помѣстье-государство, гл. XVIII.

[2]) „Народно-правовое государство", стр. 86 и слѣд.

Это было въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка [1]), и къ этому же времени въ связи съ указаннымъ вопросомъ относится возникновеніе партій торіевъ и виговъ, изъ которыхъ первая стояла за божественное право, вторая— за договоръ. Уже раньше французскій ученый Сомезъ (въ латинизированной формѣ Салмазій) въ своей „Защитѣ Карла I", ссылаясь на Библію, доказывалъ, что королевская власть имѣетъ божественное происхожденіе, и это вызвало одно изъ полемическихъ сочиненій Мильтона, стоявшаго за идею народовластія, а въ 1680 г., въ самый разгаръ спора объ устраненіи герцога Іоркскаго, вышла въ свѣтъ книга, написанная еще въ эпоху республики, т.-е. по крайней мѣрѣ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, но какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшая моменту. Авторомъ книги былъ нѣкто Фильмеръ, называлась же она „Патріархъ, или естественная власть королей". Это— богословскій трактатъ о богоустановленности королевскаго сана. По теоріи Фильмера,—которому потомъ возражали Альджернонъ Сидней и Локкъ,—Богъ еще въ раю далъ Адаму власть надъ Евою, а потомъ и надъ ихъ дѣтьми; затѣмъ эта власть переходила отъ старшаго сына къ старшему же сыну, но когда возникло много народовъ, она стала принадлежать въ каждомъ народѣ старшему въ немъ, т.-е. патріарху: короли и суть истинные преемники патріарховъ, и имъ принадлежатъ всѣ права отцовъ надъ ихъ дѣтьми. Избраніе королей поэтому Фильмеръ считалъ противнымъ волѣ Божіей: вѣдь и въ Библіи перваго еврейскаго царя Саула выбираетъ не народъ, а пророкъ господень, Самуилъ. Практическій выводъ былъ тотъ, что власть, имѣющая такое происхожденіе, не можетъ подчиняться человѣческимъ законамъ и, слѣдовательно, не подлежитъ никакому ограниченію, даже въ томъ случаѣ, еслибы самъ король далъ клятву соблюдать какія-либо условія. Фильмеръ не отрицалъ парламента, но допускалъ его существованіе лишь въ видѣ уступки, обязанной своимъ происхожденіемъ исключительно королевской милости.

Совсѣмъ въ кругъ иныхъ идей вводитъ насъ въ той же серединѣ XVII в. политическое ученіе Гоббза въ сочиненіяхъ

---

[1]) Актъ о присягѣ, исключавшій католиковъ изъ права занимать должности, былъ изданъ въ 1673 г., вопросъ объ устраненіи герцога Іоркскаго поднятъ въ 1679 г., осужденіе ученія о договорномъ происхожденіи королевской власти было торжественно провозглашено въ 1683 г.

котораго „О гражданинѣ“ (1642) и „Левіаѳанъ“ (1651) дана самая крайняя теорія абсолютной власти, но уже безъ всякой теологической окраски [1]).

Гоббзъ [2]) смотрѣлъ на человѣческую природу, какъ на эгоистическую по существу: въ естественномъ состояніи „человѣкъ для человѣка волкъ“ (homo homini lupus), откуда естественное состояніе есть „война всѣхъ противъ всѣхъ“ (bellum omnium contra omnes). Это, однако, противорѣчитъ инстинкту самосохраненія, а потому, ища мира, люди отказываются отъ своего права на все, перенося его на государство, которое возникаетъ путемъ договора, создающаго общее единеніе какъ бы съ единою волею: „государство, говоритъ Гоббзъ, есть единое лицо (civitas est persona una), воля котораго въ силу обязательствъ многихъ лицъ должна считаться волею всѣхъ, вслѣдствіе чего оно можетъ пользоваться силами и способностями отдѣльныхъ людей для общаго мира и защиты“. Лицо или учрежденіе (собраніе), волѣ котораго подчиняются люди, обладаетъ верховною властью, права же ея вездѣ одинаковы, какія различія ни существовали бы между государствами: она выше законовъ, безотвѣтственна и безнаказанна, безгранична или абсолютна. Она, по ученію Гоббза, должна быть едина, а потому смѣшанному правленію не должно быть мѣста, равно какъ и раздѣленію властей (о которомъ уже говорилось въ эпоху первой англійской революціи), такъ какъ раздѣленіе властей ведетъ къ безначалію. Съ этой точки зрѣнія лучшая форма правленія—монархія, ибо въ ней единое лицо (король) является какъ бы воплощеніемъ самого народа. Всѣ свои права подданные получаютъ отъ государства, по отношенію къ которому у нихъ самихъ не можетъ быть никакихъ правъ. Лишь государство создаетъ право собственности, такъ какъ въ естественномъ состояніи собственности нѣтъ, разъ у каждаго каждый можетъ все отнять, но если собственность является установленіемъ государства, то послѣднее можетъ ее и отнимать. Далѣе, въ естественномъ состояніи люди могутъ еще имѣть собственное сужденіе о добрѣ и злѣ, но въ государственномъ быту правила добра и зла опре-

---

[1]) По вопросу о происхожденіи теоріи божественнаго права см. выше, въ гл. III.

[2]) Въ 1907 г. вышелъ посмертный трудъ *В. Г. Камбурова* „Идея государства у Гоббза“.

дѣляются закономъ, подданные же не должны воображать, будто они имѣютъ право по-своему разсуждать объ этихъ вещахъ. Они никогда не совершатъ грѣха, если только будутъ исполнять велѣнія власти, ибо кто сочтетъ исполненіе одного изъ такихъ велѣній грѣхомъ, тотъ, значитъ, присвоитъ себѣ непринадлежащее ему право судить о добрѣ и злѣ. Государство является у Гоббза и единственнымъ правомѣрнымъ истолкователемъ естественнаго закона, въ которомъ проявляется воля Божія, и то же самое относится и къ откровенной религіи: если предоставить право ее толковать каждому вѣрующему, выйдетъ одна анархія, а потому слѣдуетъ предоставить это право церкви, но и сама церковь отнюдь не должна обладать независимою верховною властью, потому что иначе въ обществѣ было бы два государства, что равнымъ образомъ было бы равносильно анархіи: выводъ—тотъ, что и въ данной области компетентно лишь одно государство.

Вотъ остовъ всего политическаго ученія Гоббза. Въ этомъ ученіи государство становится настоящимъ Левіаѳаномъ, громаднымъ чудовищемъ [1]), вполнѣ поглощающимъ гражданъ, становится настоящимъ „смертнымъ богомъ", какъ выражается самъ философъ (haec est generatio magni illius Leviathan vel, ut dignius loquar, mortalis Dei). Дѣло, какъ мы видѣли, не въ формѣ правленія, по мнѣнію Гоббза, а въ томъ, что сущность государства вообще такова, что ему принадлежитъ надъ личностью гражданина безусловная и неограниченная, абсолютная власть. Можно было бы подумать, что Гоббзъ, подобно Платону [2]), стоитъ на точкѣ зрѣнія самодовлѣемости государства, но онъ прямо заявляетъ, что „государство установлено не ради самого себя, а ради гражданъ" (civitas non sui, sed civium causa instituta est), и, по мнѣнію Гоббза, правители поступали бы противъ закона природы, если бы не заботились о благѣ гражданъ. Люди, по Гоббзу, добровольно соединились въ государства, „чтобы имѣть возможность жить наиприятнѣйшимъ образомъ" (ut possent jucundissime vivere), но это у него и осуществляется лишь

---

[1]) Левіаѳанъ упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ Библіи. Гоббзъ, однако, не считалъ своего Левіаѳана естественнымъ организмомъ: для него, это—произведеніе искусства (opificium artis) и даже какъ бы искусственный человѣкъ (homo artificialis).

[2]) Государство-городъ, стр. 218 и слѣд.

установленіемъ абсолютной власти (imperium absolutum). Послѣднюю Гоббзъ опредѣляетъ, какъ таковую, „больше которой людьми по праву не можетъ быть создано, больше которой никто изъ смертныхъ не можетъ имѣть по отношенію къ самому себѣ“, и которая съ полнымъ правомъ всѣмъ распоряжается по своему усмотрѣнію (suo arbitrio).

Такое верховенство государства у Гоббза, какъ мы видѣли, лучше всего осуществляется при единоначаліи, но онъ не дѣлаетъ, какъ это цѣлали другіе [1]), различія, между королевскою (царскою) властью и тираннiей, говоря, что это вовсе не два разныхъ рода государства (non sunt diversi civitatis status regnum et tyrannis), „но одному и тому же монарху дается имя короля ради почета и тиранна въ видѣ брани“. И вотъ какъ Гоббзъ, доказываетъ, что монархъ можетъ быть признанъ за воплощеніе самого народа. „Люди, говоритъ онъ, недостаточно дѣлаютъ различіе между народомъ и толпой (multitudo). Народъ есть нѣчто единое, имѣющее единую волю и такое, чему можетъ быть приписано единое дѣйствіе. Въ каждомъ государствѣ царствуетъ народъ (populus in omni civitate regnat). Въ демократіи и аристократіи граждане составляютъ толпу, народомъ же является курія“ (sed curia est populus), т.-е. народное собраніе или сенатъ. „И въ монархіи, продолжаетъ Гоббзъ, подданные суть толпа, а (хотя это парадоксально) король есть народъ (rex est populus)“. Признавая власть государства вообще неограничимой ни въ смыслѣ самоограниченія, ни въ смыслѣ признанія за гражданами неотчуждаемыхъ правъ, Гоббзъ эту абсолютную власть цѣликомъ и безъ остатка переноситъ на монарха, который, по его мнѣнію, тоже долженъ быть неограниченнымъ: ограничить власть государя можетъ только другая, еще выше стоящая власть (si potestas ejus limitaretur, necesse est ut id fiat a majori potestate), а она вѣдь, въ сущности, и была бы опять неограниченною властью государства. Гоббзъ считалъ основою всѣхъ бунтовщическихъ ученій (doctrinarum quae ad seditionem disponunt una et prima haec est) мнѣніе, что частныя лица могутъ сами разсуждать о добрѣ и злѣ: мы видѣли уже, что, по Гоббзу, государь (или государство) является законодателемъ и въ нравственныхъ вопросахъ. По

---

[1]) Государство-городъ, стр. 108 и слѣд.,—Монархіи, стр. 143, 259 и слѣд., 376 и слѣд.—Помѣстье-государство, стр. 216—217.

отношенію къ гражданамъ верховная власть не можетъ дѣлать несправедливостей, или вѣрнѣе, граждане не могутъ считать дѣйствія „того, кто имѣетъ высшую власть, т.-е. государства“ по отношенію къ себѣ несправедливыми; поэтому, что ни дѣлаетъ государство, люди должны это признавать справедливымъ, хотя бы дѣло доходило до оскорбленія самого Бога. Правда, Гоббзъ иногда дѣлалъ частныя оговорки, когда не умѣлъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, но именно несмотря на то, что онъ по временамъ упоминаетъ о Богѣ, англійскій парламентъ осудилъ его ученіе, и автору „Левіаѳана“ пришлось оправдываться отъ обвиненія въ атеизмѣ: „смертный богъ“, т.-е. государство стоялъ у него выше „Бога безсмертнаго“, хотя онъ и заявлялъ противное [1]).

Гоббзъ, какъ извѣстно, во время первой англійской революціи симпатизировалъ королевской партіи (кавалерамъ) и нѣкоторое время жилъ при дворѣ будущаго Карла II, но англійскіе роялисты относились къ нему неблагосклонно за его религіозное свободомысліе: будущій Карлъ II по настоянію духовенства въ концѣ концовъ его отъ себя даже удалилъ; Фильмеръ, о которомъ была уже рѣчь [2]), соглашаясь съ идеей Гоббза о неограниченности королевской власти, находилъ ересь въ его ученіи о томъ, что основою этой власти является воля народа, а не воля Божія; вскорѣ послѣ осужденія „Левіаѳана“ парламентомъ (1666) кембриджскій университетъ отнялъ дипломъ баккалавра у одного изъ своихъ членовъ, раздѣлявшихъ ученіе Гоббза о необходимости повиноваться государственной власти даже въ томъ случаѣ, когда она требуетъ чего-либо противнаго божественнымъ заповѣдямъ. Съ другой стороны, идеи, выраженныя въ „Левіаѳанѣ“, были какъ бы оправданіемъ возникавшей въ то время (1651) диктатуры Кромвеля, и самъ Гоббзъ говорилъ въ эпоху протектората Кромвеля (1656), что его книга расположила немало англичанъ къ добросовѣстному повиновенію существующей власти [3]).

---

[1]) Въ приведенномъ выше (стр. 335) мѣстѣ, гдѣ говорится о „смертномъ богѣ“, прибавлено: „cui pacem et protectionem sub Deo immortali debemus“.

[2]) См. выше, стр. 333.

[3]) Трактатъ Гоббза „De cive“ дважды (1649 и 1660) переводился на

Что государство должно существовать для общаго блага, это—такая простая истина, что считалась понятною сама собою и даже высказывалась самыми крайними абсолютистами, причемъ и правительство разсматривалось, какъ подчиненный общему благу органъ государства. „Цѣль правительства, говоритъ Боссюэтъ, есть благо и сохраненіе государства“.— „Мы, писалъ Людовикъ XIV, должны смотрѣть на благо нашихъ подданныхъ гораздо больше, чѣмъ на наше собственное. Повиновеніе и почтеніе, оказываемые намъ нашими подданными, не простой даръ (don gratuit), который они намъ приносятъ, но возмѣщеніе (échange) за правосудіе и покровительство, которыя они желаютъ отъ насъ имѣть. Какъ они обязаны насъ уважать, такъ и мы должны ихъ охранять и защищать“. Общее благо называлось еще государственною необходимостью,—переводя этимъ выраженіемъ итальянское „ragione di stato“ и французское „raison d'état“, или „maximes d'état“. Это чрезвычайно гибкое и растяжимое понятіе, подъ покровъ котораго нерѣдко устремлялись всѣ злоупотребленія властью, мы находимъ одинаково и у Маккіавелли, и у Ришелье, и у Гоббза, и очень хорошее опредѣленіе „raison d'état“ было дано въ серединѣ XVII в. однимъ французомъ: „excessus juris communis propter bonum commune“.

Теорія общаго блага, какъ цѣли государства, оказала очень большое вліяніе на внутреннюю политику абсолютной монархіи, ибо давала государямъ принципъ, на который можно было ссылаться въ борьбѣ съ обветшалыми формами жизни, дѣйствительно противорѣчившими общему благу, съ другой же стороны, она ставила передъ правительствами самыя широкія, по истинѣ универсальныя задачи, для осуществленія которыхъ оказывалась нужною неограниченная власть, пользующаяся самыми разнообразными средствами воздѣйствія на жизнь. Во имя этого же самаго общаго блага теорія требовала, чтобы проводилась рѣзкая разграничительная черта между

французскій языкъ, и переводчики хвалили его ученіе именно съ точки зрѣнія его выгоды для абсолютизма. Одинъ изъ нихъ въ посвященіи королю говоритъ: „я осмѣлился бы утверждать, государь, что если бы вашему величеству было благоугодно, чтобы нѣкоторые вѣрноподданные профессора читали въ вашихъ владѣніяхъ этотъ переводъ, или другой, лучшій, чѣмъ этотъ, то во все ваше царствованіе въ государствѣ не увидятъ ни заговоровъ, ни бунтовъ“.

управляемыми („народомъ") и управляющими („государствомъ"), самое же право опредѣленія, въ чемъ заключается общее благо, и какими средствами нужно пользоваться для его достиженія, предоставлялось одному правительству: подданные, сохраняя за собою общегражданскія права свободныхъ людей, во всемъ остальномъ, уже выходящемъ за предѣлы частныхъ взаимоотношеній, должны были—опять-таки ради общаго блага—безпрекословно повиноваться велѣніямъ государственной власти. Разъ осуществленіе высшей цѣли государства мыслилось, какъ исключительное право государя, то тѣмъ самымъ требовалось сосредоточеніе въ немъ всей власти государства надъ его подданными, что не могло, въ сущности, не привести къ совершенному отожествленію государственнаго суверенита съ разумомъ, совѣстью и волею монарха, отъ личнаго усмотрѣнія котораго зависѣло и то, когда ему смотрѣть на свои дѣйствія, какъ на дѣйствія государя, и когда видѣть въ нихъ поступки просто человѣка.

Въ упомянутомъ раздѣленіи общества на правительство съ неограниченною властью и на безправныхъ (въ публичныхъ, конечно, отношеніяхъ, а не въ частныхъ) подданныхъ какъ бы заключалось требованіе полнаго уничтоженія всякихъ самобытныхъ, независимыхъ отъ государства союзовъ, которые играли такую важную роль въ средневѣковой жизни, союзовъ подобныхъ ремесленнымъ цехамъ, купеческимъ гильдіямъ, городскимъ общинамъ, сословнымъ корпораціямъ, ибо всѣми ими преслѣдовались частныя цѣли, а не общее благо, и они своими правами и привилегіями ограничивали всемогущество, на которое претендовало государство [1]). Общество, взятое въ цѣломъ, пользовалось недовѣріемъ абсолютизма, который могъ допускать общественныя соединенія лишь тогда, когда они существовали съ его разрѣшенія (наприм., торговыя компаніи), или когда само государство находило нужнымъ извѣстное общественное управленіе, какъ одну изъ формъ отбыванія государственной повинности, отнюдь не въ смыслѣ самостоятельнаго завѣдованія тою или другою группою ея собственными дѣлами. Въ идеѣ такое пониманіе власти и народа, устранявшее всякое средостѣніе между государствомъ

---

[1]) Изъ подобныхъ же соображеній вытекало нерасположеніе, въ эпоху французской революціи, учредительнаго собранія къ корпоративному началу. „Народно-правовое государство", стр. 208.

и отдѣльнымъ подданнымъ въ видѣ тѣхъ или иныхъ самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ влекло за собою два логическія слѣдствія, которыя можно назвать „распыленіемъ“ (или атомизаціей) общества на несвязанныя между собою человѣческія единицы и уравненіемъ (или нивелляціей) отдѣльныхъ его классовъ передъ лицомъ государства. Эти логическія требованія системы абсолютная монархія осуществляла на практикѣ только отчасти, но теорія государственности въ данномъ случаѣ у абсолютизма (особенно у просвѣщеннаго абсолютизма) была та же, что и у французской революціи.

По теоріи абсолютизма предполагалось, что правительство лучше, чѣмъ подданные, можетъ судить объ этомъ благѣ, а потому частнымъ лицамъ остается не только повиноваться велѣніямъ власти, но и признавать за ними разумность, справедливость и полезность, лишь бы власть предъявляла свои требованія во имя общаго блага. „Подданные, говоритъ Вольфъ, должны быть готовыми и охочими (bereit und willig) дѣлать то, что власть находитъ хорошимъ для общаго благополучія“. Съ этой точки зрѣнія важнѣйшими добродѣтелями гражданина почитались повиновеніе властямъ предержащимъ, преданность и вѣрность, готовность къ исполненію долга и самопожертвованіе. И все это должно было совмѣщаться съ гражданскою свободою, ибо повиновеніе должно было быть добровольнымъ, какъ основанное на обоюдномъ договорѣ монарха и подданныхъ, договорѣ, лежащемъ въ самой основѣ государства, какъ, по опредѣленію Гуго Гроція, „совершеннаго соединенія свободныхъ людей и общенія ради пользованія правомъ и общей выгоды“.

Нужно еще прибавить, что у теоретиковъ абсолютизма въ XVIII в. общее благо понималось не въ смыслѣ могущества государства, а въ смыслѣ благосостоянія всего общества, какъ совокупности отдѣльныхъ лицъ, обладающихъ, по самой сущности человѣческой природы, извѣстными естественными правами: общимъ благомъ въ этомъ пониманіи было то, осуществленіе чего требовалось естественнымъ правомъ, нѣчто само по себѣ разумное, справедливое, полезное, и въ этомъ отношеніи нѣмецкіе политическіе писатели XVIII в., особенно напиравшіе на естественное право, до извѣстной степени являлись предшественниками составителей „деклараціи правъ человѣка и гражданина“. Все различіе въ томъ, что составители этой деклараціи видѣли гарантіи личныхъ правъ

въ самодержавіи народа и раздѣленіи властей [1]), тогда какъ публицисты, о которыхъ идетъ рѣчь, признавали, что то же самое достигается при сосредоточеніи всей полноты государственной власти въ лицѣ монарха. Нужно только, думали нѣмецкіе теоретики абсолютизма, чтобы монархъ былъ надлежащимъ образомъ воспитанъ для той роли, какую ему приходится играть въ государствѣ, роль же эта, какъ выражается одинъ современный ученый, понималась въ смыслѣ роли „машиниста при машинѣ, которая создана общественнымъ договоромъ и двигается стремленіемъ индивидуума къ его же собственному благу" [2]). Все искусство управленія, въ сущности, — весьма простое искусство: это лишь умѣніе охранять все то, что принадлежитъ человѣку по естественному праву, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы вездѣ господствовали порядокъ и дисциплина. Вслѣдствіе этого на самомъ дѣлѣ свобода и равенство въ пониманіи абсолютистовъ были лишь свобода и равенство подданныхъ, а не гражданъ, т.-е. содержаніе этихъ понятій было только отрицательнымъ, а проявленіе того и другого въ дѣйствительной жизни совершенно пассивнымъ. Все дѣло было въ воспитаніи и просвѣщеніи подданныхъ, въ опекѣ надъ ними и регламентаціи ихъ жизни: въ этомъ и заключалось возведеніе на степень абстрактной политической идеи историческаго „полицейскаго государства", этого, какъ выразился о немъ нѣмецкій ученый середины XIX в. (Лоренцъ Штейнъ) „Zwangsanstalt für das Glück der Völker", т.-е. принудительнаго заведенія для счастья народовъ.

Въ нѣмецкой публицистикѣ XVIII в. была весьма сильна тенденція вывести абсолютную монархію изъ естественнаго права. Наиболѣе рельефнымъ выразителемъ этой теоріи былъ извѣстный Христіанъ Вольфъ, исходившій изъ той идеи, что люди, не будучи вообще настолько разумными и умѣлыми, чтобы осуществить своими собственными силами общее благо-

---

[1]) „Народно-правовое государство", гл. IX.

[2]) *М. А. Рейснеръ.* Общественное благо и абсолютное государство (1902), стр. 74. Авторъ, пользуясь критикою современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, правильно указываетъ на то, что въ такомъ пониманіи государство являлось не „корпораціей", а „учрежденіемъ", которое „управляется не само, а только при помощи чужой воли и получаетъ свои силы и средства извнѣ" (стр. 86—87): соотвѣтственные нѣмецкіе термины суть „Verein" (союзъ) и „Anstalt" (заведеніе).

получіе и общую безопасность, нашли нужнымъ, чтобы „эта забота была поручена извѣстнымъ лицамъ, а на другихъ возложена была обязанность дѣлать все, что тѣ находятъ нужнымъ для поддержанія указанныхъ намѣреній“. „Одни, — говоритъ Вольфъ, — были названы властями (Oberkeiten), другіе — подданными, а посему власти суть лица, которымъ принадлежитъ забота объ общемъ благополучіи и безопасности, тогда какъ поданные суть лица, которыя обязались (sich verbindlich gemacht haben) допустить волю правительства (der Oberkeit) сдѣлать своею волею“. По этой теоріи, между государемъ-опекуномъ, въ распоряженіе коего отдаетъ себя народъ, и послѣднимъ существуетъ договоръ (es ist demnach zwischen der Oberkeit und der Unterthanen ein Vertrag).

На точкѣ же зрѣнія естественно-правового и договорнаго происхожденія государства стоялъ равнымъ образомъ и „король-философъ“, Фридрихъ II, бывшій авторомъ цѣлаго ряда трактатовъ съ политическимъ содержаніемъ [1]). Извѣстно, между прочимъ, что однимъ изъ первыхъ литературныхъ произведеній Фридриха II было опроверженіе „Государя“ Маккіавелли („Antimachiavel“), хотя на практикѣ рѣдко кто проводилъ маккіавелизмъ такъ послѣдовательно и такъ успѣшно, какъ именно король-философъ. Болѣе искреннимъ онъ былъ, когда заявлялъ о своемъ несогласіи съ ученіемъ о божественномъ происхожденіи королевской власти. „Вотъ въ чемъ, — писалъ онъ, будучи еще кронпринцемъ, — заблуждается бо̀льшая часть государей. Они воображаютъ, что Богъ нарочно и изъ особаго вниманія къ ихъ величію, благополучію и гордости создалъ ту массу людей, попеченіе о которой имъ ввѣрено, и что подданные предназначаются лишь къ тому, чтобы быть орудіями и слугами ихъ нравственной распущенности“. Когда много позднѣе Фридрихъ II полемизировалъ противъ политическихъ взглядовъ „Системы природы“ Гольбаха, онъ писалъ о послѣднемъ такъ: „нашъ врагъ королей увѣряетъ, что власть государей вовсе не имѣетъ божественнаго происхожденія, и мы отнюдь не намѣрены придираться къ этому пункту“. Фридрихъ II, какъ и полагается представителю раціонализма XVIII в., стоитъ на точкѣ зрѣнія чисто чело-

---

[1]) См. ихъ перечисленіе въ подстрочномъ примѣчаніи къ гл. XXII третьяго тома „Исторіи Западной Европы“.

вѣческаго происхожденія власти. „Народы,—писалъ онъ еще въ „Антимакіавелѣ“,—нашли нужнымъ ради спокойствія и сохраненія своего имѣть судей для разрѣшенія возникающихъ между ними тяжбъ и защитниковъ, которые охраняли бы ихъ отъ враговъ“, и вотъ „они избрали изъ своей среды тѣхъ, кого считали наиболѣе мудрыми, наиболѣе безкорыстными, наиболѣе человѣчными, наиболѣе храбрыми, чтобы эти люди ими управляли“. Эту основную мысль своего политическаго міросозерцанія Фридрихъ II повторялъ въ своихъ политическихъ трактатахъ и впослѣдствіи, но если онъ и находилъ, наприм., въ полемикѣ съ Гольбахомъ, что королевская власть должна быть наслѣдственною, нигдѣ въ пользу этого мнѣнія мы у него не находимъ аргументовъ. За то у него тотчасъ же являлись аргументы, какъ только онъ касался тезиса о необходимости неограниченности королевской власти: для него это — единственное условіе, при которомъ государь только и можетъ исполнять свои обязанности. Въ „Опытѣ о формахъ правленія и объ обязанностяхъ государей“ (1777) Фридрихъ II, между прочимъ, разсуждаетъ приблизительно такимъ образомъ. Только съумасшедшій можетъ представить себѣ людей, которые сказали бы одному изъ своей среды, что они ставятъ его надъ собою, такъ какъ имъ-де нравится быть рабами, и что потому они и даютъ ему право направлять ихъ мысли по своему усмотрѣнію; напротивъ, думаетъ Фридрихъ II, люди должны были сказать, что они нуждаются въ государѣ для поддержанія законовъ, которымъ хотятъ повиноваться, для мудраго ими управленія, для ихъ защиты, а за всѣмъ тѣмъ они должны были бы прибавить: „но мы требуемъ, чтобы ты уважалъ нашу свободу“.

Свобода, о которой говорилъ Фридрихъ II, была свобода только въ области вопросовъ мысли. Король-философъ уважалъ философію лишь до тѣхъ поръ, пока она не впутывалась въ политику. „Я, — заявлялъ онъ самъ, — покровительствую только такимъ свободнымъ мыслителямъ, у которыхъ приличныя манеры и разсудительные взгляды“ (idées raisonnables). „Философъ,—писалъ онъ еще,—не станетъ кричать, что все идетъ дурно, не показавъ, а какъ же можно было бы устроить все хорошо. Его голосъ не будетъ служить призывомъ къ неповиновенію, къ образованію союза недовольныхъ, предлогомъ для возстанія. Онъ съ уваженіемъ будетъ относиться къ обычаямъ, установленнымъ и освященнымъ на-

ціей, къ правительству, къ лицамъ, его составляющимъ и защищающимъ". Беря противъ Гольбаха подъ защиту старую французскую монархію, на которую тотъ нападалъ, Фридрихъ II приводилъ, между прочимъ тотъ аргументъ, что философъ заговорилъ бы совсѣмъ иначе, если бы попробовалъ управлять въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ хотя бы маленькимъ городкомъ, такъ какъ тогда научился бы лучше понимать людей, чѣмъ на основаніи всѣхъ чистыхъ своихъ умозрѣній. Вѣдь философы, какъ-никакъ, все-таки лишь частныя лица, которымъ не по плечу судить о государственныхъ дѣлахъ. „Неужели,— восклицаетъ король,— неужели, господинъ философъ, вы не знаете, что хорошій гражданинъ, долженъ уважать ту форму правленія, подъ которою живетъ? Или вамъ неизвѣстно, что частному лицу не подобаетъ оскорблять власти? Развѣ могутъ судить тѣхъ, кому дано править міромъ, неизвѣстные люди, стоящіе далеко отъ дѣлъ, видящія лишь совокупность событій, но не знающихъ, что же ихъ производитъ, т.-е. видящіе дѣйствія, но не понимающіе ихъ мотивовъ, черпающіе свои политическія свѣдѣнія изъ газетъ?"

Только правительство, по мнѣнію Фридриха II, можетъ знать, понимать, правильно судить въ государственныхъ дѣлахъ и надлежащимъ образомъ направлять ихъ теченіе. Онъ сравнивалъ государство съ машиною, главное, маховое колесо въ которой—королевская власть. „Король,—говоритъ онъ,— не деспотъ, руководящійся своимъ капризомъ: его нужно представлять себѣ, какъ центральную точку, къ которой сходятся всѣ линіи отъ окружности". И еще сравненіе: „государь для общества, имъ управляемаго, то же самое, что голова для тѣла; онъ долженъ смотрѣть, думать и дѣйствовать за все общество, дабы доставлять ему всѣ выгоды, какія оно только можетъ получить". Въ свое пониманіе взаимныхъ отношеній между властью и народомъ Фридрихъ II вносилъ и патріархальный взглядъ: монархъ—отецъ, подданные—его дѣти, „у нихъ добро и зло одни и тѣ же, ибо государь не можетъ быть счастливъ, когда несчастны его народы". Но чаще всего король-философъ называлъ государя слугою государства въ духѣ, между прочимъ, старой гогенцоллернской традиціи, которая заставляла отца Фридриха II видѣть въ прусскомъ королѣ, отвлеченно взятомъ, какое-то высшее существо, а въ себѣ, реальномъ королѣ, лишь его

фельдмаршала и министра финансовъ [1]). На первыхъ порахъ Фридрихъ II не нашелъ настоящаго слова для выраженія своей идеи и писалъ, что король долженъ быть „le premier domestique“ государства (domestique—домашняя прислуга [2]), но потомъ надлежащее слово было найдено: „le premier serviteur“, первый слуга государства. „Государь, — писалъ онъ въ уже называвшемся выше „Опытѣ“, — есть только первый слуга государства, обязанный поступать добросовѣстно, мудро и вполнѣ безкорыстно, какъ будто бы каждую минуту онъ долженъ былъ быть готовымъ дать отчетъ согражданамъ своимъ въ управленіи государствомъ“ [3]). Впрочемъ, государство было для Фридриха II до извѣстной степени и чѣмъ-то самодовлѣющимъ. Хорошее управленіе онъ уподоблялъ философской системѣ, гдѣ все между собою тѣсно связано логикой: именно, въ правительственной системѣ всѣ мѣропріятія должны быть хорошо обдуманы, „дабы финансы, политика и военное дѣло стремились къ одной и той же цѣли, которая заключается въ упроченіи (affermissement) государства и приращеніи (accroissement) его мощи“.

Эти же самыя идеи были положены въ основу „Всеобщаго земскаго права“, кодекса прусскихъ законовъ, начатаго,

---

[1]) Еще Великій Курфюрстъ однажды продиктовалъ своимъ сыновьямъ латинскую фразу, обѣщавъ награду за ея переводъ: „я такъ намѣренъ управлять государствомъ, дабы знать, что оно есть дѣло народа, а не мое частное“ (rem populi esse, non meam privatam). Самъ Фридрихъ II называлъ короля „первымъ судьей, первымъ генераломъ, первымъ финансистомъ и первымъ министромъ общества“.

[2]) Именно въ „Antimachiavel'ѣ“ читаемъ: „государь (le souverain), далеко не будучи абсолютнымъ господиномъ народовъ, находящихся подъ его владычествомъ (domination), является самъ только первымъ ихъ слугою“ (n'en est lui même que le premier domestique).

[3]) Въ теоріи и Іосифъ II видѣлъ въ себѣ только „управляющаго публичными доходами, на которомъ лежитъ обязанность давать отчетъ каждому плательщику доходовъ“. У него даже было, по одному извѣстію, въ мысляхъ опубликовать нѣчто въ родѣ знаменитаго неккеровскаго compte rendu, но это была лишь теорія, съ которой практика совершенно не совпадала, какъ и у Фридриха II. Если бы даже Іосифъ II на самомъ дѣлѣ сталъ отчитываться передъ своими подданными, они едва ли одобрили бы его хозяйничанье. *П. Митрофановъ*, стр. 370 и 453. Ср. выше, стр. 206, прим.

какъ мы знаемъ [1]), при Фридрихѣ II, но обнародованнаго только послѣ его смерти (1794). По удачному опредѣленію Сореля, это была „настоящая декларація правъ", только не человѣка и гражданина, а „государства и государя" [2]). Дѣло въ томъ, что теоретическія положенія „этатизма" и абсолютизма сплошь и рядомъ фигурируютъ въ общихъ и частныхъ законодательныхъ актахъ XVIII в. [3]).

Мы не разъ уже опредѣляли старый порядокъ, какъ соединеніе королевскаго абсолютизма съ привилегіями высшихъ сословій, въ особенности дворянства. Защитники абсолютной монархіи находили для нея, какъ мы видѣли, основанія и въ божественномъ, и въ естественномъ правѣ, рѣдко въ давности владѣнія, на которое только и могли, главнымъ образомъ, ссылаться защитники сословныхъ привилегій.

Первый теоретикъ новой конституціонной монархіи и родоначальникъ либерализма, Монтескьё въ соціальномъ отношеніи былъ представителемъ сословно-дворянскихъ воззрѣній и интересовъ. Его политическимъ идеаломъ въ настоящемъ была англійская конституція, въ которой онъ спеціально оправдывалъ наслѣдственно-аристократическую верхнюю палату, въ прошломъ же своей родины, Франціи, онъ симпатизировалъ сословной монархіи. Для него вообще монархія [4]) отличалась отъ деспотіи не только существованіемъ основныхъ законовъ и хранилища законовъ [5]), но и дворянства. „Гдѣ нѣтъ монарха, разсуждалъ онъ, тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ". Итакъ, по теоріи Монтескьё, дворянство и вообще сословность были необходимы для того, чтобы монархіи не дать выродиться въ деспотію. Признавая, что пружиною монархическаго устройства является чувство чести (l'honneur), онъ это чувство видѣлъ „помѣщеннымъ" въ дворянствѣ, въ смыслѣ именно желанія имѣть „предпочтенія и отличія". Для

---

[1]) См. выше, стр. 137.

[2]) Ср. изложеніе его принциповъ въ „Ист. Зап. Евр.", т. III, стр.

[3]) Изрядное количество такихъ заявленій собрано въ работѣ *Рейснера*, указанной на стр. 341; многое тоже въ книгѣ *Митрофанова* объ Іосифѣ II (см., напр., стр. 210—211 о политическихъ взглядахъ Іосифа II, стр. 259 и слѣд. о „теоретикахъ іозефинскаго абсолютизма" и др.).

[4]) Ср. ниже, въ гл. XXII.

[5]) См. выше, стр. 91.

сохраненія монархіи Монтескьё требовалъ отъ законовъ, чтобы они поддерживали благосостояніе и достоинство благороднаго сословія, указывая на необходимость наслѣдственности дворянскаго званія и привилегированнаго положенія дворянскихъ имѣній. „Дворянскія земли (les terres nobles, буквально: „благородныя земли [1]) должны пользоваться привилегіями, говоритъ онъ, какъ и лица благороднаго происхожденія. Нельзя отдѣлить достоинство монарха отъ достоинства его королевства, и равнымъ образомъ нельзя разлучить достоинство дворянина съ достоинствомъ его феода“. Французская аристократія старалась и исторически оправдать свои привилегіи. Лѣтъ за двадцать до „Духа законовъ“ Монтескьё Буленвилье написалъ книгу подъ заглавіемъ „Исторія стариннаго государственнаго устройства Франціи“, гдѣ проводилъ ту мысль, что привилегіи дворянства и приниженное состояніе третьяго сословія во Франціи суть законные результаты завоеванія галловъ франками: дворяне, это — потомки побѣдителей-франковъ, простолюдины — потомки побѣжденныхъ галловъ. Вообще, однако, литература въ духѣ сословныхъ привилегій поражаетъ своею скудостью въ количественномъ отношеніи и слабостью своихъ аргументовъ. Основывать сословныя привилегіи на спеціальной милости Божіей, какъ это дѣлалось по отношенію къ монархіи съ ея сакрально-мистическимъ характеромъ, не приходилось, и оставалось, такъ сказать, лишь примазываться къ монархіи, что мы и видимъ у Монтескьё съ его сословно-феодальнымъ соціальнымъ міросозерцаніемъ. Столь же трудно было вывести, какъ это дѣлалось съ монархіей, привилегіи дворянства и изъ договора, основавшаго государство. Оставалось или, по примѣру Буленвилье, ссылаться на завоеваніе, т.-е. на насиліе, или, не входя въ обсужденіе вопроса объ основѣ и происхожденіи дворянскихъ привилегій, принимать фактъ, какъ онъ есть, и на немъ строить свои заключенія. Такъ, между прочимъ, и поступилъ Монтескьё, мотивируя существованіе въ Англіи верхней палаты. „Въ каждомъ государствѣ, говоритъ онъ, есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствами и почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только (у каждаго) одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ раб-

---

[1]) См. выше стр. 277—278.

ствомъ, и у нихъ не было бы интереса ее защищать, такъ какъ бо̀льшая часть рѣшеній была бы противъ нихъ". Отсюда—необходимость второй палаты и наслѣдственности привилегій: „необходимо, говоритъ Монтескьё, чтобы корпорація знати имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ прерогативъ, ненавистныхъ самихъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ большой опасности". Итакъ, существуетъ дворянство, его привилегіи ненавистны (не для автора), и сохранить ихъ можно въ свободномъ государствѣ лишь при такомъ-то условіи,—вотъ сущность приведеннаго разсужденія Монтескьё. Настоящая теоретическая защита сословнаго строя съ принципіальныхъ точекъ зрѣнія началась лишь въ эпоху реакціоннаго абсолютизма, когда революція уже успѣла сдѣлать свое разрушительное дѣло по отношенію къ сословнымъ привилегіямъ [1]).

Къ чести Монтескьё нужно сказать, что въ его пониманіи дворянство никоимъ образомъ не должно было быть слѣпымъ орудіемъ власти, чему противорѣчило бы присущее, по его мнѣнію, благородному сословію чувство чести. Разбирая вопросъ, имѣетъ ли право гражданинъ отказываться отъ предлагаемой ему должности, отъ рѣшаетъ его на-двое для республикъ и монархій: въ республикѣ предложеніе должности есть знакъ довѣрія къ доблести (vertu) гражданина, обязаннаго жить, дѣйствовать и думать только ради отечества, въ монархіи же это — свидѣтельство чести, чувство же чести обладаетъ страннымъ свойствомъ (bizarrerie) принимать лишь то, что хочетъ, и тѣмъ способомъ, какъ хочетъ. Отсюда тотъ выводъ, что въ монархіи отказъ отъ предлагаемой должности допустимъ, разъ человѣкъ полагаетъ, что должность ниже его достоинства, и здѣсь уже нѣтъ безусловнаго повиновенія власти. Между прочимъ, Монтескьё приводитъ гордый отвѣтъ одного французскаго дворянина XVI в. королю, что онъ не можетъ на себя взять должности палача [2]).

Настоящіе защитники сословнаго начала были, въ сущности, противниками абсолютизма, признававшаго права только за собою и за тѣми, кому право дается или за кѣмъ признается по милости государя. Для эпохи, когда демократическій принципъ существовалъ лишь въ литературѣ только

---

[1]) О послѣднемъ „Народно-правовое государство", гл. XI.

[2]) Дѣло относится къ исторіи Варѳоломеевской ночи.

въ видѣ отвлеченной идеи, сословный строй мыслился, какъ единственная реально существующая форма общественнаго самоуправленія. Съ этой точки зрѣнія отстаивалъ сословность баронъ Штейнъ, прусскій министръ-реформаторъ, освободившій крестьянъ въ Пруссіи, приступившій къ введенію въ ней самоуправленія, большой врагъ всякаго абсолютизма, хотя бы и просвѣщеннаго, врагъ и бюрократическаго режима, хотя бы самаго благожелательнаго. Сословное чувство соединялось въ немъ именно съ сознаніемъ не только особыхъ правъ, но, равнымъ образомъ, и особыхъ обязанностей дворянства, хотя это была личная его особенность, а не общая черта теоретиковъ и въ особенности практиковъ сословности. Вообще Монтескье и Штейновъ было мало въ дворянскомъ обществѣ, гдѣ господствовала, наоборотъ, старая, какъ міръ [1]), теорія бѣлой кости и голубой крови, теорія, по которой, говоря словами одного австрійскаго аристократа XIX в., человѣкъ начинался только съ барона, и по которой самимъ Богомъ такъ устроено, чтобы подлый народъ существовалъ для благороднаго дворянства.

Одною изъ привилегій дворянъ-землевладѣльцевъ было право на даровой трудъ крестьянъ и на власть даже надъ ихъ личностью. Крѣпостничество имѣло тоже своихъ теоретиковъ, которые не всегда защищали его съ обветшалыхъ феодально-аристократическихъ точекъ зрѣнія, но и прибѣгали къ новымъ, раціоналистическимъ аргументамъ. Теорія, выводившая государство изъ изначальнаго общественнаго договора, бралась иногда выводить изъ того же самаго договорнаго источника, только не общественнаго, а частнаго характера, и крѣпостныя отношенія. Знаменитый юристъ и публицистъ XVII в. Пуфендорфъ, никакъ не могшій справиться съ подведеніемъ Священной Римской имперіи германской націи подъ какую-либо государственно-правовую категорію (такъ „чудовищно" было для него ея устройство), не только не находилъ чудовищною власть человѣка надъ человѣкомъ, но брался объяснить ее изъ естественнаго права. По его теоріи, крестьяне сами закрѣпощались, нуждаясь какъ въ защитѣ сильныхъ и богатыхъ людей такъ и въ пропитаніи, которое отъ нихъ лишь и могли получить, и крѣпостное состояніе оказывалось не чѣмъ инымъ, какъ обязательствомъ платить постоян-

---

[1]) Ср. Государство-городъ, стр. 32.

ными услугами за постоянное и вѣрное пропитаніе по формулѣ: „do alimenta perpetua, ut praestes operas perpetuas“ (даю тебѣ постоянный прокормъ, чтобы ты давалъ постоянныя работы). Значитъ, источникъ крѣпостничества—въ договорѣ, причемъ послѣдній влекъ за собою тѣ же послѣдствія и для потомства закрѣпостившагося: такъ какъ землевладѣлецъ прокармливаетъ не только работающихъ на него родителей, но и ихъ дѣтей, до извѣстнаго возраста получающихъ пищу отъ землевладѣльца совершенно даромъ, то кабала распространяется и на дѣтей, и на внуковъ и т. п. крѣпостного крестьянина. Гдѣ, какъ во Франціи, крѣпостное состояніе существовало только въ видѣ исключенія, сеньёрьяльныя права объяснялись тоже изъ когда-то заключенныхъ договоровъ между землевладѣльцами; во Франціи это ученіе, весьма распространенное между „февдистами“ (знатоками феодальнаго права), получило, такъ сказать, оффиціальную санкцію парламентовъ.

Разъ зашла рѣчь о крѣпостничествѣ, интересно поставить вопросъ, признавали ли теоретики абсолютизма,—особенно въ XVIII в., когда процвѣтала идея просвѣщеннаго абсолютизма,—право за государственною властью освободить крѣпостныхъ. Логически разсуждая, мы должны были бы предположить, что вопросъ долженъ былъ рѣшаться въ положительномъ смыслѣ: королевская власть признавалась неограниченною, и воля государя—закономъ; эта власть и содержащееся въ ней законодательное право разсматривались, какъ установленныя для общаго блага и обереганія естественныхъ правъ подданныхъ, и съ этой точки зрѣнія, крѣпостное состояніе, являющееся нарушеніемъ общаго блага и естественнаго права, должно было быть безусловно отмѣнено. Такъ и смотрѣлъ на дѣло Іосифъ II [1]), но въ громадномъ большинствѣ случаевъ силу имѣло другое разсужденіе, лежавшее въ основѣ взгляда, по которому отмѣна была бы нарушеніемъ законно пріобрѣтенной частной собственности. Самъ Вольтеръ, другъ и защитникъ просвѣщеннаго абсолютизма [2]), иронически писавшій по поводу крѣпостныхъ монастыря св. Клавдія, что съ ихъ свободой придется подождать нѣсколько столѣтій, пока государство не расплатится съ долгами и у него не

---

[1]) См. въ главѣ XIX.

[2]) См. въ главѣ XIX.

явятся лишнія деньги для выкупа крѣпостныхъ, самъ же Вольтеръ, говорившій, что лишь тогда повѣритъ въ божественное право рыцарей, когда увидитъ ихъ рождающимися со шпорами, а крестьянъ — съ сѣдлами на спинахъ, даже онъ не становился въ этомъ вопросѣ на правильную, какъ мы теперь всѣ думаемъ, точку зрѣнія. „Справедливость, — писалъ онъ въ отвѣтъ на запросъ петербургскаго Вольно-Экономическаго Общества, — справедливость требуетъ, чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ, первыхъ — потому, что церковь не должна ихъ имѣть, вторыхъ же потому, что отъ этого онъ только выигрываетъ, создавая себѣ дѣятельныхъ подданныхъ и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Что касается сеньёровъ, продолжаетъ Вольтеръ, которымъ давнее пользованіе предоставило крестьянъ во власть, то, кажется, нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить существо ихъ наслѣдственнаго владѣнія. Они должны имѣть право освобождать ихъ по собственному своему усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло — послѣдовать ли примѣру государя: они могутъ быть приглашаемы къ этому, но не должны быть обязываемы“. Эту точку зрѣнія усвоилъ и эдиктъ Людовика XVI, освобождавшій во Франціи послѣднихъ доманіальныхъ сервовъ (1779).

Закончимъ эту главу бѣглымъ взглядомъ на защиту абсолютизма и сословности въ XIX в.

Когда въ началѣ XIX в. произошла реакція противъ французской революціи и тѣсно связаннаго съ нею политическаго направленія Наполеона I, цѣлый рядъ писателей выступилъ на защиту абсолютизма и притомъ не столько на основаніи философскихъ принциповъ XVII—XVIII вв., сколько на основаніи средневѣковаго теологическаго міросозерцанія.

Въ первой трети XIX в. Людвигъ Галлеръ нападалъ, какъ на революціонное ученіе, на теорію естественнаго состоянія и договорнаго происхожденія государства. По естественному закону, установленному Богомъ, власть принадлежитъ сильнѣйшему, а слабѣйшій долженъ повиноваться. Злоупотребленія власти могутъ быть сдерживаемы лишь заповѣдями Божіими, установленіе же народнаго контроля надъ властью есть, въ сущности, установленіе новой власти, надъ которою нужно было бы установить еще контроль и т. д. до безконечности. Право государей на власть есть ихъ собственность, полученная ими по милости Божіей, отнюдь не отправленіе

ими общественной должности, ибо взглядъ на власть, какъ такое отправденіе, ведетъ или къ деспотизму, оправдывающему всѣ дѣйствія правителя, какъ представителя „общаго блага“, или къ революціи, приписывающей верховную власть народу, который вручаетъ ее государю. У подданныхъ, въ качествѣ ихъ собственности, тоже есть самостоятельныя права, но это не „естественныя права“ философіи XVIII в., а исторически сложившіяся права сословій, корпорацій и т. п. Идеалъ Галлера близко подходилъ къ средневѣковому вотчинному княжеству и къ сословной монархіи съ совѣщательными чинами.

Адамъ Мюллеръ, современникъ Галлера, еще сильнѣе подчеркивалъ теологическую основу своего ученія, по существу раздѣляя ту же теорію монархіи и сословности. У него государство понималось такъ: въ обособленныхъ сословіяхъ воплощаются отдѣльныя жизненныя начала политическаго бытія народовъ, а ихъ живымъ объединеніемъ является монархъ, дѣйствующій въ согласіи съ правдой Божіей.

Еще болѣе реакціоннымъ характеромъ, въ смыслѣ отрицанія свободы гражданъ, отличались французскіе реакціонеры той же эпохи. Клерикалъ и абсолютистъ Бональдъ смотрѣлъ на человѣка, какъ на вмѣстилище всякихъ страстей и похотей, требующихъ всемѣрнаго обузданія. Личная свобода — великое зло; его нужно всячески стѣснять, и лучшая здѣсь мѣра, это—укрѣпленіе религіознаго и свѣтскаго авторитета съ ихъ представителями въ обществѣ, духовенствомъ и дворянствомъ. Бональду вторилъ Жозефъ де Местръ, между прочимъ, въ своей книгѣ „О папѣ“: папа, будучи непогрѣшимымъ, лучше всего могъ бы, по мнѣнію этого писателя, охранять государей отъ революцій, а подданныхъ отъ деспотизма.

Названные писатели дѣйствовали въ литературѣ до революціи 1830 г., а послѣ 1830 и даже послѣ 1848 г. главнымъ оракуломъ реакціи былъ Юлій Шталь. Когда въ Пруссіи была введена конституція, онъ обнаружилъ, что она не уничтожила прежняго абсолютизма, а только его прикрыла и отдала въ услуженіе либерализму; свою задачу Шталь понялъ въ томъ смыслѣ, чтобы заставить абсолютизмъ служить консервативнымъ интересамъ и съ помощью конституціи вести борьбу съ самимъ же конституціонализмомъ для возстановленія абсо-

лютизма. Весь вопросъ для него заключался въ томъ, кто долженъ опредѣлять нравственный порядокъ на землѣ — божественная или человѣческая воля, религія или революція. Всѣмъ идеямъ и учрежденіямъ, прикосновеннымъ къ революціи, Шталь противопоставлялъ идею ненарушимости существующаго порядка, какъ основаннаго на установленной Богомъ закономѣрности, связывающей одинаково и государей, и народы. Въ переводѣ на болѣе конкретный языкъ, теорія Шталя была не чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ прусской сословно-бюрократической системы съ совѣщательнымъ представительствомъ. Выше всего ставя монархическое начало, онъ доказывалъ необходимость и справедливость привилегированнаго положенія феодальнаго дворянства, которому разрѣшалъ даже консервативную оппозицію законному правительству, разъ оно либеральными реформами нарушало установленный порядокъ [1]).

---

[1]) И позднѣе, во второй даже половинѣ XIX в., были ученые, стоявшіе на точкѣ зрѣнія абсолютизма. Борнгакъ въ „Preusisches Staatsrecht" видитъ въ главѣ монархическаго государства „субъектъ и источникъ всякаго властвованія". По его словамъ „всякая, государственная сила и всякое государственное право есть государева сила и государево право", или „государство и властитель (Herrscher) суть тожественныя понятія". Король—субъектъ властвованія, объекты коего — страна и люди, причемъ „народное представительство есть организованное представительство народной совокупности (der Volksgesammtheit) въ ея двойственномъ качествѣ, какъ объекта и какъ средства властвованія и т. п. Другой подобный писатель, Максъ Зейдель въ своемъ „Bayerisches Staatsrecht", называя государствомъ страну и народъ (территорію и народонаселеніе), подчинненую властвованію, противополагаетъ государству властителя (Herrscher), какъ объектъ и субъектъ. „Государь (der Fürst) не есть органъ государства: онъ стоитъ, какъ повелитель (Herrscher), какъ суверенъ, надъ нимъ. Властительное положеніе (Herrscherstellung) короля въ своей цѣлостности есть не право, но сила, которая есть источникъ правопорядка и правъ". Ср. объ этомъ же стр. 471—472 „Народно-правового государства".

ГЛАВА XIX.

Просвѣщенный абсолютизмъ второй половины XVIII в.[1]).

Общая идея просвѣщеннаго абсолютизма и ея теоретическія развитія въ древности. — Свѣтскій характеръ абсолютизма эпохи ренессанса и вѣроисповѣдный абсолютизмъ временъ реформаціи, католической реакціи и религіозныхъ войнъ. — Раціоналистическое просвѣщеніе и вліяніе его на абсолютизмъ.—Сторонники просвѣщеннаго абсолютизма въ литературѣ — Общая программа и тактика просвѣщенныхъ деспотовъ. — Административныя, судебныя и финансовыя ихъ реформы. — Просвѣщенный абсолютизмъ и католическая церковь.—Уничтоженіе ордена іезуитовъ.—Церковная политика южно-романскихъ государствъ въ серединѣ XVIII в.—„Іозефинизмъ".—Сословный строй и просвѣщенный абсолютизмъ.—Клерикально-феодальная оппозиція просвѣщенному абсолютизму.—Просвѣщенный абсолютизмъ, общее благо и права личности.

Вторая половина XVIII в. называется эпохой „просвѣщеннаго" (или „просвѣтительнаго") абсолютизма (или деспотизма) — der aufgeklärte Absolutismus, le déspotisme éclairé.

Когда употребляютъ этотъ терминъ, получившій въ наукѣ такое же право гражданства (хотя бы нѣкоторыми и оспариваемое), какъ ренессансъ, гуманизмъ, реформація или просвѣщеніе (Aufklärung, послѣдній терминъ для спеціальнаго обозначенія умственнаго движенія XVIII в.), то обыкновенно

---

[1]) См. „Исторію Западной Европы въ новое время", томъ III, главы XIX—XXVIII и „Философію культурной и соціальной исторіи новаго времени", гл. X, а также статью мою „Книга о Іосифѣ II, какъ представителѣ и дѣятелѣ просвѣщеннаго абсолютизма" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1907, ноябрь), гдѣ есть болѣе подробное обоснованіе нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ въ этой главѣ. Указанная статья — разборъ труда *П. Митрофанова* о Іосифѣ II, нѣсколько разъ цитируемаго въ настоящей книгѣ. Отдѣльныхъ крупныхъ трудовъ, вообще посвященныхъ просвѣщенному абсолютизму, какъ таковому, въ исторической литературѣ нѣтъ.

имѣютъ въ виду, именно, вторую, половину XVIII в., время такихъ государей, какъ Фридрихъ II въ Пруссіи, Іосифъ II въ Австріи, Екатерина II въ Россіи, или такихъ министровъ-реформаторовъ, какими были Аранда въ Испаніи, Помбаль въ Португаліи, Тануччи въ Неаполѣ, Шуазейль и Тюрго во Франціи, Струензе въ Даніи. Всѣ эти современники, носители или представители абсолютной верховной власти, находились подъ бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей своего времени и дѣйствовали въ бо̀льшемъ или меньшемъ согласіи съ этими идеями просвѣщенія и прославились опять-таки бо̀льшею или меньшею преобразовательною дѣятельностью въ прогрессивномъ направленіи. Они были въ дружбѣ съ философами просвѣщенія, а послѣдніе нерѣдко возлагали на нихъ всѣ свои прогрессивныя надежды. Но терминъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ употребляться и на самомъ дѣлѣ употребляется также въ болѣе общемъ смыслѣ пользованія неограниченною властью, руководимаго разумомъ и отличающагося стремленіемъ къ высокимъ цѣлямъ улучшенія государственнаго и общественнаго быта, достиженія народнаго блага и т. п. Въ такомъ, болѣе широкомъ значеніи термина его примѣняютъ и къ дѣятельности, наприм., Петра Великаго, и къ первой половинѣ царствованія Александра I, и къ эпохѣ „великихъ реформъ" Александра II и т. п. [1]), т.-е. къ историческимъ явленіямъ, взятымъ внѣ второй половины XVIII в., но тогда можно распространять употребленіе термина и на исторію античнаго міра, когда, положимъ, приходится характеризовать царствованіе Марка Аврелія. Мало того, сама идея просвѣщеннаго абсолютизма въ чистомъ своемъ видѣ, зародилась еще въ античномъ мірѣ. Излагая общую исторію абсолютизма въ началѣ настоящей книги, я уже имѣлъ случай отмѣтить тѣ политическіе трактаты на греческомъ и латинскомъ языкахъ,—начиная съ IV в. до Р. Х. и кончая II в. по Р. Х.,—которые заключали въ себѣ идеализацію монархіи, какъ власти, руководящейся велѣніями разума и доблести, осуществляющей поэтому общее благо и господствующей, такимъ образомъ, надъ государствомъ, чтобы, однако, только ему

[1]) Примѣры такого употребленія въ книгахъ *М. М. Богословскаго*, „Областная реформа Петра Великаго", *А. Н. Пыпина*, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I" и т. п.

служить [1]). Общіе историки и спеціально историки политическихъ ученій древности нерѣдко обозначаютъ всѣ подобныя пожеланія, какъ просвѣщенный абсолютизмъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ попыткахъ примирительнаго сочетанія абсолютизма съ естественнымъ правомъ, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ [2]), слышатся отголоски аналогичныхъ идей античнаго міра. И въ греческомъ, и въ римскомъ своихъ развитіяхъ идея просвѣщеннаго абсолютизма есть, прежде всего, идея раціоналистическая, безъ спеціально религіознаго обоснованія, идея, слѣдовательно, свѣтская, и въ этомъ смыслѣ о просвѣщенномъ абсолютизмѣ никоимъ образомъ нельзя говорить, когда политика абсолютной монархіи принимаетъ вѣроисповѣдный характеръ. Далѣе, просвѣщенный абсолютизмъ въ теоріи исходилъ изъ той мысли, что государь есть не господинъ и не собственникъ государства, а его слуга, осуществляющій только извѣстную публичную функцію, слѣдуя при этомъ велѣніямъ разума, не по личной прихоти и не для личныхъ цѣлей, но въ такомъ случаѣ и по этой какъ-разъ причинѣ Людовикъ XIV тоже не подойдетъ подъ мѣрку „просвѣщеннаго деспота", несмотря на все свое „покровительство наукамъ и искусствамъ". Самое же главное, это — то, что просвѣщенный абсолютизмъ видѣлъ весь свой raison d'être въ осуществленіи общаго блага, требовавшаго уничтоженія всѣхъ недостатковъ и несправедливостей существующаго строя, хотя бы на ихъ сторонѣ были и общественныя традиціи, и историческое право, и положительные законы: это — абсолютизмъ прогрессивный, реформирующій.

До середины XVIII в. абсолютизмъ, находившійся въ союзѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ, держался въ культурныхъ и соціальныхъ вопросахъ строго консервативной политики. Эпоха религіозной реформаціи и католической реакціи придала абсолютизму рѣзко-вѣроисповѣдный характеръ, отличавшій его отъ болѣе свѣтскаго абсолютизма гуманистической эпохи. При такихъ государяхъ, какъ Филиппъ II, Фердинанды II и III, Максиміанъ Баварскій вплоть до Людовика XIV и Іакова II Стюарта, власть отдаетъ себя защитѣ католицизма во что бы то ни стало, что заставляло нѣкоторыхъ протестантскихъ

---

[1]) См. выше стр. 11—12 и 14—16.

[2]) См. выше, стр. 341 и слѣд.

правителей представлять собою нарочитыхъ защитниковъ протестантизма, каковыми выступили англійская королева Елизавета, шведскій король Густавъ Адольфъ, англійскій лордъ-протекторъ Кромвель, голландскій штагальтеръ Вильгельмъ Оранскій (будущій король Англіи Вильгельмъ III). Религіозный расколъ XVI в. рѣзко раздѣлилъ государства Западной Европы на двѣ категоріи, и въ каждой изъ нихъ абсолютизмъ получалъ конфессіональную окраску. Въ протестантскихъ странахъ государи сдѣлались главами мѣстныхъ церквей, въ католическихъ состоялся тѣсный союзъ между церковью и государствомъ. Въ серединѣ XVIII в. государство эманципируется отъ узко вѣроисповѣдныхъ вліяній и возвращается къ традиціямъ гуманистической эпохи.

Въ исторіи культурнаго развитія Запада за эпохою свѣтскаго гуманизма слѣдовала эпоха религіозныхъ исканій и преобразованій, споровъ и междоусобій, и только въ XVIII столѣтіи свѣтскій гуманизмъ возродился въ раціоналистической просвѣтительной философіи, порвавшей связи съ конфессіональностью временъ реформаціи и реакціи. Авторитеты вѣры замѣнились авторитетомъ разума и стремленіе согласовать свое поведеніе съ волей Божіей—стремленіемъ согласовать его съ естественнымъ правомъ, съ велѣніями природы. Мы знаемъ, что у Людовика XIV и у Фридриха II сама монархія обусловливалась не одинаково: у перваго—на божественномъ правѣ, у второго—на правѣ естественномъ [1]). Раціонализмъ философіи XVIII в. сталъ сказываться на общемъ теченіи и государственныхъ дѣлъ. Фридрихъ II былъ самъ философомъ въ духѣ раціонализма XVIII в., и къ этому была близка и Екатерина II. Оба они состояли въ пріятельскихъ отношеніяхъ и переписывались съ корифеями просвѣтительной философіи. Вольтеръ одно время у Фридриха II жилъ; Дидро пріѣзжалъ къ Екатеринѣ II; д'Аламбера приглашали и въ Берлинъ въ президенты королевской академіи, и въ Петербургъ, въ наставники къ наслѣднику престола. Іосифъ II въ бытность въ Парижѣ познакомился со многими писателями. Подобныхъ фактовъ можно было бы набрать очень много, не упоминая, напр., о томъ, что Екатерина II писала свой „Наказъ" подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескьё,—фактъ, не имѣющій аналогій, но указывающій на то, что абсолютизмъ XVIII в.

---

[1]) См. выше, стр. 330 и 343.

не отгораживалъ себя непроницаемыми перегородками отъ „вольнодумцевъ", сочиненія которыхъ на родинѣ иногда сжигались рукою палача. Это общеніе съ націоналистической философіей и составляетъ характерную черту просвѣщеннаго абсолютизма. Если не сами государи слѣдовали идеямъ вѣка, то ихъ министры, а въ лицѣ министра Людовика XVI Тюрго мы прямо имѣемъ дѣло съ философомъ-экономистомъ во главѣ управленія государствомъ. Экономическая школа физіократовъ нашла рьянаго послѣдователя въ лицѣ баденскаго марк-графа, который готовъ былъ даже дѣлать въ своемъ княжествѣ физіократическіе опыты. Не нужно, конечно, думать, что вся внутренняя политика просвѣщенныхъ деспотовъ второй половины XVIII в. получала свои внушенія отъ писателей: многое въ этой политикѣ стояло въ противорѣчіи съ тѣмъ, къ чему стремились писатели, особенно такіе, какъ конституціоналистъ Монтескьё, республиканецъ Руссо и другіе, съ которыми Фридрихъ II готовъ былъ полемизировать, съ другой же стороны у абсолютизма были свои политическіе интересы и традиціи, которые заставляли ихъ поступать такъ или иначе, отнюдь не теоріи писателей. Часто для совпаденія пожеланій философовъ съ дѣйствіями государей должно искать болѣе глубокихъ объясненій, чѣмъ непосредственное вліяніе однихъ на другихъ. И раціонализмъ философіи, и абсолютизмъ королей,—когда послѣдній былъ самъ собою и исключительно проводилъ въ жизнь идею государства,—были одинаково враждебны традиціямъ, не оправдываемымъ разумомъ и общимъ благомъ, одинаково враждебны божественному праву, на которое ссылалась церковь, и историческому праву, которымъ защищало свои привилегіи дворянство. Государство тоже могло быть понимаемо раціоналистически, отвлеченно, безъ его исторически возникшихъ національныхъ, конфессіональныхъ и бытовыхъ (въ частности сословныхъ) осложненій, и представители такого пониманія государства готовы были подчасъ дѣйствовать столь же революціонно, какъ дѣйствовали потомъ французскіе государственные люди отъ имени сувереннаго народа. Между просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и французской революціей есть извѣстное внутреннее родство, столь же близкое въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какое было между монархическими и народными реформаціями XVI в. Правда, революція осудила абсолютизмъ королей во имя идеи народовластія, но по отношенію къ католицизму и

духовенству, къ феодализму и дворянству она только еще рѣзче стала проводить политику, которой держались въ обоихъ отношеніяхъ тѣ или другіе представители просвѣщеннаго абсолютизма.

Послѣдній имѣлъ и своихъ идеологовъ въ литературѣ, среди самихъ же писателей просвѣтительной эпохи. Самымъ крупнымъ представителемъ основной идеи просвѣщеннаго абсолютизма среди нихъ былъ именно Вольтеръ, „патріархъ философовъ", какъ его называли, выразитель цѣлаго направленія, окрещеннаго его именемъ („вольтерьянство"), постоянный корреспондентъ и одно время гость Фридриха II, состоявшій и въ перепискѣ съ Екатериною II, пользовавшійся почетомъ и вліяніемъ и у нѣкоторыхъ министровъ. Великій боецъ за духовную свободу, теоретически весьма сочувствовавшій англійской конституціи, „связывающей руки королю для дѣланія зла и развязывающей ихъ на добро", на практикѣ онъ стоялъ за неограниченную монархическую власть, лишь бы она была за „просвѣщеніе" и „терпимость". Главное, къ чему онъ стремился, по собственнымъ его словамъ, это не такой переворотъ, какой былъ во времена Лютера и Кальвина, а другой — именно переворотъ въ умахъ людей, призванныхъ къ тому, чтобы управлять народами. Политическимъ идеаломъ Вольтера былъ союзъ монарховъ и философовъ, ибо онъ находилъ, что у тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же врагъ, и врагъ этотъ—духовенство, священники, которые такъ часто возставали противъ государей, между тѣмъ какъ философы всегда жили съ государями въ мирѣ и согласіи. Въ томъ уваженіи, съ какимъ относились къ Вольтеру государи и министры, онъ видѣлъ залогъ того, что государство, управляемое неограниченною властью, при торжествѣ разума и терпимости, сдѣлается главнымъ органомъ того преобразованія жизни, которое составляло сущность всѣхъ его, довольно-таки умѣренныхъ для нашего времени желаній—вѣротерпимости, ограниченія законодательной власти церкви, подчиненія духовенства государству, уничтоженія духовныхъ судовъ и церковной десятины, отмѣны серважа, равенства всѣхъ передъ закономъ, всеобщей обязанности платить налоги, единства законовъ, мѣръ и вѣса и т. п.: все это, по его мнѣнію, могло быть получено только сверху. Одинъ изъ дѣятелей французской революціи, Кондорсе, написавшій біографію Вольтера, защищалъ его отъ обвиненія „въ слишкомъ

большой любви къ единоличному правленію“ тѣмъ, что его „никогда не обманывали ни французская магистратура, ни шведскіе и польскіе дворяне, называвшіе свободой иго, подъ которымъ они хотѣли давить народъ“. „Вмѣсто того,—опять приводимъ мнѣніе Кондорсе, — вмѣсто того, чтобы объявить войну деспотизму прежде, чѣмъ разумъ сдѣлается достаточно сильнымъ, и призывать народы къ свободѣ прежде, чѣмъ они ее узнàютъ и полюбятъ“, философъ долженъ былъ „указать какъ имъ, такъ и ихъ владыкамъ на злоупотребленія, въ уничтоженіи которыхъ одинаково заинтересованы и повелѣвающіе, и повинующіеся“. Къ народу, къ „непросвѣщенной черни“, у Вольтера было только презрѣніе и недовѣріе: „когда чернь начинаетъ разсуждать, все потеряно“, и для ея же собственнаго блага нужно, чтобы ею управляли просвѣщенные государи [1]). Во Франціи власть менѣе всего готова была слѣдовать совѣтамъ Вольтера, но когда въ началѣ своего царствованія Людовикъ XVI призвалъ на постъ министра Тюрго, тоже „философа“, Вольтеръ возликовалъ по поводу того, что „царственная философія (l'auguste philosophie), которую такъ долго преслѣдовали, начала диктовать свои торжествующіе законы“. Торжество, какъ извѣстно не было продолжительнымъ, и когда черезъ два года послѣ отставки Тюрго, Вольтеръ посѣтилъ его въ Парижѣ, то готовъ былъ цѣловать руку, собиравшуюся осчастливить Францію.

И не одинъ Вольтеръ такъ уповалъ на абсолютизмъ. Идея союза неограниченной королевской власти съ просвѣщеніемъ вѣка была весьма популярной, и около 1765 г. другой видный представитель этого просвѣщенія, Дидро, писалъ, что въ Европѣ, пожалуй, не было уже ни одного монарха, который вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы философомъ. Самъ Дидро не можетъ быть, однако, причисленнымъ къ защитникамъ просвѣщеннаго абсолютизма. Его знаменитая энциклопедія заключала въ себѣ немало рѣзкостей противъ королей и противъ тиранніи, но и онъ не прочь былъ давать совѣты государямъ, отъ которыхъ зависѣло проводить ихъ въ жизнь. Извѣстно, наприм., что по зову Екатерины II онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. „Если бы, разсказывала потомъ императрица, я послушалась Дидро, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ

[1]) Ср. выше аналогичные взгляды у итальянскихъ гуманистовъ, стр. 48, 51 и 308—309.

моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать законодательство, администрацію, финансы, дабы очистить мѣсто для невозможныхъ теорій". Самыя нападки энциклопедистовъ на королей часто объясняются только тѣмъ, что послѣдніе не слѣдовали разуму и терпимости, а не тѣмъ, что они являлись носителями произвольной и безотвѣтственной власти; это отчасти можно сказать и о „Системѣ природы" Гольбаха, противъ которой полемизировалъ Фридрихъ II [1]). Часто это было только напоминаніемъ государямъ объ ихъ обязанностяхъ, какъ характеризовалъ свою дѣятельность Рэйналь, авторъ „Философской исторіи обѣихъ Индій", въ которой тоже кое-что сильно не понравилось Фридриху II. Даже самый революціонный писатель XVIII в., по значенію его сочиненій, Руссо, „врагъ королей", не прочь былъ обѣщать Фридриху II „умереть у подножія его трона", если онъ „дастъ наконецъ счастье народу въ своемъ государствѣ и сдѣлается его отцомъ".

Настоящею представительницею идеи просвѣщеннаго абсолютизма во французской литературѣ XVIII в. сдѣлалась школа экономистовъ-физіократовъ, основанная придворнымъ врачомъ при Людовикѣ XV Кенэ. „Физіократія" была, какъ мы знаемъ [2]), своего рода примѣненіемъ къ хозяйственной жизни общества понятія „естественнаго права". Физіократы рекомендовали предоставить народное хозяйство его естественному теченію,—чѣмъ требовалась отмѣна феодальныхъ и цеховыхъ стѣсненій и правительственной регламентаціи,—и настаивали на томъ, что лишь сельское хозяйство, въ которомъ человѣкъ имѣетъ непосредственное дѣло съ природой, даетъ чистый доходъ, такъ что это была полнѣйшая противоположность меркантилизму, подчинявшему хозяйственную жизнь опекѣ государства. Но свою систему, свой „естественный и существененный порядокъ политическихъ обществъ" (какъ названо главное сочиненіе физіократа Мерсье-де-ля-Ривьера) физіократы думали осуществить, опираясь исключительно на неограниченную королевскую власть, стоя въ политикѣ уже всецѣло на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Еще основатель школы, Кенэ, для реализаціи своей экономической системы требовалъ полнаго единства и безу-

---

[1]) См. выше, стр. 342.

[2]) См. выше, стр. 259.

словнаго господства верховной власти, возвышающейся во имя общаго блага надъ противоположными интересами частныхъ лицъ [1]). Только-что упомянутый Мерсье-де-ля-Ривьеръ въ своемъ „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ развивалъ ту мысль, что „закономѣрный деспотизмъ“ (le déspotisme légal), какъ онъ выражался, одинъ въ состояніи осуществить общее благо, установивъ естественный порядокъ общества. Онъ нападалъ на ученіе о раздѣленіи и равновѣсіи властей, или о политическихъ противовѣсахъ („контрофорсахъ“) такъ: если основы хорошаго правленія для власти очевидны, и она захочетъ поступать сообразно съ ними на благо общества, то противовѣсы могутъ лишь помѣшать ей въ этомъ дѣлѣ, и наоборотъ, въ этихъ противовѣсахъ нѣтъ надобности, разъ основы хорошаго правленія остаются неизвѣстными для власти, такъ что напрасно изъ боязни, что правитель можетъ быть невѣжественнымъ, ему противопоставляютъ людей, едва умѣющихъ управлять самими собою [2]).

Физіократія, особенно увлекшая одного изъ нѣмецкихъ государей (маркграфа баденскаго Карла-Фридриха) и его министра (Шлеттвейна), дала и Франціи на короткое время (1774—1776) замѣчательнаго министра-реформатора Тюрго, бывшаго увѣреннымъ въ томъ, что если бы „ему на пять лѣтъ дали деспотизмъ, то онъ сдѣлалъ бы Францію счастливою“. Нѣкоторые историки даже ставили вопросъ, была ли бы во Франціи нужна и даже возможна революція, если бы Тюрго позволили осуществить его планъ реформъ, который онъ стремился осуществить. Это былъ и крупный теоретикъ въ области политической экономіи, и крупный практическій дѣятель, превосходный администраторъ, допускавшій даже извѣстную самодѣятельность общества въ дѣлахъ раскладки

---

[1]) Другой физіократъ (аб. Бодо) называлъ то же самое „экономической монархіей“ (monarchie économique).

[2]) Вотъ что говоритъ Кенэ въ своихъ „Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume argicole“: „система противовѣсовъ — вещь гибельная въ дѣлѣ правленія, за которою скрываются только раздоры вельможъ и угнетеніе народа. Пусть государство хорошенько понимаетъ свой долгъ и пусть ему будетъ предоставлена свобода (qu'on le laisse libre); нужно, чтобы государство управляло по существенному порядку (l'ordre essentiel, т.-е. по физіократической системѣ), а для этого необходимо, чтобы оно пользовалось свободою“.

налоговъ, мѣстнаго хозяйства, общественной благотворительности, но и онъ въ концѣ концовъ стоялъ въ политикѣ на точкѣ зрѣнія, общей всѣмъ физіократамъ. Предлагая Людовику XVI цѣлый планъ административной реформы, онъ въ своемъ мемуарѣ, содержавшемъ этотъ планъ, указывалъ на то, что во Франціи нація не имѣетъ надлежащаго устройства и что ее нужно организовать для управленія по новому [1]). При правильномъ устройствѣ, писалъ онъ королю, „вы могли бы управлять подобно Богу на основаніи общихъ законовъ, если бы составныя части вашей державы имѣли правильную организацію и опредѣленныя взаимоотношенія... Поскольку ваше величество не будете отступать отъ справедливости, вы можете смотрѣть на себя, какъ на неограниченнаго законодателя (législateur absolu), и расчитывать на свою добрую націю въ исполненіи вашихъ приказаній“. Это была настоящая точка зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма, и министръ-реформаторъ сулилъ своему государю обожаніе народа, удивленіе и уваженіе Европы, какъ, съ другой стороны, пророчилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Людовику XVI судьбу англійскаго короля Карла I, погибшаго, какъ казалось Тюрго, „изъ-за своей слабости“ [2]).

Въ политикѣ просвѣщеннаго абсолютизма нужно различать тѣ идейныя вліянія, которыя шли со стороны просвѣщенія, и тѣ реальные интересы, которые требовали реформъ въ учрежденіяхъ и законахъ, въ администраціи, судѣ, финансахъ, школьномъ дѣлѣ и т. п. [3]). Просвѣщенный абсолютизмъ былъ, въ сущности, однимъ изъ моментовъ государственнаго строительства абсолютной монархіи вообще, въ которомъ болѣе отсталыя страны старались догнать, напр., Францію съ ея болѣе выработанной централизаціей, съ ея дальше ушедшимъ покровительствомъ обрабатывающей про-

[1]) См. „Ист. Зап. Евр.“, т. III, стр. 427 и слѣд., гдѣ изложенъ весь планъ.

[2]) Характерный фактъ: на поляхъ мемуара Людовикъ XVI написалъ, что Тюрго желаетъ „Франціи болѣе, чѣмъ англійской“. „Система г. Тюрго, прибавлялъ онъ, только прекрасный сонъ, утопія благонамѣреннаго человѣка, но низвергающая установленные порядки. Идеи г. Тюрго опасны, и ихъ новизна требуетъ отпора“.

[3]) Ср. въ указанной выше статьѣ моей о книгѣ *П. Митрофанова* стр. 158—163 г., гдѣ на основаніи этой книги разсматривается, что́ въ дѣятельности Іосифа II относится къ идеологіи и что́—къ практикѣ.

мышленности и пр. и пр., какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія многихъ мѣропріятій Фридриха II или Іосифа II, уже разсматривавшихся въ разныхъ главахъ настоящей книги [1]). Просвѣщенный абсолютизмъ не отказывался отъ полноты власти, но больше основывалъ ее на естественномъ правѣ и идеѣ общаго блага, чѣмъ на божественномъ происхожденіи и религіозномъ служеніи. Онъ отнюдь не отказывался отъ традицій полицейскаго государства и скорѣе даже усугублялъ требованія этой системы. Это была та же возведенная на степень основнаго принципа государственность, въ жертву которой приносилось все, на что только власть могла распространить свои велѣнія. Проводя свои административныя, судебныя и финансовыя реформы, просвѣщенные деспоты думали лишь о правахъ и объ интересахъ государства, о подчиненіи центральной власти всего областного управленія, объ организаціи суда на государственномъ началѣ, о возможно лучшемъ наполненіи государственной казны и т. п., и если они вступались, напр., за крестьянъ и защищали ихъ отъ помѣщичьей эксплуатаціи, то и тутъ на первомъ планѣ стояли не соображенія гуманности или справедливости, а интересы казны: какъ-никакъ, крестьяне были главными плательщиками налоговъ, и въ интересахъ государства было позаботиться о томъ, чтобы не все же у крестьянъ отбиралось помѣщиками въ свою пользу, чтобы и на долю казны что-либо все-таки оставалось. Фискальнымъ и бюрократическимъ характеромъ отличаются поэтому всѣ главныя финансовыя и административныя преобразованія просвѣщеннаго абсолютизма; въ этомъ отношеніи одинаково шли впередъ по завѣтамъ своихъ предшественниковъ и прусскій „король-философъ“, и даже „революціонеръ на тронѣ“, его австрійскій современникъ.

Если чѣмъ-либо особенно рѣзко отличался просвѣщенный абсолютизмъ Іосифа II и другихъ правителей эпохи отъ абсолютизма всѣхъ Габсбурговъ и большинства Бурбоновъ, такъ это своимъ отношеніемъ къ католицизму и къ сословнымъ привилегіямъ дворянства. Мы видѣли, что, сломивъ политическую силу духовенства и дворянства, абсолютная монархія взяла на себя задачу охраны ихъ культурнаго и со-

---

[1]) См. выше, стр. 137, 147 и слѣд., 160 и слѣд., 174 и слѣд., 262 и слѣд. и др.

ціальнаго преобладанія въ національной жизни [1]). Просвѣщенный абсолютизмъ былъ разрывомъ съ такой политикой, ибо государство хотѣло теперь само пользоваться многимъ изъ того, что доставалось на долю церкви и аристократіи. Кромѣ того, въ тѣхъ странахъ, гдѣ католическая реакція съ особенною силою утвердила культурное и соціальное преобладаніе клира, послѣдній дѣлался опаснымъ государственной власти и въ политическомъ отношеніи своими матеріальными средствами, своимъ вліяніемъ на массы. Во второй половинѣ XVIII в. возобновилась борьба церкви съ государствомъ, о которой не слышно было въ общемъ болѣе двухъ вѣковъ, но католическіе правители этой эпохи во многихъ отношеніяхъ думали только о томъ, чтобы, не мѣняя догматовъ и обрядовъ, достигнуть тѣхъ же самыхъ выгодъ, какія для государственной власти представлялъ собою протестантизмъ.

Однимъ изъ главныхъ результатовъ просвѣщеннаго абсолютизма въ церковной сферѣ было паденіе ордена іезуитовъ, этого орудія католической реакціи съ ея теократическими и клерикальными стремленіями и съ ея ненавистью къ свободной умственной дѣятельности въ областяхъ науки, образованія и литературы. Ордену былъ нанесенъ ударъ абсолютизмомъ, отстаивавшимъ начала государственности, при дѣятельной моральной поддержкѣ со стороны представителей раціоналистическаго просвѣщенія. Извѣстно, что прежде всего, именно въ 1759 г., іезуиты были изгнаны (съ конфискаціей ихъ имуществъ) по иниціативѣ министра Помбаля изъ Португаліи, потомъ, (въ 1764 г.) изъ Франціи въ министерство Шуазейля, черезъ три года (1767)—изъ Испаніи при Арандѣ и изъ Неаполя при Тануччи, а въ 1768 г. изъ Пармы по настоянію министра Дю-Тилло. Когда вскорѣ послѣ этого умеръ папа Климентъ XIII названныя государства по взаимному соглашенію добились избранія на папскій престолъ, подъ именемъ Климента XIV, прелата, который обѣщалъ измѣнить всю прежнюю политику папства относительно свѣтской власти, и черезъ три года послѣ начала своего понтификата (въ 1773 г.) новый папа посредствомъ бреве „Господь и Искупитель" (Dominus ac Redemptor) объявилъ орденъ іезуитовъ распущеннымъ. Такъ послѣ 233-лѣтняго существованія окончила свои дни эта организація по настоянію католическихъ государей, носившихъ

---

[1]) См. выше, гл. XV.

почетные титулы „благовѣрнѣйшаго“ (fidelissimus, въ Португаліи), „христіаннѣйшаго“ (christianissimus, во Франціи) и специально „католическаго“ (catholicus, въ Испаніи), и только „схизматичка“ Екатерина II, да „еретикъ“ Фридрихъ II, которые могли не повиноваться папскому приказанію, позволили іезуитамъ существовать по чисто политическимъ соображеніямъ въ католической Силезіи и сильно окатоличенной Бѣлоруссіи, двухъ новопріобрѣтенныхъ ими провинціяхъ. Характерно и то, что послѣдовательное изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи, Франціи, Испаніи, Неаполя и Пармы произошло на разстояніи менѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, и что въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не только „заразительный“ примѣръ, но и прямая солидарность. За исключеніемъ Португаліи во всѣхъ остальныхъ изъ названныхъ государствъ царствовали Бурбоны, между которыми съ 1761 г. существовалъ спеціальный „фамильный договоръ“ [1]): вся жизненность его и проявилась въ той солидарности, съ какою дѣйствовали посланники бурбонскихъ дворовъ въ Римѣ передъ избраніемъ папы, уничтожившаго орденъ іезуитовъ. Одинъ историкъ такъ и озаглавилъ разсказъ объ уничтоженіи ордена іезуитовъ: „Заговоръ Бурбоновъ противъ іезуитовъ“ [2]). Эта солидарность проявилась еще въ одномъ эпизодѣ той эпохи: герцогство Парма, считавшееся папскимъ леномъ, вызвало противъ себя неудовольствіе куріи, и герцогу даже грозили отлученіемъ отъ церкви; тогда (это было въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ) французское правительство заняло вкрапленныя во французскую территорію папскія владѣнія (городъ Авиньонъ и графство Венессенъ), а неаполитанское—такія же папскія владѣнія внутри своей территоріи (Беневентъ и Понтекорво), удержавъ ихъ за собою до 1773 г., когда былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ.

Въ дѣлѣ уничтоженія „Общества Іисуса“ фамильная политика династіи Бурбуновъ могла получить такое направленіе лишь потому, что каждое изъ ихъ государствъ (подобно Португаліи и какъ это могло бы случиться въ Австріи, царствуй тамъ въ это время не Марія-Терезія, а Іосифъ II) само находило нужнымъ покончить съ могущественной организаціей, бывшей, съ одной стороны, какъ бы государствомъ въ госу-

---

[1]) Ср. выше, стр. 97—98.

[2]) *Oncken* въ „Zeitalter Friedrichs des Grossen“.

дарствѣ, съ другой — своего рода международнымъ заговоромъ противъ всѣхъ правительствъ.

Въ Португаліи іезуиты занимали высшія государственныя должности, держали въ своихъ рукахъ все народное образованіе, стояли во главѣ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, владѣли двумя колоніальными областями (Парагваемъ и Уругваемъ), а когда были недовольны правительствомъ, то возмущали противъ него народныя массы. Во Франціи іезуиты тоже были весьма вліятельны при дворѣ и въ обществѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не хотѣли подчиняться законамъ государства, говоря, что у нихъ есть свои. Когда Людовикъ XV, подъ вліяніемъ своей метрессы, г-жи де-Помпадуръ, и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія пересталъ покровительствовать іезуитамъ, и у ихъ генерала въ Римѣ было потребовано измѣненіе кое-чего въ уставахъ ордена, на это былъ данъ гордый отвѣтъ: „Sint, ut sunt, aut non sint“ (пусть остаются такими, какими есть, или пусть совсѣмъ ихъ не будетъ). Въ Испаніи дѣлалось то же самое, что и въ Португаліи—вплоть до подготовки іезуитами народныхъ волненій и руководства ими; какъ политически опасны были іезуиты правительству, видно изъ того, что приготовленія къ ихъ изгнанію держались въ строжайшей тайнѣ, соотвѣтственныя распоряженія были приведены въ исполненіе повсемѣстно въ одинъ и тотъ же день, заставши іезуитовъ врасплохъ, и лишь послѣ нанесеннаго удара вышелъ королевскій указъ объ отмѣнѣ ордена во всѣхъ владѣніяхъ Испаніи.

Прибавимъ, что въ способахъ борьбы, къ какимъ прибѣгалъ абсолютизмъ, уничтожая орденъ іезуитовъ, обнаруживались тѣ же произволъ власти, пренебреженіе къ праву и жестокость, съ какими полвѣка спустя въ тѣхъ же странахъ правительство дѣйствовало противъ либераловъ. Особенно рѣзкою была расправа съ іезуитами въ Португаліи, гдѣ пущены были въ ходъ тюремныя заключенія, конфискаціи, пытки и казни.

Но изгнаніе іезуитовъ было только эпизодомъ въ общей исторіи отношеній просвѣщеннаго абсолютизма къ католической церкви. Это было возобновленіе старой борьбы свѣтской власти съ папствомъ, клиромъ и монашествомъ за интересы государства и попутно общества, равно какъ началомъ борьбы за народное образованіе, которое въ интересахъ самаго же государства нужно было вырвать изъ рукъ духовенства.

Помбаль въ Португаліи, несмотря на все благочестіе короля (Іосифа-Эмануила) своими мѣрами противъ господства церкви довелъ дѣло до формальнаго разрыва съ папской куріей, продолжавшагося цѣлое десятилѣтіе, такъ что поднимался даже вопросъ о сущности главенства папства и о томъ, нельзя ли было бы эту власть замѣнить чисто мѣстною духовною властью. Мы видѣли также, какой конфликтъ произошелъ съ папскою властью въ Пармѣ и изъ-за Пармы. О натянутыхъ отношеніяхъ между папствомъ и императоромъ Іосифомъ II рѣчь будетъ идти впереди. Практикѣ соотвѣтствовала и теорія. Представители просвѣщенія XVIII в., враждебные католицизму, стояли на точкѣ зрѣнія подчиненія религіи государству [1]). Ученые канонисты эпохи подобнымъ же образомъ разрѣшали спорные вопросы церковно-политическихъ отношеній въ пользу преобладанія свѣтской власти. Таковъ былъ юристъ Тануччи. Сначала онъ былъ профессоромъ государственнаго права въ пизанскомъ университетѣ, отстаивавшимъ права абсолютной монархіи противъ клерикально-аристократическихъ притязаній, потомъ сдѣлался министромъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ при Карлѣ III (1734—1759) и сынѣ его Фердинандѣ IV, въ малолѣтство котораго занималъ должность регента. Его значеніе—въ томъ, что вся его политика по отношенію къ церкви диктовалась чисто теоретическими, принципіальными соображеніями. Собственно говоря, имъ даже и начатъ былъ походъ просвѣщеннаго абсолютизма противъ церковной власти и вліянія духовенства. Его первый государь, Карлъ III, въ 1759 г. промѣнявшій неаполитанскій престолъ на испанскій, и въ новомъ своемъ королевствѣ приблизилъ къ себѣ министровъ (Аранду и Кампоманеса), раздѣлявшихъ тѣ же идеи. Особенно же вліятельнымъ теоретикомъ главенства государства былъ уже извѣстный намъ Февроній [2]). Наприм., составляя свое опроверженіе на папское бреве противъ герцога пармскаго, испанскій министръ Кампоманесъ пользовался именно его книгою, и на его же ученіе опирался Іосифъ II, производя свои церковныя реформы.

Однородность мѣръ, одновременно принимавшихся противъ церковнаго господства въ Неаполѣ, въ Португаліи, въ Испаніи, въ Пармѣ, а позднѣе и въ монархіи Габсбурговъ,

---

[1]) См. выше, стр. 303.

[2]) См. выше, стр. 297.

указываетъ на то, что тутъ была извѣстная система, болѣе или менѣе выдержанный принципъ. Не разсматривая исторіи этихъ мѣръ въ отдѣльныхъ южно-романскихъ странахъ [1]), отмѣтимъ тѣ, которыя встрѣчаются въ большей части названныхъ государствъ, независимо отъ того, принимались ли онѣ по соглашенію съ папской властью [2]), или (что случалось чаще) односторонними распоряженіями правительства. Этими мѣрами были: объявленіе недѣйствительными папскихъ буллъ, не получившихъ королевскаго утвержденія; ограниченіе церковной юрисдикціи и постановка ея подъ контроль государства; запрещеніе духовной власти наказывать королевскихъ чиновниковъ за исполненіе ими правительственныхъ повелѣній; уничтоженіе или подчиненіе государству священной инквизиціи; переходъ духовной цензуры подъ правительственный контроль и даже отдача подъ свѣтскую цензуру духовныхъ сочиненій; ограниченіе числа духовныхъ и монашествующихъ лицъ; положеніе предѣла росту церковнаго землевладѣнія и обложеніе послѣдняго податями; подчиненіе монастырей полицейскому надзору и закрытіе многихъ изъ нихъ съ отобраніемъ ихъ имуществъ въ казну; лишеніе духовенства прежней монополіи въ дѣлѣ народнаго образованія.

Всѣ эти мѣры впослѣдствіи были повторены въ Габсбургской монархіи Іосифомъ II, въ данномъ случаѣ явившемся настоящимъ „революціонеромъ на тронѣ". Направленіе, которое приняла политика Іосифа II по отношенію къ папству, клиру и монашеству получила даже названіе „іозефинизма" и подъ этою кличкою сдѣлалась предметомъ особенно ярыхъ нападеній со стороны какъ правовѣрно настроенныхъ современниковъ, такъ и позднѣйшихъ католическихъ историковъ, всячески порицавшихъ церковную политику Іосифа II. Подобно тому, какъ Тануччи въ Неаполѣ, Помбаль въ Португаліи, Аранда и Кампоманесъ въ Испаніи рѣзко порывали съ прежней реакціонно-клерикальной политикой своихъ правительствъ, такъ и Іосифъ II являлся настоящимъ новаторомъ въ архи-католической Австріи, сколько бы частныхъ мѣръ въ пользу государства и ни принималось при его матери, благочестивой католичкѣ Маріи-Терезіи.

---

[1]) Объ этомъ см. „Ист. Зап. Евр,", т. III, гл. XXVII.

[2]) Конкордаты были заключены съ куріей Неаполемъ въ началѣ дѣятельности Тануччи, Испаніею еще до Аранды.

Современники „іозефинизма“ и позднѣйшіе историки различнымъ образомъ опредѣляли источникъ церковныхъ реформъ Іосифа, но, въ сущности, это было характерное для всей дѣятельности Іосифа II стремленіе во всемъ и вездѣ превыше всего поставить государственную власть, и въ этомъ смыслѣ далеко не правы были авторы бельгійскихъ памфлетовъ противъ его мѣропріятій, обвинявшіе его не болѣе, не менѣе, какъ въ желаніи установить въ Австріи англійскую супрематію. Онъ сильно съуживалъ права духовной власти, стараясь, наоборотъ, всячески расширить права власти свѣтской—въ церковныхъ же дѣлахъ. Во время знаменитаго путешествія папы въ Вѣну Іосифъ II извѣстилъ его, что „слышитъ внутренній голосъ, который громко повелѣваетъ ему, какъ законодателю и защитнику церкви, поступать такъ, а не иначе. Голосъ этотъ,—заявлялъ онъ папѣ,—при помощи свыше и при моихъ честныхъ, здравыхъ намѣреніяхъ не можетъ повести меня по ложному пути“. Онъ одинаково былъ и противъ церковнаго собора епископовъ, потому что это только сплотило бы ихъ и подняло бы ихъ корпоративный духъ, который былъ всегда непріятенъ абсолютизму, а это въ свою очередь могло бы лишь привести ихъ, епископовъ, къ заявленіямъ, несогласнымъ съ „разумными и пристойными принципами“. Извѣстно, что первыя же мѣропріятія Іосифа II и приписывавшіяся ему намѣренія до такой степени встревожили папу Пія VI, что когда не помогли дипломатическія увѣщанія, онъ самъ, въ 1782 г., пріѣхалъ въ Вѣну, хотя и это не помогло. Въ слѣдующемъ году императоръ отдалъ папѣ визитъ въ Римѣ, какъ бы только для того, чтобы настоять еще на нѣкоторыхъ уступкахъ со стороны куріи.

Сущность іозефинизма сводилась 1) къ установленію большей независимости Габсбургской монархіи отъ Рима и 2) къ ослабленію силы мѣстнаго духовенства съ прямымъ даже подчиненіемъ его государству, что соединялось еще 3) съ непосредственнымъ вмѣшательствомъ свѣтской власти въ чисто религіозную сферу. Въ послѣднемъ отношеніи Іосифъ II, объявившій вѣротерпимость въ своемъ государствѣ, но какъ мы въ своемъ мѣстѣ видѣли [1]), плохо понимавшій принципъ свободы совѣсти, шелъ прямо по стопамъ протестантскихъ государей XVI в., своею властью реформировавшихъ культъ,

---

[1]) См. выше, стр. 305—306.

когда онъ своею собственною властью уничтожалъ казавшіеся ему лишними праздники, отмѣнялъ тѣ или другіе крестные ходы, удалялъ изъ церквей тоже, по его мнѣнію, излишнія иконы, статуи и украшенія, упрощалъ богослуженіе или вводилъ новый требникъ съ гимнами протестантскаго характера, измѣнялъ обрядъ погребенія и т. п.: онъ совершенно не считался съ тѣмъ, что все это — чисто церковныя дѣла и что уваженіе къ совѣсти католическихъ подданныхъ требовало бы съ его стороны болѣе осторожнаго обращенія съ такими вещами. Духовенство, враждебное іозефинизму, немало извлекло выгодъ для своей агитаціи въ народѣ противъ Іосифа II изъ его реформаторскаго рвенія.

Въ остальномъ Іосифъ II слѣдовалъ примѣру южно-романскихъ католическихъ правительствъ середины вѣка. Имъ запрещено было публиковать папскія буллы безъ правительственнаго одобренія, и нѣкоторыя прежнія буллы были объявлены недѣйствительными. Въ епископской присягѣ вѣрность императору была поставлена выше вѣрности папѣ. Диспенсаціонная власть габсбургскихъ епископовъ была расширена на счетъ папской, и монахи были освобождены отъ исключительной власти генераловъ, жившихъ въ Римѣ. Вмѣсто Рима, знатная молодежь должна была получать богословское образованіе въ одномъ изъ городовъ габсбургской Ломбардіи [1]. Всѣмъ этимъ ослаблялись власть и вліяніе Рима, но и власть и вліяніе духовенства внутри своей монархіи Іосифъ II тоже стремился всячески ослабить.

Къ монашеству Іосифъ II относился съ настоящею ненавистью. Это была, подъ управленіемъ генераловъ, жившихъ въ Римѣ, опасная для государства сила, а кромѣ того, монахи были люди безполезные и даже вредные въ экономическомъ и культурномъ смыслахъ: къ этимъ двумъ мотивамъ и сводится нерасположеніе Іосифа II къ монастырямъ, если не прибавить еще третьяго мотива, заключавшагося въ желаніи поживиться ради „общаго блага“ монастырскими имуществами. Монаховъ онъ нерѣдко называлъ факирами, людьми, ничего не производящими, но много потребляющими, врагами человѣческаго разума. Во владѣніяхъ Іосифа II была масса монастырей, и онъ сталъ ихъ упразднять цѣлыми десятками, чуть не сотнями, секуляризируя ихъ имущества, обращая и

[1]) Ср. выше, стр. 316 и слѣд. и ниже, стр. 373.

самыя эти имущества, и доходы съ нихъ на нужды благотворительности, народнаго просвѣщенія и вообще на разныя государственныя потребности. Гоненію подверглись и религіозныя братства, которыя всѣ, въ количествѣ 642, были упразднены, такъ какъ въ нихъ найдено было „множество вредныхъ для государства злоупотребленій и безпорядковъ". Наконецъ, школа и цензура Іосифомъ II тоже были отняты у духовенства [1]). Особенно и тутъ императоръ былъ противъ монаховъ, „передъ бритыми головами которыхъ,—какъ онъ выражался,—простонародье становится на колѣни и которые господствуютъ надъ умами гражданъ съ такою силою, какъ никто никогда не вліялъ еще на душу человѣка".

Іосифъ II стремился къ тому, чтобы главное мѣсто въ церкви заняло, вмѣсто монашества, „секулярное" духовенство, но подъ условіемъ полной преданности государству. По его плану священники должны были превратиться, въ сущности, въ подобіе государственныхъ чиновниковъ особаго бюрократическаго вѣдомства, вѣдавшаго религіозный культъ. Ходили даже слухи, будто правительство намѣревалось отмѣнить целибатъ духовенства, и Іосифу II пришлось особымъ гофдекретомъ объявить, что все это неправда. Въ числѣ требованій, которыя предъявлялись кандидатамъ на священническія мѣста значились, между прочимъ, „просвѣщенный умъ" и „ревность къ распространенію цѣлесообразнаго просвѣщенія" (для „устраненія вредныхъ предразсудковъ"), „хорошее знакомство съ высочайшими повелѣніями" и „одобрительное отношеніе къ церковнымъ и политическимъ мѣропріятіямъ". Въ кругъ обязанностей духовнаго пастыря входило наставлять прихожанъ въ исполненіи обязанностей къ Богу и монарху (gegen Gott und den Monarchen) и объявлять въ церкви съ необходимыми разъясненіями всѣ правительственныя распоряженія, хотя бы, наприм., они касались такихъ предметовъ, какъ ветеринарія, а также рядомъ съ метрическими записями вести и конскрипціонные списки (по отбыванію рекрутчины), или доводить до свѣдѣнія властей о случаяхъ несправедливости помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ священники, подобно всѣмъ чиновникамъ, должны были получать казенное жалованіе, вмѣсто десятины и платы за требы, и находиться подъ надзоромъ

[1]) См. выше, стр. 316 и 319.

не только своего духовнаго начальства, епископовъ, но и окружныхъ коммиссаровъ, которые слѣдили за поведенiемъ духовенства и къ которымъ прежде всего, въ случаѣ чего, прихожане должны были приносить жалобы. Свѣтскому начальству было вмѣнено въ обязанность прозводить и ревизiю богослужебныхъ книгъ, дабы не было въ обращенiи такихъ, гдѣ помѣщены были непризнанныя государствомъ буллы. Весьма естественно, что въ свѣтскихъ дѣлахъ священники, „какъ государственные граждане со всѣми другими свѣтскими согражданами“ (als Staatsbürger gleich anderen weltlichen Mitbürgern) подлежали государственнымъ судамъ.

Такихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства государство могло имѣть, конечно, лишь подъ условiемъ надлежащаго направленiя духовной школы. Iосифъ II закрылъ „Германскiй коллегiумъ“ въ Римѣ и замѣнилъ его аналогичнымъ „германо-венгерскимъ“ учрежденiемъ въ Павiи, гдѣ будущiе клирики должны были воспитываться въ духѣ широкой вѣротерпимости и изучать церковное право въ такомъ его толкованiи, чтобы „ученики видѣли, въ чемъ заключается сущность и гдѣ находятся границы духовной власти, и какiя злоупотребленiя и гибельные обычаи вкрались въ церковь съ теченiемъ времени“, потому что только такимъ путемъ „легко будетъ сохранить миръ и установить единенiе между церковью и государствомъ“. Старыя духовныя школы при епископскихъ каѳедрахъ (семинарiи) и монастыряхъ были закрыты, и на ихъ мѣсто учреждены новыя, гдѣ будущимъ клирикамъ внушалась мысль о томъ, „что церковь должна быть полезною государству“, и сознательно устранялось все, что правительство называло ложнымъ „благочестiемъ“ (Afterandacht), „ханжествомъ“ (Andächtelei), „преувеличенною добродѣтельностью“ (übertriebene Tugend), а „паче всего всякое подобiе аскетизма и монашества“.

Таково было отношенiе просвѣщеннаго абсолютизма къ церкви. Когда подъ влiянiемъ французской революцiи просвѣщенный абсолютизмъ уступилъ мѣсто абсолютизму реакцiонному, отношенiе свѣтской власти къ духовенству сдѣлалось инымъ и возобладала старая система, выражавшаяся словами: „союзъ алтаря и трона“.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнiю взаимныхъ отношенiй просвѣщеннаго абсолютизма и сословнаго строя.

Мирабо въ своей книгѣ „О прусской монархiи“, вышедшей

въ свѣтъ почти одновременно съ кончиною Фридриха II, отмѣчаетъ неразъ соціальный консерватизмъ короля-философа, его вѣрность правилу „измѣнять поменьше", „оставлять все на прежнихъ основаніяхъ" (sur les bases qu'il avait trouvées ou posées"). Совершенно вѣрно говоритъ онъ, что и вообще „прусскіе короли не хотѣли задѣвать (choquer) дворянъ уничтоженіемъ крѣпостничества". Фридрихъ II, по его словамъ, „безъ сомнѣнія, могъ бы заставить всѣхъ крупныхъ собственниковъ своей страны освободить крестьянъ, но такимъ актомъ власти онъ не хотѣлъ отвратить дворянство, въ которомъ нуждался для своей арміи". И еще слова Мирабо: Фридрихъ II „не видѣлъ въ свободѣ крестьянина великаго средства, но если бы и видѣлъ, то многія соображенія остановили бы его передъ этимъ шагомъ, особенно въ Помераніи, гдѣ столь много бѣднаго дворянства: могъ ли онъ рисковать оттолкнуть отъ себя (aliéner) померанское дворянство, отнимая у него такое право?" „Этотъ великій монархъ, читаемъ мы еще и еще тамъ же, не пытался отмѣнить барщину и крѣпостничество: безъ сомнѣнія, онъ чувствовалъ, что подобный переворотъ (rèvolution) выходитъ за предѣлы всей его власти, всего его могущества, какъ бы велики они ни были".

Какою въ соціальномъ отношеніи Фридрихъ II въ 1740 г. принялъ Пруссію отъ своихъ предшественниковъ, такою онъ и оставилъ ее въ 1786 г. своимъ преемникамъ, такою же она и дожила до іенской катастрофы 1806 г., и только реформы Штейна и Гарденберга [1]) нарушили характеризующій исторію монархіи Гогенцоллерновъ соціальный застой, сколько бы ни считалась эта монархія при Фридрихѣ II образцовымъ государствомъ по своимъ административнымъ, финансовымъ и военнымъ учрежденіямъ. Выработанное по его иниціативѣ, но опубликованное лишь при его преемникѣ общее земское право Пруссіи, несмотря на весь свой философскій духъ [2]), закрѣпляло сословное неравенство въ наиболѣе рѣзкихъ его формахъ. За дворянствомъ сохранялись всѣ его соціальныя привилегіи, бывшія своего рода вознагражденіемъ за утрату имъ политическаго значенія и за службу въ арміи, ибо оно поставляло офицеровъ, оплачивавшихся очень незначительнымъ жалованіемъ и жившихъ въ значительной мѣрѣ оброками съ

[1]) См. ниже, стр. 396.

[2]) См. выше, стр. 137 и ниже, стр. 384.

крестьянъ. Кромѣ того, король-философъ, свободный отъ цѣлой массы предразсудковъ, никакъ не могъ отдѣлаться отъ взгляда на дворянъ, какъ на людей бѣлой кости, высшей, такъ сказать, породы. Только дворянамъ, думалъ онъ, присущи чувство чести и настоящая храбрость, а потому лишь они и достойны были, по его мнѣнію, занимать офицерскія мѣста. „Allgemeines Landrecht" одному дворянству открывало доступъ къ почетнымъ должностямъ и къ королевскому двору (дворянинъ былъ „hoffähig"), дозволяло пріобрѣтать такъ-называемыя рыцарскія имѣнія (Rittergüter) съ вотчинною полиціей и юстиціей, признало за его помѣстьями и другія привилегіи (кромѣ изъятія отъ податей, уже ранѣе въ Пруссіи не существовавшаго) и т. п., а чтобы дворяне не марали своего высокаго званія, къ немалому неудовольствію многихъ же изъ нихъ, имъ запрещалось заниматься промышленностью и торговлею и вступать въ неравные браки.

Такъ при королѣ-философѣ, носителѣ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, высоко стоялъ сословно-дворянскій принципъ въ Пруссіи, бывшей въ то же время образцомъ бюрократическаго государства. И вотъ все-таки мы видимъ, что въ немъ чиновничество занимало только второй рангъ: сравнительно съ бюргерствомъ оно находилось въ привилегированномъ положеніи, но разъ чиновникъ не былъ дворяниномъ, доступъ ко двору былъ для него закрытъ, какъ и доступъ къ высокимъ должностямъ и къ пріобрѣтенію дворянскихъ помѣстій. За дворянствомъ и чиновничествомъ шло бюргерство или, вѣрнѣе высшій его слой, состоявшій изъ зажиточныхъ и образованныхъ семействъ, самимъ законодательствомъ выдѣлявшійся изъ остальнаго городского населенія и обладавшій сравнительно съ нимъ кое-какими преимуществами, но въ то же время бюргеръ, поступившій на военную или гражданскую службу, не могъ расчитывать на такое же повышеніе, какъ его товарищи изъ дворянъ. Самую низшую ступень соціальной лѣстницы занимало крестьянство, въ которомъ были разныя категоріи, но на которое государство смотрѣло, главнымъ образомъ, какъ на податную массу, нуждающуюся для блага государства въ помѣщичьей и чиновничьей опекѣ.

Крѣпостное состояніе въ Пруссіи было уничтожено только въ 1807 г. Правда, уже въ упомянутомъ земскомъ правѣ 1794 г. старый терминъ крѣпостничества (Leibeigenschaft) былъ замѣненъ терминомъ наслѣдственнаго поддан-

ства (Erbunterthänigkeit), но эта словесная замѣна сущности дѣла не мѣняла, и въ рукахъ помѣщиковъ вмѣстѣ съ вотчинной полиціей и юстиціей оставались барщинный трудъ прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ, разные поборы и право палочной расправы. Правда, съ самаго начала XVIII в. прусскіе государи кое-что дѣлали для крестьянъ своихъ доменовъ, освобождали ихъ отъ крѣпостничества и создавали мелкую крестьянскую собственность, но дворяне не слѣдовали примѣру государя, да и чиновники, управлявшіе королевскими доменами, не оказывались достаточно исполнительными по отношенію къ монаршей волѣ, требовавшей улучшенія крестьянскаго быта. Чиновники сами являлись притѣснителями народа, какъ-будто, говорилось въ одномъ указѣ короля-философа, крестьяне были ихъ крѣпостными. Что помѣщики и чиновники очень часто совсѣмъ не повиновались королевской волѣ, видно изъ неоднократныхъ запрещеній при Фридрихѣ II такъ называемого „Legen'a“, т.-е. сноса крестьянскихъ дворахъ и присоединенія ихъ надѣловъ къ барской землѣ за произвольно самимъ помѣщикомъ устанавливаемое вознагражденіе [1]). Несмотря на то, что мѣстные чины въ монархіи Гогенцоллерновъ утратили всякое политическое значеніе, они все-таки могли тормазить правительственныя начинанія въ крестьянскихъ отношеніяхъ. Въ 1763 г. Фридрихъ II предписалъ померанской доманіальной и военной палатѣ „абсолютно и безъ малѣйшаго резонированія“ освободить всѣхъ крѣпостныхъ въ деревняхъ королевскихъ, помѣщичьихъ и принадлежавшихъ городамъ, но мѣстные чины заявили королю, что въ провинціи нѣтъ никакого крѣпостничества, а существуетъ лишь „благодѣтельная и въ высшей степени выгодная связь“ (Verbindung) между крестьянами и землевладѣльцами, только и удерживающая населеніе въ странѣ (иначе будетъ Depeuplirung) и дозволяющая правильно поставлять рекрутъ въ армію его величества. Этотъ аргументъ былъ настолько силенъ, что король издалъ въ слѣдующемъ году для Помераніи „крестьянскій уставъ“ (Bauernverordnung), гдѣ уже невидно и попытки что-либо измѣнить сколько-ни-

---

[1]) Объ этомъ „легенѣ“ см. Помѣстье-государство, стр. 364—365. Посредствомъ легена въ сосѣднемъ Мекленбургѣ дворянство къ началу XIX в. совсѣмъ обезземелило крестьянъ.

будь существеннымъ образомъ [1]). Только въ провинціи, доставшейся Пруссіи по первому раздѣлу Польши, Фридрихъ II имѣлъ возможность значительно улучшить положеніе крестьянской массы и уничтожить, какъ онъ писалъ Вольтеру, царившее тамъ рабство (esclavage).

Гораздо болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ Фридрихъ II, въ отрицательномъ отношеніи къ сословнымъ привилегіямъ оказался Іосифъ II.

Въ Австріи уже при Маріи-Терезіи, въ силу государственной необходимости, старымъ сословнымъ привилегіямъ были причинены кое-какіе ущербы, хотя императрица лично была расположена къ сохраненію дворянскихъ правъ и преимуществъ и—въ антидворянскихъ тенденціяхъ Іосифа II усматривала лишь уничтоженіе значенія знати подъ благовиднымъ предлогомъ содѣйствія народному благу. Мы знаемъ, что уже при ней были отмѣнены или ослаблены многія стороны сословнаго самоуправленія [2]), введены косвенные налоги, падавшіе и на дворянъ, и нѣкоторые прямые, отъ коихъ не были изъяты и дворянскія земли, допущены на гражданскую и военную службу недворяне и т. п. Іосифъ II, прямо одержимый нерасположеніемъ къ дворянскимъ привилегіямъ, уже съ особою охотою отмѣнялъ въ этомъ отношеніи многіе остатки старины. Въ частности, въ крестьянскомъ дѣлѣ при Маріи-Терезіи было вмѣнено въ обязанность окружнымъ начальникамъ защищать крестьянъ отъ помѣщиковъ, принимались мѣры противъ обезземеленія крестьянъ помѣщиками и, въ особенности, дѣлались попытки ограничить барщину, доходившую иногда до шести дней въ недѣлю. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Марія-Терезія издала для отдѣльныхъ областей монархіи рядъ указовъ о барщинѣ, или такъ называемыхъ „Robot und Urbarial-Patent'овъ" [3]), ограничивавшихъ обязательную работу крестьянъ тремя днями въ недѣлю. Первый такой патентъ былъ изданъ для Чехіи, дворянство которой протестовало, ссылаясь на то, что это противорѣ-

[1]) Этотъ случай и имѣется въ виду въ словахъ Мирабо, приведенныхъ на стр. 374.

[2]) См. выше, стр. 162 и слѣд.

[3]) Нѣмецкое слово „Robot" взято изъ слав. „работа" (барщина), а „урбаріями" назывались записи крестьянскихъ повинностей (отъ мадьяр. *ur*—господинъ и *ber*—плата, подать).

чить коронаціонной присягѣ государыни, нарушаетъ законныя права собственности и поведетъ только къ распущенности крестьянства и разоренію дворянства. Въ свою очередь, крестьяне не вѣрили въ этотъ патентъ, считая его подложнымъ, подлинный же скрытымъ помѣщиками; они даже начали прямо возставать. Поэтому въ слѣдующемъ патентѣ (для Моравіи) уже подчеркивалось, что даруется облегченіе лишь крестьянина, отнюдь не отмѣна повинностей. Крестьянскія волненія въ разныхъ частяхъ монархіи особенно обращали на себя вниманіе императрицы, и она жаловалась, что ея министры, принадлежа сами къ помѣщичьему классу, мало содѣйствуютъ ей въ улучшеніи положенія крестьянъ. Іосифъ II еще при жизни матери говорилъ, что только авторитетъ власти (Machtspruch) въ состояніи положить конецъ крѣпостничеству. По вступленіи на престолъ онъ издалъ рядъ „патентовъ“ (въ 1781, 1782 и 1785 гг.), которыми улучшалось правовое положеніе крестьянъ вообще и даже прямо отмѣнялось крѣпостничество. Венгерское дворянство протестовало, указывая на то, что крестьянская неволя была установлена въ королевствѣ сеймовымъ постановленіемъ 1514 г. [1]) и что, слѣдовательно, государь своею единоличною властью не имѣлъ права отмѣнять права дворянъ надъ крестьянами. Извѣстно, что уничтоженіе крѣпостного права, совершенное Іосифомъ II, осталось только на бумагѣ вслѣдствіе начавшейся послѣ его смерти реакціи, заставившей его преемника взять назадъ многія реформы своего брата. Отмѣнена была и его податная реформа невыгодная для дворянъ. Дѣло въ томъ, что государь-реформаторъ хотѣлъ привлечь къ платежу налоговъ и дворянъ, какъ это уже было въ нѣкоторыхъ странахъ. Однажды въ разговорѣ съ гр. Хотэкомъ, канцлеромъ богемско-австрійской придворной канцеляріи, защищавшимъ интересы дворянства, онъ сказалъ, что лучше заблаговременно уступить, чѣмъ ждать, когда крестьяне перестанутъ платить. Хотэкъ замѣтилъ ему на это, что крестьянъ можно заставить платить силою, и получилъ такой отвѣтъ, что сила находится на сторонѣ народа: „повѣрьте мнѣ, что если мужикъ не захочетъ платить, всѣ мы полетимъ долой“ (sind wir alle pritsch, причемъ послѣднее слово по-чешски значитъ „прочь“). Въ концѣ концовъ Хотэкъ вышелъ въ отставку, не желая под-

[1]) „Помѣстье-государство“, стр. 310.

писывать указъ, несправедливый, по его мнѣнію, въ отношеніи къ дворянству.

Іосифъ II, мечтавшій о замѣнѣ большей части налоговъ однимъ, который падалъ бы на землю, какъ единственный источникъ дохода, находилъ, что ненужно дѣлать никакого различія между разными категоріями владѣльцевъ земли, будутъ ли то государство, церковь, господа или крестьяне [1]). Съ этою цѣлью было даже приступлено въ нѣкоторыхъ областяхъ къ генеральному межеванію и къ составленію кадастра и учреждена (въ 1785 г.) особая „придворная коммиссія для регулированія налоговъ“ (Steuer-Regulierung-Hof-Kommission), а черезъ годъ реформа распространена на Венгрію. „Привилегіи и прерогативы дворянъ, сказано было въ императорскомъ указѣ, въ любой странѣ состоятъ не въ томъ, чтобы быть избавленными отъ повинностей, — напротивъ того, въ Англіи и Голландіи они платятъ больше другихъ сословій, — а въ томъ, чтобы самимъ имѣть право налагать на себя государственныя тяготы и показывать въ этомъ отношеніи примѣръ остальнымъ. Свободу личности, говорится далѣе, слѣдуетъ отличать отъ свободы имущества; съ экономической точки зрѣнія дворяне въ своихъ помѣстьяхъ суть не что иное, какъ земледѣльцы, скотопромышленники и мясники; въ городахъ они лишь обыватели и потребители; на дорогахъ и на перевозахъ — путешественники и пассажиры. Во всѣхъ этихъ случаяхъ они должны быть поставлены на одну ногу съ остальными обывателями и гражданами“ [2]).

Сословныя привилегіи ограничивались или отмѣнялись дѣятелями просвѣщеннаго абсолютизма. Министры-реформаторы южно-романскихъ странъ вели борьбу не съ однимъ духовенствомъ. Помбаль принималъ энергичныя мѣры противъ расхищенія дворянствомъ доменовъ и противъ его насилій надъ народомъ. Тануччи подчинялъ дворянскіе суды королевскимъ, даже прямо ихъ отмѣнялъ, а также бралъ сторону сельскаго населенія въ его поземельныхъ спорахъ съ феодаль-

---

[1]) Это была нѣсколько смягченная идея физіократовъ объ impôt unique на землю. Современники въ одинъ голосъ указывали на физіократизмъ Іосифа II.

[2]) Много сословныхъ привилегій оставалось и въ области суда, хотя въ уголовномъ судопроизводствѣ Іосифомъ II и было въ принципѣ, съ частными только исключеніями, установлено равенство сословій.

ными землевладѣльцами. Въ Савойѣ Карлъ-Эммануилъ III предпринялъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVIII в., полную ликвидацію крѣпостничества и сеньёрьяльныхъ правъ, которую во Франціи въ началѣ революціи нѣкоторые публицисты прямо выставляли, какъ примѣръ, достойный подражанія. Датскій министръ Струензе тоже былъ извѣстенъ, какъ „врагъ дворянства".

Антиклерикальная и антифеодальная политика просвѣщеннаго абсолютизма должна была вызвать противъ него оппозицію въ обоихъ сословіяхъ, которыя до того времени поддерживали абсолютизмъ, какъ самые надежные опору и оплотъ ихъ привилегій, ихъ интересовъ, ихъ властнаго и вліятельнаго положенія въ обществѣ. Вездѣ кромѣ, наприм., Пруссіи, шла страстная борьба абсолютизма съ духовенствомъ и дворянствомъ, и абсолютизмъ нерѣдко прибѣгалъ къ крайне насильственнымъ, деспотическимъ мѣрамъ (особенно въ Португаліи при Помбалѣ) противъ своихъ привилегированныхъ противниковъ. Клерикально-аристократическая оппозиція повсемѣстно подготовляла реакцію, и еще до начала французской революціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта реакція уже имѣла успѣхъ.

Въ Португаліи едва умеръ покровитель Помбаля, Іосифъ-Эммануилъ, какъ при дочери его Маріи началось противъ всесильнаго когда-то министра гоненіе, и характеръ новаго курса, принятаго правительствомъ, выразился въ томъ, что въ число наиболѣе чествуемыхъ святыхъ были включены папа Григорій VII, проповѣдовавшій главенство духовной власти надъ свѣтскою, и Игнатій Лойола, основатель ордена іезуитовъ, изгнаннаго Помбалемъ изъ Португаліи. Въ Испаніи Аранда еще при жизни Карла III по проискамъ духовенства долженъ былъ преждевременно покинуть свой постъ, а одинъ изъ его преемниковъ, Олавидесъ, поплатился за свое свободомысліе тюремнымъ заключеніемъ. Въ Швеціи, Густавъ III, возстановитель абсолютизма, искавшій популярности у французскихъ философовъ, тоже повѣяло реакціей, и вся „просвѣщенность„ не спасла короля отъ дикой ненависти къ французской революціи. Въ Даніи смѣлый реформаторъ, Струензе, по проискамъ двора жестоко поплатился за свои реформаторскія начинанія, сложивъ голову на плахѣ, что сопровождалось отмѣною и его реформъ. Даже въ Пруссіи, гдѣ, собственно говоря, и не было борьбы абсолютизма съ церковью и дво

рянствомъ, въ зависимости отъ личнаго характера преемника Фридриха II, его племянника Фридриха-Вильгельма II, тоже измѣнился общій характеръ внутренней политики въ направленіи суевѣрнаго ханжества, отвращенія ко всему французскому и въ частности къ раціоналистической философіи вѣка и т. п. Въ 1788 и 1792 гг. здѣсь были даже изданы эдикты, запрещавшіе свободу совѣсти и свободу печати, какъ ни ограничена была послѣдняя и раньше. Французская революція окончательно направила этого короля на путь реакціи. Онъ самъ заявлялъ, что „его ремесло—быть монархистомъ" [1]), и потому онъ такъ охотно примкнулъ къ союзу съ Австріей для борьбы съ революціонной Франціей.

Особенно важный въ историческомъ отношеніи примѣръ консервативной оппозиціи просвѣщенному абсолютизму, перешедшей потомъ въ неумолимую клерикально-феодальную реакцію противъ предпринятыхъ и совершенныхъ уже реформъ, представляютъ собою событія царствованія Іосифа II въ Австріи [2]). Дѣло въ томъ, что этотъ „революціонеръ на

---

[1]) То же самое („я по ремеслу своему обязанъ быть роялистомъ"), узнавъ о сѣверо-американскомъ возстаніи, заявлялъ и Іосифъ II, по свидѣтельству одного изъ многочисленныхъ о немъ анекдотовъ.

[2]) Въ неразъ уже называвшейся у насъ книгѣ *П. Митрофанова* „Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и враги" каждая отдѣльная глава, разсматривающая какую-либо сторону преобразовательныхъ начинаній этого „революціонера на тронѣ", оканчивается отдѣлами, спеціально посвященными именно врагамъ его политики. Авторъ справедливо указываетъ на то, что оппозиція противъ реформъ Іосифа II была двоякая: консервативная, вызывавшаяся, главнымъ образомъ, проведеніемъ въ жизнь просвѣтительныхъ идей, и прогрессивная, направленная противъ самого абсолютизма во имя свободы (стр. 770). „Обыкновенно, говоритъ онъ, принято характеризовать ее (оппозицію), какъ консервативную, отмѣчая въ ней исключительное участіе духовенства и привилегированныхъ сословій, вступавшихся за свои нарушенныя прерогативы. Такая характеристика будетъ, пожалуй, не совсѣмъ точной: она не обнимаетъ всей совокупности оппозиціонныхъ факторовъ и явленій" (стр. 771).. Тѣмъ не менѣе все-таки приходится настаивать на томъ, что и количественно, и качественно главная роль въ оппозиціи Іосифу II принадлежала консервативнымъ элементамъ, какъ это видно изъ перечисленія силъ оппозиціи, сдѣланнаго самимъ же авторомъ (стр. 771—772). Ср. указанную выше (стр. 354) мою статью.

тронѣ“ своими реформами задѣлъ не только права привилегированныхъ сословій, но и національныя чувства и историческія традиціи цѣлыхъ населеній въ своей монархіи. Его рѣзко централизаторская политика [1]) сопровождалась извѣстнаго рода германизаціей отдѣльныхъ областей (кромѣ Бельгіи и Ломбардіи), и если здѣсь не было ничего общаго съ денаціонализаціей въ духѣ племенной нетерпимости, развившейся въ XIX в., — Іосифъ II самъ говорилъ, что будь Венгрія главнымъ его государствомъ, онъ не задумался бы сдѣлать мадьярскій языкъ государственнымъ — то все-таки въ нѣмецкомъ населеніи монархіи былъ сильно затронутъ мѣстный патріотизмъ. Іосифъ II отказался короноваться венгерскою короною, приказавъ перевести ее въ Вѣну, не созывалъ венгерскаго сейма и даже комитетскихъ сеймиковъ, уничтожилъ остатки обособленнаго положенія Богеміи, не пожелавъ при этомъ короноваться и въ Прагѣ, допускалъ въ обоихъ „королевствахъ“ (Венгріи и Чехіи) въ качествѣ оффиціальнаго языка только нѣмецкій и постоянно нарушалъ и конституціи отдѣльныхъ областей въ австрійскихъ Нидерландахъ, объявивъ подконецъ и полное уничтоженіе стараго сословнаго самоуправленія въ Бельгіи. Въ послѣдней противъ Іосифа II вспыхнула настоящая революція, скоро слившаяся съ французской, а Венгрія вступила въ сношенія съ Пруссіей, желая отложиться отъ Габсбурговъ. Преемникъ Іосифа II, самъ дѣйствовавшій раньше въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма въ Тосканѣ [2]), для спасенія цѣлости монархіи пошелъ на уступки, примѣръ чему показалъ уже самъ Іосифъ II, взявъ назадъ бо̀льшую часть непріятныхъ клиру и аристократіи нововведеній, кромѣ эдиктовъ о вѣротерпимости и объ уничтоженіи крѣпостного права.

Во Франціи попытка реформъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма сдѣлана была, въ началѣ царствованія Людовика XVI, министромъ-физіократомъ Тюрго [3]), но онъ не продержался на своемъ посту и двухъ лѣтъ, будучи свергнутъ коалиціей придворныхъ сферъ, высшаго духовенства и финансистовъ. Привилегированные во Франціи проявили даже особую силу въ борьбѣ съ малѣйшими поползновеніями пра-

---

[1]) См. выше, стр. 160—161.

[2]) О томъ, какъ Тоскана досталась Габсбургамъ, см. выше, стр. 101.

[3]) Ср. выше, стр. 360 и 362—363.

вительства къ реформамъ, задѣвавшимъ интересы духовенства, дворянства и двора [1]).

Такова въ общихъ чертахъ исторія просвѣщеннаго абсолютизма на Западѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ эту эпоху въ теоріи государь уже не ставилъ себя, какъ прежде, внѣ и надъ государствомъ, какъ то́ было при господствѣ чисто теократической деспотіи или чисто патримоніальной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и не мыслилъ себя въ составѣ юридической личности государства, какъ это принято въ современной конституціонной монархіи, и, слѣдовательно, не признавалъ себя частью этой самой личности, въ качествѣ лишь одного изъ ея органовъ, рядомъ съ которымъ могутъ существовать и другіе органы. Абсолютистическая теорія государства характеризуется тѣмъ, что въ ней государь является находящимся не внѣ государства и не въ его составѣ, а какъ бы въ себѣ самомъ воплощающимъ все государство, хотя бы при этомъ въ отдѣльныхъ заявленіяхъ, наприм., Фридриха II или Іосифа II и звучали нѣсколько иныя ноты. Во всякомъ случаѣ, идея просвѣщеннаго абсолютизма была болѣе высокою, чѣмъ идея абсолютизма Людовика XIV, такъ какъ поглощеніе государства въ личности государя теоретически оправдывалось здѣсь благомъ государства, а не славою государя. Это и оффиціально заявлялось въ законодательныхъ сборникахъ той эпохи [2]). Наприм., „Максимиліановскій баварскій кодексъ“ 1756 г. говоритъ, что „право имѣетъ различныя значенія“, но что самъ онъ употребляетъ это понятіе въ смыслѣ „закона, т.-е. идущаго отъ верховной власти предписанія (oberherrschaftliches Gebot), обращеннаго къ подданному въ вещахъ, касающихся общаго блага“. „Всеобщій гражданскій законникъ“ Іосифа II 1787 г., исходя изъ того, что „каждымъ подданнымъ ожидаютъ отъ государя страны безопасности и охраны“, заявляетъ, что „это обязанность государя страны — ясно опредѣлить права подданныхъ и направлять ихъ поступки такимъ образомъ, какъ того требуетъ общее и особенное (т.-е. частное) благосостояніе“, причемъ прибавлялось, что „подъ охраною и руководствомъ законовъ страны всѣ подданные безъ исключенія наслаждаются совершенною свободою“. Прусское „Всеобщее земское право“ 1794 г. равнымъ

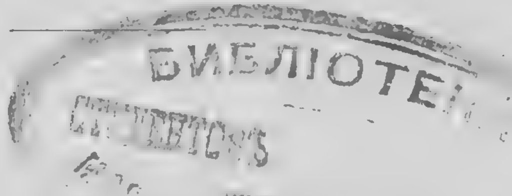
[1]) Ср. выше, стр. 130—133.

[2]) Объ этихъ сборникахъ см. выше, стр. 137 и 174—176.

образомъ объявляло, что „благо государства вообще и его жителей въ частности есть задача (der Zweck) гражданскаго соединенія и общая цѣль (das allgemeine Ziel) законовъ“ и что „преимущественною обязанностью высшаго главы въ государствѣ (des Oberhaupts im Staate) заключается въ поддержаніи какъ внѣшняго, такъ и внутренняго спокойствія и безопасности и охранять каждаго при своемъ (Jeden bey dem Seinigen) противъ насилій и покушеній“, вмѣстѣ съ заботою о „такихъ учрежденіяхъ (Anstalten), чрезъ которыя для обывателей создавались бы средства и поводы къ тому, чтобы воздѣлывать свои способности и силы и направлять ихъ къ споспѣшествованію (Beförderung) ихъ благосостоянія“. Хотя, по выраженію Сореля, этотъ памятникъ прусскаго законодательства и былъ „декларацiей правъ государства и государя“ [1]), однако, въ немъ нашли мѣсто и тезисы объ „естественной свободѣ и правахъ гражданъ“, о „всеобщихъ человѣческихъ правахъ“, о правѣ каждаго жителя государства „требовать себѣ защиты и даже заработка въ случаѣ отсутствія средствъ къ существованію“. Оба кодекса, т.-е. и австрійскій, и прусскій одинаково подчеркиваютъ абсолютизмъ королевской власти. „Изъ высшей власти, присущей государю страны, читаемъ мы въ первомъ изъ нихъ, вытекаетъ обязательность всѣхъ правильнымъ порядкомъ (in dem ordentlichen Wege) обнародованныхъ законовъ“. Еще опредѣленнѣе и подробнѣе говоритъ о томъ же кодексъ прусскій: „всѣ права и обязанности государства по отношенію къ его гражданамъ и подзащитнымъ людямъ (schutzverwandten) соединяются въ его верховномъ главѣ“, уполномоченномъ „направлять и опредѣлять внѣшнія дѣйствія всѣхъ обывателей“ къ достиженію общаго блага. Въ частности прусское „Земское право“ признаётъ за королемъ „право величества“ издавать и отмѣнять законы и „всеобщія полицейскія распоряженія, равно какъ и „объявленія о нихъ съ силою законовъ“. Между такимъ опредѣленіемъ власти и признаніемъ за подданными ихъ естественныхъ правъ, однако, существовало непримиримое противорѣчіе, потому что одно не могло существовать рядомъ съ другимъ, и дальнѣйшее политическое развитіе Запада пошло не по той дорогѣ, на которую выводилъ его просвѣщенный абсолютизмъ.

---

[1]) См. выше, стр. 346.

ГЛАВА XX.

Французская революція и абсолютизмъ Наполеона I [1]).

Неудачи сопротивленія абсолютизму въ XVI и XVII вв.—Неудача абсолютизма въ Нидерландахъ и въ Англіи и англійская конституція въ XVIII вѣкѣ.—Начало рецепціи конституціоннаго строя на материкѣ въ 1789 г.—Двѣ главныя стороны французской революціи.—Неудача попытки основанія во Франціи конституціонной монархіи и республики.—Характеръ власти Наполеона I и характеръ его политики.—Возвращеніе къ традиціямъ абсолютизма и родство наполеоновскаго режима съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ.—Просвѣщенный абсолютизмъ наполеоновской эпохи въ другихъ странахъ.

Въ исторіи европейскаго абсолютизма слѣдуетъ различать два періода—до и послѣ французской революціи, періодъ его господства и періодъ крушенія, когда послѣ удара, нанесеннаго во Франціи абсолютизму, а вмѣстѣ съ нимъ и сословности, эта политическая форма могла расчитывать лишь на временное торжество.

Какъ мы уже видѣли, абсолютизмъ не разъ и до французской революціи вызывалъ противъ себя оппозицію и даже возстанія въ отдѣльныхъ странахъ, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ такія революціи оканчивались пораженіями [2]). Кастильское и арагонское возстанія 1521 и 1590 г. были сурово подавлены; во Франціи вооруженная борьба съ королевскою властью въ эпоху религіозныхъ войнъ и попытки генеральныхъ штатовъ этой эпохи, въ особенности штатовъ 1588 г. тоже ни къ чему не привели; чешская ре-

[1]) Для этой главы, гдѣ на первый планъ выдвигается абсолютизмъ въ эпоху Наполеона I, см. мою „Исторію Западной Европы“, т. IV, главы IV, VII, IX и X. Ср. „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“, гл. III, а также гл. VIII—XII „Народноправового государства“.

[2]) Ср. Помѣстье-государство, стр. 346, 351 и 352, а также выше, стр. 58, 80 и 86.

волюція, открывающая собою въ 1618 г. тридцатилѣтнюю войну, была послѣ бѣлогорской битвы потоплена въ морѣ крови; венгерскія возстанія 1687 и 1707 гг. тоже были неудачными, и только особыя обстоятельства заставили власть не совсѣмъ уже покончить съ вольностями королевства св. Стефана. Революція побѣдила абсолютизмъ, главнымъ образомъ, только въ Нидерландахъ, часть которыхъ въ 1581 г. отложилась отъ своего короля, и въ Англіи, гдѣ весь почти XVII в. прошелъ въ политической борьбѣ, дважды обострявшейся въ настоящія революціи [1]).

Всѣ эти революціи XVI и XVII вв., каковъ ни былъ ихъ исходъ, имѣли между собою одно общее: то былъ ихъ, такъ сказать, консервативный характеръ, потому что во всѣхъ случаяхъ аггрессивную роль играла королевская власть, а оппозиція основывала свои притязанія на старомъ историческомъ правѣ, какъ это было и въ Бельгіи восьмидесятыхъ годовъ XVIII в., возмутившейся противъ деспотизма Іосифа II. Въ то же время, однако, въ эпоху этихъ, большею частью неудачныхъ революцій вырабатываются нѣкоторые лозунги, которые впослѣдствіи сдѣлались лозунгами и новыхъ революцій, имѣвшихъ уже не оборонительный, а наступательный характеръ и совершавшихся во имя не историческаго, а такъ называемаго естественнаго права. И нидерландская, и обѣ англійскія революціи защищали старую національную свободу противъ стремившагося ее въ корень уничтожить абсолютизма, французская революція и всѣ за нею слѣдующія вплоть до русской 1905 г. должны были вновь создавать свободу тамъ, гдѣ ея не было, гдѣ царилъ абсолютизмъ, и гдѣ противъ него нельзя уже было выдвигать какія-либо историческія права сословій или націи, а потому приходилось идти подъ знаменемъ идеи естественнаго права или, что то же, „правъ человѣка и гражданина“.

Въ смыслѣ преемственности политическихъ идей [2]), подъ знаменемъ которыхъ совершались почти всѣ революціи новаго времени, французская революція имѣла свои прецеденты

---

[1]) Сюда можно было бы отнести еще Шотландію съ ея двумя революціями второй половины XVI в. и съ революціей 1637 г., но самое возникновеніе послѣдней указываетъ на то, что первыя двѣ имѣли лишь временный успѣхъ.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ началѣ гл. XXIII.

въ обѣихъ англійскихъ XVII вѣка и въ нидерландской XVI столѣтія. Именно, во второй половинѣ XVI вѣка, когда противъ королевской власти шла борьба, кромѣ Нидерландовъ, еще во Франціи и въ Шотландіи, во всѣхъ трехъ странахъ она нашла литературное выраженіе въ политическихъ трактатахъ такъ называемыхъ „монархомаховъ", выдвигавшихъ противъ королевскаго абсолютизма идею народовластія, хотя бы и въ болѣе или менѣе аристократическомъ или сословномъ ея пониманіи. Въ отпавшей отъ Филиппа II части Нидерландовъ эта идея нашла практическое примѣненіе въ томъ республиканскомъ устройствѣ, какое дала себѣ эта страна. На короткое время, между 1649 и 1660 гг., такое же устройство устанавливалось и въ Англіи послѣ побѣды парламента надъ королемъ, и индепенденты, бывшіе главными организаторами англійской республики, изъ своей среды тоже выдвинули политическихъ писателей, въ сущности, повторявшихъ тѣ же самыя идеи, которыя въ предыдущемъ столѣтіи развивали въ своихъ сочиненіяхъ монархомахи-кальвинисты. Но принципъ народовластія, какъ онъ проводился въ политической литературѣ XVI и XVII вв., не требовалъ непремѣнно отмѣны королевской власти и введенія республики. Онъ допускалъ и существованіе монархіи, но только монархіи ограниченной, дѣйствующей съ представительными учрежденіями, какъ то было въ эпоху монархіи сословной [1]). Индепендентская республика въ Англіи не удержалась, и когда черезъ четверть вѣка послѣ возстановленія монархіи произошла вызванная стремленіемъ королевской власти къ абсолютизму новая революція, то Англія осталась монархіей, что отразилось и на тогдашней политической литературѣ, попрежнему, однако, выводившей верховную властью въ государствѣ изъ естественнаго права народа на свободу и на самоуправленіе.

Вторая англійская революція завершила вѣковой историческій споръ между королевскою властью и парламентомъ. На основѣ тѣхъ взаимоотношеній короны и представительства, какія окончательно опредѣлились въ Англіи, возникла та англійская конституція XVIII вѣка, которую рекомендовалъ своимъ соотечественникамъ Монтескьё въ „Духѣ законовъ", бывшій въ то же время защитникомъ сословной монархіи

[1]) Помѣстье-государство, гл. XVIII (Политическая теорія сословной монархіи).

противъ абсолютизма, ибо въ его терминологіи монархіей признавалась вообще только закономѣрная, ограниченная монархія, тогда какъ для абсолютизма онъ пользовался словомъ „деспотія". Англійская конституція въ XVIII в. искусно сочетала „прерогативу" короны съ „привилегіей" палатъ, создавъ изъ „короля въ парламентѣ", хотя и абсолютную, деспотическую, какъ учили юристы, но закономѣрную власть надъ свободной націей. Англійское государственное устройство съ легкой руки Монтескьё сдѣлалось синонимомъ правильной конституціи или вообще конституціи въ томъ техническомъ значеніи, какое это слово пріобрѣло съ великой французской революціи [1]).

Съ 1789 г., когда Франція приступила къ ликвидаціи у себя стараго порядка, началась рецепція англійскаго строя конституціонной монархіи на материкѣ, замѣна представительною монархіей того абсолютизма, который былъ господствующею реформою политическаго устройства до того времени. Исторія этой рецепціи есть, въ сущности, исторія цѣлаго ряда революцій, обошедшихъ всѣ страны Европы и нѣкоторыя изъ нихъ посѣтившихъ даже не одинъ разъ. Общая черта этихъ революцій, это—предъявленіе старой власти требованія ограничить себя народнымъ представительствомъ, установить гражданскія свободы, т.-е. оградить индивидуальныя и общественныя права отъ произвола и опеки правительства и осуществить другія реформы, вытекавшія изъ идей естественнаго права, изъ принциповъ свободы и равенства. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ 1789 годъ является началомъ новой эпохи не только въ исторіи Франціи, но и въ исторіи всей Европы [2]). Если бы замѣна „бюрократическаго государства и сословнаго общества стараго порядка" современнымъ „народно-правовымъ государствомъ и безсословнымъ гражданствомъ" совершилась сразу и въ полномъ объемѣ, мы могли бы остановиться въ разсмотрѣніи стараго порядка на 1789 г., но дѣло въ томъ, что онъ продолжалъ еще существовать и даже господствовать и долго спустя послѣ этого, при-

---

[1]) Объ англійской конституціи и политическихъ теоріяхъ XVII и XVIII вв. см. „Народно-правовое государство", главы IV—VI.

[2]) См. въ „Народно-правовомъ государствѣ" главы VIII („Историческое значеніе французской революціи") и XXIV („Рецепція конституціоннаго строя, ея основныя причины и послѣдствія").

чемъ въ самой Франціи происходило не разъ возстановленіе абсолютизма.

Въ исторіи французской революціи нужно различать двѣ стороны—политическую и соціальную. Уже многіе историки этой революціи указывали на то, что стремленіе къ реформамъ въ гражданскомъ быту и началось раньше, и крѣпче укоренилось во французской націи, нежели стремленіе къ политической свободѣ, и что, соотвѣтственно съ этимъ, изъ пріобрѣтеній революціи удержались прочнѣе тѣ, которыя касались общественнаго строя, а не государственной формы. Французы, можно вообще сказать, гораздо больше и дольше желали равества, чѣмъ свободы, къ которой совершенно и не могъ ихъ пріучить господствовавшій въ странѣ режимъ. Передовые люди Франціи въ серединѣ XVIII в. еще стояли на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма, требуя проведенія необходимыхъ реформъ по иниціативѣ абсолютнаго монарха и путемъ бюрократическаго воздѣйствія на общество [1]). Когда буря революціи улеглась и установился на нѣкоторое время въ странѣ опредѣленный порядокъ, то онъ оказался—въ политическомъ отношеніи — совсѣмъ не тѣмъ, къ чему французы стремились въ 1789 г.

Главная работа учредительнаго собранія 1789—1791 г. заключалась въ томъ, чтобы рядомъ съ переустройствомъ гражданскихъ отношеній произвести и политическую реформу въ смыслѣ замѣны абсолютизма конституціонной монархіей. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, какъ не удалась и попытка основанія во Франціи свободнаго государства въ республиканской формѣ. Осенью 1792 г. національный конвентъ объявилъ Францію республикой, но три года страна управлялась безъ конституціи, совершенно по-диктаторски, причемъ въ дѣятельности тогдашнихъ правителей Франціи воскресли всѣ худшіе административные пріемы стараго порядка. Затѣмъ наступаетъ эпоха директоріи, управляющей страною на основаніи конституціи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ постоянныя нарушенія этой конституціи путемъ „государственныхъ переворотовъ", послѣдній изъ которыхъ, позднею осенью 1799 г., передаетъ власть снова въ руки одного лица. Десятилѣтняя смута привела въ политическомъ отношеніи только къ возстановленію абсолютизма [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 359—363.

[2]) „Народно-правовое государство", гл. X.

Съ 1799 по 1814 г. Франціей правилъ человѣкъ, котораго и монархисты стараго закала, и принципіальные республиканцы одинаково считали узурпаторомъ, было ли въ ихъ глазахъ здѣсь похищеніе власти, принадлежавшей по милости Божіей законной династіи или по естественному праву всему народу. Имперія Наполеона I съ консульствомъ, бывшимъ лишь ея преддверіемъ, относится къ тому же типу историческихъ образованій, какими были тираннія въ древней Греціи, цезаризмъ въ Римѣ, итальянскій принципатъ конца среднихъ вѣковъ, т.-е. это была не старая традиціонная монархія съ ея болѣе или менѣе глубоко внѣдрившимися въ народную жизнь корнями, а военная диктатура отъ имени и во имя народа, признавшаго надъ собою власть одного лица. Формально власть Наполеона I была окружена конституціонными учрежденіями, но это были простыя декораціи, реальностью же было ничѣмъ неограниченное господство всенароднаго избранника, опирающагося на войско, чиновничество и духовенство, который долженъ былъ охранять всѣмъ могуществомъ государства гражданскія пріобрѣтенія революціи. Изъ двухъ сторонъ революціи, соціальной и политической, имперія Наполеона I была только консолидаціей первой, т.-е. отмѣны остатковъ серважа и сеньёрьяльныхъ правъ, уничтоженія сословій съ ихъ привилегіями, установленія равенства всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенности права собственности на земли, принадлежавшія прежде церкви и эмигрантамъ, но купленныя у націи въ эпоху революціи новыми владѣльцами и т. п. Эту сторону революціи Наполеонъ не только охранялъ во Франціи отъ возможности возвращенія стараго порядка, но и распространялъ въ другихъ странахъ, въ чемъ былъ настоящимъ продолжателемъ революціи. Но въ политическомъ отношеніи Наполеонъ былъ совершенный абсолютистъ, вся политика котораго носила на себѣ печать крайней неограниченности и безотвѣтственности власти. Когда въ 1813 г., послѣ несчастнаго похода въ Россію, Наполеонъ замѣтилъ въ законодательномъ корпусѣ первые признаки оппозиціи, онъ собственною властью установилъ бюджетъ и ввелъ новые налоги. „Отъ чьего имени вы говорите? спрашивалъ онъ при этомъ,—вѣдь только я, одинъ я—настоящій представитель народа“. Народовластіе представлялось ему, какъ ши-

рокая основа для правительства съ самыми обширными полномочiями, такъ какъ только правительство въ лицѣ главы государства и есть истинный представитель народа. У Наполеона даже былъ свой „особый способъ признавать (la manière de reconnaître la souveraineté du peuple), и это было не что иное, какъ сообразованiе своей политики съ общимъ духомъ нацiи. Этотъ духъ нацiи заставилъ его, наприм., заключить съ папою конкордатъ и постараться дать своей власти религiозную санкцiю возстановленiемъ обряда вѣнчанiя на царство и включенiемъ въ школьный катехизисъ такихъ мѣстъ: „мы обязаны по отношенiю къ Наполеону I, нашему императору, любовью, почтенiемъ, повиновенiемъ, вѣрностью, военною службою и податями,... потому что Богъ,... надѣливъ его дарами въ дѣлахъ мира и войны,... сдѣлалъ его орудiемъ своей власти и образомъ своимъ на землѣ", такъ что „почитать нашего императора и служить ему все равно, что почитать и служить самому Богу", а потому, кто не исполнилъ бы своихъ обязанностей къ императору, тѣмъ самымъ „оказалъ бы сопротивленiе порядку, установленному самимъ Богомъ, и сдѣлался бы достойнымъ вѣчнаго осужденiя". Возстановляя во Францiи католическiй культъ, Наполеонъ хотѣлъ изъ религiи сдѣлать орудiе своей власти: католическое раздѣленiе свѣтской и духовной властей ему прямо не нравилось, болѣе же по душѣ приходились мусульманскiй мiръ, Византiя, Россiя протестантскiя страны: онъ даже выражалъ сожалѣнiе, что для него закрытъ путь Генриха VIII, сдѣлавшагося главою англиканской церкви. „Мои соборы, мечталъ онъ на островѣ Св. Елены, были бы представительствомъ христiанства, и папы были бы лишь ихъ предсѣдателями; я бы открывалъ и закрывалъ эти собранiя, утверждалъ бы и обнародовывалъ бы ихъ рѣшенiя, какъ это дѣлали раньше Константинъ и Карлъ Великiй",—и это была мечта настоящаго цезаропапизма, при которомъ то „возвращенiе народу полноты его правъ въ дѣлѣ религiи", о которомъ Наполеонъ говорилъ при заключенiи конкордата, можно понимать лишь въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и турецкiй султанъ осуществляетъ полноту правъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ, не мѣшая имъ ходить въ мечети. „Правительствамъ, говорилъ Наполеонъ, хорошо имѣть дѣло съ разъ признанными догматами, которые болѣе не мѣняются: суевѣрiе, такъ сказать, упорядочивается,

ограничивается и ставится въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ оно болѣе не можетъ выйти".

Если католицизмъ для Наполеона имѣлъ ту дурную сторону, что церковь, раздѣляя власть съ государствомъ, оставляетъ за собою дѣйствіе на умъ и совѣсть, отдавая свѣтской власти одно только тѣло, „беретъ себѣ душу, а правительству бросаетъ трупъ", то у правительства все-таки оставался еще способъ воздѣйствія на общество посредствомъ страха, который Монтескьё не напрасно называлъ движущею силою деспотическаго государства. „Моя имперія рушится, признавался Наполеонъ, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, — и долженъ немедленно же съ своей стороны подавлять всякое предпріятіе". — „Чтобы хорошо управлять, говорилъ онъ еще, нужно быть военнымъ: хорошо управлять можно только въ ботфортахъ и со шпорами". Отсюда — недопустимость какой-бы то ни было критики правительственныхъ мѣропріятій. „Пусть, наприм., заявлялъ онъ, другой кто-нибудь попробуетъ быть на моемъ мѣстѣ, и если онъ не будетъ стараться зажать ротъ разнымъ говорунамъ, онъ узнаетъ, что изъ этого выйдетъ. Что меня касается, могу васъ увѣрить: для хорошаго правленія нужно безусловное единство". Какъ въ дѣлѣ религіи нужно было сообразоваться съ общимъ духомъ, и въ этомъ въ пониманіи Наполеона заключалось признаніе народнаго верховенства, такъ дѣло обстояло для него и въ политикѣ. Въ то, что народъ желаетъ свободы, онъ не вѣрилъ. „Свобода, говорилъ онъ, можетъ быть потребностью лишь весьма малочисленнаго класса людей, отъ природы одареннаго болѣе высокими способностями, чѣмъ масса, но потому она и можетъ быть подавляема безнаказанно, тогда какъ равенство, наоборотъ, нравится именно массѣ".

Этихъ немногихъ признаній и заявленій Наполеона совершенно достаточно для характеристики его политической системы, какъ чистѣйшаго абсолютизма, притомъ абсолютизма раціоналистическаго, который самъ не вѣрилъ въ божественное происхожденіе своего права, но находилъ полезнымъ въ интересахъ самой власти, чтобы другіе вѣрили въ ея богоустановленность. Мы могли бы даже провести полную аналогію въ деталяхъ между имперіей Наполеона I и старыми абсолютными монархіями по тѣмъ рубрикамъ, по которымъ

разсматривали ея традиціи, нравы и порядки [1]). Вышедшая изъ революціи имперія очень скоро усвоила все, что характеризуетъ династическую политику абсолютныхъ монарховъ прежняго времени, такъ какъ теперь, въ началѣ XIX в., прежнюю роль Габсбурговъ или Бурбоновъ, сидѣвшихъ на разныхъ тронахъ, должны были играть Бонапарты. Дворъ Наполеона I по пышности и блеску не уступалъ ни одному изъ старыхъ дворовъ Европы, и всѣ прежнія церемоніи нашли при немъ самый благожелательный пріемъ. Въ законодательствѣ, несмотря на всѣ конституціонныя видимости, царила единая воля, ибо главѣ государства одному принадлежала въ этой области иниціатива, и законъ принятый законодательнымъ корпусомъ, не могъ воспріять силу, если бы глава государства отказался отъ его обнародованія. Все управленіе наполеоновской Франціи было построено на началахъ бюрократической централизаціи, на недовѣріи къ обществу и мѣстному самоуправленію, на полицейскомъ сыскѣ и надзорѣ. О милитаризмѣ имперіи Наполеона I можно было бы и не упоминать: это — особенно бросающаяся черта эпохи. Въ экономической своей сторонѣ исторія имперіи Наполеона I является воспроизведеніемъ фискализма, меркантилизма, протекціонизма и т. п. стараго режима. Въ отношеніи къ сословности Наполеонъ, придававшій такое большое значеніе чувству равенства, не возстановлялъ прежняго неравенства передъ закономъ, но это не помѣшало ему окружать себя представителями старой знати, создавать новую знать изъ вчерашнихъ плебеевъ, признать прежніе аристократическіе титулы отъ барона до герцога, надѣлить ими своихъ слугъ и даже основать въ видѣ награды за важнѣйшія заслуги особые имперскіе лены. Какъ относилась имперія къ религіи и церкви, мы только-что видѣли, и это тоже можетъ насъ лишь утвердить въ той мысли, что Наполеонъ въ религіозной политикѣ шелъ по стопамъ прежнихъ абсолютныхъ государей. Народное образованіе и наука, литература и театръ, печать вообще и въ частности періодическая пресса, какъ и при старомъ порядкѣ, были подчинены строгому надзору и административнымъ воздѣйствіямъ, ибо вся духовная жизнь должна была соотвѣтствовать исключительно однимъ правительственнымъ

---

[1]) Отсылаю къ главамъ VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII.

видамъ и т. п. Однимъ словомъ, всякое сколько-нибудь подробное изложеніе господствовавшихъ при Наполеонѣ I правительственныхъ порядковъ превратилось бы въ повтореніе того, что говорилось выше о разныхъ сторонахъ государственнаго и общественнаго быта при старомъ порядкѣ.

Таково только и можетъ быть опредѣленіе наполеоновской имперіи съ наиболѣе общей точки зрѣнія. Мы видѣли, съ другой стороны, что въ разные періоды своей исторіи абсолютизмъ принималъ и различный характеръ, и вотъ если мы станемъ искать, къ какимъ проявленіямъ абсолютизма въ прошломъ наиболѣе близокъ деспотизмъ Наполеона I, то, разумѣется, отвѣтъ можетъ получиться только тотъ, что при Наполеонѣ Франція переживала свою эпоху просвѣщеннаго абсолютизма.

Мы знаемъ, именно, что просвѣщенный абсолютизмъ второй половины XVIII в. былъ разрывомъ абсолютной монархіи съ традиціями и интересами тѣхъ двухъ привилегированныхъ сословій, которыя представляли собою средневѣковыя начала феодализма и католицизма. Королевская власть стараго порядка имѣла глубокіе корни въ феодально-католической старинѣ: французскій король, наприм., былъ первымъ дворяниномъ своего королевства и старшимъ сыномъ католической церкви. Новый властитель Франціи, въ которой революція одинаково сокрушила и дворянство, и духовенство, не могъ претендовать на званія ни перваго дворянина, ни старшаго сына церкви. Какъ ни цѣплялся Наполеонъ за старыя формулы, власть его, въ сущности, была диктатурой отъ имени демократіи, и самъ онъ, какъ-никакъ, былъ сыномъ революціи. Своимъ призваніемъ онъ прямо долженъ былъ считать охрану того гражданскаго равенства и той свѣтской политики, которыя были наслѣдіемъ революціи. У просвѣщеннаго абсолютизма и у революціи были вообще черты совпаденія: неуваженіе къ историческимъ правамъ во имя общаго интереса и такъ или иначе понимаемаго естественнаго права, враждебное отношеніе къ сословнымъ привилегіямъ, стремленіе подчинить духовенство государству съ прямымъ даже превращеніемъ священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ, сознаніе необходимости покончить съ крѣпостническими отношеніями, внесеніе большей планомѣрности и порядка въ законодательство, администрацію, финансы и т. п., и въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и при просвѣщенномъ абсолютизмѣ, и во

время революціи все это предпринималось и дѣлалось во имя государства съ тѣмъ лишь различіемъ, что прежде государство было абсолютной монархіей, теперь же оно должно было быть народовластнымъ. Революція совершила многое изъ намѣченнаго просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и полнѣе, и радикальнѣе, и когда во Франціи снова возсоздалась абсолютная монархія, она уже не могла быть полнымъ воспроизведеніемъ монархіи Бурбоновъ съ ея католико-феодальными пережитками. И тутъ мы могли бы детально провести параллели между политикой Наполеона и политикой просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII в. вплоть до нѣкотораго вліянія на самого Наполеона, въ ранней молодости, столь презиравшейся имъ „идеологіи". Въ программу просвѣщеннаго абсолютизма, какъ и въ программу Наполеона, свобода не входила, но равенство входило. Наполеонъ даже думалъ, что въ революціи свобода была только предлогомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, французы ничего не умѣютъ желать за исключеніемъ развѣ только равенства. При старой монархіи, говорилъ онъ, „французскій народъ оскорбляли въ самыхъ дорогихъ его интересахъ. Дворянство и духовенство унижали его своимъ высокомѣріемъ и своими привилегіями. Они утѣсняли его правами, которыя присвоили себѣ надъ его трудомъ. Онъ долго томился подъ этимъ гнетомъ, но, наконецъ, онъ захотѣлъ сбросить съ себя иго, и революція началась". Это объясненіе Наполеономъ революціи исключительно изъ одного соціальнаго гнета въ высшей степени характерно для его точки зрѣнія, какъ абсолютиста, при всемъ своемъ стремленіи къ реставраціи чистаго монархизма, рѣзко относившаго къ старымъ привилегіямъ дворянства и духовенства.

Режимъ Наполеона I былъ повтореніемъ просвѣщеннаго абсолютизма не для одной Франціи. Какъ во второй половинѣ XVII в., въ эпоху наибольшаго могущества и славы Франціи, Людовикъ XIV задавалъ тонъ другимъ государямъ Европы такъ—и даже въ большей еще мѣрѣ—наполеоновская система управленія находила поклонниковъ и подражателей во многихъ другихъ странахъ. Французская революція напугала всѣ европейскія правительства и содѣйствовала въ этомъ смыслѣ паденію просвѣщеннаго абсолютизма, но Наполеонъ, усмирившій революцію и поднявшій Францію на недосягаемую высоту могущества и славы, такъ сказать, реабилитировалъ до поры, до времени это политическое направленіе. Братья и

зять французскаго императора, царствовавшіе въ Голландіи, въ Вестфаліи, въ Испаніи и въ Неаполѣ, нѣмецкіе союзники Наполеона, иногда роднившіеся съ нимъ и получавшіе, благодаря его содѣйствію, приращеніе къ своимъ владѣніямъ, а именно короли Баваріи [1]), Вюртемберга и т. д., наконецъ, такіе государственные люди, какъ Гарденбергъ въ Пруссіи или Сперанскій въ Россіи, были въ большей или меньшей мѣрѣ сторонниками наполеоновскаго направленія и проводили или стремились проводить въ жизнь своихъ странъ новыя начала политики, выросшія на почвѣ французской революціи, но получившія окончательную обработку и отдѣлку въ рукахъ Наполеона. Отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго образца, отчасти независимо отъ него Пруссія между 1807 и 1813 г. произвела у себя цѣлый рядъ реформъ (оставшихся, впрочемъ, незаконченными), каковы отмѣна крѣпостничества, уничтоженіе нѣкоторыхъ сословныхъ привилегій, упорядоченіе центральныхъ учрежденій и мѣстнаго управленія и т. п., и все это было сдѣлано средствами стараго бюрократическаго государства, остававшагося подъ властью абсолютнаго короля. Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха II отличался крайнею односторонностью, а послѣ его смерти въ правительствѣ началась реакція, длившаяся двадцать лѣтъ. Въ 1806 г. монархія Гогенцоллерновъ чуть-было не погибла окончательно, но въ слѣдующемъ году началось возрожденіе Пруссіи путемъ реформъ, которыя далеко оставили за собою все, что сдѣлано было королемъ-философомъ. 1807—1813 годы были въ исторіи Пруссіи повтореніемъ просвѣщеннаго абсолютизма. Въ частности Гарденбергъ, дважды стоявшій во главѣ правленія, былъ, несмотря на весь свой либерализмъ въ другихъ отношеніяхъ, большимъ поклонникомъ наполеоновской административной централизаціи и бюрократизма, которые, впрочемъ, пользовались большимъ почетомъ и у французскихъ либераловъ временъ реставраціи и іюльской монархіи.

---

[1]) Въ Баваріи характернымъ представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма былъ министръ Монжеля, который между прочимъ, писалъ: „истинное благо государства и наилучшее для его гражданъ можетъ быть производимо только правительствомъ, ибо только ему принадлежитъ обозрѣвать всѣ отношенія въ ихъ совокупности и этимъ путемъ высчитывать пользу цѣлаго“. Его церковная политика была настоящимъ „іозефинизмомъ“.

Съ паденіемъ Наполеона въ 1814—15 гг. картина мѣняется, и абсолютизмъ принимаетъ характеръ крайне реакціонный.

ГЛАВА XXI.

Реакціонный абсолютизмъ первой половины XIX в. [1]).

Война абсолютныхъ монархій съ французской революціей и съ Наполеономъ I. — Реакціонные политическіе писатели этой эпохи. — Реставрація абсолютизма и сословныхъ привилегій послѣ 1814 г. и общія реакціонныя мѣры эпохи. — Священный союзъ и подавленіе имъ конституціонныхъ попытокъ въ двадцатыхъ годахъ. — Взрывы реакціи послѣ 1830 и 1848 годовъ. — Имперія Наполеона III.

Недавно (1906) умершій французскій историкъ Сорель въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Европа и французская революція“ выяснилъ съ полною очевидностью и съ достаточною подробностью, какъ встрѣчена была французская революція при монархическихъ дворахъ Европы. Сначала на совершавшіяся во Франціи событія они смотрѣли съ точки зрѣнія ихъ выгодности или невыгодности для того или другого государства въ его политическихъ видахъ, но когда былъ понятъ принципіальный и универсальный характеръ революціи, какъ войны, объявленной всему старому порядку, и притомъ войны, грозившей перекинуться и въ другія страны, то противъ революціонной Франціи организовался цѣлый крестовый походъ. Въ 1792 г. началась война между Европой стараго порядка и французской революціей, и окончиться этой войнѣ суждено было только черезъ двадцать три года, когда въ самой Франціи революція уже давнымъ-давно уступила мѣсто абсолютизму, возродившемуся въ видѣ имперіи Наполеона I. Коалиція, образовавшаяся въ 1792 — 1793 г. противъ революціи, не достигла своей цѣли: старый порядокъ доказалъ полную

---

[1]) См. въ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ главнымъ образомъ томъ IV, главы 13, 15 и 16 и томъ V, главы 3, 8, 25 и 26. Ср. также главы XII—XV и XIX—XX „Народно-правового государства“.

свою несостоятельность въ борьбѣ съ новою силою, и это продолжалось при Наполеонѣ вплоть до похода на Москву, бывшаго „началомъ конца" имперіи. Въ эти два десятка лѣтъ Франція расширяла свои владѣнія, основывала новыя государства въ вассальной, такъ сказать, отъ себя зависимости, перекраивала не разъ политическую карту Европы и всѣмъ этимъ содѣйствовала распространенію новыхъ принциповъ и порядковъ, созданныхъ революціей и Наполеономъ I. Все это великолѣпіе кончилось, однако, крахомъ. Въ 1814 и 1815 гг. Франція дважды подвергалась иноземному вторженію, послѣ того, какъ въ 1813 г. произошло крушеніе имперіи внѣ предѣловъ самой Франціи, и страна была возвращена къ прежнимъ границамъ, а на престолъ ея водворены силою непріятельскихъ войскъ Бурбоны. Въ концѣ концовъ Наполеонъ былъ побѣжденъ союзомъ правительствъ съ народами, которымъ эти ихъ правительства обѣщали всякія либеральныя реформы. Извѣстно, однако, что данныя обѣщанія не были сдержаны и что, наоборотъ, во многихъ мѣстахъ всѣ усилія власти и привелигированныхъ сословій были направлены къ реставраціи стараго порядка. Уже до взрыва французской революціи по чисто мѣстнымъ причинамъ, происходила во многихъ мѣстахъ реакція противъ просвѣщеннаго абсолютизма [1]), и революція могла только обострить эту реакцію. Королевская власть, напавшая-было на привилегіи духовенства и дворянства, съ одной стороны, и оба эти привилегированныя сословія, вступавшія для самозащиты на путь политической оппозиціи, съ другой, теперь начинали искать другъ въ другѣ поддержки противъ общаго врага, демократическихъ стремленій. Подъ вліяніемъ страха передъ революціей просвѣщенный абсолютизмъ, и безъ того слишкомъ непрочный въ государствахъ, гдѣ столь многое зависѣло отъ личнаго настроенія государя, сталъ обнаруживать тенденцію къ реакціи въ духѣ клерикальныхъ и аристократическихъ вожделѣній. Имперія Наполеона, родственная, по общему своему направленію, просвѣщенному абсолютизму, на время задержала эту реакцію, но едва только имперія пала, едва Франція вошла въ прежнія границы и приняла къ себѣ Бурбоновъ, едва только возвратились на свои престолы лишенные Наполеономъ власти Бурбоны испанскіе и неаполитанскіе и другіе государи, у которыхъ Наполеономъ были отняты земли,—

[1]) Ср. выше, стр. 380 и слѣд.

какъ началась почти повсемѣстная реставрація стараго порядка, т.-е. абсолютизма и сословности. Это была, послѣ 1814—1815 г., эпоха глубочайшей реакціи—политической, соціальной и культурной, реакціи противъ имперіи Наполеона и французской революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма и раціоналистической философіи XVIII вѣка, противъ реформаціи и гуманизма, противъ всего, въ чемъ только проявлялись прогрессивныя движенія новаго времени. Крайніе представители этой реакціи звали общество назадъ, къ міросозерцанію и порядкамъ средневѣкового католицизма, къ понятіямъ и отношеніямъ феодальной сословности. Конечно, здѣсь не мѣсто останавливаться на полной характеристикѣ общеевропейской реакціи эпохи реставраціи и особенно культурныхъ ея проявленій въ религіи, философіи, наукѣ, литературѣ и т. п., но по общей темѣ настоящей книги необходимо, хотя бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, намѣтить основныя стремленія реакціи, какъ они выразились въ политической литературѣ [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы уже познакомились въ общихъ чертахъ съ политическими идеями реакціонныхъ писателей этой эпохи, Бональда и Жозефа де-Местра во Франціи, Галлера и Мюллера въ Германіи. Они и другіе, менѣе замѣтные, сдѣлались въ то время настоящими оракулами для всѣхъ реакціонно настроенныхъ людей. Въ ихъ сочиненіяхъ сказалась реакція противъ философіи XVIII в. въ пользу средневѣкового католицизма, реакція противъ свѣтскаго государства въ пользу чисто вѣроисповѣдной политики. Естественному праву раціоналистической философіи, на которомъ одинаково строили свое ученіе о государствѣ и просвѣщенные деспоты XVIII в., и французскіе революціонеры, они противопоставили право историческое, нашедшее свое выраженіе въ принципѣ такъ-называемаго легитимизма: это было право законныхъ династій и исторически сложившіяся права сословій, и поддержка этихъ правъ, какъ самимъ Богомъ установленнаго порядка, была направлена противъ народовластія или, по крайней мѣрѣ, участія народа въ государствѣ, противъ гражданскаго равенства, противъ безсословности общественнаго строя, словомъ, возвращеніемъ къ абсолю-

---

[1]) Для общей характеристики отсылаю къ главѣ IV „Общаго взгляда на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“.

[2]) См. выше, въ концѣ главы XVIII (стр. 351—352).

тизму и феодализму. Въ ученіяхъ Бональда, де-Местра, Галлера и Мюллера абсолютизмъ отрѣшается отъ всего, что въ него было внесено антикатолическими и антифеодальными движеніями новаго времени, начиная съ итальянскаго гуманизма и кончая французской революціей, и возвращается къ реакціонному абсолютизму Людовика XIV и Боссюета съ его клерикальными и аристократическими тенденціями.

Послѣ 1814 г. во многихъ мѣстахъ началось возстановленіе стараго порядка. Во Франціи вернувшіеся съ Бурбонами эмигранты,—всѣ они, „ничему не научившіеся и ничего не позабывшіе",—видѣли въ возвращеніи легитимной монархіи указаніе на то, что долженъ быть возстановленъ и весь старый строй. „Оппоненты французской революціи, — писала о нихъ въ 1817 г. г-жа Сталь [1]),—дворяне, духовные, магистратура, не уставали твердить, что не нужно было никакого измѣненія въ правительствѣ, ибо существовавшія тогда посредствующія корпораціи хорошо исполняли свою роль, не допуская деспотизма, а теперь они за деспотизмъ, какъ за возстановленіе будто бы стараго порядка. Эта непослѣдовательность въ принципахъ, замѣчаетъ проницательная наблюдательница, есть послѣдовательность въ интересахъ. Когда привилегированные ограничивали королевскую власть, они были противъ произвольной власти короны, но когда нація съумѣла занять мѣсто привилегированныхъ, они соединились съ королевскою прерогативою и выставляютъ всякую конституціонную оппозицію, всякую политическую свободу въ видѣ какого-то бунта". Эти слова г-жи Сталь какъ нельзя лучше комментируютъ извѣстный принципъ прусскихъ реакціонеровъ: „und der König absolut, wenn er unsern Willen thut" (король абсолютенъ, если онъ исполняетъ нашу волю). Въ Германіи реакція была тоже въ полномъ ходу. Реставрація старой династіи въ Ганноверскомъ королевствѣ сопровождалась отмѣною всѣхъ новыхъ порядковъ, заведенныхъ въ Наполеоновскую эпоху: были возстановлены дворянскія привилегіи, законы въ пользу крестьянъ—объявлены недѣйствительными, возобновлены негласное судопроизводство, пытки и т. п., снова введены таможни между отдѣльными областями и т. п. Престарѣлый курфюрстъ гессенъ-кассельскій Вильгельмъ I, тоже лишавшійся своихъ владѣній при Наполеонѣ, объявилъ недѣй-

---

[1]) Considérations sur la révolution française.

ствительнымъ все, что произошло послѣ его удаленія изъ страны, отнялъ новопріобрѣтенныя права и должности у всѣхъ лицъ, служившихъ вестфальскому правительству, возстановилъ всѣ старые порядки и даже опять ввелъ парики и косички, вышедшіе изъ употребленія. Въ Брауншвейгѣ и въ Ольденбургѣ происходило то же самое. Пруссія, король которой во время войны за освобожденіе обѣщалъ своимъ подданнымъ конституцію, такъ и осталась абсолютной монархіей [1]), а начатыя въ ней Штейномъ и Гарденбергомъ реформы остались неоконченными, и многое было даже взято назадъ.

Австрія, гдѣ конституціи и не обѣщали, со своимъ вліятельнымъ министромъ Меттернихомъ во главѣ такъ-таки и оставалась въ теченіе всей первой половины XIX в. классической страной реакціоннаго абсолютизма, клерикализма и дворянскихъ привилегій. Въ другихъ государствахъ Германіи въ Наполеоновскую эпоху происходило освобожденіе крестьянъ отъ феодальнаго гнета, правда, повсюду замедлившееся, мѣстами даже остановившееся, если прямо не пошедшее вспять, но Австрія и здѣсь оставалась вѣрна себѣ. Габсбурги даже сдѣлались стражами стараго порядка во всей Германіи и въ Италіи, гдѣ они занимали первенствующее политическое положеніе, сами имѣя въ составѣ своихъ подданныхъ и нѣмцевъ, и итальянцевъ (въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ), и мадьяръ, и славянъ (чеховъ, поляковъ, хорватовъ, русиновъ и т. п.). „Мои народы,—говорилъ Францъ I французскому посланнику, — чужды другъ другу, но тѣмъ лучше: они не подвергаются одновременно одной и той же болѣзни [2]). Когда во Франціи начинается лихорадка, она овладѣваетъ всѣми, а я посылаю венгровъ въ Италію, итальянцевъ въ Венгрію, и каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ взаимныхъ антипатій рождается порядокъ, и ихъ ненависть однихъ къ другимъ служитъ основаніемъ общаго мира“.—„Держитесь старины,—говорилъ тотъ же австрійскій императоръ учителямъ лайбахской гимназіи, ибо только она одна и хороша. Если нашимъ предкамъ съ нею было недурно, зачѣмъ намъ поступать иначе? Теперь въ ходу новыя идеи, но я ихъ не одобряю и никогда не одобрю. Ученыхъ мнѣ не

---

[1]) „Народно-правовое государство“, стр. 246 и слѣд.

[2]) Въ 1848 г. было, однако, не такъ.

нужно, мнѣ нужны только вѣрные подданные. Приготовлять ихъ—вотъ въ чемъ вся ваша обязанность. Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ понимать, что я приказываю. Кому это не по силамъ, или у кого новыя идеи, пусть лучше убирается, иначе я его прогоню". Механическая централизація не мѣшала существованію въ имперіи внутреннихъ заставъ. Управленіе было строго бюрократическимъ, а областные сеймы, на которыхъ преобладало дворянство съ духовенствомъ, не играли никакой роли. Францъ I любилъ придавать своему абсолютизму характеръ патріархальности, умилявшей простецовъ и бывшей для льстецовъ неистощимою темою славословій, но подъ внѣшнимъ видомъ отеческаго управленія скрывались подозрительность, страсть къ наушничеству, презрѣніе къ національнымъ правамъ разноплеменнаго населенія, жестокость и ненависть къ просвѣщенію, наукѣ и литературѣ. Въ Вѣну выписывались изъ другихъ частей Германіи реакціонныя силы въ родѣ Адама Мюллера, Фридриха Шлегеля [1]) и др., и вмѣстѣ съ тѣмъ полиція и цензура наблюдали за тѣмъ, чтобы не ввозились изъ-за границы и не читались вредныя книги. Университеты находились на подозрѣніи, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ ту же судьбу раздѣляло преподаваніе философіи и исторіи. Покровительство оказывалось лишь замкнутымъ дворянскимъ и военнымъ или чисто спеціальнымъ и профессіональнымъ школамъ, а изъ наукъ — тѣмъ, въ которыхъ не было и не могло быть опасныхъ идей. Низшая школа была отдана въ полное распоряженіе мало образованнаго и нетерпимаго духовенства, да и вообще правительство сильно покровительствовало духовенству, монахамъ и въ особенности возстановленному папою Піемъ VII въ 1814 г. ордену іезуитовъ.

Превращеніе Германіи, на вѣнскомъ конгрессѣ, въ союзъ государствъ подъ предсѣдательствомъ Австріи и съ бюрократическимъ союзнымъ сеймомъ (Bundestag) въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ-на-Майнѣ сопровождалось обѣщаніемъ, что въ отдѣльныхъ государствахъ будетъ введена „landesständische Verfassung", подъ которою можно было понимать и конституцію по новому образцу, и старинные земскіе чины. Австрія,

---

[1]) Объ Ад. Мюллерѣ см. стр. 352. Фридрихъ Шлегель, перешедшій изъ протестантизма въ католицизмъ, въ своихъ лекціяхъ по философіи исторіи, читанныхъ въ Вѣнѣ въ 1828 г., звалъ возвратиться къ среднимъ вѣкамъ, объявивъ всю новую исторію сплошною ошибкою.

Пруссія и Саксонія не исполнили этого обѣщанія; большая часть другихъ вернулась къ стариннымъ ландтагамъ съ сословнымъ устройствомъ и съ чисто совѣщательнымъ значеніемъ, что не ограничивало абсолютизма и не служило помѣхой бюрократическому хозяйничанью, и лишь южныя государства, т.-е. Баварія, Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Дармштадтъ, да три маленькихъ саксонскихъ княжества: Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Кобургъ и Саксенъ-Мейнингемъ ввели у себя новыя конституціи... Въ эпоху Германскаго союза Австрія вдохновляла общую политику всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, собирая съѣзды уполномоченныхъ, гдѣ принимались репрессивныя мѣры противъ университовъ, печати, тайныхъ обществъ. Въ 1820 г. такъ-называемый „вѣнскій заключительный актъ", въ разъясненіе параграфа о введеніи въ Союзѣ представительнаго устройства, призналъ обязательными для всей Германіи слѣдующія положенія: „такъ какъ Германскій союзъ состоитъ, за исключеніемъ вольныхъ городовъ, изъ суверенныхъ государей, то вся государственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ главы государства, и потому суверенъ мѣстною конституціей (landesständische Verfassung) можетъ быть обязанъ прибѣгать къ содѣйствію чиновъ лишь при пользованіи извѣстными правами своей „власти", но этими чинами суверенные государи, соединенные въ союзѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть препятствуемы или ограничиваемы въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ Союзу". Въ этомъ же актѣ провозглашался и тотъ принципъ, что въ случаѣ просьбы помощи у Союза со стороны кого-либо изъ государей, встрѣтившаго опасное для внутренняго спокойствія сопротивленіе со стороны подданныхъ, Союзъ долженъ былъ какъ можно скорѣе, помогать возстановленію порядка.

Это было уже нѣчто въ родѣ взаимнаго страхованія абсолютизма во всей Европѣ, но оно было не чѣмъ инымъ, какъ признаніемъ спеціально для Германіи того, что было около этого же времени признано для всей Европы: въ Испаніи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ въ 1820 г. вспыхнули революціи, которыя вскорѣ послѣ того были усмирены по уполномоченію и отъ имени всей Европы.

Реакція абсолютизма, клерикализма и аристократизма произошла и въ Испаніи съ Италіей, подпавшихъ наполеоновскому владычеству и потомъ отъ него освободившихся. Въ концѣ французскаго господства въ Испаніи тамошніе ли-

beралы на кортесахъ въ Кадиксѣ въ 1812 г. выработали очень либеральную конституцію [1]), и когда въ странѣ въ 1814 г. произошла реставрація династіи Бурбоновъ въ лицѣ Фердинанда VII, послѣдній сначала пообѣщалъ править на основаніи этой конституціи, яко бы согласной и съ его намѣреніями, но потомъ объявилъ ее отмѣненною и сталъ во главѣ самой необузданной реакціи, въ смыслѣ отмѣны всего, что было сдѣлано французами и кортесами 1812 г., и возвращенія къ привилегіямъ духовенства и дворянства, возстановленія инквизиціи и монастырей, возвращенія іезуитовъ и пр. и пр. Испанская реакція отличалась необычайною жестокостью, потому что широко прибѣгала къ такимъ мѣрамъ, какъ казни, тюрьмы, конфискаціи, пока въ 1820 г. военная революція, поддержанная частью населенія, не вынудила у короля признанія конституціи 1812 г. Въ Италіи совершались аналогичныя явленія. Сардинскій король Викторъ-Эммануилъ I и возвратившіеся съ нимъ въ 1814 г. эмигранты-дворяне тотчасъ же приступили къ возстановленію стараго порядка. Дѣло доходило до объявленія незаконными браковъ, заключенныхъ по кодексу Наполеона, и отмѣны судебныхъ рѣшеній, состоявшихся въ отсутствіе короля. Предписывалось даже носить платье стараго покроя; ботаническій садъ, устроенный французами въ Туринѣ, былъ уничтоженъ; предполагалось разрушить и мостъ черезъ рѣку По, построенный по повелѣнію Наполеона и пр. и пр. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій дважды свергавшійся французами съ престола (въ 1799 и въ 1807 гг.) король изъ династіи Бурбоновъ, Фердинандъ IV (или I, какъ онъ сталъ называться, когда задумалъ слить Неаполь и Сицилію въ одно королевство), возвратившись въ Неаполь, заключилъ съ Австріей формальный договоръ, которымъ обязывался не допускать у себя порядковъ, несогласныхъ съ принципами абсолютной монархіи или съ началами, положенными въ основу управленія въ итальянскихъ провинціяхъ Австріи. Дѣло въ томъ, что во время французскаго господства въ Неаполѣ, Фердинадъ держался въ Сициліи при помощи англичанъ, которые заставили его въ 1812 г. дать этому острову конституцію по англійскому образцу, но Австрія не хотѣла, чтобы въ какомъ-либо итальянскомъ государствѣ было введено народное представительство. Король Обѣихъ

[1]) Народно-правовое государство, стр. 228—229.

Сицилій отмѣнилъ сицилійскую конституцію и сдержалъ свое обѣщаніе Австріи по отношенію къ Неаполю. Сначала, однако, онъ не рѣшался уничтожать французскія реформы, но мало-по-малу осмѣлился и въ 1818 г. по конкордату съ папой сталъ возстановлять власть духовенства, монастыри, церковные суды, духовную цензуру и т. п. Отвѣтомъ на реакцію была революція 1820 г. и въ Неаполѣ съ Сициліей.

Эти двѣ революціи съ тогда же вспыхнувшей революціей въ Португаліи (тоже въ 1820 г.) и начавшееся движеніе въ главной материковой части Сардинскаго королевства (въ Пьемонтѣ въ 1821 г.) встревожили европейскихъ монарховъ, между которыми съ 1815 г., по иниціативѣ русскаго императора Александра I, дѣйствовалъ Священный союзъ, въ частности особенно объединявшій Австрію, Пруссію и Россію, три великія державы, бывшія неограниченными монархіями. Собственноручно написанный Александромъ I актъ Священнаго Союза [1]), имѣвшій чисто религіозно-нравственный, а не юридическій характеръ, называлъ государей Австріи, Пруссіи и Россіи „постановленными отъ Провидѣнія", объявлялъ ихъ въ отношеніи однихъ къ другимъ братьями, которые во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ должны подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь (assistance, aide et secours), „въ отношеніяхъ же подданнымъ и войскамъ своимъ какъ бы отцами семействъ", которые „будутъ управлять ими... для охраненія вѣры, мира и правды". Ради этого, сказано еще въ актѣ Священнаго союза, „ихъ величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ божественный Спаситель, аки единственномъ средствѣ наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ". Къ союзу приглашались примкнуть и другія державы, „кои, какъ сказано въ документѣ, почувствуютъ, коль нужно для счастья колеблемыхъ долгое время царствъ, дабы истины сіи (т.-е. изложенные въ документѣ) впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ".

Южнороманскія революціи были предметомъ обсужденія на конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ (1820—1822),

---

[1]) Текстъ акта Священнаго союза приведенъ въ IV т. „Ист. Зап. Евр.", стр. 315—316.

куда съѣзжались всѣ три монарха и министры другихъ государствъ. Такіе конгрессы для общаго рѣшенія дѣлъ уже были въ ходу: въ 1814—1815 гг. вѣнскій, а въ 1818 г. ахенскій, и уже на нихъ былъ, какъ руководящее начало, принятъ принципъ легитимизма, формулированный на вѣнскомъ конгрессѣ знаменитымъ уполномоченнымъ Франціи, Талейраномъ: „лишь легитимныя правительства, доказывалъ онъ, могутъ быть прочными, незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собою, какъ только исчезаетъ эта поддержка, предоставляя націи на жертву революціямъ“.— „Всякое легитимное право, писалъ онъ еще, должно сдѣлаться священнымъ, всякое же честолюбіе или несправедливое предпріятіе должно найти свое осужденіе и вѣчное препятствіе къ своему осуществленію въ выраженномъ признаніи и въ формальной гарантіи тѣхъ самыхъ принциповъ, долгимъ и печальнымъ забвеніемъ которыхъ была революція“. На ахенскомъ конгрессѣ 1818 г. монархи пяти великихъ державъ заявили въ торжественной декларація, что никогда не будутъ вмѣшиваться въ чужія дѣла безъ формальнаго приглашенія заинтересованнаго государства, и что всѣ ихъ усилія будутъ клониться лишь къ тому, чтобы содѣйствовать миру и внутреннему благосостоянію государствъ и „пробужденію религіозныхъ и моральныхъ чувствъ, власть которыхъ была значительно ослаблена бѣдствіями послѣднихъ лѣтъ“.

И вотъ, едва минулъ годъ послѣ составленія этой деклараціи, какъ вспыхнула сначала испанская, потомъ неаполитанская революція. Вопреки обѣщанію ахенскаго конгресса конгрессъ въ Троппау заявилъ о правѣ вмѣшательства въ дѣла чужого государства ради охраны Европы отъ „преступной заразы революцій“. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ протоколъ, гдѣ прямо говорилось о правѣ принудительнаго воздѣйствія на государства, внутреннія событія въ которыхъ могутъ быть опасными для сосѣдей. Слѣдующій затѣмъ конгрессъ, лайбахскій, уполномочилъ Австрію произвести экзекуцію въ Неаполитанскомъ королевствѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ конгрессъ въ Веронѣ далъ такое же порученіе Франціи относительно Испаніи. Послѣ этого абсолютизмъ былъ возстановленъ въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ, гдѣ тоже произошло возмущеніе, и въ Испаніи, уже раздиравшейся междоусобной войной. И на Апеннинскомъ, и на Пиренейскомъ

полуостровахъ снова произошла кровавая расправа съ врагами абсолютизма [1]).

Абсолютистическія реакціи слѣдовали и за революціями 1830 и 1848 гг.

Когда вслѣдъ за іюльской революціей въ Парижѣ, низвергшей съ престола абсолютиста Карла X, вспыхнула въ августѣ того же 1830 г. бельгійская революція, вызванная абсолютизмомъ нидерландскаго короля Вильгельма I, а затѣмъ послѣдовали волненія въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ Германскаго союза, Австрія, Пруссія и Россія стали снова готовиться къ вооруженной борьбѣ съ революціей, но вспыхнувшее осенью возстаніе въ Царствѣ Польскомъ разстроило планы трехъ абсолютныхъ монархій, заставивъ ихъ, однако, еще тѣснѣе соединиться между собою. Благодаря настойчивости Франціи и Англіи, бельгійцамъ удалось организоваться въ самостоятельное королевство съ очень либеральной конституціей [2]), но Царство Польское, послѣ подавленія возстанія, лишилось своей конституціи и получило строго военно-бюрократическое управленіе подъ настоящей диктатурой царскаго намѣстника, водворившаго въ Польшѣ порядки тогдашняго россійскаго абсолютизма. На мюнхенгрецкомъ съѣздѣ русскаго и австрійскаго государей и прусскаго кронпринца въ 1833 г. былъ составленъ трактатъ, въ которомъ говорилось о правѣ каждаго государя, угрожаемаго внутренними смутами или внѣшними опасностями искать помощи у правительствъ Австріи, Пруссіи и Россіи.

Іюльская революція 1830 г. отразилась въ Германіи революціонными вспышками въ Брауншвейгѣ, Гессенъ-Касселѣ, Саксоніи, Ганноверѣ и другихъ менѣе важныхъ земляхъ, гдѣ были послѣ этого введены конституціи, что только питало политическое броженіе и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Общія реакціонныя мѣры не заставили себя, однако, долго ждать и здѣсь. Вѣнская министерская конференція государствъ Союза въ 1834 г. наложила разныя ограниченія на компетенцію представительныхъ палатъ, на университеты, на печать, чему была оказана моральная поддержка и со стороны Россіи, въ которой видѣли главный оплотъ консерва-

---

[1]) Въ Португаліи абсолютизмъ былъ возстановленъ военной контръ-революціей.

[2]) Народно-правовое государство, стр. 304—306.

тивныхъ интересовъ. Въ 1837 г. новый ганноверскій король объявилъ необязательной для себя конституцію, принятую послѣ іюльской революціи. Даже тамъ, гдѣ существовали болѣе старыя конституціи, правительства пытались дѣйствовать въ духѣ абсолютизма, нарушая законы, ограждавшіе свободу гражданъ отъ чиновничьяго произвола. Въ Италіи послѣ неудачи революціонной попытки 1831 г. тоже свирѣпствовала реакція.

За общимъ подавленіемъ революціи 1848 г., потрясшей почти всю Западную Европу, революціи съ демократическимъ, мѣстами республиканскимъ характеромъ, съ выступленіемъ на сцену соціальнаго вопроса и съ разнаго рода національными осложненіями [1]) равнымъ образомъ, какъ и въ началѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, послѣдовалъ взрывъ реакціи, съ особою силою господствовавшей въ пятидесятыхъ годахъ. Изъ всѣхъ завоеванныхъ революціей конституцій сохранились только сардинская 1848 г. и прусская 1850 г., притомъ послѣдняя не безъ сильной борьбы [2]). Царствовавшій съ 1840 г. въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ IV съ самаго же начала своего правленія заявилъ, что онъ попрежнему останется неограниченнымъ королемъ. Въ его рѣчи во время коронаціонныхъ торжествъ было, между прочимъ, сказано: „я знаю, что получилъ корону отъ всемогущаго Бога и что обязанъ отдать ему отчетъ за каждый часъ своего царствованія. Я обращаюсь къ тѣмъ, которые требуютъ отъ меня гарантій относительно будущаго, но лучшаго ручательства я дать не хочу, да и не можетъ дать ни одинъ человѣкъ на землѣ. Мое слово болѣе вѣско, чѣмъ всѣ увѣренія на пергаментѣ“. Въ 1847 г. Фридрихъ-Вильгельмъ созвалъ провинціальные чины монархіи на соединенный ландтагъ съ чисто совѣщательнымъ значеніемъ (да и то главнымъ образомъ по административнымъ и финансовымъ вопросамъ) и при открытіи этого собранія опять заявилъ, что Пруссія попрежнему будетъ управляться единой волей. „Считаю нужнымъ торжественно объявить, говорилъ король, что никакой силѣ на землѣ, не удастся замѣнить естественное отношеніе между государемъ и народомъ, ко-

---

[1]) Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 19—24. Общія причины неудачи коротко резюмированы въ гл. XII „Общаго взгляда на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“. Ср. Народно-правовое государство, гл. XVIII

[2]) О нихъ „Народно-правовое государство“, стр. 381—383 и 398—400.

торое своею внутреннею правдою дѣлаетъ насъ столь сильными, отношеніемъ условнымъ и конституціоннымъ, и что я ни теперь, ни когда-либо въ будущемъ не соглашусь на то, чтобы между Господомъ Богомъ на небесахъ и этою страною сталъ исписанный листъ бумаги, подобный второму Провидѣнію, дабы управлять нами при посредствѣ своихъ параграфовъ и замѣнить ими старую святую вѣрность". Король находилъ при этомъ, что въ Пруссіи все превосходно и портится лишь дурной прессой, „позорящей германскую вѣрность и прусскую честь". Въ соединеніи съ доблестнымъ народомъ власть съумѣетъ отстоять свои права противъ либерализма. Прусскій народъ не желаетъ представительства: чины могутъ давать совѣты и выражать желанія, отнюдь не представлять мнѣнія. Послѣднее противно нѣмецкому духу и лишь повлекло бы за собою конфликты съ короною, „которая должна править по закону Бога и по закону страны и по собственному свободному изволенію, а не по волѣ того или другого большинства". Фридрихъ-Вильгельмъ IV прибавлялъ къ этому, что ни за что не созвалъ бы соединенный ландтагъ, имѣй онъ хоть малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что чины захотятъ разыгрывать роль такъ называемыхъ народныхъ представителей. Эта рѣчь была произнесена 17 апрѣля 1847 г., а черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, 18 марта 1848 г., въ Берлинѣ разразилась революція, которая заставила короля согласиться на конституцію. Правда, впослѣдствіи революція была подавлена, но конституцію Пруссія все-таки получила, хотя и съ сильно урѣзанными правами народныхъ представителей. Наоборотъ, въ Австріи данная-было ея народамъ конституція вскорѣ формально была отмѣнена (31 дек. 1851 г.) послѣ того, какъ подавлены были всѣ возстанія и между ними при помощи русскаго императора самое опасное, происшедшее въ Венгріи [1]).

Революція 1848 г. обошла германскія столицы въ мартѣ, откуда ея названіе мартовской, а старыхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній—до-мартовскими порядками. До-мартовскіе порядки, это—синонимъ ancien réhime'a: вся абсолютистическая реакція послѣ неудачи движенія 1848 г. была не чѣмъ инымъ, какъ насильственнымъ возстановленіемъ до-мартовскихъ отношеній. Въ иныхъ мѣстахъ правительства

---

[1]) Народно-правовое государство, главы XXI и XXII.

отказывались исполнить обѣщанія 1848 г., въ иныхъ прямо отмѣнялись уже сдѣланныя уступки, а гдѣ и военною силою водворился абсолютизмъ, но вездѣ реакція шла при самомъ дѣятельномъ участіи дворянства. Настоящимъ идеологомъ этой реакціи былъ прусскій государственный философъ Юлій Шталь, объ идеяхъ котораго уже выше была рѣчь [1]). Въ Италіи равнымъ образомъ вездѣ былъ возстановленъ абсолютизмъ, и, какъ сказано было выше, одно Сардинское королевство сохранило введенный въ 1848 г. конституціонный строй.

Немало содѣйствовало этой побѣдѣ реакціоннаго абсолютизма новое „18 брюмера" во Франціи, государственный переворотъ, совершенный 2 декабря 1851 г. президентомъ республики, принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ, который ровно черезъ годъ сдѣлался императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона III. Это было возвращеніе Франціи къ цезаризму [2]), который былъ тоже особымъ видомъ абсолютизма, хотя и замаскированнаго представительными учрежденіями. Въ томъ, что новый владыка французовъ назвалъ себя Наполеономъ *третьимъ*, какъ будто былъ еще Наполеонъ II [3]), заключалась своего рода ссылка на династическое право Бонапартовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ титуловался еще „Божіею милостью и волею народа императоромъ французовъ", признавая такимъ образомъ за своею властью, такъ сказать, двойное происхожденіе—и божественное, и народное.

Казалось, что въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. абсолютизму суждено было упрочиться на очень долгое время чуть не на всемъ европейскомъ континентѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 352—353.

[2]) См. выше, стр. 390 и слѣд.

[3]) Наполеономъ II бонапартисты называли сына Наполеона I, жившаго при вѣнскомъ дворѣ и носившаго титулъ герцога Рейхштадтскаго.

ГЛАВА XXII.

Теоретическое осужденіе стараго порядка въ XV—XVIII вв. и паденіе его въ XIX вѣкѣ [1]).

Идейный походъ противъ стараго порядка въ новое время.—Оппозиція монархомаховъ въ эпоху реформаціи. —Англійская политическая литература XVII в. — Роль идеи естественнаго права въ политической литературѣ XVIII в.—Отношенія къ абсолютизму Монтескьё и Руссо.—Обнаруженіе несостоятельности стараго порядка въ эпоху революціи и Наполеона I.—Постепенное паденіе абсолютизма въ Европѣ.—Развитіе мѣстнаго самоуправленія. — Отмѣна сословныхъ привилегій.—Ликвидація феодальныхъ и крѣпостническихъ отношеній. — Постепенная демократизація учрежденій.—Государство и личная свобода въ новомъ строѣ.

Исторія паденія стараго порядка не входитъ въ планъ настоящей книги, и времени послѣ начала французской революціи мы коснулись не столько для того, чтобы разсказать, какъ совершалось разложеніе стараго порядка, сколько для того, чтобы показать, какъ еще долго сохранялся онъ въ XIX в. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нелишнимъ дать въ этой же книгѣ краткій очеркъ если не исторіи разложенія стараго порядка, бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ исторіей возникновенія новаго государственнаго и общественнаго типа, то исторіи главныхъ этаповъ, черезъ которые прошло это разложеніе.

Фактическому паденію стараго порядка предшествовало идейное его осужденіе, главнымъ органомъ котораго была литература, а главнымъ предметомъ критики—абсолютизмъ. Уже англійскій государственный дѣятель второй половины XV в. Джонъ Фортескью [2]), имѣвшій возможность хорошо познакомиться съ результатами установлявшагося тогда во Франціи абсолютизма, осудилъ съ принципіальной точки зрѣнія эту политическую форму въ составленномъ имъ въ духѣ ограниченной монархіи трактатѣ подъ заглавіемъ „Похвалы англій-

---

[1]) См. „Народно-правовое государство“ главы V, VI, VII, VIII, XIII, XIV, XV, XVIII, XXIV и XXV.

[2]) См. Помѣстье-государство, стр. 213 и слѣд.

скимъ законамъ“ (De laudibus legum Angliae), лучшимъ, по мнѣнію автора, какіе только существуютъ на землѣ. Англійское государственное устройство Фортескью понималъ въ смыслѣ соединенія въ немъ „королевскаго и политическаго правленія“ (dominium regale et dominium politicum). „Устройство государствъ, управляемыхъ только по-королевски, говоритъ Фортескью, имѣетъ въ виду выгоды одного лишь правителя, къ немалой невыгодѣ управляемыхъ, и въ нихъ отчасти по нерадивости государя, отчасти же по его недѣятельности и лѣни, законы создаются неосмотрительно и потому заслуживаютъ названія больше искаженія законовъ, чѣмъ настоящихъ законовъ“. Кромѣ того, въ этихъ государствахъ король или его министры облагаютъ подданныхъ разными поборами совершенно произвольно, тогда какъ, по мнѣнію Фортескью, „брать у кого-либо что-нибудь изъ его достоянія безъ его согласія и безъ вознагражденія противно законамъ“.

Особенно рѣзко нападала на абсолютизмъ политическая литература второй половины XVI в., когда въ Нидерландахъ, въ Шотландіи и во Франціи шла борьба сословій противъ королевской власти рядомъ съ борьбою протестантизма и католицизма. Такъ называемые монархомахи [1]) и такіе политическіе дѣятели, какъ организаторъ оппозиціи противъ Филиппа II въ Нидерландахъ, Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ, прямо при этомъ высказывали свою антипатію къ „политической грамматикѣ Макіавелли“. Шотландецъ Бьюкананъ въ сочиненіи о правѣ королевской власти на своей родинѣ (De jure regni apud scotos), въ противоположность Макіавелли съ его пессимистическимъ взглядомъ на человѣческую природу [2]), приписывалъ душѣ человѣка „нѣчто высокое и благородное“ (sublime quoddam et generosum insitum), позволяющее ему добровольно повиноваться лишь тому, что пользуется властью въ общемъ интересѣ. Классическая литература (въ особенности Аристотель) и окружающая политическая дѣйствительность доставляли монархомахамъ обильный матеріалъ частныхъ примѣровъ для общей характеристики тираннiи, которую они противополагали закономѣрной королевской власти, дѣлающей государя только охранителемъ (custos) общества, а не его господиномъ. Въ „Тяжбѣ противъ тиранновъ“ (Vindiciae contra

---

[1]) Народно-правовое государство, стр. 24.

[2]) Ср. выше, стр. 51.

tyrannos), трактатѣ конца XVI в., приписывавшемся разнымъ авторамъ [1]), проводится та мысль, что по природѣ люди свободолюбивы, не терпятъ рабства и, установляя надъ собою власть, дѣлаютъ это не ради того, чтобы отдать себя въ полное распоряженіе одного человѣка. Авторъ этого трактата между тираннами различалъ такихъ, которые незаконно захватили власть (tyranni absque titulo), и такихъ, которые, будучи совершенно законными государями, правятъ деспотически (tyranni exercitio). Тираннъ, говорится еще въ этомъ сочиненіи, отдѣлывается отъ непріятныхъ ему сановниковъ, придумывая, будто противъ него составляются заговоры, преслѣдуетъ справедливыхъ и серьезныхъ людей, избѣгаетъ собранія государственныхъ чиновъ, держитъ наемныя войска и шпіоновъ, истощаетъ имущества подданныхъ и т. п.

Англійская политическая литература XVII в. [2]), бывшая проповѣдью народовластія съ его теологическимъ обоснованіемъ у индепендентовъ и съ философскимъ у Локка, была, въ сущности, продолженіемъ монархомахической критики абсолютизма. Высокое представленіе о нравственномъ достоинствѣ человѣческой личности, только-что отмѣченное у кальвиниста Бьюканана, лежитъ и въ основѣ политическаго ученія Мильтона: человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, а потому рождается свободнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ призваннымъ къ властвованію, а не къ подчиненію. Такой взглядъ былъ принципіальнымъ осужденіемъ абсолютизма, въ частности же Мильтонъ защищалъ индивидуальную свободу отъ произвола власти даже въ томъ случаѣ, если бы она находилась и въ рукахъ представителей народа: недаромъ въ своей знаменитой „Ареопагитикѣ“ онъ такъ энергично возсталъ противъ задуманнаго долгимъ парламентомъ введенія цензуры. Равнымъ образомъ отстаивалась имъ и религіозная свобода. Локкъ только подыскалъ раціоналистическія основанія для той же защиты политической и индивидуальной свободы, которую индепенденты защищали соображеніями богословскаго характера. Не забудемъ еще, что во имя народнаго права и монархомахи, и индепенденты, и Локкъ одинаково оправдывали активную борьбу съ деспотизмомъ.

Идея естественнаго права съ его принципами свободы и

---

[1]) Теперь авторомъ считается Дю-Плесси-Морнэ.

[2]) Народно-правовое государство, гл. V.

равенства, играющая столь важную роль въ раціоналистической философіи эпохи „просвѣщенія“, только при неособенно послѣдовательномъ ея примѣненіи могла казаться непротиворѣчащей ни абсолютизму, ни даже крѣпостничеству [1]). На самомъ дѣлѣ, естественное право, наоборотъ, заключало въ себѣ полное отрицаніе всего стараго порядка съ его абсолютизмомъ и сословными привилегіями. За исключеніемъ Вольтера и физіократовъ [2]), вся французская литература [3]) была настроена враждебно по отношенію къ абсолютизму. „Система природы“ Гольбаха своимъ рѣзкимъ нападеніемъ на государей заставила самого короля-философа Фридриха II взяться за перо для ея опроверженія.

Никто, однако, не оказалъ такого вліянія на современниковъ и потомство въ дѣлѣ принципіальнаго отрицанія абсолютизма, какъ Монтескьё и Руссо, для которыхъ неограниченная королевская власть одинаково являлась не чѣмъ инымъ, какъ узурпаціей съ тою лишь разницею, что въ глазахъ Монтескьё узурпація въ данномъ случаѣ совершилась по отношенію къ историческимъ правамъ сословій, въ глазахъ Руссо— по отношенію къ естественному праву всего народа. Оба они видѣли въ королевской власти главнымъ образомъ исполнительный органъ государства, и узурпація состояла для нихъ обоихъ въ томъ, что этотъ исполнительный органъ завладѣлъ и законодательною властью.

Въ своемъ „Духѣ законовъ“ Монтескьё проводитъ строгое различіе между монархіей и деспотіей, признавая право на первое названіе лишь за ограниченной монархіей, т.-е. или монархіей сословной, или той, которая нынѣ называется конституціонной. „Монархическое правленіе, говоритъ Монтескьё, это — то, гдѣ управляетъ одинъ, но на основаніи прочныхъ и опредѣленныхъ законовъ, тогда какъ въ деспотическомъ одинъ безъ закона и правила приводитъ въ движеніе все своею волею и своими капризами“. Въ монархіи нужны, кромѣ основныхъ законовъ, посредствующія, подчиненныя и зависимыя власти (у Монтескьё это—наслѣдственное дворянство) и хранилище законовъ, но деспотія обходится безъ всего этого, ограничиваясь передачею всей власти одному

[1]) См. выше, стр. 341 и 349—350.

[2]) См. выше, стр. 359 и слѣд.

[3]) Народно-правовое государство, гл. VI.

визирю. „Человѣкъ, которому всѣ его пять чувствъ говорятъ, что онъ все, а остальные — ничто, естественно бываетъ лѣнивымъ, невѣжественнымъ и сластолюбивымъ. Поэтому онъ не занимается дѣлами“ и предоставляетъ ихъ кому-либо изъ своихъ приближенныхъ. „Разсказываютъ, прибавляетъ Монтескьё, объ одномъ папѣ, который, будучи проникнутъ чувствомъ своей ничтожности, всячески отклонялъ отъ себя выборъ. Когда, наконецъ, онъ избраніе принялъ, то передалъ всѣ дѣла своему племяннику и былъ въ восхищеніи, говоря: „я никогда не повѣрилъ бы, что это такъ легко“. Если „принципомъ“ демократіи Монтескьё считалъ гражданскую доблесть, аристократіи — умѣренность въ пользованіи властью, монархіи — чувство чести, то принципомъ деспотіи былъ въ его глазахъ только страхъ; гражданской доблести въ ней ненужно, а чувство чести въ ней опасно — для самой же этой формы. „Умѣренное правительство, замѣчаетъ Монтескьё, можетъ сколько ему угодно и безъ опасности для себя ослабить вожжи: оно держится своими же законами и даже собственною силою. Но если при деспотическомъ правленіи государь хоть на минуту опускаетъ руки, когда онъ не можетъ сразу же уничтожить людей, занимающихъ въ государствѣ первыя мѣста, то все потеряно, ибо разъ нѣтъ пружины правительства, какимъ является страхъ, у народа нѣтъ болѣе покровителя“. Въ особой главѣ Монтескьё приводитъ различіе между повиновеніемъ въ умѣренномъ правленіи и въ правленіи деспотическомъ: въ послѣднемъ не можетъ быть мѣста ни для разсужденій, ни для возраженій, ни для представленій, ни для отсрочекъ. Воспитаніе въ деспотіи заключается въ приспособленіи людей къ безусловному повиновенію, которое считается нужнымъ и для пользованія властью: здѣсь никто не бываетъ тиранномъ, не будучи въ то же время рабомъ, а „pour faire un bon esclave il faut commencer par faire un mauvais sujet“. Въ отдѣлѣ, посвященномъ доказательству той мысли, что законы должны сообразоваться съ „принципомъ“ правленія, „идею деспотизма“ Монтескьё опредѣляетъ двумя-тремя строками, которыя и составляютъ всю главу: „когда дикари Луизіаны хотятъ достать плодъ, они срѣзываютъ дерево у корня и достаютъ плодъ, — вотъ и все деспотическое правленіе“. Пріемы управленія въ такомъ государствѣ необычайно просты. „Все здѣсь должно вертѣться на двухъ-трехъ идеяхъ, а новыхъ отнюдь ненужно. Когда, по-

ясняетъ свою мысль Монтескьё, вы дрессируете какое-либо животное, вы очень остерегаетесь мѣнять его учителя или пріемы обученія: вы ударяете по его мозгу двумя-тремя движеніями, отнюдь не больше... Иной деспотъ обладаетъ столькими недостатками, что опасно выставлять на показъ его естественное слабоуміе. Его прячутъ, и никто не знаетъ, въ какомъ онъ находится состояніи. Къ счастью, люди здѣсь таковы, что имъ только нужно имя, которое ими управляло бы. Карлъ XII въ Бендерахъ, встрѣтивъ какое-то неповиновеніе въ шведскомъ сенатѣ, написалъ ему, что пришлетъ для командованія имъ одинъ изъ своихъ сапогъ, и этотъ сапогъ приказывалъ бы, такъ деспотическій король. Далѣе, въ монархіи государь, вручая кому-либо власть, ее ограничиваетъ, но въ деспотіи власть переходитъ цѣликомъ въ руки того, кому ввѣряется: „визирь есть самъ деспотъ, и каждый отдѣльный чиновникъ — визирь“. Такъ какъ законъ здѣсь заключается въ волѣ государя, а государь не можетъ ничего хотѣть о томъ, что̀ ему неизвѣстно, то нужно, чтобы существовало великое множество людей, которые хотѣли бы за него и какъ онъ.

По ученію Монтескьё, каждая форма приходитъ въ упадокъ или „портится“, когда приходитъ въ упадокъ ея принципъ. Такъ, монархія погибаетъ, когда у корпорацій и сословій отнимаютъ ихъ привилегіи, ибо тогда-то и устанавливается деспотизмъ одного. „Монархія погибаетъ, говоритъ еще Монтескьё, когда государь, относя все единственно къ себѣ, стягиваетъ все государство къ столицѣ, столицу — къ своему двору, а дворъ — къ своей особѣ“. Что касается до порчи принципа деспотіи, то онъ „портится безпрерывно, ибо онъ по самой природѣ своей испорченъ“.

Съ этими выдержками изъ „Духа законовъ“ можно было бы сопоставить многія мѣста въ „Персидскихъ Письмахъ“, гдѣ, между прочимъ, Монтескьё характеризуетъ современное ему государственное право, какъ „науку, которая учитъ государей тому, насколько они могутъ нарушать правосудіе безъ ущерба своимъ интересамъ“, а фактическое положеніе дѣлъ обрисовывается въ заявленіи, что европейскіе короли „обладаютъ такою властью, какой сами захотятъ“. Въ эпоху написанія „Персидскихъ писемъ“ Монтескьё сомнѣвался въ возможности прочнаго существованія монархіи, находя, что это—какое-то неустойчивое равновѣсіе съ наклономъ въ сто-

рону республики или деспотіи, но потомъ онъ обрѣлъ свой идеалъ монархіи въ Англіи, гдѣ конституція имѣетъ своимъ предметомъ свободу: по сравненію съ англійскимъ устройствомъ всѣ современныя монархіи казались ему имѣющими своею цѣлью не свободу, а славу гражданъ, страны и государя, хотя онъ и не рѣшался назвать ихъ прямо деспотіями, ибо въ нихъ, по его словамъ, все-таки сохранялись еще кое-какія вольности.

Монтескьё былъ вообще противникомъ какой бы то ни было неограниченной власти, Руссо былъ спеціально противникомъ неограниченной власти лишь единоличныхъ правителей, полагая, что въ рукахъ народа власть можетъ оставаться и неограниченною, и непогрѣшимою. Абсолютная монархія для него такая же узурпація исполнительною властью правъ общества, какою была и для Монтескьё. Изображая въ извѣстномъ своемъ „Разсужденіи о причинахъ и основаніяхъ неравенства между людьми“, какъ создалось сначала неравенство богатыхъ и бѣдныхъ путемъ установленія права собственности, потомъ — между сильнымъ и слабымъ вслѣдствіе учрежденія власти и, наконецъ, между господиномъ и рабомъ, съ превращеніемъ законной власти въ произвольную, Руссо объяснялъ и это послѣднее узурпаціей, полемизируя съ тѣми писателями, которые „attribuent aux hommes un penchant naturel à la servitude“. Человѣческая природа свободна, первоначально власть поручалась народомъ правителямъ на извѣстныхъ условіяхъ, и только позднѣе „правители, сдѣлавшись наслѣдственными, взяли привычку смотрѣть на свою должность, какъ на семейное достояніе, на себя — какъ на собственниковъ государства, въ которомъ они были только должностными лицами, на своихъ согражданъ—какъ на собственныхъ рабовъ, ставя ихъ наравнѣ со скотомъ въ составѣ своего имущества и величая себя равными богамъ и царями царей“.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ французской революціи, тѣмъ популярнѣе дѣлается во французскомъ обществѣ мысль о несостоятельности абсолютизма. Когда въ 1789 г. во Франціи происходили выборы въ генеральные штаты и при этомъ составлялись знаменитые „наказы“ (cahiers de doléances)“, въ которыхъ населеніе страны выражало свои желанія, то ни въ одномъ сословіи, ни въ одной какой-либо мѣстности не было высказано даже предположенія, что во Франціи можетъ

остаться абсолютная монархія, и свою политическую задачу учредительное собраніе, возникшее изъ генеральныхъ штатовъ, поняло въ смыслѣ прочнаго установленія народнаго представительства. Французская революція открываетъ собою эпоху постепеннаго крушенія, на континентѣ Европы, стараго порядка, причемъ съ абсолютизмомъ падаютъ и старыя сословныя привилегіи [1]).

Французскій абсолютизмъ XVIII в., продолжая дѣло Людовика XIV, сталъ, въ сущности, тормазомъ какихъ бы то ни было государственныхъ и общественныхъ преобразованій, которыя, такъ сказать, ставились на очередь процессомъ историческаго развитія націи. Въ то время, какъ почти повсемѣстно на материкѣ дѣйствовалъ просвѣщенный абсолютизмъ, царила во внутренней политикѣ Франціи старая система, но мало-по-малу нація выросла изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя ее втискивала эта система. Сначала, приблизительно, до 1750 г. необходимыхъ реформъ ждали сверху, отъ королевской власти, и идея просвѣщеннаго абсолютизма была такъ популярна, что и позднѣе, до самаго министерства Тюрго, у нея были крупные сторонники [2]). Но въ этомъ пути національнаго обновленія постепенно начали разочаровываться, абсолютизмъ сталъ дѣлаться предметомъ все болѣе и болѣе рѣзкихъ нападеній, и въ обществѣ получили распространеніе идеи политической свободы. Между тѣмъ при Людовикѣ XVI обнаружилось, что такъ жить дальше было нельзя, что нужна была коренная реформа, но въ то же время оказалось, что ни королевская власть, находившаяся подъ постояннымъ вліяніемъ придворныхъ сферъ, ни обветшалая бюрократическая машина не были способны совершить дѣло преобразованія. Послѣ долгаго сопротивленія общественному требованію созвать государственные чины власть, наконецъ, была вынуждена уступить и собрать давно вышедшіе изъ употребленія генеральные штаты. Но, собравъ сословныхъ представителей, правительство, въ сущности, предстало передъ нимъ съ пустыми руками, безъ какого-либо политическаго плана, какъ бы тѣмъ самымъ отрекшись отъ всякой органической работы въ пользу „собранной націи". Генеральные штаты и поняли себя, какъ собранную націю, назвавъ себя

[1]) Народно-правовое государство, гл. VIII.

[2]) Ср. выше, стр. 359 и слѣд.

національнымъ собраніемъ, воплощавшимъ въ себѣ верховную власть народа съ учредительными функціями. Франція изъ абсолютной монархіи должна была превратиться въ монархію конституціонную, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были быть перестроены всѣ учрежденія, всѣ отношенія: чѣмъ дольше была задержка, тѣмъ радикальнѣе выходила ломка. Вмѣстѣ съ абсолютизмомъ былъ обреченъ на гибель и сословный строй съ его аристократическими привилегіями и остатками феодализма и крѣпостничества [1]). Предпринятая національнымъ собраніемъ реформа не могла, конечно, понравиться ни королю съ его семьею, ни двору, ни привилегированнымъ сословіямъ, и для возстановленія стараго порядка люди не останавливались передъ мыслью объ иностранной помощи. Старая монархія оказалась совершенно неспособною оторваться отъ своихъ феодальныхъ и клерикальныхъ традицій и отъ придворныхъ вліяній, и результатомъ было крушеніе монархіи. Ее смѣнила республика, но эта республика была, въ сущности, лишь революціонной диктатурой, которая скоро перешла въ военную диктатуру, но обѣ онѣ, эти диктатуры, во многомъ были только продолженіемъ стараго абсолютизма. Какъ бы тамъ ни было, однако, старый порядокъ во Франціи рухнулъ, какіе бы обломки его и не пошли потомъ въ ходъ для возведенія новаго зданія.

Французская революція не ограничилась низверженіемъ стараго порядка въ одной Франціи, превратившись въ пропаганду новыхъ политическихъ идей и учрежденій по всей Западной Европѣ. Угрожаемые съ этой стороны представители абсолютизма и стараго порядка, европейскіе монархи вступили въ вооруженную борьбу съ революціей. Въ этой войнѣ, продолжавшейся четверть вѣка (1792 — 1815), старый порядокъ получалъ ударъ за ударомъ, отъ обновленной революціей Франціи, нигдѣ не обнаруживъ способности оказать революціи и ея продолжателю Наполеону сколько-нибудь сильное сопротивленіе. Старыя династіи падали одна за другою на Апеннинскомъ и Пиренейскомъ полуостровахъ, въ отдѣльныхъ княжествахъ Германіи, а гдѣ этого не происходило, какъ, наприм., въ Австріи и Пруссіи, отъ монархій отторгались цѣлыя большія территоріи. Только чисто народныя движенія конца этого періода въ Испаніи, въ Россіи,

---

[1]) Народно-правовое государство“, гл. XI.

въ Германіи сокрушили мощь Наполеона I, внутри имперіи котораго абсолютизмъ тоже далъ свои плоды. Раньше правительства очень боялись народныхъ движеній даже чисто патріотическаго характера. Австрія въ войнахъ съ Франціей предпочитала терять провинцію за провинціей, нежели имѣть дѣло съ внутренними народными движеніями, и потомъ, когда во всей Германіи началось національное движеніе, относилась къ нему весьма подозрительно.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствъ несостоятельности стараго порядка въ отдѣльныхъ странахъ было полное пораженіе Пруссіи въ 1806 — 1807 г., черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Фридриха II и выхода въ свѣтъ книги Мирабо „О прусской монархіи“, гдѣ уже предсказывалось это пораженіе. Книга будущаго трибуна революціи и сторонника конституціонной монархіи была, въ сущности, апологіей личнаго правленія, разъ оно находится въ рукахъ великаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ Мирабо ясно видѣлъ, что все могущество Пруссіи держалось исключительно на геніальной личности ея короля, хотя онъ и прибавлялъ, что его царствованіе „утомило всѣхъ до ненависти“, такъ какъ Фридрихъ II былъ зараженъ убійственною болѣзнью „желанія слишкомъ управлять“: Пруссія была въ его глазахъ какъ-разъ „монархіей, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая, была подчинена абсолютнѣйшему правленію, только тѣмъ и занимавшемуся, что за всѣмъ наблюдало, все регламентировало, предписывало, приказывало“. Какъ ни великъ былъ король, основа, на которой онъ строилъ, была самая зыбкая, говорилъ Мирабо, и ее можетъ снести первая буря. „Прусская монархія, — пророчилъ онъ еще, — устроена такъ, что не выдержитъ ни одного бѣдствія. При всемъ искусствѣ покойнаго короля, эта сложная машина не можетъ быть долговѣчной. Напрасно Фридрихъ II лѣчилъ свое государство палліативами: ему нужно лѣченіе радикальное“.

Буря, предсказанная Мирабо, пришла въ 1806 г., и результатъ былъ тотъ, который предсказывался. Событія этого и слѣдующаго годовъ показали, до какой степени всею системою прусскаго абсолютизма, благодаря которой самъ Фридрихъ II жаловался, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами“, въ населеніи были убиты духъ иниціативы, гражданское чувство, интересъ къ общему дѣлу. Извѣстно, до какой степени индифферентно и пассивно въ Пруссіи въ 1806 — 1807 гг. отнес-

лись къ бѣдствіямъ отечества и дворяне, и бюргеры, и народная масса, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Съ другой стороны, и правительство, убѣжденное въ „ограниченности ума подданныхъ", всячески парализовало общественную самодѣятельность. Только заступничество Александра I спасло Пруссію отъ судьбы нѣкоторыхъ другихъ государствъ, уничтоженныхъ въ Германіи Наполеономъ, да и то Гогенцоллерны поплатились цѣлою половиною своихъ владѣній, и только реформы Штейна и Гарденберга, внутренне укрѣпившія Пруссію, позволили ей играть первенствующую роль въ войнѣ за освобожденіе Германіи. Впервые въ эту эпоху подъ вліяніемъ пережитыхъ Пруссіей бѣдствій въ ней явилась мысль о необходимости перейти отъ абсолютизма къ народному представительству [1]), правда, осуществившемуся только черезъ четыре десятилѣтія, благодаря наступившей реакціи.

Полная непригодность абсолютизма была сознана и въ Австріи тоже подъ вліяніемъ внѣшняго пораженія, доказавшаго, что жить по старинѣ долѣе нельзя. До 1848 г. въ монархіи Габсбурговъ царилъ самый реакціонный абсолютизмъ. Революція 1848 г. вынудила у него самоотреченіе, но когда отчасти вслѣдствіе національныхъ распрей въ населеніи имперіи, отчасти благодаря помощи со стороны Россіи, вѣнское правительство сломило революцію, все пошло по старому. Пораженіе въ войнѣ 1859 г. съ Франціей и Сардиніей впервые заставило высшія сферы Австріи подумать о реформахъ и какой-ни-на-есть конституціи (1860), хотя для утвержденія конституціоннаго строя потребовалась еще одна несчастная война—съ Пруссіей въ 1866 г., лишній разъ показавшая правительству, что спасеніе Австріи въ отказѣ отъ прежняго абсолютизма [2]).

Такъ, въ отдѣльныхъ странахъ Европы, гдѣ раньше, гдѣ позже, старый порядокъ доказывалъ свою несостоятельность, помимо того, что 1789 годомъ открылась эпоха политическихъ революцій противъ абсолютизма и реакціи. Эти революціи не всегда были удачны, онѣ подавлялись, абсолютизмъ снова торжествовалъ, но постепенно тѣмъ не менѣе онъ вездѣ долженъ былъ въ большей или меньшей мѣрѣ уступать свои позиціи. Однѣ за другими отдѣльныя страны переходили отъ

---

[1]) Народно-правовое государство, стр. 246 и слѣд.

[2]) Народно-правовое государство, стр. 415 и слѣд.

абсолютизма къ конституціонному режиму, который и сдѣлался господствующею политическою формою современнаго міра.

Отъ абсолютной монархіи современныя государства, не исключая республиканской Франціи, унаслѣдовали, однако, не мало такихъ порядковъ, которые не совсѣмъ-то подходятъ къ основамъ свободнаго государства. Сюда нужно отнести, прежде всего, административную централизацію и бюрократію, которыя очень часто находили сочувствіе и поддержку со стороны политическихъ дѣятелей и партій, стоявшихъ за представительный образъ правленія, въ виду того, что и та, и другая могли быть превосходными орудіями новой власти въ борьбѣ съ остатками стараго порядка. Не разъ защитниками мѣстнаго самоуправленія, наоборотъ, выступали болѣе консервативно настроенные элементы, конечно, подъ условіемъ сохраненія общественнаго значенія за привилегированными. Въ новомъ государствѣ, однако, все болѣе зрѣетъ и проводится въ жизнь идея мѣстнаго самоуправленія въ ущербъ бюрократической централизаціи.

Параллельно съ паденіемъ абсолютизма шло и постепенное разрушеніе сословныхъ привилегій, однимъ изъ пережитковъ которыхъ во многихъ конституціяхъ являются верхнія, аристократическія палаты. Въ остальномъ восторжествовалъ принципъ гражданскаго равенства, который сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ новыхъ конституцій, ограничивающихъ когда-то бывшую абсолютною королевскую власть.

Въ области помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній переходъ отъ абсолютной монархіи характеризуется паденіемъ соціальнаго феодализма и крѣпостничества. Все, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано абсолютной монархіей въ XVIII в., блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано французской революціей и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ при Наполеонѣ. Лучшее, что было совершено абсолютизмомъ въ XIX в., это, несомнѣнно, уничтоженіе крѣпостнаго права въ Пруссіи въ 1807 г. и въ Россіи въ 1861 г., хотя и здѣсь и тамъ реформа была вызвана внѣшними пораженіями (подъ Іеной въ Пруссіи и въ Севастополѣ въ Россіи). Въ другихъ случаяхъ по примѣру Франціи паденіе соціальнаго феодализма происходило одновременно съ крушеніемъ абсолютизма: примѣръ—Австрія 1848 г., гдѣ кратковременная передышка, созданная мартовской революціей, дала возможность ликвидировать крестьянскій вопросъ.

Только-что вкратцѣ очерченная эволюція является возвращеніемъ со стороны государства обществу, взятому въ смыслѣ совокупности управляемыхъ, тѣхъ правъ, которыя въ эпоху установленія абсолютизма отошли отъ нихъ въ исключительное обладаніе правительствъ. Средневѣковыя формы общественнаго самоуправленія имѣли характеръ сословныхъ и корпоративныхъ привилегій, въ новомъ же конституціонномъ государствѣ происходитъ постепенная демократизація учрежденій.

Наконецъ, параллельно со всѣми этими процессами совершается процессъ расширенія личныхъ правъ гражданъ въ смыслѣ ограниченія правъ государства надъ личностью или, что то же, признанія за гражданами закономѣрной свободы, понимаемой, во-первыхъ, какъ личная неприкосновенность, во-вторыхъ—какъ свобода передвиженія, свобода занятій, свобода совѣсти, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ, отрицавшіяся въ абсолютномъ и полицейскомъ государствѣ прошлаго.

Однимъ словомъ, новое конституціонное государство является особымъ историческимъ типомъ, который, конечно, и разсматриваться долженъ особо, какъ нѣчто, во многихъ отношеніяхъ діаметрально противоположное бюрократическому государству, вполнѣ подчинявшему себѣ сословное общество [1]).

---

[1]) См. предисловіе къ настоящей книгѣ, гдѣ говорится объ отношеніи ея къ типологическому курсу о конституціонномъ („народно-правовомъ") государствѣ. Послѣднее основывается на началахъ, введеніе которыхъ въ жизнь, по отношенію къ государству „стараго порядка", равносильно всегда цѣлой революціи, о чемъ ср. въ „Происхожденіи современнаго народно-правового государства" на стр. 12—13 и особенно 441 и слѣд.

ГЛАВА XXIII.

Общее заключеніе.

Сохраненіе на Западѣ, въ XVI — XVIII вв., сословнаго строя, выросшаго на феодальной почвѣ и усложненнаго выдѣленіемъ горожанъ въ эпоху крестовыхъ походовъ.—Сословная монархія, какъ политическая надстройка на этомъ соціальномъ базисѣ.—Общія причины упадка этой государственной формы и замѣны ея абсолютизмомъ, опирающимся на армію и бюрократію.—Союзъ королевской власти съ привилегированными.—Выгоды, которыя абсолютная монархія извлекала для себя изъ развитія промышленности и торговли, изъ религіозной реформаціи и католической реакціи, равно какъ изъ новаго образованія.—Стремленіе абсолютной власти сдѣлаться всѣмъ во всемъ.—Приближеніе абсолютизма XVI — XVIII вв. къ азіатскому деспотизму.—Просвѣщенный абсолютизмъ и его родство съ французской революціей.—Характеръ реставраціоннаго абсолютизма XIX в.

Подведемъ вкратцѣ общіе итоги.

Изъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ общество западноевропейскихъ государствъ перешло въ такъ называемое новое время раздѣленнымъ на сословія, сложившіяся еще въ феодальныя времена. Въ эпоху феодализма населеніе каждой страны раздѣлялось, главнымъ образомъ, на господъ-землевладѣльцевъ и на подвластныхъ имъ земледѣльцевъ, причемъ первые подраздѣлялись на сеньёровъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ эпоху крестовыхъ походовъ между духовными и свѣтскими сеньёрами и крестьянскою массою образовалось, такъ сказать, среднее сословіе горожанъ, которое вмѣстѣ со всѣми недуховными и недворянами образовали во Франціи одно „третье сословіе“. Высшую ступень въ этомъ сословномъ строѣ занимало духовенство, которое только въ протестантскихъ странахъ въ силу религіозной реформаціи утратило свое соціальное первенство, въ католическихъ же сохранило свое первенствующее положеніе. Второе мѣсто принадлежало дворянству, составлявшему вмѣстѣ съ духовенствомъ (въ сущности, только съ высшимъ) классъ привилегированныхъ. Въ рукахъ этихъ привилегированныхъ была сосредоточена большая часть поземельной собственности; въ ихъ рукахъ были судебная

и полицейская власть въ деревняхъ, сеньёрьяльныя права надъ крестьянскимъ населеніемъ и его землями; они обладали разными другими преимуществами, каковы изъятіе отъ налоговъ, исключительное право на многія государственныя должности и т. п.; гдѣ сохранилось мѣстное самоуправленіе, тамъ оно находилось въ рукахъ этого же класса. Городское населеніе было лишено такихъ преимуществъ, но оно было, по крайней мѣрѣ, свободно отъ власти привилегированныхъ, въ томъ или иномъ видѣ тяготѣвшей надъ крестьянами, среди которыхъ были еще и крѣпостные духовныхъ и дворянъ. Этотъ сословный строй былъ одною стороною „стараго порядка", именно стороною *соціальною*.

Другую, *политическую* сторону представлялъ собою абсолютизмъ королевской власти, выросшій на развалинахъ сословной монархіи среднихъ вѣковъ.

Въ эпоху феодализма королевская власть не была неограниченной: она имѣла характеръ сюзеренитета надъ вассалами, а не надъ подданными: въ подданствѣ находились только низшіе классы общества у своихъ сеньёровъ. За феодальной монархіей слѣдовала монархія сословная, въ которой король дѣлился въ той или иной мѣрѣ политическими правами съ сословіями, представленными на государственныхъ сеймахъ. Послѣдніе вотировали налоги, принимали участіе въ изданіи законовъ, наблюдали отчасти за дѣйствіями администраціи, нерѣдко даже выбирали королей. Сословная монархія въ общемъ покоилась на договорномъ началѣ, какъ и феодализмъ, и представляла собою политическую надстройку надъ сословнымъ строемъ общества. Клиръ, свѣтская аристократія и города пользовались въ сословной монархіи извѣстными политическими правами, какъ самостоятельные и независимые факторы государственной жизни. Установленіе абсолютизма было отнятіемъ у сословій ихъ политическихъ правъ, при сохраненіи за ними соціальныхъ привилегій, и возведеніемъ надъ сословнымъ строемъ, какъ фундаментомъ, политической надстройки иного типа, которая впослѣдствіи стала давить на свой фундаментъ такъ сильно, что вполнѣ его себѣ подчинила и, такъ сказать, сама его въ себѣ поглотила.

Причинами упадка сословно-представительныхъ учрежденій были равнодушіе къ нимъ народныхъ массъ, которыя въ нихъ не были представлены, постоянныя распри между сословіями, въ нихъ представленными, невыработанность са-

мой политической организаціи сословнаго строя, какъ-то: неопредѣленность и фактическая рѣдкость сроковъ ихъ созывовъ, краткосрочность сессій, часто наумѣлость веденія дѣлъ, отсутствіе контролирующихъ органовъ и т. п. Королевская власть всегда встрѣчала поддержку въ сельскихъ массахъ противъ господъ, а въ горожанахъ противъ привилегированныхъ и всегда пользовалась раздорами сословій и въ сеймахъ, и внѣ сеймовъ для того, чтобы постепенно отдѣлываться отъ этихъ сеймовъ, имѣя притомъ на своей сторонѣ такія орудія, какъ военная сила и бюрократія. Въ началѣ эпохи сословной монархіи старыя феодальныя дружины и муниципальныя милиціи стали уступать мѣсто наемнымъ войскамъ, по образцу которыхъ правительства начали обзаводиться и своими постоянными арміями. Распоряжаясь военной силой, новое государство могло легко подавлять всѣ проявленія феодальной и муниципальной оппозиціи, а постепенно разроставшаяся бюрократія и мирнымъ путемъ вытѣсняла изъ мѣстнаго управленія и феодальные, и муниципальные элементы, шагъ за шагомъ подрывая самоуправленіе общества и организуясь въ общегосударственную, послушную по отношенію къ королевской власти силу,—организуясь именно на началахъ дисциплины и централизованной іерархіи. Феодальные сеньеры были военнымъ и правящимъ сословіемъ, но постоянныя арміи и бюрократическія учрежденія вытѣснили дворянство изъ его прежнихъ позицій. Дворянинъ могъ, конечно, попрежнему быть военнымъ, но уже не въ качествѣ вассала, а въ качествѣ подданнаго на спеціальной королевской службѣ, могъ участвовать въ управленіи, но въ роли уже не самостоятельнаго владѣльца, а должностного лица, получившаго свои полномочія сверху.

Заставивъ привилегированныя сословія отказаться отъ своего прежняго политическаго значенія, королевская власть взяла на себя охраненіе, — всею силою своего авторитета и всѣми средствами, какія ей давало распоряженіе орудіями, подобными бюрократіи и арміи, — всѣхъ соціальныхъ привилегій духовенства и дворянства. Соціальный строй сословнаго состава терпѣлъ образовавшуюся надъ нимъ политическую надстройку военно-бюрократическаго абсолютизма потому, что послѣдній сдѣлался гарантіей незыблемости этого строя, взявъ на себя охрану привилегій наиболѣе сильныхъ своими имуществами, мѣстными вліяніями, своею относительною органи-

зованностью и сознанiемъ своихъ правъ и своихъ интересовъ сословiй государства. Дворянство даже стало устремляться къ королевскимъ и княжескимъ дворамъ, сдѣлавшимся центрами политической жизни. Дворъ государя былъ теперь настоящею политическою силою, мѣстомъ, гдѣ воочiю осуществлялся союзъ абсолютизма власти съ сословными привилегiями. Въ этомъ союзѣ заключалась самая характерная особенность стараго порядка, въ которомъ государственность примирялась съ феодализмомъ и король, отожествлявшiй государство съ собою, видѣвшiй въ себѣ олицетворенiе и даже воплощенiе всей нацiи, въ то же время называлъ себя первымъ дворяниномъ своего королевства. Новая политическая надстройка надъ соцiальнымъ базисомъ сословности сросталась съ нимъ въ одну систему. Отъ феодальныхъ сеньёровъ только ушла власть, но она нашла помѣщенiе не во враждебныхъ имъ рукахъ, разъ концентрацiя власти въ одномъ лицѣ сопровождалась усиленiемъ самой устойчивости стараго сословнаго строя. Абсолютизмъ стараго порядка оказался связаннымъ съ сословнымъ строемъ органически и идейно, но въ то же время онъ вынуждался чисто внѣшними условiями и, такъ сказать, по расчету выгоды оказывать особое покровительство еще одному общественному классу, выдвинутому въ новое время впередъ общимъ развитiемъ экономической жизни.

Этотъ общественный классъ — купцы и промышленники. При переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени натуральное хозяйство, господствовавшее въ феодальную эпоху, стало замѣняться денежнымъ, и королевская власть начала извлекать отсюда для себя выгоду, создавая новые источники своихъ доходовъ изъ обложенiя торговли и промышленности и прибѣгая къ займамъ у капиталистовъ, что облегчало для нея возможность обходиться безъ созыва государственныхъ чиновъ. Въ видахъ содѣйствiя развитiю торговыхъ и промышленныхъ предпрiятiй государство начало покровительствовать капиталистамъ, но это покровительство имѣло иной характеръ, нежели покровительство сословнымъ привилегiямъ духовенства и дворянства. Оно не было дѣломъ уваженiя къ историческому праву и результатомъ своего рода внутренняго сочувствiя къ основаннымъ на немъ притязанiямъ, а было дѣломъ государственной корысти, т.-е. результатомъ соображенiй относительно выгодности такой политики для казны. Между интересами привилегированнаго землевладѣльческаго класса и инте-

ресами класса торгово-промышленнаго, занимавшаго въ обществѣ приниженное положеніе, солидарности, конечно, быть не могло, и абсолютная монархія, охраняя всею своею мощью сословныя привилегіи духовенства и дворянства и удерживая купцовъ и промышленниковъ въ ихъ приниженномъ соціальномъ положеніи, тѣмъ самымъ препятствовало наиболѣе зажиточнымъ людямъ третьяго сословія занимать въ обществѣ болѣе видное и вліятельное положеніе. Сдѣлавшись меркантилистической, торгово-промышленной, королевская политика находила выгоду въ томъ, чтобы въ государствѣ развивались коммерція и индустрія, но сердце высшихъ представителей власти было на другой сторонѣ. Иными словами, союзъ абсолютизма съ феодализмомъ былъ гораздо болѣе тѣснымъ и болѣе искреннимъ, чѣмъ вся меркантилистическая политика абсолютизма. Если королевская власть боялась вмѣшиваться во взаимныя отношенія помѣщиковъ-дворянъ и крестьянскаго населенія во имя признававшихся ею за первыми правъ, то за промышленниками она не признавала никакихъ самостоятельныхъ правъ надъ рабочими и тѣмъ не менѣе въ интересахъ нужной для государственной казны промышленности создавала для рабочей массы крайне невыгодныя и, наоборотъ, весьма выгодныя для предпринимателей условія труда въ мануфактурахъ.

Абсолютизмъ извлекалъ для себя пользу не только изъ совершавшихся въ эпоху его развитія экономическихъ перемѣнъ, но и изъ того, что происходило въ чисто культурной области. Особенно важными моментами западно-европейской исторіи въ новое время, выгодными въ концѣ концовъ для абсолютизма, были религіозная реформація XVI в. и послѣдовавшая за нею реакція католицизма. Государи, принявшіе протестантизмъ, не только освободились отъ власти папы, но сами даже сдѣлались главами мѣстныхъ церквей, подчинили себѣ мѣстное духовенство, вошли во многія права прежней церковной власти, обогатились путемъ секуляризаціи церковной и монастырской собственности и даже очутились чуть не въ положеніи господъ надъ религіозною совѣстью своихъ подданныхъ. Подчиненное государству протестантское духовенство сдѣлалось своего рода духовною бюрократіей на службѣ у свѣтскихъ властей. Этому превращенію церкви въ одно изъ государственныхъ вѣдомствъ, имѣвшему мѣсто въ протестантскихъ странахъ, соотвѣтствовалъ въ католическихъ государствахъ „союзъ алтаря и трона“, т.-е. соглашеніе между

духовною и свѣтскою властями противъ общихъ ихъ враговъ. Абсолютная монархія и католическая реакція одна другой помогали, одна другую защищали и поддерживали. Реакціонная политика папъ отказалась отъ средневѣковыхъ замысловъ на счетъ политическаго господства надъ свѣтскою властью и во многомъ даже сдѣлала ей разныя уступки, лишь бы удержать католическихъ государей въ лонѣ церкви, и, съ своей стороны, абсолютизмъ большею частью напрягалъ всѣ свои силы, чтобы духовенство сохранило со своими соціальными привилегіями и культурное вліяніе на общество, такъ какъ нуждался въ проповѣди духовенства о божественномъ установленіи королевской власти. Политика королей была здѣсь та же, что и по отношенію къ дворянству; абсолютизмъ былъ лишь противъ *политической* мощи духовенства, но его *культурное* господство не только не стремился поколебать, но всячески поддерживалъ: и здѣсь союзъ государственной власти съ однимъ изъ сословій былъ болѣе принципіальнымъ, чѣмъ то покровительство за услуги, которое абсолютизмъ оказывалъ представителямъ новаго образованія.

Только-что указанное явленіе беретъ свое начало въ исторіи Италіи, гдѣ на рубежѣ средневѣковья и новаго времени заключенъ былъ союзъ между представителями тиранніи и представителями ренессанса. Это было княжеское меценатство, изъ Италіи перешедшее и въ другія страны. У королевскаго меценатства было много общаго съ королевскимъ меркантилизмомъ—покровительство изъ-за выгодъ, которыхъ можно ожидать отъ покровительствуемыхъ, а не по сочувствію, не по общности идейныхъ стремленій.

Какъ бы тамъ ни было, абсолютизмъ всегда хотѣлъ использовать въ своихъ интересахъ и умственныя движенія времени, начиная съ итальянскихъ князей въ ихъ отношеніяхъ къ гуманистамъ и кончая государями и министрами второй половины XVIII в. по отношенію къ „философамъ“.

Такимъ образомъ, абсолютизмъ одновременно опирался и на старыя силы католической церкви и феодальной аристократіи, и на новыя силы культурнаго и экономическаго развитія, колеблясь, при столкновеніи противоположныхъ началъ, между старыми силами и силами новыми, то становясь на сторону первыхъ, то переходя на сторону вторыхъ. Симпатіи, традиціи, привычки,—все удерживало абсолютизмъ въ союзѣ со старыми силами, тогда какъ интересы государства

большею частью влекли государей къ соединенію съ силами новыми. Абсолютизмъ Людовика XIV былъ абсолютизмомъ первой категоріи, абсолютизмъ Іосифа II, наоборотъ, — второй категоріи, да и вообще вся политика просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII в. была результатомъ начавшагося поворота власти на новую дорогу.

Абсолютизмъ держался, главнымъ образомъ, тѣмъ, что приспособлялся къ условіямъ и требованіямъ своего соціальнаго и культурнаго базиса, самъ приспособляя къ своимъ требованіямъ соціальныя и культурныя отношенія общества. Абсолютная монархія, конечно, была, съ одной стороны, надстройкой надъ соціальнымъ базисомъ, каковымъ являлся именно сословный строй и его духовная культура, но съ другой стороны, тотъ же абсолютизмъ со всѣми общественными элементами, находившимися на спеціальной ему службѣ, особенно съ бюрократіей, обнаруживалъ стремленіе быть не органомъ сословнаго общества, а самодовлѣющимъ организмомъ, для котораго само общество должно было служить лишь питающею его своими соками почвою. Это было „государство для государства", и оно стремилось сдѣлаться всѣмъ во всемъ: общество должно было быть устранено отъ всѣхъ своихъ же собственныхъ дѣлъ, ибо государство должно было ихъ рѣшать въ своемъ интересѣ, и какъ отдѣльные классы или корпораціи, такъ и отдѣльные люди должны были жить государствомъ и для государства, которое одно, въ лицѣ своего главы и правящей бюрократіи, могло знать, что нужно и что полезно самому обществу, равно какъ его коллективнымъ или индивидуальнымъ элементамъ. Въ этомъ стремленіи бюрократія отожествляла себя съ государствомъ, какъ въ былыя времена католическій клиръ отожествилъ себя съ церковью.

Королевская власть и бюрократія взяли на себя законодательную функцію государства, вполнѣ устранивши общественныя силы отъ какого бы то ни было участія въ изданіи законовъ и въ преобразовательной дѣятельности государства.

То же самое произошло въ области управленія и суда, которые все болѣе и болѣе бюрократизировались. Общество отстранялось отъ завѣдованія его же собственными дѣлами, такъ какъ, въ концѣ концовъ, умъ подданныхъ считался ограниченнымъ, и лучшимъ средствомъ сдѣлать подданныхъ счастливыми считалось поставить ихъ подъ постоянную опеку администраціи.

Государственное хозяйство тоже стало чѣмъ-то самодовлѣющимъ, и хозяйство народное должно было подчиниться интересамъ фиска. Населеніе было отстранено отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ финансы государства: сколько подданные должны были платить въ казну и въ какихъ формахъ, это рѣшалось правительствомъ, надъ расходованіемъ же собранныхъ съ населенія суммъ контроля никакого не было.

Бюрократія же считалась лучше знающею, что̀ выгоднѣе для казны, причемъ выгоды и невыгоды населенія экономическою политикою совсѣмъ въ расчетъ не принимались. Въ меркантилизмѣ фискальный характеръ политики абсолютизма проявился со всею ясностью, какую только можно себѣ представить, и вмѣстѣ съ тѣмъ родственный меркантилизму протекціонизмъ былъ распространеніемъ и на экономическую жизнь административной опеки. Начальство и здѣсь брало на себя заботу руководить частными предпріятіями даже въ вопросахъ техники.

Эти и другія черты бюрократической опеки и вмѣшательства обобщаются въ названіи „полицейское государство“, которое мы примѣняемъ къ государственному строю особенно XVII—XVIII вв. Оно требовало распространенія своего надзора, своего попеченія, своего руководства на всѣ сферы человѣческой жизни, видя въ этомъ основное право власти и оцѣнивая съ точки зрѣнія этого права всѣ явленія общественной жизни, какъ подлежащія или поощренію, или, наоборотъ, пресѣченію. Для полицейскаго государства, хотѣвшаго быть всѣмъ во всемъ, въ общественной жизни не было и быть не могло индифферентныхъ явленій, по отношенію къ которымъ власть могла оставаться совершенно нейтральною.

Духовная культура, религія, наука, литература, искусство, должны были тоже служить государственнымъ цѣлямъ или тому, что̀ за такія цѣли принималось. Абсолютизмъ хотѣлъ имѣть свою оффиціально аппробованную духовную культуру, а въ частности религія въ его глазахъ была преимущественно политическимъ средствомъ, орудіемъ властвованія, которымъ правительство должно пользоваться въ своихъ государственныхъ цѣляхъ. Тенденціей абсолютизма было превратить духовенство въ особый видъ бюрократіи и диктовать совѣсти подданныхъ, какую вѣру ей исповѣдовать. Государство очень было не прочь получить права высшей полиціи и въ церковной жизни.

Это государство, составляющее все во всемъ, имѣло и своихъ теоретиковъ, причемъ, разумѣется, конечною его цѣлью провозглашалось общее благо, о содержанiи котораго и о средствахъ достиженiя котораго могла судить только сама правительственная власть. Идея общаго блага была, безъ сомнѣнiя, самою высокою идеологiей абсолютизма, но ничто ей такъ не противорѣчило, какъ охрана государствомъ всѣхъ сословныхъ привилегiй и приниженности или безправiя народныхъ массъ, раздача щедрою рукою разныхъ матерiальныхъ благъ придворнымъ и т. п. Равнымъ образомъ, далеко не соотвѣтствовало этой идеѣ и поведенiе такихъ королей, какъ Людовикъ XIV, который смотрѣлъ на личную свою славу, какъ на высшую цѣль своей политики, и готовъ былъ во всемъ королевствѣ видѣть чуть не простое достоянiе его фамилiи. Личные и династическiе интересы играли слишкомъ большую роль въ королевской политикѣ XVI—XVIII вв. (и раньше, впрочемъ, и позже), чтобы мы могли говорить серьезно о стремленiи абсолютизма къ осуществленiю общаго блага, тѣмъ болѣе, что этотъ девизъ былъ провозглашенъ, какъ руководящее начало, лишь въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, тоже, впрочемъ, бывшаго далекимъ отъ его осуществленiя.

Одною изъ жизненныхъ потребностей, содѣйствовавшихъ установленiю абсолютизма, была потребность въ нацiональной защитѣ, какъ мы это и видѣли въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Сами нацiи, олицетворяя себя въ своихъ короляхъ, шли навстрѣчу стремленiю королей видѣть въ себѣ воплощенiя государства. Политическiй характеръ власти, пользуясь терминологiей Аристотеля, превращался въ деспотическiй, т.-е. власть переставала быть публичной функцiей и становилась частною собственностью ея обладателя. По временамъ и въ извѣстныхъ отношенiяхъ это приближало абсолютизмъ къ азiатскому деспотизму. Старымъ наслѣдiемъ Востока было и то теологическое обоснованiе абсолютизма, какое мы находимъ у Боссюэта, у Людовика XIV, у Фильмера. Просвѣщенный абсолютизмъ отказался отъ такого обоснованiя, приводившаго въ послѣднемъ счетѣ къ обожествленiю власти; въ этомъ отношенiи онъ былъ возстановленiемъ европейскаго политическаго пониманiя, въ отличiе отъ пониманiя азiатскаго, въ которомъ деспотизмъ былъ одною изъ составныхъ частей свыше установленнаго мiропорядка. Религiозная санкцiя тео-

логическаго толкованія власти распространялась и на весь соціальный строй.

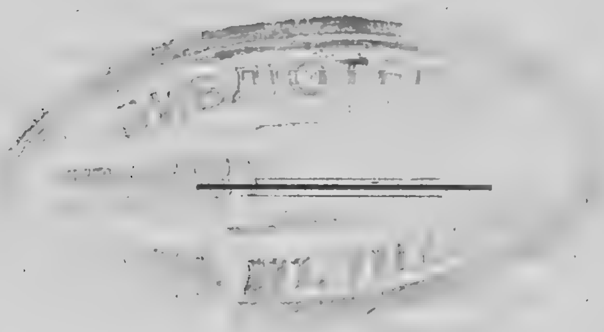
Просвѣщенный абсолютизмъ порывалъ съ католическими и феодальными традиціями власти, позволявшими ей смотрѣть на себя, какъ на посланничество свыше, а на государство, какъ на частное свое достояніе, порывалъ съ политикой преимущественной охраны сословныхъ привилегій, но во всемъ остальномъ онъ шелъ по проложенной уже дорогѣ—централизаціи, бюрократизаціи, фискализаціи всего, что чему подлежало. Онъ исходилъ изъ отвлеченно-раціоналистическаго пониманія государства, отвергавшаго всѣ историческія права и традиціи, и въ этомъ онъ дѣлалъ многое изъ того, что потомъ дѣлала французская революція. Въ частности, наприм., гражданское устройство церкви временъ французской революціи [1]) напоминаетъ намъ іозефинизмъ. Разница была въ томъ, что суверенитетъ короля былъ замѣненъ суверенитетомъ націи, и что провозглашены были „права человѣка и гражданина", неприкосновенныя и для государства, тогда какъ абсолютизмъ (не исключая и просвѣщеннаго) признавалъ за личностью права̀ лишь по отношенію къ другимъ личностямъ, отнюдь не по отношенію къ государству. Въ уничтоженіи сословныхъ привилегій и сеньёрьяльныхъ правъ, въ отмѣнѣ крѣпостничества, въ провозглашеніи равенства всѣхъ передъ закономъ, права всѣхъ на занятіе должностей и обязанности всѣхъ платить налоги, въ установленіи вѣротерпимости, даже въ желаніи превратить священниковъ въ должностныхъ лицъ государства и пр. и пр. революція дѣлала то же самое дѣло, которое дѣлалъ или пытался дѣлать просвѣщенный абсолютизмъ. Революція, въ лицѣ якобинцевъ, выдвинула такихъ же государственниковъ, какими были наиболѣе яркіе абсолютисты въ родѣ Ришельё, Фридриха II, Іосифа II,—государственниковъ только болѣе смѣлыхъ по отношенію къ старымъ традиціямъ. Абсолютизмъ тоже былъ диктатурой, какъ и якобинизмъ, и какъ смѣнившій революцію цезаризмъ Наполеона I, тоже бывшій однимъ изъ проявленій просвѣщеннаго абсолютизма.

Просвѣщенный абсолютизмъ, французская революція и имперія Наполеона I, все это исторически близкія между собою явленія. Реакція, начавшаяся послѣ паденія Наполеона I, была реакціей не только противъ сдѣланнаго во время его владыче-

---

[1]) Народно-правовое государство, стр. 190—191.

ства и не только реакціей противъ революціи, но и противъ просвѣщеннаго абсолютизма. Послѣдній сталъ разъединять, отдѣлять одинъ отъ другого политическій строй и строй соціальный стараго порядка. Французская революція была угрозой по отношенію къ обоимъ, и это заставило ихъ снова слиться воедино, что и характеризуетъ дальнѣйшую исторію XIX в., начиная съ эпохи реакціи, причемъ даже въ конституціонные порядки, установившіеся въ государствахъ Западной Европы къ серединѣ XIX в. вошло многое, что было выработано преимущественно абсолютною монархіей XVI—XVIII вв.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Общія сочиненія по исторіи абсолютизма.

Общихъ сочиненій по исторіи западно-европейской абсолютной монархіи, заключающихъ въ себѣ характеристику ея порядковъ и принциповъ, существуетъ немного, если не считать трудовъ, посвященныхъ общей исторіи эпохи, или работъ, касающихся стараго порядка въ отдѣльныхъ странахъ, каковы книги *Токвиля* и *Тэна* о старомъ порядкѣ во Франціи, *Пертеса* — въ Германіи [1]) и т. п. Другое дѣло — литература по исторіи отдѣльныхъ странъ, царствованій, государственныхъ дѣятелей, событій, сторонъ жизни и т. п.: она чуть не безконечна. Въ виду этого нижеслѣдующая библіографія выходитъ очень короткою, за болѣе же подробными указаніями отсылаю къ обзорамъ въ соотвѣтственныхъ главахъ II и III томовъ «Исторіи Западной Европы».

Fr. Laurent. La politique royale. Paris. 1865.

Книга подъ этимъ заглавіемъ представляетъ собою XI томъ громаднаго (въ 18 томахъ) труда Лорана подъ заглавіемъ „Etudes sur l'histoire de l'humanité". Хронологическіе предѣлы, въ которыхъ разсматривается «королевская политика», — вторая половина XVII и почти весь XVIII в., главное содержаніе—международная политика абсолютной монархіи. Конецъ книги (стр. 453—613) посвященъ исторіи идей за ту же эпоху, причемъ авторъ заявляетъ, что движеніе идей въ XVIII в. «примиряетъ» его съ этою эпохою. Книга Лорана устарѣла, особенно послѣ появленія въ свѣтъ перваго тома труда Сореля.

---

[1]) Послѣдняя легла въ основу русской книги *Трачевскаго* (Первая половина „Германіи наканунѣ революціи". 1898).

А. Сорель. Европа и французская революція.

Этотъ важный трудъ въ 8 томахъ, который имѣется въ русскомъ переводѣ (см. о немъ мою брошюру «А. Сорель, какъ историкъ французской революціи». Спб. 1907) заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, исторію международныхъ отношеній въ эпоху французской революціи, хотя и разсматриваетъ ихъ въ связи съ внутренними событіями въ разныхъ странахъ. Спеціальный интересъ автора сказался и на первомъ томѣ, цѣликомъ посвященномъ «политическимъ нравамъ и традиціямъ» стараго порядка; его-то ближайшимъ образомъ и слѣдуетъ рекомендовать (со „Старымъ порядкомъ и революціей» Токвиля и I т. «Происхожденія современной Франціи» Тэна) желающимъ подробнѣе и глубже войти въ изученіе стараго порядка. Политическіе нравы и традиціи абсолютной монархіи освѣщены у Сореля превосходно.

Koser. Die Epochen der absoluten Monarchie in der neueren Geschichte (статья въ „Historische Zeitschrift" Зибеля за 1889 г., томъ 61).

Небольшая (стр. 246—287) статья Рейнгольда Козера очень содержательна. Отклоняясь отъ дѣленія исторіи абсолютизма у Рошера на періоды абсолютизма вѣроисповѣднаго, придворнаго и просвѣщеннаго, авторъ въ основу своего дѣленія кладетъ не направленіе политики, которое имѣлъ въ виду Рошеръ, а устройство государства, различая періоды фактическаго абсолютизма съ сохраненіемъ сословно-представительныхъ учрежденій и абсолютизма, возведеннаго въ принципъ, но и въ послѣднемъ авторъ выдѣляетъ абсолютизмъ просвѣщенный, который признавалъ за собою не только права, но и обязанности, строя притомъ монархическую власть на идеѣ естественнаго права.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Спб. 1902.

Популярный очеркъ проф. Ардашева ограничиваетъ разсмотрѣніе западно-европейскаго абсолютизма тремя романскими странами — Италіей, Испаніей и Франціей, исторія которыхъ доводится лишь до начала XVIII в. (до конца царствованія послѣдняго Габсбурга въ Испаніи и Людовика XIV во Франціи). Выборъ романскихъ странъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что здѣсь особенно были живучи римскія традиціи государственной власти. Въ частности, въ Италіи абсолютизмъ «впервые зародился», въ Испаніи онъ «взросъ», во Франціи «окончательно возмужалъ». «Всѣ оригинальные типы западно-европейскаго абсолютизма, говоритъ авторъ, нашли себѣ воплощеніе въ романскомъ мірѣ, и «только въ романскомъ», ибо «только здѣсь абсолютизмъ

былъ туземнымъ растеніемъ, продуктомъ мѣстной почвы и атмосферы», германскій же абсолютизмъ былъ заимствованнымъ и подражательнымъ. Книга распадается на общее введеніе, посвященное происхожденію абсолютизма, и на три главы — объ итальянскомъ принципатѣ, объ испанско-габсбургскомъ абсолютизмѣ и объ абсолютной монархіи во Франціи. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма изъ очерка проф. Ардашева сознательно исключена въ виду того, что въ коллекціи, въ которой его книга появилась [1]), этой эпохѣ должна быть посвящена особая книга. Прибавлю, что въ спеціальномъ трудѣ проф. Ардашева «Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка» (Спб. 1900), на который сдѣланы кое-гдѣ ссылки въ настоящей книгѣ, есть прекрасная глава объ исторической литературѣ по старому порядку во Франціи.

М. А. Рейснеръ. Общественное благо и абсолютное государство. Спб. 1902.

Эта небольшая (124 стр.) работа, появившаяся сначала въ «Вѣстникѣ Права» (ноябрь—декабрь 1902 г.), впослѣдствіи переведенная на нѣмецкій языкъ (Gemeinwohl und Absolutismus. Berlin. 1904), посвящена разсмотрѣнію политической теоріи абсолютизма. Идея общаго блага, какъ цѣли государства и руководящаго начала въ дѣятельности верховной власти, принимается авторомъ за основной признакъ, отдѣляющій рѣзкою гранью новое европейское государство отъ средневѣковаго феодальнаго (патримоніальнаго) строя, причемъ авторомъ имѣется въ виду не только западно-европейскій абсолютизмъ, оправдывавшій свое существованіе идеей общаго блага, но и русское самодержавіе (ссылки на Крижанича, Петра Великаго, Ѳеофана Прокоповича, Екатерину II, Горюшкина, Карамзина и т. п., на политическія сочиненія, на манифесты государей и т. п.). По словамъ г. Рейснера, эта «доктрина оказалась незамѣнимой формулой для общаго обоснованія той формы государственнаго устройства, которая получила наименованіе европейской самодержавной монархіи и сосредоточила въ рукахъ суверена всѣ функціи государственной власти безраздѣльно»: именно теорія общаго блага «послужила юридической основой для развитія въ высшей степени проникнутой личнымъ началомъ правительственной системы» (стр. 15—16). Авторъ указываетъ, однако, и на то, что это «новое» начало въ теоріи абсолютизма соединилось съ «старымъ прин-

---

[1]) Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время, изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Изд. акціонернаго общества „Брокгаузъ-Ефронъ“.

ципомъ божественнаго призванія». Сущность всѣхъ взглядовъ автора резюмируется имъ самимъ въ положеніяхъ (стр. 123), которыя приводимъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями. 1) «Новое государство абсолютнаго типа представляетъ собою союзъ государя и подданнаго, во имя общаго блага, причемъ именно ради достиженія этой цѣли, съ одной стороны, государю присвояется неограниченная власть повелѣнія, а съ другой—на подданнаго возлагается такая же безусловная обязанность подчиненія». Въ этомъ г. Рейснеръ видитъ «твердую юридическую основу» самодержавія, имѣющую «публично-правовой характеръ», въ отличіе отъ патримоніальнаго государства, лишеннаго такой публично-правовой основы. 2) «Новое самодержавіе получаетъ характеръ культурнаго и просвѣщеннаго образа правленія», «принимая въ свою основу своеобразную естественно-правовую конституцію, провозглашая личность субъектомъ публичнаго права» и т. д. 3) «Новое самодержавіе развиваетъ принципы такъ называемаго полицейскаго государства» и т. д. (слѣдуетъ общая характеристика такого государства).

Впослѣдствіи (1905) авторъ перепечаталъ эту работу въ сборникѣ своихъ статей подъ заглавіемъ «Государство и вѣрующая личность» (стр. 278—389).

Joseph Hitier. La doctrine de l'absolutisme. Étude d'histoire du droit public. Paris. 1903.

О содержаніи этой книги (въ 222 стр.) можно судить по слѣдующему мѣсту изъ введенія: «какъ абсолютный государь, Людовикъ XIV былъ таковымъ вполнѣ сознательно (d'une manière consciente), по принципу, съ совершеннымъ хотѣніемъ и разумѣніемъ; онъ осуществилъ въ своей правительственной практикѣ то, что въ его глазахъ было идеаломъ монарха; его царствованіе было примѣненіемъ на дѣлѣ того взгляда, какой онъ себѣ составилъ о королевской власти съ обязанностями, какія налагаетъ эта власть, а также и съ правами, которыя она сообщаетъ. Этотъ-то взглядъ и будетъ предметомъ настоящаго изслѣдованія» (стр. 6). По автору, двумя идеями, къ которымъ сводится основная концепція абсолютизма, являются принципы поглощенія государства въ личности государя и неограниченности власти такого государя. Главнымъ аргументомъ доктрины абсолютизма онъ считаетъ тотъ, который извлекается изъ происхожденія королевской власти по ученію о божественномъ правѣ, исторически излагаемомъ въ книгѣ. Второстепенными аргументами для Гитье являются ссылки на общій интересъ, на недѣлимость суверенитета и на принципъ давности (перенесеніе въ область публичнаго права понятій частно-правовыхъ). Особая

глава посвящена любопытному различенію, которое любили дѣлать въ XVII в. между абсолютною и произвольною властью, полагая, что у короля есть обязанности по отношенію къ народу (причемъ признавалось совпаденіе ихъ интересовъ) и, кромѣ того, существуетъ отвѣтственность передъ Богомъ. Въ сущности, однако, теорія государственнаго интереса (raison d'état) освобождала короля отъ этихъ двухъ призрачныхъ ограниченій: во имя государственной необходимости отрицались права націи и права индивидуумовъ. Поэтому абсолютизмъ обыкновенно считалъ себя выше какихъ бы то ни было основныхъ законовъ, равно какъ выше индивидуальной свободы, свободы совѣсти, права собственности. Замѣтимъ еще, что,—какъ совершенно вѣрно говоритъ авторъ,—абсолютизмъ «не господствовалъ надъ Франціей вслѣдствіе одного только обладанія силою (par le seul empire de la force), но царствовалъ надъ умами, даже наиболѣе возвышенными, съ нравственнымъ авторитетомъ принципа».

Г. Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Пер. подъ ред. Авалова.

Эта книга, переводъ которой появился лишь недавно, а подлинникъ вышелъ въ свѣтъ въ 1892 г., состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая носитъ названіе «Абсолютизмъ и парламентизмъ». Въ сущности, это—политическая исторія Франціи и Англіи въ новое время, именно до середины XVIII в. Мотивомъ, заставившимъ автора написать указываемый трудъ, было то, что «исторія политическихъ идей излагалась до сихъ поръ слишкомъ ужъ въ видѣ какой-то цѣпи идей, развертывающихся съ извѣстной послѣдовательностью въ умахъ самихъ писателей», внѣ отношенія ихъ къ современной имъ исторической дѣйствительности [1]). Кохъ, наоборотъ, поставилъ своею задачею «развернуть, — какъ онъ выражается, — картину обоюднаго оплодотворенія и взаимодѣйствія», съ одной стороны, отвлеченныхъ политическихъ идей, съ другой — жизненной практики государственнаго устройства и управленія. Къ темѣ настоящей книги имѣютъ ближайшее отношеніе главы: 1) «Теорія абсолютизма во Франціи» и 2) «Образъ правленія Людовика XIV». Остальныя касаются или исторіи борьбы за политическую свободу въ Англіи, или той оппозиціи, какую уже съ царствованія Людовика XIV абсолютизмъ вызывалъ во Франціи. (Коху принадлежитъ еще работа подъ заглавіемъ «Das unumschränkte Königthum Ludwigs XIV» 1885).

---

[1]) Этотъ же упрекъ справедливо дѣлали капитальному труду Чичерина „Исторія политическихъ ученій".

К. Фроме. Монархія или республика. Культурно-историческіе очерки. Переводъ съ нѣм. (1907).

Авторъ заявляетъ самъ, что намѣреніемъ его не было написать исторію монархіи, такъ какъ цѣлью его было «только высказаться по поводу роли монархическаго принципа въ исторіи, изобразить въ главныхъ чертахъ его сущность, развитіе и историческое значеніе». На дѣлѣ, его книга—собраніе большого количества данныхъ изъ исторіи какъ практики, такъ и теоріи монархизма въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, отъ доисторической эпохи до нашихъ дней, причемъ нерѣдко авторомъ дается довольно-таки сырой матеріалъ въ формѣ выдержекъ изъ разныхъ сочиненій вплоть до газетныхъ статей. Вмѣстѣ съ этимъ нужно прибавить, что книга имѣетъ, скорѣе публицистическій, нежели научно историческій характеръ, если къ ней подойти съ точки зрѣнія, формулированной въ изреченіи: „scribitur historia ad narrandum, non ad probandum". Исторіи западно-европейскаго абсолютизма Фроме отводитъ довольно много мѣста, но въ ней немало существенныхъ пробѣловъ. Главный недостатокъ тотъ, что не показана соціальная сторона абсолютизма, а въ изложеніи его идеологіи не обращено должнаго вниманія на идеи естественнаго права и общаго блага, которыми оправдывалось существованіе абсолютизма, особенно такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма».

Е. В. Тарле. Паденіе абсолютизма въ Западной Европѣ. (безъ даты). Часть первая.

Книга написана съ точки зрѣнія теоріи, по которой «психическая и физическая сила общественныхъ массъ и управляется, и направляется царящими въ каждый данный моментъ условіями производства и распредѣленія экономическихъ благъ». Предметъ ея—«абсолютизмъ, какъ опредѣленный соціологическій феноменъ», притомъ не въ одной какой-либо странѣ, а вообще въ Западной Европѣ и съ русскими параллелями. Авторъ ставитъ вопросъ, «почему абсолютизмъ погибалъ именно революціоннымъ путемъ, чаще нежели всякая иная форма правленія», или «почему именно революціонная обстановка гибели является для него типичною». Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ той мысли, что абсолютизмъ не только въ себѣ самомъ носитъ зародышъ своей гибели, но что онъ и не способенъ помочь себѣ, не отказываясь отъ своей сущности. «Ему всегда бывало труднѣе, нежели всякой иной формѣ правленія, выполнить выпавшую на его долю задачу, такъ какъ для него она выражалась въ томъ, чтобы добровольно отказаться отъ собственнаго существованія». Г. Тарле въ этой, пока только вышедшей части разсматриваетъ абсолютизмъ не только въ отношеніи къ причинамъ

революціи, которая рано или поздно кладетъ ему конецъ, но и въ отношеніи къ классовой борьбѣ, совершающейся въ обществѣ, такъ или иначе опредѣляющей судьбы абсолютизма. Въ частности авторъ останавливается еще на тѣхъ средствахъ, къ которымъ абсолютизмъ обыкновенно обращается ради самозащиты.

II. Дополненія и исправленія.

Къ стр. 64 — 66. Въ очень спеціальной диссертаціи проф. *А. Н. Савина* «Англійская секуляризація» (1906) есть интересныя страницы (413 и слѣд.) объ абсолютистическихъ чертахъ въ судебно-финансовыхъ реформахъ Генриха VIII, образцомъ для которыхъ послужили порядки въ герцогствѣ Ланкастерскомъ, составлявшемъ какъ бы родовую собственность короля: благодаря особому положенію герцогства въ его управленіи «были черты, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли быть использованы сторонниками сильной власти и даже королевской диктатуры». Между прочимъ, авторъ проводитъ и вообще ту мысль, что выгоды секуляризаціи монастырской собственности достались, главнымъ образомъ, не вліятельнымъ общественнымъ классамъ, а «служилымъ людямъ и по преимуществу руководителямъ *центральнаго* государственнаго механизма» (стр. 558).

Къ стр. 90—91. Уже по отпечатаніи этого мѣста мнѣ сдѣлалась извѣстною вышедшая въ свѣтъ въ 1907 г. книга „Les lois fondamentales de la Monarchie Française d'après les théoriciens de l'ancien régime par *André Lemaire*». Предметъ ея—изслѣдованіе вопроса о томъ, какъ въ разное время (съ IX в.) юристы и публицисты понимали основные законы французской монархіи, въ смыслѣ ея государственнаго устройства, причемъ авторъ отнюдь не отожествляетъ понятіе «основныхъ законовъ» непремѣнно съ представленіями объ ограниченіяхъ, налагаемыхъ на королевскую власть, и о гарантіяхъ, ограждающихъ права подданныхъ. Изучаемыя на этотъ счетъ идеи Лемеръ подводитъ подъ три категоріи: традиціоналистическую, демократическую и автократическую, смотря по тому, понимались ли основные законы въ смыслѣ обычнаго права, одинаково обязательнаго и для народовъ, и для королей, или въ смыслѣ законовъ, изданныхъ либо націей, либо самими королями. Для старой монархіи во Франціи авторъ признаётъ правильнымъ лишь первый взглядъ (стр. 271 и слѣд.). Въ частности, автократическое толкованіе онъ называетъ отрицаніемъ основныхъ законовъ

Франціи, ея государственнаго устройства, какимъ, по крайней мѣрѣ, оно было до Ришельё [1]). Онъ старается дать общую формулировку основныхъ законовъ традиціонной монархіи, которые, однако, «по самой природѣ своей, не могли отличаться точностью законодательнаго текста» (стр. 321). Въ общемъ, это была «абсолютная монархія, умѣряемая традиціей и религіей» (стр. 327), но въ два послѣдніе вѣка она порвала съ прежними традиціями, вслѣдствіе чего монархію Людовиковъ XIV и XV Лемеръ предпочелъ бы называть не абсолютною, а автократическою, т.-е. самодержавною (стр. 329). Королевская власть сдѣлалась деспотическою, «языческимъ абсолютизмомъ версальскихъ цезарей», какъ выражается еще авторъ.

Къ стр. 153. Въ строкѣ 153 сверху слѣдуетъ *Гистаспа*, вм. *Гистаста*.

Къ стр. 157. Въ строкѣ 17 сверху слѣдуетъ *brigues*, вмѣсто *briques*.

Къ стр. 294. Въ строкѣ 11 сверху долженъ быть 1682, а не 1685 годъ.

Къ стр. 296. Въ строкѣ 24 сверху нужно *глава ея*, а не *глава его*.

Къ стр. 305. Въ строкѣ 11 сверху вмѣсто: «очень бы хотѣлъ», слѣдуетъ: «очень бы не хотѣлъ», а въ строкѣ 23 сверху *диссидентовъ*, вм. *дисендентовъ*.

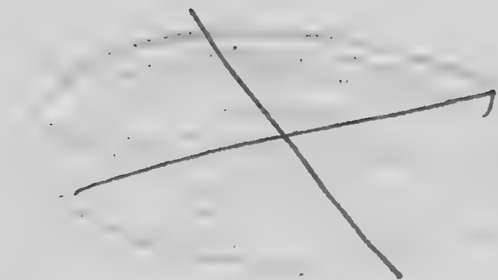
Къ стр. 361—363. На какую точку зрѣнія становились иногда защитники сословныхъ привилегій дворянства, можно видѣть изъ изложенія взглядовъ прусскаго юнкера фонъ-Штильфрида, о которыхъ вспомнили недавно нѣмецкія газеты по поводу теперешнихъ притязаній аграріевъ и по случаю исполнившагося столѣтія со времени выхода въ свѣтъ апологіи фонъ-Штильфрида, полемизировавшаго съ бюргерскими учеными, которые доказывали необходимость равноправія. Единственно чистое и настоящее сословіе, проповѣдовалъ онъ, это—дворянство. Дворянинъ есть избранникъ изъ массы и по своему происхожденію возвышается надъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Его отличаетъ самая физическая организація. Крестьянскій мальчикъ и молодой дворянинъ внѣшностью, правда, похожи другъ на друга, но *химическое* изслѣдованіе показало бы огромную разницу.

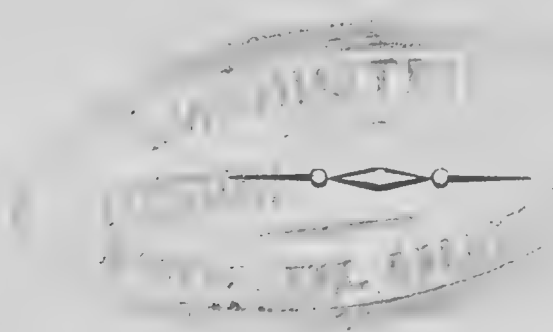
[1]) Это была и идея *Авенеля* въ его книгѣ „Richelieu et la monarchie absolue“ (о чемъ см. въ II т. „Исторіи Западной Европы“, стр. 401—402 во 2 и слѣд. изд.). Впрочемъ, Лемеръ находитъ, что Авенель слишкомъ рѣзко противопоставилъ понятія традиціонной и абсолютной монархіи.

Мужикъ, это — просто масса картофеля и земли, получившая способность передвиженія и пищеваренія. Иное дѣло—дворянинъ. Органы дворянскаго ребенка создаются изъ тѣхъ отборныхъ блюдъ, которыми питается его мать. Своими привилегіями дворянство такимъ образомъ обязано самой природѣ, и горе тому государству, которое пожелаетъ покончить съ этими естественными преимуществами благороднаго сословія!..

Къ стр. 361—363. Въ «Старомъ порядкѣ и революціи» Токвиля есть глава «о томъ, что французы стремились къ реформамъ раньше, чѣмъ стали желать вольностей», дающая яркую характеристику политическихъ идей физіократовъ. Они требовали не уничтоженія абсолютной власти, а обращенія ея на путь истины. „Я, говоритъ Токвиль, не впаду въ преувеличеніе, утверждая, что нѣтъ ни одного экономиста, который бы гдѣ-нибудь въ своихъ сочиненіяхъ не расточалъ восторженныхъ похвалъ Китаю“, благо—о Китаѣ мало знали и потому можно было разсказывать объ этой странѣ всякій вздоръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2.50

